

АЛЕКСАНДР
ДИОМА

БАСТАРД
де МОЛЕОН

Александр Дюма Бастард де Молеон

OCR Pirat; SpellCheck Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128537

Бастард де Молеон: АСТ, Ермак; Москва; 2003

ISBN 5-17-018745-9, 5-9577-0164-5

Оригинал: AlexanderDumas, "Le Batard de Mauleon"

Перевод:

Л. Н. Токарев

Аннотация

Жесточайшая и кровавая борьба за корону Кастилии между братьями доном Педро и доном Энрике в конце XIV века, в которую вмешивается Франция, а также драматическая любовь французского рыцаря де Молеона к мавританской принцессе Аиссе составляет основную сюжетную линию романа «Бастард де Молеон».

Содержание

Часть первая	9
I. Каким образом мессир Жан Фруассар[1] услышал историю, которую мы намереваемся поведать	9
II. О том, как между Пиньелом и Коимброй Бастард де Молеон повстречался с мавром, у которого спросил дорогу, а тот проехал мимо, не дав ответа	41
III. О том, как рыцарь Аженор де Молеон безпомощи мавра нашел Коимбру и дворец дона Фадрике, великого магистра ордена Святого Иакова	61
IV. Как Мюзарон обнаружил, что мавр разговаривает с носилками, а те ему отвечают	87
V. Переправа	119
VI. О том, как Мотриль прибыл ко двору короля Кастилии дона Педро раньше великого магистра	136
VII. Как мавр рассказал королю дону Педро о том, что произошло	155
VIII. Как великий магистр въехал в Алькасар Севильи, где его ждал король дон Педро	168
IX. Как к Бастарду де Молеону попала	181

записка, за которой он приехал	
X. Каким образом Бастард де Молеон проник в замок Медина-Сидония	190
XI. Глава, в которой Бланка Бурбонская поручила Бастарду де Молеону передать кольцо своей сестре, королеве Франции	204
XII. Как Бастард де Молеон ехал во Францию и что случилось с ним в дороге	217
XIII. Каким образом арагонский рыцарь выкупил себя за десять тысяч золотых экую	237
XIV. Каким образом Бастард де Молеон вручил королю Карлу V перстень его свояченицы, королевы Бланки Кастильской	251
XV. Как Молеон вернулся к капитану Гуго де Каверлэ и о том, что за этим последовало	278
XVI. Как командиры наемных отрядов обещали мессиру Бертрану Дюгеклену пойти за ним на край света, если он пожелает их вести	292
XVII. Как Аженор нашел ту, которую искал, а граф Энрике – того, кого не искал	307
XVIII. Ищейка	319
XIX. Любовь	330
Часть вторая	340
I. Глава, где мы убеждаемся, что мессир Дюгеклен – славный полководец, но и не	340

менее славный знаток счета	
II. Глава, где появляется папа, который расплачивается за то, что отлучил наемников от церкви	351
III. Каким образом монсеньер легат[129] приехал в лагерь и как его там приняли	366
IV. Как его святейшество папа Урбан V в конце концов решился оплатить крестовый поход и благословить крестоносцев	378
V. Каким образом мессир Гуго де Каверлэ чуть было не получил триста тысяч золотых экю	392
VI. Глава, где мы находим продолжение и объяснение предыдущей	404
VII. Вепрь, попавший в западню	422
VIII. Политика мессира Бертрана Дюгеклена	431
IX. Гонец	441
X. Коронование	454
XI. Как дон Педро тоже обратил внимание на носилки и обо всем, что за этим последовало	475
XII. Как Мотриль был назначен вождем маврских племен и министром короля дона Педро	487
XIII. О чем беседовали Аженор и Мюзарон, проезжая в горах Арасены	498
XIV. Каким образом Мюзарон отыскал	508

пещеру и что он в ней нашел	
XV. Цыгане	516
XVI. Королева цыган	526
XVII. Как Аженор и незнакомка ехали вместе и о чем они беседовали в дороге	535
XVIII. Паж	543
XIX. Ветка апельсинного дерева	552
XX. Аудиенция	561
XXI. Свидания	573
XXII. Встреча	588
XXIII. Приготовления к битве	597
XXIV. Битва	608
XXV. После битвы	619
XXVI. Союз	632
XXVII. Передышка	645
XXVIII. Путь на родину	653
XXIX. Госпожа Тифания Рагенэль	660
XXX. Курьер	666
XXXI. Два письма	672
XXXII. Возвращение	679
Часть третья	684
I. Риансерес	684
II. Жильдаз	692
III. О том, какое поручение было дано Хафизу, и о том, как он его исполнил	698
IV. Почему заблудились попутчицы Хафиза	710

V. Патио[181] летнего дворца	718
VI. Объяснение	727
VII. Перстень Марии и кинжал Аиссы	738
VIII. Тюрьма славного коннетабля	752
IX. Выкуп	763
X. Каким образом управляющий замка, вместо того чтобы отпустить одного пленника, освободил целую армию	768
XI. Политика Мюзарона	779
XII. Каким образом злодеяние Мотриля овернулось счастливой удачей	783
XIII. Каким образом Аженор узнал о том, что приехал слишком поздно	795
XIV. Паломники	803
XV. Монтельская пещера	821
XVI. Каким образом Аженор потерял меч, а Каверлэ – кошелек	833
XVII. Хафиз	844
XVIII. Военные приготовления	849
XIX. Аисса	862
XX. Сражение при Монтеле	869
XXI. Аисса	883
XXII. Хитрость побежденного	892
XXIII. Побег	903
XXIV. Затруднение	908
XXV. Дипломатия любви	916

XXVI. О том, что происходило в палатке Виллана Заики	923
XXVII. Решение Мавра	929
XXVIII. Голова и рука	938
Эпилог	946

Александр Дюма Бастард де Молеон

Часть первая

I. Каким образом мессир Жан Фруассар¹ услышал историю, которую мы намереваемся поведать

Путешественник, проезжающий сегодня ту часть Бигора,² что лежит между истоками рек Жер и Адур, а ныне зовется

---

¹ Фруассар, Жан (около 1337 – после 1404) – французский хронист и поэт, именуемый в историографии средних веков «певцом рыцарства»; с 1381 г. каноник аббатства в г. Шиме. В 1388 г. жил при дворе графа де Фуа, Гастона III Феба, которому посвятил свой рыцарский роман в стихах «Мелиадор». Его знаменитая четырехтомная «Хроника Франции, Англии, Шотландии и Испании», охватывающая период с 1325 по 1400 г., – бесценный источник сведений о жизни феодального общества. Дюма широко использовал «Хронику» Фруассара в романах «Изабелла Баварская», «Графиня Солсбери», «Бастард де Молеон» и в других произведениях.

² Бигор – область в Юго-Западной Франции на границе с Испанией; в XIII–XIV вв. принадлежала попеременно герцогам Аквитанским англичанам, Наварре; с воцарением на французском престоле Генриха IV, который был королем Наварры, в конце XVI в. присоединена к Французскому королевству.

департаментом Верхние Пиренеи, может выбирать из двух дорог, ведущих из Турне в Тарб. Одна, совсем недавно проложенная по равнине, через два часа приведет его в бывшую столицу графства Бигор; другая, идущая вдоль гор, представляет собой путь древних римлян и длиннее на девять льё. Но за объезд и излишнюю усталость путника вознаграждает красота местности, по которой ему придется ехать: великолепный вид на Баньер,³ Монгайар и Лурд,⁴ а на горизонте – широкая синяя стена Пиренеев, посреди которых высится грациозный Пик-дю-Миди, увенчанный снегом. Именно эту дорогу предпочитают художники, поэты и любители древности. Поэтому на нее мы и попросим читателя обратить вместе с нами свой взор.

В первые дни марта 1388 года, в начале царствования короля Карла VI,⁵ когда островерхие башни замков, чьи руины теперь поросли травой, взмывались над кронами самых высоких дубов и надменных сосен, когда мужи в железных доспехах и с каменными сердцами, носившие имена Оливье

---

³ Баньер точнее: Баньер-де-Люшон) – французский городок на границе с Испанией.

⁴ Лурд – небольшой город на юго-западе Франции.

⁵ Карл VI (Блаженный или Безумный; 1368–1422) – король Франции с 1380 г. Клисон, Оливье де (1336–1407) – коннетабль (главнокомандующий) Франции; сын Оливье III де Клисона, который был обезглавлен в 1343 г. по приказу французского короля Филиппа VI; во время Столетней войны между Францией и Англией (1337–1453) сначала поддерживал англичан; в 1370 г. перешел на сторону Франции и через десять лет стал преемником Бертрама Дюеклена на посту коннетабля.

де Клисон, Бертран Дюгеклен,⁶ Сеньор де Бюш,⁷ что начали слагать великую Илиаду,⁸ завершить которую предстояло

---

⁶ Дюгеклен, Бертран (1320–1380) – французский полководец, коннетабль Франции. Происходил не из слишком высокородного рыцарского семейства в Бретани. В 1356 – 57 гг. стойко оборонял г. Ренн на северо-западе Франции от натиска англичан под командованием герцога Ланкастерского. В 1364 г. разбил наваррцев в битве при Кошереле и стал наместником короля Франции в Нормандии. В битве при Оре в Бретани (1364 г.) попал в плен, но был выкуплен королем французским Карлом V, который поручил Дюгеклену увести отряды наемников, разорявших Францию, в Испанию, где шла война за корону Кастилии между королем Педро Жестоким и графом Энрике де Трастамаре. В 1367 г. Дюгеклен потерпел поражение от испанцев и англичан в битве при Наваррете в Северной Испании, снова попал в плен и опять был выкуплен. В 1369 г. в сражении при Монтеле разбил Педро Жестокую и посадил на кастильский трон графа Энрике де Трастамаре, ставшего королем Генрихом II Трастамаре. Когда в 1370 г. Дюгеклен вернулся во Францию, Карл V назначил его коннетаблем. В качестве главнокомандующего французскими войсками Дюгеклен провел несколько успешных кампаний против англичан; он умер при осаде города Шатонёф-де-Рандон в Южной Франции и погребен в усыпальнице королей Франции в Сен-Дени, рядом с Карлом V Мудрым. Благодаря легендарным воинским подвигам во имя Франции Бертран Дюгеклен стал национальным героем; при Карле VI воспринимался как идеал благородного и безупречно честного рыцаря.

⁷ Сеньор де Бюш (прозвище Жана Ш де Грейи; 1331–1376) – гасконский воин, сторонник англичан; был разбит Дюгекленом в битве при Кошереле, взят в плен, но отпущен на свободу Карлом V. Однако он остался верен англичанам; король Англии Эдуард III назначил его коннетаблем Аквитании, герцогства на юго-западе Франции, в XII–XV вв. принадлежавшего английской короне. В 1372 г. Сеньор де Бюш снова оказался в руках французов и кончил свои дни в парижской тюрьме.

⁸ Здесь название поэмы Гомера «Илиада» употребляется для обозначения эпического повествования о героических подвигах народа, защищающего от врагов свою родину.

пастушке,⁹ уже обрели покой в своих легендарных могилах, по этой узкой, разбитой дороге, единственной, связывающей тогда главные города юга, ехали два всадника.

За ними, тоже верхом, следовали двое слуг.

Господа были примерно одного возраста, лет пятидесяти пяти-пятидесяти восьми. Но сходство на этом заканчивалось, ибо отличие в одежде указывало, что занимаются они совсем разными делами.

Один из них – вероятно, по привычке он ехал на полкорпуса лошади впереди – был в бархатном, некогда ярко-малиновом жилете, который с тех пор, как хозяин впервые его надел, множество раз побывал под солнцем и дождем, потеряв не только свой глянец, но и цвет. Сильные руки были обтянуты рукавами из буйволово́й кожи, принадлежащими куртке, которая в прошлом была желтой, но, подобно жилету, утратила первоначальный цвет, правда, не столько в общении со стихиями, сколько от трения о доспехи, коим, по видимому, служила подкладкой. Вероятно, по причине жары шлем, вроде тех, что тоща называли «миска́ми», был привязан к левой луке седла, и это позволяло видеть непокрытую голову всадника, облысевшую на макушке, но на висках и затылке окаймленную длинными седыми волосами, которые

---

⁹ Имеется в виду национальная героиня Франции Жанна д'Арк (около 1412–1431), в 1429–1430 гг. возглавившая народное движение против английских завоевателей. Однако освобождение Франции завершилось в сер. XV в., уже после гибели Жанны д'Арк. Дюма называет ее пастушкой, потому что Жанна девочкой пасла отцовское стадо в деревне Домреми.

гармонировали со слегка тронутыми проседью усами (так всегда бывает у мужчин, на чью долю выпали в жизни большие невзгоды) и ровно подстриженной серебристой бородой, прикрывавшей латный воротник¹⁰ – единственную часть защитных доспехов, не снятую всадником. Вооружение его составляли длинная шпага, висевшая на широком кожаном поясе, и боевой с треугольным лезвием топорик, которым можно было и рубить и колоть. Это оружие было привязано к правой луке седла, как бы образуя противовес шлему.

У другого господина, того, что чуть отставал, ни в осанке, ни в одежде ничего воинственного не было. Одет он был в длинную черную сутану, на поясе которой вместо меча или кинжала висела чернильница из шагреновой кожи,¹¹ какие тогда носили с собой школяры и студенты; у него были живые, умные глаза, густые брови, массивный нос, несколько толстоватые губы, редкие, короткие волосы; ни усов, ни бороды он не носил; на голове был глубокий, закрывающий уши берет, в каких ходили тогда судьи, церковнослужители и прочие важные персоны. Из карманов торчали пергаментные¹² свитки, исписанные мелким, убористым почерком, ко-

---

¹⁰ Латный воротник – часть защитного вооружения, прикрывавшая шею и горло воина.

¹¹ Шагреновая кожа (шагрень) – мягкая шероховатая кожа с особым рисунком. Тонзура – остриженное или выбритое место на голове у католических духовных лиц; знак отречения от мирских интересов.

¹² Пергамент – в древности и в средние века особым образом обработанная кожа, основной материал для письма до изобретения бумаги.

торый обычно характерен для тех, кто много пишет. Лошадь, казалось, повторяла мирный нрав седока; ее скромный вид, умеренная иноходь, склоненная к земле голова резко контрастировали с четким шагом, раздутыми ноздрями и капризным ржанием боевого коня, который словно гордился тем, что гарцует впереди.

Ехавшие позади слуги были, подобно своим господам, полной противоположностью друг другу. Один, в костюме из зеленого сукна, походил на английского лучника, тем более что за спиной у него болтался лук, а на правом боку – колчан; слева висел, как бы приклеившись к бедру, кинжал с широким лезвием – нечто среднее между ножом и ужасным оружием, называвшимся тогда «бычьим языком».

Позади него при каждом чуть резком шаге лошади побрякивали доспехи, которые хозяин временно снял, так как дорога была безопасной.

Другой слуга, как и его господин, был в черном и, видимо, принадлежал к низшим чинам духовенства, о чем свидетельствовали особым образом подстриженные волосы и тонзура на макушке, которую можно было заметить, когда он приподнимал свою черную суконную скуфейку. Это предположение подтверждал и зажатый под мышкой требник;¹³ довольно изящной работы серебряные уголки и застёжки книги сохраняли свой блеск, хотя переплет был потрепан.

---

¹³ Требник – богослужбная книга, сборник описаний священнодействий и молитв.

Так и ехали все четверо – господа пребывая в задумчивости, слуги болтая – до тех пор, пока не оказались на развилке, откуда дорога расходилась на три стороны, и рыцарь не остановил коня, сделав знак спутнику поступить так же.

– Ну вот, метр¹⁴ Жан, – сказал он, – посмотрите хорошенько вокруг и скажите, как вам тут нравится.

Тот, кому адресовалось это предложение, огляделся и, поскольку кругом не было ни души и заброшенность этого места наводила на мысль о засаде, воскликнул:

– Право слово, господин Эспэн, место странное! И смею вас заверить, я не остановился бы здесь даже на то время, что требуется, чтобы трижды прочесть «Pater»,¹⁵ и трижды «Ave»¹⁶ не будь я в обществе столь прославленного рыцаря.

– Благодарю за комплимент, в котором узнаю всегдашнюю вашу учтивость, господин Жан, – ответил рыцарь. – А не забыли ли вы, что три дня назад, при выезде из города Памье, спрашивали меня о знаменитой схватке Монаха де Сен-Базиля с Эрнотоном-Биссетом в Ларрском проходе?

– Нет, конечно, не забыл, – ответил церковнослужитель. –

---

¹⁴ Метр (мэтр) – учитель, наставник; во Франции почтительное обращение к деятелям искусства, адвокатам и вообще выдающимся лицам; употребляется также в смысле «господин», «хозяин»; в данном случае это обращение имеет иронический характер.

¹⁵ «Pater» (точнее, «Pater noster») – «Отче наш»; христианская молитва, составленная, по преданию, Иисусом Христом.

¹⁶ «Ave» (точнее: «Ave, Maria») – «Богородице, дево, радуйся»; христианская молитва, восхваляющая Богородицу.

Я просил вас предупредить меня, когда мы окажемся в Ларрском проходе, ибо хотел видеть знаменитое место, где погибло столько храбрецов.

– Так вот, мессир, оно перед вами.

– Я полагал, что Ларрский проход в Бигоре.

– Он и есть в Бигоре, мессир, и мы с вами находимся в Бигоре с той минуты, как перешли вброд речушку Лез. Вот уже четверть часа, как мы оставили слева от нас дорогу на Лурд и замок Монгайар; вон там, перед нами, деревушка Сивита, лес сеньора де Барбезана, а за деревьями виден замок де Маршера.

– Вот те на, мессир Эспэн! – удивился метр Жан. – Вы ведь знаете о моем интересе к славным воинским подвигам, которые я записываю по мере того, как сам их вижу или слышу рассказы о них, чтобы память о них не была утрачена, и посему расскажите мне подробно, что же здесь произошло.

– Это сделать нетрудно, – ответил рыцарь. – Лет тридцать тому назад, в тысяча триста пятьдесят восьмом – пятьдесят девятом году, во всех здешних гарнизонах, кроме Лурда, стояли французы. Чтобы прокормить город, лурдские солдаты часто совершали грабежи в окрестностях, хватая все, что попадется под руку, и увозя за крепостные стены, так что, едва в полях разносился слух о набеге, из всех соседних гарнизонов высылались отряды для охоты за ними, а когда противники сходились, разыгрывались жестокие схватки, во время которых совершались столь же блистательные подвиги.

ги, как и в настоящих сражениях.

Однажды Монах де Сен-Базиль – так его прозвали потому, что он имел обыкновение переодеваться монахом, чтобы лучше строить свои козни, – вышел из Лурда вместе с сеньором де Карнийяком и примерно ста двадцатью копейщиками: в цитадели не хватало съестного, и было решено выступить в большой поход. Ехали они долго, пока на лугу, примерно в одном льё от Тулузы, не нашли стадо быков, которое было ими захвачено; потом кратчайшей дорогой они отправились домой, но вместо того, чтобы осторожно следовать своим путем, лурдцы сворачивали вправо и влево, прихватывая то гурт овец, то стадо свиней, что позволило слухам об этой вылазке распространиться в округе.

Первым, кто услышал их, был капитан¹⁷ из Тарба по имени Эрнотон де Сент-Коломб. Он тотчас покинул свой замок, оставив его на племянника (многие считали, что тот приходится капитану внебрачным сыном, – юношу лет пятнадцати-шестнадцати, который еще не бывал ни в одном бою, ни в одной стычке), и помчался предупредить о налетах лурдцев сеньора де Беррака, сеньора де Барбезана и тех оруженосцев Бигора, кого мог встретить в пути; в тот же вечер он оказался во главе отряда, почти равного по силе отряду Монаха де Сен-Базилия, и ему поручили им командовать.

---

¹⁷ Капитан (от лат. capitaneus – начальник) – в данном случае командир, руководитель отряда. В средние века во Франции капитанами назывались командующие военными силами какой-либо территории. Появление воинского звания капитана – командира роты – относится к концу XVI в.

Он сразу разослал по всей округе своих лазутчиков, чтобы выведать дорогу, по которой намеревались следовать солдаты из лурдского гарнизона, и, узнав, что отряд должен пройти через Ларрский проход, решил ждать его тут. Поскольку он прекрасно знал здешние места, а лошади его совсем не устали, тогда как кони его врагов, напротив, находились в пути уже четыре дня, он успел занять эту позицию; мародеры остановились в трех льё от того места, где их поджидал де Сент-Коломб.

Как вы изволили заметить, место это годится для засады. Люди из Лурда, да и сам Монах, ни о чем не подозревали, потому что стада они гнали перед собой, и животные уже миновали то место, где мы с вами стоим, когда по двум дорогам, что вы видите перед собой, справа и слева, на них галопом понесся орущий во все горло отряд Эрнотона де Сент-Коломба. Что ж, они встретили достойного противника; Монах, человек не робкого десятка, приказал своему отряду занять оборону и ждал удара.

Он был страшен, ведь иного и нельзя было ожидать от лучших воинов здешних краев. Но лурдских солдат привело в ярость главным образом то, что их отсекали от стада, ради которого они претерпели столько невзгод и опасностей; теперь они лишь слышали рев, мычание и блеяние скотины, погоняемой слугами противника, которым под прикрытием своих хозяев оставалось сражаться только с пастухами, но тем было безразлично, кому достанется скот, раз его у них

отняли.

Поэтому лурдцы были вдвойне заинтересованы в разгроме врагов: во-первых, они хотели спасти себя, во-вторых, отбить провиант, который, как они знали, был необходим их товарищам, оставшимся в крепости.

Бой начался с обмена ударами копьями; но вскоре у многих копья были сломаны, и те воины, у кого они уцелели, решив, что в таком узком месте копье – оружие непригодное, побросали их, схватившись за топоры, мечи, палицы, за все, что под руку подвернулось, и разгорелась настоящая схватка, столь яростная, жестокая и упорная, что никто не хотел уступать; даже тот, кто получал смертельную рану, рад был пасть, лишь бы не подумали, будто он покинул поле битвы. Сражались они три часа кряду, поэтому те воины, что выбивались из сил, словно по взаимному согласию, отходили в сторону, чтобы перевести дух, отдохнуть в тылу под деревьями на траве, на земле у рва; сняв шлемы, они утирали кровь и пот и, вновь набравшись сил, с еще большим ожесточением бросались врукопашную; я даже думаю, что со времен знаменитого сражения Тридцати,¹⁸ вряд ли в какой-либо битве видели столь яростные атаки и такую стойкую оборону.

Случаю было угодно, что все три часа битвы оба командира, то есть Монах де Сен-Базиль и Эрнотон де Сент-Коломб, сражались один справа, другой – слева. Оба разили так силь-

---

¹⁸ Речь идет о схватке между англичанами и французами в Пло-Эрмеле (Бретань) в 1351 г., в которой с каждой стороны участвовало по тридцать человек.

но и часто, что толпа дерущихся расступилась, и они наконец сошлись лицом к лицу. Поскольку каждый лишь этого и желал, с самого начала боя призывая противника к личному поединку, то, завидев друг друга, они закричали от радости, и все, поняв, что общее сражение должно смениться их единоборством, очистили им место и замерли в ожидании.

– Ах, как жаль, – со вздохом перебил рыцаря метр Жан, – что не довелось мне видеть подобного поединка, который, должно быть, напоминал о прекрасных временах рыцарства, кои, увы, миновали и не вернутся более!

– Да, мессир Жан, вы увидели бы прекрасное и редкое зрелище, – согласился рыцарь. – Оба бойца, истинные воины, могучие телом и искусные в бранном ремесле, сидели на крепких, породистых конях, которые, казалось, не уступали в упорстве своим хозяевам, стремясь растерзать друг друга, и конь Монаха де Сен-Базиля пал первым, сраженный ударом топора, что предназначался его хозяину. Однако Монах был очень опытным воином; хотя конь его стремительно рухнул, он успел отпустить стремя, так что на земле оказался не под конем, а рядом с ним и, вытянув руку, полоснул ножом по под коленку боевого коня Эрнотона; тот, заржав от боли, осел и упал на передние ноги; Эрнотон потерял преимущество и был вынужден спрыгнуть на землю. Когда он соскочил с коня, Монах уже стоял на ногах, и поединок возобновился, причем Эрнотон дрался топором, а Монах – булавой.

– Неужели на этом месте и разыгрался сей дивный ратный подвиг? – спросил церковнослужитель, чьи глаза сверкали так, словно он воочию видел бой, о котором ему рассказывали.

– Именно на этом, мессир Жан! Очевидцы десятки раз передавали мне то, о чем я вам рассказываю. Эрнотон находился на вашем месте, а Монах – на моем; Монах так яростно напирал на Эрнотона, что тот, защищаясь, был вынужден пятиться назад и, отбиваясь, отступил от камня, лежащего между ног вашей лошади, к самому краю рва, куда, вероятно, и свалился бы, если бы юноша, во весь дух примчавшийся к полю боя и наблюдавший за ним с другой стороны рва, увидев, что доброго рыцаря совсем теснят, и поняв, что тот теряет последние силы, одним махом не перепрыгнул через ров к Эрнотону и не подхватил из его слабеющих рук топор.

«Ну-ка, дорогой дядя, – сказал он, – дайте ненадолго ваш топор и не мешайте мне».

Эрнотон большего и желать не мог; он отдал топор и лег на краю рва, куда сбежались слуги и помогли ему снять доспехи, ибо он почти терял сознание.

– Ну, а что же молодой человек? – спросил аббат.

– Как что?! Юноша, хотя его и считали бастардом,¹⁹ в этом случае доказал, что в его жилах течет благородная кровь и что дядя совершил ошибку, оставив его в старом замке, а не взяв с собой. Ведь едва топор оказался у него в руке, он, ни-

---

¹⁹ Бастард – внебрачный сын сиятельной особы (короля, герцога, графа и т. д.).

чуть не смущаясь тем, что его противник закован в железо, а на нем лишь простая суконная куртка и бархатный колпак, нанес де Сен-Базилю такой мощный удар по голове, что разбил его шлем; оглушенный Монах покачнулся, еле устояв на ногах. Но он был слишком крепким воином, чтобы пасть от одного удара. Поэтому Монах выпрямился, замахнулся булавой и собрался обрушить на юношу удар такой силы, что достигни тот цели, не сносить бы малому головы. Но юноша, не отягощенный доспехами, увернулся, отскочил в сторону, и сразу же, бросившись вперед, как легкий и резвый тигренок, обхватил уставшего от долгого боя Монаха, согнув его так, как ветер сгибает деревья, повалил на землю и, подмяв под себя, воскликнул: «Сдавайтесь, Монах де Сен-Базиль! Вам никто не поможет, вы погибли!»

– Неужели он сдался? – воскликнул метр Жан, который слушал рыцаря с таким интересом, что даже дрожал от удовольствия.

– Да нет же, – сказал мессир Эспэн, – на самом деле он ему ответил: «Сдаваться мальчишке? Я покрыл бы себя позором... убивай, если сможешь!»

«Ладно! Тогда сдавайтесь моему дяде Эрнотону де Сент-Коломбу, он храбрый рыцарь, а не мальчишка, вроде меня», – согласился юноша.

«Не сдамся ни твоему дяде, ни тебе, – глухим голосом ответил Монах, – ведь не подоспей ты, на моем месте был бы твой дядя... Наноси же удар! Я ни за что не попрошу поща-

ды!»

«Что ж, раз не хочешь просить пощады, тогда берегись!»
– сказал юноша.

«Еще посмотрим, – произнес Монах, пытаясь вырваться, подобно гиганту Энкеладу,²⁰ который хотел сбросить с себя гору Этну. – Еще посмотрим!»

Но напрасно он напрягал все свои силы: обхватив юношу руками и ногами словно двойным железным кольцом, одолеть его он не смог. Тот не уступал и одной рукой придавил монаха к земле, а другой выхватил из-за пояса длинный узкий нож, который воткнул ему под нагрудник. И все тут же услышали приглушенный хрип. Монах дернулся, напрягся, приподнялся, но так и не смог сбросить вцепившегося в него юношу, все глубже вонзавшего свой нож; вдруг сквозь решетку забрала Монаха противнику в лицо брызнула кровавая пена. И стало ясно, что эти почти сверхчеловеческие усилия Монаха – конвульсии агонии. Но бойцы не отпускали друг друга; казалось, что юноша повторяет все движения умирающего. Словно змея, что, обвив тело жертвы, душит ее, победитель поднимался, обмякал, напрягался вместе с побежденным, дрожал его дрожью, лежал на нем до тех пор, пока Монах не дернулся в последний раз и его хрип не перешел в предсмертный вздох.

---

²⁰ Имеется в виду персонаж греческой мифологии гигант Энкелад. На него во время битвы олимпийских богов со смертными гигантами – так называемой гигантомахии – Афина обрушила остров Сицилию.

Тогда юноша встал, утирая лицо рукавом куртки, а другой рукой стряхивая кровь со своего маленького ножа, похожего на детскую игрушку, которая, однако, позволила столь жестоко убить человека.

– Разрази меня Бог! – воскликнул аббат, забывая, что восторг чуть было не привел его к богохульству. – Неужели, господин Эспэн де Лион,²¹ вы не назовете мне имени этого юноши, чтобы я мог внести его в мои анналы²² и навсегда запечатлеть в книге истории?

– Зовут его бастард Аженор де Молеон, – ответил рыцарь, – и вы полностью внесите это имя в ваши, как вы говорите, анналы, мессир Жан, ибо носит его отважный воин, который вполне заслуживает подобной чести.

– Но, вероятно, он известен не только этим поступком, – сказал аббат, – и в жизни своей совершил другие подвиги, столь же славные, как и его первое деяние.

– Ну, конечно! Ведь через три или четыре года после этого он уехал в Испанию, где провел около пяти лет, сражаясь с маврами и сарацинами, и вернулся оттуда без кисти правой руки.

– Ох! – горестно вздохнул аббат; вздох этот выражал сочувствие несчастью победителя Монаха де Сен-Базилия. –

---

²¹ Эспэн де Лион (ум. после 1393 г.) – беарнский рыцарь, приближенный графа де Фуа, Гастона III Феба.

²² Анналы – от названия произведения «Анналы» римского историка Публия Корнелия Тацита (ок. 55 – ок. 120). В широком смысле – летописи, хронологическое описание событий.

Вот уж горе так горе, ведь столь храбрый рыцарь наверняка был вынужден отойти от ратных дел!

– Да нет, совсем наоборот, вы глубоко заблуждаетесь, господин Жан, – ответил мессир Эспэн де Лион. – Ведь вместо отрубленной кисти он велел сделать себе железную ладонь, которой держит копье не хуже настоящей руки. Кроме того, он может держать в ней палицу и, говорят, наносит такие сильные удары, что получившие их уже не поднимаются.

– А нельзя ли узнать, при каких обстоятельствах он потерял кисть? – спросил метр Жан.

– К сожалению, этого я не могу вам сказать, сколь бы ни хотелось мне сделать вам приятное, – ответил мессир Эспэн. – Сам я не знаком с этим отважным рыцарем, а те, кто его знает, даже уверяли меня, что им тоже ничего об этом не известно; никогда он никому не хотел рассказывать об этих днях своей жизни.

– Значит, господин Эспэн, я совсем не буду упоминать о вашем бастарде, – сказал аббат, – ибо не хочу, чтобы люди, которые будут читать написанную мною историю, задавали себе тот же вопрос, что и я, не получая на него ответа.

– Черт возьми! – воскликнул мессир Эспэн. – Я спрошу людей, постараюсь кое-что разузнать. Но для начала, метр Жан, поставьте на этом крест, ибо я сомневаюсь, чтобы вам когда-нибудь удалось об этом узнать даже от самого Молеона, если вам доведется его встретить.

– Так, значит, он еще жив?

– Жив и воюет по-прежнему.

– С железной рукой?

– С железной рукой.

– Ах! – воскликнул мессир Жан. – Мне кажется, я отдал бы свое аббатство за то, чтобы встретиться с этим человеком и чтобы он согласился поведать мне свою историю. Но, мессир Эспэн, вы все-таки закончите свой рассказ и сообщите мне, что сделали обе стороны, когда Монах был убит.

– Смерть Монаха положила конец сражению. Рыцари хотели вернуть украденные стада и своего достигли. Кстати, они знали, что после смерти Монаха знаменитый лурдский гарнизон, гроза всей округи, станет наполовину менее опасным, потому что часто вся сила гарнизона или войска заключается в одном человеке. Было условлено, что каждая из сторон заберет своих раненых и пленных, погибшие будут достойно похоронены.

Эрнотона де Сент-Коломба, совершенно израненного, увезли; мертвых погребли на том месте, которое топчут копытами наши кони. А чтобы столь отважный воин, как Монах, не был погребен вместе с простолюдинами, ему вырыли могилу по ту сторону высокой скалы, которую вы видите в четырех шагах от нас, и поставили там каменный крест с его именем, чтобы паломники, путешественники и доблестные рыцари могли, проезжая мимо, прочесть молитву за упокой его души.

– Пойдемте к тому кресту, мессир Эспэн, – предложил

аббат, – и я от всей души прочту «Отче наш», «Ave, Maria» и «De Profundis»...²³

И, как бы подавая пример рыцарю, аббат сделал знак слугам подъехать ближе, бросил поводья лошади служке и спрыгнул на землю с нетерпением, которое свидетельствовало, что, когда речь заходила о делах рыцарства, славный летописец сбрасывал половину своих лет.

Мессир Эспэн де Лион поступил так же, и оба направились к указанному месту. Но, обойдя скалу, остановились.

Какой-то рыцарь, о чьем присутствии они даже не подозревали, стоял на коленях перед крестом; он был укутан в широкий плащ, под жесткими складками которого угадывалось полное воинское облачение. Голова его оставалась непокрытой, шлем лежал на земле, а в десяти шагах позади него, скрытый скалой, находился всадник в доспехах, который держал в поводу снаряженного словно для боя коня своего господина.

Рыцарь был мужчина в расцвете сил, лет сорока шести-сорока восьми, смуглый, как мавр; густые волосы и пышная борода были цвета воронова крыла.

Оба путника на мгновение замерли, разглядывая мужчину, который застыл, словно изваяние, воздавая могиле Монаха долг благочестия, каковой и они намеревались исполнить.

---

²³ «De Profundis» – «Из глубины взываю к Тебе, Господи»; христианская заупокойная молитва на текст сто двадцать девятого псалма.

Неизвестный рыцарь, казалось, пока молился, не обращал никакого внимания на вновь прибывших, потом, закончив молитву, он, к огромному их удивлению, левой рукой осенил себя крестным знаменем, учтиво кивнул им головой, снова надвинул шлем на загорелый лоб, сел, не распахнув плаща, на коня, обогнул выступ скалы и удалился в сопровождении оруженосца, еще более поджарого, рослого и смуглого, чем хозяин.

Хотя в те времена встречалось немало подобных фигур, в этой было что-то особенное, и оба путешественника про себя отметили это. Время подгоняло их, предстояло проехать еще три льё, а церковнослужитель дал слово прочесть над могилой Монаха «Отче наш», «Ave, Maria», «De profundis» и «Fidelium».²⁴

Отчитав молитвы, мессир Жан огляделся по сторонам (мессир Эспэн де Лион, который, вероятно, знал меньше молитв, чем он, оставил его в одиночестве), как и рыцарь, перекрестился, хотя и правой рукой, и поспешил к своему спутнику.

– Эй! – крикнул он слугам. – Вы видели рыцаря в боевых доспехах, с которым был оруженосец? На вид рыцарю лет сорок шесть, оруженосцу – около пятидесяти пяти.

– Я уже обо всем узнал, метр, – сказал Эспэн де Лион, который озабоченно думал о том же, что и его спутник. –

---

²⁴ «Fidelium» – «Верую»; молитва, содержащая изложение христианского символа веры.

Похоже, он едет той же дорогой, что и мы, и, вероятно, как и мы, заночует в Тарбе.

– Прошу вас, мессир Эспэн, давайте поедем рысью, чтобы его нагнать, – сказал летописец. – Возможно, если мы его нагоним, он разговорится с нами, как это принято между попутчиками. Сдается мне, что можно будет многое узнать от этого человека, который жил под таким палящим солнцем, что совсем потемнел.

– Будь по-вашему, мессир, – согласился рыцарь, – ибо, признаюсь вам, меня охватило не менее живое любопытство, чем вас. Хотя я из здешних мест, не припомню, чтобы когда-либо этого человека видели в наших краях.

Поэтому, договорившись обо всем, наши путешественники, перейдя на рысь, продолжали двигаться вперед в прежнем порядке: конь рыцаря немного опережал лошадь аббата.

Но напрасно они погоняли лошадей. Живописная дорога вдоль реки Лез была широкой, что позволяло незнакомцу и его оруженосцу ехать вдвое быстрее, и наши любознательные путники добрались до ворот Тарба, так и не догнав их.

Едва они въехали в город, аббатом, казалось, овладели иные заботы.

– Мессир, – обратился он к рыцарю, – вы знаете, что главное в дороге – надежный ночлег и добрый ужин. Так где же мы, смею вас спросить, заночуем в этом городе Тарб, где я никого не знаю, куда попал впервые, будучи вызванным сюда, как вам известно, монсеньером Гастоном Фебом?

– Не беспокойтесь, мессир, – с улыбкой ответил рыцарь. – Если вам будет угодно, мы остановимся в «Звезде» – это лучшая гостиница города. Кроме того, ее хозяин из числа моих друзей.

– Прекрасно, – сказал летописец. – Я всегда замечал, что в дороге лучше всего иметь в друзьях одну породу людей: городских воров и лесных разбойников, хозяев гостиниц и плутов. Значит, пойдете к вашему другу, хозяину «Звезды», и вы порекомендуете ему приютить меня и на обратном пути.

И они направились к расположенной на главной площади города гостинице, которая, как уверял мессир Эспэн де Лион, снискала добрую славу на десять льё вокруг.

Хозяин стоял на пороге и, презрев свои аристократические замашки, собственноручно ощипывал великолепного фазана, с добросовестностью истинного гастронома оставляя ему перья на голове и хвосте, что могут оценить лишь гурманы,²⁵ умеющие наслаждаться не только вкусом и ароматом, но и красотой блюда; но, не успев полностью погрузиться в свое важное дело, он заметил мессира Эспэна де Лиона, который в этот момент въехал на площадь, и, зажав фазана под мышкой, пошел ему навстречу, на ходу снимая шляпу.

– А вот и вы, мессир Эспэн! – воскликнул он, выказывая самую искреннюю радость. – Добро пожаловать вам и

---

²⁵ Гурман – человек, знающий толк в тонких кушаньях.

вашей досточтимой компании! Давненько я вас не видел, хотя и был уверен, что вскоре вы завернете к нам в город. Эй, Овсяный Колосок, прими лошадей у господ! Марион, готовь лучшие комнаты! Прошу вас, господа, спешивайтесь и почтите своим присутствием наше скромное заведение!

– Ну вот, мессир Жан, – обратился рыцарь к своему спутнику, – я же говорил вам, что господин Барнабэ – рачительный хозяин, у которого можно мгновенно получить все необходимое.

– Согласен, – сказал аббат, – и пока мне нечего ответить, кроме одного: я слышал лишь о конюшне и комнатах, но не об ужине.

– О, пусть ваша милость об ужине не беспокоится, – живо ответил хозяин. – Мессир Эспэн подтвердит, что меня можно упрекнуть лишь в одном: я слишком обильно кормлю своих постояльцев.

– Ну полноте, господин гасконец, – сказал мессир Эспэн, который спрыгнул с лошади и передал поводья слугам. – Покажите нам, куда пройти, и дайте лишь половину из того, что вы нам обещаете, и мы останемся довольны.

– Половину? – воскликнул господин Барнабэ. – Почему половину!? Да меня уважать перестанут, поступи я таким образом: вы получите вдвое больше, мессир Эспэн, вдвое!

Довольный рыцарь взглянул на аббата, и оба проследовали за хозяином на кухню.

На кухне, где все дышало благополучием, их охватило

предвкушение блаженства, которое для настоящих гурманов состоит в хорошо приготовленных и умело сервированных блюдах. Вертел поворачивался, в кастрюлях что-то булькало, на решетке что-то жарилось, и все эти звуки перекрыли настенные часы, которые пробили шесть раз, мелодичным своим звоном приглашая к столу.

Рыцарь потер руки, а летописец облизнул губы: как правило, летописцы – большие лакомки, особенно если принадлежат к духовному сословию.

И в этот миг, когда исходя из одной точки, а именно от вертела, взгляды наших путешественников описали круг, словно хотели удостовериться, что обещанные наслаждения вполне реальны и не растают в воздухе, как те волшебные яства, которые злые чародеи преподносили легендарным странствующим рыцарям, на кухню вошел, судя по облику, конюший и что-то шепнул на ухо хозяину.

– Фу ты, черт! – выругался тот, почесывая ухо. – Ты говоришь, что для лошадей этих господ места нет?

– Совсем нет, хозяин, ведь рыцарь, который только что приехал, занял два последних стойла, да и то не в переполненной конюшне, а в сарае.

– О-о! – простонал мессир Эспэн. – Нам будет тяжело расстаться с нашими лошадьми, но если у вас совсем нет для них места, мы согласимся, дабы не потерять те прекрасные комнаты, что вы нам обещали, чтобы их отвели вместе со слугами в какой-нибудь другой дом в городе.

– В таком случае, вам повезло, – сказал господин Барнабэ, – вашим лошадям будет даже лучше: ведь их разместят в таких конюшнях, каких нет и у графа де Фуа.²⁶

– Меня устраивают эти знаменитые конюшни, – согласился мессир Эспэн, – но завтра в шесть утра лошади должны быть у ваших дверей в полной готовности, так как мы направляемся, мессир Жан и я, в город По, где нас ожидает монсеньер Гастон Феб.

– Будьте покойны, – ответил господин Барнабэ, – положитесь на мое слово.

Тут вошла горничная и стала что-то тихо шептать хозяину, на лице которого появилось выражение досады.

– Ну, что еще там? – спросил мессир Эспэн.

– Это невозможно! – воскликнул хозяин и снова подставил ухо горничной, чтобы она повторила новость.

– Что она сказала? – переспросил рыцарь.

– Нечто невероятное.

– Что именно?

– Что больше не осталось ни одной свободной комнаты.

– Так, значит, мы вынуждены отправиться на ночлег к нашим лошадям, – заметил мессир Жан.

– О, господа, господа! – вскричал Барнабэ. – Приношу свои извинения, но рыцарь, который прибыл чуть раньше вас, занял со своим оруженосцем две последние комнаты.

---

²⁶ Граф де Фуа, Гастон Феб (1331–1391) – политический деятель, союзник короля Карла V Мудрого, поэт и знаменитый меценат.

– Ерунда, – сказал мессир Жан, которому, судя по всему, было не привыкать к такого рода неудачам. – Скверная ночь пройдет быстро, если мы не останемся без доброго ужина.

– Видите, – сказал хозяин, – вот идет повар, которого я позвал.

Повар отвел хозяина в сторону и тихо о чем-то с ним заговорил.

– О, – простонал трактирщик, тщетно пытаясь побледнеть. – Этого быть не может!

Повар головой и руками изобразил что-то означающее: «но так оно и есть». Аббат, который, похоже, в совершенстве владел языком знаков, особенно когда этот язык имел отношение к кухне, действительно побледнел.

– Неужто так оно и есть? – воскликнул он.

– Господа, Маритон не ошибается, – сказал хозяин.

– В чем?

– В том, что, как он мне сказал, вам нечего предложить на ужин, так как рыцарь, приехавший раньше вас, забрал остатки припасов.

– Это уж слишком, метр Барнабэ! – нахмутив брови, сказал мессир Эспэн де Лион. – Может быть, хватит шуток?

– Увы, мессир, – ответил хозяин, – прошу поверить, что я вовсе не шучу и несказанно огорчен, что так случилось.

– Я готов поверить, что вы нам сказали о конюшне и комнатах, – продолжал рыцарь, – но ужин совсем другое дело, и я повторяю вам, что вы меня не убедили. Вон целый строй

кастрюль...

– Мессир, все они предназначены для владельца замка де Маршера, он здесь со своей супругой.

– А пулярка, что крутится на вертеле?

– Заказана тучным каноником из Каркасона, который направляется в свой приход и ест скоромное лишь раз в неделю.

– А решетка с бараньими отбивными, что так вкусно пахнут?

– И котлеты, и фазан, которого я ошипываю, пойдут на ужин рыцарю, что прибыл перед вами.

– Вот в чем дело! – вскричал мессир Эспэн. – Так он все забрал, этот чертов рыцарь! Метр Барнабэ, доставьте мне удовольствие и передайте ему, что некий голодный рыцарь предлагает скрестить копыя, но не ради прекрасных глаз его дамы, а за вкусный аромат ужина, и прибавьте к этому, что летописец мессир Жан Фруассар будет судьей поединка, чтобы описать потом наши бранные подвиги.

– В этом нет нужды, мессир, – произнес чей-то голос за спиной метра Барнабэ. – Я пришел от имени моего господина пригласить вас, мессир Эспэн де Лион, и вас, мессир Жан Фруассар, отужинать с ним.

Мессир Эспэн обернулся, услышав этот голос, и узнал оруженосца неизвестного рыцаря.

– О-о! – изумился он. – Это приглашение я нахожу верхом учтивости... А вы что на это скажете, мессир Жан?

– Скажу, что оно не только весьма учтиво, но и очень уместно.

– И как же зовут вашего господина, друг мой? – спросил Эспэн де Лион. – Мы хотели бы знать, кому обязаны подобной любезностью.

– Он сам вам представится, ежели вы сообразоволяете пойти со мной, – ответил оруженосец.

Путешественники переглянулись – отчасти из-за голода, отчасти из-за любопытства их желанья совпали – и в один голос сказали:

– Идемте! Показывайте, куда идти.

Оба поднялись по лестнице вслед за оруженосцем, который отворил дверь в комнату; в глубине ее стоял, заложив руки за спину, неизвестный рыцарь, уже снявший доспехи и облаченный в черное бархатное одеяние с широкими, длинными рукавами.

Завидя их, он пошел им навстречу и, отвесив изысканнейший поклон, сказал, протягивая левую руку:

– Добро пожаловать, господа, и примите сердечную благодарность за то, что вы ответили на мое приглашение.

Весь облик рыцаря дышал такой добротой и таким радушием, левая рука была протянута так естественно, что оба пожали ее, несмотря на почти непреложный среди рыцарей обычай приветствовать друг друга правой рукой: поступить иначе считалось почти оскорблением.

Однако оба путешественника, проявляя по отношению к

неизвестному рыцарю столь необычную учтивость, не могли совладать с удивлением, которое и отразилось на их лицах; только рыцарь, похоже, не обратил на это внимания.

– Это мы, мессир, должны благодарить вас, – возразил Фруассар. – Мы находились в большом затруднении, когда ваше любезное приглашение выручило нас. Примите же нашу признательность.

– Кроме того, я уступлю вам комнату моего оруженосца, – сказал рыцарь, – раз у меня комнаты две, а у вас – ни одной.

– Право слово, вы слишком благосклонны к нам! – воскликнул Эспэн де Лион. – Ну, а где заночует ваш оруженосец?

– В моей комнате, черт побери!

– Нет, нет, – сказал Фруассар, – это значило бы злоупотребить...

– Пустяки, мы к этому привыкли! – перебил его неизвестный рыцарь. – Более двадцати пяти лет прошло с тех пор, как мы впервые заночевали с ним в одной палатке, и за эти годы случалось это так часто, что мы и считать перестали. Да садитесь же, господа.

И рыцарь указал путешественникам на два стула у стола, на котором уже стояли бокалы и кубок; подавая гостям пример, он сел первым. За ним и путешественники сели за стол.

– Вот мы обо всем и договорились, – заключил неизвестный рыцарь, по-прежнему левой рукой наполняя три бокала пряным вином.

– Право же, договорились! Мы сочли бы, что оскорбили вас, отказавшись от столь сердечного приглашения – сказал Эспэн де Лион. – Надеюсь, вы со мной согласны, мессир Жан?

– Тем более согласен, что мы побеспокоим вас совсем ненадолго, – заметил казначей аббатства Шиме.

– Почему же? – спросил неизвестный рыцарь.

– Утром мы едем в По.

– Верно говорят, всегда знаешь, когда приедешь, не знаешь, когда выедешь, – сказал рыцарь.

– Нас ожидают при дворе графа Гастона Феба.

– И ничто вас не сможет так заинтересовать, чтобы вы задержались на неделю? – спросил рыцарь.

– Ничто, кроме очень поучительной и очень интересной истории, – ответил Эспэн де Лион.

– К тому же я вряд ли смогу не сдержать слова, данного его милости графу де Фуа, – прибавил летописец.

– Мессир Жан Фруассар, недавно в Ларрском проходе вы сказали, что охотно отдали бы аббатство в Шиме тому, кто расскажет вам о приключениях бастарда де Молеона, – продолжал неизвестный рыцарь.

– Как, разве я это сказал? Откуда вам это известно?

– Вы забыли, что я читал «Ave» на могиле Монаха и мог слышать все, что вы говорили.

– Вот что значит бросать слова на ветер, мессир Жан Фруассар, – со смехом заметил Эспэн де Лион. – За них вы

поплатитесь вашим аббатством.

– Клянусь мессой, господин рыцарь, – сказал Фруассар, – сдается мне, что я попал в точку: именно вы знаете эту историю.

– Вы не ошибаетесь, – ответил рыцарь. – Никто не знает и не расскажет ее лучше меня.

– Начиная с той минуты, как де Молеон убил Монаха из Лурда, и до того дня, когда он лишился кисти? – спросил Эспэн.

– Да.

– И во что же мне это обойдется? – осведомился Фруассар, который, сторя от любопытства услышать эту историю, все же начал сожалеть, что пообещал за нее свое аббатство.

– В неделю времени, господин аббат, – успокоил его неизвестный рыцарь. – Да и то вы вряд ли успеете за это время подробно записать на пергаменте все, о чем я вам расскажу.

– Мне помнится, бастард де Молеон поклялся, что никто никогда не узнает этой истории, – заметил Фруассар.

– До тех пор, пока не найдет летописца, достойного запечатлеть ее. Теперь, мессир Жан, у него нет больше причин ее утаивать.

– В таком случае, почему бы вам самому не записать ее? – спросил Фруассар.

– Потому что есть одна большая помеха, – улыбнулся рыцарь.

– Какая же? – поинтересовался мессир Эспэн де Лион.

– Вот такая, – ответил рыцарь, приподняв левой рукой правый рукав платья и положив на стол изувеченную руку с железным зажимом вместо ладони.

– Господи Иисусе! – задрожав от радости, воскликнул Фруассар. – Так, значит, вы...

– ...бастард де Молеон собственной персоной, кого также называют Аженор с железной рукой.

– И вы расскажете мне вашу историю? – спросил Фруассар с волнением и надеждой.

– Сразу же после ужина, – пообещал рыцарь.

– Прекрасно, – потирая руки, сказал Фруассар. – Вы были правы, месье Эспэн де Лион, монсеньер Гастон Феб подождет.

И после ужина бастард де Молеон, выполняя свое обещание, начал рассказывать месье Жану Фруассару историю, которую вам предстоит прочитать; мы позаимствовали ее из одной неопубликованной рукописи, лишь взяв на себя труд изменить в повествовании первое лицо на третье.

II. О том, как между Пиньелом и Коимброй Бастард де Молеон повстречался с мавром, у которого спросил дорогу, а тот проехал мимо, не дав ответа

Чудесным июньским утром 1361 года всякий, кто отважился бы блуждать по равнинам Португалии в сорокаградусную жару, мог видеть, как по дороге из Пиньела в Коимбру едет верхом фигура, за описание которой наши современники будут нам признательны.

Это был не человек, а полный набор рыцарских доспехов, состоявший из шлема, лат, наручей и набедренников, копьё в руке и маленького висевшего на шее щита; над всей этой грудой железа развевался султан из красных перьев, над которым сверкал наконечник копьё.

Эти доспехи прочно сидели на коне, у которого разглядеть лишь можно было его черные ноги и сверкающие глаза, ибо, подобно своему хозяину, он исчезал под боевой броней, покрытой сверху белой попоной, отороченной красным сукном. Время от времени благородное животное встряхивало головой и ржало, больше из ярости, чем от боли: значит, слепень пробрался под складки тяжелого панциря и нещадно

его жалил.

Всадник же прямо и твердо держал стремяна, словно прикованный к седлу; казалось, он с гордостью бросает вызов этой жгучей жаре, которая обрушивалась с багрового неба, воспаляя воздух и иссушая траву. Многие – никто не упрекнул бы их за это в изнеженности – позволили бы себе поднять решетчатое забрало, которое превращало шлем в сушилку, но по уверенному виду, благородной невозмутимости рыцаря было ясно, что он даже в пустыне щеголяет силой своего характера и стойкостью перед тяготами воинского ремесла.

Мы сказали «пустыня», и, действительно, местность, по которой проезжал наш рыцарь, вполне заслуживала этого названия. Это была своего рода долина, глубокая ровно настолько, чтобы собирать на дороге, по которой следовал рыцарь, самые испепеляющие лучи солнца. Уже более двух часов стояла такая жара, что долину покинули даже ее самые выносливые обитатели: пастухи и стада, которые по утрам и вечерам появлялись на ее склонах в надежде отыскать хоть какие-нибудь высохшие, ломкие травинки, теперь спали в тени, укрывшись за изгородями и под кустами. Вокруг, насколько хватало глаз, напрасно было бы искать путника, столь отважного или, вернее, столь нечувствительного к зною, чтобы он был в силах передвигаться по этой земле, которая, казалось, состояла из пепла сожженных солнцем скал. Только тысячи цикад служили доказательством того,

что живые существа способны обитать в таком пекле; забившись между камнями, облепив каждую травинку или рассевшись на ветках белых от пыли олив, они пронзительно и монотонно стрекотали; то была их победная песнь, и возвещала она о завоевании пустыни, где они воцарились всесильными повелительницами.

Мы ошибочно сообщили вам, что тщетно было бы искать глазами на горизонте другого путника, кроме того, кого мы попытались изобразить, так как в ста шагах позади за ним следовала еще одна фигура, не менее занятная, чем первая, хотя и совсем иного рода: это был худощавый, сутулый, загорелый мужчина лет тридцати, который словно прилег, а отнюдь не сел верхом на лошадь, такую же тощую, как и он, и спал себе в седле, обеими руками вцепившись в луку; он и не помышлял ни об одной из тех мер предосторожности, что заставляли бодрствовать его спутника: его даже не заботило, по нужной ли дороге они едут, и, по-видимому, эту заботу он возлагал на другого всадника, более сведущего или более заинтересованного в том, чтобы не сбиться с пути.

Между тем рыцарь, которому, вероятно, надоело так высоко держать копьё и так прямо держаться в седле, остановился, чтобы поднять забрало и тем самым выпустить горячий пар, который стал подниматься к голове из недр его железной оболочки, но, прежде чем сделать это, осмотрелся с видом человека, абсолютно уверенного, что храбрость становится менее достойной уважения, если сочетается с долей

осторожности.

Повернувшись всем корпусом, он увидел своего беззаботного спутника и, взглядевшись в него повнимательнее, убедился, что тот спит.

– Мюзарон! – вскричал закованный в латы рыцарь, когда поднял забрало шлема. – Мюзарон! Да проснись ты, соня, а не то, клянусь бесценной кровью святого Иакова,²⁷ как говорят испанцы, ты приедешь в Коимбру без моего багажа, который либо сам потеряешь в дороге, либо украдут у тебя разбойники. Мюзарон! Так ты все спишь, болван?

Но оруженосец – именно эту службу нес тот, к кому обращался рыцарь, – спал таким глубоким сном, что звук человеческого голоса не способен был его разбудить. Поэтому рыцарь понял, что следует прибегнуть к другому, более верному способу, ибо лошадь спящего, увидев, что ее вожатый остановился, заодно тоже решила последовать этому примеру, и Мюзарону, перешедшему от движения к неподвижности, представилась возможность насладиться еще более спокойным сном. Рыцарь отцепил подвешенный к поясу небольшой рог из слоновой кости, инкрустированный серебром, и, приложив его к губам, несколько раз протрубил так громко, что поднял на дыбы своего коня и заставил заржать лошадь своего спутника.

На сей раз Мюзарон, вздрогнув, проснулся.

---

²⁷ Святой апостол Иаков (по-испански Сант-Яго) является покровителем Испании.

– Ну-ка! Сюда! – вскричал он, выхватив из-за пояса что-то вроде длинного кинжала. – Ко мне, бандиты, сюда, цыгане, дьявольские отродья, я покажу вам! Убирайтесь, или я изрублю вас, раскрою до седла!

И бравый оруженосец принялся размахивать ножом направо и налево, но, заметив, что рубит воздух, угомонился, удивленно уставившись на хозяина.

– А, это вы, мессир Аженор? Что стряслось? – спросил он, с изумлением глядя на него. – Где же разбойники, что напали на нас? Они, что, испарились или я изрубил их перед тем, как проснулся?

– Ты все спишь, бесстыжий, и во сне выронил мой щит, который болтается на ремне, что не пристало оружию благородного рыцаря. Ну же, проснись в конце концов, или я обломаю об тебя свое копьё.

Мюзарон с нагловатой ухмылкой покачал головой.

– Клянусь честью, мессир Аженор, и правильно сделаете! – воскликнул он. – Так хоть одно копьё будет сломано за весь наш путь. Вместо того чтобы воспротивиться этому намерению, от всего сердца предлагаю вам приступить к его исполнению.

– Ты на что намекаешь, наглец? – вскричал рыцарь.

– На то, что минуло уже шестнадцать дней, – продолжал оруженосец, с насмешливой беззаботностью подъезжая все ближе, – как мы плетемся по Испании, где, говорили вы перед отъездом, нас ждет множество приключений, а нашими

врагами были лишь солнце и мухи, трофеями – лишь пыль и волдыри. Черт возьми, сеньор Аженор, я голоден, и меня терзает жажда, а кошелек мой, сеньор Аженор, пуст! Сие значит, что меня постигли три величайших несчастья этого мира, и я не вижу, чтобы мы начали обирать нехристей-мавров, как вы обещали мне на радость, что должно было обогатить нас и спасти наши души, и все это виделось мне в сладких снах, там, в нашем прекрасном Бигоре, еще до того, как я стал вашим оруженосцем, а особенно с тех пор, как я им стал.

– Неужели ты смеешь жаловаться, когда я все это терплю?

– Я чуть было не впал в уныние, мессир Аженор, но все не потому, что мне не хватает храбрости. Почти все наши последние франки²⁸ ушли на оружейников из Пиньела, которые заточили ваш топор, заострили ваш меч, начистили до блеска ваши доспехи, и, по правде сказать, теперь нам не достает лишь встречи с разбойниками.

– Трус!

– Простите, мы должны объясниться, мессир Аженор, ведь я не сказал, что боюсь этой встречи.

– А что ты сказал?

– Сказал, что я жажду ее!

– Почему?

– Потому что мы обчистим воров, – ответил Мюзарон с

---

²⁸ Имеется в виду золотая монета, называвшаяся франком и чеканившаяся во Франции в XIV в. при королях Иоанне II и Карле V.

лукавой улыбкой, которая вообще не сходила с его физиономии.

Рыцарь поднял копьё с явным намерением обрушить его на плечи оруженосца, который приблизился к нему настолько, чтобы можно было успешно применить этот вид наказания, но Мюзарон ловко увернулся от удара – видимо, он к ним привык – и придержал копьё рукой.

– Будьте осторожны, мессир Аженор, – сказал он, – не следует шутить, ведь кости у меня крепкие, а мяса на них почти нет. Может случиться беда: сделав неловкий удар, вы сломаете копьё, и тогда нам самим придется смастерить древко и предстать перед доном Фадрике с испорченным вооружением, что будет унижительно для чести беарнского рыцарства.

– Да замолчи же, чертов болтун! Уж коли не можешь помолчать, лучше поднимись вон на тот холм и скажи, что оттуда видно.

– О, попадись мне на этом холме сам сатана, то я приложусь к его когтистой лапе, если он подарит мне все царства мира!²⁹

– И ты пойдешь на это, отступник?

– С превеликим удовольствием, рыцарь.

– Мюзарон, вы в праве шутить над чем вам угодно, но не касайтесь святых понятий, – серьезно сказал рыцарь.

---

²⁹ Намек на евангельскую легенду об искушении Иисуса. Сатана возвел его на высокую гору и, показав землю, обещал все царства мира, если Христос склонится перед ним. На что Христос отвечал: «Отойди от Меня, Сатана; ибо написано: „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи“».

Мюзарон склонил голову.

– Ваша милость все еще желает знать, что видно с холма?

– Даже больше прежнего, ступайте.

Мюзарон отъехал в сторону, подальше от господского копыя, и стал подниматься вверх по склону.

– О! – воскликнул он, когда оказался на вершине. – О, Иисус праведный, что же я вижу! – и перекрестился.

– Так что ты видишь? – спросил рыцарь.

– Рай или почти рай! – в полном восхищении воскликнул Мюзарон.

– Расскажи мне о твоём рае, – велел рыцарь, который по-прежнему опасался шутливого розыгрыша своего оруженосца.

– О, ваша милость, этого не передать словами! – воскликнул Мюзарон. – Рощи апельсиновых деревьев с золотыми плодами, широкая река с серебристыми волнами, а вдали – море, сверкающее, как стальное зеркало.

– Если ты видишь море, – заметил рыцарь, который отнюдь не спешил своими глазами увидеть эту картину, боясь, что, когда он поднимется на вершину, все эти прекрасные дали исчезнут, подобно миражам, о которых рассказывали ему паломники с Востока, – если ты видишь море, Мюзарон, то еще лучше ты должен видеть Коимбру, потому что она непременно должна быть между нами и морем, а если ты видишь Коимбру – значит, мы у цели нашего путешествия, ведь в Коимбре мне назначил встречу мой друг, великий ма-

гистр дон Фадрике.

– О да! – вскричал Мюзарон. – Я вижу большой красивый город, высокую колокольню.

– Хорошо, хорошо, – ответил рыцарь, начиная верить оруженосцу и давая себе слово на этот раз серьезно его наказать, если эта затянувшаяся шутка действительно окажется розыгрышем. – Прекрасно, это город Коимбра,³⁰ это колокольня собора.

– Да что я все твержу город, колокольня! Передо мной два города и две колокольни.

– В самом деле два города, две колокольни, – удивился рыцарь, тоже поднявшись на холм. – Вот видишь, только что у нас совсем ничего не было, а теперь стало слишком много.

– И вправду, слишком, – согласился Мюзарон. – Посмотрите, мессир Аженор, один город – справа, другой – слева, а за рощей лимонных деревьев дорога расходится. Какой из них Коимбра, по какой дороге нам ехать?

– Вот и новая помеха, о которой я даже не думал, – пробормотал рыцарь.

– И помеха вдвойне, – подхватил Мюзарон, – потому что, если мы ошибемся и на наше горе приедем не в ту Коимбру, нам не удастся наскрести в кошельке на ночлег.

Рыцарь снова осмотрелся вокруг себя в надежде разгля-

---

³⁰ Коимбра – город в средней части Португалии. Ниже у Дюма, когда он говорит о завоевании Коимбры Фадрике, неточность: Коимбра была отвоевана у мавров в середине XI в., а в XII–XIII вв. служила резиденцией королей Португалии.

деть какого-нибудь путника, у которого он мог бы спросить дорогу.

– Проклятая страна! – воскликнул он. – Вернее, проклятая пустыня! Ведь когда говорят «страна», имеют в виду место, где, кроме ящериц и цикад, живут и другие существа. О, где ты, моя Франция? – спросил рыцарь со вздохом, который порой вырывается у людей, не склонных к грусти, когда они думают о родине. – О Франция, там всегда найдется ободряющий голос, что подскажет тебе дорогу.

– И сыр из овечьего молока, что так освежает горло! Ах, как тяжела разлука с родиной! Да, мессир Аженор, вы правы, вспомнив о Франции. О, моя Франция!

– Да замолчи, болван! – вскричал рыцарь; про себя он думал то же, что Мюзарон высказывал вслух, но не хотел, чтобы оруженосец вслух говорил о том, о чем он сам думает. – Замолчи!

Мюзарон не обратил на окрик внимания – читатель, который уже довольно близко знаком с почтенным оруженосцем, знает, что тот не привык слепо повиноваться господину, а посему продолжал, как бы рассуждая вслух:

– А впрочем, кто поможет нам, кто приветит, ведь мы одни в этой Богом забытой Португалии. О, как прекрасно, как приятно, как солидно служить в наемных отрядах, а главное, как во Франции удобно жить. Ах, мессир Аженор, почему мы с вами не едем сейчас верхом с каким-нибудь отрядом

наемников по дорогам Лангедока³¹ или Гиени?

– Да будет вам известно, метр Мюзарон, что вы рассуждаете, как Жак-простак,³² – ответил рыцарь.

– Я и есть Жак-простак, мессир, или, по меньшей мере, был им до того, как поступил на службу к вашей милости.

– Нашел чем хвастаться, несчастный!

– Не говорите о Жаках дурного, мессир Аженор, ведь они нашли способ кормиться, ведя войну, и в этом их преимущество перед нами, а мы с вами, хоть и не воюем, правда, но зато и не кормимся.

– Вся эта болтовня не поможет нам узнать, какой из двух городов Коимбра, – заметил рыцарь.

– Да, – согласился Мюзарон, – но, может быть, они помогут.

И он пальцем показал на облако пыли, которое поднимал небольшой караван, двигавшийся по той же дороге в полульё от них; изредка посреди каравана под лучами солнца что-то поблескивало.

– Ага, вот, наконец, и те, кого мы ищем, – сказал рыцарь.

– Ну да, или те, кто ищет нас, – подхватил Мюзарон.

– Ну что ж! Ты сам просил о встрече с разбойниками.

– Но я не просил их так много, – возразил Мюзарон. – По-

---

³¹ Лангедок, Гиень (Гюйенн) – исторические провинции на юге Франции. В описываемое в романе время Гиень с ее главным городом Бордо находилась во владении англичан.

³² Жак-простак – прозвище французского крестьянина.

истине Небо осыпает нас щедротами: я просил трех-четырех разбойников, а оно посылает нам целый отряд; нам нужен был один город, а оно послало нам два. Придется, господин рыцарь, – подъехав к Аженору, продолжал Мюзарон, – собрать совет и высказаться на сей предмет; ум хорошо, а два – лучше, как говорится. Что вы думаете?

– Я думаю, нам надо добраться до рощи лимонных деревьев, через которую идет дорога: там мы будем и в тени, и в безопасности. Там и переждем, готовые к атаке и обороне.

– О, какая разумная мысль! – вскричал оруженосец то ли насмешливым, то ли одобрительным тоном. – Я бесспорно с ней согласен. Тень и безопасность, большего я и не прошу. Тень – это наполовину вода; безопасность – это на три четверти отвага. Поэтому поедем в лимонную рощу, мессир Аженор, и побыстрее!

Но оба путника не учли в своих расчетах лошадей. Бедные животные так устали, что в обмен на бесчисленные удары шпорами едва плелись шагом. К несчастью, подобная медлительность имела для путников то неудобство, что им дольше пришлось оставаться на солнце. Небольшой отряд, заметив который они и приняли эти меры предосторожности, был еще слишком далеко, чтобы их видеть; поэтому въехав в рощу, они поспешили наверстать потерянное время. Мюзарон тут же соскочил с лошади, такой измученной, что она сразу легла на землю; рыцарь спешился, бросив поводья оруженосцу, и уселся под пальмой, которая высилась словно коро-

лева над этой благоуханной рощей.

Мюзарон привязал коня к дереву и принялся искать, чем бы поживиться в лесу. Через несколько минут он вернулся с дюжиной сладких желудей и тремя лимонами, которые сначала предложил рыцарю, поблагодарившего его кивком головы.

– О да, я прекрасно понимаю, что все это вряд ли восстановит силы людей, проехавших за шестнадцать дней четыреста льё – сказал Мюзарон, – но ничего не поделаешь, ваша милость, надо набраться терпения. Мы едем к славному дону Фадрике, великому магистру ордена Святого Иакова, брату или почти брату его милости дона Педро,³³ короля Кастилии,³⁴ и если он исполнит хотя бы половину того, что обещает в своем письме, то для ближайшей поездки у нас будут свежие лошади, мулы с колокольчиками, что привлекает внимание встречных, пажы в нарядных, радующих глаз одеждах, и сами увидите, как будут виться вокруг нас красотки на постоялых дворах, погонщики мулов и нищие; нас будут угощать вином, фруктами, а самые щедрые люди

---

³³ Педро I Жестокий (1334–1369) – король Кастилии и Леона с 1350 г. По словам испанского летописца Лопеса де Алла, «многих убил он за свое царствование и ущерб причинил великий». Некоторые историки считают описание его жестокостей преувеличением, так как хроники, содержащие эти сведения, составались в царствование Энрике Трестамаре и его наследников.

³⁴ Новая Кастилия (и Старая) – части Кастилии, исторической области в центре Испании, в XI–XV вв. отдельного королевства, вокруг которого постепенно объединились все испанские земли.

будут приглашать нас к себе в дома ради чести оказать нам гостеприимство. Уж тогда мы ни в чем не будем нуждаться, ведь всего у нас будет вдоволь, ну а пока придется грызть желуди и сосать лимоны.

– Верно, верно, господин Мюзарон, – усмехнулся рыцарь, – через два дня вы получите все, о чем сказали, и поститесь вы в последний раз.

– Да услышит вас Бог, сударь, – сказал Мюзарон, поднимая к небу полный недоверия взгляд и одновременно снимая с головы шляпу, украшенную длинным пером пиренейского орла. – Постараюсь быть на высоте моей удачи, но для этого мне надо лишь воспарить над пережитыми нами невзгодами.

– Полно! Пережитые невзгоды всегда входят в будущее счастье, – изрек рыцарь.

– Amen! – заключил Мюзарон.

Разумеется, несмотря на завершение беседы в совсем религиозном духе, Мюзарон уже намеревался завести разговор на любую другую тему, как вдруг издалека донесся звон колокольчиков, топот копыт дюжины лошадей или мулов, бряцание железа.

– Тревога! Берегись! – крикнул рыцарь. – Вот этот самый отряд. Черт возьми! Они торопятся, и, кажется, их лошади не так устали, как наши.

Мюзарон, спрятав в траве остаток желудей и последний лимон, бросился к стремянам хозяина, который мгновенно вскочил в седло и сжал в руке копьё.

Тогда из-за деревьев рощи, где они устроили себе краткий привал, они увидели, что на вершине холма показались несколько всадников на добрых мулах; всадники были в богатых испанских и мавританских одеждах. Вслед за этой группой ехал мужчина, который, судя по всему, был у них командиром; с головы до ног закутанный в плащ из тонкой белой шерсти (украшением его служили шелковые кисти), он смотрел на мир сверкающими сквозь прорезь в капюшоне глазами.

Всего вместе с командиром в группе было двенадцать человек, крепких и хорошо вооруженных; четверо слуг вели в поводу шесть вьючных мулов. Как мы уже сказали, дюжина вооруженных мужчин ехала во главе каравана, потом следовал командир, а за ним, образуя арьергард,³⁵ шли шесть мулов и четверо слуг, среди которых двигались расписанные и украшенные позолотой деревянные носилки, наглухо закрытые с обеих сторон шелковыми шторами; воздух проникал в них через отверстия, проделанные в украшающем их резном фризе.³⁶ Носилки везли еще два мула, ступавшие шагом.

Именно движение этого отряда и сопровождалось громким звоном колокольчиков и бубенцов.

---

³⁵ Арьергард – часть походного охранения, с тыла прикрывающая отряд на марше или при отступлении.

³⁶ Фриз – кайма сплошного орнамента, украшающего стену, потолок или ковер.

– Ага! Вот они какие, настоящие мавры!³⁷ – не без удивления произнес Мюзарон. – По-моему, мессир, я зря горячился, вы только посмотрите, какие они черные! Бог мой! Ну прямо стража сатаны! А как они богато разодеты, эти нехристи! Ну, скажите, мессир Аженор, разве не горе, что их так много, а нас всего двое? Я думаю, на небесах очень порадовались бы, если бы все эти богатства попали в руки двух добрых христиан, вроде нас с вами. Я говорю «богатства» и не ошибаюсь, потому что сокровища этого неверного наверняка спрятаны в том расписном и позолоченном деревянном коробе, который везут за ним и на который он беспрестанно оглядывается.

– Молчи! – приказал рыцарь. – Не видишь, что ли, они о чем-то договариваются, два вооруженных пажа вышли вперед. Они, видимо, хотят напасть на нас! Ладно! Пусть попробуют! Будь готов помочь мне, если понадобится, и подай щит, чтобы, если будет такая возможность, они тут узнали, что такое рыцарь из Франции!

– Мессир, по-моему, вы совершаете ошибку, – ответил Мюзарон, который, в отличие от своего господина, явно не торопился принимать воинственную позу. – Эти знатные мавры и не думают нападать на двух безобидных людей. Видите, один паж что-то сказал своему господину, а закутанный в плащ приказа не отдал, он дал знак идти вперед...

---

³⁷ Мавры – в античности и средние века так называли в Европе коренное население Северной Африки (исключая Египет).

О, смотрите, мессир, они снова двинулись в путь, не вынув стрел и не наведя на нас арбалеты,³⁸ они лишь держатся за рукоятки мечей... Наоборот, это друзья, которых нам посылает Небо.

– Друзья среди мавров! А куда девалась ваша христианская вера, язычник проклятый?

Мюзарон почувствовал, что в самом деле дал повод для этой грубой отповеди, и учтиво поклонился.

– Прошу прощения, мессир, я ошибся, назвав их друзьями, – пробормотал он. – Христианин, мне это доподлинно известно, не может быть другом мавра, я хотел назвать их советчиками, ведь у каждого можно спросить совета, когда эти советы хорошие. Я пойду поговорю с этими достойными господами, и они покажут нам дорогу.

– Ну что ж, будь по-твоему, я согласен, – сказал рыцарь, – я даже хочу этого, потому что они, по-моему, слишком вызывающе проехали мимо, и, как мне показалось, их господин не ответил на мое учтивое приветствие копьем. Поэтому ступай к нему и от моего имени вежливо спроси, какой из этих городов Коимбра, а также передай, что тебя послал мессир Аженор де Молеон, и пусть этот мавританский всадник назовет тебе свое имя. Ступай!

Мюзарон, которому хотелось предстать перед главой ка-

---

³⁸ Арбалет – средневековое метательное оружие в европейских странах: лук со специальным механизмом для натягивания тетивы, укрепленный на деревянном ложе.

равана во всей красе, попытался поднять свою лошадь, но она так давно не видела тени и травы, ей было так удобно и приятно лежа пощипывать травку, что оруженосец не только не смог поставить ее на ноги, но даже сдвинуть с места. Смирившись со своей участью, он пустился бегом догонять отряд, который продолжал идти вперед, пока он препирался с лошадью, и, обогнув рожицу оливковых деревьев, уже вступил на извилистую тропу, идущую вниз по склону.

Пока Мюзарон мчался, чтобы исполнить свое поручение, Аженор де Молеон, привстав на стременах, твердо сидел в седле, неподвижный, словно статуя, и не терял из виду мавра с его спутниками. Вскоре он увидел, что всадник остановился, услышав крики оруженосца, а вслед за ним встал и его эскорт; все люди, входившие в него, казалось, были неотделимы от своего командира, они каким-то внутренним чутьем словно угадывали заранее все его желания, и им не требовалось никакого внешнего знака, чтобы подчиняться его воле.

Погода стояла такая ясная, в природе, дремотно отдохавшей под жарким небом, царила такая глубокая тишина, что легкий ветерок с моря беспрепятственно доносил до рыцаря слова Мюзарона, который исполнял вверенную ему миссию не только как преданный слуга, но и как тонкий дипломат.

– Кланяюсь вашей милости, – говорил он. – Прежде всего поклон вам от имени моего сеньора, достойного и доблестного рыцаря Аженора де Молеона, который вон там, сидя в седле, ожидает ответа вашей милости. И засим поклон вам

от имени его недостойного оруженосца, который искренне благодарит случай, что дал ему возможность обратиться эти слова к вам.

Мавр ответил лишь степенным, осторожным кивком, молча ожидая окончания этой речи.

– Не соблаговолит ли ваша милость подсказать нам, какая из двух колоколен, что видны вдали, принадлежит собору Коимбры, – продолжал Мюзарон, – а также, если это известно вашей милости, среди всех прекрасных дворцов обоих городов, чьи сады возвышаются над морем, указать мне дворец прославленного великого магистра ордена Святого Иакова, друга отважного рыцаря, которого он с нетерпением ждет в гости, ибо рыцарь этот имеет честь просить у вас моими устами ответа на эти вопросы.

Мюзарон, чтобы придать больше значительности своему господину и собственной особе, многозначительно выделил те слова, что относились к дону Фадрике: Мавр, действительно, словно оправдывая старания Мюзарона, с большим вниманием выслушал вторую часть его обращения, и при упоминании имени дона Фадрике в глазах его сверкнул тот особенный хитроватый огонек, который люди этого племени, похоже, похищают у солнечных лучей.

Однако он не ответил ни на один вопрос и, немного подумав, снова слегка кивнул головой; потом властным, гортанным голосом сказал своим людям всего одну фразу, и авангард тут же двинулся дальше, сам мавр пришпорил мула, а

за ним тронулся в путь и арьергард, в середине которого покачивались закрытые носилки.

Мюзарон, изумленный и оскорбленный, какое-то мгновение стоял как вкопанный. Рыцарь же терялся в догадках, была ли это арабская фраза, которую не понял ни он, ни Мюзарон, ответом на вопросы оруженосца или обращением мавра к своей свите.

– Вот в чем дело! – воскликнул вдруг Мюзарон, который не желал примириться с тем, что ему было нанесено оскорбление. – Он же не понимает по-французски, поэтому и молчал. Черт возьми, мне следовало бы обратиться к нему на кастильском наречии...

Но поскольку мавр отъехал уже слишком далеко, чтобы пеший Мюзарон смог его догнать, то рассудительный оруженосец, предпочтя, должно быть, утешительное сомнение оскорбительной уверенности, вернулся к своему господину.

III. О том, как рыцарь Аженор де Молеон безпомощи мавра нашел Коимбру и дворец дона Фадрике, великого магистра ордена Святого Иакова

Аженор, взбешенный рассказом оруженосца, который слово в слово повторил все, что рыцарь слышал собственными ушами, хотел было силой добиться от мавра того, чего не добился учтивостью. Но когда он пришпорил коня, чтобы погнаться за дерзким сарацином, бедное животное не выказало намерения исполнять желания хозяина, так что рыцарь вынужден был остановиться на усыпанном камнями склоне, который, кстати, и представлял собой едва заметную дорогу. Слуги из арьергарда мавра следили за действиями двух франкских воинов и время от времени оборачивались, не желая оказаться застигнутыми врасплох.

– Мессир Аженор! – закричал Мюзарон, встревоженный порывом своего господина, хотя усталость коня и делала этот порыв вовсе неопасным. – Мессир Аженор, ведь я сказал вам, что этот мавр не понимает по-французски, и признался, что мне, оскорбленному не меньше вас его молчанием, пришла мысль обратиться к нему по-испански, но, к сожалению,

нию, он уже был слишком далеко, чтобы я мог это сделать. Поэтому вы должны злиться не на него, а на меня, кому эта счастливая мысль не пришла раньше. Кстати, нам никто не угрожает, – прибавил он, увидев, что рыцарь вынужден остановиться, – а конь ваш совсем обессилел.

Молеон утвердительно кивнул.

– Все это прекрасно, – вздохнул он, – хотя мавр поступил не по-человечески; можно не знать ни слова по-французски, но повсюду люди понимают единый язык жестов, значит, когда ты произнес слово «Коимбра» и показал на оба города, он непременно должен был бы догадаться, что ты спрашиваешь, как туда попасть. Я не могу сейчас догнать дерзкого мавра, но – клянусь кровью Господа нашего, взывающего отомстить неверным, – пусть он никогда не попадается мне на глаза.

– Напротив, мессир, – возразил Мюзарон, кого осторожность не лишала ни отваги, ни злопамятности. – Наоборот, вам следует встретиться с ним, но в других условиях. Вам надо встретить его, когда, например, при нем будут лишь слуги, охраняющие его носилки. Вы взяли бы на себя господина, а я занялся бы слугами, потом мы посмотрели бы, что он хранит в своем золоченом деревянном коробе.

– Вероятно, какого-нибудь идола, – ответил рыцарь.

– Или же свою сокровищницу, – воодушевился Мюзарон, – огромный ларец, набитый алмазами, жемчугом, рубинами. Ведь эти чертовы неверные знают заклинания, что

помогают им отыскивать спрятанные сокровища. Эх, будь нас шестеро, даже четверо, мы задали бы вам перцу, сеньор мавр! О Франция! Франция, где ты? – стонал Мюзарон. – Где вы, отважные воины? Почему вас нет с нами, достойные наемники, боевые друзья мои?

– Ага! – вдруг воскликнул рыцарь, пребывавший в задумчивости, пока его оруженосец изливал свою душу. – Я вспомнил...

– О чем? – спросил Мюзарон.

– О письме дона Фадрике.

– Ну и что?

– Как что? Может быть, это письмо нам подскажет, по какой дороге ехать в Коимбру, о чем я забыл.

– Ах, Боже правый! Вот что значит говорить верно и мыслить здраво. Достаньте письмо, мессир Аженор, пусть хоть оно утешит нас теми прекрасными обещаниями, которые в нем вам даны.

Рыцарь отцепил подвешенный к луке седла маленький футляр из пропитанной благовониями кожи и достал из него пергамент. Это было письмо дона Фадрике, которое Молеон возил и как охранную грамоту, и как талисман.

Вот что в нем было написано:

«Благородный и великодушный рыцарь, дон Аженор де Молеон, помнишь ли ты тот прекрасный удар копьем, которым ты открыл в Нарбоне поединок с доном Фадрике, великим магистром ордена Святого Иакова, когда кастильцы

приезжали во Францию за доньей Бланкой Бурбонской?»

– Он хочет сказать за госпожой Бланш де Бурбон, – перебил его оруженосец, покачивая головой с видом человека, возомнившего, будто понимает по-испански, и не желающего упустить случай покрасоваться своей ученостью.

Рыцарь посмотрел на Мюзарона с презрительным выражением, с каким обычно воспринимал все хвастливые выходы, которые позволял себе его оруженосец. Потом снова устремил взгляд на пергамент:

«Я обещал сохранить о тебе доброе воспоминание, ибо ты вел себя со мной благородно и учтиво».

– Тут дело в том, – снова прервал чтение Мюзарон, – что ваша милость вполне могла вонзить ему в горло кинжал, как вы так изящно проделали с Монахом из Лурда, сражаясь в Ларрском проходе, где был ваш первый бой. Ведь на том знаменитом турнире, когда вы выбили дону Фадрике из седла и он, взбешенный тем, что оказался на земле, потребовал продолжать поединок боевым оружием вместо турнирного, которым вы оба сражались до той минуты, дон Фадрике был полностью в вашей власти, придавленный вашим коленом. Но, не прельстившись победой, вы великодушно сказали ему (я все еще слышу эти прекрасные слова): «Встаньте, великий магистр ордена Святого Иакова, чтобы не уронить честь рыцарства Кастилии».

И Мюзарон сопроводил эти слова исполненным величия жестом, словно повторяя тот жест, который обязательно дол-

жен был сделать его господин в сем торжественном случае.

– Он вылетел из седла по вине лошади, которая не выдержала удара, – пояснил Молеон. – Эти полуарабские-полукастильские лошади превосходят наших в резвости, однако уступают в бою. Но рыцарь он бесстрашный и искусный, а к моим ногам упал потому, что зацепился шпорой за корень дерева в тот самый миг, когда я ударил его топором по шлему. Это неважно, – продолжал Аженор с тем чувством гордости, которой при всей своей скромности, проявленной только что, не смог скрыть, – главное, что тот день, когда состоялся незабываемый поединок в Нарбоне, был счастливым для меня.

– И вы забыли о награде, которую в тот день вручила вам госпожа Бланш де Бурбон, хотя наша милая принцесса сильно побледнела и задрожала, когда увидела, что турнир, который она почтила своим присутствием, превратился в боевую схватку. Да, сударь, – продолжал Мюзарон, с трепетом предвкушая те почести, что были уготованы его хозяину и ему самому в Коимбре, – воистину то был счастливый день, когда фортуна вам улыбнулась.

– Я надеюсь, – скромно ответил Аженор. – Но давай продолжим! И он снова погрузился в чтение:

«Сегодня я призываю тебя к себе, потому что ты дал мне обещание только меня считать своим братом по оружию. Мы с тобой христиане, приезжай ко мне в Португалию, в Коимбру, которую я недавно отвоевал у неверных. Я предостав-

лю тебе возможность совершать славные подвиги в борьбе с врагами нашей святой веры. Ты будешь жить у меня во дворце. При дворе ты будешь словно моим братом. Приди же, брат мой, ибо я, живущий в окружении коварных и опасных врагов, действительно нуждаюсь в любящем меня человеке.

Коимбра – город, имя которого тебе должно быть известно, лежит в Португалии, в двух льё от моря, на берегу реки Мондегу. Тебе придется ехать только через дружественные нам земли: сначала через Арагон – родовое владение, завещанное Рамиро доном Санчо Великим,³⁹ который был, подобно тебе, бастардом, а стал настоящим королем, как ты стал отважным рыцарем; потом через Новую Кастилию, которую король Альфонс Шестой,⁴⁰ начал отвоевывать у мавров, а наследники его покорили окончательно; затем через Леон⁴¹ арену великих подвигов прославленного Пелайо,⁴²

---

³⁹ Санчо III Великий – король Наварры с 1000 по 1035 г.; завоевав Кастилию и Леон, принял титул короля всех Испании; оставил своему внебрачному сыну Рамиро королевство Арагон.

⁴⁰ Альфонс VI (1065–1109) – король Леона и Кастилии; вел упорную борьбу против мавров; в 1085 г. после семилетней осады отбил у них город Толедо.

⁴¹ Леон – историческая область Испании, завоеванная арабами в VIII в., окончательно освобождена к концу XI в.; в X – начале XI вв. самостоятельное королевство, позже объединившееся с королевством Кастилия.

⁴² Пелайо (ум. в 737 г.) – с 718 г. первый король Астурии, области в Северной Испании, превратившейся с расширением ее владений в XIII в. в королевство Леон. Пелайо положил начало Реконкисте («обратному завоеванию»), освобождению Испании от арабов, разбив в 718 г. в долине Ковадонга отряд завоевателей-мавров.

доблестного рыцаря, чью историю я тебе поведал; и, наконец, ты переправишься через Акведу и попадешь в Португалию, где я тебя и ожидаю. Не приближайся к горам, которые ты увидишь слева; если с тобой не будет большой свиты, не доверяй ни иудеям, ни маврам, когда повстречаешь их в дороге.

Прощай и не забывай, что я целый день велел называть себя Аженором в твою честь так же, как ты весь день звался Фадрике, чтобы оказать мне почтение.

В тот день я носил твои цвета, а ты – мои, ты повязал мой шарф, я – твой. Так мы и ехали вместе до самого Урхеля, охраняя возлюбленную нашу королеву донью Бланку Бурбонскую. Приезжай, дон Аженор; мне необходим брат и друг. Жду тебя».

– Ничего нет в этом письме, что могло бы указать нам дорогу, – вздохнул Мюзарон.

– Нет есть! Наоборот, в нем все есть! – возразил Аженор. – Разве ты не слышал, что я весь день носил его шарф?

– Ну и что?

– Знай же, что цвета шарфа были желтый и красный. Посмотри хорошенько, Мюзарон, глаз у тебя зоркий, посмотри, не видишь ли ты в этих городах здания, над которым развеивается желтый, как золото, и алый, как кровь, стяг; здание это будет дворцом моего друга дона Фадрике, а все, что окружает дворец, – городом Коимбра.

Мюзарон приложил ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза

от солнечных лучей, которые расплавляли все предметы в горячие волны света, и, долго водя головой слева направо и справа налево, наконец остановил свой взгляд на городе, что был расположен справа, в излучине реки.

– Значит, мессир Аженор, Коимбра находится справа, – начал Мюзарон, – там, у подножья этого холма, за стеной платанов и алоэ, ибо над самым высоким зданием города реет стяг, о котором вы только что говорили. Правда, над флагом еще возвышается алый крест.

– Это крест святого Иакова! – воскликнул рыцарь. – Верно! Но ты не ошибся, Мюзарон?

– Посмотрите сами, ваша милость.

– Солнце так сверкает, что я плохо вижу. Ну-ка, покажи, куда смотреть.

– Вон туда, мессир, вон туда... вдоль дороги... Видите два рукава реки? Развилку дороги видите?

– Да.

– Теперь смотрите вправо, на дорогу, что идет по берегу реки. Видите, как отряд мавра входит в городские ворота? Смотрите же, смотрите...

В этот миг солнце, которое до сих пор только мешало нашим путникам, пришло на помощь Мюзарону, высекая огненные искры из позолоченных доспехов мавров.

– Да, да, вижу! – воскликнул рыцарь. Затем, немного подумав, добавил: – Гм! Мавр ехал в Коимбру и не понял слова «Коимбра». Чудеса какие-то! Прежде всего я попрошу дона

Фадрике оказать мне любезность и помочь мне наказать мавра за подобную наглость. Но почему же дон Фадрике, столь благочестивый сеньор, чей титул ставит его в первый ряд защитников веры, терпит мавров в своем вновь отвоеванном городе, откуда он изгнал их? – продолжал вслух рассуждать рыцарь.

– Как почему, мессир? – перебил Мюзарон, хотя его и не спрашивали. – Разве дон Фадрике не приходится единокровным братом сеньору дону Педро, королю Кастилии?

– При чем тут дон Педро? – спросил Аженор.

– Как при чем? Неужели вы не знаете – признаться, меня это удивляет, ибо слухи об этом уже дошли до Франции, – не знаете, что у этой семьи врожденная любовь к маврам? Говорят, король просто не может без них обойтись. Мавры у него в советниках, в лекарях, в телохранителях, и даже в любовницах у него мавританки...

– Замолчите, метр Мюзарон, – прикрикнул рыцарь, – и не смейте вмешиваться в дела короля дона Педро, знатнейшего государя и брата моего прославленного друга!

– Брата, брата! – пробормотал Мюзарон. – Слышал я, чем кончается это его братство с маврами, – удавкой или взмахом кривой сабли. По мне, лучше иметь братом Гийонне, что пасет коз в долине Андорры и распевает песенку:

Я высоко в горах, Несчастный пастушок, – чем короля дон-на Педро Кастильского. Так вот я думаю.

– Можешь думать, что хочешь, – резко сказал рыцарь, –

я вот думаю, что тебе лучше помолчать. Когда люди оказывают тебе гостеприимство, нужно хотя бы не говорить о них дурного.

– Но ведь мы следуем не к королю дону Педро Кастильскому, – возразил неисправимый Мюзарон, – а приехали в Португалию к дону Фадрике, властелину Коимбры.

– Неважно к кому, – перебил его рыцарь, – молчи, и все тут.

Мюзарон поднял свой белый берет с красным помпоном и поклонился с лукавой усмешкой, которую скрыли длинные, черные как смоль волосы, упавшие на его худое смуглое лицо.

– Если вашей милости угодно ехать, – сказал он, немного помолчав, – я ваш покорный слуга.

– Надо спрашивать это у твоей лошади, – заметил Молеон. – Ладно, если она не хочет идти, оставим ее здесь. Вечером, когда она услышит вой волков, сама прекрасно доберется до города.

Животное, словно поняв эту угрозу, с неожиданной резкостью поднялось и подошло к своему хозяину, склонив холку, все еще блестящую от пота.

– Ну что ж, поехали, – сказал Аженор.

И тронулся с места, приподняв забрало шлема, которое опустил при встрече с мавром. Окажись здесь командир арабов, он смог бы своими острыми глазами рассмотреть красивое и благородное лицо, покрасневшее, запыленное, но

выражавшее сильный характер; уверенный взгляд, тонкий, лукавый рот, белые, словно из слоновой кости, зубы и еще не заросший бородой, твердо очерченный подбородок – признак негибаемой воли.

В общем, он был молодой, красивый рыцарь, этот мессир Аженор де Молеон, в чем он сам мог убедиться, глядя на себя в отполированный до блеска щит, который только что принял из рук Мюзарона.

Короткая остановка несколько приободрила лошадей. Они весьма резвым шагом двигались по дороге, которую теперь безошибочно указывал им стяг, развевавшийся над дворцом великого магистра ордена Святого Иакова.

Чем ближе они подъезжали к городу, тем чаще видели, как из ворот, несмотря на жару, выходят люди. Слышались трубы, и колокольный перезвон рассыпался в воздухе гроздьями радостных, переливчатых звуков.

«Если бы я послал Мюзарона вперед, – размышлял Аженор, – тот действительно мог бы поверить, что эта музыка и все эти церемонии затеяны в мою честь. Но сколь бы лестным ни был для моего самолюбия такой прием, надо признать, что вся эта суматоха вызвана иной причиной».

Мюзарон же усматривал в этом шуме явные признаки праздничного веселья и держался бодро, в любом случае предпочитая встречу с людьми радостными, нежели грустными.

Оба путешественника не ошиблись в своих догадках.

Большое оживление царило в городе, и если на лицах жителей не угадывались радостные улыбки, которые, казалось, должны вызывать у них звон колоколов и звуки фанфар, то на их физиономиях были написаны те чувства, которые вызывает у людей застигшая их врасплох важная новость.

Аженору и его оруженосцу не нужно было спрашивать дорогу, им лишь оставалось двигаться вместе с толпой, которая следовала к главной площади города.

Когда они пробивались сквозь скопление народа на эту площадь и Мюзарон, прокладывая путь ехавшему за ним благородному рыцарю, щедро раздавал направо и налево удары рукояткой своего кнута, перед ними вдруг возник дивный мавританский алькасар,⁴³ выстроенный для султана Мухаммеда, а теперь ставший дворцом молодого завоевателя Коимбры дона Фадрике; дворец осеняли высокие пальмы и пышные клены, которые клонились в ту сторону, куда в дни урагана гнул их ветер с моря.

Аженор и его оруженосец, хотя они сильно спешили, на мгновение замерли в восхищении перед огромным, причудливым сооружением, которое было украшено тончайшим кружевом из мрамора; казалось, что некий багдадский зодчий выполнил из топазов, сапфиров и лазуритов мозаики для сказочного дворца волшебниц или гурий.⁴⁴ Запад – вер-

---

⁴³ Алькасар (от араб, алькастр) – самая высокая в городе башня над дворцом правителя; иногда так называли весь дворец.

⁴⁴ Гурии – в мусульманской мифологии райские девы, услаждающие правед-

нее, юг Франции – в те времена знал только романские церкви, мосты или акведуки древних римлян, но понятия не имел о тех стрельчатых арках и ажурных каменных трилистниках, которыми спустя столетие Восток украсит фасады его соборов и верхушки его башен. Поэтому коимбрский алькасар представлял собой диковинное зрелище даже для наших невежественных и жестоких предков, презиравших в ту эпоху цивилизацию арабов и итальянцев, которой суждено было позднее обогатить их культуру.

Застыв в изумлении перед дворцом, они все же заметили, как из двух боковых ворот дворца вышли стражники и пажи, ведя в поводу мулов и коней.

Обе эти группы, описав каждая полудугу, сомкнулись, оттеснив народ и освободив перед парадным входом, к которому вела лестница в десять ступеней, большое свободное пространство в форме лука, чью тетиву словно образовывал фасад дворца. Смесь яркой роскоши одежд Африки с более строгим изяществом западных нарядов делала неотразимо привлекательным это зрелище, очарованию которого поддались Аженор и его оруженосец, увидевшие с одной стороны, как сверкают золотом и пурпуром попоны арабских скакунов и одеяния мавританских всадников, с другой – как сияют шелка и чеканное серебро; но главное – их поражала та

ников. Галльская кровь – то есть кровь галлов, группы племен, проживавших в древности на территории современных Северной Италии, Швейцарии, Франции и Бельгии. К I в. до н. э. галлы были покорены Римом; считаются предками французов.

надменная гордость, что сквозила во всем, даже в поведении выючных животных.

Народ, наблюдая, как разворачивается это представление, кричал «Вива!», как он обычно приветствует любые зрелища.

И вот под высоким сводом в форме трилистника – это был парадный вход во дворец – появилось знамя великого магистра ордена Святого Иакова; в сопровождении шестерых гвардейцев его нес могучий воин, который вышел на середину свободного от людей полукруга.

Аженор понял, что дон Фадрике либо собирается пройти во главе шествия по улицам города, либо намерен отправиться в другой город, и решил было, несмотря на скудость своего кошелька, поискать какой-нибудь постоялый двор, где мог бы подождать его возвращения, ибо Молеон не хотел своим неуместным присутствием нарушать церемонию торжественного выхода.

И в это мгновенье он увидел, как в боковые ворота алькасаара въехал авангард мавританского отряда, а потом показались заинтересовавшие их носилки из позолоченного дерева, по-прежнему наглухо зашторенные и покачивающиеся на спинах белых мулов; именно эти носилки вводили Мюзарона в столь сильное, но вполне объяснимое искушение.

Наконец более громкие звуки раковин и фанфар возвестили, что сейчас выйдет великий магистр; двадцать четыре музыканта, по восемь в ряд, продолжая трубить, вышли из

парадного входа к лестнице, по которой спустились на площадь.

Вслед за ними большими прыжками выбежал крупный, но резвый пес, из тех, что сторожат стада в горах, с заостренной, как у медведя, мордой, с горящими, как у рыси, глазами, с выносливыми, как у лани, ногами. Он был покрыт длинной шелковой попоной, отливавшей на солнце серебром; на шее у него был широкий, украшенный рубинами золотой ошейник с маленьким, тоже золотым колокольчиком; свою радость он выражал прыжками, в которых угадывались две цели – явная и скрытая. Видимой была белоснежная лошадь, укрытая просторной попоной из багряной парчи; она ржала, словно вторя игривым прыжкам пса; незримой, вероятно, был какой-нибудь вельможа, еще не сошедший с парадного крыльца, куда нетерпеливо убегал пес, чтобы через несколько секунд снова, весело прыгая, появиться у ступеней лестницы.

Наконец, тот, ради кого ржала лошадь и прыгал пес, тот, в чью честь народ кричал «Вива!», появился на верху лестницы, и тысячи голосов слились в один возглас:

– Да здравствует дон Фадрике!

Дон Фадрике продвигался вперед, беседуя с арабским воином, шедшим по правую руку, и идущим слева юным пажом с красивым лицом, хотя черные брови и поджатые алые губы делали его черты несколько жесткими; паж нес большой развязанный кошель с золотыми монетами, и дон Фадрике,

остановившись на первой ступени, стал белой, нежной, как у женщины, рукой зачерпывать пригоршни монет и сыпать их сверкающим дождем на головы волнующейся толпы, что восторженными криками встречала эти щедрые дары, от которых она отвыкла при предшественниках своего нынешнего повелителя.

Новый властелин Коимбры был таким высоким, что казался величественным. Смесь галльской и испанской кровей наградила его длинными черными волосами, голубыми глазами и светлой кожей; эти голубые глаза были такие ласковые и радушные, что многие люди, не желая отводить взоров от дона Фадрике ни на секунду, даже и не думали подбирать с земли цехины, громко провозглашая ему пожелания счастья.

Вдруг, посреди этого неистового ликования, трубы, и раковины, которые на мгновение умолкли, то ли по случайности, то ли предчувствуя, что такой добрый властелин скоро покинет город, зазвучали вновь, но веселая и радостная музыка казалась народу лишь печальной, заунывной мелодией, тогда как колокола, это новейшее изобретение, призванное служить посредником между человеком и Богом, казалось, били в набат, а не звонили живым, переливчатым звоном.

И тут пес, встав на задние лапы, положил передние на грудь хозяину и завыл так жалобно, протяжно, тревожно, что даже у самых храбрых дрогнули сердца.

Толпа онемела, и неожиданно в наступившей тишине кто-

то выкрикнул:

– Не уезжайте, великий магистр, не покидайте нас, дон Фадрике!

Но никто не заметил, кто подал этот совет.

Аженор увидел, что мавр, услышав этот крик, вздрогнул, лицо его приобрело какой-то землистый оттенок – так бледнеют эти дети солнца, – и он стал с тревогой вглядываться в дону Фадрике, словно пытаясь прочесть в глубине его души, каким образом тот отзовется на всеобщее оцепенение и одинокий возглас из толпы.

Однако дон Фадрике ласково поглаживал воющего пса и, сделав едва заметный знак пажу, печально улыбнулся множеству людей, которые умоляюще смотрели на него, молитвенно сложив руки.

– Добрые друзья мои, – сказал он, – мой брат король Кастилии призывает меня в Севилью, где меня ждут празднества и турниры, кои ознаменуют радость нашего примирения. Вместо того чтобы мешать мне встретиться с моим братом и моим королем, лучше благословите от всего сердца любящих братьев.

Но народ встретил эти слова не криками радости, а гробовым молчанием. Паж что-то шепнул на ухо своему господину, а пес продолжал выть.

Все это время мавр успевал следить за толпой и пажом, псом и самим доном Фадрике.

Тревожная тень на мгновенье омрачила чело великого ма-

гистра. Мавр решил, что дон Фадрике боится.

– Сеньор, вы знаете, что судьба всех людей написана заранее: имена одних начертаны на золотых скрижалях, имена других – на медных. Ваша судьба вписана в золотую скрижаль, поэтому бесстрашно идите ей навстречу.

Дон Фадрике, который несколько минут стоял, опустив глаза, поднял голову, словно искал в толпе лицо друга, чей-нибудь ободряющий взгляд.

Именно в этот миг Аженор привстал на стременах, чтобы не упустить ни одной подробности сцены, которая разворачивалась перед ним. И словно угадав, кого искал великий магистр, он одной рукой приподнял забрало, а другой слегка покачал копьем.

Великий магистр радостно вскрикнул, глаза его засверкали, и счастливая улыбка, расцветшая на розовых, как у девушки, губах, озарила все лицо.

– Это дон Аженор! – воскликнул он, протягивая к рыцарю руку.

Пажу, который, казалось, обладал даром угадывать сокровенные мысли дон Фадрике, больше не нужно было слов, и он тут же подбежал к рыцарю, крича: «Прошу вас, дон Аженор, пожалуйста сюда!»

Толпа расступилась, потому что она боготворила все, что любил дон Фадрике, и все взгляды обратились на рыцаря, которого великий магистр встречал с той же радостью, с какой юный Товия принял своего божественного спутника, ниспо-

сланного ему Небом.⁴⁵

Аженор спешился, бросил поводья Мюзарону, передал ему копьё, повесил к луке седла щит и проследовал за пажом сквозь толпу.

Мавр снова побледнел. Он узнал того самого франкского рыцаря, которого повстречал на дороге в Коимбру, и оруженосца, которого он не удостоил ответа.

Между тем дон Фадрике распахнул Аженору свои объятия, и тот бросился в них со всем пылом юного сердца.

Истинное наслаждение было видеть этих двух красивых молодых людей, чьи лица дышали всеми благородными чувствами, что так редко дополняют на земле образ красоты.

– Поедешь ли ты со мной? – спросил дон Фадрике у Аженора.

– Куда угодно, – ответил рыцарь.

– Друзья мои, – громким, звонким голосом, который так нравился толпе, сказал великий магистр, – теперь я могу ехать, а вам больше нечего бояться: дон Аженор де Молеон, брат мой, гордость франкского рыцарства, едет вместе со мной!

И по знаку великого магистра барабаны заиграли бравурный марш, весело зазвенели трубы, конюший подвел дону Фадрике его прекрасного белого коня, и весь народ закри-

---

⁴⁵ Речь идет об одном из эпизодов библейской книги Товита. Юноша Товия, посланный отцом с поручением, взял себе в дорогу спутника, не зная, что это посланный богом архангел Рафаил.

чал:

– Да здравствует дон Фадрике, великий магистр ордена Святого Иакова! Да здравствует дон Аженор, франкский рыцарь!

Пес дона Фадрике пристально смотрел то на рыцаря, то на мавра. Мавру он показал белые клыки, угрожающе рыча; к рыцарю всячески ластился.

Паж, грустно улыбнувшись, погладил пса по шее.

– Ваша милость, – обратился Аженор к дону Фадрике, – когда вы просили меня ехать с вами, я сразу согласился, послушавшись лишь зова своего сердца, так же как и в тот день, когда я выехал к вам из Тарба. От Тарба до Коимбры я добрался за шестнадцать дней; переход был тяжелый. Поскольку кони мои смертельно устали, я вряд ли смогу сопровождать вашу милость в столь дальней поездке.

– Пустяки! Разве я не писал тебе, что мой дворец – это твой дворец? – воскликнул дон Фадрике. – Мое оружие и мои кони принадлежат тебе, как и все в Коимбре. Иди и выбери в моих конюшнях коней для себя, мулов для твоего оруженосца, или нет, постой, не оставляй меня ни на секунду. Всем займется Фернан. Фернан, ступай седлать моего боевого коня Антрима и заодно спроси у оруженосца дона Аженора, кто ему больше по душе, конь или мул. А если он не может расстаться со своими усталыми лошадьми – всякий истинный рыцарь дорожит своим конем, – они пойдут в обозе, где за ними будет хороший уход.

Паж помчался исполнять поручение и скрылся из виду.

Тем временем мавр, который полагал, что все скоро отправятся в путь, сошел по лестнице вниз, чтобы осмотреть носилки и отдать распоряжения тем, кто их охранял. Но, заметив, что отъезд откладывается и друзья, оставшись наедине, собираются поделиться какими-то секретами, он живо взбежал по лестнице и занял свое прежнее место рядом с великим магистром.

– Господин Мотриль, – обратился к мавру дон Фадрике, – рыцарь, которого вы видите, принадлежит к числу моих друзей. Он больше чем мой друг, он мой брат по оружию, и я беру его с собой в Севилью, ибо хочу рекомендовать моему властелину, королю Кастилии, взять его к себе на службу в качестве офицера, а если король соизволит оставить его при мне, то я возьму рыцаря себе. Он несравненно владеет мечом, а сердце его гораздо отважнее его меча.

Мавр отвечал на безупречном испанском, хотя в его произношении проскальзывал тот гортанный акцент, на который Аженор уже обратил внимание, когда по дороге в Коимбру тот произнес одну-единственную фразу по-арабски, после чего его отряд ушел вперед.

– Благодарю вас, ваша милость, за то, что вы назвали мне имя и сказали о достоинствах господина рыцаря, – сказал мавр, – но случай уже представил мне благородного француза. К несчастью, чужестранец, тем более путник, который, подобно мне, принадлежит к враждебному племени, часто

должен с недоверием относиться к случаю, поэтому, встретив недавно в горах сеньора Аженора, я не выказал ему той учтивости, какую обязан был проявить.

– Вот оно что! Вы уже встречались! – воскликнул Фадрике с удивлением.

– Да, сеньор, – по-французски ответил Аженор, – и признаюсь, что пренебрежение господина мавра, который не пожелал ответить на простой вопрос, заданный ему мною через моего оруженосца, как проехать в Коимбру, меня несколько задело. По ту сторону Пиренеев мы более вежливо обходимся с чужеземными гостями.

– Мессир, вы заблуждаетесь только в одном, – возразил по-испански Мотриль. – Мавры еще находятся в Испании, это правда, но они больше не чувствуют себя как дома и по эту сторону Пиренеев; исключая Гранаду, мавры сами лишь гости испанцев.

«Ну и ну! Оказывается, он по-французски понимает», – прошептал про себя Мюзарон, незаметно пробравшийся к ступеням парадного входа.

– Пусть рассеется между вами это облако недоверия... Сеньор Мотриль, друг и министр моего повелителя, короля Кастилии, надеюсь, соблаговолит милостиво отнестись к шевалье⁴⁶ де Молеону, к другу и брату королевского брата, – сказал дон Фадрике.

Мавр молча поклонился и, поскольку Мюзарон, по-преж-

---

⁴⁶ Шевалье – дворянский титул во Франции: рыцарь, кавалер.

нему раздираемый любопытством, желая узнать, что же таится в носилках, подошел к ним совсем близко, чего Мотриль, вероятно, не допускал, сошел вниз, сделав вид, будто забыл отдать какие-то распоряжения слугам, и встал между носилками и оруженосцем.

Дон Фадрике воспользовался его отсутствием, чтобы наклониться к Аженору и прошептать:

– Ты видишь в этом мавре человека, который во всем влияет на моего брата, а значит, и на меня.

– Ах, откуда такая горечь в ваших словах?! – воскликнул Аженор. – Вы знатный принц и достойный рыцарь, дон Фадрике, и не забывайте никогда, что над вами властен только Бог!

– И все-таки я еду в Севилью, – вздохнул великий магистр.

– Почему вы едете туда?

– Король дон Педро меня просит, а просьба короля дона Педро – это приказ.

Мавр, казалось, разрывался между нежеланием отойти от носилок и боязнью, что дон Фадрике успеет слишком многое рассказать французскому рыцарю. Боязнь взяла вверх, и он снова подошел к друзьям.

– Сеньор, я должен сообщить вашей милости одно известие, которое нарушит ваши планы, – сказал мавр дону Фадрике. – Мне еще придется кое-что уточнить у моего секретаря, хотя я уже почти уверен в этом. У короля дона Педро

начальником стражи служит капитан Тариффа,⁴⁷ отважный воин, которому король полностью доверяет, хотя тот родился, или, вернее, предки его родились, по ту сторону пролива.⁴⁸ Поэтому я боюсь, что французский рыцарь напрасно потратит свои силы, направляясь ко двору короля дона Педро. Учитывая это, я дам ему совет оставаться в Коимбре, к тому же, как всем известно, донья Падилья не любит французов.

– Неужели это правда, сеньор Мотриль? – воскликнул дон Фадрике. – Ну что ж, тем лучше! Мой друг останется со мной.

– Я приехал не в Испанию, а в Португалию. Я приехал служить не королю дону Педро, а великому магистру дону Фадрике, – с гордостью заявил Аженор. – Я нашел ту службу, которую искал, и другой мне не надо. Вот мой сеньор!

И он изящно поклонился своему другу.

Мавр улыбнулся, обнажив ослепительные зубы.

«Ну и зубы! – подумал Мюзарон. – Он, наверное, злобно кусается».

В этот момент паж подвел Антрима, боевого коня великого магистра, и Коронеллу, мула для Мюзарона. Рассаживание произошло мгновенно: Аженор де Молеон сел на нового коня, Мюзарон взгромоздился на свежего мула; их усталых лошадей передали слугам из свиты, а дон Фадрике, которо-

---

⁴⁷ Тариффа – город и крепость на юге Испании близ Гибралтара.

⁴⁸ То есть на африканском берегу Гибралтарского пролива, откуда пришли в Испанию мусульманские завоеватели.

го жестом пригласил мавра, сошел по лестнице и тоже хотел было садиться на коня.

Но прекрасный пес в белой шелковой попоне, казалось, снова решил помешать этому намерению. Он встал между хозяином и его конем, с воем отталкивая дон Фадрике.

Тот пнул пса ногой и, вопреки всем ухищрениям верного пса, сел в седло и дал приказ выступать. Тогда пес, словно поняв приказ и окончательно отчаявшись, кинулся на коня и укусил его в шею.

Конь взвился на дыбы, заржав от боли, и так резко отпрыгнул в сторону, что любой всадник, менее опытный, нежели дон Фадрике, вылетел бы из седла.

– Ты что, Алан?⁴⁹ – вскричал дон Фадрике, обращаясь к псу по кличке, указывавшей на его породу. – Ты что, злобное животное, взбесился?

И он так сильно стегнул пса кожаной плеткой, что тот, сбитый с ног, откатился футов на десять.

– Надо убить его, – сказал Мотриль. Фернан искоса взглянул на мавра. Алан уселся у подножья парадной лестницы дворца, задрал голову и, разинув пасть, опять жалобно завыл.

Тогда весь народ, молча наблюдавший эту сцену, зароптал, и крик, который раньше вырвался у кого-то одного, под-

---

⁴⁹ Аланы – ираноязычные племена сарматского происхождения, жившие с I в. н. э. в Приазовье и Предкавказье. По-видимому, пес Алан был кавказской породы.

хватила вся толпа:

– Не уезжайте, великий магистр дон Фадрике, останьтесь с нами, великий магистр! Что вам брат, когда у вас есть ваш народ? Что вам сулит Севилья такого, чего не может дать Коимбра?

– Ваша милость, неужели я должен вернуться к королю, моему повелителю, – вскипел Мотриль, – и сказать ему, что ваш пес, ваш паж и ваш народ не желают, чтобы вы поехали в Севилью?

– Нет, сеньор Мотриль, мы едем, – ответил дон Фадрике. – В дорогу, друзья мои!

Прощаясь, он помахал народу рукой и поехал во главе кавалькады, перед которой безмолвно расступалась толпа. Позолоченные решетчатые ворота алькасара, которые заскрипели, словно ржавые дверцы заброшенного склепа, закрыли.

Пес сидел на лестнице до тех пор, пока мог видеть хозяйина и надеяться, что тот передумает и вернется, но, потеряв эту надежду, когда дон Фадрике скрылся за поворотом улицы, ведущей к Севильским воротам, бросился вдогонку и в несколько огромных прыжков нагнал его; Алан, не сумев помешать хозяину пойти навстречу опасности, стремился хотя бы разделить с ним эту опасность.

Через десять минут кавалькада выбралась из Коимбры и устремилась по той же дороге, по которой утром прибыли мавр Мотриль и Аженор де Молеон.

IV. Как Мюзарон обнаружил, что мавр разговаривает с носилками, а те ему отвечают

Отряд великого магистра состоял из тридцати восьми человек, включая франкского рыцаря и его оруженосца, но не считая мавра с его дюжиной стражников, пажами и слугами; вьючные мулы тащили богатую, разнообразную поклажу: ведь еще за неделю до приезда Мотриля дону Фадрике сообщили, что брат вызывает его в Севилью. Дон Фадрике тут же отдал приказ выступить, надеясь, что мавр будет слишком утомленным, чтобы ехать с ним, и останется в Коимбре. Но, видимо, усталость была неведома этим сынам пустыни и их коням, и казалось, что кони эти были потомками тех кобылиц, которых, как писал Вергилий,⁵⁰ оплодотворял ветер.

В день они проехали десять льё, а с наступлением сумерек разбили лагерь на склоне гор, с краю которых высился Помбал.

Во время этого первого перехода мавр не спускал глаз с обоих друзей. Сначала под предлогом, что желает принести извинения французскому рыцарю, а потом как бы стремясь искупить былую неучтивость истинной вежливостью,

---

⁵⁰ Публий Вергилий Марон (70–19 до н. э.) – древнеримский поэт. Помбал – португальский город у подножия гор Сьерра – Да-Этрела к югу от Коимбры.

он отъезжал от Аженора лишь на несколько минут, необходимых ему для того, чтобы переговорить с охраной носилок. Но, сколь бы короткими ни были эти отлучки, на которые его тянуло какое-то неодолимое чувство, Аженор все-таки успел спросить великого магистра:

– Сеньор дон Фадрике, прошу вас, объясните мне, чем вызвано то упорство, с каким сеньор Мотриль преследует нас, не отходя ни на шаг. Значит, он, монсеньер, очень любит вас, ведь то, как я принял его запоздалые знаки внимания, вряд ли внушает ему большую симпатию ко мне.

– Не знаю, сколь велика любовь Мотриля ко мне, – ответил дон Фадрике, – зато мне известно, что он смертельно ненавидит донью Падилью, любовницу короля.

Аженор посмотрел на великого магистра с недоумением человека, который ничего не понял. Но к ним уже спешил наостривший уши мавр, и дон Фадрике едва успел шепнуть рыцарю:

– Говорите о другом.

Аженор поспешил последовать этому совету и, как будто подобная мысль возникла у него самого, спросил:

– Кстати, сеньор Фадрике, не расскажите ли вы мне, как живет в Испании нашей досточтимой госпоже Бланш де Бурбон, королеве Кастилии. Во Франции очень обеспокоены судьбой этой доброй принцессы, которой многие люди желали счастья, когда она уезжала из Нарбона, куда вы прибыли за ней от имени короля, ее супруга...

Договорить Аженор не успел, так как почувствовал, что его по левому колену больно ударил своим правым коленом паж, который, сделав вид, будто его тащит за собой конь, прошел между ним и великим магистром; рассыпаясь в извинениях перед рыцарем за свою неловкость и за своего коня, он пронзил его взглядом, способным заставить умолкнуть самого несдержанного болтуна.

Однако дон Фадрике понял, что ему придется дать ответ, поскольку он находился в таком положении, когда его молчание могло быть истолковано превратно.

– Но неужели сеньор Аженор ничего не слышал о донье Бланке с тех пор, как она в Испании? – вмешался Мотриль, желавший, казалось, поддержать разговор с тем же интересом, с каким великий магистр хотел его прекратить.

– Нет, господин мавр, уже почти три года, как я воюю в наемных отрядах против англичан, врагов моего повелителя короля Иоанна, лондонского узника,⁵¹ и регента нашего, принца Карла,⁵² которого когда-нибудь назовут Карлом Муд-

---

⁵¹ Имеется в виду Иоанн II Добрый (1319–1364), король Франции с 1350 г. Потерпев поражение в битве с англичанами при Пуатье в Западной Франции (1356 г.), он был взят в плен и увезен в Лондон, где находился до 1360 г.; в 1364 г. вернулся в плен из-за неуплаты выкупа и бегства сына-заложника.

⁵² Старший сын Иоанна Доброго, регент Франции в 1356–1360 гг. во время пленения отца; с 1364 г. король Франции Карл V Мудрый (1338–1380). После заключения в 1360 г. перемирия с англичанами в Бретиньи осуществил ряд мер по укреплению королевской власти, реорганизовал армию, упорядочил налоговую систему. Карл V покровительствовал наукам и искусствам, способствовал развитию Парижского университета.

рым, ибо он не по летам весьма благоразумен и добродетелен, – ответил рыцарь.

– Я-то полагал, что, где бы вы ни находились, до вас дошли отзвуки толедского дела, которое наделало много шума, – возразил Мотриль.

Дон Фадрике слегка побледнел, а паж приложил к губам палец, делая Аженору знак молчать.

Аженор отлично понял этот жест и лишь прошептал про себя: «Испания! Испания! Страна тайн!»

Но Мотриль не был намерен молчать.

– Поскольку, господин рыцарь, вам ничего не известно о свояченице вашего регента, – сказал он, – я расскажу вам, что с ней произошло.

– Не стоит, сеньор Мотриль, – не выдержал дон Фадрике. – Вопрос, заданный моим другом доном Аженором, принадлежит к тем простым вопросам, которые требуют однозначного ответа – либо «да», либо «нет», – а вовсе не пространных рассказов, что будут совсем не интересны слушателю, далекому от испанских дел.

– Но если сеньор Аженор далек от Испании, то он близок делам Франции, ведь донья Бланка – француженка. Кстати, рассказ мой будет коротким, и господин Аженор, едущий ко двору короля Кастилии, должен знать, о чем там принято говорить, а о чем нет.

Дон Фадрике вздохнул и по самые глаза завернулся в широкий белый плащ, словно прячась от последних лучей за-

ходящего солнца.

– Вы провожали донью Бланку из Нарбона в Урхель, – продолжал Мотриль. – Это правда, сеньор Аженор, или, может быть, я ошибаюсь?

– Правда, – признал рыцарь, который держался настороженно, получив знак пажа и видя мрачное лицо дона Фадрике, но все-таки не способен был слукавить.

– Итак, она ехала в Мадрид через Арагон и часть Новой Кастилии под охраной сеньора дона Фадрике, который привез ее в замок Алькала, где королевская свадьба была отпразднована с пышностью, достойной столь знатных особ. Но на другой день, по причине, так и оставшейся тайной, – продолжал Мотриль, сверля дону Фадрике своими пронзительными, сверкающими глазами, – на другой же день, повторяю я, король вернулся в Мадрид, оставив в замке Алькала молодую жену скорее пленницей, нежели королевой.

Мотриль на мгновенье замолчал, как бы желая убедиться, скажет ли кто-либо из друзей хоть одно слово в защиту доньи Бланки; но оба безмолвствовали. Поэтому мавр продолжил свой рассказ:

– С того дня супруги стали жить отдельно. Более того, совет епископов высказался за развод. Вы согласитесь, рыцарь, что должны были быть веские причины для обвинений жены-чужестранки, – ядовито усмехнулся мавр, – чтобы столь почтенное и святое собрание, как епископский совет, расторгло узы, которыми их связали политика и религия.

– Или же этот совет полностью подчинялся королю дону Педро, – возразил дон Фадрике, неспособный более сдерживать свои чувства.

– Ну нет! – возразил Мотриль с той нарочитой наивностью, от которой насмешка становится острее и горше. – Разве можно предположить, что сорок две святые особы, миссия которых – блюсти честность людей, пошли бы против собственной совести. Это невозможно, а если это произошло, то чего же стоит вера, которую несут подобные пастыри!

Друзья хранили молчание.

– Тем временем король заболел, и все даже думали, что он скоро умрет. Тут и стали обнаруживаться тайные честолюбивые замыслы сеньора Энрике де Трастамаре.⁵³

– Сеньор Мотриль, не забывайте, что дон Энрике Трастамаре – мой брат-близнец, – сказал дон Фадрике, пользуясь случаем, чтобы возразить мавру, – и я не потерплю, чтобы при мне отзывались плохо и о нем, и о моем брате доне Педро, короле Кастилии.

– Справедливо сказано, – ответил Мотриль. – Простите меня, о славнейший великий магистр. Я забыл о вашем близком родстве, видя, что, хотя дон Энрике не покоряется королю дону Педро, вы нежно любите его. Поэтому я буду го-

---

⁵³ Сеньор Энрике де Трастамаре (1338–1379) – граф, побочный сын короля Кастилии Альфонса XI, сводный брат Педро Жестокого; возглавил направленный против того мятеж недовольных феодалов; с 1369 г. – король Кастилии под именем Генриха II Трастамаре; способствовал восстановлению в государстве порядка и мира.

ворить только о госпоже Бланке.

– Проклятый мавр! – пробормотал дон Фадрике.

Аженор бросил на великого магистра взгляд, который означал: «Может, ваша милость, я избавлю вас от этого человека? Я это живо сделаю».

Мотриль притворился, что не слышал слов дона Фадрике и не заметил взгляда Аженора.

– Я уже говорил, что всюду стали проявляться честолюбивые намерения, ослабили узы преданности, и вот, когда король дои Педро почти ступил на порог вечности, однажды ночью ворота замка Алькала распахнулись, и из них выехала донья Бланка вместе с неизвестным рыцарем, который проводил ее до Толедо, где она и укрылась. Но Провидению было угодно, чтобы возлюбленный король наш дон Педро, хранимый молитвами всех своих подданных и, вероятно, молитвами своих родных, вернулся к жизни в силе и здравии. Тогда он и узнал о бегстве доньи Бланки, о помощи неизвестного рыцаря и о месте, куда удалилась беглянка. Одни говорят, что он хотел отправить ее назад во Францию – я и сам так думаю, – другие считают, что он хотел заточить ее не в замке, а в настоящей тюрьме. Но каковы бы ни были намерения ее супруга-короля, донья Бланка, которую своевременно предупредили об отданных королем приказах, укрылась во время воскресного богослужения в толедском соборе и там объявила горожанам, что требует права убежища и встает под защиту христианского Бога. Говорят, донья Бланка краси-

вая, – продолжал мавр, пронизывая испытующим взглядом то рыцаря, то великого магистра, – даже слишком красивая. Но сам я никогда ее не видел. Ее красота, тайна, окутывающая ее несчастья, а также, быть может, и задолго подготовленные действия, тронули людские сердца: все приняли ее сторону. Епископ, один из тех, кто объявил ее брак с королем расторгнутым, был изгнан из храма, который превратили в крепость, и там приготовились защищать донью Бланку от присланных королем солдат.

– Как? – вскричал Аженор. – Солдаты намеревались похитить донью Бланку из церкви! Неужели христиане посмели посягнуть на право убежища?!

– Ну, конечно, о Аллах, конечно! – воскликнул Мотриль. – Сперва король дон Педро обратился к своим мавританским лучникам, но те заклинали его подумать о том, что святотатство будет гораздо более тяжким, если храм осквернят неверные, и дон Педро внял их сомнениям. Тогда он обратился к христианам, которые пошли на это кощунство. Что поделаешь, сеньор рыцарь, любая вера грешит такими противоречиями, и лучше других та, в которой их меньше.

– Уж не хочешь ли ты сказать, неверный, – воскликнул великий магистр, – что вера в Аллаха выше веры в Христа?!

– Нет, славнейший великий магистр, ничего подобного я не хочу сказать, и пусть Аллах сохранит меня, ничтожную пылинку, от любых окончательных суждений в сих делах! Нет. Сейчас я лишь рассказчик и повествую о приключениях

госпожи Бланш де Бурбон, как говорят французы, или доньи Бланки Бурбонской, как называют ее испанцы.

«Неуязвимый!» – прошептал дон Фадрике.

– Так вот, когда солдаты, совершив страшное кощунство, проникли в собор и намеревались схватить донью Бланку, вдруг закованный в железо рыцарь с опущенным забралом, вероятно тот, что помог пленнице бежать, ворвался в собор верхом на коне.

– Верхом на коне?! – изумился Аженор.

– Ну да, – подтвердил Мотриль. – Это святотатство, но, наверное, имя, титул или какой-нибудь воинский орден давали сему рыцарю такое право. В Испании существует много подобных привилегий. Например, великий магистр ордена Святого Иакова имеет право входить во все церкви христианского мира в шлеме и при шпорах. Не правда ли, сеньор дон Фадрике?

– Правда, – глухим голосом ответил тот.

– Итак, рыцарь въехал в собор, разогнал солдат, призвал горожан к оружию, и по его зову город восстал, изгнал отряд короля дона Педро и запер ворота...

– Но потом мой брат отомстил сполна, – перебил его великий магистр, – и двадцать две головы, срубленные по его повелению на главной площади Толедо, принесли ему вполне заслуженное прозвище Справедливый.

– Да, но среди этих двадцати двух голов не оказалось головы мятежного рыцаря, ибо никто так и не узнал, кто это

был.

– А как поступил король с доньей Бланкой? – спросил Аженор.

– Донью Бланку отвезли в крепость города Херес, где она находится под стражей, хотя, возможно, она заслуживала бы большего наказания, чем тюрьма.

– Сеньор мавр, не нам решать, какой кары или награды достойны те, кого Бог избрал править народами, – сурово сказал дон Фадрике. – Выше них один Бог, и лишь Бог властен карать или миловать их.

– Господин наш говорит истинно, а его смиренный раб не прав в том, что сказал, – ответил Мотриль, сложив на груди руки и склонив голову к холке коня.

Тут они добрались до места, где решено было остановиться на ночлег и разбить лагерь.

Когда мавр удалился, чтобы проследить, как опускают на землю носилки, великий магистр приблизился к рыцарю.

– Больше не говорите со мной ни о короле, ни о донье Бланке, ни обо мне при этом проклятом мавре, который постоянно вызывает у меня желание натравить на него моего пса! – со злостью воскликнул он. – Не говорите со мной об этом до ужина, когда мы останемся одни и сможем побеседовать спокойно. Мавр Мотриль будет вынужден оставить нас наедине, он не ест вместе с христианами, и, кстати, ему надо присматривать за носилками.

– Он что, прячет в этих носилках свои сокровища?

– Да, – улыбнулся великий магистр, – вы совершенно правы, в них его сокровище.

В этот момент к ним подошел Фернан; Аженор уже допустил за день множество оплошностей и теперь боялся казаться нескромным. Но его любопытство, которое он сдерживал, от этого не уменьшилось.

Фернан пришел, чтобы получить распоряжения своего господина, потому что палатку дон Фадрике уже установили в центре лагеря.

– Приготовь нам ужин, мой добрый Фернан, – обратился принц к молодому человеку, – рыцаря, наверное, терзают голод и жажда.

– Но я вернусь, – сказал Фернан. – Вы знаете, что я обещал не отходить от вас ни на шаг, и знаете, кому я обещал это.

Щеки великого магистра на мгновение покраснели.

– Останься с нами, дитя мое, ведь от тебя у меня секретов нет, – сказал он.

Ужин был накрыт в палатке великого магистра, и Мотриля, действительно, на нем не было.

– Теперь, когда мы одни, – сказал Аженор, – вы ведь сами сказали, что у вас нет секретов от меня, расскажите мне, дорогой сеньор, что же произошло, чтобы я впредь не допускал ошибки, подобной той, что совершил недавно.

Дон Фадрике с беспокойством огляделся.

– Полотняная стена – ненадежное укрытие для тайны, – заметил он. – Здесь можно подглядывать снизу и подслуши-

вать снаружи.

– Ну что ж, поговорим о другом. Несмотря на мое вполне естественное любопытство, я подожду, – ответил Молеон. – И кстати, если этому сатане придет в голову снова помешать нам, до Севильи мы все-таки найдем время, чтобы поговорить друг с другом, ничего не опасаясь.

– Если бы вы не так сильно устали, – заметил дон Фадрике, – я предложил бы вам выйти со мной из палатки – мы захватили бы мечи и надели плащи – и пройтись в сопровождении Фернана. Мы смогли бы побеседовать на равнине, найдя достаточно открытое место, чтобы быть уверенными, что в пятидесяти шагах от нас мавр не превратился в змею – такова его природная сущность – и не подслушивает.

– Сеньор, я никогда не устаю, – ответил Аженор с той улыбкой, что придают человеку сила и неиссякаемая уверенность молодости. – Часто, весь день пробежав за серной по откосам самых высоких вершин наших гор, я возвращался домой поздно вечером, но мой благородный опекун Эрнотон де Сент-Коломб говорил: «Аженор, мы взяли в горах медвежий след, я знаю, где скрылся зверь; хотите пойти со мной в облаву?» Я успевал лишь выложить добытую дичь и в любое время снова отправлялся на охоту.

– Тогда пошли, – сказал великий магистр.

Сняв шлемы и доспехи, они закутались в плащи – не только потому, что ночи в горах прохладные, сколько из желания остаться не узванными, – и вышли из палатки, направившись

в ту сторону, где могли скорее выбраться из лагеря.

Пес хотел было идти за ними, но дон Фадрике подал ему команду, и умное животное улеглось у входа в палатку; все так хорошо знали пса, что он мог сразу же выдать друзей.

Они не прошли и нескольких шагов, как путь им преградил часовой.

– Чей это солдат? – спросил Фернана дон Фадрике, отступив на шаг.

– Ваша милость, это Рамон, арбалетчик, – ответил паж. – Я хотел, чтобы сон вашей милости охраняла надежная стража, и сам расставил часовых. Вы же знаете, что я обещал беречь вас.

– Тогда скажи ему, кто мы, – приказал великий магистр, – этому мы можем без опаски назвать себя.

Фернан, подойдя к часовому, что-то ему шепнул. Солдат поднял арбалет и, почтительно отойдя в сторону, пропустил их.

Но едва они отошли футов на пятьдесят, как в темноте вдруг возникла белая неподвижная фигура. Великий магистр, не зная, кто бы это мог быть, пошел прямо на сие приведение. Это был второй часовой, закутанный в плащ с капюшоном; он преградил им путь копьем, сказав по-испански с гортанным арабским – выговором:

– Прохода нет.

– А этот откуда? – спросил дон Фадрике у Фернана.

– Не знаю, – ответил паж.

– Разве не ты поставил его здесь?

– Нет, он же мавр.

– Пропусти нас, – приказал по-арабски дон Фадрике. Мавр покачал головой, держа у самой груди великого магистра копьё с острым наконечником.

– Что все это значит? Меня что, взяли под стражу? Меня, великого магистра, меня, принца? Эй, стража! Ко мне!

Фернан достал из кармана золотой свисток и засвистел.

Но раньше стражи и даже раньше часового-испанца, стоявшего в пятидесяти шагах позади них, вихрем, огромными прыжками примчался Алан: он узнал голос хозяина и понял, что тот зовет на помощь; оцетинившийся пес стремительно, подобно тигру, кинулся на мавра и с такой силой вцепился ему в горло, прикрытое складками плаща, что солдат упал, успев издать крик тревоги.

Услышав сигнал бедствия, из палаток высыпали мавры и испанцы. Каждый испанец в одной руке держал зажженный факел, в другой – меч; мавры же молча, не зажигая света, скользили в темноте, словно хищники.

– Алан, ко мне! – крикнул великий магистр.

Пес, услышав этот голос, медленно, как бы с сожалением, отпустил свою жертву и, пятясь, не сводя глаз с мавра, который уже привстал на одно колено, сел у ног хозяина, готовый снова броситься вперед по первому его знаку.

В этот момент и появился Мотриль.

Великий магистр, повернувшись к нему с достоинством,

которое выдавало в нем принца и по характеру, и по рождению, спросил:

– Кто расставил часовых в моем лагере? Отвечайте, Мотриль! Это ваш человек. Кто сюда его поставил?

– Что вы, сеньор, я никогда не посмел бы расставить часовых в вашем лагере! – с глубочайшим смирением ответил Мотриль. – Я лишь приказал этому преданному рабу, – показал он на мавра, который, стоя на коленях, двумя руками обхватил окровавленную шею, – стоять на страже, так как я боялся ночных неожиданностей, а он либо нарушил мой приказ, либо не узнал вашу милость. Но если он оскорбил брата моего короля и если сочтут, что оскорбление это заслуживает смерти, он умрет.

– Я этого не требую, – вздохнул великий магистр. – Человека делает виновным дурной умысел, а поскольку вы, сеньор Мотриль, ручаетесь, что он ничего злого не замышлял, я должен вознаградить его за резвость моего пса. Фернан, отдай свой кошелек этому человеку.

Фернан с отвращением подошел к раненому и швырнул ему кошелек, который тот поспешно подобрал.

– А теперь, сеньор Мотриль, благодарю вас за заботу, хотя я в ней и не нуждаюсь, – сказал дон Фадрике тоном человека, который не потерпит никаких возражений. – Для защиты мне довольно моей стражи и моего меча. Поэтому поберегите свой меч для защиты себя и ваших носилок. Теперь вам известно, что я больше не нуждаюсь ни в вас, ни в ваших

людях, возвращайтесь в свой шатер, сеньор Мотриль, и спите спокойно.

Мавр поклонился, а дон Фадрике пошел дальше.

Мотриль подождал, пока он отойдет, и, когда фигуры принца, рыцаря и пажа растворились в темноте, подошел к часовому.

– Ты ранен? – шепотом спросил он.

– Да, – мрачно ответил часовой.

– Тяжело?

– Проклятый зверь впился клыками мне в шею.

– Сильно болит?

– Очень.

– Так ли велика твоя боль, чтобы ты не нашел сил для мести?

– Кто мстит, тот забывает о боли. Приказывайте!

– Я отдам тебе приказ, когда придет время. Пошли. И они вернулись в лагерь.

Пока Мотриль и раненый солдат возвращались в лагерь, великий магистр вместе с Аженором и Фернаном уходили все дальше по укутанной мраком равнине, которую на горизонте ограничивала горы Серра – Да-Эштрела. Время от времени он посылал то вперед, то назад пса, который, если бы за ними кто-то шел, наверняка почуял бы соглядатая.

Когда дону Фадрике показалось, что они отошли достаточно далеко и даже звук его голоса не достигнет лагеря, он остановился и положил руку на плечо рыцаря.

– Послушай, Аженор, – сказал он тем проникновенным голосом, который, казалось, идет из самого сердца, – больше никогда не говори со мной о той особе, чье имя ты произнес вслух. Ибо если ты заговоришь о ней при чужих, то лицо у меня покраснеет от смущения, а руки задрожат; если ты заговоришь о ней, когда мы будем наедине, то сердце мое дрогнет. Вот все, что я могу тебе сказать. Несчастливая донья Бланка не смогла добиться благосклонности своего царственно-го супруга: столь чистой и кроткой француженке он предпочел Марию Падилью, надменную и пылкую испанку. Целая печальная история, полная подозрений, вражды и крови, заключена в этих немногих словах, что я тебе сказал. Однажды, если потребуется, я расскажу тебе больше, но отныне, Аженор, сдерживай себя и больше не говори мне о ней. Я и без напоминаний слишком поглощен мыслями обо всем этом.

С этими словами дон Фадрике запахнул плащ, словно пытаясь уединиться и в его складках спрятать свое огромное горе.

Аженор задумчиво стоял рядом с великим магистром; он пытался, собрав все свои воспоминания, понять, чем он может ему помочь, и проникнуть в тайну своего друга; Аженор лишь догадывался, что в связи с этой тайной дон Фадрике и призвал его к себе.

Великий магистр понял, что творится в душе Аженора.

– Вот и все, что я хотел тебе сказать, друг мой, – прибавил

он. – Отныне ты будешь жить подле меня, и, поскольку я не буду остерегаться моего брата, поскольку не буду говорить с тобой о донье Бланке, а ты не будешь спрашивать меня о ней, ты, разумеется, сможешь в конце концов измерить глубину той бездны, что повергает в ужас меня самого. Но сейчас мы едем в Севилью, где меня ждут празднества по случаю турнира. Мой брат-король желает оказать мне честь, а посему, как видишь, прислал ко мне дона Мотриля, своего советника и друга.

Услышав имя мавра, Фернан скорчил гримасу ненависти и презрения.

– Поэтому я и подчиняюсь ему, – продолжал дон Фадрике, как бы отвечая самому себе. – Но когда мы уезжали из Коимбры, у меня уже возникли подозрения, и слежка, которую устроили за мной, их подтвердила. Мне надо быть начеку. У меня есть не только мои глаза, но и глаза моего преданного слуги Фернана. А если Фернан будет вынужден покинуть меня с каким-нибудь тайным, необходимым поручением, то его заменишь ты, ибо я равно люблю вас обоих как близких моих друзей.

Дон Фадрике поочередно протянул руку каждому из них; Аженор почтительно прижал ладонь великого магистра к сердцу, а Фернан осыпал ее поцелуями.

– Сеньор, я счастлив любить вас и быть любимым вами, – сказал Молеон, – но я приехал слишком поздно, чтобы успеть заслужить столь пылкую дружбу.

– Ты будешь нам братом, – ответил великий магистр, – войдешь в наши сердца так же, как мы вошли в твое сердце. И с этой минуты давайте говорить лишь о празднествах и о прекрасных поединках на копьях, что уготовила нам Севилья. Пойдемте назад в лагерь.

За первой же палаткой, которую он обошел, дон Фадрике столкнулся с бодрствующим Мотрилем; он остановился и посмотрел на мавра, не в силах скрыть досаду, вызванную его неслыханной назойливостью.

– Сеньор, – обратился мавр к дону Фадрике, – когда я увидел, что в лагере никто не спит, мне пришла в голову мысль: поскольку днем стоит жгучая жара, не угодно ли будет вашей светлости сию же минуту отправиться в путь? Светит луна, ночь тиха и прохладна, и вы сократите часы нетерпеливого ожидания короля, брата вашего.

– А как же вы, ваши носилки? – спросил великий магистр.

– Помилуйте, сеньор! – воскликнул мавр. – Я и все мои люди повинуемся вашей милости.

– Хорошо, едем, я согласен, – сказал дон Фадрике. – Распорядитесь выступать.

Пока седлали лошадей и мулов, пока сворачивали палатки, Мотриль подошел к раненому часовому.

– Если этой ночью мы сделаем десять льё, то пересечем ли первую горную цепь? – спросил он.

– Да, – ответил солдат.

– А если завтра мы выйдем в семь вечера, то когда добе-

ремся до брода через Зезири?

– В одиннадцать часов.

В указанный солдатом час они добрались до реки. Как и рассчитывал мавр, ехать ночью было очень приятно всем, а особенно самому Мотрилю, которому было легче скрывать носилки от любопытных взглядов Мюзарона, ибо у достойного оруженосца была одна-единственная забота – узнать, что за сокровище спрятано в позолоченном коробе, который так тщательно охраняет Мотриль.

Поэтому, будучи истинным сыном Франции, он, не обращая никакого внимания на совершенно непривычный для него климат, в полуденное пекло принялся бродить вокруг носилок.

Солнце жгло немилосердно; лагерь опустел. Дон Фадрике, чтобы никто не мешал ему предаваться раздумьям, удалился к себе в палатку. Фернан и Аженор беседовали в своей палатке, когда на пороге вдруг возник Мюзарон.

У оруженосца была сияющая физиономия человека, который почти нашел то, что давно искал.

– Сеньор Аженор, я сделал великое открытие! – воскликнул он.

– Какое же? – спросил рыцарь, привыкший к его шутовским выходкам.

– Мотриль разговаривает с носилками, а те ему отвечают.

– И о чем они говорят? – поинтересовался рыцарь.

– Я хорошо слышал разговор, но не смог его понять, –

ответил Мюзарон, – ведь мавр говорил по-арабски.

Рыцарь пожал плечами.

– Что вы на это скажете, Фернан? – спросил он. – Вот, если верить Мюзарону, заговорило и сокровище дона Мотриля.

– Здесь нет ничего удивительного, потому что сокровище дона Мотриля – это женщина, – ответил паж.

– Вот оно что, – в полной растерянности пробормотал Мюзарон.

– Молодая? – игриво спросил рыцарь.

– Возможно.

– Красивая?

– О, сеньор рыцарь, вы слишком многого от меня требуете, это вопрос, на который сможет ответить мало кто даже из свиты дона Мотриля.

– Прекрасно! Я сам все узнаю, – решительно объявил Аженор.

– Каким образом?

– Раз Мюзарону удалось подобраться к носилкам, то и я проберусь не хуже него. Мы, горные охотники, привыкли бесшумно скользить со скалы на скалу и врасплох застигать серну на самых вершинах. Дон Мотриль вряд ли окажется более осторожным и пугливым, чем серна.

– Будь по-вашему! – воскликнул Фернан, также захваченный азартом юности. – Но при одном условии – с вами пойду и я.

– Пойдемте, а Мюзарон посторожит нас.

Аженор не ошибся, и все эти предосторожности даже оказались излишними.

Было одиннадцать часов утра. Африканское солнце палило нещадно, и лагерь казался обезлюдевшим; испанские и мавританские часовые попрятались в тени, кто под скалой, кто под одиноким деревом, и, если бы не палатки, ненадолго оживившие этот пейзаж, могло показаться, что ты находишься в пустыне.

Палатка дона Мотриля стояла на отшибе. Чтобы еще больше удалить ее от людей или в надежде найти чуть прохлады, Мотриль поставил ее в небольшой рощице. Он велел внести носилки в палатку, а вход завесить пологом из турецкой парчи, чтобы чужие взгляды не проникали внутрь. Именно эту палатку, где хранилось сокровище, Мюзарон и показал пажу и Аженору. Оставив Мюзарона на том месте, где он находился и откуда мог видеть, что происходит у той стенки палатки, которая была обращена к лагерю, молодые люди сделали круг и вышли на опушку рощи; потом, затаив дыхание и бесшумно ступая, прошли вперед, осторожно раздвигая ветви, шелест которых мог бы их выдать, и добрались, не услышанные доном Мотрилем, до круглого полотняного шатра, где тот находился вместе со своими носилками. Увидеть они ничего не могли, но зато все слышали.

– Жаль, что из их разговора мы ничего не узнаем, – вздохнул Аженор, – ведь они говорят по-арабски.

Фернан приложил к губам палец.

– Я понимаю по-арабски, – шепнул он, – дайте мне послушать.

Паж прислушался, а рыцарь погрузился в молчание.

– Странно, они говорят о вас, – сказал Фернан, который на минуту весь обратился в слух.

– Обо мне? Невероятно! – прошептал Аженор.

– Ну да, я не мог ошибиться.

– И что они говорят?

– Пока говорил только дон Мотриль. Он спросил: «Это рыцарь с красным султаном на шлеме?»

И в этот миг певучий, слабый голос – казалось, что он рассыпает янтарь и нежным эхом отзывается в сердце, – ответил:

– Да, молодой и красивый рыцарь с красным султаном.

– Конечно, молодой, ему ведь едва исполнилось двадцать, но красивым я его не назову.

– Он умело носит оружие и, кажется, храбрый.

– Храбрый? Разбойник он! Пиренейский стервятник, который приехал терзать труп нашей Испании!

«Что он сказал?» – спросил Аженор. Паж, смеясь, повторил ему слова Мотриля. Рыцарь покраснел, схватился за рукоять меча и даже наполовину вытащил его из ножен. Фернан придержал его руку.

– Сеньор, это же плата за любопытство. Не сомневаюсь, сейчас и мне достанется, давайте послушаем, – предложил он.

Нежный голос продолжал говорить по-арабски:

– Это первый рыцарь из Франции, которого я вижу, так простите же мое любопытство. Французские рыцари славятся своей учтивостью, так все говорят. Он на службе у короля дона Педро?

– Аисса! Не говорите мне больше об этом молодом человеке, – со сдержанной яростью сказал Мотриль.

– Вы сами рассказали мне о нем, – возразил мелодичный голос, – когда мы повстречали его в горах, и, сперва пообещав мне сделать привал в рощице, где рыцарь оказался раньше нас, стали, несмотря на мою усталость, убеждать, что нужно потерпеть, чтобы приехать в Коимбру раньше французского сеньора и не дать ему раньше нас встретиться с доном Фадрике.

Фернан удерживал рукой рыцаря; ему показалось, что завеса разорвалась и обнажила тайну мавра. «О чем он говорит?» – спросил рыцарь.

Фернан повторил слова Мотриля.

А тем временем мелодичный голос, чьи звуки проникали в самое сердце рыцаря, что-то говорил, хотя Аженор и не понимал слов.

– Если он трус, почему же вы его боитесь?

– Я никому не доверяю, но никого не боюсь, – ответил Мотриль. – К тому же считаю, что вы напрасно интересуетесь человеком, которого больше никогда не увидите.

Последние слова Мотриль произнес так выразительно,

что не оставалось сомнений в их смысле; поэтому Аженор по знаку, который ему сделал паж, понял, что тот услышал нечто очень важное.

– Будьте крайне осторожны, господин де Молеон, – сказал он. – То ли по соображениям политическим, то ли по причине ревнивой ненависти, вы имеете в лице дона Мотриля врага.

Аженор презрительно усмехнулся.

Оба вновь прислушались, но больше ничего не услышали. Через несколько секунд они увидели из-за деревьев Мотриля, который вышел от Аиссы и пошел в сторону палатки дона Фадрике.

– Мне кажется, пора взглянуть на эту прекрасную Аиссу, которая с такой симпатией относится к французским рыцарям, и поговорить с ней, – сказал Аженор.

– Взглянуть можно, – согласился Фернан. – Поговорить нельзя. Неужели вы думаете, что Мотриль мог уйти, не поставив часовых у входа?

И острием кинжала Фернан разрезал шов палатки; сквозь образовавшуюся узкую щель можно было заглянуть внутрь.

Аисса полулежала на ложе, устланном расшитой золотыми узорами красной тканью; она загадочно улыбалась каким-то своим грезам, что свойственно женщинам Востока, вся жизнь которых отдана пылкой чувственности. Одной рукой она держала музыкальный инструмент, который называ-

ется гузла.⁵⁴ Другую она погрузила в убранные нитями жемчуга черные волосы, оттенявшие ее нежные, тонкие пальцы с алыми ногтями. Ее темные с поволокой глаза, опущенные мягкими длинными ресницами, казалось, хотели получше рассмотреть того, кого она видела в своих мечтаниях.

– Как она прекрасна! – прошептал Аженор.

– Не забывайте, сеньор, что она мавританка, а значит, врагиня нашей святой веры, – заметил Фернан.

– Пустяки! – воскликнул Аженор. – Я обращаю ее в христианство.

В этот миг они услышали покашливание Мюзарона. Это был условный сигнал, который он должен был подать, – если к рожице будут приближаться чужие люди; так же осторожно, как и раньше, молодые люди вернулись назад. Выйдя на опушку, они увидели, что по севильской дороге мчится небольшой отряд – примерно с дюжину арабских и кастильских всадников. Они подъехали к Мотрилю, который, заметив их, остановился в нескольких шагах от палатки великого магистра. Эти всадники прибыли от короля дона Педро и привезли его брату новое письмо. Вместе с письмом они доставили записку и для Мотриля. Мавр прочел ее и вошел в палатку дона Фадрике, попросив гонцов немного подождать на тот случай, если великий магистр потребует каких-либо разъяснений.

– Ну что там еще! – возмутился великий магистр, увидев

---

⁵⁴ Гузла – смычковый музыкальный инструмент с одной струной.

Мотриля на пороге палатки.

– Сеньор, смелости побеспокоить вас мне придало послание от нашего всемилостивейшего короля, которое я хотел незамедлительно вручить вам, – ответил мавр.

И он протянул дону Фадрике письмо, которое тот взял не без нерешительности. Но лицо великого магистра просветлело, едва он пробежал глазами первые строки.

Письмо гласило:

«Возлюбленный брат мой!

Поспеши, ибо мой двор уже полон рыцарей из разных стран. Севилья ликует, ожидая приезда отважного великого магистра ордена Святого Иакова. Все, кого ты возьмешь с собой, будут желанными гостями, но не обременяй себя в дороге большой свитой. Видеть тебя – будет мое блаженство, видеть как можно скорее – будет мое счастье».

В эту минуту Фернан и Аженор, которых несколько встревожило появление нового отряда, подъехавшего к палатке великого магистра, вошли в нее.

– Возьмите, – сказал дон Фадрике, протягивая Аженору письмо короля. – Прочтите и сами убедитесь, какой нам будет оказан прием.

– Не соизволит ли ваша светлость обратить слова приветия к тем, кто привез письмо? – спросил Мотриль.

Дон Фадрике утвердительно кивнул и вышел; потом, когда он поблагодарил гонцов за их быстроту, ибо ему сказали, что они домчались из Севильи всего за пять дней, Мотриль

тоже обратился к командиру отряда.

– Я забираю твоих солдат, чтобы увеличить почетный эскорт великого магистра, – объявил он. – А ты лети назад к королю дону Педро быстрее ласточки и передай ему, что принц на пути в Севилью.

И шепотом прибавил:

«Поезжай и скажи королю, что я не вернусь без той улики, добыть которую я ему обещал».

Арабский всадник молча склонил голову и, даже не освежив глотком воды ни себя, ни коня, стрелой поскакал в обратный путь.

Это распоряжение, сделанное шепотом, не ускользнуло от Фернана, который, хотя он и не знал, о чем шла речь, поскольку не смог слышать слов Мотриля, почел долгом предупредить своего господина, что этот поспешный отъезд только что прибывшего командира отряда – к тому же мавра, а не кастильца – кажется ему весьма подозрительным.

– Послушай, – сказал ему великий магистр, как только они остались наедине. – Опасность, если она и существует, не может угрожать ни мне, ни тебе, ни Аженору. Мы мужчины сильные и опасности не боимся. Но в замке Медина-Сидония заключено слабое и беззащитное существо, женщина, которая уже претерпела слишком много страданий ради меня и из-за меня. Ты должен покинуть меня, должен ехать к ней, тебе необходимо любыми способами – их выбор я оставляю за твоей смекалкой – проникнуть к ней и предупредить,

чтобы она берегла себя. Все, что я не смогу доверить письму, передашь на словах.

– Я поеду, когда вы прикажете, – ответил Фернан. – Вы же знаете, что можете располагать мной.

Дон Фадрике сел за стол и написал на пергаменте несколько строк, под которыми поставил свою печать; но закончить он не успел, так как в палатку вошел вездесущий мавр.

– Вот видите, я тоже пишу королю дону Педро, – сказал великий магистр. – Я посчитал, что передать лишь устный ответ с вашим гонцом означает, будто я слишком равнодушно принял его послание. Завтра утром я отправлю свое письмо с Фернаном.

Мавр молча поклонился; он видел, что великий магистр вложил пергамент в вышитый жемчугом мешочек, который передал пажу.

– Теперь знаешь, как тебе поступать? – спросил он.

– Да, ваша милость, знаю.

– Но почему ваша светлость, желающая блага французскому рыцарю, не посылает его вместо пажа, который необходим вам? – спросил Мотриль. – Я дал бы ему эскорт из четверых моих людей, и, вручив королю письмо, письмо от его брата, он сразу же снискал бы милость короля, которую вы рассчитываете добиться для него.

Лукавство мавра на мгновение привело в замешательство дона Фадрике, но Фернан пришел ему на помощь.

– Мне кажется, к королю Кастилии следует послать ис-

панца, – сказал он великому магистру. – Кстати, ваша светлость выбрала меня первым, и, кроме того, что этот приказ абсолютно не подлежит отмене, я желаю сохранить за собой честь исполнить эту миссию.

– Прекрасно, ничего в наших решениях мы менять не будем, – ответил дон Фадрике.

– Здесь повелевает ваша милость, у всех нас лишь одна обязанность – исполнять ваши приказы, ну а я пойду отдам свои приказания, – сказал Мотриль.

– Для чего?

– Для подготовки к отъезду. Разве мы не договорились, что, как вчера, поедем ночью? Неужели вашей светлости не понравился наш ночной переход?

– Наоборот, очень понравился.

– Вот и хорошо! У нас всего часа два светлого времени, поэтому скоро в дорогу.

– Отдайте нужные приказы, а я буду готов. Мотриль вышел.

– Слушай, нам придется переправляться через реку, которая берет начало в Серра – Да-Эштрела и впадает в Тахо, – сказал дон Фадрике пажу. – Во время переправы всегда ненадолго возникает беспорядок, ты воспользуешься им, перейдешь на тот берег и, не останавливаясь, поедешь дальше, ибо я не думаю, чтобы тебе больше меня был нужен эскорт, который предлагал нам мавр. Только будь очень осторожен в пути и гораздо осторожнее, когда приедешь на место, ты

ведь знаешь, как строго за ней следят.

– Да, ваша милость, знаю.

Мотриль не терял ни секунды, отдавая необходимые распоряжения. Караван двинулся в путь в привычном порядке: впереди ехали мавританские всадники, которые проверяли дорогу, за ними следовал великий магистр под присмотром Мотриля, а в хвосте шли носилки и арьергард.

В десять часов они перевалили через горы и вновь спустились в долину. Часом позже за растущими на горном склоне деревьями промелькнула полоска, похожая на длинную извилистую ленту, в разных местах которой луна высекала мириады искр.

– Вот и Зезири, – сказал Мотриль. – С позволения вашей милости, я пошлю искать брод.

Для дона Фадрике это была возможность ненадолго побыть одному с Аженором и Фернаном. Поэтому он поспешил кивнуть головой мавру в знак согласия.

Мотриль, как нам известно, глаз не спускал с носилок; поэтому, сделав крюк, он проехал в хвост каравана, охраняя свое сокровище, которое так сильно занимало мысли Мюзарона до тех пор, пока он не узнал, что оно собой представляет.

– Настал и мой черед просить разрешения у вашей светлости, – сказал Аженор. – Мы, французы, привыкли переходить реки там, где они нам встретились, и я хотел бы оказаться на том берегу вместе с мавром.

Это был еще один способ предоставить великому магистру возможность без свидетелей дать последние указания Фернану.

– Поступайте как сочтете нужным, – сказал он Молеону, – но не рискуйте бесполезно. Вы ведь знаете, как вы мне нужны.

– Ваша милость найдет нас на том берегу, – ответил Аженор.

И, описав в обратном направлении ту же дугу, которую проделали мавр и его носилки, рыцарь и Мюзарон исчезли в горных отрогах.

V. Переправа

Мавр, выехавший раньше, первым оказался у реки.

Вероятно, либо по дороге в Коимбру, либо во время другой поездки он уже примерил брод, который узнал, ибо сразу же спустился к самой воде, оказавшись по пояс в зарослях олеандра,⁵⁵ который в южной части Испании и Португалии почти всегда растет по берегам рек. По его сигналу ездовые, что везли носилки, взяли мулов под уздцы и после того, как Мотриль показал им точную дорогу – идти надо было на заметную апельсинную рощу на другом берегу, – сошли к реке и перешли ее в брод; вода доходила мулам до брюха. Хотя Мотриль был совершенно уверен, что брод неопасен, он не спускал глаз с драгоценных носилок до тех пор, пока те не оказались на другом берегу в полной безопасности. Лишь тогда он огляделся и наклонился к зарослям олеандра.

– Ты здесь? – спросил он.

– Да, – слышалось в ответ.

– Ты ведь признаешь пажа?

– Это тот, кто свистком подозвал пса.

– Письмо – в мешочке, а мешочек – в маленькой охотничьей сумке, которую он носит на боку. Она-то мне и нужна.

– Она будет у вас, – ответил мавр.

---

⁵⁵ Олеандр – род вечнозеленых кустарников, растущих в странах Средиземноморья и в субтропической Африке.

– Значит, я могу его звать? Ты на посту?

– Я буду там вовремя.

Мотриль вновь поднялся на высокий берег реки и подъехал к дону Фадрике и Фернану.

В это время Аженор и Мюзарон уже добрались до отлогого берега, и, даже не думая о глубине реки, рыцарь смело направил коня в воду.

У берегов было совсем неглубоко. Поэтому рыцарь и оруженосец медленно, постепенно погружались в воду. Пройдя три четверти брода, конь потерял дно, но, удерживаемый поводьями и ласками седока, изо всех сил поплыл и вскоре, шагов через двадцать, снова нащупал дно. Мюзарон, словно тень, следовал за своим господином, и, проделав тот же маневр, целым и невредимым перебрался на другой берег. По обыкновению, он хотел было вслух похвалить себя за героизм, но Молеон, приложив палец к губам, сделал ему знак молчать. Итак, оба выбрались на берег, и никто ничего не услышал; кроме легкого всплеска воды, ни один шорох не выдал Мотрилю, что рыцарь переправился через реку.

Выехав на берег, Аженор остановился, спешил и отдал поводья Мюзарону, потом, сделав крюк, вышел на дальнюю опушку у апельсиновой рощи и увидел перед собой золотой фриз носилок, поблескивающий в лунном свете; впрочем, даже если бы рыцарь и не знал, где они стоят, он нашел бы их без труда. Тревожные звуки гузлы звенели в ночи и указывали, что Аисса, желая отвлечься и ожидая, пока ее страж

переправится через реку, искала утешения в музыке. Сперва слышались лишь бессвязные аккорды, какая-то неопределенная мелодия, которую рассеянно наигрывали пальцы музыкантши, словно пуская звуки по ночному ветру. Но аккорды сменились словами, которые, хотя они и представляли собой перевод с арабского, девушка пела на чистейшем кастильском наречии. Значит, прекрасная Аисса знала испанский, и рыцарь мог поговорить с ней; Аженор подходил все ближе, влекомый музыкой и голосом.

Аисса раздвинула шторы носилок с той стороны, которая не выходила на реку; два погонщика мулов, вероятно повинаясь приказу господина, отошли шагов на двадцать. Девушка возлежала в носилках, освещенная ярким светом луны, что плыла в безоблачном небе. Поза ее, как и пристало истинным дочерям Востока, дышала природной грацией и глубокой чувственностью. Казалось, она всей кожей впитывает ароматы ночи, теплым южным ветром принесенные из Сеуты⁵⁶ в Португалию. Аисса пела:

Фонте Фрида, ключ студений,
Ключ любви, как он глубок,
Ключ, что всякую пичугу
Исцеляет от забот.
Только горлинка тоскует,

---

⁵⁶ Сеута – старинный город в Африке у входа в Гибралтарский пролив; основан финикийцами в VII в. до н. э.; в начале VIII в. был захвачен арабами, которые превратили его в свою крепость и удерживали до начала XV в.

Как вдовица, слезы льёт.
Соловей там появился,
Сладким голосом поет,
Говорит голубке речи.
Речи сладкие, как мед:
«Быть слугой твоим, сеньора,
Я хотел бы, если б мог». —
«Ах, изыди враг, обманщик,
Ты зачем меня увлек!
Нет мне отдыха на ветке,
Мне постыл цветущий лог.
Мутной чудится водою
Мне прозрачный ручеек».⁵⁷

Когда она пропела последние слова и в воздухе стройно прозвучали последние аккорды, рыцарь, который уже был не в силах совладать с собой, вышел в озаренное луной пространство между роцей и носилками. Если бы женщина Запада увидела, как перед ней внезапно возник незнакомый мужчина, она бы закричала и позвала на помощь. Прекрасная мавританка не сделала ни того ни другого; приподнявшись на левой руке, она правой вынула из ножен маленький кинжал, который носила на поясе; но, узнав рыцаря, тут же вложила кинжал в ножны и, подперев голову нежной, округлой рукой, подала ему знак бесшумно подойти к ней. Аженор повиновался. Длинные шторы носилок и покрывав-

---

⁵⁷ Перевод с испанского Д.Самойлова

шие мулов попоны образовывали своеобразную стенку, которая скрывала их от взглядов двух стражников, поглощенных, кстати, наблюдением за приготовлениями к переправе Фернана и дона Фадрике. Поэтому рыцарь смело подошел к носилкам, взял руку Аиссы и поднес ее к губам.

– Аисса любит меня, а я люблю Аиссу, – сказал он.

– Скажи, неужели все люди твоей страны некроманты,⁵⁸ что умеют читать в женском сердце тайны, которые они поверяют лишь ночи и одиночеству? – спросила она.

– Нет, – ответил рыцарь, – но они знают, что любовь призывает любовь. Или я, к несчастью своему, ошибаюсь?

– Ты же знаешь, что нет, – возразила девушка. – С тех пор как дон Мотриль возит меня в своей свите и стережет так, будто я ему жена, а не дочь, предо мной прошло много самых красивых мавританских и кастильских кавалеров, хотя я даже не отрывала глаз от жемчужинок на моем браслете и мыслями не отвлекалась от молитвы. Но с тобой все было иначе: в ту минуту когда я увидела тебя в горах, мне тут же захотелось выскочить из носилок и бежать за тобой. Тебя удивляет, что я так говорю, но я ведь не живу в городах. Я одинокий цветок, и, как цветок, что отдает свой аромат тому, кто его сорвал, и погибает, я отдам тебе свою любовь, если ты этого пожелаешь, и умру, если ты отвергнешь мою любовь.

Так же как Аженор был первым мужчиной, на котором

---

⁵⁸ Некроманты – предсказатели будущего, разгадывающие тайны, вызывая дух мертвых.

прекрасная мавританка остановила свой взор, так и она была первой женщиной, столь нежно затронувшей его сердце благодаря гармонии ее голоса, жестов и взгляда. Поэтому он уже был готов дать ответ на это странное признание девушки, не таившей своей любви, а откровенно говорившей о ней, как вдруг раздался мучительный, глубокий, предсмертный крик, который заставил вздрогнуть Аженора и девушку. Одновременно они слышали с другого берега голос великого магистра, который кричал:

– На помощь, Аженор! На помощь! Фернан тонет! Девушка быстро выглянула из носилок и, коснувшись губами лба молодого человека, спросила:

– Я ведь вновь увижу тебя, правда?

– О да, клянусь душой! – воскликнул Аженор.

– Беги же спасать паж, – сказала она и, оттолкнув его одной рукой, другой задернула шторы.

Сделав два огромных прыжка в сторону, рыцарь очутился на берегу реки. В одно мгновение он отвязал меч и сбросил шпоры. К счастью, он был без доспехов, что позволило ему броситься к тому месту, где, как указывал водоворот, исчез паж.

А случилось вот что.

Мы уже сказали, что Мотриль, переправив носилки и дав последние указания мавру, прятавшемуся в зарослях олеандра, вернулся к великому магистру и Фернану, которые в ста шагах от берега ждали его вместе со свитой.

– Сеньор, брод найден, и, как ваша светлость мог видеть, носилки благополучно перешли на тот берег, – сказал мавр.

Но для большей безопасности я сам прежде провожу вашего пажа, потом вас, а уж затем пойдут мои люди.

Это предложение как нельзя лучше отвечало желаниям великого магистра, которому и в голову не пришло что-либо возразить. В самом деле, ничто иное не могло лучше помочь осуществлению плана, который замыслили Фернан и дон Фадрике.

– Отлично, – сказал он Мотрилю. – Сначала переправится Фернан, и поскольку он должен раньше нас успеть в Севилью, то поедет дальше, а мы тем временем перейдем через реку.

Мотриль поклонился в знак того, что не видит никакого препятствия для исполнения воли великого магистра.

– Имеете ли вы что-нибудь сообщить королю дону Педро, брату моему, с этой же okazji? – спросил дон Фадрике.

– Нет, ваша милость, – ответил мавр. – Мой гонец уже ускакал и будет на месте раньше вашего.

– Прекрасно, – сказал дон Фадрике. – Тогда, вперед!

Пока они спускались к реке, великий магистр нежно увещевал Фернана быть осторожным; он очень любил пажа, которого взял к себе еще ребенком, и юноша был искренне предан ему. Вот почему дон Фадрике мог доверять ему свои самые сокровенные тайны.

Мотриль ждал у самой воды. Вокруг было тихо. Зали-

тая лунным светом местность, казавшаяся неровной из-за огромных, отбрасываемых горами теней – ее, словно зарницы, освещали яркие блики реки, – выглядела каким-то призрачным, волшебным царством. Самый недоверчивый человек, успокоенный этой тишиной и этой светлой ночью, не пожелал бы поверить в присутствие опасности, даже если бы его о ней и предупредили. Поэтому Фернан, по характеру смелый и не боявшийся риска, без всякой боязни направил коня вслед за мулом мавра.

Мотриль ехал впереди. Шагов пятнадцать конь и мул ступали по дну; но мавр едва заметно взял вправо.

– Вы сходите с брода, Мотриль! – кричал дон Фадрике с берега. – Осторожно, Фернан, осторожно!

– Не бойтесь, ваша милость, – ответил Мотриль, – я ведь еду впереди. Если бы возникла опасность, я первым столкнулся бы с ней.

Ответ был убедительным. Поэтому, хотя мавр все больше отклонялся от прямой линии брода, у Фернана не возникло подозрений. Кстати, может быть, это был прием, с помощью которого его вожатый мог с меньшими усилиями преодолеть течение. Мул мавра потерял дно, и конь Фернана тоже поплыл; но это пажа мало волновало, потому что он был способен переплыть реку в случае, если пришлось бы бросить коня.

Великий магистр продолжал наблюдать за переправой с возрастающей тревогой.

– Вы отклоняетесь в сторону, Мотриль! В сторону! – кричал он. – Держитесь левее, Фернан.

Но, чувствуя под собой уверенно плывущее животное, Фернан – кстати, мавр по-прежнему был впереди – ничуть не боялся этой переправы, в которой видел лишь забаву, и, повернувшись на седле, крикнул своему господину:

– Не беспокойтесь, ваша милость, я на верном пути, ведь передо мной дон Мотриль.

Но когда он обернулся назад, перед ним промелькнуло какое-то странное видение; ему показалось, что в пенном следе, который оставлял за собой его конь, он увидел голову мужчины, сразу же, едва Фернан повернулся, ушедшего под воду, хотя не настолько быстро, чтобы паж не успел его заметить.

– Сеньор Мотриль, по-моему, мы действительно потеряли брод, – сказал он мавру. – Ваши носилки прошли в другом месте, и, если я не ошибаюсь, это они сверкают на опушке апельсиновой рощи, совсем влево от нас.

– Тут просто немного глубже, – возразил мавр, – и сейчас мы снова ступим на дно.

– Тебя же сносит, сносит! – кричал дон Фадрике, хотя Фернан и мавр уже настолько удалились от берега, что его голос едва долетал до юноши.

– Вправду сносит, – сказал слегка встревоженный Фернан, видя тщетные усилия коня, которого тащила по течению какая-то неведомая сила, тогда как Мотриль, уверенно правив-

ший мулом, находился слева, довольно далеко от пажа.

– Сеньор Мотриль, это измена! – вскричал паж.

Едва он произнес эти слова, его конь вдруг жалобно застонал и, завалившись на левый бок, с силой забил задней правой ногой по воде, но не так, как если бы он плыл вперед. И сразу же заржал еще жалостнее, и его задняя левая нога повисла. Тогда круп коня, державшегося на плаву только передними ногами, стал медленно погружаться в воду.

Фернан понял, что настал момент броситься вплавь, но он напрасно пытался вытащить ноги из стремян: он почувствовал, что привязан к коню.

– На помощь! На помощь! – кричал Фернан.

Этот жалобный крик и услышал Аженор; он вырвал его из восторженного оцепенения, в которое погрузили рыцаря красота и голос прекрасной мавританки.

Конь уходил под воду: только его ноздри виднелись над поверхностью реки и шумно фыркали; передними ногами он бил по воде, разбрасывая брызги.

Фернан хотел еще раз позвать на помощь, но тайная сила, которой он тщетно пытался сопротивляться, вместе с конем увлекла его в бездну; лишь воздетая к небу рука, словно взывая к отшельнику или умоляя о помощи, на миг взметнулась над волнами, но тут же исчезла. И на поверхности реки можно было видеть лишь окровавленные пузыри, которые водоворот поднимал со дна.

Два друга бросились на крик Фернана: с одного берега

Аженор, как мы уже сказали, а с другого пес, который привык отзываться на голос пажа почти так же беспрекословно, как и на голос своего хозяина.

Оба искали напрасно, хотя Аженор видел, как пес раза три нырял в одном и том же месте; кажется, на третий раз он вынырнул, держа в тяжело дышащей пасти обрывок ткани и, словно вырвав этот клочок, он сделал все, что было в его силах, Алан выплыл на берег и улегся у ног хозяина; послышался тот мрачный, отчаянный вой, который способен посреди ночи заставить содрогнуться самые бесстрашные сердца. Обрывок ткани – вот все, что осталось от Фернана.

Ночь прошла в бесплодных поисках. Дон Фадрике переправился через реку без происшествий и всю ночь провел на берегу. Он не мог решиться покинуть эту зыбкую могилу, из которой, как он еще надеялся, каждую секунду мог появиться его друг.

У его ног скулил пес.

Аженор, задумчивый и мрачный, держал в руке обрывок ткани, который притащил пес, и с явным нетерпением ждал рассвета.

Мотриль, который долго бродил, пригнувшись к земле, в зарослях олеандра, как будто разыскивая юношу, вернулся с убитым лицом, приговаривая: «Аллах! Аллах!» и пытаясь утешать великого магистра теми пустыми фразами, что лишь усугубляют горе страдающего.

Встало солнце, и первые его лучи озарили Аженора, си-

девшего у ног великого магистра. Очевидно, рыцарь нетерпеливо ждал этой минуты, ибо, едва солнечный свет проник в палатку, он подошел к выходу и с глубоким вниманием осмотрел кусок ткани, вырванной из куртки несчастного пажа.

Этот осмотр, вероятно, подтвердил его подозрения, потому что он, горестно покачав головой, сказал:

– Сеньор, все это не только печально, но и очень странно.

– Да, очень печально и очень странно, – согласился дон Фадрике. – За что Провидение послало мне это горе?

– Ваша милость, я думаю, что во всем этом следует винить не Провидение. Взгляните на последнюю реликвию, оставшуюся от друга, которого вы оплакиваете.

– Глаза мои поблекнут от слез, глядя на нее, – сказал дон Фадрике.

– Неужели вы ничего не заметили, сеньор!?

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что куртка несчастного Фернана была бела, как облачение ангела. Я хочу сказать, что вода в реке чиста и прозрачна как хрусталь, а кусок этой ткани, взгляните, ваша милость, красноватого цвета. На этой ткани кровь.

– Кровь?

– Да, монсеньер.

– Алан тоже поранил себя, пытаясь спасти того, кого он любил. Вот видите, у него на голове кровавый след.

– Сперва я тоже так считал, ваша милость, но как я ни

осматривал пса, ни одной раны у него не нашел. Это не его кровь.

– Но разве сам Фернан не мог разбиться о камень?

– Ваша милость, я нырял в том месте, где он исчез, там глубина больше двадцати футов. Но вот это может привести нас на след. Видите дырку на ткани?

– След от зубов пса.

– Нет, монсеньер! Вот, здесь прекрасно видно, что тут пес вцепился зубами. А вот прорезь, сделанная острым оружием, лезвием кинжала.

– О какая зловещая мысль! – воскликнул дон Фадрике, вскочив с места; он был бледен, волосы у него растрепались, в глазах горела ярость и ужас. – Ты прав! Прав! Фернан был отличный пловец; его конь, выращенный в моих конюшнях, сотни раз пересекал куда более бурные реки, чем эта. Здесь пахнет преступлением, Аженор, преступлением!

– Я не сомневался бы в этом, сеньор, если б знал, в чем дело.

– Верно, ты же ничего не знаешь... Тебе же неизвестно, что, выбравшись на тот берег, Фернан должен был покинуть меня, но не для того, чтобы ехать к королю дону Педро, как я сказал мавру, который этому не поверил, а чтобы выполнить одно мое поручение. Бедный мой друг! Мой такой преданный и такой надежный наперсник, чье сердце было открыто лишь одному мне! Увы! Он погиб ради меня и по моей вине!

– Да будет так, монсеньер, это долг всех нас – умереть за

вашу светлость.

– О, кто знает, какие страшные последствия может повлечь за собой эта смерть! – прошептал дон Фадрике, словно отвечая своим мыслям.

– Пусть я не столь близкий ваш друг, как Фернан, – с грустью сказал рыцарь, – но я унаследую ваше доверие к нему, буду служить вам так, как служил он.

– Ты верно говоришь, Аженор! – сказал принц, протягивая ему руку и глядя на него с той нежностью, которую люди всегда с изумлением замечали во взгляде этого столь властного человека. – Я разделил свое сердце надвое: одна половина была отдана тебе, другая была отдана Фернану. Фернан погиб, отныне ты остался моим единственным другом, и я докажу тебе это, поведав, какое задание получил от меня Фернан. Он должен был отвезти письмо твоей соотечественнице, королеве донье Бланке.

– Ах, вот в чем причина! – воскликнул Аженор. – И где же было письмо?

– Письмо лежало в маленьком ягдташе, что висел у него на поясе. Если Фернан в самом деле был убит, а я, как и ты, теперь в этом уверен, если убийцы утащили труп, который мы не нашли, в какое-нибудь далекое, пустынное место на берегу реки, то тайна моя раскрыта, и мы пропали.

– Но если все так, как вы говорите, ваша милость, вам нельзя ехать в Севилью! – вскричал Аженор. – Бегите! Вы еще совсем близко от Португалии, чтобы беспрепятственно

вернуться в ваш славный город Коимбру и укрыться за его надежными стенами.

– Не ехать в Севилью означает бросить ее одну, бежать – значит вызвать подозрения, которых пока не существует, если смерть Фернана представляет собой всего лишь обычное несчастье. Впрочем, дон Педро держит в своих руках донью Бланку, а благодаря этому и меня. Я поеду в Севилью.

– Но в таком случае, чем я могу быть вам полезен? – спросил рыцарь. – Не могу ли я заменить Фернана? Разве вы не можете дать мне такое же письмо, какое дали ему, в знак гарантии того, что я послан вами? Я не шестнадцатилетний мальчик, я ношу не легкую суконную куртку с шелковой подкладкой, а крепкие доспехи, о которые сломалось немало кинжалов, более опасных, чем все канджары⁵⁹ и ятаганы⁶⁰ ваших мавров. Дайте мне письмо, и я доставлю его. Если другим понадобится неделя, чтобы добраться до доньи Бланки, то, я вам обещаю, она получит ваше письмо через три дня.

– Благодарю вас, мой отважный француз. Но, если королю уже все известно, опасность сильно возрастет. Средство, к которому я прибегнул, оказалось негодным, ибо Бог не пожелал, чтобы оно удалось. Теперь мы будем действовать в зависимости от обстоятельств. Мы поедem дальше, словно ниче-

---

⁵⁹ Канджар – кривая турецкая сабля.

⁶⁰ Ятаган – рубящее и колющее оружие, среднее между саблей и кинжалом, заточенное с вогнутой стороны.

го не случилось. За два дня до приезда в Севилью, когда все уже забудут о Фернанде, ты покинешь меня, сделаешь крюк, а когда я буду въезжать в Севилью через одни ворота, проникнешь в город через другие. Вечером ты проскользнешь во дворец короля, где спрячешься в первом дворе, том, что осеняют величественные платаны; посреди него находится мраморный фонтан с львиными головами; ты увидишь окна с алыми портьерами, там обычно располагаются мои покои, когда я приезжаю к моему брату. В полночь приходи под эти окна; в это время я уже буду знать, по приему, какой окажет мне король дон Педро, чего нам следует опасаться и на что надеяться. Я все тебе скажу, а если не смогу говорить с тобой, то брошу записку, где будет сказано, что тебе делать. Поклянись мне только, что мгновенно исполнишь либо то, о чем я тебе скажу, либо то, о чем сообщу в записке.

– Всею душой, ваша милость, клянусь вам, что воля ваша будет исполнена в точности, – торжественно сказал Аженор.

– Вот и славно! – воскликнул дон Фадрике. – Вот мне и стало немного спокойнее. Бедный Фернан!

– Сеньор, не соизволит ли ваша светлость вспомнить о том, что в эту ночь мы сделали лишь половину перехода? – спросил его Мотриль, появившийся на пороге палатки. – Если вашей светлости будет угодно отдать приказ выступить, то через три-четыре часа мы доберемся до тенистого леса, который я знаю, ибо по дороге в Коимбру уже останавливался в нем, и переждем там дневную жару.

– Выезжаем, – решил дон Фадрике. – Ничто больше не удерживает меня здесь, когда я потерял последнюю надежду вновь увидеть Фернана.

Караван двинулся в путь, хотя великий магистр и рыцарь много раз обращали свои взоры к реке, много раз из самой глубины груди вырывался у них тягостный вздох: «Бедный Фернан! Бедный Фернан!»

VI. О том, как Мотриль прибыл ко двору короля Кастилии дона Педро раньше великого магистра

Есть на свете города, которые, благодаря местоположению, коим одарила их природа, и сокровищам красоты, которыми обогатили их люди, по праву царят в тех землях, что их окружают; такова Севилья – владычица прекрасной Андалусии, роскошной области Испании. Поэтому мавры – они с радостью завоевали этот город и любовно его украшали – со скорбью покинули Севилью, оставив там корону Востока, которая три века венчала ее главу. В одном из дворцов, что мавры за время своего владычества понастроили этой любимице султанов, теперь жил дон Педро, и туда мы перенесем сейчас наших читателей.

На мраморной террасе – благоуханные апельсинные, лимонные, гранатовые деревья и мирты укрывали ее таким густым сводом листвы, что сюда не проникал жар солнца; рабы-мавры ждали, когда погаснет в море испепеляющее пламя солнечных лучей. И когда начинает дуть вечерний ветерок, рабы обрызгивают пол водой, пахнувшей розами и росным ладаном,⁶¹ а легкий бриз разносит в воздухе природные

---

⁶¹ Росный ладан – отвердевшая, приятно пахнущая смола некоторых южно-азиатских деревьев, главным образом стираксового дерева.

и сотворенные людьми ароматы, что неотрывны друг от друга так же, как украшения от женской красоты. В тень, которую образуют висячие сады этого второго Вавилона, рабы выносят обитые шелком лежанки и мягкие подушки, потому что с наступлением темноты Испания оживает, и вместе с вечерней прохладой народ снова заполняет улицы, места для прогулок и террасы.

Вскоре гобелен,⁶² отделяющий просторные покои от террасы, поднимается, и появляется мужчина; на его руку опирается красивая женщина лет двадцати четырех-двадцати пяти; у нее черные гладкие волосы, темные бархатистые глаза, матово-смуглая кожа, что на Юге считается у женщин признаком молодости; высокому мужчине двадцать восемь лет; светлые волосы и белая кожа, которую не могло покрыть загаром солнце Испании, как неизгладимая печать, свидетельствуют о том, что он происходит с Севера.

Эта женщина – донья Мария Падила;⁶³ этот мужчина – король дон Педро.

Они молча идут под сводом зелени, но легко заметить, что их молчание вызвано не безмятежностью, а переполняющи-

---

⁶² Гобелен – декоративная ткань с рисунком (ковер, драпировка, картина) ручной работы. Здесь у Дюма анахронизм: гобелены впервые стали выделяться во Франции в 60-х гг. XVII в. Свое название получили от квартала в Париже, где находилась производившая их королевская мануфактура.

⁶³ Мария Падила – фаворитка короля Педро Жестокого. Здесь у Дюма неточность: Падила умерла в 1361 г., значительно раньше событий, описываемых в романе.

ми их мыслями.

Прекрасная испанка, кстати, не обращает внимания ни на мавров, ждущих ее приказаний, ни на окружающее ее великолепие. Мария Падиля, хотя и родилась в скромной, почти бедной семье, быстро привыкла к ослепительной роскоши королевского двора с тех пор, как стала, словно дитя погрешкой, играть скипетром короля Кастилии.

– Педро, – сказала она наконец, первой прерывая молчание, которого они, казалось, не решались нарушить, – вы не правы, утверждая, будто я ваша подруга и уважаемая госпожа. Я, ваша светлость, просто рабыня, и меня здесь унижают.

Педро усмехнулся, и плечо у него слегка дернулось.

– Да, это бесспорно, я просто рабыня, и меня здесь унижают, – повторила Мария. – Я это говорю и не устану повторять.

– Почему же? – спросил король. – Извольте объяснить.

– О, это очень легко сделать, мой господин. Все говорят, что на турнир, который вы устраиваете, в Севилью приезжает великий магистр ордена Святого Иакова. Его покои расширяют за счет моих покоев, украшают драгоценнейшими гобеленами и самой красивой мебелью, которую сносят из всех комнат дворца.

– Он мой брат, – ответил дон Педро. Потом прибавил с интонацией, смысл которой был понятен лишь ему: – Возлюбленный брат мой.

– Ваш брат? – удивилась она. – Я-то думала, что ваш брат

– Энрике де Трастамаре.

– Правильно, сеньора, ведь оба они – сыновья моего отца, короля дона Альфонса.

– Поэтому вы обращаетесь с великим магистром по-королевски. Я понимаю, ведь он почти имеет право на подобную честь, поскольку его любит королева.

– Я не понимаю вас, – сказал дон Педро, невольно побледнев, хотя ничто, кроме этой невольной бледности, не показывало, что Мария нанесла ему удар в самое сердце.

– Ах, дон Педро, дон Педро! – вздохнула Мария Падилья. – Вы или совсем слепы, или слишком мудры.

Король промолчал; он лишь демонстративно повернулся в сторону Востока.

– Ну и что вы там видите? – спросила неугомонная испанка. – Уж не своего ли возлюбленного брата?

– Нет, сеньора, – ответил дон Педро. – Смотрю, нельзя ли с дворцовой террасы, где мы с вами находимся, разглядеть башни Медины-Сидонии.

– О да, мне прекрасно известно, что вы скажете то, что говорите всегда: неверная королева в заточении, – возразила Мария Падилья. – А как же объяснить, что вы, кого называют Справедливым, наказываете одну, оставляя безнаказанным другого? Почему же королева находится в заточении, а ее сообщника осыпают почестями?

– Чем же, сеньора, вам так не угодил мой брат дон Фадрике? – спросил дон Педро.

– Если бы вы любили меня, то не спрашивали бы, чем он мне не угодил, а давно отомстили бы за меня. Чем не угодил? Тем, что преследовал меня, нет, не своей ненавистью – ненависть это пустяки, она делает человеку честь, – а своим презрением. И вам надлежало бы наказывать всякого, кто презирает женщину, которую вы, правда, не любите, но которую допустили до своего ложа, и она подарила вам сыновей.

Король молчал; невозможно было ничего разгадать под железным покровом этой непроницаемой души.

– О, как прекрасно украшать себя добродетелями, которых у тебя нет, – презрительно продолжала Мария Падила. – Хитрым женщинам очень легко скрывать свои постыдные страсти за робкими взглядами, прикрывать свой позор тем предрассудком, будто, в отличие от испанок, галльские девушки холодны и бесчувственны.

Дон Педро продолжал хранить молчание.

– Ах, Педро, Педро, я думаю, вы поступили бы правильно, прислушавшись к голосу собственного народа, – не унималась любовница, раздраженная тем, что ее сарказмы не задевали невозмутимого суверена. – Послушайте, как он кричит: «Ох, уж эта королевская куртизанка Мария Падила – позор Испании! Посмотрите на эту преступницу, которая во всем виновата, потому что она посмела полюбить своего повелителя не за то, что он король, а за то, что он человек! Когда другие женщины посягали на его честь, она вверила ему свою честь, рассчитывая на его покровительство и призна-

тельность. Когда его жены – ведь у христианина Педро женщин больше, чем у мавританского султана, – даже неверные жены оставались бесплодными, она – о какой позор! – принесла ему двух сыновей, которых он еще и любит! Проклянем же Марию Падилю, как мы проклинали Каву;⁶⁴ эти женщины всегда губят и народы и королей!» Это глас Испании. Прислушайтесь к нему, дон Педро!

Но будь я королевой, они стали бы говорить: «Бедная Мария Падиля! Ты была счастлива, когда была невинной и играла на берегу Гвадалопы с юными подругами! Бедная Мария Падиля, ты была так счастлива, когда король отнял твое счастье, притворившись, будто любит тебя! Твоя семья была столь знаменита, что первые вельможи Кастилии добивались твоей руки, но ты сделала ошибку, предпочтя короля. Бедная неопытная девушка, которая еще не знала, что короли – это не просто люди; ведь король обманывает тебя, которая никогда не изменяла ему даже в мыслях, даже в снах! Он отдает свое сердце другим любовницам, забывая о твоей верности, твоей самоотверженности, твоём материнстве». Будь я королевой, они говорили бы об этом и считали бы меня

---

⁶⁴ С Кавой (другое имя – Флоринда) связано одно из древнейших исторических преданий Испании. Она была дочерью наместника вестготских королей в Сеуте и Танжере, графа Хулиана; во время ее пребывания при королевском дворе в Толедо последний вестготский король Родриго обесчестил Флоринду. Та написала отцу, умоляя отомстить за бесчестие. Тогда граф Хулиан вступил в сговор с маврами и помог их победе в 711 г. в битве при реке Гвадалете, что открыло арабам путь на север Испании.

святой, да, святой. Разве не так называют в народе известную мне женщину, которая изменила мужу с его братом?

Дон Педро, чело которого еле заметно омрачилось, провел ладонью по лбу, и его лицо, казалось, снова приобрело спокойное, даже приветливое выражение.

– Короче говоря, сеньора, вы хотите стать королевой? – спросил он. – Вы же прекрасно знаете, что этого быть не может, ибо я уже женат, причем дважды. Просите у меня то, что в моих силах, и я все сделаю для вас.

– Я думала, что вправе просить того, чего требовала и добились Хуана де Кастро.⁶⁵

– Хуана де Кастро, сеньора, ничего не требовала. За нее просила необходимость – эта неумолимая повелительница королей. У Хуаны могущественная семья, и в то время, когда я нашёл себе внешнего врага, расторгнув брак с Бланкой, мне надо было искать союзников внутри страны. Теперь вы хотите, чтобы я отдал моего брата тюремщикам в тот момент, когда мне грозит война, когда другой мой брат Энрике де Трастамаре поднимает против меня Арагон, отбирает у меня Толедо, захватывает Торо, когда я вынужден отвоевывать у своих близких собственные замки с большим трудом, нежели тот, что я потратил, чтобы отнять у мавров Гранаду.⁶⁶ Вы забываете, что одно время я, теперь держащий в пле-

---

⁶⁵ Хуана де Кастро (ум. в 1374 г.) – с 1353 г. законная жена Педро Жестокого, на которой он женился при жизни Бланки Бурбонской.

⁶⁶ Здесь у Дюма неточность: мусульманское гренадское государство было заво-

ну других, сам был пленником, вынужденным таиться, гнуть шею, улыбаться всем, кто хотел меня укусить; словно дитя, я должен был пресмыкаться перед волей моей честолюбивой матери; целых полгода мне пришлось вести двойную игру, чтобы однажды найти ворота собственного дворца на минуту открытыми; мне пришлось бежать в Сеговию, по частям вырывать из рук тех, кто им завладел, наследство, оставленное мне отцом; пришлось зарезать Гарсиласьо⁶⁷ в Бургосе, отравить Альбукерке⁶⁸ в Торо, казнить двадцать два человека в Толедо и сменить мое прозвище Справедливый на прозвище Жестокий, даже не зная, какое из двух сохранит за мной потомство. Вот чем я поплатился за то якобы преступление, что оставил Бланку в Медине-Сидонии совсем одну, почти нищую, всеми забытую, как вы изволите себе это представлять.

– Ах нет, я говорю так не потому, что мне это нравится, – пылко воскликнула Мария Падилья, – а потому, что она опозорила вас!

– Нет, сеньора, – возразил дон Педро, – я не был опозорен, ибо не принадлежу к тем, кто ставит честь или бесчестье короля в зависимость от столь ненадежной опоры, как добродетель женщины. Все, что для других мужчин служит

евано испанцами только в конце XV в., а его столица была занята в 1492 г.

⁶⁷ Гарсиласьо де ла Вета – испанский феодал, владетель Бургоса; был казнен за организацию смуты против Педро Жестокого.

⁶⁸ Альбукерке, Хуан Альфонса (ум. после 1353 г.) – фаворит и советник Педро Жестокого; по происхождению португалец.

поводом для радости или горя, для нас, королей, лишь политическое средство, чтобы добиться совсем иной цели. Нет, я не был опозорен королевой Бланкой, хотя меня, против моей воли, насильно заставили жениться на ней. И я воспользовался той возможностью, что она и мой брат имели неосторожность мне предоставить. Я притворился, будто затаил в отношении их страшные подозрения. Я унизил, уничтожил ее, дочь первого королевского дома христианского мира. Поэтому, если вы меня любите, как вы утверждаете, вы должны молить Бога, чтобы со мной не случилось беды, ибо регент, а вернее, король Франции, – муж ее сестры. Это великий король, сеньора, у него сильная армия, которой командует первый полководец наших дней, месьир Бертран Дюгеклен.

– Вот в чем дело, король! Ты боишься! – вскричала Мария Падилья, которая предпочитала королевский гнев той холодной невозмутимости, что превращала дона Педро, никогда не терявшего самообладания, в самого опасного монарха на земле.

– Я боюсь вас, сеньора, да, боюсь, – ответил король. – Ведь до сих пор только вы были способны заставить меня совершить те ошибки, что я допустил.

– Мне кажется, король, ищущий советников среди мавров, а ростовщиков среди евреев, должен бы винить в собственных ошибках кого угодно, но только не женщину, которую он любит.

– Ах, вы тоже разделяете общее заблуждение, – недоумен-

но заметил дон Педро. – У меня, видите ли, в советниках мавры, а в кредиторах – евреи! Ну что ж, сеньора, я прислушиваюсь к советам умных людей, а средства беру у тех, у кого есть деньги. Если бы вы и все те, кто меня обвиняет, дали себе труд бросить взгляд на Европу, то вы увидели бы, что у мавров есть культура, а у евреев – богатства. Кто выстроил мечеть в Кордове, Альгамбру⁶⁹ в Гранаде, все те алькасары, что украшают наши города, даже тот дворец, где мы с вами сейчас находимся? Кто сотворил все это? Мавры. А в чьих руках торговля? В чьих руках хозяйство? В чьих руках скапливается золото беспечных народов? В руках евреев! Что можно ждать от наших полудиких христиан? Никчемного размахивания копиями, великих битв, что обескровливают народы. Но кто стоит в стороне и взирает, как они безумствуют? Кто благоденствует, слагает песни, любит, наслаждается, в конце концов, жизнью, когда наши народы корчатся в судорогах? Мавры. Ну а кто обирает трупы мавров? Евреи. Надеюсь, вы понимаете, что мавры и евреи суть настоящие министры и истинные ростовщики короля, который желает быть свободным и не зависеть от своих державных соседей. Надеюсь, вам ясно, к чему я стремлюсь, чего добиваюсь уже шесть лет. Именно это и вызвало злобную всеобщую враждебность ко мне, возбудило клевету. Все, кто хотели быть моими министрами, все, кто хотели стать моими

---

⁶⁹ Альгамбра – мавританский дворцовый ансамбль в Гранаде; строился с середины XIII в. до конца XIV в.

кредиторами, превратились в моих заклятых врагов. Объяснение тому простое: я ничего для них не сделал и ни о чем их не просил, я удалил их от себя. Но с вами, Мария, все обстоит наоборот: я отнял вас у вашей семьи, приблизил к трону, насколько это было в моих силах; я отдал вам ту частицу моего сердца, над которой властен король, наконец, я полюбил вас, хотя все упрекают меня в том, будто я никогда никому не дарил своей любви.

– Ах нет, вы не любили меня, – возразила Мария со свойственным женщинам упрямством, которое всегда отвечает не на доводы какими опровергают их сумасбродные обвинения, а лишь на их собственные мысли. – Если бы вы любили меня, я не была бы обречена на слезы и позор за то, что предана моему королю. Если бы вы любили, то отомстили бы за меня.

– О, Боже мой! – воскликнул дон Педро. – Потерпите, и вы будете отомщены, если это потребуется. Неужели вы думаете, что дон Фадрике дорог моему сердцу? Неужели вы полагаете, что я не был бы счастлив найти повод покончить с этим безродным отребьем? Ну что ж, если дон Фадрике действительно оскорбил вас, в чем я сомневаюсь...

– А разве не оскорбление – посоветовать вам, как он это сделал, прогнать меня, вашу любовницу, и снова взять в жены королеву Бланку? – побледнев от гнева, спросила Мария.

– А вы уверены, Мария, что это он дал мне подобный совет?

– Конечно, уверена! Как в себе самой! – сделав угрожающий жест, ответила испанка.

– Итак, дорогая моя Мария, если дон Фадрике посоветовал мне отказаться от ваших услуг любовницы и снова приблизить к себе королеву Бланку, то вы допускаете ошибку, обвиняя его в том, что он любовник королевы Бланки, – возразил дон Педро с тем хладнокровием, что привадит в отчаяние людей, дающих волю своему гневу. – Ведь поймите же, ревнивица вы моя, они были бы счастливы наслаждаться неограниченной свободой, которую получает брошенная женщина.

– Для меня непонятно ваше красноречие, сир⁷⁰ Педро, – ответила Мария и встала, не в силах более сдерживать ярость. – Я отдаю должное вашему величеству, но постараюсь сама отомстить за себя.

Дон Педро молча проводил ее взглядом и, увидев, как она уходит, даже не попытался ее удержать, хотя Мария Падилья была единственной женщиной, к которой он в прошлом питал иное чувство, кроме чувства удовлетворенной плотской страсти. Но по этой же причине он боялся своей любовницы, словно врага. Поэтому он подавил слабое чувство жалости, шевельнувшееся в глубине сердца, и растянулся на подушках, на которых только что сидела Мария Падилья, устремив

---

⁷⁰ Сир (франц. sire) – основное значение этого слова: ваше величество, то есть обращение к королю. Но одновременно оно может означать просто «господин» при употреблении его в фамильярном или ироническом смысле.

взор в сторону португальской дороги; с балкона, где отдыхал король, можно было видеть, как по равнине во все концы королевства разбегаются дороги, проложенные сквозь леса и через горы.

– Как страшен удел королей! – бормотал дон Педро. – Я люблю эту женщину и, однако, не должен показывать это ни ей, ни другим, никому на свете, потому что если она будет уверена в моей любви, то станет злоупотреблять ею; потому что нельзя допускать, чтобы кто-либо мог помыслить, будто обладает таким влиянием на короля, что способен вырвать у него удовлетворение за оскорбления или получить какую-либо иную выгоду. Нельзя допускать, чтобы люди говорили: «Королева оскорбила короля, он знает об этом и не отомстил!» – продолжал говорить сам с собой дон Педро, на лице которого отражалось все, что происходило в его душе. – Но если я буду действовать слишком грубо, мое королевство может погибнуть из-за этой неосторожной расправы. Ведь дон Фадрике зависит только от меня, а король Франции не властен над его жизнью или смертью. Вот только приедет ли он? А если едет, то успел ли предупредить сообщницу?

И тут король заметил на дороге, спускающейся со Сьерры-де-Арасена,⁷¹ облако пыли, которое быстро разрасталось. Вскоре сквозь слегка рассеявшуюся завесу пыли он разглядел белые накидки мавританских всадников; потом по высо-

---

⁷¹ Арасена (полное название: Сьерра-де-Арасена) – горы к северо-западу от Севильи. Сьерра – название гор и горных хребтов на Пиренейском полуострове.

кому росту король узнал Мотриля, ехавшего рядом с позолоченными носилками.

Отряд двигался резво.

– Он один! – прошептал король.

Когда он смог охватить взглядом всех людей – от первого до последнего – король пробормотал:

– Его нет! Что случилось с великим магистром? Уж не отказался ли он ехать в Севилью или мне надо было бы самому отправиться за ним в Коимбру?

Тем временем отряд приближался к городу.

Через несколько минут он исчез в городских воротах. Король провожал его глазами и изредка замечал, как он вновь появляется, сверкая оружием, в извилистых улицах города; наконец дон Педро увидел, что всадники вступили в алькасар; склонившись над перилами, он следил, как они проезжают по двору дворца.

Мавр имел право свободно входить к королю в любое время. Поэтому Мотриль очень скоро появился на террасе и нашел дона Педро на ногах; взгляд короля был устремлен, туда, откуда, как он знал, должен был войти мавр. Лицо короля было мрачным, но он и не пытался скрыть своей тревоги.

Мавр скрестил руки на груди и, кланяясь, почти коснулся лбом пола. Но на его приветствие дон Педро ответил лишь нетерпеливым жестом.

– Где великий магистр? – спросил он.

– Государь, я был вынужден поспешно вернуться в Севи-

лю, – ответил Мотриль. – Важные вещи, о которых я должен вам сообщить, надеюсь, склонят вашу светлость выслушать голос преданного слуги.

Дон Педро, несмотря на всю свою проницательность, в эту минуту был полностью поглощен терзавшими его страстями мести и злобы, чтобы заметить в словах мавра хитрую, намеренную осторожность.

– Где великий магистр? – топнув ногой, повторил король.

– Сеньор, он приедет, – ответил Мотриль.

– Почему вы оставили его? Почему, если он невиновен, он сам не явился сюда, а если виновен, почему его не привезли сюда насильно?

– Сеньор, успокойтесь, великий магистр виновен, но тем не менее он приедет; может быть, он и хотел бы бежать, но его охраняют мои люди; они везут его сюда, а не просто сопровождают. Я опередил их, чтобы поговорить с королем не о том, что уже сделано, а о том, что еще предстоит ему сделать.

– Так, значит, он едет... Ты уверен? – повторил дон Педро.

– Завтра вечером он будет у ворот Севильи. А я, как видите, уже здесь.

– Кто-нибудь знает о его поездке?

– Никто.

– Вам понятна важность моего вопроса и серьезность вашего ответа?

– Да, государь.

– Хорошо! Ну что еще нового? – сокрушенно спросил дон Педро, ничем не выдав своей мучительной тревоги, потому что на лице его появилось равнодушное выражение.

– Королю известно, как ревниво я дорожу его честью, – сказал мавр.

– Да, но вам, Мотриль, тоже известно, – нахмурил брови дон Педро, – что клеветнические намеки на сей счет хороши для Марии Падила, ревнивой женщины, которая может высказывать их мне, своему слишком, наверное, терпеливому любовнику. Однако вам, министру, не позволено, да будет вам известно, в присутствии короля дона Педро ни единым словом порочить безупречное поведение королевы Бланки, и если вы об этом забыли, то напоминаю вам.

– Государь дон Педро, у вас, столь могущественного и счастливого, любимого и любящего короля, в сердце не может быть места ни для зависти, ни для ревности, – возразил мавр. – Я понимаю, повелитель мой, как велико ваше счастье, но нельзя допускать, чтобы оно ослепляло вас.

– Значит тебе что-то известно! – вскричал дон Педро, сверля мавра своим тяжелым взглядом.

– Сеньор, ваше величество, вероятно, не раз размышляли о тех кознях, что ему строят, – холодно ответил Мотриль. – И в мудрости своей спрашивали себя: что станет с монархией Кастилии, поскольку наследников у короля нет.

– Почему же нет наследников? – переспросил дон Педро.

– По крайней мере, нет законных наследников, – пояснил

мавр. – И если с вами случится несчастье, то королевство станет принадлежать самому дерзкому или самому удачливому из всех бастардов – дону Энрике, дону Фадрике или дону Тельо.

– К чему весь этот разговор, Мотриль? – спросил дон Педро. – Уж не хочешь ли ты, случайно, посоветовать мне жениться в третий раз? Оба первых брака не принесли мне счастья, так что я вряд ли последую твоему совету. Учти это, Мотриль.

Когда мавр услышал эти слова, которые сильное горе вырвало из глубины сердца короля, глаза его заблестели.

В признании короля раскрылись те муки, что терзали его смятенную душу; Мотриль знал лишь половину того, что он хотел узнать; несколько этих слов поведали ему об остальном.

– Сеньор, почему третьей женой не может быть женщина, характер которой уже известен, а плодовитость испытана? – спросил мавр. – Возьмите в жены, к примеру, донью Марию Падилю, поскольку вы так сильно ее любите, что не в силах с ней расстаться; она ведь происходит из весьма достойной семьи и может стать королевой. Тем самым ваши сыновья будут узаконены и никто не будет иметь права оспаривать у них трон Кастилии.

Мотриль напряг все силы своего ума, чтобы предугадать, какие последствия будет иметь этот его выпад. И тут, с наслаждением, что неведомо простым смертным, а знакомо лишь

честолюбцам большого полета, которые играют судьбами королевств, Мотриль заметил, что на челе его суверена промелькнуло легкое облачко разочарования.

– Я уже безуспешно разорвал один брак, связавший меня с королем Франции, – объяснил дон Педро. – Теперь я не могу порвать другой брак, что связывает меня с семьей Кастро...

«Отлично! – подумал Мотриль. – Если в его сердце нет настоящей любви, то нечего бояться чьего-либо влияния; остается лишь занять место, если не на троне, то хотя бы в постели короля Кастилии».

– Ладно, хватит об этом, – сказал дон Педро. – Ты говорил, что хочешь сообщить мне нечто очень важное.

– Ну да! Просто мне осталось сообщить вам одну новость, которая освобождает вас от необходимости выказывать уважение к Франции.

– Что за новость? Говори!

– Сеньор, позвольте мне сперва сойти вниз, чтобы отдать кое-какие распоряжения людям, охраняющим во дворе носилки, – попросил Мотриль. – Я беспокоюсь, ибо оставил в одиночестве особу, которая мне очень дорога.

Дон Педро с удивлением посмотрел на мавра.

– Ступай и возвращайся скорее, – сказал он.

Мавр спустился по лестнице и приказал занести носилки в ближний двор.

С высокой террасы дон Педро рассеянно наблюдал за действиями своего министра. Через несколько минут Мотриль

вернулся.

– Надеюсь, ваше величество и на сей раз, как обычно, соизволит предоставить мне комнаты в алькасаре, – спросил он.

– Да, разумеется.

– Позвольте мне тогда ввести во дворец особу, которая находится в носилках.

– Это женщина? – спросил дон Педро.

– Да, сеньор.

– Рабыня, которую ты любишь?

– Моя дочь, государь.

– Я и не знал, что у тебя есть дочь, Мотриль.

Мавр промолчал; сомнение и любопытство закрались в душу короля, чего Мотриль и добивался.

– Теперь расскажи мне, что тебе известно о королеве Бланке, – велел дон Педро, вынужденный из-за важности этого дела снова спрашивать о том, что ему хотелось узнать.

VIII. Как мавр рассказал королю дону Педро о том, что произошло

Мавр подошел к королю и, придав лицу выражение глубокого сочувствия (проявление этого чувства со стороны подначального больно ранило дона Педро), сказал:

– Прежде чем начать этот рассказ, государь, необходимо, чтобы ваше величество вспомнило те приказы, которые мне были даны.

– Рассказывай, я никогда не забываю то, что однажды приказал, – заметил дон Педро.

– Король повелел мне ехать в Коимбру, и я туда отправился; король повелел мне передать великому магистру, что ожидает его, и я сообщил ему об этом; король повелел мне ускорить отъезд великого магистра, и в день нашего приезда мы – я отдыхал всего час – двинулись в путь...

– Хорошо, хорошо, – перебил дон Педро, – я знаю, Мотриль, что ты верный слуга.

– Ваша светлость также сказал: «Ты должен будешь следить за тем, чтобы во время пути великий магистр никому не сообщил о своем отъезде». Так вот! Утром в день отъезда, великий магистр... Но я, право, не знаю, должен ли я, несмотря на повеления вашего величества, рассказывать вам о том, что произошло.

– Говори! Утром в день вашего отъезда...

– ...великий магистр написал письмо...

– Кому?

– Той самой особе, которой, как и опасалось ваше величество, он мог бы написать.

– Королеве Бланке! – побледнев, вскричал дон Педро.

– Королеве Бланке, государь.

– Мавр! – сказал дон Педро. – Подумай о серьезности подобного обвинения.

– Я думаю лишь о службе моему королю.

– Берегись, если я достану это письмо! – угрожающе вскричал дон Педро.

– Оно у меня, – бесстрастно ответил мавр.

Дон Педро сделал шаг в его сторону, вздрогнул и отпрянул назад.

– Оно, действительно, у тебя? – спросил он.

– Да.

– Это письмо написал дон Фадрике?

– Да.

– Бланке Бурбонской?

– Да.

– Ну и где же оно?

– Я отдам его вашей милости, когда вы умерите свой гнев.

– Я? Разве я в гневе? – нервно усмехнулся дон Педро. – Я никогда не был более спокойным.

– Нет, государь, вы встревожены, глаза ваши горят возмущением, губы ваши бледны, а рука дрожит и гладит рукоят-

ку кинжала. Почему вы должны скрывать свою тревогу, государь? Она совершенно естественна, а месть в таком случае законна. Вот почему, догадываясь, что месть вашей светлости будет страшна, я заранее пытаюсь смягчить ее.

– Дайте мне это письмо, Мотриль, – вскричал король.

– Но, ваша милость...

– Немедленно дайте письмо, сию же секунду, я требую! Мавр медленно достал из-под красного плаща охотничью сумку несчастного Фернана.

– Мой первый долг – повиноваться моему господину, что бы ни случилось потом, – заметил он.

Король осмотрел охотничью сумку, достал из нее вышитый жемчугом мешочек, развязал его и быстро схватил письмо. Печать с этого письма явно была сорвана; когда дон Педро увидел это, новая судорога исказила его черты; однако, ничего не сказав, он прочел:

«Госпожа, королева моя, король вызывает меня в Севилью. Я обещал писать Вам о важных событиях в моей жизни: это мне кажется решающим.

Что бы ни случилось, благородная дама и возлюбленная сестра, меня не устрасит месть доньи Падильи, которая, вероятно, и вызывает меня, если я буду знать, что Вы, столь любезная душе моей, находитесь вне ее посягательств. Мне неизвестно, что меня ждет: наверно, тюрьма, возможно, смерть. Будучи в заточении, я не смогу больше Вас защитить, но если мне суждено умереть, то я пользуюсь той ми-

нутой, пока руки мои свободны, чтобы написать Вам, что и рука моя, покуда она не в оковах, и сердце, до последнего моего вздоха, будут принадлежать Вам.

Это, может быть, прощальное мое письмо, доставит Вам Фернан. Может быть, моя нежная королева и подруга, мы встретимся еще в этом мире, но на небесах мы наверняка будем вместе.

Дон Фадрике».

– Кто такой Фернан? Где он? – закричал дон Педро, мертвенно побледнев; смотреть на него было страшно.

– Фернан, сеньор, был пажом великого магистра, – абсолютно невозмутимым тоном ответил Мотриль. – Он ехал с нами; вечером, накануне нашего отъезда, он получил это письмо. Случаю было угодно, что той же ночью, переправляясь через Зезири, он утонул, и я нашел это послание на его мертвом теле.

Дон Педро не нуждался в объяснениях, чтобы понять Мотриля.

– Ах, вот оно что, вы нашли труп.

– Да.

– И все это видели?

– Конечно.

– Значит, никто не знает, о чем это письмо?

– Сеньор, простите мою дерзость, – ответил Мотриль. – Интересы моего короля взяли верх над скромностью, которую мне надлежало проявлять. Я вскрыл охотничью сумку и

прочитал письмо.

– Его прочли только вы? Выходит, будто его не читал никто.

– Конечно, сеньор, раз оно попало в мои руки.

– Ну, а раньше?

– О сеньор, за то, что было раньше, я ручаться не могу, тем более, паж был не один со своим господином: с ними находился еще проклятый гяур... пес... какой-то христианин... Простите, государь.

– Кто этот христианин?

– Рыцарь из Франции, кого великий магистр называет своим братом.

– Вот как! – усмехнулся дон Педро. – По-моему, великий магистр мог бы иначе именовать своих друзей.

– Больше того! У него нет секретов от этого христианина, и не будет ничего удивительного, если рыцарь окажется посвященным в тайны пажа, и в таком случае о преступлении узнают все.

– Значит, великий магистр приезжает? – спросил дон Педро.

– Он едет следом за мной, сеньор.

Нахмутив брови, дон Педро какое-то время расхаживал по террасе, скрестив на груди руки и опустив голову, и было легко догадаться, какая страшная буря бушует в его сердце.

– Итак, надо начинать с него, – сказал он наконец мрачным голосом. – Кстати, это единственный способ действий,

который мне может простить Франция. Когда король Карл V увидит, что я не пощадил родного брата, он не станет сомневаться в его виновности и простит меня за то, что я не пощадил и его свояченицу.

– Но разве, сеньор, вы не опасаетесь, что месть никого не обманет и все станут говорить, будто вы убили великого магистра не потому, что он любовник королевы Бланки, а потому, что он брат Энрике де Трастамаре, вашего соперника в борьбе за трон? – спросил Мотриль.

– Я оглашу это письмо, – заявил король, – и кровь смоем пятно позора. Ступайте, вы сослужили мне верную службу.

– Что теперь повелевает мой король?

– Приготовить покои великому магистру.

Мотриль ушел; дон Педро остался один, и мысли его стали гораздо мрачнее; он представил себе, как станут глумиться над ним, и под маской царственной невозмутимости в нем вновь ожил ревнивый и гордый мужчина, которому уже чудилось, будто слух о любви Бланки и великого магистра – со всеми преувеличениями, какими обрастают грехи королей, – распространяется среди народов. И поскольку он не сводил глаз с покоев доньи Падильи, ему показалось, что она стоит у окна, за занавеской, и он улавливает на ее лице улыбку удовлетворенной гордыни.

«Не Мария Падилья вынуждает меня совершить задуманное, – размышлял он, – но тем не менее все скажут, что это ее влияние, и даже сама она поверит в это».

Слегка раздосадованный, он отвернулся и рассеянно осмотрелся: по террасе, расположенной ниже королевской, прошли два раба-мавра, неся курильницы, из которых струился голубоватый благовонный дым. Веющий с гор ветерок донес до короля этот опьяняющий аромат.

За рабами шла, склонив покрытую голову, высокая, стройная женщина с гибким станом. Лицо ее скрывала чадра, сквозь узкую щель которой сверкали глаза. Мотриль почтительно следовал за ней; когда они подошли к двери комнаты, куда должна была войти чужестранка, мавр низко ей поклонился.

Эти ароматы, этот томный взор чужестранки, эта почти-тельность мавра составляли столь сильный контраст со страстями, которые терзали сердце дона Педро, что король на мгновение почувствовал себя бодрым, как бы заново родившимся; это видение словно вдохнуло в него молодость и жажду наслаждения, поэтому он с нетерпением ждал наступления темноты. Когда совсем стемнело, король вышел из своих покоев и под покровом ночи садами – бывать в них имел право только он – пробрался к маленькому домику, где остановился Мотриль; осторожно раздвинув густые гирлянды плюща и ветви огромного олеандра, которые лучше любого ковра скрывали от нескромных взоров комнату, он увидел на широком, расшитом серебром шелковом покрывале Аиссу; длинное прозрачное платье едва прикрывало ее тело, босые ноги по восточной моде были украшены кольцами и

браслетами; лицо ее было спокойно; устремив вдаль мечтательные глаза, она улыбалась, приоткрыв алые губы и обнажив ряд мелких, белых и ровных, словно жемчужины, зубов.

Мотриль и рассчитывал на любопытство короля; вслушиваясь и вглядываясь в темноту, он различил шорох раздвигаемых веток; в прохладной ночной тишине он уловил жаркое дыхание доня Педро, но и виду не подал, будто заметил, что его суверен стоит совсем рядом.

Лишь когда беспечная девушка по рассеянности выронила из рук коралловые четки, он их поспешно поднял и протянул Аиссе, почти стоя перед ней на коленях. Аисса улыбнулась.

– Почему в последние дни вы оказываете мне подобные почести? – спросила она. – Отец должен проявлять к своему ребенку только нежность, это ребенок обязан чтить отца.

– Мотриль делает то, что повелевает ему долг, – ответил мавр.

– Но почему же, отец, вы относитесь ко мне с большим почтением, чем к самому себе?

– Потому, что вам надлежит оказывать больше почтения, нежели мне, – сказал Мотриль, – ибо скоро настанет день, когда вам все откроется, и, когда день этот придет, вы, донья Аисса, может быть, больше не соизволите называть меня отцом.

Эти загадочные слова и на девушку, и на короля произвели странное, непонятное впечатление; но, несмотря на на-

стойчивые просьбы Аиссы, Мотриль не пожелал больше ни о чем говорить и удалился.

После него в комнату вошли служанки Аиссы с большими опахалами из страусовых перьев, чтобы овеять прохладой софу своей госпожи; и хотя не было видно ни инструментов, ни музыкантов, слышалась нежная музыка, которая струилась в воздухе, словно неуловимый аромат. Аисса смежила свои большие глаза, горящие каким-то потаенным пламенем.

«О чем она грезит?» – спросил себя король, заметив, что легкая тень какого-то видения скользнула по лицу девушки.

Аисса грезила о прекрасном французском рыцаре.

К окнам подошли служанки, чтобы опустить портьеры.

«Странно, – думал король, вынужденный прервать это неосторожное рассматривание, – мне показалось, будто она произнесла чье-то имя».

Король не ошибся: Аисса прошептала имя Аженора.

Хотя портьеры опустились, дон Педро был не в том настроении, чтобы возвращаться к себе в покои.

В этот час в его сердце боролись самые противоречивые чувства. Они вели между собой схватку, не оставлявшую никакой надежды на покой и сон; прося прохлады у ночного воздуха и успокоения у тишины, король бродил по садам, каждый раз, словно к желанной цели, возвращался к домику, где самым крепким сном спала прекрасная мавританка; иногда король, проходя мимо покоев Марии Падильи, поднимал

глаза на темные окна и, уверившись, что надменная испанка спит, продолжал свои блуждания, которые, неизменно приводили его к домику Аиссы.

Король ошибался: Мария Падила не смыкала глаз; свет во дворце не горел, но ее сердце, полное огня, как и сердце дона Педро, пылало и трепетало в ее груди; одетая в темное платье, она неподвижно стояла у окна и смотрела на короля, не упуская ни одного его движения и угадывая почти все его мысли.

Но, кроме глаз Марии Падила, устремленных в самое сердце короля дона Педро, за ним следили еще глаза мавра: он тоже стоял на посту в домике Аиссы, желая убедиться в результатах своей интриги. Когда король подходил к окнам Аиссы, мавр вздрагивал от радости. Когда дон Педро устремлял взгляд на окна Марии Падила и словно раздумывал, не подняться ли ему к фаворитке, мавр шепотом изрыгал угрозы, которые его рука, машинально нащупывающая кинжал, казалось, готова была осуществить. Под этими острыми и злобными взглядами дон Педро провел всю ночь, думая, что он одинок и всеми забыт; наконец, сломленный усталостью, он за час до рассвета улегся на скамью и уснул тем лихорадочным, беспокойным сном, что лишь усугубляет страдания.

«Ты еще не тот, каким я хочу тебя сделать, – прошептал Мотриль, видя, что король свалился с ног под тяжестью усталости. – Мне надо избавить тебя от доньи Падила: если тебе верить, ты разлюбил ее, но расстаться с ней не в силах».

И он опустил портьеру, которую приподнял, наблюдая за садом.

«Что ж, – думала Мария Падилья, – мне остается сделать последнюю, но быструю и решительную попытку, прежде чем эта женщина – ведь ясно, что он высматривает ее сквозь портьеру, – покорит его сердце».

И она отдала распоряжение слугам, с утра поднявшим во дворце страшный шум.

Когда король проснулся и прошел к себе, он услышал во дворе топот мулов и лошадей, а в коридорах – торопливые шаги служанок и пажей.

Он было собрался выяснить причины этого переполоха, как дверь распахнулась и на пороге показалась Мария Падилья.

– Кого ждут эти лошади и чего хотят все эти озабоченные слуги, сеньора? – спросил дон Педро.

– Они, государь, ждут моего отъезда, который я велела ускорить, чтобы избавить ваше величество от общества женщины, уже бессильной сделать что-либо для вашего счастья. Кстати, именно сегодня приезжает мой враг, а поскольку в ваши намерения, несомненно, входит в порыве братской нежности пожертвовать мной ради него, я уступаю ему свое место, ибо должна посвятить себя детям: им, раз о них забывает отец, мать необходима вдвойне.

Мария Падилья слыла первой красавицей Испании; и ее влияние на дона Педро было столь сильным, что современ-

ники – они были убеждены, что красота, сколь бы совершенна она ни была, не может обладать подобной властью, – предпочитали приписывать сие влияние волшебству, вместо того чтобы искать его причину в естественных прелестях чаровницы.

В Марии Падилье – прекрасной в свои двадцать пять лет и гордой званием матери, – с распущенными волосами, которые ниспадали на скромное шерстяное платье, облежавшее по моде четырнадцатого века руки, плечи и грудь, для донна Педро заключались не только все его мечты, но и вся его любовь, все пережитые им чувства; она была доброй феей королевского дома, цветком души и сокровищницей счастливых воспоминаний короля. Дон Педро смотрел на нее с грустью.

– Меня удивляет, что вы до сих пор не покинули меня, Мария, – заметил он. – Правда, вы весьма удачно выбрали момент, когда мой брат Энрике бунтует, мой брат Фадрике предает меня, а король Франции, вероятно, объявит мне войну. Женщины, поистине, не любят несчастий.

– Разве вы несчастны? – воскликнула донья Падилья, сделав несколько шагов вперед и протягивая дону Педро руки. – В таком случае, я не еду, мне достаточно ваших слов, хотя в былые дни я спросила бы: «Педро, ты будешь рад, если я останусь?»

Король склонился к ней, и прекрасная ручка Марии оказалась в его руках. Он переживал одно из тех мгновений, в которых нуждается глубоко израненное сердце, что-

бы немного любви зарубцевало его раны. Он поднес ручку к губам.

– Вы неправы, Мария, я люблю вас, – сказал он. – Хотя для того, чтобы вы нашли любовь, достойную вас, вам следовало бы полюбить не короля, а другого мужчину.

– Но вы же не желаете, чтобы я уезжала, – ответила Мария Падилья с той восхитительной улыбкой, которая заставляла дона Педро забывать обо всем на свете.

– Нет, если только вы согласитесь разделить в будущем мою судьбу, так же как вы делили ее со мной в прошлом, – сказал король.

Тогда с того места, где она стояла, Мария Падилья жестом королевы, заставлявшим поверить, будто она родилась у подножия трона, подала знак толпе слуг, уже готовых к отъезду, возвращаться в комнаты.

В эту секунду вошел Мотриль. Слишком долгий разговор дона Педро с любовницей встревожил его.

– Что случилось? – раздраженно спросил дон Педро.

– Государь, случилось то, что прибывает ваш брат дон Фадрике, – ответил мавр. – На португальской дороге заметили его свиту.

При этом известии ненависть, словно молния, промелькнула в глазах короля; Мария Падилья сразу поняла, что ей нечего бояться приезда дона Фадрике, и она, подставив дону Педро лоб, которого он коснулся бледными губами, вернулась к себе, улыбаясь.

VIII. Как великий магистр въехал в Алькасар Севильи, где его ждал король дон Педро

Великий магистр, как сказал Мотриль, действительно приближался к Севилье; в полдень, в разгар испепеляющей жары, он подъехал к воротам.

Всадники – христиане и мавры, – составлявшие его охрану, были покрыты пылью; по бокам мулов и лошадей стекал пот. Великий магистр бросил взгляд на городские стены, где ожидал увидеть скопление солдат и горожан, – так всегда бывает в праздники, – но заметил только дозорных, которые, как и в обычные дни, несли свою службу.

– Не надо ли предупредить короля? – спросил один из офицеров дона Фадрике, готовый поскакать вперед, если получит приказ.

– Не беспокойтесь, мавр приехал раньше нас, – с печальной улыбкой ответил дон Фадрике, – и мой брат предупрежден. Кстати, разве вы не знаете, что по случаю моего приезда в Севилье устраиваются турниры и празднества? – прибавил он с горечью в голосе.

Испанцы с удивлением озирались по сторонам, ибо ничто не предвещало обещанных турниров и особых торжеств. Наоборот, все выглядело грустно и мрачно; они обращались с

вопросами к маврам, но те молчали.

Люди дона Фадрике въехали в город; двери и окна были закрыты, как это принято в Испании в сильную жару; на улицах не было видно ни людей, ни приготовлений к празднику и слышался только скрип открываемых дверей, откуда выглядывал какой-нибудь запоздавший любитель поспать, который, прежде чем предаться сieste, любопытствовал узнать, что за отряд всадников появился в городе в такой час, когда в Испании даже мавры, эти дети солнца, прячутся в тени деревьев или ищут речной прохлады.

Впереди ехали всадники-христиане; мавры, числом превосходившие их вдвое – несколько мавританских отрядов присоединились в дороге к первому отряду, – образовывали арьергард.

Великий магистр взирал на все эти передвижения, на город, который надеялся увидеть оживленным и веселым, а нашел угрюмым и безмолвным как могила, и в сердце его закрадывались страшные подозрения. Подъехал офицер и, склонившись к его уху, спросил:

– Сеньор, вы обратили внимание, что ворота, через которые мы въехали, закрыли?

Великий магистр не ответил; они продолжали двигаться вперед и скоро увидели перед собой алькасар. Мотриль с группой офицеров дона Педро поджидал их у ворот. Вид у них был благожелательный.

Отряд, который ожидали с большим нетерпением, без

промедления въехал во внутренний двор алькасара, и ворота тоже сразу захлопнулись.

Мотриль с выражением глубочайшего почтения следовал за графом.

Когда дон Фадрике спешился, к нему подошел мавр и сказал:

– Известно ли вашей светлости, что у нас не принято с оружием въезжать во дворец. Не соизволите ли приказать мне отнести ваш меч в ваши покои?

Великий магистр, казалось, лишь ждал этих слов, чтобы дать волю долго сдерживаемому гневу.

– Раб, – сказал он, – неужели угодничество сделало тебя таким хамом, что ты уже разучился узнавать своих сеньоров и чтить своих господ? С каких это пор великий магистр ордена Святого Иакова из Калатравы, обладающий правом в шлеме и при шпорах заходить в церкви и при оружии беседовать с Богом, лишился права вооруженным входить во дворец и, держа меч в ножнах, говорить с братом?

Мотриль почтительно выслушал его и униженно склонил голову.

– Ваша светлость говорит истинно, – ответил он, – а ваш ничтожнейший слуга запомнил, что вы не только граф, но и великий магистр ордена из Калатравы. Все эти привилегии – обычаи христианские, и неудивительно, что жалкий нехристь, вроде меня, не знает о них или не помнит.

В эту секунду к дону Фадрике подошел другой офицер.

– Верно ли, сеньор, что вы отдали приказ покинуть вас? – спросил он.

– Кто это сказал? – воскликнул великий магистр.

– Один из стражей ворот.

– И что вы ему ответили?

– Что мы исполняем приказы только нашего сеньора. Граф ненадолго задумался: он был молод, чувствовал себя сильным и храбрым, его окружало немало воинов, и можно будет долго отбиваться.

– Сеньор, скажите лишь слово, дайте знак, – продолжал офицер, увидев, что господин его советуется сам с собой, – и мы вырвем вас из западни, в которую вы попали. Нас здесь тридцать человек, у нас копыя, кинжалы и мечи.

Дон Фадрике взглянул на Мотриля, и, заметив на его губах усмешку, посмотрел туда, куда смотрел мавр. Окружавшие двор галереи заполнили лучники и арбалетчики, держа оружие наизготовку.

«Я перебил бы этих храбрецов, – подумал дон Фадрике, – но, раз они хотят взять только меня, я пойду один».

Великий магистр, спокойный и уверенный, обернулся к своим товарищам.

– Ступайте, друзья мои, – обратился он к ним. – Я во дворце моего брата и моего короля. В подобных чертогах предательство не живет, а если я ошибся, не забывайте, что меня предупреждали об измене, но я не желал в это верить.

Солдаты дона Фадрике поклонились и ушли. Так великий

магистр остался один с маврами и стражей короля дона Педро.

– Теперь я желаю видеть моего брата, – сказал он, повернувшись к Мотрилю.

– Ваше желание, сеньор, будет исполнено, ибо король с нетерпением ждет вас, – ответил мавр.

И он отошел в сторону, чтобы граф мог вступить на лестницу дворца.

– Где мой брат? – спросил великий магистр.

– В покоях на террасе.

Эти комнаты соседствовали с теми, где обычно останавливался дон Фадрике. Проходя мимо своей двери, великий магистр задержался.

– Не могу ли я зайти к себе и немного отдохнуть, прежде чем предстать перед моим братом? – спросил он.

– После того, как ваша светлость встретится с королем, – ответил Мотриль, – вы сможете отдыхать сколько угодно и как угодно...

Тут среди мавров, что шли следом за графом, возникло какое-то замешательство. Великий магистр обернулся.

– Пес, пес... – бормотали мавры.

Действительно, верный Алан вместо того, чтобы вслед за лошадию отправиться на конюшню, пошел за хозяином, словно предчувствуя грозившую ему опасность.

– Пес со мной, – сказал дон Фадрике.

Мавры расступились, больше из страха, чем из уважения,

и радостный пес, встав на задние лапы, положил передние на грудь хозяину.

– Да, я тебя понимаю, – сказал дон Фадрике. – Фернан погиб, Аженор далеко, и ты единственный друг, который у меня остался.

– Ваша светлость, неужели среди привилегий великого магистра ордена Святого Иакова есть привилегия входить в покои короля вместе со своим псом? – с ехидной улыбкой осведомился Мотриль.

Дон Фадрике помрачнел от обиды. Мавр стоял рядом; рука великого магистра лежала на рукояти кинжала; мгновенное решение, молниеносный удар – и он отомстит этому насмешливому и наглому рабу.

«Нельзя, – сдержал он себя. – Величие короля лежит и на тех людях, что его окружают: не будем же посягать на величие короля».

Он хладнокровно открыл дверь в свои покои и сделал псу знак идти за ним. Пес послушался.

– Жди меня, Алан, – приказал он.

Пес улегся на львиную шкуру. Великий магистр закрыл дверь. И тут до него донесся голос:

– Брат мой! Ну где же брат мой?

Дон Фадрике узнал голос короля и пошел на него.

Дон Педро, вышедший из ванной и еще бледный после бессонной ночи, сдерживая клокочущий в нем гнев, устремил суровый взгляд на молодого человека, который прекло-

нил перед ним колено.

– Вот и я, мой король и брат мой, – сказал дон Фадрике. – Вы призвали меня, и я перед вами. Я приехал немедленно, чтобы видеть вас и пожелать вам всяческого благополучия.

– Неужели это возможно, великий магистр, и я не должен удивляться тому, что ваши речи полностью расходятся с вашими действиями? – спросил король. – Как, объясните, может быть, что вы желаете мне всяческого блага и сговариваетесь с моими врагами?

– Сеньор, я не понимаю вас, – ответил дон Фадрике, поднимаясь с пола, ибо с того мгновения, как ему предъявили обвинение, он больше ни секунды не хотел оставаться на коленях. – Неужели эти слова адресованы мне?

– Да, вам, великому магистру ордена Святого Иакова.

– Значит, государь, вы считаете меня предателем?

– Почему бы и нет? Вы и есть предатель, – ответил дон Педро.

Молодой человек побледнел, но не утратил самообладания.

– Почему вы обвиняете меня, мой король? – спросил он тоном безграничной кротости. – Я никогда не оскорблял вас, по крайней мере преднамеренно. Совсем наоборот, во многих боях, особенно в войне с маврами, вашими сегодняшними друзьями, я умело владел мечом, который был слишком тяжел для моей еще неокрепшей руки.

– Да, мавры – мои друзья! – вскричал дон Педро. – Мне

пришлось выбирать себе друзей среди мавров, потому что в моей семье я нашел только врагов!

По мере того как упреки короля становились все несправедливее и оскорбительнее, дон Фадрике чувствовал в себе все больше гордости и бесстрашия.

– Если вы говорите о моем брате Энрике, – возразил он, – мне нечего вам ответить, меня это не касается. Мой брат Энрике поднял мятеж против вас, мой брат Энрике неправ, потому что вы наш законный сеньор и по возрасту, и по рождению. Мой брат Энрике хочет стать королем Кастилии; верно говорят, что честолюбие затмевает разум. Я же не честолюбив и не претендую ни на что. Я великий магистр ордена Святого Иакова: если вам известен более достойный человек, я готов уступить ему эту должность. Дон Педро молчал.

– Я отвоевал Коимбру у мавров и сижу там как в моем владении. Никто не имеет права на мой город. Хотите, мой брат, я отдам вам Коимбру, это хороший порт.

Дон Педро и на сей раз промолчал.

– У меня есть небольшая армия, – продолжал дон Фадрике, – но я набрал ее с вашего позволения. Хотите, я отдам вам моих солдат, чтобы они сражались против ваших врагов.

Дон Педро продолжал хранить молчание.

– В моих руках лишь собственность, что принадлежит моей матери Элеоноре де Гусман, и богатства, которые я отнял у мавров. Брат мой, хотите я отдам вам свои деньги?

– Мне не нужны ни твоя должность, ни твой город, ни

твои солдаты, ни твое богатство! – вспыхнул дон Педро, не в силах больше сдерживаться, видя спокойствие молодого человека. – Мне нужна твоя голова.

– Моя жизнь, как и все, что я имею, принадлежит вам, мой король, и я не намерен держаться ни за нее, ни за свои богатства. Но зачем вам моя голова, если мое сердце невинно?

– Невинно?! – закричал дон Педро. – А тебе известна француженка по имени Бланка Бурбонская?⁷²

– Я знаю француженку, которую зовут Бланкой Бурбонской, и почитаю ее как мою королеву и мою сестру.

– Прекрасно! Так вот, я хотел тебе сказать, что та, которую ты считаешь твоей королевой и твоей сестрой, – враг твоего брата и твоего короля.

– Сир, если вы называете врагом человека, которого вы оскорбили и который хранит в сердце воспоминание об этом оскорблении, – возразил великий магистр, – то особа, о коей вы говорите, может быть, и является вашим врагом. Но, право слово, это все равно, как если бы вы считали своим врагом раненную вашей стрелой газель, что убегает от вас.

– Я называю моим врагом всякого, кто восстанавливает против меня мои города, а эта женщина подняла против меня Толедо. Я называю моим врагом всякого, кто вооружает моих братьев против меня, а эта женщина вооружила про-

---

⁷² Бланка Бурбонская (1338–1361) – французская принцесса, дочь герцога Пьера Бурбонского, родственника правящей в то время во Франции династии Валуа; жена короля дона Педро I Жестокого, по преданию, отравленная им.

тив меня моего брата, но не Энрике – честолюбца, как ты его сейчас назвал, а моего брата дона Фадрике, лицемера и кровосмесителя.

– Брат мой, клянусь вам...

– Не клянись, ты нарушишь клятву.

– Брат мой...

– А это тебе известно? – спросил дон Педро, доставая из охотничьей сумки Фернана письмо великого магистра.

Увидев это письмо, подтверждавшее, что Фернан был убит, это попавшее в руки короля доказательство его любви, великий магистр почувствовал, как его оставляют последние силы. Он преклонил колено перед доном Педро и стоял так некоторое время, склонив голову под тяжестью несчастий, которые он предвидел. Шепот пробежал по группе изумленных придворных, находившихся на другом конце галереи; Фадрике, на коленях перед братом, явно умолял о чем-то своего короля; если он упрашивал короля – значит, он виновен; придворные даже помыслить не могли, что дон Фадрике мог бы просить за другого человека.

– Сеньор, призываю в свидетели Бога, – сказал дон Фадрике, – что я не виновен в том, в чем вы обвиняете меня.

– Скоро ты сам скажешь Богу об этом, – ответил король, – потому что я тебе не верю.

– Моя смерть смоем пятно позора, – сказал великий магистр. – И тогда выяснится, что я не замешан в преступлении.

– Не замешан?! – взревел дон Педро. – Ну а что ты на это скажешь?

И в порыве ярости король наотмашь ударил по лицу брата письмом, которое дон Фадрике написал Бланке Бурбонской.

– Хорошо, – отпрянул назад дон Фадрике. – Убейте меня, но не оскорбляйте! Мне давно известно, что мужчины превращаются в трусов, живя в окружении льстецов и рабов!.. Ты трус, король! Ведь ты посмел оскорбить пленника!

– Ко мне! – вскричал дон Педро. – Стража, ко мне! Взять его и казнить!

– Не спеши, – перебил его дон Фадрике, величественно вытянув руку и останавливая брата. – Твою ярость сдержит то, что я тебе скажу. Ты заподозрил невинную женщину и оскорбил короля Франции своим подозрением, но оскорбить Бога не в твоей власти. Поэтому перед тем, как ты казнишь меня, я хочу помолиться, мне нужен час для беседы с небесным Повелителем. Я ведь не мавр какой-нибудь!

Дон Педро почти обезумел от гнева. Однако он сдержался, потому что вокруг были люди.

– Ладно, даю тебе этот час, – сказал он. – Ступай!

Все свидетели этой сцены похолодели от ужаса. Глаза короля пылали, но и взгляд великого магистра метал молнии.

– Будь готов через час! – крикнул вслед ему дон Педро, когда дон Фадрике выходил из комнаты.

– Будь спокоен, для тебя я все равно умру слишком рано, ведь я невинен, – ответил молодой человек.

Целый час он провел в своей комнате наедине с Господом, и никто его не беспокоил; когда час прошел, а палачи так и не явились, он вышел на галерею и крикнул:

– Ты заставляешь меня ждать, дон Педро, час прошел. Вошли палачи.

– Какой смертью я должен умереть? – спросил дон Фадрике.

Один из палачей вытащил меч.

Фадрике внимательно осмотрел его, пальцем попробовал остроту лезвия.

– Возьмите мой, – предложил он, вынимая из ножен меч, – он острее. Солдат взял этот меч.

– Когда вы будете готовы, великий магистр? – осведомился он.

Великий магистр жестом попросил солдат подождать, подойдя к столу, написал несколько строк на пергаменте, свернул его и зажал в зубах.

– Что это за пергамент? – спросил солдат.

– Талисман, делающий меня неуязвимым, – ответил дон Фадрике. – Руби скорее, я не боюсь тебя.

Молодой граф, подняв свои длинные волосы на затылок, обнажил шею и, сложив руки, с улыбкой на губах опустился на колени.

– Ты веришь в силу талисмана? – тихо спросил другой солдат у державшего меч.

– Сейчас посмотрим, – ответил тот.

– Руби! – приказал Фадрике.

Меч блеснул в руках палача; лезвие сверкнуло как молния, и голова великого магистра, снесенная одним ударом, покатилась по полу.

И в эту самую секунду жуткий вой разнесся под сводами дворца.

Король, который подслушивал у двери, в испуге убежал. Палачи кинулись прочь из комнаты. На месте остались лишь лужа крови, отрубленная голова и пес, который, выбив дверь, лег рядом с бренными останками хозяина.

IX. Как к Бастарду де Молеону попала записка, за которой он приехал

На охваченный тревогой дворец опустились первые вечерние тени, серые и зловещие. Мрачный и встревоженный дон Педро укрылся во внутренних покоях, боясь оставаться по соседству с комнатой, где лежал труп брата. Сидящая рядом Мария Падилья плакала.

– Почему же вы плачете, сеньора? – вдруг ехидно спросил король. – Разве вы не добились того, чего страстно желали? Вы требовали от меня смерти вашего врага и теперь должны быть довольны – его нет!

– Государь, может быть, я в минуту женской гордыни, в порыве безумного гнева и пожелала этой смерти, но Бог простит меня за то, что подобное желание однажды закралось в мое сердце! – возразила Мария. – Я могу поклясться, что никогда не требовала этой смерти.

– Ха-ха-ха, все женщины одинаковы! – вскричал дон Педро. – Пылкие в желаниях, робкие в действиях, они всегда хотят всего, но не смеют ни на что решиться. Когда же находится человек, достаточно безумный, чтобы уступить их желаниям, они говорят, что даже не думали об этом.

– Государь, во имя Неба! Никогда не говорите мне, что

ради меня вы пожертвовали братом! – умоляла Мария. – Эта смерть станет моей мукой в земной жизни и вечно будет терзать меня в жизни иной... Прошу вас, скажите правду, признайтесь, что принесли его в жертву ради своей поруганной чести. Я не хочу, вы слышите, не желаю, чтобы вы бросили меня, не сказав, что не я толкнула вас на убийство!..

– Я скажу все, что вы пожелаете, – холодно ответил король, поднявшись и идя навстречу Мотрилю, который вошел в комнату на правах министра и с уверенностью фаворита.

Мария отвела в сторону глаза, чтобы не видеть этого человека, которого возненавидела еще сильнее после казни великого магистра, хотя эта смерть была в ее интересах, и подошла к окну; пока король говорил с мавром, она смотрела на рыцаря в боевых доспехах, который, воспользовавшись беспорядком, вызванном в замке казнью великого магистра, въехал во двор: ни солдаты, ни часовые не удосужились поинтересоваться, к кому он направляется.

Это был Аженор, который приехал, откликнувшись на зов великого магистра; он искал глазами пурпурные портьеры – дон Фадрике сказал, что по ним можно найти его комнату, – и скрылся за углом.

Мария Падиля рассеянно следила за неизвестным рыцарем до тех пор, пока тот не исчез из виду. Тогда, отвернувшись от окна, она посмотрела на короля и Мотриля.

Король оживленно о чем-то говорил. По энергичным жестам было видно, что он отдавал страшные приказы. Донья

Мария сразу все поняла; благодаря острому женскому чутью она догадалась, о ком идет речь.

Она подошла к дону Педро в тот момент, когда он подал мавру знак удалиться.

– Сеньор, два подобных приказа в один день вы не отдадите, – сказала она.

– Значит, вы все слышали? – побледнев, вскричал король.

– Нет, я догадалась. О государь! – упав перед королем на колени, воскликнула Мария. – Государь, я часто жаловалась вам на нее, часто настраивала вас против нее, но, молю вас, государь, не убивайте ее, ибо, убив ее, вы тоже будете говорить мне, как сказали по поводу казни дона Фадрике, что это я требовала у вас ее смерти.

– Мария, встаньте, – с мрачным видом сказал король, – и не просите, это бесполезно, все уже предрешено. Или не надо было начинать, или теперь надо кончать; смерть одного влечет смерть другой. Если бы я казнил лишь дона Фадрике, то на сей раз все подумали бы, что он поплатился не за преступление, а пал жертвой моей мести.

Донья Мария испуганно смотрела на короля, словно путник, в ужасе застывший у края пропасти.

– О Боже! – вздохнула она. – Все это падет на меня и моих детей. Люди станут говорить, будто я толкнула вас на это двойное убийство, но, Господь мой, вы все видите. Вы видите, – стонала она, простираясь у ног короля, – что я прошу его, умоляю не превращать эту женщину в призрак моего

проклятия.

– Этого не будет, потому что я расскажу обо всем, о моем позоре и об их преступлении. Этого не будет, потому что я предъявлю письмо дона Фадрике его свояченице.

– Но вам никогда не найти испанца, который поднимет руку на свою королеву! – воскликнула донья Мария.

– Поэтому я и выбрал мавра, – невозмутимо ответил дон Педро. – К чему нужны мавры, если не заставлять их делать то, от чего отказываются испанцы?

– О, как я хотела уехать сегодня утром! – всхлипывала донья Падилья. – Зачем я осталась? Но до вечера еще есть время, позвольте мне покинуть дворец. Мой дом будет открыт для вас в любой час дня и ночи, вы будете приезжать ко мне.

– Поступайте как хотите, сеньора, – сказал дон Педро, перед которым, по странному капризу памяти, в эту секунду всплыл образ прекрасной, сладко спящей мавританки из домика в саду и служанок с большими опахалами, что охраняли ее сон. – Поступайте как вам угодно. Мне надоело вечно слышать от вас, что вы уезжаете, но не видеть вашего отъезда.

– Бог свидетель! – вскричала Мария. – Я уйду отсюда, потому что не желала смерти дону Фадрике, и теперь напрасно вымаливаю жизнь для королевы Бланки.

И прежде чем дон Педро успел помешать ей уйти, Мария быстро распахнула дверь, вступив на порог. Но тут во дворце послышался сильный шум: отовсюду бежали люди, охвачен-

ные необъяснимым ужасом, раздавались крики, причину которых нельзя было угадать; казалось, над дворцом, простирая свои огромные крылья, парит безумие.

– Вы слышите? Слышите? – спросила Мария.

– Что происходит? – спросил дон Педро, подходя к ней. –

И что все это значит? Отвечайте, Мотриль, – обратился он к побледневшему мавру, который, пристально вглядываясь во что-то, чего не мог видеть дон Педро, спокойно стоял на другом конце вестибюля, одной рукой сжимая рукоятку кинжала, а другой утирая пот, катившийся по лбу.

– О, ужас! Ужас! – слышалось со всех сторон.

Дон Педро нетерпеливо подался вперед, и глазам его предстало действительно чудовищное зрелище. На верхнюю площадку парадной лестницы вышел пес дона Фадрике, оцетинившийся, как лев, окровавленный и страшный; за длинные волосы он осторожно тянул по мраморному полу голову своего хозяина. Слуги и стражники бежали от него с криками, которые услышал дон Педро. Хотя дон Педро был человеком мужественным и хладнокровным, он тоже пытался убежать, но его ноги, как и у мавра, будто приросли к полу. Пес спускался вниз, оставляя за собой широкую кровавую полосу. Приблизившись к дону Педро и Мотрилю, он, словно признав в них убийц, опустил голову на пол и завыл так жалобно, что фаворитка упала в обморок, а король задрожал от страха, как если бы его коснулся крылом ангел смерти; потом пес снова подхватил свою драгоценную ношу

и скрылся во дворе.

Еще один человек слышал вой пса и содрогался от ужаса; им был въехавший в алькасар рыцарь в боевых доспехах, которого видела донья Мария; будучи добрым христианином – правда, не менее суеверным, чем мавр, – он, услышав завывания пса, перекрестился, моля Господа избавить его от дурной встречи.

Но тут рыцаря испугали растерянные слуги, которые разбегались во все стороны, толкая и сбивая друг друга с ног. Не теряя достоинства, рыцарь, сжимая кинжал, стоял, приклонившись к платану, и смотрел, как проносятся мимо эти бледные призраки; наконец он заметил пса, а пес увидел его.

Пес шел прямо на него, ведомый тем чутьем, благодаря которому он безошибочно признал в рыцаре друга своего хозяина.

Аженор оцепенел от ужаса. Эта окровавленная голова, этот пес, похожий на волка, несущего добычу, эта толпа мертвенно-бледных слуг, что бежали, хрипло крича, – все казалось ему одним из тех кошмаров, которые мерещатся больным в лихорадке.

Пес приближался к рыцарю с какой-то горестной радостью и наконец положил к его ногам голову, покрытую пылью; потом задрал морду и завыл так уныло и душераздирающе, как не выл раньше. На мгновение похолодев от страха, Аженор подумал, что сейчас у него разорвется сердце; потом, поняв, что же произошло, он наклонился, расправил

прекрасные волосы и увидел спокойные, кроткие, хотя и затянутые уже пеленой смерти, глаза друга. Рот его был как у живого, не искривился, и казалось, что на посиневших губах еще блуждает обычная улыбка дона Фадрике. Аженор опустился на колени, и крупные слезы покатались по его щекам.

Он хотел унести эту голову, чтобы воздать ей последние почести, и лишь тут заметил, что в зубах несчастного великого магистра зажат маленький пергаментный свиток; он разжал зубы кинжалом, развернул его и с жадностью прочел:

«Друг, нас не обманули роковые предчувствия: мой брат убивает меня. Сообщи об этом королеве Бланке, ей тоже грозит опасность. Ты хранишь мою тайну, помни обо мне».

– Да, сеньор мой, – прошептал рыцарь. – Верь мне, я свято исполню твою последнюю волю! Но как мне выбраться отсюда?.. Сам не пойму, как я сюда попал... Голова идет кругом, я ничего больше не соображаю, и рука дрожит так сильно, что кинжал, который я не могу вложить в ножны, сейчас упадет...

Рыцарь, действительно, встал с колен бледный, дрожащий, почти обезумевший и пошел прямо перед собой, натываясь на мраморные колонны и вытягивая вперед руки, словно пьяный, который боится разбить себе лоб. Наконец он оказался в великолепном саду, где росли апельсиновые, гранатовые деревья и олеандры, а из порфировых чаш, будто водопады серебра, струились потоки воды. Он подбежал к одной из чаш, жадно напился, освежил лицо, окунув лоб в ле-

дьяную воду, и попытался сообразить, где он; взгляд его привлёк слабый свет, пробивающийся сквозь деревья. Он победил на этот свет; женщина в белом, склоненная над узорчатой оградой балкона, узнала его, громко вздохнула и прошептала его имя. Аженор поднял голову и увидел протянутые к нему руки.

– Аисса, Аисса, – вскричал он и бросился из сада к балкону мавританки. Девушка с выражением глубокой любви подала ему руки, потом вдруг в испуге отпрянула:

– О Аллах! Француз, ты ранен?

У Аженора руки были в крови; но вместо ответа и излишне долгого объяснения, он одной рукой взял девушку за локоть, а другой показал на пса, бредущего за ним. Увидев это жуткое зрелище, девушка громко вскрикнула; Мотриль, возвращавшийся к себе, услышал ее крик. Он приказал принести факелы; затем раздались шаги Мотриля и его слуг.

– Беги, – закричала девушка, – беги! Если он тебя убьёт, я тоже умру: ведь я люблю тебя.

– Аисса, я люблю тебя! – воскликнул рыцарь. – Будь мне верна, и мы встретимся снова!

Потом, прижав девушку к сердцу и поцеловав в губы, он опустил забрало шлема, обнажил длинный меч и, спрыгнув с низкого балкона, бросился бежать, ломая ветки и топчя цветы; вскоре он выбрался из сада, пересек двор, выбежал за ворота и, сильно удивившись, что никто даже не попытался его задержать, заметил вдалеке Мюзарона, который твердо си-

дел в седле, держа в поводу прекрасного черного коня, подаренного доном Фадрике Аженору.

Громкий хрип слышался за спиной рыцаря; Аженор обернулся и сразу понял, почему стражники не слишком рвались отрезать ему путь к отступлению. За ним бежал пес, который не хотел покидать единственного оставшегося у него друга. В это время Мотриль, испуганный криками, поспешил к Аиссе. Он застал бледную девушку у окна; Мотриль хотел ее расспросить, но первые его вопросы она встретила угрюмым молчанием. Наконец мавр понял, что случилось.

– Здесь кто-то был? Отвечайте, Аисса...

– Да, – сказала девушка. – Голова брата короля. Мотриль посмотрел на Аиссу более внимательно. На ее белом платье отпечаталась окровавленная ладонь.

– У тебя был француз! – вскричал взбешенный Мотриль. Аисса смерила его гордым взглядом и на сей раз не удостоила ответом.

Х. Каким образом Бастард де Молеон проник в замок Медина-Сидония

Утром после того жуткого дня, когда первые лучи Солнца озарили вершины Сьерры-де-Арасена, Мотриль, закутанный в свободный белый плащ, попрощался с королем доном Педро у подножия парадной лестницы алькасаара.

– Я ручаюсь за моего слугу, – сказал мавр, – именно такой человек, государь, может отомстить за вас, у него твердая и быстрая рука. Впрочем, я прослежу за ним. Пока же прикажите разыскать этого француза, сообщника великого магистра, и, если схватите его, будьте безжалостны.

– Хорошо, – сказал дон Педро, – поезжай и возвращайся быстрее.

– Сеньор, для большей скорости моя дочь поедет верхом, а не в носилках, – ответил мавр.

– Почему ты не оставляешь ее в Севилье? – спросил король. – Разве у нее нет здесь дома, прислуги и дуэний?

– Сеньор, я не могу ее оставить. Необходимо, чтобы она повсюду была со мной. Это мое сокровище, и я берегу его.

– Ага, мавр, ты помнишь историю графа Хулиана и прекрасной Флоринды.⁷³

---

⁷³ Флорин – золотая монета крупного достоинства; чеканилась во Флоренции с середины XIII в. и имела хождение в других европейских странах. Название монеты происходит от латинского слова *tlos* – цветок, так как на ней был помещен

– Я не должен ее забывать, – ответил Мотриль, – потому что именно благодаря ей мавры проникли в Испанию, и я, следовательно, обязан ей честью быть министром вашего величества.

– Но ты не говорил мне, что у тебя такая красавица-дочь, – заметил дон Педро.

– Это верно, дочь у меня очень красивая.

– Такая прекрасная, что ты молишься на нее, стоя перед ней на коленях, да?

Мавр притворился, будто его совсем смутили слова короля.

– На коленях?! – воскликнул мавр. – Кто сказал это вашему величеству...

– Никто, я сам видел, – ответил король. – Но она тебе не дочь.

– О, сеньор, надеюсь, вы не думаете, что она моя жена или любовница!

– Так кто же она?

– В свое время король об этом узнает. А пока я отправляюсь исполнять повеления вашего величества.

И, простившись с доном Педро, мавр ушел.

Девушка, закутанная в длинную белую накидку, которая позволяла видеть лишь ее большие черные глаза и изогнутые брови, действительно, входила в свиту мавра, но последний лгал, когда говорил, будто она должна сопровождать его в

поездке. В двух льё от Севильи, он свернул с дороги и спря-
тал Аиссу в надежном месте, во дворце богатой мавританки,
которой доверял.

А сам, помчался галопом и, не останавливаясь на отдых,
сократил себе путь.

Вскоре он пересек Гуадалете в том месте, где погиб ко-
роль дон Родриго⁷⁴ после знаменитой битвы, что продолжа-
лась неделю, и между Тарифой и Кадисом увидел возвыша-
ющийся на равнине замок Медина-Сидония, окутанный пе-
чалью, которая всегда царит над обителями узников.

В этом замке уже давно жила в обществе единственной
служанки белокурая и бледная молодая женщина. Слов-
но опаснейшего преступника, ее окружала многочисленная
стража; безжалостные глаза непрерывно следили за ней и
тогда, когда она, бессильно опустив руки и склонив голову,
медленно прогуливалась в садах, опаленных солнцем, и то-
гда, когда, лежа у окна, забранного железными решетками,
она грустно всматривалась вдаль, вздыхая по свободе и следя
за бесконечными, вечно живыми волнами необъятного оке-
ана.

Это была Бланка Бурбонская, жена дона Педро, которую
он оставил после первой брачной ночи. Она медленно чахла
в слезах и сожалениях о том, что в жертву бесплодному при-

---

⁷⁴ Последний король (Родерих, Родриг, 710–711) вестготского государства в
Испании, разрушенного мусульманским завоеванием; пропал без вести во время
битвы при Херес-де-ла-Фронтера.

зраку тщеславия принесла то сладкое будущее, которое однажды забрезжило перед ней в голубых глазах дона Фадрике.

Когда бедная женщина видела, как по равнине возвращаются девушки, неся корзины с виноградом херес или марбелла, когда слышала, как они поют о своих милых, которые шли к ним навстречу, сердце ее переполняла тоска, а из глаз катились слезы. И она, размышляя о том, что могла бы родиться вдали от трона и быть свободной, как одна их этих юных смуглых сборщиц винограда, вызывала в памяти дорогой для нее образ и тихо шептала имя, что произносила очень часто.

С тех пор как Бланка Бурбонская находилась здесь в заточении, Медина-Сидония казалась проклятым местом. Стража не подпускала к замку ни одного путника, всегда подозревая, что он либо сообщник, либо, по крайней мере, друг. Но каждый день королеве выпадал миг свободы или, вернее, одиночества: это был час, когда дозорные, которые сами стыдились, что так зорко стерегут женщину, предавались сieste, спасаясь от палящего солнца, и дремали, опершись на копья, либо под сенью какого-нибудь ветвистого платана, либо в тени белой стены.

Тогда королева спускалась на террасу, которая выходила на заполненный водой ров, и если видела вдали какого-нибудь путника, то в мольбе протягивала к нему руки, надеясь, что он станет ей другом и отвезет весточку от нее королю Карлу, но никто еще не ответил на зов узницы.

В один прекрасный день она увидела на дороге из Аркоса двух всадников: один из них, несмотря на то, что солнце, подобно огненному шару, висело над его шлемом, казалось, чувствовал себя бодро в полном боевом облачении. Он так гордо держал копьё, что в нем сразу можно было узнать храброго рыцаря. С первого мгновения, как она его заметила, Бланка, не отрываясь, смотрела на него. Он быстро мчался вперед на крепком черном коне и явно держал путь из Севильи в Медину-Сидонию. Несмотря на то, что все гонцы из Севильи до сих пор были вестниками несчастья, королева Бланка, увидев рыцаря, почувствовала скорее радость, нежели страх.

Заметив ее, рыцарь тоже остановился.

Смутное предчувствие надежды заставило забиться сердце узницы; она подошла к перилам, перекрестилась и, как обычно, подняла руки.

Незнакомец, пришпорив коня, галопом помчался прямо к террасе.

Испуганным жестом королева показала на часового, который дремал, прислонившись к дереву.

Рыцарь спешил, сделал знак оруженосцу подойти к нему и о чем-то пошептался с ним несколько минут. Оруженосец отвел лошадей за скалу, чтобы спрятать их там, вернулся к хозяину, и оба подошли к огромному миртовому кусту, откуда можно было слышать голос с террасы.

Достойный рыцарь, который, подобно Карлу Великому,⁷⁵ собственной рукой был способен начертать пером лишь те знаки, что имели форму кинжала или меча, приказал оруженосцу быстро написать карандашом – Мюзарон всегда носил его с собой – несколько слов на плоском камне.

Потом он сделал королеве знак отойти назад, потому что хотел забросить камень на террасу.

Камень, взлетев в воздух, упал на пол недалеко от королевы. Звук от его падения разбудил солдата, погруженного в тяжелый сон; он открыл глаза, но ничего не заметил, кроме неподвижной, опечаленной королевы, которую привык видеть каждый день на том же месте, и вскоре снова задремал.

Королева подобрала камень и прочла следующие слова:

«Вы ли несчастная королева Бланка, сестра моего короля?»

Ответ королевы был прекрасен в своем страдальческом величии. Она скрестила руки на груди и так сильно кивнула головой, что к ногам ее упали две крупные слезы.

Рыцарь, почтительно поклонившись, снова обратился к оруженосцу, который уже приготовил камень для второго письма.

– Пиши, – сказал Аженор:

«Госпожа, можете ли Вы выйти на эту террасу в восемь

---

⁷⁵ Карл Великий (742–814) – франкский король из династии Каролингов, с 800 г. – император.

вечера. У меня к Вам письмо от дона Фабрике⁷⁶».

Оруженосец написал.

Второе послание долетело столь же счастливо, как и первое. Бланка радостно встрепенулась, потом надолго задумалась и ответила: «Нет».

Тогда был брошен третий камень.

«Есть ли способ пробраться к вам?» – спрашивал Аженор, вынужденный жестами заменить голос, который мог бы разбудить часового, и записку, которую его обессиленная рука уже не могла перебросить через ров. Королева показала рыцарю на дерево: по нему он мог забраться на стену; потом указала в стене на дверь, что вела в башню.

Рыцарь поклонился: он все понял.

Но тут проснулся солдат и снова встал на пост.

Рыцарь какое-то время прятался, потом, улучив момент, когда часовой отвлекся и внимательно смотрел в другую сторону, вместе с оруженосцем проскользнул за скалу, где их ждали лошади.

– Сеньор, мы с вами проделали тяжелую работу, – сказал оруженосец. – Почему бы сразу не послать королеве записку великого магистра? Уж я бы не промахнулся.

– Потому что записка может случайно оторваться от кам-

---

⁷⁶ Дон Фабрике де Кастилья (1334–1358) – внебрачный сын короля Кастилии Альфонса XI, правившего с 1312 по 1350 г.; брат Энрике Трастамаре и сводный брат короля Педро I Жестокого, по приказу которого был убит за участие в заговоре; великий магистр (глава) духовно-рыцарского ордена Святого Иакова, основанного в Кастилии в 1175 г.

ня, а королева не поверит, что она потерялась. Оставим это дело до вечера и поищем способа пробраться на террасу тайком от часового.

Наступил вечер, а Аженор так и не придумал, как проникнуть в крепость. Наверное, было уже половина восьмого. Аженор стремился попасть в замок, если возможно, без насилия, скорее с помощью хитрости, нежели силы. Но у Мюзарона, по обыкновению, имелось свое мнение, совершенно отличное от мнения его господина.

– Что бы вы ни делали, сеньор, – заметил он, – нам все равно придется дать бой и убивать. Посему ваша щепетильность мне кажется необоснованной. Убийство – всегда убийство. Оно будет грехом и в половине восьмого, и в восемь. Поэтому я утверждаю, что из всех способов, которые вы предлагаете, единственно приемлемый мой.

– Что это за способ?

– Сейчас увидите. На посту как раз стоит гнусный мавр; мерзкий басурман таращит свои белые глазищи так, словно уже охвачен адским пламенем, в котором в один прекрасный день он должен сгореть дотла. Сблаговолите, ваша милость, прочесть «*In manus*»⁷⁷ и мысленно окрестить неверного.

– И что это даст? – спросил Аженор.

– А то, что в этих обстоятельствах и должно нас заботить.

---

⁷⁷ «*In Manus*» (буквально: «В руки») – слова из предсмертной фразы Иисуса на кресте: «Отче! В руки Твои предаю дух Мой», ставшей христианской предсмертной молитвой.

Мы убьем его тело, но спасем душу.

Рыцарь еще не совсем понимал, что намеревался предпринять Мюзарон. Однако, поскольку он питал полное доверие к фантазии своего оруженосца, которую уже не раз имел возможность оценить, Аженор уступил просьбе Мюзарона и стал молиться. В это время Мюзарон спокойно – так он действовал бы на деревенском празднике, стремясь выиграть в качестве трофея серебряную кружку, – поднял арбалет, вложил стрелу, прицелился в мавра, и в ту же секунду раздался резкий свист. Аженор, который не сводил глаз с часового, увидел, как закачался его тюрбан, а сам он раскинул руки. Обмякнув, солдат разинул рот, словно хотел закричать, но из его глотки не вылетело ни единого звука; захлебнувшись кровью, он, поддерживаемый стенкой, к которой привалился спиной, остался стоять почти прямо и неподвижно.

Аженор повернулся к Мюзарону; тот, улыбаясь, закидывал за спину арбалет, из которого только что выпустил стрелу, поразившую мавра в сердце.

– Видите, сеньор, – сказал Мюзарон, – В том, что я сделал, есть два преимущества: во-первых, я против воли неверного, отправил его в рай; во-вторых, помешал ему крикнуть «Стой! Кто идет?» Теперь вперед, никто нам больше не мешает, на террасе никого, путь свободен!

Они спрыгнули в ров, который перешли вброд. Вода стекала по латам рыцаря, словно по чешуе рыбы. Мюзарон же, неизменно предусмотрительный и исполненный досто-

инства, снял верхнюю одежду, и водрузил ее на голову. Когда они добрались до дерева, он быстро оделся; пока его хозяин отряхивался, выплескивая воду из всех отверстий доспехов, Мюзарон первым вскарабкался на макушку дерева, на высоту крепостной стены. – Ну, что там? – спросил Молеон.

– Ничего, – ответил оруженосец. – Правда, вижу дверь, ее никто не охраняет. Ваша милость разнесет ее двумя ударами топора.

Молеон тоже забрался на дерево и сам смог убедиться в правдивости слов Мюзарона. Путь был свободен, и лишь указанная дверь, запиравшаяся на ночь, преграждала проход с террасы в покои пленницы.

Как и советовал Мюзарон, Аженор, просунув между камней острый кончик топора, сорвал замок, потом – два засова.

Дверь открылась. За ней оказалась витая лестница, служившая потайным ходом в покои королевы; парадный вход находился во внутреннем дворе. На втором этаже они нашли еще одну дверь, в которую рыцарь постучал три раза, но ему никто не ответил.

Аженор догадался, что королева опасается неожиданно-стей.

– Не бойтесь, мадам,⁷⁸ это мы.

– Я прекрасно вас слышала, – ответила из-за двери королева. – Но не обманываете ли вы меня?

---

⁷⁸ Мадам – в данном случае обращение к королеве, равнозначное словам «государыня», «ваше величество».

– Я вас не обманываю, мадам, – сказал Аженор, – потому что я вскрыл дверь, чтобы дать вам возможность бежать. Я убил часового. Мы перешли ров – это было делом нескольких минут, – и через четверть часа вы будете на свободе, далеко отсюда.

– Ну а от этой двери есть у вас ключ? – спросила королева. – Я же заперта.

Вместо ответа Аженор проделал ту же операцию, что так успешно удалась ему с нижней дверью. Через несколько минут дверь в комнаты королевы тоже была взломана.

– О Боже мой, как я вам благодарна! – воскликнула королева, увидев своих освободителей. – Но... но где же дон Фадрике? – спросила она дрожащим, еле слышным голосом.

– Увы, мадам, – медленно ответил Аженор, преклонив колени и протягивая королеве пергамент, – дон Фадрике... Вот его письмо.

При свете лампы Бланка прочла письмо.

– Значит он в опасности! – вскричала она. – Эта записка – последнее прощание человека, идущего на смерть!

Аженор промолчал.

– Во имя Неба! Во имя вашей дружбы с великим магистром, скажите, погиб он или жив? – умоляла королева.

– В любом случае, как вы понимаете, дон Фадрике призывает вас бежать.

– Но к чему бежать, если он погиб? – вскричала королева. – Если он умер, зачем мне жить?

– Чтобы исполнить его последнюю волю, мадам, во имя его и вас потребовать мести от вашего брата, короля Франции.

В эту секунду внутренняя дверь в покои распахнулась; появилась бледная и перепуганная мамка Бланки, что приехала с ней из Франции.

– О мадам, замок заполнили вооруженные люди, приехавшие из Севильи, – сказала она. – Они говорят, что вас хочет видеть посланец короля.

– Надо уходить, мадам, нельзя терять ни минуты, – сказал Аженор.

– Наоборот, – ответила королева, – если они сейчас не найдут меня в замке, за нами бросятся в погоню и непременно схватят. Будет лучше, если я приму этого посланца, а потом, когда он успокоится, увидев меня и поговорив со мною, мы убежим.

– Ну, а если ему даны зловещие приказы, если у него дурные намерения? – возразил рыцарь.

– От него я узнаю, жив или мертв дон Фадрике, – упрямо настаивала королева.

– Хорошо, мадам, если вы принимаете этого человека лишь поэтому, я сам скажу вам правду: увы, дон Фадрике мертв!

– Если он погиб, какое мне дело, зачем приехал сюда этот человек! – возразила королева Бланка. – Думайте о себе, мессир де Молеон, вот и все.

Потом, поскольку рыцарь все еще хотел ее удержать, она величественным жестом велела ему повиноваться и вышла.

– Сеньор, послушайте меня, – сказал Мюзарон, – оставим королеву заниматься ее делами, раз она так хочет, и подумаем, как нам выбраться отсюда. Мы нелепо погибнем здесь, сеньор, я предчувствую это. Отложим на завтра бегство королевы, а сперва...

– Молчи! – приказал рыцарь. – Королева будет свободна сегодня ночью, или я умру!

– Тогда, сеньор, давайте хотя бы поставим двери на место, чтобы мавры ничего не заметили, если пожелают осмотреть террасу. Они же найдут труп часового, сеньор.

– Брось его в воду.

– Это мысль, но хороша она не больше, чем на час... Он всплывет, этот упрямец.

– Бывают случаи, когда час – это целая жизнь! – патетически воскликнул рыцарь. – Ступай!

– Как мне хотелось бы и уйти, и быть с вами! – воскликнул Мюзарон. – Если я останусь, они найдут мавра, если уйду, то буду бояться, как бы с вами не случилось несчастья, пока я оставлю вас одного.

– А что, по-твоему, со мной случится, если при мне и кинжал и меч?

– Гм! – пробормотал Мюзарон.

– Ступай же, не теряй времени.

Мюзарон уже пошел к двери, но внезапно остановился:

– Ага! Слышите, сеньор, этот голос?

До них, действительно, донеслись обрывки нескольких, довольно громко сказанных слов, и рыцарь это слышал.

– Похоже, это голос Мотриля! – вскричал Аженор. – Но быть этого не может!

– От мавров всего можно ждать – и ада и волшебств, – возразил Мюзарон, бросаясь к двери с такой поспешностью, которая свидетельствовала о его желании поскорее оказаться на вольном воздухе.

– Если это Мотриль, тем более надо идти к королеве! – вскричал Аженор. – Ведь если это он, королева погибла.

И он собрался уступить своему великодушному порыву.

– Сеньор, вы знаете, что я не трус, – сказал Мюзарон, удерживая его за рукав кольчуги. – Я просто осторожен, не скрываю этого и этим горжусь. Так вот! Подождите еще несколько минут, добрый мой сеньор, а потом, если пожелаете, я последую за вами в ад.

– Ладно, подождем, может, ты и прав, – согласился рыцарь.

Однако голос слышался по-прежнему, становясь все более угрожающим; напротив, голос королевы, которая всегда разговаривала тихо, постепенно звучал все резче. За этим странным разговором последовало недолгое молчание, потом – чудовищный крик.

Аженор не смог устоять на месте и выбежал в коридор.

XI. Глава, в которой Бланка Бурбонская поручила Бастарду де Молеону передать кольцо своей сестре, королеве Франции

Вот что произошло, или, вернее, происходило, у королевы.

Едва Бланка Бурбонская пересекла коридор и, следуя за мамкой, поднялась по нескольким ступеням лестницы, которая вела в ее комнату, как на парадной лестнице башни раздался тяжелый топот множества солдат.

Но отряд расположился в нижних этажах; наверх вошло только двое солдат, причем один встал в коридоре, а другой подошел к комнате королевы.

В дверь постучали.

– Кто там? – дрожа от страха, спросила мамка.

– Солдат, который прибыл от короля дона Педро и привез донье Бланке письмо, – послышался ответ.

– Открой, – приказала королева.

Мамка открыла и отступила назад, увидев перед собой высокого мужчину: он был в одежде солдата: грудь его обтягивала кольчуга, поверх которой был наброшен свободный белый плащ; капюшон скрывал его лицо, а длинные рукава – руки.

– Ступайте к себе, добрая мамка, – сказал он с тем легким гортанным выговором, который отличает мавров, безусловно владеющих кастильским языком, – идите. Мне необходимо поговорить с вашей госпожой об очень важных вещах.

Первым чувством мамки было остаться, несмотря на приказ солдата; но госпожа, у которой она взглядом попросила разрешения, сделала ей знак удалиться, и она повиновалась. Но, выйдя в коридор, она сразу же раскаялась в своем послушании, так как увидела у стены прямого и молчаливого второго солдата, который, вероятно, был готов исполнить приказы солдата, вошедшего к королеве.

Пройдя мимо этого человека, мамка почувствовала, что теперь ее отделяют от госпожи не только двое этих страшных пришельцев, но и какая-то непреодолимая преграда, и поняла, что Бланка погибла.

Королева же, как всегда спокойная и величественная, подошла к мнимому солдату, посланцу короля, который опустил голову, словно боясь, что его узнают.

– Теперь мы одни, говорите, – сказала она.

– Сеньора, король знает, что вы переписывались с его врагами, – начал незнакомец, – а это, как вам известно, представляет собой очевидную измену.

– Неужели король только сегодня об этом узнал? – спросила королева с тем же спокойствием и тем же величием. – Однако, мне кажется, я уже довольно давно несу наказание за это преступление, о котором, как утверждает король, он

узнал лишь сегодня.

Солдат поднял голову и возразил:

– На сей раз, сеньора, король говорит не о врагах его трона, а о врагах его чести. Королева Кастилии должна быть вне подозрений, но она тем не менее дала повод к скандалу.

– Исполняйте ваше поручение и уходите, когда закончите, – сказала королева.

Солдат какое-то время хранил молчание, словно не решаясь перейти к делу, потом спросил:

– Вы знаете историю дона Гутьере?

– Нет, – ответила королева.

– Но она разыгралась совсем недавно и наделала немало шума.

– Я ничего не знаю о недавних событиях, – сказала пленница, – а шум, даже самый громкий, едва проникает сквозь стены замка.

– Хорошо! Тогда я вам расскажу, – сказал посланец короля.

Вынужденная слушать, королева, невозмутимая и исполненная достоинства, продолжала стоять.

– Дон Гутьере женился на юной, прекрасной девушке шестнадцати лет, – начал он свой рассказ. – Именно в этом возрасте ваша светлость вышла замуж за короля дона Педро.

Королева пропустила мимо ушей этот явный намек.

– Прежде чем она стала сеньорой Гутьере, эту девушку звали донья Менсия, – продолжал солдат, – и под этим деви-

чьим именем она любила молодого сеньора, который был не кто иной, как брат короля, граф Энрике де Трастамаре.

Королева вздрогнула.

– Однажды ночью, вернувшись домой, дон Гутьере застал жену дрожащей от страха, в сильном волнении; он спросил, в чем дело; та сказала, будто видела мужчину, который спрятался в ее комнате. Дон Гутьере взял светильник и стал искать, но ничего не нашел, кроме очень богато украшенного кинжала. Он отлично понимал, что такой кинжал не мог принадлежать простому дворянину.

На рукояти была указана фамилия мастера; дон Гутьере пошел к нему и спросил, кому тот продал кинжал.

«Инфанту дону Энрике, брату короля дона Педро», – ответил мастер.

Дон Гутьере узнал все, что хотел знать. Отомстить графу дону Энрике он не мог, потому что был старым кастильцем, исполненным благоговейного почтения к своим господам, и не пожелал бы, несмотря на нанесенное оскорбление, обогреть руки в королевской крови.

Но донья Менсия не была дочерью знатного дворянина, поэтому он мог отомстить ей и отомстил.

– Каким же образом? – спросила королева, увлеченная рассказом об этом событии, которое так сильно напоминало ее собственную историю.

– О, самым простым, – ответил посланец. – Он подстерег у двери его дома бедного лекаря по имени Лудовико, когда тот

возвращался к себе, приставил ему к горлу кинжал, завязал глаза и привел в свой дом.

Когда они вошли в дом, он развязал костоправу глаза. На кровати лежала связанная женщина; горели две свечи – одна в изголовье, другая у изножья, – словно женщина была уже покойницей. Левая ее рука была привязана так крепко, что ею нельзя было даже пошевелить. Лекарь стоял, онемев и ничего не понимая в этом спектакле.

«Отворите кровь этой женщине, – сказал дон Гутьере, – и пусть она истекает кровью, пока не умрет».

Лекарь хотел сопротивляться, но почувствовал, что кинжал дона Гутьере, пропоротивший его одежду, был готов пронзить ему грудь; он подчинился. В ту же ночь бледный, окровавленный мужчина бросился к ногам дона Педро.

«Государь, – сказал он, – этой ночью меня, завязав глаза и приставив кинжал к горлу, затащили в дом, где силой заставили пустить кровь женщине и не останавливать до тех пор, пока та не умерла».

«И кто же тебя заставил? – спросил король. – Как зовут убийцу?»

«Не знаю, – ответил Лудовико. – Но, поскольку меня никто не видел, я обмакнул руку в таз с кровью, а выходя из дома, притворился, будто споткнулся, и оперся окровавленной рукой о дверь. Прикажите найти убийцу, сир, и дом, на двери которого вы увидите кровавый отпечаток ладони, будет домом виновного».

Король дон Педро взял с собой алькальда⁷⁹ Севильи, и они вдвоем ходили по городу до тех пор, пока не нашли кровавого знака. Тогда король постучал в дверь, и дон Гутьере сам открыл ему, потому что увидел из окна знатного гостя.

«Дон Гутьере, где донья Менсия?» – спросил король.

«Сейчас вы ее увидите, государь», – ответил испанец.

И, проведя короля в комнату, где все еще горели свечи и стоял наполненный дымящейся теплой кровью таз, сказал:

«Сир, вот та, кого вы ищите».

«Чем провинилась перед вами эта женщина?» – спросил король.

«Она мне изменила, государь».

«И почему вы отомстили ей, а не ее сообщнику?»

«Потому что ее сообщник – граф дон Энрике де Трастамаре, брат короля дона Педро».

«У вас есть доказательство?» – спросил король.

«Вот собственный кинжал графа, который он потерял в комнате моей жены, а я его нашел».

«Хорошо, – сказал король, – похороните донью Менсию и вымойте дверь вашего дома, на которой отпечаталась кровавая ладонь».

«Нет, государь, – ответил дон Гутьере. – Каждый человек, имеющий должность, обычно помещает над дверью своего дома какой-либо знак, обозначающий его профессию. Я сам имею честь быть врачом, и эта окровавленная рука будет мо-

---

⁷⁹ Алькальд – глава муниципальной администрации в Испании.

им знаком».

«Пусть же этот знак остается на двери, – согласился дон Педро, – „даст понять вашей второй жене, если вы возьмете новую супругу, что она должна почитать мужа и хранить ему верность“.

– Неужели король больше ничего не сделал? – спросила Бланка.

– Сделал, сеньора, – ответил посланец. – Вернувшись во дворец, король дон Педро изгнал инфанта дона Энрике.

– Все это прекрасно! Но какое отношение эта история имеет ко мне, в чем донья Менсия похожа на меня?

– В том, что она, подобно вам, осквернила честь мужа, – ответил солдат, – и в том, что, подобно дону Гутьере, которого король одобрил и помиловал, король дон Педро уже покарал вашего сообщника.

– Моего сообщника! Что ты хочешь сказать, солдат? – воскликнула Бланка, которой эти слова напомнили о записке дона Фадрике ее страхах.

– Я хочу сказать, что великий магистр казнен, – холодно пояснил солдат. – Казнен за посягательство на честь короля, а вы, будучи виновны в том же преступлении, должны приготовиться к смерти, как и дон Фадрике.

Бланка похолодела от ужаса, но не от мысли, что она должна умереть, а от известия, что ее любовник казнен.

– Казнен! – повторила она. – Значит, правда, что он погиб! Самый искусный человеческий голос вряд ли сумел бы пе-

редать отчаяние и ужас, вложенные молодой женщиной в эти слова.

– Да, сеньора, – подтвердил мавр. – А я привел с собой тридцать солдат, которые будут сопровождать тело королевы из Медины-Сидонии в Севилью, чтобы ей, хотя она и виновна, были возданы королевские почести.

– Солдат, я уже сказала тебе, что мне судья – король дон Педро, а ты лишь мой палач.

– Да будет так, сеньора, – согласился солдат и достал из кармана длинный, прочный шнурок, на конце которого сделал подвижную петлю.

Эта хладнокровная жестокость возмутила королеву.

– О Боже, – воскликнула она, – и где только король дон Педро отыскал в своем королевстве испанца, который согласился на такое гнусное дело?

– Я не испанец, я мавр! – сказал солдат, подняв голову и откинув белый капюшон, скрывавший его лицо.

– Мотриль! – вскричала она – Мотриль – бич Испании!

– Я человек благородной крови, – ухмыльнулся мавр, – и не обещаю прикосновением своих рук голову моей королевы.

И, держа в руке роковой шнурок стал приближаться к Бланке.

– О нет, нет! Вы не убьете меня, грешную, без молитвы! – умоляла Бланка.

– Сеньора, вы безгрешны, потому что не считаете себя ви-

новной, – возразил жестокий посланец короля.

– Негодяй! Ты еще смеешь оскорблять королеву перед тем, как задушить ее... О, трус! Почему здесь нет храбрых французов, чтобы защитить меня?

– Верно, нет, – рассмеялся Мотриль. – К несчастью, ваши храбрые французы остались по ту сторону Пиренейских гор, и если только ваш Бог не сотворит чуда...

– Мой Бог всемогущ! – воскликнула Бланка. – На помощь, рыцарь, ко мне! И она бросилась к двери, но до порога добежать не успела, потому что Мотриль накинул веревку ей на шею. Он потянул петлю к себе, и королева, чувствуя, как холодное ожерелье стягивает ей горло, жалобно вскрикнула. И в ту же секунду Молеон, презрев советы оруженосца, кинулся на зов королевы.

– На помощь! – хрипела молодая женщина, корчась на полу.

– Кричи, кричи... – приговаривал мавр, затягивая петлю, в которую несчастная узница вцепилась судорожно сведенными пальцами. – Кричи, посмотрим, кто тебе поможет – твой Бог или твой любовник...

Неожиданно в коридоре зазвенели шпоры и перед изумленным мавром на пороге предстал рыцарь.

У королевы вырвался стон – от радости и страдания. Ажедор занес меч, но Мотриль сильной рукой поднял королеву и, как щитом, заслонился ею от рыцаря.

Стоны несчастной сменились приглушенным, сдавлен-

ным хрипом, руки свела сильная боль, а губы посинели.

– Кебир! Кебир! На помощь! – по-арабски прокричал Мотриль.

Он защищался одновременно и телом королевы, и страшной турецкой саблей, изогнутое лезвие которой, охватывая шею, срезает голову, словно серп колосок.

– Ах, басурман, ты хочешь убить дочь Франции!⁸⁰ – вскричал Аженор.

И через голову королевы попытался поразить Мотрил я мечом.

Но в это мгновенье Аженор почувствовал, что руки Кебира, словно железным кольцом, обхватили его и потянули назад.

Рыцарь повернулся к новому противнику, хотя драгоценное время было потеряно. Королева снова упала на колени, она больше не кричала, не стонала, даже не хрипела. Казалось, что она мертва.

Кебир высматривал в доспехах рыцаря место, куда он, на секунду разжав руки, мог бы всадить кинжал, зажатый в зубах.

Эта сцена заняла меньше времени, чем необходимо молнии, чтобы сверкнуть и угаснуть. Столько же секунд понадобилось Мюзарону, чтобы последовать за хозяином и вбежать

---

⁸⁰ Дочь Франции (сын Франции) – титул детей французских королей; здесь это наименование употреблено фигурально, так как Бланка не была королевской дочерью.

в комнату королевы.

Крик, который он издал, увидев, что происходит, известил Аженора о внезапно подоспевшей подмоге.

– Сперва спасай королеву! – крикнул рыцарь, которого не отпускал мощный Кебир.

На мгновенье воцарилась тишина; потом Молеон услышал над ухом свист и почувствовал, что руки мавра разжались.

Стрела, пущенная Мюзароном из арбалета, попала Кебиру в горло.

– Скорее к двери! Закрой ее! – кричал Аженор. – А я убью разбойника! Отбросив мешавший ему труп Кебира, который тяжело упал на пол, Аженор кинулся к Мотрилю и, прежде чем тот успел собраться и принять защитную позицию, нанес мавру удар такой силы, что тяжелый меч рассек двойной слой железа, который прикрывал голову Мотриля, и поранил ему череп. Глаза мавра потухли, по бороде полилась темная, густая кровь, и он рухнул на Бланку, словно хотел и в предсмертных судорогах задушить свою жертву.

Аженор ударом ноги отшвырнул мавра и, склонившись над королевой, быстро развязал петлю, которая глубоко врезалась ей в шею. Только долгий вздох показал, что королева еще жива, хотя она казалась оцепеневшей.

– Победа за нами! – воскликнул Мюзарон. – Сеньор, берите молодую госпожу под голову, я возьму за ноги, и мы вынесем ее отсюда.

Королева, словно услышав эти слова и желая помочь своим освободителям, судорожным движением приподнялась, и жизнь снова прилила к ее устам.

– Не трудитесь, это бесполезно, – сказала она. – Оставьте меня, я уже почти в могиле. Дайте мне крест, пусть я умру, целуя символ нашего искупления.

Аженор протянул ей для поцелуя рукоятку меча, которая имела форму креста.

– Увы! Горе мне! – вздохнула королева. – Едва сойдя с небес, я уже должна снова уходить туда. Вот я и возвращаюсь к своим невинным подругам. Бог простит меня, ибо я сильно любила и много страдала.

– Пойдемте, пойдемте, – умолял рыцарь. – Еще есть время, мы спасем вас. Она взяла Аженора за руку.

– Нет, нет, для меня все кончено! – вздохнула она. – Вы сделали все, что могли. Бегите, уезжайте из Испании, возвращайтесь во Францию, найдите мою сестру, расскажите обо всем, что вы видели, и пусть она отомстит за нас. А я передам дону Фадрике, какой вы благородный и преданный друг.

Она сняла с кольца перстень и, протягивая его рыцарю, сказала:

– Вы отдадите этот перстень моей сестре, она подарила его мне, когда я уезжала из Франции, от имени своего мужа, короля Карла.

И второй раз приподнявшись к рукоятке меча Аженора, она испустила дух в то мгновение, когда коснулась губами

железного креста.

– Сеньор, они идут, – крикнул Мюзарон, прислушавшись. – Они бегут, их много.

– Нельзя, чтобы они нашли тело моей королевы среди убийц, – сказал Аженор. – Помогите мне, Мюзарон.

И он, подхватив труп Бланки, величественно усадил его на стул из резного дерева и поставил ее ногу на окровавленную голову Мотриля, подобно тому, как художники и скульпторы изображали Пресвятую Деву, попирающую стопой поверженную главу змия.

– А теперь бежим, если нас еще не окружили, – сказал Аженор.

Через две минуты оба француза оказались под сводом небес и, добравшись до дерева, увидели убитого часового; он стоял в той же позе, прислонившись к стене, и, казалось, все еще смотрел большими незрячими глазами, которые смерть забыла закрыть.

Они уже были на другой стороне рва, когда мелькание факелов и громкие крики убедили их, что тайна башни раскрыта.

ХII. Как Бастард де Молеон ехал во Францию и что случилось с ним в дороге

Чтобы вернуться во Францию, Аженор выбрал почти тот же путь, каким добирался до Испании.

Один, а потому, не внушающий никому страха, бедный, а значит, не вызывающий ни у кого зависти, рыцарь надеялся успешно исполнить поручение, которое дала ему умирающая королева. Правда, на дороге следовало быть настороже.

Прежде всего надлежало остерегаться прокаженных, которые, как поговаривали в народе, отравляли источники, бросая в них сальные волосы, головы ужей и жабы лапы.

Потом – евреев, действовавших в сговоре с прокаженными; и вообще опасаться людей или вещей, всего того, что могло навредить или причинить зло христианам.

Далее – следовало бояться короля Наварры,⁸¹ врага короля Франции, а значит, и французов.

И еще надо было остерегаться крестьян, этих «Жаков-простаков», которые, после того как они долго возмущали народ против дворянства, наконец стали поднимать цепи

---

⁸¹ Карл II Злой (1322–1387), король Наварры в 1349–1387 гг.; вел борьбу с королями Франции за наследственные земли своего отца графа Эврэ, притязал на французский престол; во время Столетней войны поддерживал англичан.

и вилы на рыцарей.

И уж никак нельзя было забывать об англичанах, предательски расположившихся во всех лучших уголках прекрасного Французского королевства – в Байонне, Бордо, Дофине, Нормандии, Пикардии и даже в пригородах Парижа, и еще надо было помнить об отрядах наемников. Этих скопища разношерстного, вечно голодного сброда прокаженных, евреев, наваррцев, англичан, «Жаков», не считая разбойников со всех концов Европы, выходцев из самой бедной части ее населения, обшаривали и опустошали Францию, воевали против всех и всего: против одиноких путников и крестьян, против красоты и собственности, против власти и богатства. В наемных отрядах, столь живописно пестрых, попадались даже арабы; правда, из духа противоречия, они заделались христианами, что было им вполне позволительно, так как христиане-наемники в свою очередь превратились в арабов.

Если не принимать в расчет эти неудобства – мы перечислили здесь далеко не все, – то Аженор ехал вполне спокойно.

Путник той эпохи был обязан знать и изучать повадки вороватого воробья, подражать им. Он не смог сделать ни одного прыжка, ни одного движения, прежде чем быстро не оглянуться на все четыре стороны, чтобы убедиться, нет ли рядом стрелка, сетки-ловушки или пращи, нет ли поблизости собаки, ребенка или крысы.

Таким обеспокоенным вороватым воробьем и был Мюзан-

рон; Аженор поручил ему распоряжаться их кошельком, и оруженосец не хотел, чтобы он совсем опустел.

Мюзарон издалека угадывал прокаженных, за лёе чуял евреев, за каждым кустом видел англичанина, вежливо раскланивался с наваррцами, показывал «Жакам» свой длинный нож или арбалет; отрядов наемников он боялся гораздо меньше Молеона, или, вернее, не боялся совсем, потому что, как убеждал он своего господина, если их захватят в плен, то они вступят в наемный отряд, чтобы выкупить себя, и оплатят свою свободу свободой тех, у кого они сами ее отнимут.

– Все это будет прекрасно, когда я исполню свое поручение, – отвечал Аженор. – Тогда пусть случится то, что угодно Богу, а пока я желаю, дабы Богу было угодно, чтобы с нами ничего не случилось.

Они благополучно проехали Руссийон, Лангедок, Дофине, Лионне и добрались до Шалона-на-Соне. Погубила их беспечность: уверенные, что с ними больше ничего не случится, поскольку заветная цель была совсем близка, они рискнули ехать ночью и утром, едва занялся рассвет, попали в западню, которая была отлично устроена таким множеством солдат, что всякое сопротивление было бесполезно, поэтому осторожный Мюзарон в тот самый миг, когда Аженор намеревался неосторожно выхватить из ножен меч, удержал хозяина за руку, и они сдались без боя. С ними произошло то, чего они больше всего опасались, вернее, опасался рыцарь; Аженор с Мюзароном оказались в лапах коман-

дира наемного отряда, мессира Гуго де Каверлэ⁸² – человека, который по рождению был англичанином, по уму – евреем, по характеру – арабом, по своим вкусам – «Жаком», по хитрости – наваррцем и, сверх всего, почти прокаженным, ибо он, по его словам, воевал в таких жарких краях, что привык в самом пекле не снимать доспехов и железных перчаток.

Враги же капитана – их у него, как у всех незаурядных людей, было немало – просто-напросто утверждали, будто Гуго де Каверлэ не снимает доспехи и всегда носит железные перчатки, чтобы не заразить своих многочисленных друзей гнусной болезнью, которую имел несчастье подцепить в Италии.

Мюзарона и рыцаря немедленно доставили к Каверлэ. Это был лихой вояка, который хотел собственными глазами видеть пленников и лично допросить их; ведь он всегда считал, что в это опасное время его люди смогут упустить какого-нибудь графа, переодетого в мужлана, и он в очередной раз потеряет возможность разбогатеть. Поэтому он сразу же постарался узнать о делах Молеона, разумеется тех, о которых рыцарь мог рассказать; ясное дело, что о поручении королевы Бланки сначала речи не заходило. Они говорили только о выкупе.

– Извините меня, – сказал Каверлэ, – я тут, на дороге, за-

---

⁸² Каверлэ, Гуго де (Хью Каверли) – историческое лицо, английский военачальник, активный участник Столетней войны. Далее у Дюма неточность: Каверлэ не погиб во время описанных в романе междоусобий в Испании, а прожил по крайней мере до 70-х гг. XIV в.

таился, как паук под потолком. Поджидал кого-нибудь или чего-нибудь, подвернулись вы, я вас и схватил, хотя и без всяких злых умыслов. Увы, с тех пор как регентом стал король Карл Пятый и кончилась война, мы прокормиться не можем. Вы симпатичный рыцарь, и я учтиво отпустил бы вас, живи мы в обычное время, но в голодные времена, сами понимаете, мы и крохи подбираем.

– Вот мои крохи, – сказал Молеон, показывая Каверлэ пустой кошелек. – Я клянусь вам Богом и той долей, которую, надеюсь, он выделит мне в раю, что у меня нет ничего: ни земель, ни денег, ни чего-либо еще. Зачем я вам? Лучше отпустите меня.

– Прежде всего, мой юный друг, – ответил капитан Каверлэ, внимательно приглядываясь к крепкой фигуре и воинственному лицу рыцаря, – вы будете отлично смотреться в первой шеренге нашего отряда, во-вторых, у вас есть конь и оруженосец. Но не одно это делает вас для меня весьма ценной добычей.

– Прошу вас, скажите, что за несчастное стечение обстоятельств придает мне в ваших глазах столь большую ценность? – спросил Аженор.

– Вы ведь рыцарь, не правда ли?

– Да, я посвящен в Нарбоне одним из величайших сеньоров христианского мира.

– Поэтому вы для меня ценный заложник, раз признаетесь, что вы рыцарь.

– Заложник?

– Конечно. Представьте, что король Карл Пятый захватит в плен кого-либо из моих людей, одного из моих лейтенантов,⁸³ и пожелает его повесить. А я пригрожу, что вздерну вас, и это остановит короля. Бели, невзирая на мою угрозу, он все-таки повесит моего человека, я в свою очередь повешу вас, и королю будет неприятно, что его рыцарь болтается на перекладине. Но, простите, – прибавил Каверлэ, – я вижу у вас на руке украшение, которого раньше не заметил, что-то вроде перстня. Чума меня забори! Покажите-ка мне эту штучку, рыцарь. Я люблю хорошо сделанные вещи, особенно если дорогой материал прекрасно обработан.

После этих слов Молеон сразу понял, с кем имеет дело. Капитан Каверлэ был предводителем банды; он стал главарем разбойников, потому что больше не видел смысла, как он сам себя убедил, честно продолжать заниматься ремеслом солдата.

– Капитан, есть у вас что-нибудь святое? – спросил Аженор, пряча руку.

– Для меня свято все, чего я боюсь, – ответил кондотьер.⁸⁴ – Правда, не боюсь я ничего.

– Жаль, – холодно возразил Аженор, – Будь иначе, этот перстень, который стоит...

---

⁸³ Лейтенант – здесь: помощник, заместитель.

⁸⁴ Кондотьер (от итал. condotterre – наемник) – в Италии XIV–XVI вв. предводитель наемного отряда.

- Триста турецких ливров,⁸⁵ – перебил Каверлэ, бросив взгляд на кольцо, – судя по весу золота и не считая работы.
- Верно! Но этот перстень, который по вашей оценке стоит всего триста турецких ливров, мог бы принести вам тысячу, если бы вы, капитан, хоть чего-нибудь боялись.
- Как вас понимать? Объясните, мой юный друг, учиться никогда не поздно, а я люблю набираться ума-разума.
- Но, надеюсь, вы человек слова, капитан?
- По-моему, я однажды уже дал слово, и больше никому давать его не намерен.
- Но вы хотя бы доверяете слову тех, кто его еще не давал и поэтому держит его?
- Я могу доверять слову лишь одного человека, но вы, рыцарь, не он.
- Кто же этот человек?
- Мессир Бертран Дюгеклен. Но поручится ли он за вас?
- Я с ним не знаком, по крайней мере, лично, – ответил Аженор. – Однако если вы позволите мне ехать куда мне надо, если дадите мне возможность передать этот перстень той особе, которой он предназначен, я, от имени мессира Дюгеклена, хотя и не имею чести его знать, обещаю вам даже не тысячу турецких ливров, а тысячу экю⁸⁶ золотом.

---

⁸⁵ Турский ливр – французская монета, чеканившаяся в средние века в городе Туре; по своему достоинству отличалась от ливров, чеканившихся в других местностях страны.

⁸⁶ Экю – старинная французская золотая монета, чеканилась из золота с 1338 г.; основная денежная единица Франции.

– Я лучше предпочитаю наличными те триста турецких ливров, что стоит перстень, – рассмеялся Каверлэ, протягивая Аженору руку.

Рыцарь быстро отошел назад и встал у окна, выходящего на реку.

– Этот перстень принадлежит королеве Бланке Кастильской, – сказал он, снимая его с пальца и вытягивая руку прямо над Соной, – и я везу его королю Франции. Если ты дашь слово, что отпустишь меня и я тебе поверю, гарантирую тебе тысячу золотых экю. Если ты откажешься, я брошу перстень в реку, и ты потеряешь все – и перстень и выкуп.

– Пусть так, но ты в моих руках, и я тебя повешу.

– Весьма слабое утешение для хитрого пройдохи, вроде тебя. Ты не ценишь мою голову в тысячу золотых экю, это доказывает то, что ты не говоришь «нет»...

– Я не говорю «нет», – перебил Каверлэ, – потому что...

– Потому что ты боишься, капитан. Скажи «нет», и перстень потеряю, а потом, если хочешь, можешь меня повесить. Ну что, да или нет?

– Черт возьми! – в восхищении воскликнул Каверлэ. – Да ты, я вижу, малый храбрый. Даже твой оруженосец глазом не моргнул. Бес меня задери! Клянусь печенкой нашего святого отца, папы римского, ты мне нравишься, рыцарь.

– Прекрасно, я от души тебе признателен, но отвечай.

– А что я должен ответить?

– Да или нет, другого я не требую, вот мое последнее сло-

во.

– Будь по-твоему, да.

– Отлично! – воскликнул рыцарь, снова надевая на палец перстень.

– Но лишь при одном условии, – заметил капитан.

– Каком?

Каверлэ собрался уже ответить, но громкий шум отвлек его внимание; шум доносился с другого края поселения, вернее, лагеря, разбитого на берегу реки и окруженного лесом. В дверь просунулись несколько озабоченных солдат, которые кричали:

– Капитан! Капитан!

– Слышу, слышу, иду, – ответил кондотьер, привыкший к подобного рода тревогам. – Потом, повернувшись к рыцарю, сказал: – А ты оставайся здесь, тебя будет охранять дюжина солдат. Надеюсь, тебе понятно, какую честь я тебе оказываю, а?

– Ладно, – согласился рыцарь. – Но пусть они ко мне не подходят, потому что, если хоть один из них сойдет с места, я швырну перстень в Сону.

– Не подходите к нему, но глаз с него не спускайте, – приказал Каверлэ своим бандитам и, кивнув рыцарю – Каверлэ так ни на секунду и не приоткрыл забрало шлема, – уверенным, привычным шагом направился в то место лагеря, где стоял невообразимый шум.

Все то время, что Каверлэ отсутствовал, Молеон и его

оруженосец стояли у окна; стражники находились в другом конце комнаты, застыв перед дверью.

Шум продолжался, хотя и шел на убыль, потом совсем прекратился, и через полчаса Гуго де Каверлэ появился снова, ведя за собой нового пленника, которого захватил отряд наемников, раскинувший над этой местностью своего рода сеть для ловли жаворонков.

Пленник, высокий и крепко сбитый, был похож на сельского дворянина; на нем был проржавевший шлем и латы, которые его предок, казалось, подобрал на поле битвы при Ронсевале.⁸⁷ Первое впечатление, которое производил его нелепый наряд, вызывало смех; но какая-то гордость в осанке, решительность в манере держаться, хотя он и пытался напустить на себя смиренный вид, внушали наемникам если не почтительность, то настороженность.

– Вы хорошо его обыскали? – спросил Каверлэ.

– Да, капитан, – ответил немец-лейтенант, кому Каверлэ был обязан удачным выбором позиции, занятой его отрядом; выбор этот был внушен лейтенанту не ее удобным расположением, а отличными винами, которые уже в те времена делали на берегах Соны.

– Когда я говорю о нем, – пояснил капитан, – я имею в виду и его людей.

---

⁸⁷ Имеется в виду разгром басками в 778 г. в Ронсевальском ущелье в Пиренеях арьергарда армии императора Карла Великого во время его похода в Испанию, описанного в «Песне о Роланде», героическом сказании французского средневекового эпоса.

– Будьте спокойны, все сделано как следует, – ответил немец.

– И что вы у них нашли?

– Одну марку⁸⁸ золота и две марки серебра.

– Bravo! – воскликнул Каверлэ. – Кажется, денек обещает быть недурным. Потом он повернулся к новому пленнику.

– А теперь, мой паладин, давайте немного поболтаем, – начал Каверлэ. – Хотя вы очень похожи на племянника императора Карла Великого, меня вполне устроило бы узнать из ваших собственных уст, кто вы такой. Ну-ка, расскажите нам о себе откровенно, без всяких оговорок и умолчаний.

– Я, как вы можете убедиться по моему выговору, – ответил незнакомец, – бедный арагонский дворянин, путешествующий по Франции.

– И правильно делаете, – согласился Каверлэ. – Франция – страна красивая.

– Верно, вот только время вы выбрали неподходящее, – заметил лейтенант. Молеон не сдержал улыбки, потому что он лучше, чем кто-либо, мог оценить меткость этого наблюдения.

Дворянин-иностранец держался с невозмутимым спокойствием.

– Ладно, ты нам лишь сказал, откуда ты, – продолжал Каверлэ, – то есть половину из того, что нам хочется узнать. Ну

---

⁸⁸ Марка – старинная европейская мера монетного веса; в разных странах составляла от 230 до 430 граммов.

а звать тебя как?

– Если я вам скажу свое имя, это вам ничего не даст, – ответил рыцарь. – Впрочем, у меня нет фамилии, я бастард.

– Если ты не еврей, турок или мавр, – настаивал капитан, – у тебя должно быть имя, данное при крещении.

– Меня зовут Энрике, – ответил рыцарь.

– Будь по-твоему. А сейчас подними-ка забрало, чтобы мы смогли увидеть твое доброе лицо арагонского дворянчика.

Незнакомец заколебался и осмотрелся вокруг, словно желал убедиться, нет ли здесь его знакомых.

Каверлэ, которому наскучило ожидание, взмахнул рукой. Тогда один из наемников подошел к пленнику и, ударив рукояткой меча по шишаку его шлема, приоткрыл железное забрало, скрывавшее лицо незнакомца.

Молеон вскрикнул: это лицо было вылитым портретом несчастного великого магистра, дона Фадрике, в гибели которого он не мог сомневаться, ибо держал его голову в собственных руках.

Побледнев от испуга, Мюзарон осенил себя крестным знаменем.

– Ага! Вы знакомы! – воскликнул Каверлэ, поочередно окинув взглядом Молеона и рыцаря в проржавевшем шлеме.

Услышав это восклицание, незнакомец не без тревоги посмотрел на Молеона, но первый же взгляд убедил его, что он впервые видит рыцаря, и успокоился.

– Ну что? – спросил Каверлэ.

– Вы ошибаетесь, я не знаю этого дворянина, – ответил он.

– Ну а ты?

– Я тоже, – подтвердил Молеон.

– А тогда почему ты вскрикнул? – допытывался капитан,

настроенный весьма недоверчиво, несмотря на отрицательные ответы обоих пленников.

– Потому что мне показалось, что твой солдат, сбивая ему шишак, снесет незнакомцу голову.

Каверлэ захохотал.

– Какая же у нас дурная слава, – сказал он. – Но все-таки, рыцарь, скажи честно, ты знаком или не знаком с этим испанцем?

– Даю слово рыцаря, что вижу его в первый раз, – ответил Аженор.

Но, произнося эту клятву, которая была истинной правдой, Молеон не смог сдержать волнения, вызванного этим странным сходством.

Каверлэ переводил глаза то на одного, то на другого. Незнакомый рыцарь вновь обрел невозмутимость и казался каменной статуей.

– Ну ладно, – сказал Каверлэ, сгорая от желания проникнуть в его тайну. – Тебя взяли первым, рыцарь... Я забыл спросить, как тебя зовут. Но, может, ты тоже бастард?

– Да, бастард, – подтвердил Молеон.

– Хорошо, – ответил командир наемников. – Что ж, выхо-

дит, у тебя тоже нет имени?

– Почему же нет, есть, – возразил рыцарь. – Имя мое Аженор, а поскольку родился я в Молеоне, то обычно меня зовут бастард де Молеон.

Каверлэ бросил взгляд на незнакомца, чтобы убедиться, не произвело ли на того впечатления имя, произнесенное рыцарем.

На лице испанца не дрогнул ни один мускул.

– Ну что ж, бастард де Молеон, – сказал Каверлэ, – тебя взяли первым, поэтому сначала мы покончим с твоим делом. Затем перейдем к сеньору Энрике. Итак, мы договорились: две тысячи экю за перстень.

– Тысячу, – поправил Аженор.

– Ты так считаешь?

– Уверен.

– Будь по-твоему. Значит, за перстень тысяча экю. Но ты мне ручаешься, что это перстень Бланки Бурбонской?

– Ручаюсь.

На лице незнакомца появилось удивление, не ускользнувшее от Молеона.

– Королевы Кастилии? – спросил Каверлэ.

– Да, – подтвердил Аженор.

Незнакомец стал прислушиваться еще внимательнее.

– Свояченицы короля Карла Пятого? – уточнил капитан.

– Именно.

Незнакомец весь обратился в слух.

– Той самой, что заточена в замке Медина-Сидония по приказу короля дона Педро, ее мужа? – спросил Каверлэ.

– Той самой, что по приказу своего мужа дона Педро задушена в замке Медина-Сидония, – ответил незнакомец спокойным, хотя и многозначительным тоном.

Молеон с удивлением взглянул на него.

– Вот оно что! – воскликнул Каверлэ. – Это осложняет дело.

– Откуда вам известна эта новость? – спросил Молеон. – Я считал, что первый привезу ее во Францию.

– Разве я не сказал вам, что я испанец и приехал из Арагона?⁸⁹ – поинтересовался незнакомец. – Я узнал об этой беде, что наделала в Испании много шума, перед самым отъездом.

– Но если королеву Бланку Бурбонскую задушили, каким образом у тебя оказался ее перстень? – спросил Каверлэ.

– Потому что перед смертью она дала его мне, чтобы я отвез перстень ее сестре, королеве Франции, а также рассказал ей, кто убил Бланку и при каких обстоятельствах она погибла.

– Значит, вы были свидетелем последних мгновений ее жизни? – живо спросил незнакомец.

– Да, – ответил Аженор, – и даже убил ее палача.

---

⁸⁹ Арагон (историческая область на северо-востоке Испании) в описываемое в романе время являлся самостоятельным королевством, в состав которого входили провинции Каталония и Валенсия, острова Сицилия, Сардиния и другие острова в Средиземном море, а также Тунис. Королем Арагона в 1336–1387 гг. был Педро IV (род. в 1319 г.).

– Мавра? – поинтересовался незнакомец.

– Мотриля, – уточнил рыцарь.

– Правильно, но вы не убили его.

– Как так?

– Вы только его ранили.

– Черт возьми! – воскликнул Мюзарон. – Если бы я знал об этом, у меня ведь в колчане было еще одиннадцать стрел!

– Хватит об этом, – прервал их Каверлэ. – Может быть, вам все это и очень интересно, но меня это никак не касается, ведь я не испанец и не француз.

– Правильно, – согласился Молеон. – Поэтому, как мы договорились, ты забираешь все, что у меня есть, и возвращаешь свободу мне и моему оруженосцу.

– Об оруженосце речи не было, – сказал Каверлэ.

– И, само собой, оставляешь мне перстень, а я в обмен на него плачу тебе тысячу турецких ливров.

– Прекрасно, но остается еще одно маленькое условие, – напомнил капитан.

– Какое?

– О котором я сказал в ту минуту, когда нас прервали.

– Да, помню, – подтвердил Аженор. – Ив чем же оно заключается?

– В том, что, кроме тысячи турецких ливров – столько, по моему, стоит данный тебе пропуск, – ты еще должен прослужить в моем отряде всю первую кампанию, участвовать в которой король Карл Пятый соизволит нас нанять, или в той

кампании, что будет угодно провести мне.

Молеон восторженно от удивления.

– Ага, ну да, таковы мои условия, – продолжал Каверлэ. – Все будет так или не будет вовсе. Ты дашь подписку, что вступишь в отряд, и ценой этого обязательства получишь свободу... на время, конечно.

– Ну, а если я не вернусь? – спросил Молеон.

– Да нет, вернешься, – ответил Каверлэ. – Ведь ты сам сказал, что держишь слово.

– Ну хорошо! Будь по-твоему! Я согласен, но с одной оговоркой.

– Какой?

– Ни под каким предлогом ты не будешь заставлять меня воевать против короля Франции.

– Ты прав, я не подумал об этом, – сказал Каверлэ. – Я ведь подчиняюсь только королю Англии, да и то... Значит, мы составляем договор, а ты его подпишешь.

– Я не умею писать, – ответил рыцарь, который безо всякого стыда признавался в невежестве, широко распространенном среди дворянства той эпохи. – Писать будет мой оруженосец.

– А ты поставишь крест! – воскликнул Каверлэ.

– Поставлю.

Молеон взял пергамент, перо и протянул их Мюзарону, который под его диктовку написал:

«Я, Аженор, рыцарь де Молеон, обязуюсь сразу же, как

исполню мое поручение при дворе короля Карла V, отыскать мессира Гуго де Каверлэ всюду, где он будет находиться, и служить у него (вместе с моим оруженосцем) во время его первой кампании, лишь бы сия не велась ни против короля Франции, ни против сеньора графа де Фуа, моего сюзерена».

– А как же тысяча турецких ливров? – вкрадчиво осведомился Каверлэ.

– Верно, о них-то я и забыл.

– Вот именно! Зато я помню. Аженор продиктовал Мюзарону:

«А помимо уже сказанного, я передам господину Гуго Каверлэ сумму в тысячу турецких ливров, которую я признаю своим долгом ему, в обмен на временную свободу, что он мне даровал».

Оруженосец поставил дату, после чего рыцарь взял перо так, словно бы схватил кинжал, и лихо начертил крест.

Каверлэ взял пергамент, очень внимательно его прочел, набрав горсть песка, присыпал еще не просохшую подпись, аккуратно сложил эту расписку и засунул за поясной ремень своего меча.

– Ну вот, теперь все как надо, – заметил он. – Можешь ехать, ты свободен.

– Послушай, – обратился к Каверлэ незнакомец. – Поскольку я спешу и меня тоже ждут в Париже по важному делу, я предлагаю тебе за себя выкуп на тех же условиях, что и рыцарь. Тебя это устроит? Отвечай быстрее.

Каверлэ рассмеялся.

– Но я же тебя не знаю, – сказал он.

– Разве ты лучше знал мессира Аженора де Молеона, который, мне кажется, находится в твоих руках всего час?

– Не скажите! – воскликнул Каверлэ. – Нам, людям наблюдательным, не нужно даже часа, чтобы оценить человека, а за тот час, что он провел у меня, рыцарь сделал кое-что, что позволило мне лучше его узнать.

Арагонский рыцарь как-то странно улыбнулся.

– Значит, ты мне отказываешь? – спросил он.

– Ну да.

– Ты пожалеешь об этом.

– Неужели?

– Послушай! Ты отнял у меня все, что при мне было, поэтому сейчас мне тебе дать больше нечего. Возьми в заложники моих людей, мои экипажи и оставь мне только коня.

– Черт возьми! Хорошенькое одолжение ты мне делаешь! Твои экипажи и люди принадлежат мне, раз я их захватил.

– Тогда позволь мне хотя бы сказать несколько слов этому молодому человеку, раз уж ты его отпустил.

– Пару слов о твоём выкупе?

– Конечно. Сколько ты с меня возьмешь?

– Ту сумму, что взяли у тебя и твоих людей, то есть марку золота и две марки серебра.

– Согласен, – ответил испанец.

– Ну и ладно, – сказал Каверлэ. – Говори с ним о чем за-

хочешь.

– Выслушайте меня, рыцарь, – сказал арагонский дворянин.

И оба отошли в сторонку, чтобы поговорить более свободно.

ХІІІ. Каким образом арагонский рыцарь выкупил себя за десять тысяч золотых экю

Капитан Каверлэ пристально наблюдал за разговором чужестранцев, хотя испанец отвел Аженора довольно далеко от командира наемников, чтобы тот не смог услышать ни единого слова.

– Господин рыцарь, – начал незнакомец, – теперь нас нельзя слышать, но можно видеть: поэтому, прошу вас, не поднимайте забрало вашего шлема, чтобы остаться непроницаемым для всех тех, кто вас окружает.

– А вы, сеньор, позвольте мне до того, как опустите ваше забрало, посмотреть на ваше лицо, – попросил Аженор. – Поверьте мне, глядя на вас, я переживаю скорбную радость, которой вы не в силах понять.

Незнакомец грустно улыбнулся.

– Господин рыцарь, смотрите на меня сколько хотите, потому что забрала я не опущу, – сказал он. – Хотя я всего на пять-шесть лет старше вас, я достаточно страдал для того, чтобы быть уверенным в своем лице: мое лицо – это послушный слуга, который всегда говорит лишь то, что я хочу, чтобы он говорил, и тем лучше, если оно напоминает черты дорогого вам человека, это придает мне силы просить вас об

одной услуге.

– Говорите, – предложил Аженор.

– Мне кажется, рыцарь, что вы лучше ладите с бандитом, который нас захватил. По-моему, со мной дело обстоит хуже.

Тогда как он упрямо меня не отпускает, вам он разрешил ехать дальше.

– Да, сеньор, – ответил Аженор, удивленный тем, что испанец, беседуя с ним наедине, заговорил на чистейшем французском языке, хотя с еле уловимым акцентом.

– Так вот! – продолжал араговец. – Мне не меньше вашего также необходимо ехать дальше, и я любой ценой должен вырваться из рук этого человека.

– Сеньор, если вы мне поклянетесь, что вы рыцарь, – сказал Аженор, – если дадите мне ваше слово, то я могу поручиться своей честью перед капитаном Каверлэ, чтобы он отпустил вас ехать вместе со мной.

– Но ведь именно об этой услуге я и собирался вас просить! – радостно воскликнул незнакомец. – Вы столь же умны, сколь и учтивы, рыцарь.

Аженор поклонился.

– Значит, вы дворянин? – спросил он.

– Да, господин Аженор. И даже могу добавить, что немногие дворяне способны похвастать более знатным происхождением.

– В таком случае у вас должно быть другое имя, не то, которым вы назвались? – спросил Аженор.

– Ну да, разумеется, – ответил рыцарь. – Но именно в этом и проявится ваша величайшая учтивость: необходимо, чтобы вы довольствовались моим словом, не зная моего имени, потому что его я не могу вам открыть.

– Не можете открыть ваше имя даже человеку, к чести которого взываете и которого просите поручиться за вас? – с удивлением спросил Аженор.

– Господин рыцарь, я укоряю себя за подозрительность, что недостойна ни вас, ни меня, – продолжал незнакомец. – Но этого требуют серьезные интересы, причем не только мои. Поэтому добейтесь моей свободы любой ценой, какую вы пожелаете назначить, и, сколь бы велика она ни была, я – даю слово дворянина! – заплачу. И еще, если вы позволите мне прибавить одно слово, я скажу вам, что вы не раскаетесь в том, что в данном случае я стал вашим должником.

– Перестаньте, сеньор, прошу вас, требуйте от меня услуги, но не покупайте меня заранее, – сказал Молеон.

– Позднее, господин Аженор, вы оцените мою честность, которая заставляет меня говорить с вами подобным образом, – пояснил незнакомец. – Ведь я мог бы сразу же солгать и назвать вам мнимое имя. Вы меня не знаете и в силу обстоятельств вынуждены довольствоваться этим.

– Я только что подумал об этом, – подхватил Молеон. – И вы, сеньор, окажетесь на свободе вместе со мной, если капитан Гуго де Каверлэ соизволит сохранить ко мне свое расположение.

Ахенор покинул испанца, который остался на своем месте, и вернулся к Каверлэ, с нетерпением ожидавшего окончания разговора.

– Ну что? – спросил капитан. – Добились ли вы большего, мой дорогой друг, и узнали ли, кто этот испанец?

– Богатый торговец из Толедо, приехавший по делам во Францию; он говорит, что задержка принесет ему большой убыток и просит меня поручиться за него. Вы согласны?

– А вы готовы на это?

– Да. Побыв недолго в его положении, я, естественно, не мог ему не посочувствовать. Решайтесь, капитан, будем откровенны в делах.

Каверлэ задумался.

– Богатый торговец... – пробормотал он. – И ему нужна свобода, чтобы продолжать торговлю...

– По-моему, сударь, у вас вырвалось неосторожное слово, – шепнул Мюзарон на ухо хозяину.

– Я знаю, что делаю, – отрезал Аженор.

Мюзарон поклонился, как человек, отдающий должное осмотрительности хозяина.

– Богатый торговец! – повторил Каверлэ. – Черт возьми, вы понимаете, что ему это будет стоить дороже, чем дворянину, а наша первая цена в марку золота и две марки серебра больше недействительна.

– Поэтому я вам прямо сказал, кто он такой, капитан. Я не хочу мешать вам взять с вашего пленника выкуп, соответ-

ствующий его положению.

– Ну, черт побери, рыцарь, я уже сказал, что вы славный малый. И сколько он предлагает? Он, наверное, намекнул вам на это во время долгого разговора.

– Конечно, – ответил Аженор. – Он сказал, что может дать вам до пятисот экую серебром или золотом. Нет, золотом. Получив пятьсот экую серебром, вы слишком бы продешевили.

Каверлэ молчал, продолжая соображать.

– Пятыюстами экую золотом мог бы отделаться простой торговец, – заметил он. – Но вы, помнится, говорили о богатом торговце...

– Я тоже об этом помню, – перебил его рыцарь, – и даже вижу, что ошибся, сказав вам об этом, мессир капитан. Но поскольку мы должны расплачиваться за свои ошибки, то – ладно! – назначим выкуп в тысячу экую, а если придется за мою нескромность выложить пятьсот экую, то, что ж, их заплачу я!

– Но это мало за богатого торговца, – возразил Каверлэ. – Тысяча экую золотом! Самое большее, – это выкуп за рыцаря.

Аженор переглянулся с тем, кто поручил ему защищать свои интересы, чтобы узнать, может ли он обещать большую цену. Арагонец утвердительно кивнул.

– Тогда удвоим сумму и покончим с этим! – воскликнул рыцарь.

– Две тысячи экую золотом, – повторил кондотьер, начавший сам удивляться той высокой цене, которую назначал

за себя незнакомец. – Две тысячи экую золотом! Да, значит, он самый богатый торговец в Толедо! Ну нет, черт побери! По-моему, мне сильно повезло, и я должен этим воспользоваться. Ладно! Пусть он немножко прибавит, а там посмотрим.

Аженор снова посмотрел на испанца, который опять утвердительно кивнул.

– Отлично! – воскликнул рыцарь. – Раз вы такой ненасытный, мы дойдем до четырех тысяч экую золотом.

– Четыре тысячи золотых экую! – вскричал и удивленный, и восхищенный Каверлэ. – Значит он еврей, а я слишком добрый христианин, чтобы отпустить его меньше чем за...

– Сколько? – спросил Аженор.

– Меньше чем за... – капитан сам не решался назвать цифру, которая готова была сорваться у него с языка, настолько огромной она ему казалась. – Меньше чем за десять тысяч золотых экую! Ах, черт побери, слово сказано, и это даром, клянусь честью!

– Дайте руку, – сказал Аженор, протягивая Каверлэ руку, – сумма нам подходит, а значит, цена назначена.

– Постойте, постойте, за десять тысяч экую золотом я, – клянусь папской печенкой! – не приму поручительство рыцаря. Такую гарантию мне должен был бы дать какой-нибудь граф, да и то я знаю, что не много найдется таких, от кого я бы ее принял.

– Обманщик! – вскричал Молеон, схватившись за руко-

ятку меча, и пошел прямо на Каверлэ. – Ты что, не доверяешь мне?

– Да нет, дитя мое, ты ошибаешься, – возразил Каверлэ. – Я не доверяю не тебе, а ему. Неужто ты думаешь, что он, вырвавшись из моих когтей, заплатит десять тысяч экую золотом? Нет. На первом же перекрестке он свернет налево, и ты никогда его не увидишь; он был таким щедрым на словах или, если тебе это больше нравится, на жестах – я ведь видел, как он тебе кивал, – лишь потому, что платить он не намерен.

Несмотря на невозмутимость, которой так гордился незнакомец, Аженор заметил, что краска гнева залила его лицо, но он тут же сдержался и, сделав рыцарю величественный взмах рукой, сказал:

– Подойдите ко мне, господин Аженор, я вам должен кое-что сказать.

– Не подходи к нему, – заметил Каверлэ. – Он обольстит тебя красивыми словами, а десять тысяч экую золотом повиснут на тебе.

Но рыцарь всей душой чувствовал, что арагонец был более значительный человек, чем казался; поэтому он приблизился к нему с полным доверием и даже с некоторой почтительностью.

– Спасибо, честный дворянин! – тихо сказал испанец. – Ты правильно сделал, что поручился за меня и поверил моему слову. Тебе нечего бояться, я заплатил бы этому Кавер-

лэ сию же секунду, если бы пожелал, ибо в седле моего коня зашито более трехсот тысяч экю золотом и бриллианты. Но этот негодяй взял бы выкуп и, получив его, не отпустил бы меня на свободу. Поэтому вы сделаете так: возьмете моего коня и уедете, оставив меня здесь; потом, в ближайшем городе, распорете седло, достанете кожаный мешочек, из него возьмете столько бриллиантов, сколько понадобится, чтобы получить за них десять тысяч экю золотом. Далее, взяв с собой солидную свиту, вернетесь за мной.

– О, Боже мой, сеньор! – удивился Аженор. – Но кто же вы, если обладаете такими богатствами?

– Я полагаю, что оказал вам достаточно доверия, отдав в ваши руки все, чем владею, чтобы вы не требовали от меня сказать вам, кто я такой.

– Сеньор! Сеньор, теперь мне действительно страшно! – воскликнул Молеон. – И вы не знаете, какие сильные сомнения гложут меня. Это странное сходство, это богатство, эта тайна, которая окутывает вас... Сеньор, мне предстоит защищать во Франции интересы... священные интересы... но, может быть, они противоположны вашим...

– Скажите, вы ведь едете в Париж? – спросил незнакомец тоном человека, привыкшего повелевать.

– Да, – подтвердил рыцарь.

– Вы направляетесь туда, чтобы передать королю Карлу Пятому перстень королевы Кастилии?

– Да.

– Вы едете в Париж, чтобы требовать мести во имя королевы?

– Да.

– Королю дону Педро?

– Да.

– В таком случае ни о чем не беспокойтесь, – сказал испанец. – У нас общие интересы, ибо король дон Педро убил мою... королеву, и я тоже поклялся отомстить за донью Бланку.

– Правда ли то, что вы мне говорите? – спросил Аженор.

– Господин рыцарь, внимательно посмотрите на меня, – твердым и величественным тоном приказал незнакомец. – Вы утверждаете, что я похож на какого-то вашего знакомого. Скажите, кто он?

– О, это был мой несчастный друг, благородный великий магистр! – воскликнул рыцарь. – Сеньор, вы похожи как две капли воды на его светлость дона Фадрике.

– Неужели? – улыбнулся незнакомец. – Да, странное сходство... братское...

– Быть этого не может! – прошептал Аженор, почти с ужасом глядя в арагонца.

– Отправляйтесь в ближайший город, господин рыцарь, – продолжал незнакомец, – продайте бриллианты еврею и передайте командиру испанского отряда, что дон Энрике де Трастамаре – пленник капитана Каверлэ... Спокойно, я вижу даже сквозь ваши латы, как вы дрожите. Не забывайте,

что на нас смотрят.

Аженор в самом деле дрожал от изумления. Он поклонился графу с большим, чем, наверное, следовало бы, почтением, и пошел к Каверлэ, который, наполовину сократив ему путь, двинулся навстречу ему.

– Ну что? – спросил он, кладя руку на плечо Аженора. – Он наговорил тебе много красивых, золотых слов, а ты и уши развесил, мой мальчик!

– Капитан, слова этого торговца поистине золотые, – ответил Аженор, – потому что он указал мне способ, как еще до вечера заплатить вам выкуп.

– Десять тысяч экую золотом?

– Десять тысяч.

– Нет ничего проще, – подойдя к ним, сказал незнакомец. – Рыцарь доедет до места – он знает его, – где я поместил кое-какие деньги. Он привезет тебе эти деньги – десять мешочков, по тысяче экую золотом в каждом. Тебе дадут потрогать это золото, чтобы ты не сомневался, а когда ты убедишься, что золото останется в твоих сундуках, ты меня отпустишь. Разве я прошу многого? Ну, договорились?

– Договорились. Черт побери, договорились, если ты это сделаешь! – воскликнул Каверлэ, которому казалось, что он видит сон. Потом, повернувшись к лейтенанту-немцу, сказал:

– Этот малый дорого себя ценит. Посмотрим, заплатит ли он.

Аженор взглянул на графа.

– Господин де Молеон, – сказал тот, – на память о доброй услуге, которую вы мне оказываете, и в знак признательности, которую я питаю к вам, давайте обменяемся конями и мечами, согласно братскому обычаю рыцарей. Может быть, вы и потеряете при обмене, но позднее я вознагражу вас за это.

Аженор поблагодарил. Каверлэ, услышав это, расхохотался.

– Он же тебя грабит, – шепнул он молодому человеку. – Я видел его коня, он твоего не стоит. Дело ясное, он не рыцарь, не торговец, не еврей, он араб.

Граф спокойно сел за стол, подав знак Мюзарону составить еще одну расписку, а когда та была готова, Аженор, который поручался за графа, поставил крест, как он раньше сделал на собственной расписке. Когда капитан Каверлэ со свойственной ему тщательностью рассмотрел ее, рыцарь отправился в Шалон, чьи башни виднелись на том берегу Соны.

Все произошло так, как сказал граф. В седле Аженор нашел небольшой мешочек с бриллиантами. Он продал их на двадцать тысяч экю, потому что графу, до нитки обобранному Каверлэ, было необходимо снова наполнить свой кошелек; потом, на обратном пути разыскал капитана-испанца, о котором говорил ему дон Энрике де Трастамаре, рассказал обо всем, что случилось с графом, и тот со своими

людьми проводил Аженора до маленького леска, что находился в четверти льё от лагеря Каверлэ; испанцы там остановились, Аженор поехал дальше.

Все прошло гораздо честнее, чем на то надеялся рыцарь. Каверлэ считал и пересчитывал золотые экую, тяжело вздыхая, ибо лишь теперь ему пришла мысль, что с человека, который расплатился так быстро, он мог бы потребовать вдвое больше, чем запросил, и не получил бы отказа.

Но надо было принимать решение и, поскольку рыцарь точно сдержал слово, не позорить себя.

Поэтому Каверлэ разрешил молодым людям ехать, но тем не менее напомнил Аженору, что тот остается его должником, обязан выплатить за себя тысячу турецких ливров и прослужить в его отряде целую кампанию.

– Я очень надеюсь, что вы никогда не вернетесь к этим бандитам, – заметил граф, когда они оказались на свободе.

– Увы! – вздохнул Аженор. – И все-таки возвращаться придется.

– Я заплачу сколько потребуется, чтобы вас выкупить.

– Вы не сможете выкупить моего слова, ваша светлость, так как я его уже дал, – возразил Аженор.

– Черт побери, я ведь не давал слова! – воскликнул граф. – И я повешу Каверлэ, это так же верно, как и то, что мы с вами еще живы. Лишь тогда я не буду жалеть, что мои золотые экую попали к нему.

Тут они подъехали к лесу, где укрылся капитан-испанец

со своими копейщиками, и Энрике, радуясь, что отделался так дешево, вновь оказался среди друзей.

Таков был исход той переделки, в которую вместе попали граф и рыцарь; граф выпутался из нее благодаря данному рыцарем слову.

С другой стороны, Аженор, который отправился в путь без денег и без друзей, теперь почти разбогател и приобрел покровительство графа.

Насчет этого Мюзарон высказал множество соображений, одно глубокомысленнее другого, но все эти философические суждения хорошо известны еще с древних времен, чтобы мы их здесь пересказывали.

Однако свои рассуждения Мюзарон заключил слишком важным вопросом, о котором мы умолчать не можем.

– Сеньор, я не совсем понимаю, – обратился он к графу, – почему вы, имея в вашем распоряжении два десятка копейщиков, ехали с одним оруженосцем и двумя-тремя слугами.

– Потому, милостивейший государь, – рассмеялся граф, – что мой брат, король дон Педро, разослал по всем дорогам, ведущим из Испании во Францию, лазутчиков и убийц. Блестящая свита выдала бы меня, а я желал сохранить инкогнито. Ночная тьма подходит мне больше, нежели яркий день. К тому же я хочу, чтобы потом говорили: «Энрике уехал из Испании с тремя слугами, а вернулся с целой армией. Дон Педро, наоборот, имел в Испании армию, а уехал из нее в одиночестве».

– Братья! Они братья... – прошептал Аженор.

– Дон Педро убил моего брата, – продолжал Энрике де Трастамаре, – и я отомщу за него.

– Сеньор, – обратился к Молеону Мюзарон, улучив минутку, когда граф был занят разговором со своим лейтенантом, – это повод, чтобы его милость Энрике де Трастамаре не платили за себя еще раз десять тысяч экую золотом.

– Как он похож на доблестного великого магистра. Ты заметил, Мюзарон?

– Сеньор, дон Фадрике был белокурым, а этот рыжий, – ответил оруженосец, – у великого магистра глаза были черные, а у этого серые. У дона Фадрике был орлиный нос, а у дона Энрике – клюв стервятника; тот был гибкий, а этот – тощий; у дона Фадрике на щеках был румянец, а у его милости Энрике де Трастамаре проступает кровь: не на дона Фадрике он похож, а на дона Педро. Это два стервятника, мессир Аженор, два стервятника.

«Это правда, – подумал Молеон, – и сцепились они над телом голубки».

XIV. Каким образом Бастард де Молеон вручил королю Карлу V перстень его свояченицы, королевы Бланки Кастильской

В саду прекрасного, хотя во многих частях еще не достроенного дворца, что высился на улице Сен-Поль,⁹⁰ прохаживался мужчина лет двадцати пяти-двадцати шести, одетый в длинную, с бархатными отворотами темную мантию, перепоясанную витым шнуром, кисточки которого свисали почти до земли. Вопреки обычаям той эпохи, у него не было ни шпаги, ни кинжала, не было ни одного отличительного знака благородного происхождения. Единственной драгоценной вещью, которую он носил, был своеобразный маленький венец из золотых лилий на острие бархатной шапки. Мужчина этот обладал всеми чертами чистейшей французской породы: у него были белокурые, коротко – признак знатного происхождения – подстриженные волосы, голубые глаза и каштановая бородка; лицо, хотя и выдавало указанный нами возраст, не было отмечено печатью страстей, а его серьезное, вдумчивое выражение обнаруживало челове-

---

⁹⁰ Имеется в виду дворец Отель Сен-Поль, построенный в XIV в. Карлом V на восточной окраине Парижа в качестве неофициальной резиденции; разрушен в XVI в.

ка глубоких мыслей, привыкшего к долгим размышлениям. Изредка он останавливался, склоняя голову на грудь и опуская руку, которую начинали лизать две крупные борзые, что в такт ему вышагивали рядом – они останавливались, когда он замедлял шаг, и сразу же двигались за ним, когда он шел дальше.

Недалеко от мужчины стоял, прислонившись к дереву, молодой, беззаботный паж, державший на рукавице в колпачке сокола и подразаивающий хищную птицу, которую по золотым бубенчикам можно было признать за его любимицу.

Издали, из всех укромных уголков сада, слышалось веселое щебетанье птиц, вступивших во владение цветами и рощами нового королевского жилища. Этот мужчина с задумчивым лицом был не кто иной, как регент Карл V, который управлял французским королевством (король Иоанн, его отец, раб своего слова, находился в плену в Англии) и строил этот новый, прекрасный дворец, чтобы заменить Луврский замок,⁹¹ и дворец в Сите⁹² где трудолюбивый монарх

---

⁹¹ То есть крепость Лувр, построенная в XII в. для защиты западных окраин Парижа. Ко времени, описываемому в романе, вошла в черту города и потеряла военное значение, поэтому Карл V приспособил крепость в качестве официальной резиденции. С начала XVI в. началась перестройка Лувра, который постепенно превратился в громадный дворцовый комплекс и в XVI–XVII вв. был главной резиденцией французских королей.

⁹² Имеется в виду королевский дворец, построенный в середине XIII в. на острове Сите на Сене – историческом центре Парижа. После мощного городского восстания 1358 г. Карл V перенес свою резиденцию из Опе в крепость Лувр и дворец Сен-Поль.

– единственный из наших королей, кого потомки нарекут Мудрым, – не обрел достаточно уединения и покоя.

В аллеях сновали взад-вперед многочисленные слуги, а нетерпеливый клекот сокола, отдаленное щебетанье птиц и голоса слуг иногда, словно раскат грома, перекрывало рычание огромных, выписанных королем Иоанном из Африки львов, которых держали взаперти в глубоких ямах.

Король Карл V прогуливался по аллее сада; дойдя до определенного места, он возвращался назад, чтобы не терять из виду парадный вход дворца, шесть внешних ступеней которого вели на террасу, куда выводила эта аллея.

Время от времени он останавливался, устремляя глаза на эту дверь: казалось, он ждал, что из нее кто-то выйдет, хотя он явно поджидал кого-то с нетерпением; всякий раз, когда надежда его не оправдывалась, на его лице не обнаруживалось ни малейшего признака недовольства, и он продолжал прогуливаться тем же размеренным шагом и с той же грустной невозмутимостью.

Наконец на верхней ступени появился одетый в черное человек, который держал в руках табличку из черного дерева и пергаменты. Он окинул взглядом сад, куда собирался сойти, и, завидев короля, направился прямо к нему.

– Вот вы и пришли, доктор, я ждал вас, – сказал Карл, направляясь навстречу ему. – Вы из Лувра?

– Да, сир.

– Прекрасно! Вернулся ли хоть один гонец от моих по-

сольств?

– Ни одного. Правда, два рыцаря, которые, похоже, проделали долгий путь, прибыли только что и настоятельно просят чести быть представленными вашему величеству; по их словам, они должны сообщить сведения первостепенной важности.

– И что вы решили?

– Я привел их сюда, и они ждут решения короля в зале дворца.

– Есть новости от его святейшества папы Урбана Пятого?

– Нет, сир.

– Есть ли известия от Дюгеклена, которого я к нему послал?

– Пока нет, но совсем скоро мы сможем принять его здесь, ведь десять дней назад он писал вашему величеству, что выезжает из Авиньона.⁹³

Несколько минут король оставался задумчивым и почти озабоченным; потом, словно что-то решив для себя, сказал:

– Хорошо, доктор, давайте посмотрим почту.

И король, дрожа от волнения, как будто каждое письмо должно было принести ему весть о новом несчастье, устроился в увитой жимолостью беседке, куда сквозь листву пробивались мягкие лучи августовского солнца.

---

⁹³ Авиньон – город на юге Франции, где с 1309 г. по 1377 г. были вынуждены под давлением французских королей находиться римские папы. В истории это получило панаш» «авиньонского пленения» пап.

Тот, кого король называл доктором, раскрыл папку, которую держал под мышкой, и достал несколько больших писем. Он наугад вскрыл одно из них.

– Ну что? – спросил король.

– Послание из Нормандии, – ответил доктор. – Англичане сожгли один город и два селения.

– Несмотря на перемирие и договор в Бретиньи,⁹⁴ который обходится так дорого! – прошептал король.

– Что вы сделаете, сир?

– Я пошлю денег, – ответил король.

– Послание из Фореза.

– Читайте.

– Отряды наемников бесчинствуют на берегах Соны. Разграблено три города, скошены хлеба, разорены виноградники, угнан скот. Наемники продали сто женщин.

Король закрыл лицо руками.

– Но разве Жак де Бурбон⁹⁵ не в тех краях? – спросил он. – Он обещал избавить меня от этих бандитов!

– Подождите, – попросил доктор, вскрывая третье пись-

---

⁹⁴ Договор в мери Бретиньи близ города Шартра во Франции от 5 мая 1360 г. прервал на некоторое время Столетнюю войну 1337–1453 гг. Согласно его условиям, английские короли увеличили свои французские владения; кроме того, французы должны были заплатить огромный выкуп за попавшего в плен короля Иоанна Доброго. Договор не устранил причин, вызвавших войну, однако невыгодный мир все же обеспечил Франции передышку, необходимую для продолжения борьбы с Англией.

⁹⁵ Жак де Бурбон – родственник французского королевского дома, граф де Ламарш и де Пантьё.

мо. – Вот письмо, где говорится о нем. Он встретил наемные отряды в Бринье, дал бой, но...

– Но?! – повторил король, беря у него из рук письмо. – Что там еще случилось?

– Прочтите сами, сир.

– Разбит и погиб! – пробормотал король. – Принц из королевского дома Франции убит, прикончен этими бандитами. И наш святой отец молчит. А ведь от Авиньона до Парижа не так далеко.

– Что прикажете, сир? – спросил доктор.

– Ничего! Вы хотите, чтобы я приказывал в отсутствие Дюгеклена? А нет ли среди писем послания от моего брата, короля Венгрии?⁹⁶

– Нет, сир, – робко ответил доктор, видя, как постепенно накапливается груз бед, обрушивающихся на несчастного короля.

– Что в Бретани?

– Война по-прежнему в разгаре, граф де Монфор⁹⁷ добился превосходства. Карл V воздел к небу не столько печальный, сколько мечтательный взгляд.

– Великий Боже! – прошептал он. – Неужели оставишь ты Францию? Мой отец был добрым королем, но слишком

---

⁹⁶ От Людовика (Лайоша) I Великого, короля Венгрии а 1342–1382 гг. и Польши в 1370–1382 гг., происходившего из английской династии Плантагенетов. «Брат мой» – обычное обращение монархов друг к другу.

⁹⁷ Граф де Монфор – имеется в виду Иоанн V, герцог Бретонский (ум. в 1399 г.).

воинственным; я же, Господи, благоговейно принял испытания, что ты мне ниспослал; я всегда стремился сберечь кровь твоих созданий, считая тех, над кем ты меня поставил, людьми, за которых я должен держать ответ перед тобой, а не рабами, чью кровь я могу проливать по своей прихоти. И все-таки никто не отблагодарил меня за мою человечность, даже ты, Господи! Я хочу воздвигнуть преграду варварству, что отбрасывает мир в хаос. Намерение это благое, я уверен, но ведь никто не помогает мне, никто меня не понимает!

И король в задумчивости опустил на руку голову.

В эту секунду послышался громкий звон фанфар и до рассеянного слуха короля донеслись приветственные крики с улицы. Паж перестал дразнить сокола и вопрошающе посмотрел на доктора.

– Ступайте и посмотрите, что происходит, – сказал ему доктор. – Сир, вы слышите фанфары? – повернувшись к королю, спросил он.

– Государь, это мессир Бертран Дюгеклен, возвращающийся из Авиньона, входит в город, – сообщил прибежавший назад паж.

«Пусть приходит с миром, – подумал король, – хотя возвращается он с большей, чем мне хотелось бы, помпой».

И он живо поднялся, спеша навстречу Дюге клену; но не успел он дойти до конца аллеи, как под сводом листвы появилась большая колонна людей, хлынувших в садовые ворота; то были ликующие горожане, стражники и рыцари; они

окружали крупноголового и широкоплечего человека среднего роста, у которого были кривые ноги из-за постоянной езды верхом.

Это был мессир Бертран Дюгеклен; лицо у него было простое, но доброе, глаза светились умом; он улыбался и приветствовал горожан, стражников и рыцарей, осыпавших его благословениями.

В этот момент на другом конце аллеи показался король; все склонились в поклоне, а Бертран Дюгеклен быстро сбегал по лестнице, спеша изъявить почтение государю.

«Они падают передо мной ниц, – шептал про себя Карл, – но улыбаются Дюгеклену, они уважают меня, но не любят. Он ведь олицетворяет ту ложную славу, которая неотразимо действует на их пошлые души, я для них олицетворяю мир, который для этих недалёковидных людей означает позор и покорность. Эти люди принадлежат своему времени, а я – другому, и я скорее сведу их всех в могилу, чем стану навязывать им перемены, не соответствующие ни их вкусам, ни их привычкам. Однако, если Бог даст мне силы, я им не уступлю».

Потом, спокойно и благожелательно посмотрев на воина, преклонившего перед ним колена, король громко сказал:

– Добро пожаловать, – и протянул Дюгеклену руку с тем изяществом, которое, словно нежный аромат, исходило от него.

Дюгеклен припал к королевской руке.

– Славный король, вот я и приехал, – поднимаясь с колен, сказал рыцарь. – Я, как изволите видеть, поспешил и привез новости.

– Добрые? – спросил король.

– Да, сир, очень добрые. Я собрал три тысячи копейщиков.

Народ, узнав о подкреплении, которое привел им храбрый полководец, встретил эту новость одобрительными возгласами.

– Это весьма кстати, – ответил Карл, не желая смущать радость, которую слова Дюгеклена вызвали среди восхищенных людей.

Потом он тихо шепнул Дюгеклену:

– Увы, мессир, не было нужды набирать еще три тысячи копейщиков, лучше бы сократить их количество на шесть тысяч. Нам всегда будет хватать солдат, если мы будем знать, как их использовать.

И, взяв под руку славного рыцаря, очарованного подобной честью, король поднялся с ним по лестнице, прошел сквозь толпу горожан, придворных, стражников, рыцарей и женщин, которые, видя доброе согласие, установившееся между королем и полководцем – все возлагали на это согласие свои надежды, – кричали «ура» так громко, что потолки дрожали.

Карл V, приветствуя всех взмахом руки и улыбкой, провел бретонского рыцаря в большую галерею (она предназначалась для аудиенций), примыкавшую к его покоям. Толпа

проводила их криками, которые были слышны даже тогда, когда король закрыл за собой дверь.

– Сир, с помощью Неба и любви этих славных людей, – начал Бертран, светясь радостью, – вы вернете себе все свое наследство, и я твердо уверен, что через два года удачной войны...

– Но чтобы вести войну, Бертран, нужна армия, необходимо много денег, а у нас их нет.

– Пустяки, сир! – воскликнул Бертран. – Обложив небольшой податью села...

– У нас больше их не осталось, мой друг, англичанин опустошил все, а наши славные союзники, отряды наемников, подобрали все, что пощадил англичанин.

– Сир, вы наложите подушную подать в один франк на духовенство, будете брать себе десятую часть церковной десятины: ведь церковь давно собирает с нас эту десятину.

– Для этого я и посылал вас к нашему святому отцу, папе Урбану Пятому, – ответил король. – Дает ли он нам разрешение на сбор этой мзды?

– О, совсем наоборот, он сетует на бедность духовенства и просит денег! – воскликнул Бертран.

– Вы прекрасно понимаете, мой друг, – с грустной улыбкой заметил король, – что здесь мы бессильны что-либо сделать.

– Да, сир, но он оказывает вам великую милость.

– Всякая милость, которая дорого обходится, Бертран, –

заметил Карл V, – это не благодеяние для короля, чьи сундуки пусты.

– Сир, папа бесплатно дарует ее вам.

– Тогда говорите скорее, Бертран, что эта за милость.

– Сир, сейчас наемные отряды превратились в бич Франции, не правда ли?

– Ну, разумеется. А что, папа нашел способ избавиться от них?

– Нет, сир, это не в его власти. Но он отлучил наемников от церкви.

– Ах, какая жалость! Это окончательно нас доконает! – в отчаянии воскликнул король, тогда как Бертран, с торжествующим видом сообщивший эту новость, растерялся. – Из воров они превратятся в убийц, из волков станут тиграми; среди них, наверное, еще оставалось несколько человек, которые боялись Бога и сдерживали остальных. Теперь им нечего больше терять, и они не пощадят никого. Мы погибли, мой бедный Бертран!

Достойный рыцарь знал глубокую мудрость и пронзительный ум короля. Дюгеклен обладал ценным качеством для человека, занимающего подчиненное положение: он уважал суждения, превосходящие его разумение; поэтому он задумался, и природный здравый смысл подсказал ему, что король все понял правильно.

– Верно, – согласился он, – они славно посмеются, узнав, что наш святой отец обошелся с ними как с христианами. Но

зато с нами они станут обходиться как с магометанами⁹⁸ и евреями.

– Ты прекрасно понимаешь, мой дорогой Бертран, в какое неприятное положение мы попали, – сказал король.

– Я, действительно, не подумал об этом, – признался рыцарь, – а еще полагал, будто сообщил вам добрую весть. Не угодно ли вам, чтобы я вернулся к папе и посоветовал ему не спешить?

– Спасибо, Бертран, – поблагодарил король.

– Простите меня, сир, – сказал Бертран. – Признаться, посол из меня плохой. Мое дело – вскочить в седло и мчаться в бой, когда вы приказываете мне: «На коня, Геклен, и вперед!» Но, сир, право слово, во всех вопросах, которые решаются не ударами меча, а росчерками пера, я плохой политик.

– И все-таки, если ты хочешь мне помочь, дорогой мой Бертран, еще ничего не потеряно, – успокоил его король.

– Почему, сир, вы спрашиваете, хочу ли я вам помочь?! – воскликнул Дюгеклен. – Я твердо знаю, что хочу. И отдаю вам все – мою руку, мой меч, всего себя!

– Но ты не сможешь меня понять, – вздохнул король.

– Ах, сир, видимо, это и так, – ответил рыцарь, – ибо голова у меня слегка твердовата, в чем, кстати, мне сильно повезло, ведь меня много раз по ней били, и, не сотвори ее природа такой прочной, не сидеть бы ей сегодня на моих плечах.

---

⁹⁸ Магомет (точнее Мухаммед или Мохаммед; около 570–632) – основатель ислама, глава первого мусульманского государства в Аравии.

– Я не прав, говоря, что ты не сможешь меня понять, мой дорогой Бертран, мне следовало бы сказать, что ты не захочешь этого.

– Как это я не захочу? – удивился Бертран. – Разве я могу не захотеть того, чего желает мой король?

– Не горячись, мой дорогой Бертран. Ведь мы вообще хотим лишь того, что отвечает нашей природе, нашим привычкам и нашим склонностям, а то, о чем я хочу тебя просить, сначала покажется тебе необычным и даже странным.

– Говорите, сир, – попросил Дюгеклен.

– Бертран, ты ведь знаешь французскую историю? – спросил король.

– Не слишком хорошо, сир, – ответил Дюгеклен. – Знаю немного историю Бретани, потому что это моя родина.

– Но, надеюсь, ты слышал о тех великих поражениях, которые множество раз ставили французское королевство на край гибели.

– Конечно слышал, сир. Ваше величество хочет, вероятно, сказать, к примеру, о битве при Куртре,⁹⁹ в которой погиб граф д'Артуа, о битве при Креси,¹⁰⁰ откуда бежал король

---

⁹⁹ В 1302 г. под этим городом (фламанд. название – Кортрейк) войско короля Франции Филиппа Красивого (1268–1314) было разбито восставшими горожанами Фландрии, которую он захватил в 1300 г. В этом сражении погиб Робер II, граф д'Артуа.

¹⁰⁰ В 1346 г. в сражении при селении Креси в Северо-Восточной Франции иплийский король Эдуард III разбил французов. Король Франции Филипп VI Валуа (1293–1350) едва избежал пленения.

Филипп де Валуа, и, наконец, о битве при Пуатье, когда попал в плен король Иоанн.

– Так вот, Бертран, ты когда-нибудь задумывался, какие причины привели к поражению в этих сражениях? – спросил король.

– Нет, сир, я стараюсь думать как можно меньше, меня это утомляет.

– Да, я понимаю тебя. А я задумался и нашел их причину.

– Правда?

– Да, и сейчас открою ее тебе.

– Слушаю вас, сир.

– Ты обращал внимание, что, едва французы вступают в сражение, они – в отличие от фламандцев, которые прикрываются копьями, или англичан, которые прячутся за кольями, – вместо того чтобы использовать свое преимущество, когда наступает благоприятный для них момент, кучей, наперегонки бросаются в атаку, забывая о позиции? У всех лишь одна забота – первым домчатся до врага и нанести ему самый эффектный удар. Этим объясняется отсутствие единства, ведь никто никому не подчиняется, каждый действует как ему вздумается, слушает лишь тот голос, что кричит: «Вперед!» По этой причине фламандцы и англичане, люди серьезные и дисциплинированные, которые подчиняются приказам одного командующего, наносят удар своевременно и почти всегда разбивают нас.

– Правильно, так все и происходит, – согласился Дюгек-

лен. – Но разве есть способ помешать французам атаковать, если они видят перед собой врага?

– Именно этот способ и надо найти, мой славный Дюгеклен, – сказал Карл.

– Это можно было бы сделать, если бы нас вел король, – заметил рыцарь. – Наверное, его голос услышали бы.

– Здесь ты заблуждаешься, мой дорогой Бертран, – возразил Карл. – Все знают, что нрав у меня мирный, что по характеру я несколько не похож на моего отца Иоанна и брата моего Филиппа.¹⁰¹ Все думают, что я не иду на врага из трусости, ибо короли Франции по обыкновению бросаются туда, где враг. Но разве же это чудо повиновения не должен свершить признанный храбрец, прославленный воин, человек безупречной репутации? И человек этот – Бертран Дюгеклен.

– Неужели я, сир?! – воскликнул рыцарь, глядя на короля расширенными от изумления глазами.

– Да, ты, и только ты, ибо всем, слава Богу, известно, что тебе нравится опасность, и, если ты избегаешь ее, никто не заподозрит тебя в трусости.

– Сир, все, что вы говорите, лестно для меня, но кто заставит подчиняться мне всех этих сеньоров, всех этих рыцарей?

– Ты, Бертран!

– Вряд ли, сир, – ответил рыцарь. – Я слишком маленький

---

¹⁰¹ Филиппа Смелого, герцога Бургундского (1342–1404), четвертого сына короля Иоанна Доброго.

человек, чтобы отдавать приказы вашей знати, половина которой по происхождению благороднее меня.

– Бертран, если ты хочешь мне помочь, служить мне, понять меня, то я поставлю тебя над всеми этими людьми.

– Вы, сир?

– Да, я, – подтвердил Карл V.

– И что же вы сделаете?

– Я назначу тебя коннетаблем.

– Ваша светлость шутить изволит, – усмехнулся Бертран.

– Нет, Бертран, я не шучу, – возразил король. – Наоборот, я говорю серьезно.

– Но, сир, меч, украшенный лилиями, обычно может сверкать лишь в руках принцев.

– В этом и заключается несчастье народов, – заметил Карл, – потому что принцы, которым вручается этот меч, получают его в знак своего высокого положения, а не как награду за труды. Владая этим мечом, так сказать, по праву рождения, но не получая его из рук своего короля, они забывают о тех обязанностях, какие это налагает на них. Тогда как ты, Дюге клен, каждый раз, вынимая этот меч из ножен, будешь вспоминать о короле, который его тебе вручил, и тех наказах, что он тебе дал.

– Дело в том, сир, что если мне когда-нибудь будет оказана подобная честь... – начал Дюгеклен. – Но нет, это невозможно...

– Почему же?

– Нет, невозможно! Это нанесет ущерб вашему величеству. И мне не пожелают подчиняться, ибо я не знатный сеньор.

– Повинуйся только мне, – сказал Карл, придавая лицу выражение твердой решимости, – а заставить повиноваться остальных – моя забота.

Дюгеклен недоверчиво покачал головой.

– Послушай, Дюгеклен, не думаешь ли ты, что нас бьют потому, что мы слишком храбрые? – спросил король.

– Право слово! – воскликнул Дюгеклен. – Признаюсь, я об этом никогда не задумывался, но, думая сейчас об этом, полагаю, что согласен с вашим величеством.

– Ну, храбрый мой Бертран, это значит, что все будет хорошо. Мы не должны пытаться разбить англичан, мы должны постараться изгнать их, а для этого, Дюгеклен, не надо давать сражения, не надо; все, что требуется, – это отдельные бои, схватки, стычки. Надо постепенно, по одному, уничтожать наших врагов всюду – на опушке леса, на переправах, в селениях, где они останавливаются на постой; это займет больше времени, я понимаю, но так будет надежнее.

– О Боже мой, разумеется, вы правы! Мне известно об этом, но ваша знать ни за что не захочет вести такую войну.

– И все-таки, во имя Святой Троицы, надо добиться, чтобы знать приняла участие в подобной войне, если два таких человека, как король Карл V и коннетабль Дюгеклен пожелают этого.

– Для этого необходимо, чтобы коннетабль Дюгеклен обладал не меньшей властью, нежели Карл V.

– Ты получишь королевскую власть, Бертран, я предоставлю тебе право даровать жизнь и обрекать на смерть.

– Хорошо, я получу право над вилланами.¹⁰² А как быть с сеньорами?

– И над сеньорами.

– Подумайте, сир, ведь в армии служат и принцы.

– Право над принцами и сеньорами, над всеми. Слушай, Дюгеклен: у меня три брата¹⁰³ – герцоги Анжуйский, Бургундский и Беррийский. Так вот, я делаю их не твоими лейтенантами, а твоими солдатами; это заставит других сеньоров повиноваться, и если один из них нарушит свой долг, ты поставишь его на колени там, где он его нарушил, призовешь палача и велишь отрубить ему голову как предателю.

Дюгеклен с изумлением смотрел на короля Карла V. Он ни разу не слышал, чтобы столь добрый и кроткий государь говорил с такой твердостью.

Король взглядом подтвердил все, что выразил словами.

– Что ж, государь, я согласен, – сказал Дюгеклен. – Если вы предоставляете мне такие возможности, я буду повино-

---

¹⁰² Вилланы – крестьяне, лично свободные, но зависимые от феода на в качестве держателей земли.

¹⁰³ герцоги Анжуйский, Бургундский и Беррийский. – **Герцог Анжуйский** – Луи, второй сын короля Иоанна Доброго. **Герцог Беррийский** – Жан (1340–1416), третий сын короля Иоанна Доброго; французский военачальник, участник Столетней войны.

ваться вашему величеству, попробую.

– Да, славный мой Дюгеклен, – сказал король, кладя руки на плечи рыцаря, – ты не только попробуешь, но и добьешься успеха. А я в это время займусь финансами, пополню казну, завершу постройку замка Бастилии,¹⁰⁴ прикажу надстроить стены Парижа или лучше возведу новые. Я заложу библиотеку,¹⁰⁵ ибо надо питать не только тело человека, но и его ум. Мы варвары, Дюгеклен, которые занимаются тем, что снимают ржавчину с доспехов, не помышляя о том, чтобы заставить сверкать свой разум. Презираемые нами мавры – это наши учителя, ведь у них есть поэты, историки, законодатели, а у нас нет.

– Это правда, сир, – согласился Дюгеклен, – хотя, по-моему, мы и без них обходимся.

– Да, обходимся, как Англия обходится без солнца, ведь у нее нет иного выхода, хотя это вовсе не означает, что без солнца может обходиться Франция. Однако если Господь продлит мои дни, а тебе, Дюгеклен, придаст мужества, мы с тобой дадим Франции все, чего ей не хватает, а чтобы дать Франции то, чего ей не хватает, сначала необходимо дать ей

---

¹⁰⁴ Бастилия – первоначально крепость в окрестностях Парижа, известная с XIV в.; позже вошла в черту города; с XV в. – тюрьма для государственных преступников; разрушена в 1789 г. в начале Великой Французской революции.

¹⁰⁵ Обширная для того времени библиотека Карла V, состоявшая примерно из тысячи рукописей, размещалась в Лувре и послужила основой для современной Национальной библиотеки Парижа, одного из самых значительных книжных собраний в мире.

мир.

– А главное, нам надо найти способ избавить Францию от наемных отрядов, – подхватил Дюгеклен, – отыскать его может только чудо.

– Так вот, чудо это свершит Бог, – сказал король. – Мы с тобой слишком истовые христиане, и у нас слишком добрые намерения, чтобы он не пришел нам на помощь.

В этот момент в дверь осмелился заглянуть доктор.

– Сир, вы забыли о двух рыцарях.

– Ах да, верно! – воскликнул король. – Это потому, как вы сами, доктор, понимаете, что мы с Дюгекленом были заняты мыслями о том, как превратить Францию в первую державу мира. Теперь пригласите их.

Оба рыцаря тут же вошли в залу. Король подошел к ним. Забрало было поднято только у одного; его король не знал, но улыбка, которой он встретил рыцаря, от этого не была менее благожелательной.

– Это вы, рыцарь, просили о встрече со мной по исключительно важному делу?

– Да, сир, – ответил молодой человек.

– Тогда, добро пожаловать, – сказал Карл.

– Не торопитесь желать мне добра, мой король, – возразил рыцарь, – ибо я принес вам печальную весть.

Грустная улыбка пробежала по губам Карла.

– Печальная весть! – вздохнул он. – Других я уже давно не получаю. Но мы не из тех, кто путает вестника с вестью.

Говорите же, рыцарь.

– Увы, сир!

– Откуда вы приехали?

– Из Испании.

– Мы давно больше не ждем из этой страны ничего хорошего. Все, что вы скажете, нисколько нас не удивит.

– Сир, король Кастилии погубил сестру нашей королевы.

Карл в ужасе отшатнулся.

– Он повелел убить ее после того, как опозорил клеветой.

– Убита! Моя сестра убита! – восклицал побледневший король. – Быть этого не может!

Рыцарь, который стоял, преклонив колено, резко поднялся.

– Сир, не пристало королю обижать подобными словами честного рыцаря, который претерпел много страданий, на службе своему государю, – дрожащим голосом сказал он. – Поскольку вы не желаете мне верить, возьмите перстень королевы. Может быть, ему вы поверите больше, чем мне.

Карл V взял перстень, долго его разглядывал; грудь его стала тяжело вздыматься, а глаза наполнились слезами.

– О, горе, горе! – вздохнул он. – Я узнаю перстень, ведь это мой подарок. Ну вот, Бертран, видишь? Еще один удар, – прибавил он, повернувшись к Дюгеклену.

– Сир, вам следует принести извинения этому храброму молодому человеку за ваши резкие слова, – заметил славный воин.

– Конечно, конечно, – ответил Карл. – Но он меня простит, ибо я подавлен горем и сразу не мог поверить этому, да и сейчас еще не могу.

В эту секунду к ним приблизился второй рыцарь и, подняв забрало шлема, воскликнул:

– А поверите ли вы мне, сир, если я скажу вам то же самое? Поверите ли вы мне, кого вы научили достоинству рыцаря, мне, сыну французского королевского двора, кто так сильно вас любит?

– Сын мой, Анри, сын мой! – воскликнул Карл. – Энрике де Трастамаре! О, благодарю, что ты приехал ко мне в день всех моих несчастий!

– Я приехал, сир, оплакать вместе с вами жестокую смерть королевы Кастилии. Я приехал встать под защиту вашего щита, ибо дон Педро убил не только вашу сестру донью Бланку, но и моего брата дона Фадрике.

Бертран Дюгеклен побагровел от гнева, и в его глазах вспыхнул мстительный огонек.

– Он злодей! – вскричал Дюгеклен. – Будь я королем Франции...

– То что бы ты сделал? – живо обернувшись к нему, спросил Карл V.

– Сир, защитите меня, – просил коленопреклоненный Энрике. – Спасите меня, сир.

– Я постараюсь, – ответил Карл V. – Но почему ты, испанец, приехавший из Испании, ты, так глубоко заинтересо-

ванный в этом деле, затаился, когда этот рыцарь подошел ко мне, почему молчал, когда он говорил!

– Потому, сир, что этот рыцарь, которого я рекомендую вам как одного из благороднейших и честнейших людей, известных мне, – ответил Энрике, – оказал мне большую услугу, и совершенно естественно, что я предоставил ему вполне заслуженную честь, позволив первым говорить с вами. Он вызволил меня из рук командира отряда наемников, был преданным моим спутником, и поэтому никто, кроме него, не мог рассказать обо всем королю Франции лучше, ибо он собственными глазами видел, как умирала королева Кастилии, и держал в руках окровавленную голову моего несчастного брата.

При этих словах, прерываемых слезами и рыданиями Энрике, которые, казалось, раздирали душу Карлу V, Бертран Дюгеклен тяжело топнул ногой по полу.

Энрике, прикрыв глаза железной перчаткой, внимательно наблюдал за тем впечатлением, какое произвели его слова. Их эффект превзошел его ожидания.

– Ну что ж! – воскликнул пылающий гневом король. – Этот рассказ станет известен моему народу, и да покарает меня Бог, если я тоже не выпущу на волю демона войны, которого я так долго держал на цепи в его логове. Пусть я погибну, пусть паду на труп моего последнего слуги! Пусть вся Франция погибнет в этой войне, но сестра моя будет отмщена!

По мере того как Карл V воспламенялся, Бертран все больше погружался в задумчивость.

– Король, подобный дону Педро, позорит трон Кастилии! – воскликнул Энрике.

– Коннетабль, – обратился Карл V к Бертрану, – теперь нам пригодятся ваши три тысячи копий!

– Я собрал их для Франции, а не для того, чтобы переходить с ними через горы, – возразил Дюгеклен. – Это заставит нас вести войну на двух фронтах! Все, что вы сейчас мне сказали, ваше величество, наводит меня на размышления. Пока мы будем воевать в Испании, сир, англичанин вернется во Францию и соединится с отрядами наемников.

– Тогда мы потерпим поражение, – сказал король. – Такова, вероятно, воля Божья, и на сем должны свершиться судьбы королевства! Но все будут знать, почему король Карл загубил свою судьбу. Народы погибнут, но они хотя бы примут смерть за дело, совсем по-другому праведное и совсем по-иному важное, чем война за обладание куском земли или ссора из-за посла.

– Ах, сир, если бы у вас были деньги... – вздохнул Бертран.

– Они у меня есть, – тихо ответил король, словно боясь, как бы его не услышали за стенами комнаты. – Но с помощью денег мы не вернем жизнь ни моей сестре, ни его брату.

– Это правда, сир, но мы за них отомстим! – воскликнул Дюгеклен. – И при этом не опустошим Францию.

– Скажи яснее, – попросил Карл.

– Дело ясное, – сказал Бертран. – На эти деньги мы завербуем командиров наемных отрядов. Этим дьяволам все равно, за кого воевать, им лишь бы получать деньги.

– А я, – робко вмешался в разговор Молеон, – если ваше величество позволит мне сказать несколько слов...

– Выслушайте его, сир, – обратился к королю Энрике. – Несмотря на молодость, он столь же умен, сколь смел и честен.

– Слушаю вас, – сказал Карл V.

– Насколько я понял, сир, эти отряды наемников вам в тягость.

– Они опустошают королевство, рыцарь, разоряют моих подданных.

– Что ж, может быть, как говорил мессир Дюгеклен, найдется способ избавить вас от них...

– Какой же, говорите! – приказал король.

– Сир, все банды сейчас собираются на Соне. Изголодавшиеся вороны, что больше не видят добычи в разоренном войной государстве, они набросятся на первую поживу, какую им укажут. Пусть мессир Дюгеклен, этот цветок рыцарства, которого знает и уважает даже последний из наемников, отправится к ним, возглавит их и поведет в Кастилию, где они найдут много чего пограбить и пожечь, и вы увидите, что они, поверив великому полководцу, поднимут свои стяги и все до единого отправятся в этот новый крестовый поход.

– Но если я поеду к ним, то не возникнет ли опасность, что они возьмут меня в плен и потребуют выкуп? – спросил Бертран. – Я ведь только бедный бретонский рыцарь.

– Правильно, но у тебя в друзьях короли, – ответил Карл V.

– А я скромно предложил бы свои услуги, – сказал Молеон, – чтобы представить вашу милость самому грозному из наемников, господину Гуго де Каверлэ.

– Но кто же вы? – спросил Бертран.

– Никто, мессир, или, по крайней мере, почти никто, но я попал в лапы этих бандитов и научил их уважать мое слово, ибо под мое слово они меня отпустили. И если я покину вашу светлость, то лишь для того, чтобы отвезти им мой долг в тысячу турецких ливров, которые великодушно подарил мне граф Энрике, и завербоваться на год в их отряд.

– Вы будете служить у этих бандитов? – воскликнул Дюгеклен.

– Мессир, я дал слово, – ответил Молеон, – и только на этом условии они меня отпустили. Кстати, когда вы будете командовать ими, это будут уже не бандиты, а солдаты.

– И вы верите, что наемники уйдут? – спросил король, воодушевленный надеждой. – Верите, что они покинут Францию, согласятся оставить королевство?

– Сир, я уверен в том, о чем говорю, – ответил Молеон, – и там в вашем распоряжении будет двадцать пять тысяч солдат.

– А я заведу их так далеко, что ни один из них не вернется во Францию, клянусь вам в этом, мой дорогой король, – сказал Дюгеклен. – Они хотят войны, ну что ж, с Божьей помощью мы им ее дадим.

– Это я и хотел сказать, – продолжал Молеон. – Мессир Бертран дополнил мою мысль.

– Но кто вы? – спросил король, с удивлением глядя на молодого человека.

– Сир, я простой рыцарь из Бигора, – ответил Аженор, – и служу в одном из этих отрядов, как уже говорил вашему величеству.

– Давно ли? – спросил король.

– Уже четыре дня, сир.

– И как вы оказались в отряде?

– Расскажите, рыцарь, – предложил Энрике. – Вы только выиграете от вашего рассказа.

И Молеон рассказал королю Карлу V и Бертрану Дюгеклену историю своей сделки с Каверлэ, снискав восхищение короля, который умел ценить мудрость, и маршала, который знал толк в рыцарском достоинстве.

XV. Как Молеон вернулся к капитану Гуго де Каверлэ и о том, что за этим последовало

Карл V был по-настоящему мудрым, постоянно размышляющим о делах королевства правителем, чтобы сразу же не понять всю ту пользу, которую он может извлечь из создавшегося положения, если события пойдут так, как их намеревался подготовить Молеон. Англичане, лишившись поддержки наемных отрядов – этих цепов, которыми они молотили страну, – неизбежно были бы вынуждены оплачивать войска, заменяющие те отряды, что сами добывали деньги, ведя доходную для себя войну и разоряя королевство. Благодаря этому Франция получила бы передышку, во время которой новые учреждения дали бы французам немного покоя, а королю позволили бы осуществить большие работы, начатые им по украшению Парижа и улучшению финансов.

Что касается войны в Испании, то большого риска Дюгеклен в ней не видел. Французское рыцарство превосходило силой и умением всех рыцарей мира. Поэтому кастильцы должны были потерпеть поражение; кстати, Бертран намеревался не щадить отряды наемников, отлично понимая, что, чем более дорогой ценой достанется ему победа, тем выгоднее она будет для Франции, и чем больше трупов оставит

он на испанских бранных полях, тем меньше грабителей вернется с ним в королевство.

Политика в ту эпоху была совершенно эгоистической, то есть полностью зависела от отдельных людей; никому еще не пришла мысль установить принципы международного права, что упростило бы решение вопросов войны между королями. Каждый сеньор вооружался сам, рассчитывая на собственные ресурсы, на силу убеждения, принуждения или денег, и благодаря силе своего оружия добивался права, которое многие люди признавали за ним.

«Дон Педро казнил своего брата и убил мою сестру, – рассуждал Карл V, – но он будет считать, что был вправе так поступить, если я не сумею ему доказать, что он был неправ».

«Я старший, потому что родился в 1333 году, а мой брат дон Педро – в 1336, – размышлял дон Энрикеде Трастамаре. – Мой отец Альфонс был помолвлен с моей матерью Элеонорой де Гусман; поэтому она, хотя он на ней не женился, действительно была его законной супругой. Только случай сделал меня бастардом, да, случай, так все считают. Но, словно этой главной причины оказалось недостаточно, Небо обрушивает на меня особые оскорбления и взывающие к мести преступления моих врагов.

Дон Педро хотел опозорить мою жену, он убийца моего брата Фадрике, наконец, он убил сестру короля Франции. Посему у меня есть основания свергнуть дона Педро, ибо, если мне это удастся, я, по всей вероятности, займу на троне

его место».

«Король по праву и законнорожденный, я женился по договору, сделавшему Францию моей союзницей, на юной принцессе королевской крови по имени Бланка Бурбонская, – рассуждал дон Педро. – Вместо того, чтобы любить меня, как предписывал супружеский долг, она полюбила моего брата дона Фадрике, и, словно мало было того, что меня принудили к этому политическому союзу, моя жена встала против меня на сторону моих братьев Тельо и Энрике, которые воюют со мной. Это преступление – государственная измена. Более того, она осквернила мое имя с моим третьим братом, доном Фадрике, а подобное преступление карается смертной казнью; я казнил дона Фадрике и Бланку – это мое право».

Правда, когда дон Педро оценивал свое положение, желая убедиться, прочная ли опора у этого права, он видел, что на его стороне лишь кастильцы, мавры и евреи, тогда как за доном Энрике де Трастамаре стоят Арагон, Франция и папа римский. Силы были неравные, и изредка это заставляло дона Педро, одного из умнейших королей той эпохи, втайне думать, что, хотя вначале он оказался прав, все может закончиться тем, что право будет не на его стороне.

Все приготовления при дворе Франции быстро закончились. Король Карл потратил лишь столько времени, сколько ему понадобилось, чтобы передать меч коннетабля в руки Бертрану Дюгеклену и произнести перед знатью и принца-

ми речь, в которой он, сначала объявив о чести, оказанной им бретонскому дворянину, призвал их повиноваться новому главнокомандующему. Потом, поскольку для задуманной кампании прежде всего надлежало добиться сотрудничества наемных отрядов, сохраняя это в тайне из страха перед тем, что Педро за большие деньги сможет купить не помощь их командиров в Испании, но их пребывание во Франции (это, естественно, помешало бы королю Карлу V перенести войну за границы страны), король Карл V простился с Бертрамом Дюгекленом и рыцарем Молеоном, который должен был представить коннетабля наемникам.

Граф Энрике де Трастамаре, заручившийся поддержкой короля Карла, следовал с ними как обыкновенный рыцарь.

Поездка совершалась без пышности. Послов короля сопровождали только личные оруженосцы, прислуга и дюжина солдат.

Вскоре послы увидели Сону и бесчисленные палатки наемников; опустошая терзаемые ими окраины Франции, их отряды постепенно продвигались к центру страны, словно охотники, гонящие перед собой дичь; они, подобно другой орде варваров, ждущих нового Аэция,¹⁰⁶ объединили свои знамена на плодородных равнинах.

Аженор поехал вперед, для безопасности оставив конне-

---

¹⁰⁶ Римский полководец Аэций (около 390–454) в 451 г. вместе со своими союзниками-варварами разгромил на Католаунских полях полчища вождя гуннских племен Аттилы.

табля в укрепленном замке Ларошпо, пока принадлежавшем королю Карлу; приняв эту меру предосторожности, он сразу же решительно бросился в по-прежнему расставленные сети наемных отрядов.

Он попался в западню, устроенную отрядом, командир которого был почти столь же знаменит, как и мессир Гуго де Каверлэ; его звали Смельчак, в этот день он стоял в авангарде. Аженора привели к нему, но, поскольку Молеон не намеревался дважды выплачивать выкуп, он потребовал повести его к господину Гуго де Каверлэ, в палатку которого его ввел сам Смельчак.

Грозный предводитель наемников удовлетворенно зарычал, увидев своего бывшего пленника, или, вернее, своего будущего товарища.

Не говоря ни слова, Аженор подтолкнул вперед Мюзарона, который достал из кожаного, плотно набитого благодаря щедрости графа Энрике и короля Карла V мешочка тысячу турецких ливров, разложив их на столе.

– О, вот истинно благородный поступок, дружище, – сказал мессир Гуго де Каверлэ, когда последняя стопка серебряных монет поднялась рядом с девятью другими. – Признаться, я не ждал, что снова увижу тебя так скоро. Значит, ты свыкся с мыслью, сперва сильно тебя напугавшей, жить среди нас?

– Да, капитан, ведь настоящий солдат может жить всюду, и так, как ему нравится. И кстати, я подумал, что добрая но-

вость всегда приходит вовремя, а я везу вам такую необыкновенную новость, которой, я уверен, вы даже и ожидать не могли.

– Вот как?! – воскликнул Каверлэ; услышав эти слова, он стал опасаться козней Молеона, который мог взять назад свое слово. – Ну и ну! Необыкновенную новость, говоришь?

– Господин капитан, недавно я говорил о вас королю Франции, – продолжал Молеон, – к кому, как вы знаете, меня послала перед смертью его сестра, и рассказал ему о той бескорыстной учтивости, с какой вы отнеслись ко мне.

– Ага! – хмыкнул польщенный Каверлэ. – Значит, он меня знает, король Франции?

– Разумеется, капитан, ведь вы так долго опустошали его королевство, что он не может о вас забыть: вопли сожженных живьем монахов, рыдания изнасилованных женщин, жалобы обложенных выкупом горожан заставляют победным звоном звучать ваше имя в его ушах.

Под своими черными доспехами Каверлэ трясся от гордости и удовольствия; в радости этой железной статуи было что-то зловещее.

– Значит, король знает меня, – повторил он, – значит, королю Карлу Пятому известно имя капитана Гуго де Каверлэ.

– Король знает ваше имя и помнит о вас, за это я ручаюсь.

– И что же он сказал обо мне?

– Король сказал: «Шевалье, отправляйтесь к славному капитану Гуго», а еще он прибавил...

Капитан словно прильнул глазами к губам Молеона.

– А еще он прибавил: «Я отправлю к нему одного из первых моих слуг».

– Одного из первых слуг?

– Да.

– Надеюсь, дворянина.

– Конечно, черт побери!

– Известного человека?

– О, даже знаменитого.

– Больно много чести оказывает мне король Франции, – заметил Каверлэ, снова переходя на насмешливый тон. – Значит, ему что-то от меня нужно, доброму королю Карлу Пятому.

– Он хочет обогатить вас, капитан.

– Молодой человек, полегче! – с неожиданной холодностью вскричал наемник. – Вы со мной не шутите, ибо подобная игра дорого обходилась тем, кто хотел подшутить надо мной. Может быть, королю Франции хочется получить от меня кое-что... ну, к примеру, мою голову; это, по-моему, его порадовало бы. Но сколь бы хитро он ни взялся за дело, я, шевалье, просто в отчаянии и должен признаться, что ему не видать ее даже при вашем вмешательстве.

– Вот что значит вечно творить зло, – серьезно ответил Молеон, благородство которого почти вызывало уважение у бандита. – Люди не доверяют никому, всех подозревают и клеветают даже на короля, заслужившего в своем королев-

стве звание честнейшего человека. Я начинаю думать, капитан, – прибавил он с сомнением, – что король ошибся, по-слав меня к вам: только принцы оказывают друг другу подобную честь, а сейчас вы говорите, как главарь банды, но не как принц.

– Ну-ну! – заметил Каверлэ, слегка смущенный такой дерзостью. – Никому не доверять, мой друг, означает быть мудрым. Да и, говоря откровенно, разве я могу приглянуться королю после воплей сожженных живьем монахов, рыданий изнасилованных женщин и жалоб обложенных выкупом горожан, о чем вы столь красноречиво распространялись только что!

– Отлично, теперь я понимаю, что мне надо делать, – сказал Молеон.

– Ну и что же вам надо делать? – спросил капитан Гуго де Каверлэ.

– Мне остается сообщить послу короля, что его поручение не выполнено, ибо командир наемников не доверяет слову короля Карла Пятого.

И Молеон направился к выходу из палатки, чтобы исполнить свою угрозу.

– Эй, постойте! – крикнул Каверлэ. – Я ни слова не сказал о том, о чем вы думаете, и даже не думал о том, о чем вы говорите. Впрочем, отослать назад этого рыцаря мы всегда успеем. Наоборот, дорогой друг, вызовите его сюда, и он будет желанным гостем.

– Король Франции не доверяет вам, мессир, – холодно возразил Молеон. – И он не разрешит одному из своих главных слуг приехать к вам в лагерь, если вы не дадите ему твердых гарантий.

– Клянусь печенкой папы, вы меня оскорбляете, приятель! – закричал Каверлэ.

– Нисколько, дорогой мой капитан, – ответил Молеон, – ведь вы сами подали пример недоверия.

– Бес меня забери, разве мы не знаем, что посланца короля никто не смеет тронуть, даже мы, для кого закон не писан? Он что, особенный?

– Может быть, – сказал Молеон.

– Тогда из любопытства я хочу на него взглянуть.

– В таком случае подпишите, как положено, охранную грамоту.

– Это проще простого.

– Конечно, но вы здесь не один, капитан, хотя я приехал именно к вам, ведь вы первый из всех, и у меня то преимущество, что я знаком с вами, но не знаю других командиров.

– Значит, послание адресовано не только мне? – спросил Каверлэ.

– Да, всем командирам наемных отрядов.

– Выходит, добрый король Карл хочет обогатить не одного меня? – насмешливо спросил Каверлэ.

– Король Карл достаточно могуч, чтобы обогатить, если пожелает, всех грабителей королевства, – отпарировал Мо-

леон со смехом, который своей язвительностью превосходил насмешки капитана Каверлэ.

Видимо, так и следовало разговаривать с главарем наемников: эта острота развеяла его дурное настроение.

– Позовите моего письмоводителя, – приказал Каверлэ, – и пусть он составит охранную грамоту по всей форме.

Вперед выступил высокий, худой, робкий человек, одетый в черное: это был учитель из соседней деревни, которого капитан Гуго де Каверлэ на время возвел в звание своего секретаря.

Под присмотром Мюзарона он выправил самую точную и правильную охранную грамоту, которая когда-либо стекала на пергамент с пера сего ученого мужа. После этого капитан, поручив пажу призвать к нему собратьев, самых знаменитых бандитов, для начала приложил набалдашник своего кинжала (либо он не умел писать, либо по одному ему известной причине не хотел снимать свою железную перчатку) под текстом грамоты и попросил других командиров поставить под собственной монограммой свои кресты, печати, подписи; исполняя сию процедуру, командиры обменивались шутками, считая себя выше всех принцев на свете: ведь они выдавали охранную грамоту посланцам короля Франции.

Когда пергамент был усеян всеми печатями и подписями, Каверлэ повернулся к Молеону.

– И как же зовут посла?

– Вы узнаете его имя, когда он приедет и если он соизво-

лит вам его сообщить, – ответил Аженор.

– Это какой-нибудь барон, – со смехом сказал Смельчак, – у которого мы сожгли замок и отняли жену, приезжает посмотреть, нет ли возможности выменять свою целомудренную супругу на своего коня и ловчих соколов.

– Готовьте ваши лучшие доспехи, – с гордостью посоветовал Молеон, – прикажите вашим пажам, если они у вас есть, надеть самые богатые костюмы и молчите, когда тот, о ком я объявлю, войдет, если потом не хотите сожалеть о том, что совершили большую ошибку для людей, сведущих в воинском деле.

И Молеон вышел из палатки, как человек, сознающий тяжесть удара, который ему предстоит нанести. Ропот сомнения и удивления послышался среди командиров.

– Он сумасшедший, – прошептал кто-то.

– О, вы его совсем не знаете, – возразил Каверлэ. – Да нет, он не сумасшедший, хотя от него можно ждать любых неожиданностей.

Прошло полдня. Лагерь вновь обрел свой привычный вид. Одни солдаты купались в реке, другие под деревьями пили вино, третьи просто валялись на траве. Можно было видеть шайки мародеров, чье возвращение сопровождалось криками радости и воплями горя; вместе с ними появлялись растрепанные женщины, избитые мужчины, которых волокли, привязав к хвостам лошадей. Ревущую скотину, что рвалась из рук новых хозяев, затаскивали под навесы, забивали и тут

же разделявали на ужин, тогда как командиры проверяли результаты вылазки и забирали свою долю добычи, правда, не без серьезных стычек с пьяными или голодными солдатами.

Чуть поодаль обучали новобранцев. Это были крестьяне, вырванные из родных хижин и насильно взятые в отряд, которые через три-четыре года забудут о прошлой жизни и станут, подобно их новым товарищам, кровожадными грабителями; армии слуг, толпы каких-то оборванцев играли в карты или готовили пищу для хозяев. Разбитые бочки, украденные кровати, поломанная мебель, разодранные матрасы усеивали землю, а огромные бездомные псы, сбившись в стаи и рыская среди этих групп людей в поисках пропитания, обворовывали грабителей и вызывали плач испуганных детей, неизвестно каким образом оказавшихся здесь.

У ворот лагеря, который мы пытались изобразить, внезапно громко зазвучали фанфары четырех трубачей; впереди везли белое знамя, усеянное бесчисленными лилиями, которые в ту эпоху еще были гербом Франции.¹⁰⁷ Сильное оживление сразу же охватило лагерь наемников. Забили в барабаны, младшие офицеры кинулись собирать отставших солдат и занимать главные посты. Вскоре между плотными рядами удивленных, любопытных солдат медленно проследовал торжественный кортеж. Впереди ехали четыре трубача, чьи фанфары разбудили лагерь; потом герольд, который, высоко

---

¹⁰⁷ Именно Карл V спустя несколько лет уменьшил число лилий до трех, в честь Святой Троицы (примеч. автора)

подняв его на руках, держал обнаженный меч коннетабля с широким, украшенным лилиями лезвием и золотой рукоятью; наконец, держась на несколько шагов впереди дюжины всадников – вернее, дюжины железных статуй, – ехал, опустив забрало, горделиво сидевший в седле рыцарь. Его могучий черный конь нетерпеливо грыз позолоченные удила; на боку у рыцаря висел длинный боевой меч, рукоять которого была отполирована до блеска от долгого употребления.

Рядом с рыцарем, хотя чуть позади, шел Молеон. Он вел всю группу к главному шатру, где собрались на совет командиры наемников.

Изумленный лагерь, который еще за минуту до этого громко шумел, застыл в ожидании.

Тот, кто, казалось, был главой этого отряда, спешился, приказал поднять королевское знамя под звуки фанфар и вошел в шатер.

При его появлении сидевшие командиры даже не привстали и с ухмылкой переглянулись.

– Это знамя короля Франции, – тихим и проникновенным голосом сказал рыцарь, склоняясь перед ним.

– Мы хорошо знаем это знамя, – ответил мессир Гуго де Каверлэ, вставая навстречу незнакомцу, – но ждем, когда посланец короля Франции назовет свое имя, чтобы мы могли поклониться ему, как он сам только что поклонился гербу своего властелина.

– Я – Бертран Дюгеклен, коннетабль Франции, – скромно

ответил рыцарь, открывая забрало шлема, – и послан славным королем Карлом Пятым к господам командирам наемных отрядов, да пошлет им Бог всяческую радость и благополучие.

Едва он произнес эти слова, все головы обнажились, все мечи были выхвачены из ножен и с ликованием подняты вверх; уважение, или, вернее, восторг, выразился в громких криках; этот электрический разряд вспыхнул и быстро, словно горящий порох, воспламенил весь лагерь; вся армия, скрестив пики и мечи, кричала за порогом шатра:

– Ура! Ура! Слава доброму коннетаблю!

Бертран Дюгеклен с обычной скромностью поклонился и под гром рукоплесканий помахал всем рукой.

XVI. Как командиры наемных отрядов обещали мессиру Бертрану Дюгеклену пойти за ним на край света, если он пожелает их вести

Первый порыв восторга вскоре уступил место вниманию, такому напряженному, что слова коннетабля, произнесенные со спокойной силой, пронзили плотную толпу и ясно, отчетливо донеслись в дальние концы лагеря, где им жадно внимали солдаты.

– Сеньоры капитаны, король Франции прислал меня к вам для того, чтобы я вместе с вами свершил одно деяние, которое, наверное, достойно лишь столь храбрых воинов, как вы, – начал Бертран с той почти заискивающей вежливостью, что завоевывала ему сердца всех, кто имел с ним дело.

Вступление было лестным, хотя – основное свойство ума господ командиров наемных отрядов составляла недоверчивость – итогом его стало то, что незнание цели, к которой стремился коннетабль, охладило энтузиазм слушателей; Дюгеклен понял, что надо говорить дальше и, воспользовавшись первым впечатлением, вызванным им, продолжал:

– Каждому из вас хватает славы, чтобы он желал прославиться еще больше; но никто не владеет таким богатством, чтобы сказать себе: хватит, я вполне богат. Кстати, каждый

из вас должен переживать такие минуты, когда он жаждет примирить воинскую славу с выгодой, которую она обязана приносить. Так вот, благородные капитаны, представьте себе, что вы стоите во главе похода на богатого и сильного государя, и добыча, доставшаяся вам по праву законной войны, будет вашими столь же славными, сколь и выгодными трофеями. Я, как и вы, тоже наемник, как и вы, я тоже искатель удачи. Но, сеньоры, разве вы не устали, подобно мне, от того гнета, которому все мы подвергаем врагов, что слабее нас? Неужели у вас нет желания вместо стонов детей и криков женщин, которые я слышал, проезжая через ваш лагерь, услышать зов труб, возвещающих настоящую битву, и рык врага, с которым надо сразиться, чтобы его одолеть! Храбрые рыцари всех народов, каждый из вас должен блюсти честь своей родины; разве кроме славы и богатства, которые я вам обещал, вам не принесет счастье объединение ради дела, что прославит человечество? Ибо, в конце концов, какую жизнь ведем мы, солдаты? Ни один избранный Богом государь не позволяет нам грабить и бесчинствовать. Та кровь, что мы проливаем, иногда требует отмщения, ее глас вопиет не только к Небу, но и невольно терзает нашу душу, огрубевшую в ужасах войны. Разве после жизни, подчиненной превратностям и причудам судьбы, мы, став солдатами великого короля, защитниками Бога, наконец, богатыми и сильными людьми, не увидим, как сбудется истинное предназначение каждого мужчины, который посвящает себя

суровому ремеслу рыцарства?

На этот раз долгий шепот одобрения пробежал по рядам командиров, ибо на них очень сильно действовал голос этого самого мощного сокрушителя копий, самого крепкого борца в поединках того времени. В дни битвы все они видели Бертрана в деле, многие испытали на себе остроту его меча или тяжесть его палицы, поэтому командирам казалось достойным присоединиться к мнению столь славного воина.

– Сеньоры, вот план, исполнение которого мне поручил наш славный король Карл Пятый, – продолжал Дюгеклен, очень довольный эффектом, что произвела первая часть его речи. – Мавры и сарацины¹⁰⁸ вернулись в Испанию еще более наглыми и жестокими, чем прежде. В Кастилии король еще более дерзкий и жестокий, нежели сарацины и мавры; этот человек, господа, убил своего брата; этот рыцарь, носящий цепь и золотые шпоры, умертвил собственную жену, сестру нашего короля Карла; наконец, этот наглец своим преступлением бросил вызов законам рыцарства всего мира, ибо, если подобное преступление останется безнаказанным, то это будет означать, что на земле больше нет рыцарей.

Эта часть речи Дюгеклена почти не произвела впечатления на наемников. Убийства брата и жены короля, хотя и казались им несколько незаконными поступками, не представлялись им теми преступлениями, ради отмщения которых

---

¹⁰⁸ Сарацины – древнее кочевое племя Аравии; в средние века так называли всех мусульман, живших в Испании и Африке.

надо было беспокоить двадцать пять тысяч честных солдат. Дюгеклен заметил, что интерес к его делу слабеет, но ничуть не пал духом:

– Подумайте, сеньоры, был ли хоть однажды крестовый поход столь же славным, а главное – столь же выгодным. Вы знаете Испанию, кое-кто из вас облазил ее вдоль и поперек, все вы слышали о ней. Испания – страна серебряных рудников! Испания – страна дворцов, набитых сокровищами арабов! Мавры и сарадины спрятали в Испании богатства, награбленные ими на половине земли! В Испании женщины так прекрасны, что ради одной из них король Родриго погубил свое королевство! Так вот, туда я и приведу вас, сеньоры, если вы сообразовите пойти за мной, потому что именно в Испанию я и направляюсь с некоторыми из моих добрых друзей, выбранных среди лучших копий Франции; именно в Испанию я и направляюсь, чтобы убедиться, столь же трусливы рыцари дона Педро, как их властелин, и чтобы испытать, равна ли закалка их мечей закалке наших боевых топоров. Предстоит прекрасная поездка, сеньоры капитаны, согласны ли вы принять в ней участие?

Коннетабль закончил речь одним из тех своих откровенных жестов, которые почти всегда склоняли на его сторону любое общество. Гуго де Каверлэ (во время торжественного обращения коннетабля он, казалось, едва мог усидеть на месте, словно бес войны прищипоривал под ним боевого коня) обошел круг командиров, спрашивая мнение каждо-

го, и вскоре все стали подходить к нему, спеша высказаться; потом Каверлэ вернулся к Бертрану Дюгеклену, который, опершись на длинный меч, спокойно, не обращая внимания на то, что все солдаты пожирают его глазами, беседовал с Аженором и Энрике де Трастамаре, чье сердце сильно билось с самого начала этой сцены: ведь для него, совершенно неизвестного этой толпе, результатом этой речи оказывались трон или безвестность, то есть жизнь или смерть. Человеку подобного склада сердце заменяет честолюбие, для которого любая рана смертельна.

Обсуждение заняло всего несколько минут; затем воцарилась глубокая тишина, и к коннетаблю подошел Гуго де Каверлэ.

– Многоуважаемый сеньор Бертран Дюгеклен, – начал он, – славный воин, брат и боевой товарищ, вы, кто сегодня служит зеркалом рыцарства, можете быть уверены, что мы, зная вашу храбрость и вашу честность, готовы служить вам. Вы будете нашим предводителем, а не нашим союзником, будете нашим полководцем, а не просто одним из нас. Во всех невзгодах и боях мы будем с вами, мы пойдем за вами на край света. Будь это мавры, сарацины или испанцы, скажите только слово, и мы пойдем на них. Правда, среди нас много английских рыцарей, которые верны королю Эдуарду III,¹⁰⁹ и

---

¹⁰⁹ Эдуард III (1312–1377) – король Англии, который начал Столетнюю войну (1337–1453) с Францией.

его сыну, принцу Уэльскому¹¹⁰ поэтому они будут сражаться против всех, кроме своих сюзеренов. Устраивает ли это вас, славный воин?

Коннетабль поклонился, выказывая командирам все знаки глубокой признательности, и сказал еще несколько слов, чтобы поблагодарить за честь, которую столь доблестные воины пожелали ему оказать, и при этом Бертран несколько не кривил душой. Подобное почтение, оказанное его высокой должности, льстило мужчине четырнадцатого века, вся жизнь которого была жизнью солдата.

Новость о решении командиров вызвала в лагере неопиваемый восторг. Ведь наемники, действительно, вели изнурительную жизнь, отбиваясь от объединившихся против них крестьян, воюя против изгородей и оврагов, голодая среди изобилия, испытывая тоску от своих побед. Жить в другой, почти неведомой стране, на почти нетронутой земле, под ласковым небом, сменить вина и женщин, захватить у испанцев, мавров и сарацинов богатую добычу – такова была их мечта, которая прекрасно согласовывалась с той действительностью, что предводителем у них будет зеркало европейского рыцарства, как назвал коннетабля мессир Гуго де Каверлэ.

Поэтому Бертран Дюгеклен был принят с неистовым вос-

---

¹¹⁰ Эдуард (1330–1376), старший сын Эдуарда Ш; полководец, прославившийся победами в битвах при Креси и Пуатье. Носил латы черного цвета и поэтому получил прозвище Черный принц. В описываемое в романе время был правителем Гиени, принадлежавшей толщ Англии.

торгом, и в палатку, приготовленную ему на самом видном и высоком месте лагеря, он прошел под сводом из копий, скрещенных над его головой наемниками, которые склонились не перед знаменем Франции, но перед человеком, принесшим это знамя.

– Сеньор, вы должны быть довольны, самое трудное дело позади, – сказал Бертран Энрике де Трастамаре, когда они вошли в палатку (в это время Гуго де Каверлэ и Смельчак поздравляли Аженора с возвращением, особенно с теми обстоятельствами, какими оно сопровождалось). – Мы все тоже довольны. Эти наемники, словно жаждущие крови мухи, облепят мавров, сарацинов, испанцев и будут больно их жалить. Устраивая свои дела, они устроят и ваши; обогащаясь, они посадят вас на трон. Чтобы уничтожить половину этих бандитов, я рассчитываю на андалусскую лихорадку, горные пропасти, переправы через реки, чье стремительное течение уносит лошадей и всадников, на их пьянство и разврат. Другая половина, я надеюсь, погибнет под ударами сарацинов, мавров и испанцев, которые послужат добрыми молотами для этих наковален. Поэтому в любом случае победителями окажемся мы. Я посажу вас на трон Кастилии и, к великому удовольствию доброго короля Карла, вернусь во Францию вместе с моими солдатами, которых сохраню, принеся в жертву этих знаменитых негодяев.

– Разумеется, мессир, – заметил глубоко задумавшийся Энрике де Трастамаре. – Но не опасаетесь ли вы какого-ни-

будь неожиданного решения короля дона Педро? Это умелый полководец и изобретательный ум.

– Я так далеко не заглядываю, сеньор, – ответил Дюгеклен. – Чем труднее нам будет, тем больше мы добудем славы, а также оставим побольше всяких каверлэ и смельчаков в славной кастильской земле. Меня тревожит только вступление в Испанию: ведь это означает войну с королем доном Педро, с его сарацинами и маврами. Но нельзя вести войну с объединенными провинциями Испании: пятисот наемных отрядов для этого не хватит, и прокормить армию в Испании куда труднее, чем во Франции.

– Поэтому я поеду вперед и предупрежу моего друга короля Арагона, который из любви ко мне и из ненависти к королю дону Педро позволит вам беспрепятственно пройти через свои владения, оказав помощь пропитанием, людьми и деньгами, – предложил Энрике. – Так что, если нас вдруг разобьют в Кастилии, мы будем иметь надежный путь к отступлению.

– Сразу видно, сеньор, что вы были вскормлены и воспитаны у доброго короля Карла, который одаряет мудростью всех, кто его окружает, – обрадовался коннетабль. – Ваш совет исполнен осмотрительности. Поезжайте, но остерегайтесь попасть в плен, не то война закончится, так и не начавшись, ибо, если я не ошибаюсь, мы сражаемся за то, чтобы свергнуть одного короля, а не за что-либо еще.

– Ах, мессир, – сказал Энрике, уязвленный пронизатель-

ностью человека, которого он считал неотесанным воякой, — разве вы, когда король дон Педро будет свергнут, не будете счастливы заменить его верным другом Франции?

— Поверьте мне, ваша милость, король дон Педро был бы верным другом Франции, если бы Франция хоть чуть-чуть хотела быть другом короля дона Педро. Но суть спора не в этом, и вопрос решен в вашу пользу. Этот нечестивый убийца, этот христианский король, который позорит христианство, должен быть наказан, и вы, так же как и любой другой, годитесь на то, чтобы сыграть роль Божьего суда. А теперь, ваша милость, раз между нами все договорено и решено, немедленно поезжайте, потому что мне не терпится вместе с наемными отрядами быть в Испании раньше, чем король дон Педро успеет развязать свой кошелек и, как вы изволили заметить, выкинет какую-либо штуку, на что он большой мастак.

Энрике промолчал, чувствуя себя до глубины души оскорбленным этим покровительством, которое ему было необходимо сносить от простого дворянина из-за страха потерпеть неудачу в своей затее завладеть тронном. Но корона, которая мерещилась ему в честолюбивых мечтах о будущем, служила утешением за мимолетное унижение.

Поэтому, когда Бертран повез главных командиров наемных отрядов в Париж, где король, осыпая их почестями и щедрыми подарками, склонял к тому, чтобы они с готовностью гибли за него на королевской службе, Энрике вместе с

Аженором – с ним был его верный Мюзарон – отправились назад в Испанию, избегая двигаться по дороге, по какой они ехали во Францию, из-за опасений, что их опознают люди, которые могли бы доставить им неприятности, хотя у них были надежные охранные грамоты, выданные капитаном Гуго де Каверлэ и мессиром Бертраном Дюгекленом.

Они свернули вправо, что, кстати было самым коротким путем в Беарн, откуда можно было проехать в Арагон. Следовательно, они обогнули Овернь, проследовали берегом реки Везер и в Кастийоне переправились через Дордонь.

Энрике, почти уверенный в том, что никто его не узнает в скромных доспехах и под видом никому не ведомого рыцаря, хотел лично убедиться, как относятся к нему англичане, и попытаться, если возможно, привлечь на свою сторону принца Уэльского. Ему казалось, что этого вполне можно было добиться, если учесть, с какой охотой капитаны последовали за Бертраном Дюгекленом, хотя их поспешность указывала, что принц Уэльский еще не принял решения, к кому ему примкнуть. Иметь союзником сына Эдуарда III (еще ребенком принц Уэльский заработал себе шпоры в битве при Креси, молодым человеком разбил короля Иоанна при Пуатье) означало не только удвоить моральную силу дела донна Энрике, но и бросить на Кастилию еще пять-шесть тысяч копий, ибо столько солдат мог выставить принц Уэльский, не ослабляя своих гарнизонов в Гиени.

Принц Уэльский держал свой лагерь, или, вернее, двор, в

Бордо. Поэтому, поскольку с Францией мир не был заключен, а было установлено перемирие, оба рыцаря без труда проникли в город; правда, был вечер праздничного дня, и по причине суматохи на них не обратили внимания.

Аженор предложил графу Энрике де Трастамаре остановиться вместе с ним у своего опекуна, мессира Эрнотона де Сент-Коломба, имевшего в городе дом; но, опасаясь, что Молеон недостаточно твердо будет хранить его инкогнито, граф сначала отверг это предложение; они даже условились: для большей безопасности Молеон проедет Бордо, не повидавшись с опекуном, что Молеон и обещал, хотя ему трудно далось быть совсем рядом с благородным покровителем, заменившим ему отца, и не обнять его. Но, после того как они объездили весь город, обивая пороги постоялых дворов, и убедились, что устроиться в них невозможно ввиду большого наплыва гостей, граф был вынужден вернуться к предложению, сделанному Аженором; поэтому они отправились к жилищу мессира Эрнотона в пригороде Бордо и торжественно поклялись друг другу, что имя графа названо не будет: представят его как простого рыцаря, друга и боевого товарища Аженора.

Впрочем, случай чудесным образом помог нашим путникам. Мессир Эрнотон де Сент-Коломб в это время уехал в Молеон, где имел замок и кое-какие угодья. В Бордо оставалось лишь трое слуг, которые встретили молодого человека так, словно он был не воспитанником, а сыном старого ры-

царя.

Путников радушно принял старый верный слуга, на глазах которого родился Аженор. Кстати, за те четыре года, что Молеон не был в Бордо, дом сильно изменился. Огромный сад, который представлял собой убежище, куда не могли проникнуть солнечные лучи и людские взоры, теперь отделяла от дома высокая стена; казалось, что сад превратился в отдельное жилище.

Аженор расспросил старого слугу и узнал, что сад, где он под сенью ясеней и платанов провел свое беспечное детство, продан опекуном принцу Уэльскому, который выстроил там роскошный дом; в нем он селил тех гостей, кого не мог или не хотел открыто принимать в своем дворце. Ведь к сыну Эдуарда III приезжали придворные из всех стран и посланцы всех королей, потому что он, не потерпев ни единого поражения, у всех пользовался репутацией победителя.

Граф попросил Аженора повторить ему во всех деталях рассказ слуги, поскольку, напомним, он приехал в Бордо с намерением встретиться с Черным принцем и в надежде стать его другом; однако было уже поздно, день был трудным, путники устали, граф приказал своим слугам приготовить ему комнату и сразу после ужина удалился к себе. Аженор последовал его примеру и пошел в свою расположенную на втором этаже комнату, окнами выходившую в прекрасный сад; для него было праздником отправиться в этот сад и сры-вать там, словно цветы прошлого, чудесные воспоминания

своей юности.

Поэтому, вместо того чтобы лечь спать, как это сделал граф, он сел у окна и, глядя со всей нежностью своих двадцати лет на дивные деревья, сквозь кроны которых едва пробивался свет луны, устремился вверх по берегам реки жизни, что обычно покрыты цветами тем больше, чем ближе мы к детству. Небо было чистым, воздух ласковым и тихим; вдалеке, словно серебряная чешуя огромной змеи, поблескивала река; но, благодаря то ли капризу воображения, то ли схожести пейзажей, то ли ароматам апельсиновых деревьев Гие-ни, что сильно напоминают ароматы Португалии и Андалусии, – его мысль на крыльях воображения перенеслась через горы и опустилась к подножью Серра – Да-Эштрела, на берег маленькой речушки, что впадает в Тахо; на другом берегу этой реки он, привлеченный звуками гузлы, впервые сказал о своей любви прекрасной мавританке.

Вдруг в этой упоительной ночи сквозь листву, словно звезда, блеснул огонек, светящийся в таинственном доме; потом – о необъяснимое чудо! – рыцарю показалось, будто ему слышатся звуки гузлы, которые он принял за обман слуха. Трепеща, он вслушивался в эти аккорды, что были лишь прелюдией, но затем чистый, мелодичный голос, который нельзя было забыть, если хоть раз слышал, запел по-кастильски старый романс:

Был на ловле кабальеро,

Возвращаться собирался.
Гончие его устали,
Сокол в чаще затерялся.
Подъезжает рыцарь к дубу —
И в лесу такие редки, —
Видит юную инфанту
Там, на самой верхней ветке.
Ее волосы завесой
Ствол огромный прикрывают.
«Нет здесь чуда, кабальеро,
Пусть ничто вас не пугает.
Я инфанта, дочь кастильских
Короля и королевы.
Когда я была малюткой.
Мне судили феи-девы.
Что одна должна в чащобе
Семь годов я оставаться.
Семь годов прошли, и нынче
Мне пора освободиться.
Вы меня с собой возьмите,
И за это вам воздастся.
Буду вам, сеньор, женою
Иль подругой – как хотите».¹¹¹

Аженор больше не слушал; он вскочил, словно хотел
страхнуть с себя свои видения, и, вперив в платаны сада жад-
ный взгляд, зашептал с лихорадочной надеждой:

---

¹¹¹ Перевод с испанского Д. Самойлова

– Аисса! Аисса!

XVII. Как Аженор нашел ту, которую искал, а граф Энрике – того, кого не искал

Аженор, твердо уверовав в то, что он слышал голос Аиссы, и поддавшись первому порыву, столь естественному для двадцатилетнего юноши, взял меч, накинул плащ и приготовился выбраться в сад. Но в тот момент, когда он уже перекинул ногу через подоконник, Аженор почувствовал на плече чью-то руку; он обернулся и увидел своего оруженосца.

– Сеньор, я всегда обращал внимание на то, – сказал Мюзарон, – что некоторые глупости, совершающиеся в этом мире, делаются тогда, когда люди выходят из дверей, но все остальные, то есть подавляющее большинство глупостей, делаются тогда, когда люди выскакивают из окон.

Аженор рванулся вперед; Мюзарон почтительно, но крепко, удержал его.

– Пусти меня! – приказал молодой человек.

– Ваша милость, я прошу у вас пять минут, – сказал Мюзарон. – Через пять минут вы будете вольны совершать все глупости, какие ни пожелаете.

– Ты знаешь, куда я иду? – спросил Молеон.

– Догадываюсь.

– А тебе известно, кто находится в саду?

– Мавританка.

– Там Аисса, как ты сам сказал. И неужели ты думаешь меня удержать?

– Это зависит от того, будете вы разумным или безрассудным.

– Что ты хочешь сказать?

– Что мавританка не одна.

– Да, конечно, она с отцом, который ни на минуту не оставляет ее.

– А разве отца не охраняет постоянно дюжина мавров?

– Ну и что?

– Как что? Они бродят в саду под тенью деревьев. Вы натолкнетесь на одного из них и убьете его. На крик прибежит второй, вы и его прикончите. Но примчатся третий, четвертый, пятый, завяжется схватка, бой, зазвонят мечи. Вас узнают, схватят, может быть, убьют.

– Пускай, но я увижу ее!

– Тьфу! Погибнуть из-за мавританки!

– Я хочу встретиться с ней.

– Я не могу помешать вам, но встречайтесь с ней без риска.

– У тебя есть такая возможность?

– У меня нет, но граф может ее вам предоставить.

– При чем тут граф?

– При том. Неужели вы думаете, что он меньше вашего интересуется присутствием Мотриля в Бордо, и, узнав, что

мавр здесь, не проявит столь же большого желания, как и вы, выяснить, чем занимается здесь отец, тогда как вы желаете узнать, чем занята его дочь.

– Ты прав, – согласился Аженор.

– Ага! Теперь-то вы понимаете, – заметил довольный Мюзарон.

– Хорошо! Ступай разбуди графа. А я останусь здесь, чтобы не спускать глаз с этого огонька.

– Но хватит ли у вас терпения нас дожидаться?

– Я буду слушать, – ответил Аженор.

Нежный голос продолжал звучать в ночи; ему вторили струны гузлы. Перед глазами Аженора был уже не сад в Бордо, а сад алькасара; перед ним был не белый дом принца Уэльского, а мавританский домик, увитый плющом. Каждый звук гузлы все глубже проникал в его сердце, постепенно наполнявшееся восторгом. Едва он почувствовал себя в одиночестве, как с шумом открылась дверь и вошел Мюзарон; за ним следовал граф, закутанный в плащ и державший в руке меч.

В нескольких словах дон Энрике был посвящен в суть дела. Аженор, ничего не утаивая, рассказал ему о своих прежних отношениях с прекрасной мавританкой и о дикой ревности Мотриля.

– Именно поэтому вы должны попытаться поговорить с этой женщиной, – сказал граф. – От нее мы узнаем больше, чем от всех шпионов на свете. Женщина, которую держат в

рабстве, часто властвует над своим деспотом.

– Вы правы, правы! – вскричал Молеон, сгоравший от нетерпения мчаться к Аиссе. – Я готов выполнить приказы вашей светлости.

– Вы уверены, что слышали именно ее голос?

– Так же, как я уверен в том, что слышу вас, ваша светлость. Это ее голос доносится оттуда, он еще звучит в моих ушах и выведет меня на свет из мрака ада.

– Прекрасно! Но трудность в том, чтобы проникнуть в дом, не натолкнувшись на охрану.

– Мы тоже так думаем, ваша милость!

– Разумеется, я пойду с вами, понятно, что я буду держаться в стороне, чтобы дать вам свободно поговорить с вашей возлюбленной.

– В таком случае нам больше нечего бояться, ваша светлость. Два таких воина, как вы и я, стоят десяти христиан и двадцати мавров.

– Да, но они устраивают скандал, убивают и на другой день вынуждены бежать, принося в жертву пустому фанфаронству успех важного дела. Поэтому будем благоразумны, шевалье; вы должны встретиться с вашей возлюбленной, соблюдая необходимую осторожность. Главное, остерегайтесь потерять ваш кинжал либо в саду, либо в комнатах отца или ревнивого мужа. Я потерял женщину, которую любил больше всего на свете потому, что забыл свой кинжал в комнате дона Гутьере.

– Да, осторожность и еще раз осторожность! – пробормотал Мюзарон.

– Конечно, но проявляя чрезмерную осторожность, мы рискуем потерять Аиссу, – возразил Аженор.

– Успокойтесь, – сказал Энрике. – Даю слово принца, что, если я когда-либо взойду на трон Кастилии, первой я отниму у мавров Аиссу. А пока давайте побережем этот трон.

– Я жду приказаний вашей светлости, – сказал Молеон, едва сдерживая нетерпение.

– Вот и отлично, – заметил Энрике. – Я вижу, что вы солдат дисциплинированный и для вас же будет лучше находиться под моим началом. Мы офицеры и должны знать уязвимые места позиции. Спустимся в сад, осмотрим стены, а когда отыщем подходящее место, то перелезем.

– Послушайте, сеньор, – вмешался в разговор Мюзарон, – перелезть через стену будет нетрудно, потому что я видел во дворе лестницу. Поэтому все места у стены будут подходящими. Но за стеной караулят мавры с кривыми саблями, с лесом копий. Мой хозяин знает, что я не трус, но когда речь идет о жизни столь знатной особы и столь прославленного рыцаря...

– Не говори вместо графа, – перебил его Аженор.

– Мне нравится этот славный оруженосец, – сказал Энрике, – он осторожен и будет очень надежен в арьергарде. Перахо, вы с оружием? – громко спросил он, обращаясь к своему оруженосцу, который стоял в дверях.

– Да, ваша милость, – ответил тот, кому адресовался вопрос.

– Тогда идите за нами.

Мюзарон убедился, что возражать бесполезно. Он добился лишь того, что они вышли через дверь и спустились в сад по лестнице. Впрочем, как всегда, когда он принимал решение, Мюзарон смело принялся за дело. Во дворе действительно была лестница, которую он приставил к стене. Граф пожелал лезть первым, за ним последовал Аженор, потом Перахо; последним взобрался Мюзарон и убрал лестницу.

– Стереги лестницу, – приказал граф. – Своей осмотрительностью ты внушил мне полное доверие.

Мюзарон уселся на нижнюю перекладину; Перахо расположился шагах в двадцати поодаль, спрятавшись за смоковницей, а Энрике и Аженор пошли вперед в тени больших деревьев, которая, естественно, скрывала их от взглядов тех, кто мог стоять на свету.

Вскоре они подошли к дому так близко, что вместо умолкнувших звуков гузлы услышали вздохи музыкантши.

– Граф, подождите меня под сводом жимолости, – сказал Аженор, который был уже не в силах ждать, – не пройдет и десяти минут, как я поговорю с мавританкой и узнаю, зачем ее отец приехал в Бордо. Если на меня нападут, не подвергайте опасности вашу жизнь и возвращайтесь к лестнице. Я дам вам знать, крикнув: «На стену!»

– Если на вас нападут, – ответил Энрике, – то помните,

шевалье, что, наверное, никто, кроме моего брата короля дона Педро и моего сеньора мессира Дюгеклена, не владеет длинной шпагой¹¹² лучше меня. Тогда, шевалье, я докажу вам, что не хвастаюсь по-пустому.

Аженор поблагодарил графа, исчезнувшего в темноте, где глаза рыцаря не могли его разглядеть. Молеон направился к дому, который от леса отделяло пространство, озаренное луной. Он немного помедлил перед тем, как бросить вызов свету. Аженор уже был готов перебежать эту полосу, но в это мгновение боковая дверь дома со скрипом открылась и из нее вышли трое мужчин; они тихо беседовали. Тот, кто прошел совсем рядом с Аженором, который, оцепенев и затаив дыхание, прятался в тени платана, был Мотриль; его легко было узнать по белому бурнусу; рядом шел рыцарь в черных доспехах; третьему сеньору, в пурпурном плаще, прикрывавшем богатый кастильский костюм, предстояло пройти в двух шагах от дона Энрике.

– Сеньор, не надо сердиться на Мотриля за то, что сегодня вечером он отказывается показать вам свою дочь, – весело обратился человек в пурпурном плаще к рыцарю в черном. – Он и мне, кто уже полтора месяца путешествует вместе с ним и ночью и днем, весьма неохотно позволил взглянуть на нее.

Рыцарь в черном что-то ответил, но Аженора нисколько не интересовали его слова. Он страстно желал знать лишь од-

---

¹¹² в оригинале «Estoc», старинное колющее оружие с длинным и тонким лезвием.

но, что сейчас и узнал: Аисса осталась без присмотра. Услышав отцовский голос, она даже встала и, любопытствуя, высунулась из окна, чтобы проводить глазами трех таинственных мужчин.

Рыцарь выскочил из кустов и в два прыжка оказался под окном, расположенном на высоте двадцати футов.

– Аисса, ты узнаешь меня? – спросил он.

Сколь бы сильно девушка ни владела собой, она, невольно вскрикнув, отпрянула назад. Но тут же, узнав того, кто постоянно жил в ее мыслях, протянула руки и спросила:

– Это ты, Аженор?

– Да, любовь моя, это я. Но как мне влезть к тебе, когда я вновь обрел тебя столь чудесным образом? Нет ли у тебя шелковой лестницы?

– Нет, но завтра я ее достану, – ответила Аисса. – Мой отец проведет ночь в замке принца. Приходи завтра, а сейчас берегись, они бродят рядом.

– Кто они? – спросил Аженор.

– Мой отец, Черный принц и король.

– Какой король?

– Король дон Педро.

Аженор вспомнил об Энрике, который, наверное, окажется лицом к лицу с братом.

– До завтра, – тихо сказал он, убегая под деревья. Аженор ошибся лишь наполовину. К месту, где прятался Энрике, направились все трое. Граф сразу же узнал Мотриля.

– Сеньор, ваше величество напрасно беспрестанно вспоминает Аиссу, – сказал Мотриль в тот момент, когда можно стало расслышать его голос. – Благородный сын короля Англии, прославленный принц Уэльский прибыл не для того, чтобы видеть бедную дочь Африки, а решать вместе с вами судьбу великого королевства.

Энрике, который, чтобы лучше слышать, наполовину высунулся из кустов, отпрянул.

«Принц Уэльский!» – пробормотал он, сильно удивившись и жадно вглядываясь в черные доспехи, столь известные в Европе после кровавых битв при Креси и Пуатье.

– Завтра я приму вас у себя, – сказал принц, – и завтра же, прежде чем мы разъедемся, все будет решено, и тогда дело можно будет предать огласке. Сегодня я должен исполнять желания моего гостя и не возбуждать любопытства придворных; поэтому мне нужно, перед тем как что-либо решать, точно узнать намерения его величества короля Кастилии дона Педро.

Сказав это, Черный принц учтиво поклонился в сторону кавалера в алом плаще.

Пот выступил на лбу Энрике, но ему стало гораздо страшнее, когда хорошо знакомый голос произнес:

– Я не король Кастилии, ваша светлость, а проситель, вынужденный искать помощи вдали от моего королевства, ибо мои самые жестокие враги находятся в моей семье: один из моих троих братьев посягал на мою честь, двое других пося-

гают на мою жизнь. Того, кто посягнул на мою честь, я казнил; остались Тельо и Энрике. Тельо в Арагоне, где собирает армию против меня. Энрике во Франции у короля Карла и обольщает его надеждой завоевать мое королевство, чтобы Франция, обессиленная вашими победами, пожелала почерпнуть в Кастилии новые силы для борьбы с вами. Поэтому я подумал, ваша светлость, что в интересах вашей политики поддержать право законного монарха, продолжая в его стране, с теми ресурсами людей и денег, что он вам предлагает, войну против Франции, которую вам позволяет начать вероломное нарушение французами перемирия. Я жду ответа вашей светлости, чтобы знать, могу ли я питать надежду на защиту моего дела.

— Разумеется, да, не надо терять мужества, ваша светлость, потому что, я повторяю вам, закон на вашей стороне. Но, будучи в Гиени почти вице-королем, я не пожелал в одиночку нести ответственность за свое вице-королевство. Я просил моего отца учредить совет, составленный из мудрых мужей, что он и сделал. Мне необходимо все обсудить на совете, но будьте уверены, что, если большинство согласится со мной и уступит моему желанию угодить вам, никогда у вас не будет более верного и, смею заметить, решительного союзника, который станет сражаться под вашими знаменами. Завтра, сир, когда вы прибудете во дворец, я дам вам более определенный ответ. До этого вам не следует появляться на людях. Удача зависит главным образом от сохранения тайны.

– О, не беспокойтесь, здесь нас никто не знает.

– И мой дом надежен, – сказал принц. – Даже вполне неопасен, – со смехом прибавил он, чтобы успокоить страхи Мотриля насчет его дочери.

Мавр пробормотал несколько слов, которых Энрике не расслышал, потому что собеседники уже отошли довольно далеко. Кстати, одна мысль, страстная, безумная, почти невыносимая, терзала его с той секунды, как он услышал этот окаянный голос; здесь, в двух шагах, стоял его смертельный враг, призрак, вставший между ним и целью, которой он жаждал добиться; здесь, на расстоянии удара мечом, находился человек, жаждущий его крови, и сам он жаждал пролить его кровь; один удар, нанесенный введомой ненавистью рукой, положил бы конец войне, разрешил бы все сомнения. Эта мысль заставляла сердце графа сильно биться, а руку – тянуться к врагу.

Однако Энрике был не из тех людей, кто поддается первому порыву души, даже если тот внушен смертельной ненавистью.

«Нет, нет, – шептал он, – если я его убью, то всему конец. Ведь мне мало его убить – я должен ему наследовать. Если бы я убил его, то принц Уэльский отомстил бы за своего убитого гостя, с позором устранил бы меня или на всю жизнь заточил бы в тюрьму... Да, но ведь я мог спастись, – продолжал он, – а Тельо, который находится в Испании (он усмехнулся про себя, что забыл об одном из своих братьев, хотя брат этот

и был его сторонником), – Тельо я найду на троне!.. И все придется начинать снова!»

Эти соображения остановили руку Энрике; наполовину обнаженный меч опустился в ножны.

Духи тьмы, наверное, посмеялись над своим адским братом – тщеславием, которое впервые отвело руку честолюбца от кинжала.

Именно в это мгновение к графу подошел Аженор; граф был мрачен – юноша сиял; Аженор забыл о войне, интригах, принцах, обо всем на свете – другой тербил кольца железных перчаток, думая, будто он уже изничтожил своих врагов и восходит на трон Кастилии.

XVIII. Ищейка

Тайна приезда Мотриля в Бордо отныне была раскрыта, и Аиссе больше ничего не пришлось выяснять для рыцаря. Но для них оставалось нечто гораздо более важное: тысячи признаний в любви, всегда новых для влюбленных, Аженор и Аисса, раньше не имели возможности, высказать друг другу.

С другой стороны, графу Энрике де Трастамаре стал известен план его брата, и он заранее предвидел ответ принца Уэльского, словно уже побывал на совете, который должен был собраться завтра. Поэтому ему, твердо убежденному, что дон Педро заручиться поддержкой англичан, не оставалось ничего другого, как уехать из Бордо раньше, чем будет скреплен этот союз; ведь в случае если бы его инкогнито раскрыли, он был бы объявлен военнопленным, и дон Педро, чтобы сразу покончить с их враждой, мог бы прибегнуть к крайнему средству, применить которое против дона Педро помешали Энрике только его честолюбивые замыслы.

Когда дон Энрике и рыцарь поделились друг с другом своими мыслями, когда один из них, вняв благоразумию другого, последовал мудрому совету насчет решения, которое следовало принять (то есть Аженор убедил Энрике немедленно отправиться в Арагон, чтобы встретить там первые посланные коннетаблем отряды наемников), граф вспомнил о сердечных делах своего юного спутника.

– И что же ваша любовь? – спросил он.

– Не скрою от вас, ваша светлость, что думаю о ней с горькой грустью, – ответил Аженор. – Напрасно я нашел в десяти шагах от себя счастье, о котором так долго мечтал и которое, как я опасался, мне придется искать всю жизнь, не достигая его, ведь...

– Полно! – возразил граф. – Ничего не изменилось, и что мешает вам, кому не надо сражаться с братом и завоевывать трон, вкусить мимолетно сие счастье?

– Вы разве не едете, граф? – спросил Аженор.

– Разумеется, еду, – ответил Энрике, – ибо, сколь ни была бы нежна любовь к вам, которая, я чувствую, родилась в моем сердце, дорогой Аженор, она не может – вы сами это поймете – перевесить интересы судьбы королевства и счастье целого народа. Вот если бы речь шла о вашей жизни, тогда другое дело! – вдруг воскликнул граф. – Ради спасения вас я пожертвовал бы моим состоянием и моим честолюбием.

И граф пристально посмотрел в светлые и ясные глаза молодого француза, словно настойчиво добиваясь от него слов признательности.

– Но я никогда не принес бы в жертву мою корону ради вашей вполне безумной, позвольте, мой друг, прямо сказать вам об этом, страсти к дочери предателя Мотриля, – продолжал Энрике.

– Мне это известно, ваша светлость, и с моей стороны бы-

ло бы безрассудством даже питать какую-либо надежду. Поэтому, прощай, несчастная Аисса...

И он с такой печалью посмотрел из окна на дом, прячущийся за деревьями, что граф улыбнулся.

– Счастливым любовник, – тихо сказал он, слегка помрачнев, – он живет одной нежной мыслью, которая постоянно цветет в его сердце, наполняя благоуханием его жизнь. Увы! Мне тоже была ведома эта прелестная пытка, что заставляла трепетать в глубине души все юные и благородные чувства.

– Вы называете меня счастливым, ваша светлость, потому что завтра меня ждет Аисса! – воскликнул Аженор. – Завтра я должен увидеть Аиссу, но я не увижу ее. Ваша светлость, если все надежды двадцатидвухлетнего сердца терпят крах в тот миг, когда они должны сбыться, – это горе, и я самый несчастный из людей.

– Ты прав, Аженор, – согласился граф. – Поэтому, думай только о сегодняшнем дне. Ты ведь не домогаешься богатства, не гонишься за короной, ты просишь ласкового слова, жаждешь первого поцелуя. Твое сокровище – это женщина, твой трон – это усеянное цветами ложе, которое завтра она должна разделить с тобой. Послушай! Не теряй этой ночи, Аженор, может быть, она станет прекраснейшей жемчужиной, которую молодость положит на хранение в сокровищницу твоих воспоминаний.

– Но в таком случае, ваша светлость, вы поедете без меня? – спросил Аженор.

– Сегодня же ночью я хочу выбраться с территории англичанина, необходимо, как ты сам понимаешь, чтобы рассвет застал меня на ничейной земле. Дня три-четыре я пробуду в Наварре, в Памплоне. Приезжай ко мне скорее, Аженор, потому что больше я не смогу тебя ждать.

– Но как, мой сеньор, я могу оставить вас, когда вам грозит опасность? Мне кажется, что ради всех дивных радостей любви, которые меня ожидают, я не соглашусь на это.

– Не будем ничего преувеличивать, Аженор. Если мы выедем сегодня ночью, нам не грозит никакая опасность. Поэтому ты спускайся по своему цветущему склону. Ступай, со мной поедет Перахо, а ты знаешь, что у него добрый меч. Только возвращайся быстрее...

– Но, ваша светлость...

– И вот еще что. Если, как ты говоришь, ты любишь эту мавританку...

– Послушайте, ваша светлость, я не смею признаться вам, как сильно я ее люблю, ибо едва я увидел ее, едва обменялся с ней двумя словами...

– Двух слов вполне достаточно, если умеешь хорошо выбрать их в нашем славном кастильском языке. Посему я и говорю тебе, если ты любишь эту мавританку, то для тебя это будет двойной победой, потому что ты отнимешь у Мотриля дочь, а из ада вырвешь душу.

Это были слова и короля и друга. Аженор понял, что Энрике де Трастамаре уже играет роль короля, и Молеон, чтобы

не выходить из своей роли, преклонил колено перед графом, для которого все любовные интересы друга были настолько ничтожны, что он уже отстранил их от себя и витал мыслью где-то далеко за Пиренеями, в тех облаках, что венчают вершины Сьерры-де-Арасена.

Было решено, что граф отдохнет час-другой и отправится к границе. Молеон, который отныне стал свободен, почувствовав, что его позолоченные цепи тотчас порвались, ликовал и парил в небесах.

У влюбленных сон хотя и неглубокий, но долгий: ведь он наполнен сновидениями, в которых они всегда вместе с любимыми, и так сильно напоминает счастье, что им очень трудно пробудиться.

Когда Аженор открыл глаза, солнце уже стояло высоко над горизонтом. Он сразу же позвал Мюзарона и от него узнал, что граф сел на коня в четыре часа утра и выбрался из Бордо с быстротой человека, который осознает всю опасность своего сложного положения.

– Прекрасно! – воскликнул Аженор, выслушав рассказ оруженосца, приукрашенный всеми примечаниями, которые тот посчитал своим долгом к нему добавить. – Отлично, Мюзарон! Значит, мы остаемся в Бордо до вечера, а может быть, и до завтра, но все это время – спорить бесполезно – нам следует не выходить из дома и не попадаться никому на глаза. Тем самым мы будем более свежими перед отъездом, ведь мы можем выехать в любую минуту. Ну, а ты, мой друг, хо-

рошенько подготовь лошадей, чтобы они были в силах нагнать графа, даже если им придется идти с двойной поклажей и вдвое резвее.

– Ого! – воскликнул Мюзарон, который, как мы помним, держал себя запросто с молодым рыцарем, особенно если тот был в хорошем настроении. – Значит, от политики мы отходим и начинаем заниматься другими делами. Знай я, чем именно мы будем заниматься, я, наверное, мог бы вам помочь.

– Ты все узнаешь в полночь, Мюзарон, а пока будь скромным, незаметным и делай то, что я тебе говорю.

Мюзарон, неизменно очень довольный собой по причине непоколебимой уверенности в собственных силах, до блеска почистил лошадей, задал им двойную порцию овса и стал ждать полуночи, не высовывая носу из окон.

В отличие от него, Аженор, припав к опущенным шторам, не сводил глаз с соседнего дома.

Мы уже сказали, что Аженор встал поздно; поскольку Мюзарон последовал примеру хозяина, хотя улегся спать гораздо позже Аженора, то оба не заметили в саду, прилегающем к жилищу дона Педро, человека, который уже с рассвета, низко пригнувшись, с явной тревогой рассматривал следы, оставшиеся на рыхлой садовой земле, и оглядывал помятые сломанные ветки кустов, что окружали домик Аиссы.

Этим человеком, закутанным в просторный плащ, был мавр Мотриль; со свойственной людям его расы проница-

тельностью он сравнивал их, как ищейка, взявшая след, с которого ее ничто не может сбить.

– Ну да, – приговаривал Мотриль (глаза у него горели, ноздри раздувались), – правильно, вот на этой аллее мои следы. Я узнаю их по форме моих туфель. Вот, рядом, более глубокие следы принца Уэльского; он был в сапогах с подковами, а доспехи утяжеляли его шаги. Вот, наконец, следы короля дона Педро. Они едва заметны, ведь походка у него легкая, как у газели. Да, это наши следы. Ну а это чьи?.. Не знаю.

И Мотриль перешел из кустов жимолости в массив деревьев, где так долго прятался Молеон.

– Здесь следы глубже, резче, разнообразнее, – бормотал он. – Откуда они идут? Куда? Ну да, к дому... Вот они снова, и доходят до стены. Здесь они глубже. Тот, кто тут ждал, наверняка привстал на цыпочки, вероятно пытаясь дотянуться до балкона. Сомнений нет, он хотел пробраться к Аиссе. Значит, Аисса с ним в сговоре! Именно это и надо выяснить.

И мавр, склонившись над следами, с озабоченным видом стал их разглядывать.

Через несколько минут он прошептал:

– Это след человека, носящего обувь франкских всадников. Вот бороздка, прочерченная шпорой... Посмотрим, откуда она тянется...

И Мотриль пошел вдоль бороздки, которая вывела его к кустам жимолости, где он снова начал свои поиски.

– Тут был еще кто-то, – пробормотал он. – След совсем другой. Вероятно, этот явился следить за нами, а первый пришел к Аиссе. Мимо шпиона мы прошли, едва не задев его, и он, наверное, слышал наш разговор. О чем же мы говорили, когда проходили здесь?

Мотриль попытался вспомнить те слова, что он говорил в этом месте, и слова своих спутников.

Но отнюдь не политика больше всего занимала Мотриля, и поэтому он быстро вернулся к изучению следов.

Тут он обнаружил широкую полосу, что вела к стене. Стало ясно, что в сад спустились трое мужчин; один из них укрывался за смоковницей, так как нижние ветки дерева были обломаны. Он, наверное, просто караулил.

Другой забрался в кусты жимолости; он, без сомнения, шпионил.

Наконец, третий дошел до массива деревьев, немного подождал и отсюда пробрался к особняку Аиссы; это наверняка был ее любовник.

Мотриль пошел назад по следам и очутился у подножия стены, которая отделяла дом Эрнотона де Сент-Коломба от особняка, проданного принцу Уэльскому. Здесь мавру все стало таким ясным и очевидным, будто он читал раскрытую книгу.

Стойки лестницы оставили в земле две ямки, а ее верх слегка повредил карниз стены.

«Они пришли оттуда», – подумал мавр.

Тогда он сам поднялся по лестнице и с жадным любопытством заглянул в сад Эрнотона; но было раннее утро, Аженор и Мюзарон, как мы уже сказали, еще не проснулись. Поэтому Мотриль никого не увидел, а лишь заметил по ту сторону стены другие следы, что тянулись к дому.

«Буду следить за ними», – решил он.

Весь день мавр расспрашивал соседей, но слуги Эрнотона были неболтливы; кстати, они не знали Энрике де Трас-тамаре и впервые видели Аженора. Они рассказали совсем мало и почти ничего не сообщили ни лазутчику мавра, ни самому Мотрилю, повторяя: «Наш гость – крестник сеньора Эрнотона де Сент-Коломба». Мотриль решил обратиться к хозяину дома.

Наступил вечер.

Короля дона Педро вместе с его верным министром ожидали во дворце принца Уэльского. В назначенный для визита час Мотриль был готов и вместе с королем пришел на совет как человек, душевные заботы которого не отвлекают его от исполнения долга.

Молеон – он поджидал ухода мавра и знал, что Аисса осталась одна, – как и накануне, взял меч, приказав оруженосцу держать оседланных лошадей во дворе дома Эрнотона; потом, приставив лестницу к стене в том же месте, что и накануне, спокойно перелез в сад принца Уэльского.

Стояла ночь, напоминавшая дивные ночи Востока; она была похожа на вчерашнюю и обещала быть столь же пре-

красной, наполненной ароматами и тайнами.

Поэтому ничто, кроме избытка радости, не нарушало сердечного спокойствия Аженора; ведь то, что люди называют предчувствием, иногда представляет собой лишь чрезмерное блаженство, которое заставляет нас трепетать за найденное нами хрупкое счастье, способное разбиться от любого прикосновения. Совершенно беззаботному человеку неизвестно полное счастье, и редко самый отважный влюбленный идет на свидание с возлюбленной, не испытывая трепетного страха.

Аисса, неистовая в любви, подобно прекрасным гуриям из знойных краев, где она появилась на свет, весь день думала о вчерашней ночи, казавшейся ей сном, и о наступившей ночи, которая представлялась ей нежнейшим выражением счастья; стоя на коленях перед раскрытым окном, она вдыхала ночную прохладу и запахи цветов, впитывала все флюиды, какие источал находившийся где-то рядом возлюбленный; эти минуты она жила лишь мыслями об этом мужчине, которого она пока еще не слышала и не видела, но угадывала в загадочной темноте и величественной тишине ночи.

Вдруг до нее донесся шелест листвы, и, покраснев от радости, она, раздвинув цветы, обвивавшие балкон, выглянула в сад.

Шум усилился, робкие, шуршащие по траве, осторожные, какие-то легкие шаги возвещали, что приближается ее воз-

любленный.

В широкой полосе серебристого лунного света, отделявшей сад от дома, появился Молеон.

Тогда, быстрая, как ласточка, прекрасная мавританка, которая ждала лишь его появления, повисла на длинной шелковой веревке, привязанной к каменному балкону, потом соскользнула по ней на песок, бросилась в объятия к Аженору и, обхватив его голову тонкими пальцами, шепнула:

– Вот и я; видишь, я ждала тебя.

И Молеон, потерявший голову от любви и дрожавший от какого-то сладостного страха, почувствовал на губах жгучий поцелуй.

XIX. Любовь

Молеон не мог говорить, но мог действовать. Он стремительно увлек Аиссу под свод жимолости, вчера вечером укрывавший Энрике де Трастамаре, и, усадив прекрасную мавританку на цветочную скамью, упал перед ней на колени.

– Я ждала тебя, – повторила Аисса.

– Неужели я заставил себя ждать? – спросил Аженор.

– Да, – ответила девушка, – ведь я ждала тебя не со вчерашнего вечера, а с того первого дня, как увидела.

– Значит, ты меня любишь! – воскликнул Аженор, охваченный радостью.

– Я люблю тебя, – ответила девушка. – А ты любишь меня?

– О да, да! Люблю!

– Я люблю тебя за то, что ты смелый, – сказала Аисса. – А ты за что меня любишь?

– За то, что ты красивая, – ответил Аженор.

– Ты ведь знаешь только мое лицо, а я вот разузнала о всех твоих делах.

– Значит, тебе известно, что я враг твоего отца?

– Да.

– Тогда ты знаешь, что я не просто его враг, между нами война не на жизнь, а на смерть.

– Я знаю это.

– И не отвергаешь меня за то, что я ненавижу Мотриля?

– Я люблю тебя!

– Я тебе верю. Я ненавижу этого человека, потому что он заманил дону Фадрике, моего брата по оружию, в смертельную западню! Ненавижу и потому, что он убил несчастную Бланку Бурбонскую! Наконец, я ненавижу его потому, что он стережет тебя не как дочь, а как любовницу. Ты, правда, его дочь, Аисса?

– Послушай, я об этом ничего не знаю. Мне кажется, что однажды, когда я совсем маленькой проснулась после долгого сна и открыла глаза, то первое, что я увидела, было лицо этого человека; он назвал меня дочерью, а я назвала его отцом. Но я не люблю его, он меня пугает.

– Он зол с тобой или строг?

– Наоборот, королеве не угождают так усердно, как мне. Каждое мое желание – закон. Стоит мне лишь знак подать, как он меня слушается. Кажется, все его мысли поглощены мной. Не знаю, что он намерен сделать со мной, но иногда меня ужасает его мрачная и ревнивая нежность.

– Поэтому ты и не любишь его так, как дочь должна любить отца?

– Я боюсь его, Аженор. Знаешь, иногда ночью он, словно привидение, заходит в мою комнату, и я дрожу от страха. Он подходит к постели, на которой я лежу (шаг у него такой легкий, что даже мои служанки, спящие на циновках на полу, не просыпаются), проходит между ними так, словно его

ноги не касаются пола. Но я-то не сплю и сквозь прищуренные веки, которые ужас заставляет дрожать, вижу его страшную улыбку. Он подходит совсем близко, склоняется надо мной. Его дыхание обжигает мое лицо, и поцелуй, странный поцелуй то ли отца, то ли любовника, который, как он считает, должен охранять мой сон, оставляет у меня на лбу или на губах болезненный, словно от раскаленного железа, след. Вот видения, которые преследуют меня, видения наяву. С этими страхами я засыпаю каждую ночь, и все-таки что-то подсказывает мне, что страхи мои напрасны, ибо во сне или наяву я имею над ним какую-то странную власть. Я часто замечаю, что он вздрагивает, когда я хмурю брови, что его пронзительный и надменный взгляд никогда не выдерживает пламени моего взгляда. Но почему ты спрашиваешь меня о Мотриле, отважный мой рыцарь, ты же не боишься его, ты ведь ничего не боишься?

– Да, мне не страшен никто, я лишь боюсь за тебя.

– Ты боишься за меня, потому что любишь меня, – с восхитительной улыбкой объяснила Аисса.

– Аисса, я ни разу не любил женщин моей страны, где, однако, женщины красивые, и меня часто удивляло мое равнодушие, но теперь я понял почему. Потому что все сокровища моего сердца должны принадлежать тебе. Ты спрашиваешь, люблю ли я тебя, Аисса. Выслушай меня и суди сама. Если ты прикажешь мне бросить все, отречься ради тебя от всего, кроме моей чести, знай же, Аисса, что я принесу тебе

эту жертву.

– А я сделаю еще больше, – с божественной улыбкой возразила девушка, – и ради тебя пожертвую моим Богом и моей честью.

Аженор еще ничего не знал о пылкой поэзии восточной страсти и, лишь увидев улыбку Аиссы, стал, кажется, ее понимать.

– Хорошо, – сказал он, обняв стан Аиссы, – Я не хочу, чтобы ты жертвовала твоим Богом и твоей честью, не связав свою жизнь с моей. В моей стране, Аисса, женщины, которых любят, становятся подругами, с ними вместе живут и умирают; когда женщины принимают нашу веру, они могут быть спокойны: их никогда не бросят в гарем, где они станут прислуживать новым наложницам человека, которого они любили. Стань христианкой, Аисса, оставь Мотриля, и ты будешь моей женой.

– Я только что хотела просить тебя об этом, – сказала девушка.

Аженор встал с колен, ловким движением подхватил на сильные руки возлюбленную (сердце Аиссы билось рядом с его сердцем, его лица ласково касались ее свежие, пахучие волосы, душу переполняла радость, голова кружилась) и побежал к тому месту у стены, где стояла лестница.

Молодой человек почти не чувствовал своей нежной ноши и стремительно как стрела промчался среди деревьев и преодолел живую изгородь, окаймлявшую аллею.

Он уже видел перед собой темную стену, прикрываемую деревьями, как вдруг Аисса, гибкая, словно уж, вырвалась из рук Аженора, скользнув телом по телу юноши.

Молеон остановился; мавританка присела на корточки у его ног и показала рукой в сторону стены.

– Смотри, – прошептала она.

И Молеон заметил белую фигуру, притаившуюся за нижними перекладинами лестницы.

«Ага! – подумал Аженор. – Уж не Мюзарон ли это, который, опасаясь за меня, стережет нас? Нет, этого быть не может, – засомневался он. – Мюзарон слишком осторожен, чтобы подвергать себя опасности по ошибке получить удар мечом».

Фигура выпрямилась; что-то голубоватое сверкнуло у ее пояса.

– Это Мотриль! – вскрикнула Аисса.

Пробужденный этим страшным именем, Аженор схватился за меч.

Вероятно, Мотриль еще не заметил девушку или, вернее, не различил ее в этом странном видении, которое представлял собой христианин, несущий на руках мавританку; но едва услышав крик девушки, высокий, стройный Мотриль вышел из тени, издал дикий вопль и яростно бросился на Аженора.

Однако любовь и на сей раз опередила ненависть. Быстрым, как мысль, движением Аисса опустила забрало рыцаря,

и мавр оказался перед железной статуей, которую девушка обвила руками.

Мотриль остановился.

– Аисса! – с удрученным видом прошептал мавр, опустив руки.

– Да, Аисса! – ответила она с дикой решительностью, которая придала сил влюбленному Молеону, но заставила задрожать мавра. – Ты хочешь убить меня? Убей! Ну а рыцарь тебя не боится, ты ведь хорошо это знаешь, не так ли?

И она жестом показала на Аженора.

Мотриль протянул руку, чтобы схватить Аиссу, но она отпрянула назад, и перед ним предстал Молеон, который невозмутимо стоял, держа в руке меч.

В глазах Мотриля пылала такая яростная ненависть, что Молеон занес над ним меч.

Но в этот же миг он почувствовал, что Аисса удерживает его руку.

– Нет, не убивай его при мне! – воскликнула она. – Ты силен, вооружен, неуязвим, оставь его и уходи.

– Ах так! – вскричал Мотриль, ударом ноги сбив лестницу. – Ты силен, вооружен, неуязвим, сейчас посмотрим, кто сильнее.

В эту секунду раздался громкий свист, и появилась дюжина мавров с боевыми топорами и кривыми саблями.

– Ах, псы неверные! – вскричал Аженор. – Идите сюда и посмотрим, кто кого!

– Смерть христианину! – кричал Мотриль. – Смерть!

– Ничего не бойся, – шепнула Аисса.

Она спокойным твердым шагом вышла вперед, встав между рыцарем и нападавшими.

– Мотриль, я хочу видеть, как этот молодой человек уйдет отсюда, ты слышишь? – сказала она. – Я хочу, чтобы он ушел отсюда живым, и горе тебе, если хоть волос падет с его головы!

– Неужели ты любишь этого гяура? – воскликнул Мотриль.

– Я люблю его, – ответила Аисса.

– Тем более его следует убить. Убейте его! – приказал Мотриль, выхватывая из ножен кинжал.

– Мотриль! – нахмутив брови, крикнула Аисса, метнув в него грозный, словно молния, взгляд. – Ты разве не понял меня и тебе дважды надо повторять, что я хочу, чтобы юноша немедленно ушел отсюда?

– Убейте его! – повторил взбешенный Мотриль. Аженор встал в защитную позу.

– Постой, сейчас ты увидишь, как тигр станет агнцем, – сказала Аисса, выхватив из-за пояса тонкий и острый кинжал, и, обнажив свою прекрасную, золотистую, как гранаты Валенсии, грудь, приставила его острием к коже, которая подалась под опасной тяжестью.

Мавр взвыл от ужаса.

– Знай же, – воскликнула она, – клянусь тебе Богом ара-

бов, от которого отрекаюсь, клянусь Богом христиан, который станет моим Богом, что, если с этим юношей случится беда, я убью себя!

– Аисса! Умоляю тебя, остановись! – вскричал мавр. – Я с ума схожу!

– Тогда брось кинжал, – приказала девушка. Мавр подчинился.

– Прикажи слугам уйти.

Мотриль махнул рукой, и слуги удалились. Потом, устремив на молодого человека взгляд, томный от нежности и пылкий от желания, она тихо сказала:

– Подойди ко мне, Аженор, я хочу проститься с тобой.

– Разве ты не пойдешь со мной? – спросил Молеон.

– Нет, он предпочтет убить меня, нежели потерять. Я остаюсь, чтобы спасти нас.

– Но будешь ли ты меня любить? – спросил Молеон.

– Видишь вон ту звезду? – спросила Аисса, показывая молодому человеку самую яркую из звезд, горевших на небосводе.

– Да, вижу! – воскликнул Аженор.

– Так вот! Раньше она погаснет в небе, чем любовь угаснет в моем сердце. Прощай!

И, приподняв забрало шлема своего возлюбленного, она запечатлела на его устах долгий поцелуй; мавр же стоял в стороне и кусал от бессильной злости руки.

– Теперь, ступай, – сказала Аисса рыцарю, – но будь готов

ко всему. Стоя у лестницы, которую Аженор снова приставил к стене, Аисса улыбалась, глядя на Молеона; рукой она останавливала Мотриля, подобно тому, как укротители тигров одним, жестом заставляют улечься зверя, который, казалось, был готов растерзать их.

– Прощай! – воскликнул Аженор. – Помни о своем обещании.

– До свидания! – ответила прекрасная мавританка. – Я не нарушу его.

Аженор послал девушке последний воздушный поцелуй и скрылся по ту сторону стены.

Мавр проводил рычанием ускользнувшую добычу.

– Теперь не старайся доказывать мне, что ты следишь за каждым моим шагом, – обратилась Лисса к Мотрилю, – не заставляй меня подозревать, что обращаешься со мной как с рабыней, ведь тебе известно, что у меня есть средство стать свободной. Ладно, уже поздно, отец, пошли домой.

Мотриль пропустил ее вперед, и она, спокойная, задумчивая, пошла по аллее к дому. Он поднял свой острый кинжал и, проведя ладонью по лбу, прошептал:

– Дитя! Через несколько месяцев, может, даже дней, ты уже не укротишь Мотриля так просто.

В тот миг, когда девушка уже вступила одной ногой на порог, Мотриль услышал за спиной чьи-то шаги.

– Ступайте скорее, Аисса, – сказал он. – Это король.

Девушка вошла в дом и неторопливо, словно она не слы-

шала этих слов, закрыла за собой дверь. Мотриль видел, как она скрылась в доме; через несколько секунд к нему подошел король.

– Ну что ж, друг Мотриль, с победой! – воскликнул король. – Да, мы победили. Но почему ты ушел в тот момент, когда совет начал обсуждать наши дела?

– Я подумал, что жалкому рабу-мавру не место среди столь могущественных христианских вельмож, – ответил он.

– Ты лжешь, Мотриль, – сказал дон Педро, – ты волновался за свою дочь и ушел следить за ней.

– Полно, сеньор! – возразил Мотриль, улыбаясь тому, что короля дона Педро так сильно волнует Аисса. – Клянусь честью, может показаться, что вы думаете об этом больше меня.

И оба вошли в дом, хотя дон Педро все-таки с любопытством бросил взгляд на окно, за которым вырисовывалась тень женщины.

Часть вторая

I. Глава, где мы убеждаемся, что мессир Дюгеклен – славный полководец, но и не менее славный знаток счета

Граф Энрике де Тростамаре и его спутник Аженор направлялись в Бордо, где их ждали события, о которых мы уже рассказывали, а Дюгеклен, коего Карл Пятый облачил неограниченными полномочиями, собрал главных командиров наемных отрядов и объяснял им свой план кампании.

Эти жестокие воины, вынужденные, подобно хищным птицам или волкам, каждый день проявлять осторожность, хитрость и дерзость, которые простых смертных возвышают, а людей одаренных делают гениальными, обладали большим, нежели вы думаете, пониманием стратегии и воинским искусством.

Поэтому они прекрасно разобрались в тех предложениях, которые бретонский герой вынес на их суд; совокупность их складывалась из боевых действий, которые всегда можно было легко прекратить, и отдельных операций, вытекаю-

щих из обстоятельств. Однако все эти воинственные замыслы упирались в единственный, неопровержимый довод: нужны деньги.

Будет справедливо сказать, что довод этот не вызвал возражений; требование денег было выдохнуто как бы единой глоткой.

– Верно, – ответил Дюгеклен, – и я уже подумал об этом.

Командиры одобрительно закивали головой в знак того, что они благодарны за подобную предусмотрительность.

– Но, – прибавил Дюгеклен, – деньги вы получите после первого сражения.

– До него еще дожить надо, – возразил рыцарь Смелчак, – и хоть немного заплатить нашим солдатам.

– Иначе, – подхватил Каверлэ, – нам придется по-прежнему драть шкуру с французского крестьянина. Но их вопли – вечно эти чертовы мужланы орут! – будут терзать слух нашего прославленного коннетабля. Кстати, как можно быть честным командиром, если тебе приходится грабить, словно последнему солдату?

– Исключительно правильно, – согласился Дюгеклен.

– А я добавлю, – начал Клод Живодер, другой плут, вполне свой в компании подобных волков (он слыл менее жестоким, чем Каверлэ, но был вероломнее и жаднее), – добавлю, говорю я вам, что мы теперь союзники его величества короля Франции, так как идем мстить за смерть его сестры, и мы будем недостойны этой чести – а для простых наемников врод

де нас сия честь бесценна, – если не перестанем хоть на какое-то время разорять народ нашего царственного союзника.

– Умные и глубокие слова, – заметил Дюгеклен, – однако подскажите мне способ раздобыть деньги.

– Добывать деньги не наше дело, – ответил Гуго де Каверлэ, – наше дело – их получить.

– На это возразить нечего, – сказал Дюгеклен, – даже ученый муж не рассудил бы логичнее вас, господин Гуго. Ну ладно, сколько вы просите?

Командиры переглянулись, как бы советуясь друг с другом, и, поскольку все они заботу об общей выгоде, вероятно, поручили Каверлэ, тот объявил:

– Мы недорого возьмем, мессир коннетабль, даю слово командира!

От этого обещания и этой клятвы у Дюгеклена мурашки побежали по коже.

– Я жду, – сказал он, – говорите.

– Ну что ж, – продолжал Каверлэ, – пусть его величество Карл Пятый платит экую золотом каждому солдату до тех пор, пока мы будем находится во вражеской стране. Конечно, это немного, но мы принимаем во внимание, что нам выпала честь быть его союзниками, и мы будем скромны из уважения к столь достойному королю. У нас, кажется, пятьдесят тысяч солдат?

– Не совсем так, – возразил Дюгеклен.

– Чуть больше или чуть меньше.

– По-моему, меньше.

– Неважно! – ответил Каверлэ. – Мы беремся с тем количеством людей, каким располагаем, сделать то, что другие сделали бы, имея пятьдесят тысяч. Поэтому платить надо так, как если бы нас было пятьдесят тысяч.

– Значит, нужно пятьдесят тысяч золотых экю, – подытожил Бертран.

– Да, для солдат, – сказал Каверлэ.

– Идет! – согласился Дюгеклен.

– Хорошо, но остаются офицеры.

– Верно, – подтвердил коннетабль, – про офицеров-то я и забыл. Ну и сколько же вы будете платить офицерам?

– Я думаю, – вмешался Смельчак, боясь, вероятно, как бы Каверлэ не продешевил, – что эти храбрые, в большинстве своем опытные и благоразумные люди стоят никак не меньше пяти экю золотом на брата. Не забывайте, что почти у каждого из них пажи, оруженосцы и слуги, да еще по три коня.

– Ну и ну! – воскликнул Бертран. – Ваши офицеры живут лучше офицеров моего господина короля.

– Мы привыкли так жить, – заметил Каверлэ.

– И требуете на каждого по пяти золотых экю!

– По-моему, это самая низкая плата, какую можно было бы для них потребовать. Сам я хотел было просить шесть, но, раз уж Смельчак назвал цену, спорить с ним я не стану и соглашусь с тем, что сказал он.

Бертран смотрел на них, и ему чудилось, будто он снова торгуется с евреями-ростовщиками, к которым властелин посылал его выпрашивать небольшие займы.

«Проклятые негодяи! – думал он, тем не менее улыбаясь своей самой приветливой улыбкой. – С каким наслаждением я перевешал бы вас всех, будь на то моя воля!»

Потом громко сказал:

– Господа, я, как вы видели, обдумывал ваши требования, посему и слегка промедлил с ответом, но пять золотых эку на офицера вовсе не кажется мне чрезмерной платой.

– Ага! – крикнул Смельчак, удивленный сговорчивостью Дюгеклена.

– Так сколько у вас офицеров? – спросил мессир Бертран.

Каверлэ закатил глаза, потом снова заговорщически переглянулся со своими дружками.

– У меня тысяча, – ответил он. Он удвоил цифру.

– А у меня восемьсот, – сказал Смельчак, подобно своему напарнику тоже удвоив цифру.

– И тысяча у меня, – объявил Клод Живодер. Этот цифру утроил.

Другие командиры тоже не отставали от него, и число офицеров возросло до четырех тысяч.

– Выходит, один офицер на одиннадцать солдат! – восхищенно воскликнул Дюгеклен. – Черт бы меня побрал! Какую великолепную армию они нам создадут и какая в ней будет дисциплина!

– Да, верно, – скромно подтвердил Каверлэ, – армией мы управляем весьма недурно.

– Значит, на офицеров нам нужно двадцать тысяч экю, – подсчитал Бертран.

– Золотом, – вставил Смельчак.

– Черт возьми! – вырвалось у коннетабля. – Двадцать тысяч экю, решили мы, а если прибавить их к тем пятидесяти тысячам, о которых мы уже договорились, то получается ровно семьдесят тысяч!

– Правильно, счет точен до последнего каролюса,¹¹³ – подтвердил Смельчак, восхищенный легкостью, с какой коннетабль складывал цифры.

– Но... – начал было Каверлэ. Бертран не дал ему договорить.

– Но, – перебил он, – я понимаю, что мы забыли командиров.

Каверлэ изумился. Бертран не только удовлетворял его требования, но и предупреждал их.

– Вы забыли о себе, – продолжал Дюгеклен. – Какое благородное бескорыстие! Но я, господа, о вас помню. Итак, давайте считать. Командиров у вас десять, так ведь?

Вслед за Дюгекленом наемники стали считать. Им очень хотелось наскрести десятка два командиров, но сделать это не было никакой возможности.

---

¹¹³ Каролус – средневековая серебряная монета, название которой про-исходит от латинизированной формы имени Карл.

– Десять, – подтвердили они.

Каверлэ, Смелчак и Клод Живодер устремили взгляды к потолку.

– Что составляет, – продолжал считать коннетабль, – беря по три тысячи золотых экю на каждого, тридцать тысяч монет, верно?

При этих словах командиры, восхищенные, взволнованные, потерявшие голову от неслыханной щедрости, вскочили – они были обрадованы не только громадной суммой, но и тем, что их ценили в три тысячи раз дороже солдат, – и, потрясая своими громадными мечами и подбрасывая вверх шлемы, даже не кричали, а вопили:

– Ура! Ура! Монжуа,¹¹⁴ слава доброму коннетаблю!

«Ах, бандиты, – шептал про себя Дюгеклен, притворно опуская глаза, словно восторги наемников трогали его до глубины души, – с помощью Господа и нашей Богоматери Мон-кармельской я заведу вас в такое место, откуда никто не выберется».

Потом он громко объявил:

– Всего нужно сто тысяч золотых экю, благодаря которым удастся покрыть все наши расходы.

– Ура! Ура! – снова завопили наемники, чей восторг достиг апогея.

– Теперь, господа, – продолжал Дюгеклен, – вы располагаете моим словом рыцаря, что деньги будут выплачены вам

---

¹¹⁴ Монжуа! – боевой клич французов, который установился в XII в.

до начала кампании. Правда, получите вы их не сразу, поскольку я не вожу с собой королевской казны.

– Согласны, согласны! – прокричали командиры, бурно радуясь тому, что все так складывалось.

– Значит, господа, решено: вы доверяете королю Франции под честное слово его коннетабля, – сказал Дюгеклен, подняв голову и приняв тот величественный вид, который заставлял трепетать даже отчаянных храбрецов, – и слово это нерушимо. Но мы, как честные солдаты, выступим в поход, а если к моменту вступления в Испанию денег не доставят, то у вас, господа, будет две гарантии: во-первых, ваша свобода, которую я вам возвращаю, во-вторых, пленник, который стоит сто тысяч золотых эю.

– Что за пленник? – удивился Каверлэ.

– Это я, разрази меня гром, – сказал Дюгеклен, – хоть я и беден! Ведь если женщинам моей страны придется прясть даже денно и ночно, чтобы собрать для меня сто тысяч эю, я ручаюсь вам, выкуп будет собран.

– Решено, – в один голос ответили наемники, и каждый из них в знак согласия коснулся руки коннетабля.

– Когда мы выступаем? – спросил Смельчак.

– Немедленно, – подхватил Гуго. – Действительно, господа, раз тут больше нечем поживиться, я предлагаю побыстрее перебраться в другое место.

Все командиры тут же разошлись по своим местам и подняли над палатками личные знамена; ударили барабаны, и

в лагере началось сильное оживление; солдаты, что сначала окружили Дюгеклена, словно волны прибоя, отхлынули назад, к палаткам командиров.

Через два часа выучные животные уже сгибались под тяжестью сложенных палаток; ржали лошади; под лучами солнца ярко сверкали ряды копий.

Меж тем по обоим берегам реки можно было видеть крестьян, разбегавшихся после долгого рабства у наемников; хоть и запоздало обретая свободу, они вели жен в свои пустующие дома, волоча изрядно потрепанный скарб.

В полдень армия выступила в поход, спускаясь по течению Соны двумя колоннами, которые двигались по берегам. Это было похоже на нашествие варваров, которые шли исполнить грозную волю пославшего их Господа, идя по стопам Алариха,¹¹⁵ Гейзериха¹¹⁶ и Аттилы¹¹⁷ – этих исчадий рода человеческого.

Но человеком, возглавлявшим наемников, был славный коннетабль Бертран Дюгеклен, который, склонив голову на могучую грудь, ехал позади своего знамени, покачиваясь в такт ходу своего крепкого коня, и рассуждал сам с собой:

«Все идет хорошо, только бы так и дальше было. Но вот

---

¹¹⁵ Аларих I – король вестготов в 395–410 гг., который в 410 г. захватил Рим.

¹¹⁶ Гейзерих – король вандавов в 428–477 гг. который в 455 г. овладел Римом и разграбил его.

¹¹⁷ Аттила (ум. в 453 г.) – предводитель гуннов, именовавший себя «бичом Божиим»; возглавил набеги гуннов в Галлию (451 г.) и Италию (452 г.).

где я возьму денег; а ведь если у меня не будет денег; то как король соберет армию, достаточно сильную, чтобы отрезать обратный путь этим бандитам, которые, еще больше остервенев, вновь перевалят через Пиренеи?»

Погруженный в сии мрачные мысли, и ехал славный рыцарь, изредка оборачиваясь, чтобы взглянуть на катящиеся вокруг него пестрые и шумные волны людей; его изобретательный ум работал напряженнее, чем головы пятидесяти тысяч наемников.

Одному Богу ведомо, что грезилось наемникам, каждый из которых в мечтах уже видел себя повелителем Индии; но это были пустые грезы, потому что никто из них не знал, что ждет его впереди.

Вдруг, в то мгновение, когда солнце скрылось за последней оранжевой полосой облаков на горизонте, командиры, ехавшие позади славного рыцаря и начавшие удивляться его мрачности, увидели, как Дюгеклен поднял голову, горделиво расправил плечи, и слышали, как он зычно крикнул своим слугам:

– Эй, Жасляр, эй, Бернике! Кубок вина, да самого лучшего, что найдется у нас в обозе.

Про себя же он прошептал: «С помощью Божьей Матери из Оре я, по-моему, нашел сто тысяч экю, не нанеся убытка славному королю Карлу».

Затем повернулся к командирам наемных отрядов, которые, с полудня видя коннетабля столь озабоченным, начали

проявлять беспокойство.

– Задери меня черт, господи, а не выпить ли нам немножко? – спросил он громким голосом.

Наемники не заставили себя уговаривать: они быстро спешили и осушили по доброму кубку шалонского вина за здоровье короля Франции.

II. Глава, где появляется папа, который расплачивается за то, что отлучил наемников от церкви

Армия шла вперед.

Если все дороги ведут в Рим, то дорога на Авиньон совершенно очевидно ведет в Испанию. Поэтому наемные отряды уверенно двигались по дороге на Авиньон.

Именно там и держал свой двор Урбан Пятый (сперва он был бенедиктинским монахом,¹¹⁸ потом аббатом монастыря Сен-Жермен в Осере¹¹⁹ и настоятелем монастыря Сен-Виктор в Марселе), который был избран папой с условием, что ни в чем не станет тревожить земного блаженства кардиналов и иерархов римской церкви; сразу же после избрания он стал ревностно соблюдать это условие во всей его благодушной строгости, благодаря чему рассчитывал добиться для себя права умереть в глубокой старости и окруженным ореолом святости, в чем и преуспел.

---

¹¹⁸ То есть членом старейшего католического монашеского ордена, основанного в 529 г. в Италии Бенедиктом Нурсийским. Бенедиктинцы прославились своими учеными и литературными занятиями.

¹¹⁹ Один из старейших монастырей фракции, основанный в начале VI в. в честь святого Жермена (390–448 гг.), который роднит в городе Осере и был его первым епископом.

Напомним, что преемник святого Петра¹²⁰ был тронут жалобами короля Франции на наемников и отлучил их от церкви; в своем мудром предвидении будущего король Карл Пятый дал Дюгеклену почувствовать и неприятную сторону этого шедевра политики, оставившей у коннетабля после свидания с королем живое желание вернуть все на свои прежние места.

Светлая мысль, озарившая Бертрана на длинной дороге из Шалона в Лион в лучах прекрасного закатного солнца, о коем мы упомянули всего одним словом, ибо сами были озабочены молчаливостью славного коннетабля, сводилась к тому, чтобы со своими пятьюдесятью – чуть больше или чуть меньше, как говорил Каверлэ, – тысячами наемников нанести визит папе Урбану Пятому.

Мысль сия пришлась тем более кстати, что, по мере приближения наемников к владениям его святейшества, на которого, сколь бы безобидным ни было папское отлучение, они все-таки затаили злобу, чувствовалось, что в них просыпаются воинственные и жестокие инстинкты.

Следовало также учитывать, что наемники слишком долгое время вели себя смиренно.

Когда отряды приблизились к городу на два льё, Бертран распорядился устроить привал, собрал командиров и прика-

---

¹²⁰ Святой Петр – в Новом Завете апостол, первым провозгласивший Иисуса Мессией, то есть Христом; первый римский епископ. Римские папы считались на своем престоле его преемниками и наместниками.

зал расположить войска по фронту возможно шире, чтобы эта внушительная полоса огибала город, образуя огромный лук, тетивой которого как бы служила река. После этого с дюжиной оруженосцев и французских рыцарей, составляющих его свиту, Дюгеклен верхом подъехал к воротам Воклюза и попросил аудиенции у его святейшества.

Урбан, чувствуя, что орда бандитов накатывается словно наводнение, собрал свою армию численностью в две-три тысячи человек, но, зная цену главному своему оружию, приготовился обрушить на головы наемников решающий удар ключами святого Петра.

Суть его мысли сводилась к тому, что бандиты, испугавшись папской анафемы, явятся к нему просить прощения и предложат, во искупление грехов своих, предпринять новый крестовый поход, полагая, что, благодаря их численности и силе, они извлекут выгоду из своей унижительной покорности папе.

Папа видел, с какой сильно удивившей его поспешностью примчался к нему коннетабль. В это время он как раз вкушал трапезу на террасе в тени апельсиновых деревьев и олеандров со своим братом, каноником Анджело Гринвальдом, назначенным им в Авиньонское епископство – одну из основных резиденций христианского мира.

– Неужели это вы, мессир Бертран Дюгеклен? – воскликнул папа. – Значит, вы в этой армии, которая внезапно сваливается на нас, а мы даже не знаем, откуда и зачем она идет?

– Увы, святейший отец, увы! Я даже командую ею, – ответил коннетабль, преклоняя колено.

– Тогда я могу вздохнуть спокойно, – сказал папа.

– О, и я тоже, – прибавил Анджело и как бы в подтверждение глубоко и радостно вздохнул всей грудью.

– Почему вы можете вздохнуть спокойно, святейший отец? – спросил Бертран.

И он вздохнул печально и тягостно, словно ему передалась подавленность папы.

– Так почему же вы можете вздохнуть спокойно? – переспросил Дюгеклен.

– Да потому я дышу свободно, что мне известны намерения наемников.

– Не понимаю, – удивился Бертран.

– Ведь армией командуете вы, коннетабль, человек, уважающий церковь.

– Да, святейший отец, я уважаю церковь, – подтвердил коннетабль.

– Вот и прекрасно, дражайший сын мой, добро пожаловать с миром. Но скажите все-таки, чего хочет от меня эта армия?

– Прежде всего, – начал Бертран, избегая ответа на вопрос и откладывая, насколько возможно, объяснение, – прежде всего ваше святейшество с удовольствием узнает – у меня нет в этом сомнений, – что речь идет о жестокой войне против неверных.

Урбан Пятый бросил на брата взгляд, означающий: «Вот видишь! Я не ошибался!»

Потом, довольный новым доказательством той непогрешимости, которую он сам себе придал, папа повернулся к коннетаблю.

– Против неверных, сын мой? – с умилением спросил он.

– Да, святейший отец.

– И против кого именно, сын мой?

– Против испанских мавров.

– Благотворная мысль, коннетабль, она достойна христианского героя, ибо я полагаю, что принадлежит она вам.

– Мне и славному королю Карлу Пятому, святейший отец, – ответил Бертран.

– Вы поделитесь славой, а Бог сумеет воздать и голове, которая эту мысль породила, и длани, которая воплотила ее в жизнь. Так ваша цель...

– Наша цель, – и дай Бог, чтоб она была исполнена! – наша цель в том, чтобы истребить неверных, святейший отец, и да воссияет над их жалкими останками слава католической веры!

– Сын мой, обнимите меня, – сказал Урбан Пятый, расстроганный до глубины души и восхищенный неустрашимостью коннетабля, который отдавал свой меч на службу церкви.

Бертран посчитал себя недостойным столь великой чести и удовольствовался тем, что поцеловал его святейшеству ру-

ку.

– Но, – продолжал коннетабль после короткой паузы, – вам известно, святейший отец, что солдаты, которых я веду в столь героическое паломничество, – те же самые, коих его святейшество посчитало долгом недавно отлучить от церкви.

– В то время я был прав, сын мой, и даже думаю, что тогда и вы были со мной согласны.

– Ваше святейшество всегда правы, – ответил Бертран, пропустив это замечание мимо ушей, – но все-таки они отлучены, и я не скрою от вас, святейший отец, что это угнетающе действует на людей, которые идут сражаться за христианскую веру.

– Сын мой, – сказал Урбан, медленно осушая бокал, наполненный золотистым монтепульчиано,¹²¹ которое он любил больше всех остальных вин, даже тех, что рождались на холмах по берегам прекрасной реки, омывающей стены папской столицы,¹²² – сын мой, церковь, как я ее понимаю – это вам хорошо известно, – терпима и милосердна; будь милосерден ко всякому греху, особенно когда грешник искренне раскаивается и если вы, один из столпов веры, поручитесь, что они вернуться к благоверию...

---

¹²¹ Монтепульчиано – общее название группы сортов вин, произведенных в Центральной и Южной Италии; название получили от города Монтепульчиано в Тоскане.

¹²² То есть Роны.

– О да, конечно, святейший отец!

– Тогда, – продолжал Урбан, – я сниму анафему и соглашусь, чтобы они испытывали лишь малую толику тяжести гнева моего, который, как вы сами видите, сын мой, исполнен снисхождения, – с улыбкой закончил папа.

Бертран сдержал себя, полагая, что его святейшество заблуждается все глубже.

Урбан по-прежнему говорил преисполненным кротостью голосом, хотя в нем все-таки звучала та твердость, что надлежит являть человеку, дарующему прощение, который, прощая, не забывает о серьезности оскорбления.

– Вы понимаете, дражайший сын мой, что люди эти скопили богатства несправедливые, а как глаголет «Екклесиаст»: ¹²³ «*Onte malum in pravo fenore*».

– Я не знаю древнееврейского языка, святейший отец, – смиренно признался Бертран.

– Посему я и говорил с вами на простой латыни, сын мой, – с улыбкой сказал Урбан Пятый. – Но я запомнил, что воины не бенедиктинские монахи. Поэтому вот перевод слов, мною сказанных, которые, как вы убедитесь, чудесно подходят к создавшемуся положению: «Все зло в богатстве, несправедно нажитом».

– Золотые слова! – воскликнул Дюгеклен, улыбаясь в

---

¹²³ Имеется в виду библейская Книга Екклесиаста, или Проповедника, приписываемая царю израильскому Соломону. По-видимому, Дюма приводит выдержку не совсем точно. В русском переводе нитруемый стих гласит: «И кто любит богатство, тому нет пользы от того».

пышную бороду той шутке, которую, быть может, сыграет с его святейшеством это изречение.

– Поэтому, – продолжал Урбан, – я твердо решил, и это из уважения к вам, сын мой, клянусь, только ради вас, что сии нечестивцы – а они, верьте мне, нечестивцы, хотя и раскаиваются, – что на их имущество, говорю я, будет наложена десятина и благодаря этой мзде с них будет снята анафема. Теперь, вы сами видите это, когда я действую по своей доброй воле, даже не подвергаясь вашему нажиму, вам надлежит восхвалить перед ними, дражайший сын, ту милость, которую я им оказываю, ибо она велика.

– Она поистине велика, – согласился коленопреклоненный Бертран, – но я сомневаюсь, что они оценят ее по достоинству.

– Неужто так? – спросил Урбан. – Ну хорошо, сын мой, давайте решим, в каком размере установим мы искупительную десятину?

И, словно в поисках ответа на этот щекотливый и важный вопрос, Урбан повернулся к брату, который, томно расслабившись, уже представлял себя будущим папой.

– Пресвятейший отец, – ответил Анджело, откинувшись на спинку кресла и покачивая головой, – потребуется много мирского злата, чтобы утешить боль от ваших кар небесных.

– Несомненно, несомненно, – подтвердил Урбан, – но мы милостивы, и, надо признаться, все склоняет нас к милосердию. В этом авиньонском краю небо так лазурно, воздух так

чист, когда мистраль¹²⁴ позволяет нам забыть, что он прячется в пещерах на горе Ветров, и все эти дары Господни возвещают людям о сострадании и братстве. Да, – прибавил папа, протягивая золотой кубок юному облаченному в белое пажу, который тут же наполнил его вином, – воистину все люди – братья.

– Позвольте, святейший отец, – заметил Бертран. – Я забыл сказать вашему святейшеству, в качестве кого я сюда прибыл. Я приехал с миссией посланца тех храбрых людей, о которых шла речь.

– И, будучи таковым посланцем, вы спрашиваете у нас отпущение грехов, не так ли?

– Прежде всего, святейший отец, разумеется, ваше прощение, которое всегда драгоценно для нас, несчастных солдат, что в любое мгновение могут погибнуть.

– О сын мой, считайте, что наше прощение даровано вам. Мы хотели сказать, что явлена наша милость или наше прощение, если вам это больше нравится.

– Мы рассчитываем получить его, святейший отец.

– Конечно, но вы знаете, на каких условиях мы можем даровать его.

– Увы, – возразил Дюгеклен, – условия эти неприемлемы, ибо ваше святейшество забывает о том, что армия намерена делать в Испании.

---

¹²⁴ Мистраль – сильный и холодный северо-западный ветер, дующий в Южной Франции.

– И что же она будет там делать?

– Мне кажется, святейший отец, я уже говорил вам, что она будет сражаться за церковь Христову.

– Ну и что же?

– Как что? Она имеет право, отправляясь на это святое дело, не только на любое прощение и любое отпущение грехов со стороны вашего святейшества, но еще и на вашу помощь.

– На мою помощь? – переспросил Урбан, которого стала охватывать смутная тревога. – Что разумеете вы под этими словами, сын мой?

– Я разумею то, святейший отец, что апостольский престол великодушен и богат, что распространение веры ему весьма выгодно и что он способен заплатить за это для своей же пользы.

– Подумайте, что вы говорите, мессир Бертран! – перебил его Урбан, вскочив с кресла в приступе плохо скрываемой ярости.

– Его святейшество, я вижу, прекрасно меня поняли, – возразил коннетабль, поднимаясь с пола и отряхивая колени.

– Нет, не понял, – вскричал папа, который явно и не стремился понять коннетабля, – не понял, объяснитесь!

– Итак, святейший отец, знаменитые воины (они, правда, немного нечестивцы, хотя сильно раскаиваются), которых вы видите с террасы, бесчисленные, как листья в лесу и песчинки в море, – по-моему, это сравнение содержат священные книги, – знаменитые воины, коих, я повторяю, вы созерца-

ете отсюда, ведомые Гуго де Каверлэ, Смельчаком, Клодом Живодером, Вилланом Заикой, Оливье де Мони, ждут от вашего святейшества денежной помощи, чтобы начать военные действия. Король Франции обещал сто тысяч золотых эю; этот христианнейший государь наверняка заслуживает так же, как папа римский, быть причисленным к лику святых. Поэтому вы, ваше святейшество, представляющее собой замок в своде христианского мира,¹²⁵ вполне могли бы дать, например, двести тысяч эю.

Урбан снова подскочил в кресле. Но подобная упругость тела святого отца объяснялась лишь его нервной перевозбужденностью и ничуть не смутила Бертрана, который столь же почтительно, сколь и твердо, стоял на своем.

– Мессир, – сказал его святейшество, – я понимаю, что людей портит общество грабителей, и тем из них – имен я не назову, – кто до сего дня пользовался милостями святого престола, было бы вполне, мне кажется, воздано по заслугам, если б на их голову обрушились его кары.

Грозные эти слова, на действие которых папа сильно надеялся, к его великому изумлению, оставили коннетабля равнодушным.

– У меня, – продолжал святой отец, – шесть тысяч солдат. Бертран понял, что Урбан Пятый, подобно Гуго де Каверлэ и Смельчаку, приврал ровно наполовину, что показалось

---

¹²⁵ Здесь использован образ замкового камня – скрепляющего клинообразного камня в вершине арки или свода здания.

ему, несмотря на сложность обстановки, несколько рискованным со стороны папы.

– У меня шесть тысяч солдат в Авиньоне и тридцать тысяч горожан, способных держать оружие. Да, способных держать оружие... Город укреплен, и даже не будь у меня ни крепостных стен, ни рвов, ни пик, у меня на челе тиара.¹²⁶ святого Петра, и я один, воззвав к Господу, прегражу путь варварам, не столь отважным, как воины Аттилы, коих папа Лев остановил у стен Рима¹²⁷

– Полноте, святейший отец. Духовные и мирские войны с королями Франции, старшими сыновьями церкви, всегда плохо удаются наместникам Христа, Свидетелем тому – ваш предшественник Бонифаций Восьмой, который получил, – храни меня Бог, чтоб я простил подобную обиду! – получил, говорю я, пощечину от Колонны¹²⁸ и умер в тюрьме, грызя

---

¹²⁶ Тиара – тройная корона римского папы.

¹²⁷ В 452 г. войска Аттилы подошли к Риму. Папа римский, святой Лев I Великий (ум. в 461 г.) умолил святых апостолов Петра и Павла спуститься с небес и остановить варваров. На этот сюжет написана фреска Рафаэля, хранящаяся в Ватикане.

¹²⁸ Бонифаций VIII (ок. 1235–1303) вступил на святой престол в 1294 г. В 1302 г. он в булле «UnafflSanctue» («Единую Святую») вновь провозгласил верховенство пап над светской властью. Против этого выступил король Франции Филипп IV Красивый. Для объяснений с Бонифацием VIII он в 1303 г. послал в Анаби, город в Папской области, своего канцлера Гийома Ногаре и Сьяру Колонна, представителя древнего римского рода, который был тогда на французской службе – Колонна ударил папу по лицу. Не пережив этого унижения, Бонифаций VIII через несколько дней скончался.

собственные кулаки. Вы уже видите, какую услугу оказало вам это отлучение, ибо люди, проклятые вами, вместо того чтобы разбежаться, наоборот, сплотились и пришли добиваться от вас прощения вооруженной рукой. Что до ваших мирских сил, то шесть тысяч солдат и двадцать тысяч увальней-горожан ничтожно мало; жалкие двадцать шесть тысяч, даже если считать каждого горожанина мужчиной, против пятидесяти тысяч закаленных воинов, не боящихся ни Бога, ни черта и привыкших к папам гораздо больше, чем солдаты Аттилы, которые видели папу впервые – именно об этом я умоляю подумать его святейшество, прежде нежели он предстанет перед наемниками.

– Пусть только посмеют! – воскликнул Урбан с горящими яростью глазами.

– Святой отец, я не знаю, посмеют они или нет, но ребята они бравые.

– Посягнуть на помазанника Господня! О, несчастные христиане!

– Позвольте, позвольте, святейший отец, люди эти вовсе не христиане, ибо отлучены от церкви... И неужели вы думаете, что они пощадят кого-либо? Вот если б их не отлучили от церкви – дело другое: они могли бы опасаться анафемы. Но сейчас им ничего не страшно.

Чем весомее были доводы Дюгеклена, тем сильнее нарастал гнев папы; вдруг он встал и подошел к Бертрану:, – А вы сами, делающий мне столь странное предупреждение,

неужели считаете себя здесь в полной безопасности?

– Я здесь в большей безопасности, чем даже вы, ваше святейшество, – ответил Бертран с невозмутимостью, которая вывела бы из себя самого святого Петра. – Ибо если допустить – хотя я даже представить себе этого не могу, – что со мной случится несчастье, то ни от славного города Авиньона, ни от выстроенного вами великолепного дворца, сколь бы он ни был неприступен, не останется камня на камне. О, эти прохвосты – дерзкие громилы, они по щепкам разнесут любую крепость так же быстро, как регулярная армия сметет со своего пути какую-нибудь хибару. К тому же вряд ли они на этом остановятся: проникнув из города в замок, они вслед за замком примутся за гарнизон, потом за горожан, и от тридцати тысяч ваших людей и костей не останется; значит, по воле вашего святейшества, я чувствую себя здесь в большей безопасности, нежели в собственном лагере.

– Пусть так! – вскричал разъяренный папа, понимая, что коннетабль связал его по рукам и ногам. – Пусть так! Но я упрям и буду ждать.

– Поистине, святейший отец, – сказал Бертран, – даю вам слово рыцаря, что сим отказом вы изменяете себе. Я был убежден – но, судя по тому, что вижу, ошибался, – что ваше святейшество пойдет навстречу и принесет жертву, как ему повелевает вера, и, следуя примеру славного короля Карла Пятого, святой апостольский престол выдаст двести тысяч экю. Поймите, святейший отец, – прибавил коннетабль, на-

пуская на себя совсем печальный вид, – для доброго христианина, вроде меня, очень тяжело видеть, как первый князь церкви отказывается помочь тому благому делу, какое мы свершаем. Мои достойные командиры никогда не поверят в это.

Поклонившись смиреннее, чем обычно, Урбану Пятому, потрясенному неожиданными событиями, с какими ему пришлось столкнуться, коннетабль, почти пяться, вышел с террасы, сбежал по лестнице и, найдя у ворот свою свиту, которая уже начинала беспокоиться о его судьбе, поскакал обратно в лагерь.

III. Каким образом монсеньер легат¹²⁹ приехал в лагерь и как его там приняли

Вернувшись в лагерь, Дюгеклен начал понимать, что столкнется с большими трудностями, осуществляя задуманный им прекрасный план, который преследовал три основных цели – расплатиться с наемниками, покрыть расходы на военную кампанию и помочь королю закончить постройку дворца Сен-Поль, – если папа Урбан будет пребывать в том расположении духа, в каком он его застал.

Церковь упряма. Карл V – человек богобоязненный. Не стоило ссориться со своим властелином под тем предлогом, будто хочешь оказать ему услугу; нельзя было в начале кампании давать повод для суеверных суждений: после первых же военных неудач эти поражения не преминули бы приписать безбожию полководца и карающим молитвам папы римского.

Но Дюгеклен был бретонец, а значит, упрямее всех пап римских и прошлого и будущего. Кстати, оправдывая свое упрямство, он мог сослаться на необходимость – эту неумолимую богиню, которую древние изображали с оковами на руках.

---

¹²⁹ Легат – титул высших дипломатических представителей римского папы.

Поэтому он решил придерживаться своего плана, рискуя дальше действовать по воле обстоятельств, следуя ему или отказываясь от него – смотря по тому, как обстоятельства эти будут складываться.

Дюгеклен приказал своим людям снарядить обозы и готовиться выступать, отдал приказ бретонцам – они пришли два дня назад под водительством Оливье де Мони и Заики Виллана – выдвинуться ближе к Вильнёву, чтобы с высоты террасы, где неотлучно находился святой отец, тот мог видеть, как широкая голубоватая лента войск извивается, слов-до лазурная змея, кольца которой под лучами заходящего солнца то сверкали ярче золота, то вспыхивали более зловеще, чем молнии папского проклятия.

Урбан V был сведущ в военном деле почти столь же, сколь славен был в делах божественных. Ему не нужно было вызывать своего главнокомандующего, чтобы понять, что стоит. Этой змее проползти чуть вперед, как Авиньон будет окружен.

– По-моему, они совсем обнаглели, – сказал он своему легату, с тревогой наблюдая за маневром наемников.

И желая убедиться, столь ли сильно разъярены отряды наемников и их командиры, как сказал ему Дюгеклен, папа Урбан V¹³⁰ направил своего легата к коннетаблю.

Легат не присутствовал на беседе папы с Дюгекленом, по-

---

¹³⁰ Папа Урбан V (1309–1370) – в миру Гийом Грино де Бове; избран папой в 1362 г.

этому он не знал, что Дюгеклен требовал совсем другого, нежели смягчения анафемы, провозглашенной отрядам наемников; это неведение придало легату уверенность, что он отделается малым числом индульгенций и благословений.

Посему он отправился в лагерь верхом на муле в сопровождении бледного ризничего, своего приспешника.

Мы уже сказали, что легат ни о чем не ведал. Папа посчитал, что сообщать о своих опасениях посланцу – значит ослаблять доверие, которое тот должен питать к силе своего владыки. Вот почему аббат с радостной уверенностью ехал из города в лагерь, заранее наслаждаясь коленопреклонениями и крестными знамениями, которыми встретят его при въезде.

Но Дюгеклен, будучи ловким дипломатом, выставил в охрану лагеря англичан – людей, мало пекущихся об интересах папы, с которым вот уже более столетия они вели спор, и, кроме того, предусмотрительно переговорил с ними, чтобы склонить их на свою сторону.

– Будьте начеку, братья, – предупредил он, возвратившись в лагерь. – Вполне возможно, что его святейшество бросит на нас несколько своих вооруженных отрядов. Я только что немного поспорил с его святейшеством: я полагаю, он должен нам оказать одну любезность в обмен на злополучную анафему, которую он обрушил на наши головы. Я говорю «на наши», ибо с той минуты, как вы стали моими солдатами, я считаю себя тоже отлученным и так же, как вы, обреченным

угодить в ад. Ведь святейшество – человек просто невероятный, слово коннетабля! Он отказывает нам в этой любезности... При этих словах англичане встrepенулись, словно псы, которых забавы ради дразнит хозяин.

– Ладно! Ладно! – закричали они. – Пусть папа нас только тронет, и он увидит, что имеет дело с воистину проклятыми Богом людьми!

Услышав это, Дюгеклен счел их достаточно подготовленными и приехал в лагерь французов.

– Друзья мои, – обратился он к ним, – возможно, к вам приедет посланец папы. Римский папа – не знаю, поверите ли вы в это, – римский папа, получивший от нас Авиньон и графство, отказывает мне в помощи, которую я у него попросил ради нашего славного короля Карла Пятого, и признаюсь – пусть даже признание мое повредит мне в ваших глазах, – мы с ним слегка повздорили. В этой ссоре (наверное, в том, что она случилась, моя вина, да рассудит ее ваша совесть), – в этой ссоре папа римский неосторожно сказал мне, что, если не подействует духовное оружие, он прибегнет к оружию мирскому... Вы видите – я до сих пор дрожу от гнева!

Французы – по-видимому, уже в XIV веке солдаты папы снискали у них жалкую репутацию¹³¹ – лишь громко расхо-

---

¹³¹ По-видимому, Дюма намекает на крайне низкую боеспособность папских войск во время столкновения их с французской армией при ее вторжении в Италию в конце XVIII в.

хотались в ответ на краткую речь Дюгеклена.

«Добро! – подумал коннетабль. – Они встретят посланцев свистом, а этот звук всегда неприятен; теперь пойду к моим бретонцам, с ними будет потруднее».

Действительно, бретонцев – особенно бретонцев той эпохи, – людей набожных до аскетизма, могла страшить ссора с папой римским, поэтому Дюгеклен, чтобы сразу расположить их к себе, вошел к ним с совершенно убитым лицом. Бретонские солдаты относились к нему не только как к земляку, но и как к собственному отцу, потому что не было среди них ни одного, кому бы коннетабль чем-либо не помог, а многих он даже спас от плена, смерти или нищеты.

Увидев его лицо, выразившее, как мы уже сказали, глубокое горе, дети древней Арморики¹³² сгрудились вокруг своего героя.

– О чада мои! – воскликнул Дюгеклен. – Вы видите меня в отчаянии. Поверите ли вы, что папа не только не снял анафемы с наемников, но наложил ее и на тех, кто соединился с ними, чтобы отомстить за смерть сестры нашего доброго короля Карла? Так что мы, достойные и честные христиане, стали нехристями, псами, волками, которых может травить каждый. Клянусь, папа римский безумен!

Среди бретонцев послышался глухой ропот.

– Надо также сказать, – продолжал Дюгеклен, – что ему подают очень дурные советы. Кто – мне это неизвестно. Но я

---

¹³² Арморикой кельты называли Бретань.

точно знаю, что он грозит нам своими итальянскими рыцарями и занят сейчас тем – вам даже в голову это не придет, – что осыпает их индульгенциями,¹³³ чтобы послать сражаться с нами.

Бретонцы угрожающе зарычали.

– А ведь я просил у нашего святого отца лишь права на католическое причастие и христианское погребение. Это такая малость для людей, идущих на борьбу с неверными. Вот, чада мои, до чего мы дошли. На этом я с ним и расстался. Не знаю, что думаете вы, но я считаю себя столь же добрым христианином, как любой другой человек. И я заявляю, что если наш святой отец Урбан Пятый намерен вести себя с нами как земной король – что ж, посмотрим кто кого! Не можем же мы позволить, чтобы нас побили эти папские служки!

После этих слов бретонцы с такой яростью повскакали с мест, что Дюгеклену пришлось их успокаивать.

Именно в эту минуту легат, выехавший из Лулльских ворот и переехавший мост Бенезе, въезжал в первый пояс лагерных укреплений. Он блаженно улыбался.

Англичане сбежались к ограде, чтобы поглазеть на него, и нагло орали:

– Эй! Эй! Это что за мул?!

Услышав такое оскорбление, ризничий¹³⁴ побледнел от гнева, но тем не менее притворно-отеческим тоном, обыч-

---

¹³³ Индульгенция – папская грамота об отпущении грехов.

¹³⁴ Ризничий – священнослужитель, ведущий церковным имуществом.

ным для слугителей церкви, ответил:

– Легат его святейшества.

– Хо-хо-хо! – гоготали англичане. – А где мешки с деньгами? Ну-ка, покажи. Сможет ли мул их дотащить?

– Деньги! Деньги! – скандировали другие.

Никто из командиров не появился; предупрежденные Дюгекленом, они попрятались в своих палатках.

Оба посланца пересекли первую линию – ее, как мы видели, составляли англичане – и проникли на стоянку французов, которые, едва завидев их, бросились им навстречу.

Легат подумал, что они хотят оказать почести, и уж было приободрился, когда вместо ожидаемых смиренных приветствий услышал со всех сторон громкий смех.

– О господин легат, добро пожаловать! – кричал солдат (уже в XIV веке солдаты были такими же охальниками, что и в наши дни). – Неужели его святейшество прислал вас как авангард своей кавалерии?

– И намерен перегрызть нам глотки с помощью челюстей вашего мула? – орал другой.

И каждый, наотмашь стегая хлыстом по крупу мула, громко хохотал, отпуская шуточки с остервенением, которое унижало легата сильнее, нежели корыстные требования англичан. Последние, однако, отнюдь не оставляли его в покое; несколько человек шли следом, вопя во всю мощь своих глоток: «Money! Money!»¹³⁵

---

¹³⁵ «Деньги! Деньги!» (англ.)

Легат довольно быстро преодолел вторую линию.

И тут настал черед бретонцев, хотя, в отличие от других, они шутить не были намерены. Сверкая глазами, сжимая огромные кулачищи, они вышли навстречу легату, завывая страшными голосами:

– Отпущения грехов! Отпущения грехов!

Через четверть часа легат от крика, несущегося на него со всех сторон, уже ничего не мог разобрать в этом содоме, подобном грохоту бушующих волн, раскатам грома, вою зимнего ветра и скрежету камней, выбрасываемых морем на берег.

Ризничий утратил былую уверенность и дрожал всем телом. Со лба легата уже давно ручьем катился пот, а зубы его выбивали дробь. Поэтому легат, все больше бледнея и боясь за своего мула, на круп которого пытались на ходу вскочить французские шутники, робко спрашивал:

– Где ваши командиры, господа? Где? Не будет ли кто-нибудь из вас столь добр проводить меня к ним?

Услышав столь жалобный голос, Дюгеклен счел, что ему пора вмешаться. Могучими плечами он рассек толпу – люди вокруг заходили волнами, – словно буйвол, который пробирается сквозь степные травы или тростники Понтэнских болот.

– А, это вы, господин легат, посланец нашего святого отца, черт меня задери! Какая честь для преданных анафеме! Назад, солдаты, осадите назад! Ну что ж, господин легат, соблаго-

волите пожаловать ко мне в палатку. Господа! – вскричал он голосом, в котором не было и тени гнева. – Прошу вас оказывать почтение господину легату. Он, вероятно, везет нам добрый ответ его святейшества. Господин легат, не изволите ли опереться на мою руку, чтобы я помог вам слезть с мула? Вот так! Вы уже на земле? Прекрасно, теперь пойдете.

Легат не заставил дважды себя упрашивать и, схватив сильную руку, протянутую ему бретонским рыцарем, спрыгнул на землю и прошел сквозь толпу солдат из разных стран, сбежавшуюся на него поглазеть; от кривляющихся фигур, опухших рож, хохота и грубых шуточек волосы вставали дыбом на голове ризничего: он, и не зная языков, понимал все, поскольку нехристи сопровождали свои слова довольно красноречивыми жестами.

«Что за люди! – шептала про себя церковная крыса. – Что за сброд!»

Войдя в палатку, Бертран Дюгеклен почтительно поклонился легату, попросив прощения за поведение своих солдат в выражениях, несколько приободривших несчастного посланца.

Легат, убедившись, что он почти вне опасности и под защитой слова коннетабля, тут же вспомнил о своем достоинстве и завел долгую речь, смысл коей заключался в том, что папа иногда дарует строптивым отпущение грехов, но никогда никому не дает денег.

Другие офицеры – по совету Дюгеклена они подходили

постепенно и набивались в палатку – выслушали эту речь и без обиняков объявили легату, что подобный ответ их всем не устраивает.

– Ну что ж, господин легат, – сказал Дюгеклен, – я начинаю думать, что никогда мы не сделаем наших солдат достойными людьми.

– Позвольте, – возразил легат, – мысль о вечном проклятии, что единым словом обрекло на погибель множество душ, тронула его святейшество; учитывая, что среди этих душ одни виновны менее других, но есть и такие, кто искренне раскаивается, его святейшество во благо ваше явит чудо милосердия и доброты.

– Ха-ха-ха, это еще что такое? – заорали командиры. – Мы еще посмотрим, что это за чудо!

– Его святейшество, – ответил легат, – дарует то чудо, которого вы жаждете.

– А дальше что? – спросил Бертран.

– Как что? – переспросил легат, ни разу не слышавший, чтобы его святейшество говорил о чем-нибудь другом. – Разве это не все?

– Нет, не все, – возразил Бертран, – далеко не все. Остается еще вопрос о деньгах.

– Папа мне ни слова не сказал о деньгах, и я об этом ничего не знаю, – сказал легат.

– Я полагал, – продолжал коннетабль, – что англичане высказали вам на сей счет свое мнение. Я слышал, как они кри-

чали «Money! Money!»

– У папы денег нет. Сундуки казны пусты. Дюгеклен повернулся к командирам наемников, словно спрашивая их, удовлетворены ли они таким ответом. Командиры пожали плечами.

– Что хотят сказать эти господа? – встревоженно осведомился легат.

– Они хотят сказать, что в таких случаях святому отцу следует поступать так же, как они.

– В каких случаях?

– Когда их сундуки пусты.

– И что же они делают?

– Наполняют их деньгами. И Дюгеклен встал.

Легат понял, что аудиенция окончена. Легкий румянец выступил на загорелых скулах коннетабля.

Легат сел верхом на мула и уже намеревался отправиться обратно в Авиньон вместе со своим ризничим, которого, кстати, страх охватывал все больше и больше.

– Постойте, – сказал Дюгеклен, – подождите, господин легат. Одного я вас не отпущу – ведь по дороге на вас могут напасть, а мне, бес меня заberi, это было бы неприятно.

Легат был потрясен, и это доказывало, что, в отличие от Дюгеклена, не поверившего его словам, он, папский посланец, поверил словам Дюгеклена.

Коннетабль, молча шагая рядом с мулом, которого вел в поводу ризничий, проводил легата до границ лагеря; но их

сопровождал столь выразительный ропот, столь грозное бряцание оружия и столь угрожающие проклятия, что отъезд, хотя и под охраной коннетабля, показался бедному легату куда страшнее приезда.

Поэтому, едва выехав за пределы лагеря, легат пришпорил своего мула так, словно боялся погони.

IV. Как его святейшество папа Урбан V в конце концов решился оплатить крестовый поход и благословить крестоносцев

Перепуганный легат еще не вернулся в Авиньон, а Дюгеклен двинул вперед войска, и это сильно напугало Урбана V, с высоты террасы наблюдавшего за тем, как замыкается грозное кольцо окружения. Благодаря этому маневру Вильнёв-ла-Бепод и Жервази были взяты без сопротивления, хотя в Вильнёве стоял гарнизон из пятисот или шестисот солдат.

Занять эти города коннетабль поручил Гуго де Каверлэ. Он знал манеру англичан располагаться на постой и не сомневался, что на авиньонцев подобное начало военных действий произведет должное впечатление.

Действительно, в тот же вечер с высоты городских стен авиньонцы могли видеть большие костры, которые с трудом разгорались, но каким-то чудом все-таки неизменно ярко вспыхивали. Постепенно ориентируясь и узнавая места, где бушевало пламя, они убеждались, что горели их собственные дома, а на растопку шли их оливковые деревья.

Одновременно англичане сменили вина из Шалона, Торена и Бона, остатками коих они еще пробавлялись, на вина из Ривзальта, Эрмитажа и Сен-Перре, которые показались им

крепче и слаще.

При зареве пожаров, опоясывавших город и освещавших англичан, которые располагались на ночлег, папа и собрал свой совет.

Мнения кардиналов, по обыкновению, и даже резче, чем обычно, разделились. Многие склонялись к ужесточению, которое должно было бы обрушиться не только на наемников, но и на Францию спасительным страхом.

Однако легат, в чьих ушах еще звучали крики отлученной от церкви солдатни, отнюдь не скрывал от его святейшества и совета своих впечатлений.

Ризничий же на папской кухне рассказывал об опасностях, которым он подвергся вместе с господином легатом и которых оба избежали лишь благодаря их героической выдержке, вынудившей англичан, французов и бретонцев держать себя почтительно.

В то время как поваренок рукоплескал храбрости церковного служки, кардиналы слушали рассказ легата.

– Я готов отдать жизнь на службе нашему святому отцу, – говорил он, – и заявляю, что уже приносил ее в жертву, но она никогда не подвергалась столь грозной опасности, как во время нашей миссии в лагерь. Я также заверяю, что без повеления его святейшества, который этим обречет меня на муки, на страдания, – я их принял бы с радостью, если бы мог думать, что сие хоть немного укрепит нашу веру, – я не вернусь к этим бесноватым, если не привезу им того, что они

требуют.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал папа, сильно растрогавшись и не менее сильно встревожившись.

– Но, ваше святейшество, – заметил один из кардиналов, – мы уже смотрим и даже прекрасно видим.

– И что же вы видите? – спросил Урбан.

– Видим, что на равнине пылают десяток домов, среди которых я отчетливо различаю и мой дом. Вот, смотрите, Святейший отец, как раз сейчас рушится крыша.

– Суть в том, что положение представляется мне чрезвычайным, – сказал Урбан.

– А мне – крайне чрезвычайным, святейший отец, ведь у меня в погребах хранится шестилетний урожай вина. Говорят, нехристи даже не тратят времени на то, чтобы правильно вскрыть бочку, а просто высаживают днище и лакают вино.

– А я, – подхватил третий кардинал, к чьей усадьбе уже подбирались языки пламени, – держусь мнения, что надо отправить посланца к коннетаблю, прося его от имени церкви немедленно прекратить опустошения, которые его солдатня творит на наших землях.

– Не хотите ли вы взять на себя эту миссию, сын мой? – спросил папа.

– С величайшим удовольствием, ваше святейшество, но я плохой оратор, а поскольку коннетабль меня не знает, лучше было бы, по-моему, послать к нему человека, с которым он

уже знаком.

Папа повернулся к легату.

– Я прошу дать мне время прочесть «In manus», – ответил тот.

– Правильно, – согласился папа.

– Но торопитесь! – вскричал кардинал, дому которого угрожал огонь. Легат встал, осенил себя крестным знаменем и объявил:

– Я готов идти на муки.

– Благословляю вас, – сказал папа.

– Но что я скажу им?

– Скажите, пусть они загасят огонь – а я загашу гнев свой, пусть они прекратят поджоги – а я перестану их проклинать.

Легат покачал головой, как человек, сильно сомневающийся в успехе своей миссии, но все-таки послал за верным ризничим, которому – едва он закончил рассказ о своей илиаде, – к великому ужасу, предстояло теперь пережить одиссею.¹³⁶

Как и в первый раз, оба выехали на муле. Папа хотел дать им эскорт гвардейцев, но те наотрез отказались, заявив, что их наняли на службу его святейшества для того, чтобы нести охрану и вязать чулки, а не для того, чтобы покрывать себя позором в схватках с нехристями.

Поэтому легат вынужден был отправиться без охраны;

---

¹³⁶ Здесь название поэмы Гомера «Одиссея» употребляется в значении «приключения».

впрочем, он был почти доволен этим: будучи вдвоем с ризничим, он мог, по крайней мере, рассчитывать на свою слабость.

Легат подъезжал к лагерю с сияющим от радости лицом; он обломал целое оливковое дерево и, еще издали завидев англичан, стал размахивать этим символом мира:

– Добрые вести! Добрые вести!

Поэтому англичане – языка они не понимали, но поняли его жест – приняли легата не так грубо; французы, которые прекрасно все поняли, выжидали; а бретонцы, которые почти поняли, кланялись ему.

Возвращение легата в лагерь тем больше напоминало триумф, что, при наличии безграничной доброй воли, пожар можно было принять за праздничный фейерверк.

Но когда настало время сообщить Дюгеклену, что он вернулся, не привезя с собой ничего, кроме обещанного в первый приезд папского прощения, свое поручение несчастный посланец исполнил со слезами на глазах.

К тому же, когда он закончил свою речь, Дюгеклен взглянул на него с таким видом, будто вопрошал: «И вы посмели вернуться, чтобы сделать мне подобное предложение?»

Поэтому легат, уже не раздумывая, закричал:

– Спасите мне жизнь, господин коннетабль, спасите мою жизнь, ибо, когда ваши солдаты узнают, что я, обещавший им добрые вести, приехал с пустыми руками, они наверняка убьют меня!

– Гм! – произнес Дюгеклен. – Я бы не стал этого отрицать, господин легат.

– Горе мне! Горе! – стонал легат. – Я же предупреждал его святейшество, что он посылает меня на мученическую смерть.

– Признаюсь вам, – сказал коннетабль, – что эта солдатня – оборотни, нелюди. Анафема так на них подействовала, что я сам удивился. Я считал их более грубыми, и, поистине, если сегодня каждый из них не получит по два-три золотых экю, чтобы остудить им ожоги от молний папского гнева, я ни за что не поручусь: ведь завтра они могут спалить Авиньон, а в Авиньоне – ужас охватывает меня! – кардиналов и заодно с ними – прямо дрожь берет! – самого папу.

– Но ведь вы понимаете, мессир коннетабль, – объяснял легат, – мне необходимо доставить ваш ответ, чтобы там смогли принять решение, которое предотвратит столь великие беды, а для этого я должен вернуться живым и здоровым.

– Вы вернетесь слегка потрепанным, – заметил Дюгеклен, – хотя, по-моему, это лишь произведет на них более сильное впечатление. Но, – поспешил он прибавить, – мы не хотим принуждать его святейшество: мы хотим, чтобы его решение стало выражением его желания, результатом его свободной воли. Поэтому я сам провожу вас, как уже сделал это в первый раз, и для большей надежности выведу через другие ворота.

– Ох, мессир коннетабль, – вздохнул легат, – слава Богу,

что вы истинный христианин.

Дюгеклен сдержал слово. Легат выбрался из лагеря целым и невредимым, но после его отъезда грабеж, ненадолго прерванный сообщением о добрых вестях, возобновился с пущим неистовством: разочарование усилило гнев.

Вина были выпиты, вещи разграблены, корма уничтожены.

С высоты городских стен авиньонцы – даже самые храбрые не смели выходить за ворота – по-прежнему наблюдали, как их подчистую грабят и разоряют.

Кардиналы стонали.

Тогда папа предложил наемникам сто тысяч экю.

– Принесите деньги, а там видно будет, – был ответ Дюгеклена.

Папа собрал совет и с глубокой скорбью на лице объявил:

– Дети мои, надо пойти на жертву.

– Да, – единодушно поддержали его кардиналы, – к тому же, как глаголет Иезекииль,¹³⁷ враг пришел на землю нашу, пожег и залил кровью города наши, надругался над женами и дочерьми нашими.

– Так принесем же нашу жертву, – призвал Урбан V.

И казначей уже был готов получить приказ отправиться за деньгами.

– Они требуют сто тысяч экю, – сказал папа.

---

¹³⁷ Имеется в виду предсказание бедствий народа израильского в библейской Книге пророка Иезекииля.

– Надо отдать им деньги, – заявили кардиналы.

– Увы, надо! – согласился его святейшество и, воздев глаза к небу, глубоко вздохнул.

– Анджело, – продолжал папа, – вы отправитесь возвестить, что я накладываю на город подать в сто тысяч экю. Сперва не говорите, золотом или серебром, это прояснится позднее, скажите только, что я накладываю подать в сто тысяч экю на несчастный народ.

Накладывать на кого-либо подать, наверное, было не очень в духе французов, но, кажется, было вполне по-римски, так как папский казначей ни словом не возразил.

– Если люди будут жаловаться, продолжал папа, – вы скажите обо всем, чему сами были свидетелем, и о том, что ни мои молитвы, ни молитвы кардиналов не смогли спасти возлюбленный мой народ от сей крайней меры, столь горестной сердцу моему. Кардиналы и казначей с восхищением взирали на папу.

– В самом деле, – сказал папа, – бедные эти люди будут даже рады выкупить за такую низкую цену свои дома и свое добро. Но воистину, – прибавил он со слезами на глазах, – для государя нет ничего печальнее, чем просто так отдавать деньги подданных...

– ...которые принесли бы великую пользу его святейшеству в любом другом случае, – закончил, поклонившись, казначей.

– В конце концов, так угодно Господу! – воскликнул папа.

Подать была объявлена при сильном ропоте недовольства, если люди узнавали, что вносить надо серебряные экую, и упорном сопротивлении, если им говорили, что требуются экую золотые.

Тогда его святейшество прибегнул к помощи своих гвардейцев, а поскольку теперь они имели дело не с нехристями, но с добрыми христианами, гвардейцы, отложив вязальные спицы, так воинственно схватились за пики, что авиньонцы мгновенно покорились.

На рассвете легат, но уже не с мулом, а с десятью богато убранными лошадьми направился в лагерь нехристей.

Завидев его, солдаты громко закричали от радости, что, однако, раздосадовало легата сильнее, чем их прежние проклятия.

Но, вопреки ожиданиям, он застал Бертрана недовольным столь ощутимым и звонким доказательством покорности папского престола и с удивлением увидел, что тот сильно раздражен и вертит в руках недавно полученный пергамент.

– О, – воскликнул коннетабль, покачав головой, – хороши же денежки, что вы мне везете, господин легат!

– А разве плохи? – спросил посланец, полагавший, что деньги есть деньги, а значит, всегда хороши.

– Хороши, – продолжал Дюгеклен, – но кое-что меня смущает. Откуда они, эти деньги?

– От его святейшества, раз он вам их прислал.

– Прекрасно! Но кто их дал?

– Как кто?! Его святейшество, я полагаю.

– Простите меня, господин легат, возразил Дюгеклен, – но человек церкви не должен лгать.

– Однако, – пробормотал легат, – я могу подтвердить.

– Прочтите вот это.

И Дюгеклен протянул легату пергамент, который без конца скручивал и раскручивал в руках. Легат взял пергамент и прочел:

«Входит ли в намерения благородного шевалье Дюгеклена, чтобы неповинный город, который его властелин уже задушил поборами, и несчастные люди, наполовину разоренные горожане и умирающие с голоду ремесленники, лишились последнего куска хлеба, оплачивая никому не нужную войну? Вопрос этот во имя человеколюбия задает честнейшему из христианских рыцарей славный город Авиньон, который обескровил себя ста тысячами экю, тогда как его святейшество таит в подвалах своего замка два миллиона экю, не считая сокровищ Рима».

– Что вы на это скажете? – спросил разгневанный Бертран, когда легат закончил чтение.

– Увы, – вздохнул легат, – должно быть, его святейшество предали.

– Значит, верно, что мне тут пишут о его тайных богатствах?

– Люди так считают.

... – Тогда, господин легат, – продолжал коннетабль, – за-

бирайте это золото; людям идущим на защиту дела Господня, нужна не корка бедняка, а избыток богача. Посему внимательно слушайте, что скажет вам шевалье Бертран Дюгеклен, коннетабль Франции: если двести тысяч экю от папы, кардиналов не будут доставлены сюда до вечера, то ночью я сожгу не только окрестности и город, но и дворец, заодно с дворцом кардиналов и вместе с ними папу, так что от папы кардиналов и дворца следа не останется к завтрашнему утру. Ступайте, господин легат.

Эти исполненные достоинства слова солдаты, офицеры, командиры встретили взрывом рукоплесканий, который не оставил у легата никакого сомнения в единодушии наемников на сей счет; поэтому папский посланец, храня молчание посреди этих громовых возгласов, отправился с груженными золотом лошадьми обратно в Авиньон.

– Дети мои, – обратился коннетабль к тем солдатам, которые, стоя слишком далеко, ничего не слышали и удивлялись ликующим крикам товарищей, – этот бедный народ может дать нам лишь сто тысяч экю. Этих денег слишком мало, потому что именно столько я обещал вашим командирам. Папа должен дать нам двести тысяч экю.

Через три часа двадцать лошадей, сгибаясь под тяжестью ноши, вступили, чтобы никогда больше оттуда не выйти, в ограду лагеря Дюгеклена, и легат, разделив деньги на три кучи – в одной было сто тысяч золотых экю, в двух других по пятьдесят, – присовокупил к ним папское благословение, на

которое наемники (славные ребята, если уступать их желаниям) ответили пожеланиями ему всяческих благ.

Когда легат уехал, Дюгеклен обратился к Гуго де Каверлэ, Клоду Живодеру и Смельчаку:

– Теперь давайте рассчитаемся.

– Идет, – согласились наемники.

– Я вам должен пятьдесят тысяч эю золотом, по эю на каждого солдата. Ведь так мы договорились?

– Так.

Бертран придвинул им самую большую кучу монет:

– Вот пятьдесят тысяч золотых эю.

Следуя пословице, что была в ходу уже в XIV веке: «Денежки счет любят», наемники пересчитали монеты.

– Все верно! – сказали они. – Это доля солдат. Ну а какова доля офицеров?

Бертран отсчитал еще двадцать тысяч эю.

– Четыре тысячи офицеров, – сказал он, – по пять эю на офицера, выходит – двадцать тысяч эю. Вы ведь так считали?

Командиры принялись пересчитывать монеты.

– Все точно, – подтвердили они через некоторое время.

– Хорошо! – сказал Дюгеклен. – Остались командиры.

– Да, остались командиры, – повторил Каверлэ, облизывая губы в радостном предвкушении поживы.

– Теперь, – продолжал Бертран, – по три тысячи эю каждому, так ведь?

– Цифра верная.

– Выходит – тридцать тысяч экую, – сказал Бертран, покаявая на гору золота.

– Счет точен, – согласились наемники, – ничего не скажешь.

– Значит, у вас больше нет возражений, чтобы начать военные действия? – спросил Бертран.

– Никаких, мы готовы, – ответил Каверлэ. – Разве что наша клятва верности принцу Уэльскому...

– Да, – сказал Бертран, – но клятва эта касается лишь английских подданных.

– Разумеется, – согласился Каверлэ.

– Значит, договорились.

– Ну что ж, мы довольны. Однако...

– Что однако? – спросил Дюгеклен.

– А кому пойдут оставшиеся сто тысяч экую?

– Вы слишком предусмотрительные командиры, чтобы не понимать: армии, которая начинает кампанию, нужна казна.

– Несомненно, – подтвердил Каверлэ.

– Так вот, пятьдесят тысяч экую пойдут в нашу общую казну.

– Здорово! – обратился Каверлэ к своим сотоварищам. – Понял. А другие пятьдесят тысяч – тебе в казну. Чума меня забери, ну и ловкач!

– Подойдите ко мне, мессир капеллан, – сказал Бертран, – и давайте вместе напишем письмецо нашему доброму пове-

лителю, королю Франции, коему я посылаю пятьдесят тысяч экю, что у нас остались.

– Вот это да! – воскликнул Каверлэ. – Поступок поистине прекрасный! Я бы никогда так не сделал. Даже ради его высочества принца Уэльского.

V. Каким образом мессир Гуго де Каверлэ чуть было не получил триста тысяч золотых экю

Мы уже знаем, что после сцены в саду Аисса отправилась в дом отца, а Аженор исчез, перепрыгнув через стену.

Мюзарон понял, что его хозяина больше в Бордо ничего не удерживает; поэтому, едва молодой человек вышел из состояния мечтательности, в которую погрузили его разыгравшиеся события, он нашел своего коня под седлом, а оруженосца – готовым к отъезду.

Аженор одним махом вскочил в седло и, пришпорив коня, на полном скаку выехал из города в сопровождении Мюзарона, по своему обыкновению отпускавшего шуточки.

– Эй, сударь! – кричал он. – Мне кажется, мы удираем слишком быстро. Куда, черт возьми, вы дели деньги, за которыми ходили к неверному?

Аженор пожал плечами и промолчал.

– Не губите вашего доброго коня, сударь, он нам еще на войне пригодится: предупреждаю вас, что так он долго не проскачет, особенно если вы, подобно графу Энрике де Трастамаре, зашили полсотни марок золотом в подкладку вашего седла.

– В самом деле, – ответил Аженор, – по-моему, ты прав:

полсотни марок золотом и полсотни железом для одной скотины – это слишком.

И он опустил на плечо непочтительного оруженосца свое окованное сталью копье.

Плечо Мюзарона осело под этой тяжестью, и, как предвидел Аженор, веселость оруженосца от лишней поклажи значительно поубавилась.

Так они двигались по следам графа Энрике, но не в силах его догнать, через Гиень и Беарн; потом перевалили Пиренеи и через Арагон въехали в Испанию.

Только в этой провинции они нагнали графа, которого увидели в отблесках пожара в маленьком городке, подожженном капитаном Гуго де Каверлэ.

Таким способом отряды наемников возвещали о своем появлении в Испании. Мессир Гуго, большой любитель красочных зрелищ, выбрал город – он рассчитывал сделать его своим маяком – на возвышенности, чтобы пламя на десять льё вокруг освещало этот край, который был ему неизвестен, но который он жаждал узнать поближе.

Энрике ничуть не удивляла эта прихоть английского капитана; он давно водил знакомство со всеми командирами наемных отрядов и знал их манеру вести войну. Правда, он просил мессира Бертрана Дюгеклена воздействовать своим авторитетом на подчинявшиеся ему наемные отряды, чтобы последние не все крушили на своем пути.

– Ибо, – весьма разумно полагал он, – поскольку это коро-

левство в один прекрасный день станет принадлежать мне, я хотел бы получить его цветущим, а не разоренным.

– Что ж, верно, ваша светлость, – отвечал Каверлэ, – но при одном условии.

– При каком же? – спросил Энрике.

– Вы, ваша светлость, будете платить мне за каждый нетронутый дом и за каждую изнасилованную женщину.

– Я что-то не совсем понимаю, – сказал граф, сдерживая отвращение, которое вызывала у него необходимость действовать заодно с подобными бандитами.

– Однако все проще простого, – пояснил Каверзи. – Города ваши останутся целы, а ваше население удвоится – по моему, это денег стоит.

– Ну что ж, пусть так, – сказал Энрике, пытаясь улыбнуться. – Мы поговорим об этом завтра утром, а пока...

– Пока, ваша светлость, Арагон может спать спокойно. Ночью мне все будет видно здесь как днем, хотя, слава Богу, Гуго де Каверлэ ничуть не похож на чудотворца.

После этого обещания, которому можно было довериться, сколь бы странным оно ни казалось, Энрике вместе с Молеоном ушел в свою палатку, тогда как коннетабль отправился к себе.

Тогда Гуго де Каверлэ, вместо того чтобы уснуть, что, как могло показаться, он и сделает после столь утомительного дня, стал прислушиваться к звукам удаляющихся шагов; потом, когда эти звуки смолкли в отдалении, а фигуры раство-

рились в темноте, он тихо поднялся и вызвал своего секретаря.

Этот секретарь был весьма важной персоной в доме храброго полководца (Каверлэ либо совсем не умел писать, что весьма вероятно, либо не снисходил до того, чтобы взять в руки перо, что весьма возможно), так как сему достойному писцу поручалось оформлять все сделки между командиром наемников и пленниками, за коих он назначал выкуп. Поэтому почти не проходило дня, чтобы секретарь Гуго де Каверлэ не составлял подобного рода документа.

Писец явился с пером и чернильницей, держа под мышкой свиток пергамента.

– Садись сюда, метр Робер, – сказал капитан, – и составька мне расписку вместе с подорожной.

– Расписку на какую сумму? – спросил писец.

– Сумму не пиши, но места оставь побольше, ибо она будет немалая.

– На чье имя? – снова спросил писец.

– Имя, как и сумму, тоже не пиши.

– А места тоже оставить побольше?

– Да, потому что за этим именем будет значиться немало титулов.

– Прекрасно, прекрасно, отлично, – забормотал метр Робер, принимаясь за дело с таким рвением, будто ему платили проценты с вырученной суммы. – Но где же пленник?

– Сейчас мы его ловим.

Писарь знал привычку своего хозяина, поэтому он не медлил ни секунды, составляя эту цидулку: раз капитан сказал, что пленника ловят, значит, пленник будет.

В этой уверенности писаря льстивости не было: ведь едва писец закончил писать, как со стороны гор послышался приближающийся шум.

Казалось, Каверлэ не услышал его, а угадал, потому что шум еще не достиг чутких ушей часового, как капитан уже приподнял полог палатки.

– Стой! Кто идет? – сразу же прокричал часовой.

– Свои! – ответил хорошо знакомый голос помощника Каверлэ.

– Да, да, свои, – потирая руки, сказал Каверлэ, – пропусти и подними пику, когда они будут проходить. Ради тех, кого я жду, стоит постараться.

В этот момент, в последних отблесках угасающего пожара, можно было заметить, что к палатке приближается группа пленных в окружении двадцати пяти или тридцати солдат. Она состояла из рыцаря (он казался молодым, цветущим мужчиной), мавра, который не отходил от штор носилок, и двух оруженосцев.

Едва Каверлэ разглядел, что эта группа действительно состоит из лиц, которых мы назвали, он тут же удалил из палатки всех, кроме секретаря.

Те, кого он отослал, выходили из палатки с сожалением и даже не давали себе труда его скрывать: они строили догадки

о цене добычи, попавшей в когти хищной птицы, каковой считали своего командира.

При виде четырех фигур, вошедших в палатку, Каверлэ низко поклонился, потом, обращаясь к рыцарю, сказал:

– Государь, если случайно мои люди обошлись с вашим величеством не слишком любезно, простите их, ведь они не знают вас в лицо.

– Государь?! – переспросил рыцарь тоном, которому пытался придать выражение удивления, но вместе с тем сильно побледнев, что выдавало его беспокойство. – Вы ко мне обращаетесь, капитан?

– К вам, государь дон Педро, грозному королю Кастилии и Мурсии.

Из бледного рыцаря стал мертвенно-белым. Он попытался изобразить на губах вымученную улыбку.

– Поистине, капитан, – сказал он, – я огорчен за вас, но вы совершаете большую ошибку, если принимаете меня за того, кем называли.

– Право слово, ваше величество, я принимаю вас за того, кто вы есть, и думаю, что мне досталась поистине славная добыча.

– Думайте, что хотите, – сказал рыцарь, сделав несколько шагов, чтобы сесть, – как я понимаю, мне не составит труда разубедить вас.

– Чтобы разубедить меня, государь, вам следовало бы вести себя осторожнее и не сходить с места.

Рыцарь сжал кулаки.

– Это почему же? – спросил он.

– Потому, что ваши кости хрустят при каждом вашем шаге, а это очень приятная музыка для бедного командира немногого отряда, которому Провидение делает славный подарок, послав в его сети короля.

– Разве только у короля дона Педро при ходьбе хрустят кости и другой человек не может быть поражен схожим недугом?

– Действительно, – подтвердил Каверлэ, – такое возможно, и вы ставите меня в трудное положение; но у меня есть верный способ узнать, ошибаюсь ли я, как вы утверждаете.

– Какой же? – спросил, хмуря брови, рыцарь, которому явно надоедал этот допрос.

– Граф Энрике де Трастамаре находится всего в ста метрах отсюда; я пошлю за ним, и мы увидим, узнает ли он своего дорогого брата.

Рыцаря невольно передернуло от ярости.

– Ага, краснеете! – воскликнул Каверлэ. – Ну что ж, Признавайтесь, и, если признаетесь, я – слово капитана! – клянусь вам, все останется между нами, и ваш брат даже не узнает, что мне выпала честь несколько мгновений беседовать с вашим величеством.

– Ладно, говорите: чего вы хотите?

– Я ничего не захочу, вы это прекрасно понимаете, государь, до тех пор, пока не буду уверен, что мне в руки попал

именно дон Педро.

– Предположите же, что я в самом деле король, и говорите. – Чума меня раздери! Вам, государь, просто сказать: «Говорите!» Неужели вы думаете, что мне надо сказать вам так мало, что это уложится в два слова?! Нет, ваше величество, прежде всего нужна охрана, достойная вашего величества.

– Охрана?! Значит, вы рассчитываете держать меня в плену?

– Во всяком случае, таково мое намерение.

– А я говорю вам, что больше не останусь здесь ни часа, даже если это обойдется мне в половину моего королевства.

– О, именно столько это вам и будет стоить, государь, и это еще совсем дешево, поскольку в том положении, в каком вы оказались, вы почти наверняка рискуете потерять все.

– Тогда назначайте цену! – вскричал пленник.

– Мне надо подумать, государь, – холодно ответил Каверлэ.

Казалось, дон Педро сдержался с невероятным трудом и, не отвечая ни слова, сел напротив полога палатки, повернувшись к капитану спиной.

Тот, похоже, глубоко задумался; потом, помолчав, спросил:

– Вы ведь дадите мне полмиллиона экю золотом, не прав

– Дали?

– Вы глупец, – ответил король. – Столько не найдется во всех провинциях Испании.

– Значит, триста тысяч, а? Надеюсь, я вполне благограу-
мен?

– И половины не дам, – сказал король.

– Тогда, ваше величество, – ответил Каверлэ, – я напишу записочку вашему брату Энрике де Трастамаре. Он лучше меня знает толк в таких делах и назначит цену.

Дон Педро сжал кулаки, и можно было заметить, как пот выступил у него на лбу и потек по щекам. Каверлэ повернулся к секретарю:

– Метр Робер, попросите от моего имени графа дона Энрике де Трастамаре пожаловать в мою палатку.

Писец направился к выходу, но едва он собрался ступить на порог, как дон Педро встал.

– Я дам триста тысяч золотых экю, – сказал он. Каверлэ подпрыгнул от радости.

– Но, поскольку, покинув вас, я смогу попасть в лапы какого-нибудь другого бандита вроде вас, который тоже назначит за меня выкуп, вы дадите мне расписку и охранную грамоту.

– А вы отсчитаете мне триста тысяч экю.

– Нет, ибо вы понимаете, что такую сумму с собой не возьят; хотя среди ваших людей наверняка найдется какой-нибудь еврей, знающий толк в бриллиантах?

– Да я и сам в них разбираюсь, государь, – ответил Каверлэ.

– Отлично. Подойди сюда, Мотриль, – сказал король, сде-

лав мавру знак приблизиться. – Ты слышал?..

– Да, государь, – сказал Мотриль, доставая из широких шаровар длинный кошелек, сквозь петли которого мелькали чудесные отблески, которые творец драгоценных камней заимствует у царя светил.

– Приготовьте расписку, – сказал дон Педро.

– Она уже готова, – ответил капитан, – надо лишь проставить сумму.

– А охранная грамота?

– Она под распиской. Я слишком усердный слуга вашего величества, чтобы заставлять вас ждать.

Кривая ухмылка появилась на губах короля. Он подошел к столу:

«Я, Гуго де Каверлэ, – прочел он, – командир английских наемников...»

Дальше король читать не стал; луч, подобный молнии, мелькнул в его глазах.

– Значит, вас зовут Гуго де Каверлэ? – спросил он.

– Да, – ответил командир, удивляясь радостному выражению в голосе короля, причину которого он тщетно старался угадать.

– И вы командир английских наемников? – продолжал дон Педро.

– Несомненно.

– Тогда подождите-ка, – сказал король Мотриль, – Положи эти бриллианты в кошелек, а кошелек спрячь в карман.

– Это почему же? – удивился Каверлэ.

– Потому, что здесь я должен отдавать, а не получать приказы, – вскричал дон Педро, доставая из-за пазухи пергамент.

– Это еще почему?! – высокомерно спросил Каверлэ. – Знайте же, государь, что на свете есть лишь один человек, который имеет право приказывать Гуго де Каверлэ...

– Так вот, – перебил его дон Педро, – подпись этого человека – внизу пергамента. От имени Черного принца приказываю вам, Гуго де Каверлэ, повиноваться мне.

Каверлэ, встряхнув головой, взглянул на развернутый пергамент в руке короля, но, едва увидев подпись, так завопил, что сбежались офицеры, из уважения к Каверлэ не входившие в палатку.

Пергамент, который пленник предъявил командиру наемников, действительно был охранной грамотой, данной Черным принцем дону Педро, и содержал приказ английским подданным повиноваться ему во всем до тех пор, пока сам принц не примет командование английской армией.

– Я вижу, что в самом деле отделался дешевле, чем думал ты, да и я тоже. Но не волнуйся, мой храбрец, я тебя вознагражу.

– Вы правы, государь, – ответил Каверлэ со зловещей улыбкой, которую скрывало опущенное забрало. – Вы не только свободны, я еще и жду ваших приказаний.

– Хорошо! – сказал дон Педро. – Прикажи-ка, как ты на-

меревался, метру Роберу отправиться за моим братом графом Энрике де Трастамаре и привести его сюда.

VI. Глава, где мы находим продолжение и объяснение предыдущей

События, что остались нам неизвестны после отъезда, а вернее, бегства, Аженора из Бордо и сцены в саду, развертывались таким образом.

Дон Педро добился покровительства принца Уэльского, в чем он нуждался ради того, чтобы возвратиться в Испанию; уверенный в поддержке людьми и деньгами, он вместе с Мотрилем немедленно отправился в путь, получив от принца охранную грамоту, что обеспечивало власть и безопасность при встрече с бандами наемников-англичан.

Маленький отряд направился к испанской границе, где, как мы уже рассказывали, храбрый Гуго де Каверлэ раскинул целую сеть ловушек.

И все-таки, несмотря на то что Каверлэ был осторожным командиром и опытным воином, король дон Педро, благодаря Знанию местности, сумел бы, вероятно, миновать Арагон и пробраться в Новую Кастилию без всяких неприятностей, если бы не следующий случай.

Однажды вечером, когда король с Мотрилем, разложив большой сафьяновый пергамент – карту всех Испании, отыскивали дорогу, по которой им предстояло ехать дальше, што-

ры носилок бесшумно раздвинулись и высунулась головка Аиссы.

Юная мавританка взглядом подала знак рабу, лежавшему рядом на земле, подойти поближе.

– Раб, из какой ты страны? – спросила она.

– Я родился за морем, – ответил он, – на берегу, который смотрит на Гранаду, но не завидует ей.

– Тебе ведь очень хочется вернуться на родину, правда?

– Да, – тяжело вздохнул раб.

– Завтра, если пожелаешь, станешь свободным.

– Отсюда далеко до озера Лаудиа,¹³⁸ – сказал он, – и беглец умрет с голоду, прежде чем туда доберется.

– Не умрет, потому что он возьмет с собой жемчужное ожерелье, и ему хватит одной жемчужины, чтобы прокормиться в пути.

И Аисса сняла свое ожерелье и бросила его рабу.

– Что я должен сделать, чтобы получить и свободу, и жемчужное ожерелье? – спросил раб, дрожа от радости.

– Видишь вон ту серую стену, что закрывает горизонт? – сказала Аисса. – Там лагерь христиан. Сколько тебе нужно времени, чтобы добраться до него?

– Еще не смолкнет песнь соловья, как я буду там, – ответил раб.

– Ну так слушай, что я тебе скажу, и храни каждое мое

---

¹³⁸ Лаудиа (у Дюма Laoudiah, точнее Laodeah) – соленое озеро в южной части Туниса.

слово в своей памяти.

Раб внимал Аиссе с исступленным восторгом.

– Возьми эту записку, – продолжала она, – проберись в лагерь, узнай, где знатный рыцарь-франк, командир по имени граф де Молеон; устрой так, чтобы тебя провели к нему, и передай вот этот мешочек; за это он даст тебе сто золотых монет. Ступай!

Раб схватил мешочек, спрятал под своей грубой одеждой, улучил момент, когда какой-то мул забрел в соседний лесок, и, притворившись, будто побежал пригнать скотину назад, исчез в кустах с быстротой стрелы.

Никто не заметил исчезновения раба, кроме Аиссы, которая, трепеща от волнения, провожала его глазами и вздохнула с облегчением лишь тогда, когда он скрылся в кустах.

Случилось то, на что и рассчитывала юная мавританка. С опушки леса раб совсем скоро заметил странную – стальные когти, шлем с металлическим клювом, гибкое железное оперение кольчуги – хищную птицу, которая взгромоздилась на скалу, что высилась над колючим кустарником, чтобы иметь большой обзор.

Выйдя из зарослей, перепуганный раб попался на глаза часовому, который сразу же направил на него арбалет.

Беглецу только этого и надо было. Он помахал рукой, показывая, что хочет поговорить; часовой, продолжая целиться из арбалета, подошел ближе. Раб рассказал, что идет в лагерь христиан, и просил провести его к Молеону.

Это имя – правда, Аисса преувеличивала его значительность – пользовалось в наемных отрядах некоторой известностью после одного дерзкого поступка Аженора, захваченного бандой Каверлэ, а особенно с тех пор, как наемники узнали, что сотрудничеством с коннетаблем они обязаны Молеону.

Солдат прокричал пароль, взял раба за руку и подвел к другому часовому, что стоял шагах в двухстах от него. Тот, в свою очередь, привел раба к последнему кордону дозорных, за которым сеньор Каверлэ, окруженный солдатами, расположился в своей палатке, словно паук в центре сотканной им паутины.

По тому возбуждению, которое он чувствовал за стенами палатки, по смутному шуму, достигавшему его ушей, Каверлэ понял, что случилось нечто необычное, и вышел на порог.

Раба подвели прямо к нему.

Он назвал имя бастарда де Молеона; до сих пор оно служило ему надежным пропуском.

– Кто тебя послал? – спросил Каверлэ раба, который старался увильнуть от ответа.

– Вы и есть сеньор де Молеон? – осведомился он.

– Я один из его друзей, – ответил Каверлэ, – причем самых близких.

– Это не одно и то же, – сказал раб, – ведь мне велено передать письмо, которое я несу, только ему в руки.

– Послушай, – сказал Каверлэ, – у храброго христианско-

го рыцаря сеньора де Молеона среди мавров и арабов много врагов, которые поклялись убить его. Ну а мы дали клятву никого к нему не подпускать до тех пор, пока не узнаем, что написано в письме, которое несет гонец.

– Хорошо! – сказал раб, убедившись, что всякое сопротивление бесполезно (кстати, намерения капитана показались ему добрыми). – Хорошо. Меня послала Аисса.

– Какая еще Аисса? – спросил Каверлэ.

– Дочь сеньора Мотриля.

– Вот оно что! – воскликнул капитан. – Дочь советника короля дона Педро?

– Правильно.

– Сам видишь, что дело совсем запутывается, и письмо это, вероятно, заколдовано.

– Аисса не колдунья, – возразил раб. – Пусть так, но я хочу его прочесть.

Раб быстро огляделся по сторонам, желая убедиться, нельзя ли бежать; но наемники уже окружили его плотным кольцом. Он вытащил из-за пазухи мешочек с письмом Аиссы и протянул капитану.

– Прочтите, – сказал он, – в нем сказано и обо мне. Сговорчивая совесть Каверлэ в подобном приглашении не нуждалась. Он развязал мешочек, надушенный росным ладаном и амброй, вынул кусок белого шелка, на котором Аисса густыми чернилами написала по-испански следующее послание:

«Милостивый сеньор, я пишу тебе, как и обещала. Король дон Педро и мой отец вместе со мной, чтобы попасть в Арагон, решили пройти ущелье; ты можешь одним ударом составить наше вечное счастье и добыть себе славу. Возьми нас в плен, и я стану твоей нежной пленницей; если ты пожелаешь получить за них выкуп, то они достаточно богаты, чтобы удовлетворить все твои желания; если ты предпочитаешь славу деньгам и без выкупа вернёшь им свободу, то они, весьма гордые, повсюду расскажут о твоем великодушии; но если ты их отпустишь, мой повелитель, то меня оставишь при себе; у меня есть ларец, полный рубинов и изумрудов, которые могли бы украсить даже корону королевы.

Прочти это и крепко запомни. Мы отправляемся в дорогу сегодня ночью. Расставь своих солдат в ущелье так, чтобы мы не смогли проскользнуть незаметно. Сейчас охрана у нас слабая, но с часу на час она может усилиться, потому что к нам должны присоединиться шестьсот вооруженных людей, которых король ждал в Бордо; они пока не смогли его догнать, так как он шел очень быстро.

Таким образом, мой повелитель, Аисса станет твоей, и никто у тебя ее не отнимет, потому что ты завоюешь ее силой своего победоносного оружия.

Письмо это доставит тебе наш раб. Я обещала, что ты отпустишь его на свободу и дашь ему сто золотых монет; исполни мою просьбу.

Твоя Аисса».

«Ну и дела! – подумал Каверлэ, у которого от волнения под закрытым шлемом катился по лицу горячий пот. – Сам король! И чем я в последнее время так угодил фортуне, что она шлет мне такие удачи? Король! Тут надо все хорошенько обдумать, бес меня задери! Но сперва избавимся от этого дурака».

– Значит, – сказал Каверлэ, – сеньор Молеон должен отпустить тебя на волю.

– Да, капитан, и дать сто золотых монет.

Гуго де Каверлэ счел уместным пропустить мимо ушей эти слова раба. Он лишь окликнул своего оруженосца:

– Эй ты, возьми коня, отвези его на пару льё от лагеря и отпусти. Если он станет просить денег, а у тебя их в избытке, можешь дать. Но имей в виду, с твоей стороны это будет просто подарок.

– Ступай, друг мой, – обратился он к рабу, – ты свое дело сделал. Сеньор де Молеон – это я.

Раб упал ниц.

– А сто золотых монет? – спросил он.

– Вот мой казначей, я велел ему дать тебе денег, – ответил Гуго де Каверлэ, показывая на оруженосца.

Раб поднялся и, сияя от радости, пошел за тем, на кого ему указали.

Едва отойдя от палатки шагов на сто, Каверлэ выслал в горы отряд и, не смущаясь тем, что опускается до столь мелких дел (он сам расставил в ущелье часовых, чтобы никто не

мог ускользнуть), стал ждать развязки.

Мы застали Каверлэ в этом ожидании; вскоре она и произошла в полном соответствии с его планами.

Сгорая от нетерпения ехать дальше, король пожелал немедленно отправиться в путь.

К великой радости Аиссы, которая нетерпеливо ждала нападения, думая, что атакой командует Молеон, их окружили в глубоком овраге. Кстати, Каверлэ прекрасно организовал засаду, превосходство англичан было подавляющим, и никто из людей дона Педро даже не подумал сопротивляться.

Аиссу, которая рассчитывала увидеть Молеона во главе нападающих, вскоре стало беспокоить его отсутствие, хотя она считала, что он действует таким образом из осторожности, однако, убедившись, что операция соответствует ее желаниям, она надежды не теряла.

Теперь нас не должно удивлять, что английский наемник сразу узнал дона Педро, которого, впрочем, узнать было вообще не трудно.

Благодаря своей поразительной проницательности Каверлэ разгадал, какие отношения связывают Мотриля с Аиссой. Хотя его слегка пугало, что раскрытие этой тайны может вызвать страшный гнев Молеона; но он быстро смекнул, что все легко свалить на измену раба, а Молеон, чьим доверием Каверлэ злоупотребил, наоборот, будет ему благодарен: ибо, взяв с короля и Мотриля выкуп, Аиссу он намеревался отдать молодому человеку бескорыстно и радовался собствен-

ному великодушию как удачному новшеству.

Мы видели, что охранная грамота принца Уэльского, которую предъявил дон Педро, спутала все карты, расстроив столь Дерзкие и умело разработанные планы Каверлэ.

После ухода Робера, когда дон Педро стал рассказывать командиру наемников о целях заключенного в Бордо договора, послышался громкий шум: стучали копыта коней, звенели доспехи и мечи, цепями прикрепленные к поясам воинов.

Потом полог палатки резко распахнулся и появился Энрике де Трастамаре, чье бледное лицо озаряла какая-то зловещая радость.

Позади него стоял Молеон и, казалось, кого-то искал; он заметил носилки и не спускал с них глаз.

Увидев Энрике, дон Педро – он был столь же бледен, как и его брат, – стал пятиться назад, искать на боку отнятый у него меч и успокоился лишь тогда, когда натолкнулся на один из столбов палатки, на котором был развешан целый арсенал оружия, и ощутил под ладонью холодок боевого топора.

Несколько мгновений все молча смотрели друг на друга, и угрожающие взгляды перекрещивались, словно грозовые зарницы.

Первым тишину нарушил Энрике.

– Я вижу, война закончилась, так и не начавшись, – с мрачной улыбкой сказал он.

– Ха-ха! Неужели вы так думаете? – дерзко и насмешливо спросил дон Педро.

– Именно так я и думаю, – ответил Энрике, – и прежде всего спрошу у благородного рыцаря Гуго де Каверлэ, какую цену он просит за ту славную добычу, что ему досталась. Ведь захвати он двадцать городов и выиграй сто сражений, а подобные подвиги дорого ценятся, он не имел бы столько прав на нашу благодарность, сколько он заслужил за один этот подвиг.

– Мне лестно, – сказал дон Педро, поигрывая топором, – что за меня дают такую высокую цену. – Ну что ж, любезность за любезность. Позвольте спросить вас, дон Энрике, во сколько вы оценили бы свою особу, окажись вы в том же положении, в каком, по-вашему, нахожусь я?

– По-моему, он издевается над нами! – вскричал Энрике с яростью, которая растапливала его радость подобно тому, как первые улыбки солнца растапливают полярные льды.

«Поглядим-ка, чем все это кончится», – прошептал про себя Каверлэ и сел, стремясь не упустить ни одной детали этой сцены и наслаждаясь этим спектаклем как истинный ценитель искусства, а не алчный свидетель.

Энрике обернулся к нему, он явно собрался ответить дону Педро.

– Так вот, дружище Каверлэ, – сказал он, окидывая дона Педро самым презрительным взглядом, – за этого человека, бывшего короля, у которого нет больше на челе золотистого

отблеска короны, я дал бы тебе либо двести тысяч экую золотом, либо – на выбор – пару славных городов.

– Ну что ж, – заметил Каверлэ, поглаживая ладонью подбородник шлема и сквозь решетку опущенного забрала в упор глядя на дона Педро, – сдается мне, что такое предложение приемлемо, хотя и...

Дон Педро ответил на эту сделку жестом и взглядом, которые означали: «Капитан, мой брат Энрике не слишком щедр, я дам больше».

– Хотя?.. – повторил Энрике последнее слово командира наемников. – Что вы хотите сказать, капитан?

Молеон больше не мог сдерживать своего страстного любопытства.

– Вероятно, капитан хочет сказать, – ответил он. – что шесте с королем доном Педро он взял других пленных и желал бы, чтобы за них тоже назначили выкуп.

– Право слово, господин Аженор, это называется читать чужие мысли! – воскликнул Каверлэ. – Да, клянусь честью, я захватил и других пленных, даже очень знатных, но...

И новая недомолвка опять показала нерешительность Каверлэ.

– Вам за них заплатят, капитан, – пообещал сгоравший от нетерпения Молеон. – Но где же они? Вероятно, в этих носилках?

Энрике взял за руку молодого человека и ласково его придержал.

– Вы согласны, капитан Каверлэ? – спросил он.

– Ответить вам, сударь, должен я, – сказал дон Педро.

– О, не распоряжайтесь здесь, дон Педро, ибо вы больше не король, – презрительно заметил Энрике, – и прежде чем мне ответить, ждите, пока я обращусь к вам.

Дон Педро улыбнулся и, повернувшись к Каверлэ, попросил:

– Объясните же ему, капитан, что вы не согласны. Каверлэ снова провел ладонью по забралу, словно это железо было его лбом, и, отведя Аженора в сторону, сказал:

– Мой храбрый друг, добрые товарищи, вроде нас, должны говорить друг другу правду, так ведь?

Аженор посмотрел на него с удивлением.

– Послушайте, – продолжал капитан, – если вы мне верите, выходите через вон ту маленькую дверь, что позади вас, а если у вас добрый конь, гоните его до тех пор, пока он не сдохнет.

– Нас предали! – вскричал Молеон, внезапно все поняв. – К оружию, граф, к оружию!

Энрике изумленно взглянул на Молеона и машинально схватился за рукоять меча.

– Именем принца Уэльского, – вскричал, властным жестом простирая руку, дон Педро, который понимал, что комедия закончилась, – повелеваю вам, мессир Гуго де Каверлэ, взять под стражу графа Энрике де Трастамаре!

Не успел он договорить, как Энрике уже выхватил меч, но

Каверлэ, на миг приподняв забрало, поднес к губам рог, и по его сигналу два десятка наемников набросились на графа, молниеносно его обезоружив.

– Приказ исполнен, – сказал Каверлэ дону Педро. – Теперь, государь, послушайте меня и уходите, ибо ручаюсь вам, что сейчас здесь станет очень жарко.

– Почему? – спросил король.

– Тот француз, что ушел через заднюю дверь, не позволит захватить своего господина без того, чтобы не отрубить в его честь несколько рук и не раскрыть несколько черепов.

Дон Педро выглянул из палатки и увидел Аженора, который садился на коня, чтобы, по всей вероятности, отправиться за подмогой.

Схватив арбалет, король натянул его, вложил стрелу и прицелился.

– Хорошо, – сказал он. – Давид убил Голиафа¹³⁹ камнем из пращи, посмотрим, убьет ли Голиаф Давида из арбалета.

– Подождите, государь, черт бы вас побрал! – вскричал Каверлэ. – Не успели вы явиться сюда, а уже во всем мне мешаете. И что скажет господин коннетабль, если я позволю убить его друга?

И он поднял вверх арбалет в то мгновение, когда дон Педро спустил курок. Стрела полетела в воздух.

---

¹³⁹ Давид, царь Израильско-Иудейского государства (X в. до н. э.), которому ветхозаветное повествование придало черты эпического героя. В поединке с великаном-филистимлянином Голиафом Давид поразил соперника камнем, выпущенным из пращи.

– При чем тут коннетабль? – топнув ногой, воскликнул король. – Из страха перед ним не стоило портить мой выстрел. Ставь западню, охотник, и поймай этого вепря, таким образом, охоте сразу придет конец, и лишь на этом условии я тебя прощу.

– Вам легко говорить! Взять коннетабля! Ну и ну! Сами попробуйте взять его! Черт побери, какие же болтуны эти испанцы! – заметил он.

– Полегче, господин Каверлэ!

– Я правду говорю, разрази меня гром! Взять коннетабля! Я, государь, человек нелюбопытный, но, даю слово капитана, охотно поглядел бы, как вы будете брать эту добычу.

– Но покамест нам досталась вот эта, – сказал дон Педро, показывая на Аженора, которого схватили и вели назад.

В тот момент, когда Молеон послал лошадь в галоп, один из наемников серпом перебил ей колени, и она пала, придавив всадника.

До тех пор, пока Аисса думала, что ее возлюбленный не участвует в борьбе и ему не грозит опасность, она не сказала ни одного слова и даже не пошевелилась. Могло показаться, что, сколь бы важными ни были интересы, спор о которых происходил рядом с ней, они нисколько ее не занимали; но когда безоружный, окруженный врагами Молеон подошел поближе, шторы носилок раздвинулись и появилось лицо девушки; оно было белее длинной белоснежной шерстяной накидки, в которую закутываются женщины Востока.

Аженор вскрикнул. Аисса выпрыгнула из носилок и бросилась к нему.

– Стойте! – закричал Мотриль, нахмурившись.

– Что все это значит? – спросил король.

– Это объяснение мне ни к чему, – пробормотал Каверлэ.

Энрике де Трастамаре бросил на Аженора мрачный и подозрительный взгляд, который тот прекрасно понял.

– Вы можете объясниться со мной, – обратился он к Аиссе, – говорите скорее и громче, сеньора, потому что с той минуты, как мы стали вашими пленниками, до минуты нашей смерти, терять время нельзя даже пылко влюбленным.

– Нашими пленниками! – удивилась Аисса. – О, милостивый государь, все совсем наоборот, я не этого хотела.

Каверлэ чувствовал, что попал в весьма щекотливое положение; этот железный человек почти дрожал от страха перед тем обвинением, которое могли выдвинуть против него молодые люди, оказавшиеся в его руках.

– А мое письмо? – спросила Аисса молодого человека. – Разве ты не получил мое письмо?

– Какое письмо? – переспросил Аженор.

– Хватит! Довольно! – вмешался Мотриль; это объяснение явно не входило в его планы. – Капитан, король приказывает вам отвести графа Энрике де Трастамаре в палатку короля дона Педро, а этого молодого человека ко мне.

– Каверлэ, ты подлец! – взревел Аженор, пытаясь вырваться из тяжелых железных лап, которые держали его.

– Я предлагал тебе бежать, ты не захотел или захотел, но слишком поздно, что то же самое, – ответил капитан. – Право же, это твоя ошибка! Тебе ли жаловаться, ты ведь будешь жить у нее.

– Надо спешить, господа, – сказал дон Педро, – и пусть сегодня ночью соберется совет, чтобы судить этого ублюдка, который именует себя моим братом, мятежника, который утверждает, будто он мой суверен. Каверлэ, он предложил тебе два города, но я щедрее и жалую тебе провинцию. Мотриль, вызовите моих людей, через час мы должны быть в безопасности, где-нибудь в надежном замке.

Мотриль поклонился и вышел, но, не отойдя от палатки и десяти шагов, стремглав примчался назад, подавая рукой знак, который у всех народов означает просьбу помолчать.

– Что еще стряслось? – спросил Каверлэ с плохо скрываемой тревогой.

– Говори, добрый Мотриль, – велел дон Педро.

– Послушайте, – сказал мавр.

Казалось, все присутствующие обратились в слух, и на короткое время палатка английского командира превратилась в какую-то галерею скульптур.

– Слышите? – снова спросил мавр, все ниже склоняясь к земле.

Можно было в самом деле расслышать некое подобие раскатов грома или приближение группы мчащихся галопом всадников.

– За Богоматерь Гекленскую! – раздался внезапно суровый и громкий голос.

– Ага, вот и коннетабль, – прошептал Каверлэ, узнавший боевой клич сурового бретонца.

– Ага, вот и коннетабль, – нахмурившись, повторил дон Педро, который знал об этом грозном кличе, но слышал его впервые.

Пленники переглянулись, и на их устах промелькнула улыбка надежды.

Мотриль подошел к дочери, которую обнял и еще крепче прижал к себе.

– Государь, – сказал Каверлэ тем насмешливым тоном, которого он не оставлял даже в минуты опасности, – по-моему, вы хотели взять вепря; он явился сам, чтобы избавить вас от хлопот.

Дон Педро подал знак своим воинам, которые встали у него за спиной. Каверлэ, решивший держать нейтральную позицию в отношении и своего бывшего боевого товарища, и своего нового командующего, отошел в сторону.

Еще один ряд стражников устроил железное кольцо, окружавшее Энрике де Трастамаре и Молеона.

– Что с тобой, Каверлэ? – спросил дон Педро.

– Я, сир, уступаю место вам, моему королю и моему главнокомандующему, – ответил капитан.

– Хорошо, – ответил дон Педро, – значит, все должны исполнять мои приказы.

Стук копыт умолк; послышалось легкое позвякивание железа, и на землю с грохотом прыгнул человек в тяжелых доспехах.

Через несколько секунд в палатку вошел Бертран Дюгеклен.

VII. Вепрь, попавший в западню

За коннетаблем, хитро поглядывая по сторонам и слегка улыбаясь, вошел честный Мюзарон, покрытый пылью с ног до головы.

Казалось, он появился здесь, чтобы объяснить присутствующим столь молниеносный приезд коннетабля.

Войдя, Бертран поднял забрало и окинул взглядом все общество.

Заметив дона Педро, он слегка поклонился; увидев Энрике де Трастамаре – отвесил почтительный поклон; подойдя к Каверлэ – пожал ему руку.

– Здравствуйте, сир капитан, – спокойно сказал Дюгеклен, – значит, нам досталась добрая добыча. О, мессир де Молеон, прошу прощения, я вас не сразу увидел.

Эти слова, которые свидетельствовали о его явном незнании положения, повергли в изумление почти всех.

Но Бертран, нисколько не обращая внимания на это почти торжественное молчание, продолжал:

– Кстати, капитан Каверлэ, я надеюсь, что к пленнику отнесутся с тем почтением, что приличествует его положению, а главное, его горю.

Энрике хотел было ответить, но дон Педро заговорил раньше:

– Да, сеньор коннетабль, не беспокойтесь, мы отнеслись к

пленнику со всем уважением, которого требует обычай.

– Вы отнеслись? – спросил Бертран, изобразив на лице изумление, которое составило бы честь самому искусному комедианту. – Как это, вы отнеслись? Почему вы так говорите, ваша светлость, объясните, пожалуйста.

– Нуда, мессир коннетабль, я повторяю, что мы отнеслись как положено, – с улыбкой ответил дон Педро.

Бертран посмотрел на Каверлэ, который, опустив стальное забрало, был невозмутимо спокоен.

– Я не понимаю, – сказал Дюгеклен.

– Дорогой коннетабль, – начал Энрике, с трудом поднявшись, так как он был избит и помят солдатами; в схватке куча воинов в доспехах едва не задушила его своими железными ручищами. – Дорогой коннетабль, убийца дона Фадрике прав, теперь он наш господин, а мы из-за предательства оказались в плену.

– Что?! – спросил Бертран, обернувшись и бросив такой злобный взгляд, что многие побледнели.

– Вы говорите из-за предательства, так кто же предатель?

– Сеньор коннетабль, – ответил Каверлэ, выступая вперед, – по-моему, слово «предательство» здесь не годится, вернее было бы говорить о преданности.

– Преданности! – вскричал коннетабль, который удивлялся все больше.

– Конечно, о преданности, – продолжал Каверлэ, – ведь мы все-таки англичане – не так ли? – следовательно, поддан-

ные принца Уэльского!

– Ладно! Но что же все это значит? – спросил Бертран, расправляя свои могучие плечи, чтобы поглубже вздохнуть, и опуская на рукоять своего длинного меча мощную железную длань. – Кто вам говорит, дорогой мой Каверлэ, что вы не подданный принца Уэльского?

– Тогда, сеньор, вы согласитесь – ибо лучше вас никто не знает законов дисциплины, – что я вынужден подчиниться приказу моего государя.

– Вот этот приказ, – сказал дон Педро, протягивая Бертрану пергамент.

– Я читать не научен, – грубо ответил коннетабль. Дон Педро забрал назад пергамент, а Каверлэ, сколь бы храбр он ни был, вздрогнул.

– Ну что ж! – продолжал Дюгеклен. – Кажется, теперь я понял. Король дон Педро был взят в плен капитаном Каверлэ. Он показал охранную грамоту принца Уэльского, и капитан сразу же вернул дону Педро свободу.

– Именно так! – воскликнул Каверлэ, который какое-то время питал надежду, что благодаря своей безукоризненной честности Дюгеклен одобрит все его действия.

– Пока все идет как по маслу, – сказал коннетабль. Каверлэ облегченно вздохнул.

– Но кое-что мне пока неясно, – продолжал Бертран.

– Что же именно? – высокомерно спросил дон Педро. – Только отвечайте поскорее, мессир Бертран, а то все эти до-

просы становятся утомительны.

– Сейчас скажу, – ответил коннетабль, оставаясь угрожающе-невозмутимым. – Но зачем капитану Каверлэ, освобождая дону Педро, нужно брать в плен дону Энрике?

Услышав эти слова и увидев вызывающую позу, в которую встал Бертран Дюгеклен, произнося их, Мотриль посчитал, что пришло время призвать на помощь дону Педро подкрепление из мавров и англичан.

Бертран глазом не моргнул и, казалось, даже не заметил этого маневра. Только, если такое вообще возможно, его голос стал еще спокойнее и бесстрастнее.

– Я жду ответа, – сказал он. Ответ дал дон Педро.

– Удивляюсь, – сказал он; – французские рыцари столь невежественны, что не могут понять: одним махом заполучить друга и избавиться от врага – двойная выгода.

– Вы тоже так думаете, метр Каверлэ? – спросил Бертран, устремив на капитана взгляд, сама безмятежность которого была не только залогом силы, но и таила угрозу.

– Ничего не поделаешь, мессир, – ответил капитан. – Я вынужден подчиняться.

– Ну что ж! – сказал Бертран. – А я, в отличие от вас, вынужден командовать. Поэтому приказываю вам, – надеюсь, вы меня понимаете? – приказываю освободить его светлость графа дону Энрике де Трастамаре, которого я вижу здесь под охраной ваших солдат, а поскольку я учтивее вас, то не буду требовать, чтобы вы арестовали дону Педро, хотя вправе

это сделать: ведь мои деньги лежат у вас в кармане, и вы мой вассал, раз я плачу вам.

Каверлэ рванулся вперед, но дон Педро жестом остановил его.

– Молчите, капитан, – сказал он. – Здесь только один господин, и это – я. Поэтому вы будете исполнять мой приказ, и немедленно. Бастард дон Энрике, мессир Бертран и вы, граф де Молеон, я объявляю вас моими пленниками.

После этих страшных слов в палатке воцарилась гробовая тишина. По знаку дона Педро из строя вышли полдюжины солдат, чтобы взять под стражу Дюгеклена так же, как раньше они взяли под стражу дона Энрике; но славный коннетабль ударом кулака – под этим кулаком прогибались латы – сбил с ног первого, кто приблизился к нему, и, крикнув своим зычным голосом: «За Богоматерь Гекленскую!», обнажил меч. Клич этот эхо разнесло по всей равнине.

В этот миг палатка являла собой зрелище страшного хаоса. Аженор, которого стерегли плохо, одним рывком отбросил охранявших его солдат и присоединился к Бертрану. Энрике перегрыз зубами последнюю веревку, которой были связаны его руки.

Мотриль, дон Педро и мавры выстроились угрожающим клином.

Аисса просунула голову между шторами носилок и, позабыв обо всем на свете, кроме своего возлюбленного, кричала: «Держитесь, мой повелитель! Смелее!»

А Каверлэ ушел, уведя с собой англичан и стремясь как можно дольше сохранять нейтралитет; правда, опасаясь быть застигнутым врасплох, он приказал протрубить сигнал седлать коней.

И начался бой. Стрелы из луков и арбалетов, свинцовые шары, выпускаемые из пращей, засвистели в воздухе и градом посыпались на трех рыцарей, когда неожиданно раздался громкий рев и группа всадников ворвалась в палатку, рубя, круша, давя все на своем пути и поднимая вихри пыли, которые ослепили самых яростных бойцов.

По крикам «Геклен! Геклен!» нетрудно было узнать бретонцев, ведомых Вилланом Заикой, неразлучным другом Бертрана, которого он поставил у ограды лагеря, отдав приказ атаковать лишь тогда, когда тот услышит клич «За Богоматерь Гекленскую!»

Несколько минут странная неразбериха царила в этой распоротой, разрубленной, растоптанной палатке; на несколько минут друзья и враги смешались, сплелись, ничего не видя; потом пыль рассеялась, и при первых лучах солнца, встающего из-за Кастильских гор, стало ясно, что поле боя осталось за бретонцами. Дон Педро, Мотриль, Аисса и мавры растаяли как видение. Сраженные палицами и мечами, на земле валялось несколько мавров, умиравших в лужах собственной крови; они словно служили доказательством, что бретонцы сражались отнюдь не с армией быстрых призраков.

Прежде всех исчезновение дона Педро и мавров обнару-

жил Аженор; он вскочил на первого попавшегося коня и, не заметив, что тот ранен, погнал его к ближайшей горке, откуда можно было осмотреть равнину. Взлетев на горку, он увидел пять арабских скакунов, которые приближались к лесу; в голубоватой утренней дымке Аженор разглядел белую шерстяную накидку и развевающийся капюшон Аиссы. Не беспокоясь о том, скачет ли кто-нибудь за ним, в безумном порыве надежды Аженор пустил своего коня в погоню, но через несколько метров конь пал, чтобы уже больше не подниматься.

Молодой человек вернулся к носилкам – они были пусты, и он нашел внутри лишь букет роз, влажных от слез Аиссы.

На границе лагеря в боевом порядке выстроилась вся английская кавалерия, ожидая боевого сигнала Каверлэ. Капитан так умело расположил своих воинов, что они взяли бретонцев в кольцо.

Бертран сразу же понял, что цель этого маневра Каверлэ – отрезать ему путь к отступлению.

Каверлэ выехал вперед.

– Мессир Бертран, – сказал он, – чтобы доказать вам, что мы честные боевые товарищи, мы пропустим вас, и вы сможете вернуться в свой лагерь: вы сами убедитесь, что англичане верны слову и уважают рыцарей короля Франции.

Тем временем Бертран, молчаливый и спокойный, как будто ничего особенного и не произошло, снова сел на коня и принял из рук оруженосца копьё.

Он огляделся вокруг себя и увидел, что Аженор сделал то же самое.

Все бретонцы в боевом строю стояли за его спиной, приготовившись к атаке.

– Господин англичанин, – ответил Бертран, – вы мошенник, и, будь у меня больше сил, я повесил бы вас вон на том каштане.

– Хо-хо, мессир коннетабль, – сказал Каверлэ, – сами поберегитесь! А то вы вынудите меня взять вас в плен именем принца Уэльского.

– Вот как? – спросил Дюгеклен.

Каверлэ понял угрозу, прозвучавшую в насмешливом тоне коннетабля, и повернулся к своим воинам.

– Сомкнуть ряды! – приказал он солдатам, которые сблизились и образовали перед бретонцами железную стену.

– Чада мои! – обратился Бертран к своим храбрецам. – Приближается время обеда, а наши палатки стоят вон там, поехали же домой.

И он так сильно пришпорил коня, что Каверлэ едва успел отпрыгнуть в сторону, пропуская железный ураган, который несся прямо на него.

Действительно, за Бертраном с неудержимой силой бретонцы бросились вперед во главе с Аженором. Энрике де Трастамаре почти против своей воли оказался в центре маленького отряда.

В ту эпоху, благодаря умению обращаться с оружием и

физической силе, один человек стоил двадцати. Бертран так ловко направил свое копьё, что поднял на воздух англичанина, который очутился перед ним. Когда была пробита эта первая брешь, стали слышны громкий треск ломающихся копий, крики раненых, глухие удары, наносимые железными палицами, ржание искалеченных в стычке коней.

Обернувшись, Каверлэ увидел широкую окровавленную просеку, а дальше, шагах в пятистах позади, – бретонцев, легко, в стройном порядке мчавшихся галопом, словно они пересекали поле зрелых хлебов.

– Я же давал себе зарок, – бормотал он, покачивая головой, – не связываться с этими скотами. К черту болтовню фанфаронов! Я потерял в этом деле, по крайней мере, дюжину коней и четверо солдат, не считая – о, что я за невезучий человек! – выкупа за короля. Ладно, господа, придется отсюда убираться. С этого часа мы – кастильцы. Поднимайте другое знамя.

И английский наемник в тот же день снял лагерь и выступил в поход, чтобы присоединиться к дону Педро.

VIII. Политика мессира Бертрана Дюгеклена

Уже несколько часов бретонцы и граф де Трастамаре вместе с Молеоном были вне опасности, и Аженор давно потерял из виду белую точку (она скрылась в складках высившейся на горизонте горной гряды), которая, убегая от него по равнине, залитой дневным ослепительным солнцем, уносила с собой все – его любовь, радость, надежды.

Впрочем, различные персонажи этой повести – казалось, случай, на радость себе, собрал их всех вместе в обрамлении великолепного пейзажа, который созерцал Аженор, – представляли собой довольно колоритное зрелище.

На одном из склонов гор, до которых белая точка домчалась быстрее летящего орла, вновь показалась маленькая группа беглецов; можно было отчетливо разглядеть три пятна: красный плащ Мотриля, белую накидку Аиссы и позолоченный шлем дона Педро, искрящийся под лучами солнца.

В пространстве среднего плана картины по горной дороге двигалось войско Каверлэ, вновь построившееся боевым порядком. Первые всадники уже углубились в лес, простиравшийся у подножья гор.

На переднем плане можно было видеть Энрике де Трастамаре; пустив свою лошадь пастись на лугу, он, прислонившись спиной к густым зарослям дрока, время от времени со

страдальческим изумлением рассматривал свои запястья, до крови натертые веревками. Только эти следы жуткой сцены, разыгравшейся в палатке Каверлэ, доказывали ему, что всего два часа назад дон Педро еще был в его власти, а фортуна, на миг улыбнувшись, почти мгновенно низвергнула его с вершины преждевременного успеха на самое дно пропасти неизвестности и бессилия.

Подле Энрике лежало на траве несколько свалившихся от усталости бретонцев. Эти храбрые рыцари, покорные орудия, которых лишь воля природы возвысила над выучными животными и сторожевыми псами, не утруждали себя мыслями о последствиях своих действий. Они лишь взглянули на Бертрана, который шагах в десяти от них сидел погрузившись в думы, и, прикрыв головы плащами, чтобы защититься от солнца, уснули.

Но Заике Виллану и Оливье де Мони было не до сна; они с пристальным, неослабным вниманием следили за англичанами, чей авангард уже вступал в лес, а арьергард еще складывал и грузил палатки на мулов. Среди работающих можно было видеть Каверлэ, который, словно вооруженный призрак, бродил меж солдат, проверяя, как исполняются его приказы.

Итак, этих рассеянных на обширном пространстве людей, которые, словно потревоженные муравьи, бежали на юг, на запад, на восток, на север, связывало тем не менее одно чувство, и лишь Бог, взирая на них с высоты небес, проникал в

души всех этих людей и мог утверждать, что в сердце каждого – исключением было сердце Аиссы – все прочие чувства подавляла месть.

Но Мотриль, дон Педро и Аисса снова исчезли в ложбине горы; скоро арьергард англичан тоже двинулся в путь и скрылся в лесу. Поэтому Молеон, потерявший из виду Аиссу, Заика Виллан и Оливье де Мони, прекратившие следить за Каверлэ, подошли к Бертрану; он, стряхнув с себя груз нелегких мыслей, намеревался пойти к Энрике, который по-прежнему был погружен в глубокую задумчивость.

Бертран встретил их улыбкой, потом, согнув железные суставы своих доспехов, не без труда поднялся с небольшого пригорка, на котором он расположился, и пошел к графу Энрике, сидевшему в прежней позе, припав спиной к зарослям дрока.

Под шагами Бертрана, утяжеленными доспехами, содрогалась земля, но Энрике даже не обернулся. Бертран приблизился и встал таким образом, что его тень заслонила от графа солнце, отняв у печального рыцаря то кроткое утешение небесного тепла, которое, как и жизнь, нам дороже всего тогда, когда мы его теряем.

Энрике поднял голову, чтобы найти солнце, но увидел перед собой славного коннетабля, который стоял, опершись на длинный меч. Он приподнял забрало: глаза его светились всееляющим бодрость сочувствием.

– Ох, коннетабль, – покачав головой, вздохнул граф, – ну

и денек!

– Полноте, ваша милость, – утешил его Бертран, – у меня бывали деньки похуже!

Энрике промолчал, укоризненно поглядывая на небо.

– Право слово, – продолжал Бертран, – я доволен лишь одним: мы могли ведь быть в плену, а мы, наоборот, на свободе.

– Эх, коннетабль, неужели вам непонятно, что ничего у нас не получается?

– Это почему же?

– Потому, черт бы меня побрал, что от нас ускользнул король Кастилии! – в бешенстве вскричал Энрике, с угрожающим видом встав; привлеченные громким голосом графа, рыцари вздрогнули и, услышав эти слова, вспомнили, что люто ненавидимый враг – это его брат.

Бертран подошел к графу не просто ради того, чтобы быть с ним рядом: он хотел поговорить о важных вещах; Бертран, действительно, заметил, что на лицах почти всех воинов появилось выражение усталости, которая свидетельствовала о первых признаках упадка духа.

Он жестом предложил графу сесть. Энрике понял, что Бертран хочет завести важный разговор; поэтому он улегся на траву, и среди всех лиц, на которых было написано уныние, одним из самых выразительных было лицо графа.

Бертран, опершись двумя руками на рукоять меча, склонился над ним.

– Простите, ваша милость, – начал он, – если я нарушаю ход ваших мыслей, но я хотел бы выяснить у вас один вопрос.

– Какой именно, дорогой мой коннетабль? – спросил Энрике, сильно обеспокоенный подобным вступлением, поскольку чувствовал, что в труднейшем деле узурпации трона он может опереться только на преданность бретонцев, но не может твердо рассчитывать на других людей.

– Разве, ваша милость, не вы сказали, что король Кастилии ускользнул от нас?

– Конечно, я.

– Но тогда, ваша милость, получается какая-то двусмысленность, и я прошу вас развеять те сомнения, в которые ваши слова повергли ваших преданных слуг. Выходит, кроме вас, есть и другой король Кастилии?

Энрике мотнул головой, словно бык, почувствовавший укол пикадора.

– Не понимаю, дорогой коннетабль, – сказал он.

– Все просто. Если мы с вами толком не знаем, что думать во этому поводу, то, как вы понимаете, мои бретонцы и ваши кастильцы сами в этом не разберутся, а жители других провинций Испании, которые знают гораздо меньше ваших кастильцев и моих бретонцев, никогда не поймут, что им надо кричать: «Да здравствует король Энрике!» или «Да здравствует король дон Педро!»

Энрике слушал, хотя пока и не улавливал, куда клонит коннетабль. Тем не менее он, поскольку это рассуждение по-

казалось ему очень убедительным, в знак одобрения кивнул головой.

– И что из этого следует? – помолчав, спросил он.

– Следует то, – ответил Дюгеклен, – что два короля создают неразбериху и для начала нам надо свергнуть одного из них.

– Но мне кажется, господин коннетабль, что ради этого мы и воюем, – пояснил Энрике.

– Вы правы! Пока мы не одержали победы ни в одном из тех решающих сражений, в итоге которых король навсегда теряет трон, а до этого дня, что решит судьбу Кастилии и вашу судьбу, вы сами не можете сказать, король вы или нет.

– Это неважно! Я хочу быть королем.

– Ну и станьте им!

– Но позвольте, дорогой мой коннетабль, разве, пусть только для вас одного, я не являюсь истинным королем?

– Этого мало, необходимо, чтобы вы стали королем для всех.

– Именно это и представляется мне невозможным без победы в битве, признания меня армией или взятия большого города.

– Так вот, ваша милость, я уже подумал об этом.

– Вы?

– Да, я. Уж не считаете ли вы, что если я способен только сражаться, то не могу мыслить. Не заблуждайтесь. Я не только сражаюсь, но иногда и думаю. Вы ведь сказали, что

вам необходимо ждать победы в сражении, признания армией или взятия большого города?

– Да, по крайней мере, выполнения одного из этих трех условий.

– Ну что ж, давайте сразу выполним одно из них!

– По-моему, коннетабль, это очень трудно, если не сказать невозможно.

– Почему же, государь?

– Потому что я боюсь.

– А-а! Если боитесь вы, то я никогда ничего не боюсь, ваша милость, – живо возразил коннетабль. – И не делайте ничего: делать буду я.

– Мы упадем с очень большой высоты, коннетабль, с такой, что уже не оправимся.

– Если только мы не рухнем в могилу, ваша милость, то вы, пока с вами будет четверка бретонских рыцарей и доблестный кастильский меч, всегда сможете подняться. Смелее, ваша милость, будьте решительны!

– О, уверяю вас, мессир коннетабль, когда придет время, я не дрогну, – сказал Энрике, глаза которого заблестели, едва перед ним наяву забрезжило осуществление его мечты. – Но пока нет ни битвы, ни армии.

– Верно. Но у вас есть город. Энрике оглянулся вокруг.

– Где, ваша милость, в этой стране возводят на престол королей? – спросил Дюгеклен.

– В Бургосе.

– Отлично! Хотя мои познания в географии не слишком обширны, мне думается, ваша милость, что Бургос совсем рядом.

– Конечно, самое большое в двадцати-двадцати пяти льё.

– Значит, надо взять Бургос.

– Взять Бургос? – удивился Энрике.

– Да, Бургос. Если у вас есть малейшее желание получить этот город, я добуду его вам, и это истинная правда, как и то, что зовут меня Дюгеклен.

– Это сильно укрепленный, столичный город, коннетабль, – с сомнением покачал головой Энрике. – Там помимо дворянства живут крепкие буржуа – христиане, евреи и магометане, которые в спокойные времена враждуют, но сразу становятся друзьями, когда необходимо отстаивать свои привилегии. Одним словом, Бургос – ключ к Кастилии, и те люди, что получали там корону и королевские регалии, превратили город в неприступное святилище.

– На это святилище, если вам будет угодно, ваша милость, мы и пойдем, – спокойно ответил Дюгеклен.

– Друг мой, не позволяйте увлечь себя чувству любви и чрезмерного рвения, – возразил граф. – Давайте взвесим наши силы.

– На коня, ваша милость! – воскликнул Бертран, схватив под уздцы лошадь графа, которая забрела в заросли дрока. – В седло, и вперед, на Бургос!

И по знаку коннетабля бретонский трубач сыграл сигнал

к выступлению. Первыми в седлах оказались сонные бретонцы, и от Бертрана, смотревшего на родных бретонцев с заботливостью командира и любовью отца, не ускользнуло, что большинство из них, вместо того чтобы, как обычно, окружить донна Энрике, наоборот, подчеркнуто выстроились рядом с коннетаблем, тем самым признавая лишь его истинным главнокомандующим.

– Час настал, – прошептал коннетабль, склонившись к уху Аженора.

– Какой час? – спросил тот, вздрогнув, словно его внезапно разбудили.

– Настал час, чтобы наши солдаты снова взялись за дело, – ответил Дюгеклен.

– Очень хорошо, коннетабль, – сказал молодой человек, – ведь людям тяжело идти неизвестно куда, сражаться неизвестно за кого.

Бертран улыбнулся; Аженор угадал его мысль, а значит, согласился с ним.

– Вы, надеюсь, не себя имеете в виду? – спросил Бертран. – Сдается мне, я всегда видел вас первым в походах и в боях за честь Франции.

– Вы же знаете, мессир, что я прошу только одного – сражаться и идти вперед, но мы никогда не сможем мчаться так быстро, как мне хотелось бы.

И, произнеся эти слова, Аженор привстал на стременах, как будто хотел заглянуть за горы, высившиеся на горизонте.

Бертран ничего не ответил; он хорошо знал цену своим людям. Расспросив местного пастуха, он выяснил, что самая короткая дорога лежит через Калаорру, маленький городок, в пяти с небольшим льё от Бургоса.

– Ну что ж, вперед на Калаорру! – воскликнул коннетабль и пришпорил коня, подав пример стремительности.

Вслед за ним с грохотом поскакал железный эскадрон, в центре которого находился Энрике де Трастамаре.

IX. Гонец

На исходе второго дня пути перед взорами войска, ведомого Энрике де Трастамаре и Бертраном Дюгекленом, предстал маленький городок Калаорра. Войско, которое за два дня перехода было набрано из небольших, рассеянных по окрестностям отрядов, насчитывало около десяти тысяч солдат.

От попытки завладеть Калаоррой, сторожевым аванпостом Бургоса, зависело почти все. Этот исходный пункт, который давал полное представление о настроениях в Старой Кастилии, действительно решал успех или провал кампании. Задержка дона Энрике перед Калаоррой означала войну; если с Калаоррой не возникало никаких трудностей, то перед доном Энрике открывался путь к победе.

Кстати, армия была в отличном настроении, поскольку все единодушно считали, что дон Педро, перевалив через горы, пошел на соединение с корпусом арагонских и арабских частей.

Городские ворота были заперты; их охранял пост солдат; по крепостной стене расхаживали дозорные с арбалетами на плечах; город не выглядел угрожающе, но к обороне был готов.

Дюгеклен подвел свою небольшую армию прямо к городским укреплениям; до них легко могла долететь стрела. По-

сле этого, приказав трубить общий сбор и поднять знамена, он сказал речь – она была проникнута бретонской самоуверенностью и дипломатическим искусством человека, воспитанного при дворе Карла V, – которую закончил тем, что вместо убийцы, святотатца и недостойного рыцаря дона Педро провозгласил дона Энрике де Трастамаре королем обеих Кастилии, Севильи и Леона.

Услышав эти торжественные слова, которые Бертран произнес во всю мощь своих легких, десять тысяч воинов взметнули в воздух обнаженные мечи, и под самыми прекрасными на свете небесами, в час, когда солнце уже заходило за горы Наварры, вся Калаорра с высоких крепостных стен могла созерцать величественное зрелище падения власти одного короля и рождение власти другого.

Произнеся речь и дав армии высказать свое одобрение, Бертран повернулся лицом к городу, как бы спрашивая его мнение.

Жители Калаорры, хотя были окружены крепкими стенами, имели много оружия и съестных припасов, долго раздумывать не стали.

Коннетабль выглядел слишком внушительным. И не менее угрожающими казались его воины, взметнувшие вверх пики. Горожане, видимо, рассудили, что одной мощи этой кавалерии хватит, чтобы снести городские стены, и гораздо проще избежать беды, открыв ворота. Поэтому на приветствия армии они ответили восторженным криком «Да здрав-

ствует дон Энрике де Трастамаре, король обеих Кастилии, Севильи и Леона!»

Эти первые здравицы, провозглашенные по-кастильски, глубоко тронули Энрике; подняв забрало, он без свиты подъехал к городским стенам.

– Лучше провозглашайте «Да здравствует добрый король Энрике!» – крикнул он, – ибо я буду столь добр к Калаорре, что она никогда не забудет, как первой приветствовала меня в качестве короля обеих Кастилии.

И сразу восторг сменился каким-то неистовством; ворота распахнулись так быстро, словно фея коснулась их волшебной палочкой; толпы горожан с женщинами и детьми высыпали из города, смешавшись с солдатами короля.

Через час началось одно из тех пышных празднеств, расщедриться на которые способна лишь природа; цветы, вина и мед этой прекрасной земли, гусли, голоса женщин, восковые факелы, звон колоколов, пение священников – все это ночь напролет кружило головы нового короля и его спутников.

Правда, Бертран собрал бретонцев на совет и сказал им: – Ну вот, граф дон Энрике де Трастамаре теперь король, хотя и не коронован. А вы опора не безродного наемника, а государя, владеющего землями, вотчинами и правом даровать титулы. Держу пари, Каверлэ еще пожалеет, что ушел от нас.

Затем Дюгеклен (его всегда слушали внимательно не только потому, что он был главнокомандующим, но и потому, что

человек он был осмотнительный, воин храбрый и опытный) изложил план действий, то есть поведал о своих надеждах, которые сразу же увлекли всех участников совета.

Он заканчивал речь, когда ему доложили, что король просит пожаловать к себе коннетабля, а также бретонских командиров и ожидает своих верных союзников в ратуше Каларорры; этот дворец был предоставлен новому суверену. Бертран немедленно принял это приглашение. Энрике уже восседал на троне, и золотое кольцо, знак королевского достоинства, красовалось на султানে его шлема.

– Господин коннетабль, – сказал он, протягивая Дюгеклену руку, – вы сделали меня королем, а я делаю вас графом; вы даровали мне королевство, а я жалую вас поместьем; благодаря вам, я теперь зовусь Энрике де Трастамаре, король обеих Кастилии, Севильи и Леона, а вы, благодаря мне, зоветесь Бертраном Дюгекленом, коннетаблем Франции и графом Сорийским.

Троекратное «Ура!» командиров и солдат подтвердило, что король не только сделал жест признательности, но и совершил акт справедливости.

– Что касается вас, благородные капитаны, – продолжал король, – то мои дары не будут достойны ваших заслуг, но ваши победы, увеличивая мои владения и богатства, вас тоже сделают сильнее и богаче.

Пока он раздарил им свою золотую и серебряную посуду, конскую упряжь и все, что еще оставалось ценного в ратуше

Калаорры, а также назначил губернатором провинции калаоррского бургомистра.

Потом, выйдя на балкон, король повелел раздать солдатам восемьдесят тысяч золотых экую, которые у него оставались. М, показав на пустые сундуки, сказал:

– Советую вам о них не забывать, потому что мы наполним их в Бургосе.

– На Бургос! – закричали солдаты и командиры.

– На Бургос! – подхватили горожане, для кого эта ночь, проведенная в веселье, обильных возлияниях и дружеских объятиях, стала тяжелым испытанием братства, и их благоразумие подсказывало, что нельзя допустить, чтобы этим братством злоупотребляли.

А тем временем наступил новый день; армия была готова к доходу; над треугольными рыцарскими флагами всех кастильских и бретонских отрядов уже развевалось королевское знамя, когда у главных ворот Калаорры послышался громкий шум и крики людей, стекавшихся к центру города, возвестили о важном событии.

Этим событием был приезд гонца. Бертран вышел на площадь; Энрике гордо выпрямился, сияя от радости.

– Пропустите его, – приказал король. Толпа расступилась.

И все увидели смуглого, закутанного в белый бурнус всадника на арабском скакуне. Из ноздрей коня валил пар, грива развевалась, он нервно подрагивал на тонких, как стальные клинки, ногах.

– Могу я видеть графа дона Энрике? – спросил всадник.

– Вы хотите сказать, короля? – воскликнул Дюгеклен.

– Мне известен лишь один король, дон Педро, – сказал араб.

«Этот хоть не кривит душой», – про себя прошептал коннетабль.

– Хорошо, – сказал Энрике, – ближе к делу. Я тот, с кем вы желаете говорить.

Гонец, не слезая с коня, поклонился.

– Откуда вы приехали? – спросил дон Энрике.

– Из Бургоса.

– Кто вас послал?

– Король дон Педро.

– Дон Педро в Бургосе? – вскричал Энрике.

– Да, сеньор, – ответил гонец. Энрике с Бертраном снова переглянулись.

– И чего же хочет дон Педро? – спросил Энрике.

– Мира, – сказал араб.

– Ну и ну! – воскликнул Бертран, в котором честность сразу же заглушала любую корысть. – Это добрая весть.

Энрике нахмурился.

Аженор вздрогнул от радости: для него мир означал свободу искать и найти Аиссу.

– И на каких же условиях нам предлагается этот мир? – резким голосом спросил Энрике.

– Ответьте, ваша милость, что вы, как и мы, желаете ми-

ра, – сказал гонец, – и об условиях вы легко сговоритесь с королем, моим повелителем.

Однако Бертран не забывал о той миссии, которую ему поручил король Карл V – отомстить дону Педро и уничтожить отряды наемников.

– Вы сможете принять предложение мира только тогда, когда на вашей стороне будет достаточно преимуществ, чтобы условия эти были выгодны, – сказал он Энрике.

– Я тоже так думал, но ждал вашего согласия, – живо откликнулся Энрике, который содрогался при мысли, что ему придется делиться тем, чем он жаждал владеть безраздельно.

– Каков ответ вашей милости? – спросил гонец.

– Ответьте за меня, граф Сорийский, – попросил король.

– Извольте, государь, – поклонился Дюгеклен.

Потом, обернувшись к гонцу, сказал:

– Господин герольд, возвращайтесь к вашему повелителю и передайте ему, что условия мира мы обсудим, когда будем в Бургосе.

– В Бургосе! – вскричал гонец, в голосе которого слышалось больше страха, нежели изумления.

– Да, в Бургосе.

– В этом большом городе, который удерживает со своей армией король дон Педро?

– Именно, – подтвердил коннетабль.

– Вы тоже так думаете, сеньор? – спросил герольд, повернувшись к Энрике де Трастамаре. Тот утвердительно кивнул.

– Да хранит вас Бог! – воскликнул гонец, покрывая голову полой своего плаща.¹⁴⁰

Потом, так же почтительно, как в начале беседы, поклонившись дону Энрике, он повернул коня и шагом поехал сквозь толпу, которая, обманутая в своих надеждах, безмолвно и неподвижно стояла по сторонам.

– Скачите быстрее, господин гонец, – крикнул Бертран, – если не хотите, чтобы мы оказались в Бургосе раньше вас.

Но всадник, не повернув головы и даже не подав виду, будто эти слова обращены к нему, неуловимым движением перевел коня с размеренного хода на резвый шаг, а потом помчался таким бешеным галопом, что, когда бретонский авангард вышел из ворот Калаорры, направляясь в Бургос, его уже не было видно с крепостных стен.

Отдельные новости разносятся по воздуху, словно гонимые ветром пылинки; эти новости подобны дыханию, запаху, лучу света. Как вспышки молнии, они долетают до людей, предвещая им что-то, ослепляя их. Никто не способен объяснить тот феномен, что человек, находясь в двадцати льё от места события, знает о нем. И то, о чем мы только что рассказали, уже было известно всем. Может быть, наука, которая глубоко изучит эту проблему, когда-нибудь не будет даже снисходить до ее объяснения и признает аксиомой то, что сегодня мы считаем человеческой тайной.

Но как бы там ни было, вечером того дня, когда дон Эн-

---

¹⁴⁰ Старинный жест траура и печали.

рике вместе с коннетаблем вступил в Калаорру, новость о провозглашении Энрике королем обеих Кастилии, Севильи и Леона достигла Бургоса, куда сам дон Педро вошел всего четверть часа назад.

Какой орел, пролетая в небе, выронил ее из когтей? Никто не может ответить на это, но в считанные мгновения весь город уже уверовал в нее.

Сомневался лишь дон Педро. Мотриль вынудил его согласиться со всеми, заметив:

– Боюсь, что так оно и есть. Это должно было произойти, значит, и произошло.

– Но даже если предположить, что этот бастард занял Калаорру, – сказал дон Педро, – вовсе не обязательно, что он провозглашен королем.

– Если он не стал королем вчера, – возразил Мотриль, – то наверняка станет сегодня.

– Тогда выступим против него и объявим войну, – предложил дон Педро.

– Ни в коем случае! – воскликнул Мотриль. – Мы останемся здесь и заключим мир.

– Заключим мир?

– Да, мы даже купим его, если возникнет необходимость.

– Молчи, несчастный! – в бешенстве вскричал дон Педро.

– Неужели вам, государь, так трудно всего-навсего пообещать им мир? – с недоумением спросил Мотриль.

– Ага! Вот куда ты клонишь! – воскликнул дон Педро, на-

чавший, наконец, понимать Мотриля.

– Разумеется, – продолжал Мотриль. – Чего хочет дон Энрике? Королевство! Дайте ему королевство таких размеров, какое вы сочтете нужным; потом вы сбросите Энрике с трона. Если вы сделаете Энрике королем, то он перестанет опасаться человека, давшего ему корону. Ну какая вам выгода, позвольте спросить, от того, что в чужих краях вас все время подстерегает соперник, который, как молния, может поразить вас неизвестно когда и где? Выделите дону Энрике часть королевства, границы которой вам хорошо знакомы; поступите с ним, как с осетром, которого вроде бы отпускают на волю в большой садок. Но ведь каждый знает, где можно легко поймать осетра в этом специально созданном для него водоеме. А если вы будете ловить осетра в открытом море, он всегда от вас ускользнет.

– Верно говоришь, – сказал дон Педро, прислушиваясь к Мотрилю с большим вниманием.

– Если он попросит у вас Леон, – продолжал Мотриль, – отдайте ему Леон; ведь чем быстрее он его получит, тем быстрее ему надо будет вас отблагодарить. Тут-то он на день, на час, на десять минут окажется рядом с вами, за вашим столом, у вас под рукой. Такого случая фортуна никогда не подарит вам до тех пор, пока вы воюете друг против друга. Говорят, он в Калаорре; вот и отдайте ему все земли от Калаорры до Бургоса, это лишь приблизит вас к нему.

Дон Педро превосходно понимал Мотриля.

– Да, – глубоко задумавшись, прошептал он, – именно так я и добрался до дона Фадрике.

– Вот видите, – сказал Мотриль, – а я уж было подумал, что вы забыли обо всем.

– Хорошо, – сказал дон Педро, положив руку на плечо Мотрилю, – я с тобой согласен.

И король послал к дону Энрике одного из тех неутомимых мавров, для которых время измеряется теми тридцатью льё, что за день преодолевают их кони.

Мотриль был уверен, что Энрике примет предложение заключить мир, хотя бы в надежде отнять у дона Педро вторую половину королевства после того, как получит первую. Но мавр и король строили свои расчеты, забыв о коннетабле. Поэтому, получив ответ из Калаорры, дон Педро и его советники сильно огорчились, поскольку преувеличивали последствия отказа Энрике.

Правда, дон Педро располагал армией, хотя армия не так сильна, когда осаждена. У него оставался Бургос, но вопрос заключался в том, верны ли ему горожане.

Мотриль не скрыл от дона Педро, что жители Бургоса пользовались репутацией больших любителей всевозможных новшеств.

– Мы сожжем город, – сказал дон Педро. Мотриль покачал головой.

– Бургос не из тех городов, что позволяют безнаказанно сжечь себя, – сказал он. – Во-первых, в нем живут христиане,

которые ненавидят мавров, а мавры – ваши друзья; во-вторых, живут мусульмане, которые ненавидят евреев, а евреи – ваши казначеи; наконец, живут евреи, которые ненавидят христиан, а в вашей армии много христиан.

Эти люди будут драться друг с другом вместо того, чтобы сражаться с войсками дона Энрике; они могут сделать лучше: каждая из трех партий выдаст две другие на растерзание претенденту. Послушайте меня, государь, найдите предлог, чтобы оставить Бургос, я советую вам уехать из города, пока до него не дошла новость о провозглашении королем дона Энрике.

– Если я покину Бургос, то навсегда потеряю этот город, – возразил дон Педро, терзаемый сомнениями.

– Не скажите. Когда вы вернетесь и осадите Бургос, дон Энрике окажется в нашем положении, и, если, как вы считаете, сейчас преимущество на его стороне, тогда оно будет на вашей. Вы должны отступить, ваша милость.

– Значит, бежать! – вскричал дон Педро, потрясая кулаком.

– Тот, кто намерен вернуться, не беглец, государь, – возразил Мотриль. Дон Педро все еще колебался, но скоро сам удостоверился в том, в чем не могли его убедить советы Мотриля. Он видел, что у дверей домов собираются кучки людей, а еще больше народа скапливается на городских перекрестках, и услышал, как из толпы кто-то крикнул:

– Теперь наш король – дон Энрике!

– Мотриль, ты был прав, – сказал он. – Я тоже думаю, что пора уезжать. И король дон Педро покинул Бургос в тот самый момент, когда на гребне Астурийских гор появились знамена дона Энрике де Трастамаре.

Х. Коронование

Жители Бургоса, которые трепетали при мысли, что они станут причиной раздора в борьбе соперников за престол, и сознавали, что в этом случае им придется оплачивать расходы на войну, едва узнав о бегстве дона Педро и завидев знамена дона Энрике, мгновенно превратились в пылких приверженцев нового короля, и эту резкую перемену их взглядов легко было понять.

Тот, кто в гражданских войнах проявляет даже мимолетную слабость, сразу делается намного слабее, чем он есть на самом деле. Ведь гражданская война – не только столкновение интересов, но и борьба самолюбий. Отступить в этой войне – значит потерять свою репутацию. Поэтому совет, данный Мотрилем – у мавров совсем иные понятия о доблести, чем у нас, – оказался совершенно неприемлемым для христиан, составлявших все-таки большинство населения Бургоса.

Магометане и евреи, надеясь извлечь для себя кое-какую выгоду из смены власти, присоединились к христианам, признав дона Энрике королем обеих Кастилии, Севильи и Леоны, а короля Педро объявив низложенным.

И вот дон Энрике – его вел под руку епископ Бургосский – под громкие приветствия народа явился во дворец, где еще чувствовалось присутствие дона Педро.

Своих бретонцев Дюгеклен расположил в Бургосе, а за городскими стенами поставил наемные отряды французов и итальянцев, которые остались верны коннетаблю, когда ушли англичане. Таким образом Дюгеклен мог контролировать город, ни в чем не стесняя жителей. Кстати, была введена строжайшая дисциплина: у бретонцев даже за мелкую кражу полагалась смертная казнь, а у наемников били воров хлыстами. Коннетабль понимал, что победа, которая столь легко им далась, требует бережного к себе отношения, и придавал важное значение тому, чтобы новые сторонники узурпации короны приняли его солдат.

– Теперь, ваша милость, я прошу вас проявлять больше торжественности, – сказал коннетабль дону Энрике. – Пошлите за графиней, вашей супругой, которая в Арагоне с нетерпением ждет вестей от вас; она тоже должна короноваться. В торжественных церемониях, я наблюдал это во Франции, самое благоприятное впечатление на людей производят женщины и золотая парча. И поэтому многие люди, расположенные к вам отнюдь не дружески – они просто желают избавиться от вашего братца, – воспылают ревностной преданностью к новой королеве, тем более если она, как говорят, «одна из красивейших и утонченнейших дам христианского мира».

– В этом, – прибавил славный коннетабль, – ваш брат не сможет соперничать с вами, потому что свою жену он убил. Когда люди убедятся, какой вы добрый супруг Хуане Ка-

стильской, каждый из них будет вправе напомнить дону Педро о том, как он поступил с Бланкой Бурбонской.

Король улыбнулся в ответ на эти слова, справедливость которых не мог не признать; они, кстати, радуя его, вместе с тем льстили его гордыне и страсти к пышной роскоши. Посему королева и была вызвана в Бургос. Тем временем город украсили гобеленами, по стенам развесили гирлянды цветов, а мостовые, засыпанные пальмовыми листьями, скрылись под ярко-зеленым ковром. Со всех сторон сбегались без оружия радостные кастильцы; они, хотя «Оде и не сделали своего выбора, ставили окончательное признание дона Энрике королем в зависимость от того впечатления, какое произведут на них блеск церемонии и щедрость их нового властелина.

Когда сообщили о прибытии королевы, Дюгеклен во главе – отряда бретонцев выехал встречать ее за целое льё от города.

Она действительно была прекрасна, графиня Хуана Кастильская, чью красоту еще больше подчеркивали пышность роскошного наряда и поистине королевского выезда.: Хроника сообщает, что она ехала на колеснице, покрытой золотой парчой и богато убранной драгоценными камнями. Рядом с ней были три сестры короля, а за ними в столь же великолепных экипажах следовали придворные дамы. Вокруг этих роскошных экипажей тучей вились пажи – их костюмы ослепляли шелком, золотом и драгоценностями, – гра-

циозно гарцуя на прекрасных андалусских лошадях; эта порода, скрещенная с арабскими скакунами, дает коней быстрых, как ветер, и гордых, как сами кастильцы. – Этот величественный кортеж ослепительно сиял на солнце, под лучами которого ярко вспыхивали витражи собора и нагревались пары египетского ладана, сжигаемого в золотых – кадилъницах монахинями.

Смешавшись с христианами, что стояли вдоль пути королевы, мусульмане, разодетые в свои самые богатые кафтаны, с восхищением разглядывали знатных и красивых дам, чьи прозрачные, развевающиеся под дыханием легкого ветерка уали защищали их лица от солнца, но не от жадных взоров.

Едва королева заметила, что к ней навстречу едет Дюгеклен – коннетабль легко можно было узнать по золоченым доспехам и большому мечу, который оруженосец нес перед ним на голубой бархатной подушке с вышитыми золотыми лилиями, – она приказала остановить упряжку белых мулов, везущих ее колесницу, и быстро сошла с высокого сиденья.

По примеру королевы, правда не зная намерений Хуаны Кастильской, сестры короля и придворные дамы тоже вышли из экипажей.

Королева пошла навстречу Дюгеклену, который, увидев ее, соскочил с коня. Тогда Хуана Кастильская ускорила шаг и, как гласит хроника, протянув вперед руки, подошла к коннетаблю.

Дюгеклен молниеносно отстегнул и откинул за спину за-

брало шлема. Поэтому королева, видя коннетабля с непокрытой головой, обняла его за шею и, как далее повествует хроника, поцеловала, словно нежно любящая сестра.

– Это вам, прославленный коннетабль, я обязана своей короной! – воскликнула она с глубоко искренним волнением, которое тронуло сердца всех присутствующих. – В мой дом пришла эта нежданная слава! Благодарю вас, шевалье, и да вознаградит вас Бог! Я же могу лишь сравняться в благодарности с той услугой, что вы мне оказали.

Эти слова, а особенно поцелуй королевы, столь почетный для славного коннетабля, толпы народа и солдат встретили громкими одобрительными возгласами и рукоплесканиями.

– Ура славному коннетаблю! – кричали все вокруг. – Радости и счастья королеве Хуане Кастильской!

Сестры короля, злорадные и насмешливые девицы, не были столь восторженны. Они украдкой поглядывали на коннетабля (внешность этого доброго рыцаря они, естественно, сравнивали с тем идеалом шевалье, который они себе создали, и она возвращала их к действительности, что была у них перед глазами) и перешептывались:

– Неужели это и есть знаменитый воин? Смотрите, какая у него грубая голова!

– А вы заметили, графиня, какие у него сутулые плечи? – спросила средняя из трех сестер.

– И ноги у него кривые, – заметила младшая.

– Пусть так, зато он сделал королем нашего брата, –

напомнила старшая, положив конец этому осмотру, столь невыгодному для славного рыцаря Дюгеклена.

Суть в том, что великая душа знаменитого рыцаря, подвигнувшая его на свершение множества прекрасных и благородных дел, была заключена в мало ее достойное тело; его огромная голова бретонца – она всегда была преисполнена здравых мыслей и великодушного упрямства – могла показаться заурядной любому, кто не удосужился бы заметить того огня, который горел в его черных глазах, гармонического соединения мягкости и твердости в чертах его лица.

Ноги у него, разумеется, были колесом; но ради славы Франции доблестный рыцарь почти всю жизнь провел в седле, и никто, если он не пренебрегал благодарностью, не мог упрекнуть коннетабля за эти ноги, ставшие кривыми потому, что они крепко сжимали бока его доброго коня.

Вероятно, средняя сестра короля справедливо отметила сутулость плеч Дюгеклена, но на этих покатых плечах держались мускулистые руки, которые в схватке одним ударом валили с ног лошадь вместе со всадником.

Толпа не могла сказать о коннетабле: «Это красивый сеньор!», она говорила: «Это грозный сеньор!»

После первого обмена любезностями и благодарностями, королева села верхом на белого арагонского мула; он был покрыт расшитой золотом попоной, на нем была золотая, украшенная драгоценностями сбруя – подарок бургосских горожан.

Королева попросила Дюгеклена идти по левую руку от нее, выбрав кавалерами сестер короля мессира Оливье де Мони, Заику Виллана и еще пятьдесят рыцарей, что вместе с придворными дамами пошли пешком.

В таком порядке они прибыли во дворец; король ждал их под балдахином из золотой парчи; рядом с ним стоял граф де Ламарш, утром приехавший из Франции. Завидев королеву, король встал; королева спешила с мула и преклонила перед ним колени. Король поднял Жанну Кастильскую и, поцеловав ее, громко воскликнул:

– В монастырь де Лас Уэльгас!

Там и должна была состояться коронация.

С криками «Ура!» все последовали за королевской четой.

На время этого шумного праздника Аженор вместе с верным Мюзароном укрылся в мрачном, стоящем на отшибе доме.

Правда, Мюзарон – он не был влюблен, но зато был любопытный и пронырливый, как всякий слуга-гасконец, – оставил хозяина в одиночестве и, воспользовавшись его затворничеством, облазил весь город, не пропустив ни одной церемонии. Все повидав и обо всем разузнав, он вечером вернулся домой.

Мюзарон застал Аженора разгуливающим по саду и, сгорая от нетерпения поделиться добытыми новостями, сообщил хозяину, что отныне коннетабль не только граф Сорийский, что перед тем как сесть за стол, королева попросила ко-

роля об одном одолжении и, когда он удовлетворил ее просьбу, пожаловала Дюгеклену графство Трастамаре.

– Счастливая судьба, – рассеянно заметил Аженор.

– Но это еще не все, сударь, – сказал Мюзарон, приободрившись оттого, что даже такой краткий ответ дает ему повод продолжить свой рассказ, доказывая, что его слушают. – После этого дара королевы король почувствовал, что честь его задета и – коннетабль еще не успел встать – объявил: «Мессир, графство Трастамаре – дар королевы; я же приношу свой дар и жалую вам герцогство Молиния».

– Его осыпают милостями, и это справедливо, – ответил Аженор.

– Но и это еще не все, – продолжал Мюзарон, – от щедрот короля перепало всем.

Аженор усмехнулся, подумав, что о нем, персоне не столь важной, забыли, хотя и он оказал дону Энрике кое-какие услуги.

– Всем! – воскликнул он. – Как так, всем?

– Да, сеньор, всем – командирам, офицерам и даже солдатам. Поистине, меня не перестают мучить два вопроса: во-первых, неужели Испания так велика, что в ней есть все то, что раздает король, во-вторых, неужели у этих людей хватит сил унести все, что им дали?

Однако Аженор больше не слушал его, и Мюзарон напрасно ждал ответа на свою шутку. Между тем наступила ночь, и Аженор, прислонившись к решетчатому, с узором в виде

трилистников балкону (сквозь отверстия там пробивались листья и цветы, которые вились по мраморным колоннам и образовывали над окнами навес), вслушивался в отдаленный гул (Праздничного веселья, что уже затихало. Вечерний прохладный ветерок освежал его лоб, разгоряченный пылкими мыслями о любви, а резкий запах мирта и жасмина напоминал о садах мавританского дворца в Севилье и особняка Эрнотона в Бордо. Именно эти воспоминания отвлекли его от рассказов Мюзарона.

Поэтому Мюзарон, умеющий как ему было угодно влиять на настроение хозяина – это всегда легкая задача для тех, кто нас любит и знает наши тайны, – чтобы обратить на себя внимание, выбрал тему, которая, как он полагал, неминуемо отвлечет Аженора от его грустных мыслей.

– Знаете ли вы, сеньор Аженор, – спросил он, – что все эти празднества лишь прелюдия к войне и что за нынешней коронацией последует большой поход на дона Педро; это значит, что надо еще вернуть страну тому, кому дали корону.

– Ну что ж, пусть! – ответил Аженор. – И мы отправимся в этот поход.

– Идти придется далеко, мессир.

– Ладно, пойдем далеко.

– А известно ли вам, что именно там, – Мюзарон показал куда-то вдаль, – мессир Бертран намерен сгноить все отряды наемников?

– Отлично! Заодно там сгниют и наши кости, Мюзарон.

– Конечно, это для меня высочайшая честь, ваша милость, но...

– Что, «но»?

– Но вполне резонно говорят, что господин есть господин, а слуга есть слуга, то есть жалкое орудие.

– Почему же это, Мюзарон? – спросил Аженор, наконец-то с удивлением заметив, что его оруженосец говорит каким-то жалобным тоном.

– Потому что мы с вами совсем разные люди: вы благородный рыцарь и, мне кажется, лишь ради чести служите вашим господам, а я...

– Ну и что ты?..

– А я, во-первых, тоже служу вам ради чести, во-вторых, ради удовольствия находится в вашем обществе и, наконец, ради жалованья.

– Но я тоже получаю жалованье, – не без горечи возразил Аженор. – Разве ты не видел, что мессир Бертран вчера принес мне сто золотых экю от короля, нового короля?

– Видел, мессир.

– Хорошо, а разве из сотни золотых, – смеясь, спросил молодой человек, – ты не получил свою долю?

– Получил, конечно, и не долю, а всю сотню.

– Тогда ты должен прекрасно понимать, что я тоже на жалованье, раз ты его за меня получил.

– Да, но я позволю себе заметить, что платят вам не по заслугам. Сто экю золотом! Я вам назову десятки офицеров,

которые получили по пятьсот, а сверх того король даровал им титулы баронов, баннере и сенешалей королевского дома.

– Ты намекаешь, что король забыл обо мне, так ведь?

– Совершенно забыл.

– Тем лучше, Мюзарон, тем лучше. Мне по душе, когда короли забывают обо мне; тогда они хотя бы не делают мне зла.

– Полноте! – воскликнул Мюзарон. – Неужели вы хотите меня убедить, будто вы рады скучать здесь, в саду, пока другие звенят на пиру золотыми кубками, обмениваясь с дамами нежными улыбками?

– Но это правда, метр Мюзарон, – ответил Аженор. – И когда я говорю вам об этом, прошу мне верить. Под этими миртами, наедине со своими мыслями, мне веселее, чем старыцарям, что в королевском дворце упиваются хересом.

– Быть этого не может.

– Однако это так.

Мюзарон с сожалением покачал головой:

– Я прислуживал бы вашей милости за столом, а ведь так лестно иметь право сказать, когда мы вернемся в родные края: «Я служил моему господину на пиру в день коронации графа Энрике де Трастамаре».

Аженор кивнул в ответ, печально улыбнувшись.

– Вы оруженосец бедного наемника, метр Мюзарон, – сказал он, – и будьте довольны тем, что еще живы, что вы не умерли с голоду, хотя это вполне могло бы с нами случиться,

как бывало со многими. Кстати, эти сто золотых экую...

– Не сомневайтесь, они у меня, – ответил Мюзарон, – но если я их потрачу, то денег у меня не будет, и на что мы станем жить? И чем будем расплачиваться с аптекарями и лекарями, когда ваше благородное усердие на службе у дона Энрике изранит нас душевно и телесно?

– Ты славный слуга, Мюзарон, – рассмеялся в ответ Аженор, – и я дорожу твоим здоровьем. Ступай спать, Мюзарон, уже поздно, и оставь меня развлекаться на мой манер, наедине с моими мыслями. Иди, завтра ты будешь более годен для тяжелой бранной службы.

Мюзарон подчинился. Он удалился, лукаво улыбаясь, ибо полагал, что пробудил в сердце своего господина немного честолюбия, и надеялся, что оно даст свои плоды.

Тем не менее этого не произошло. Аженор, полностью отдавшись мыслям о своей любви, даже не думал о герцогствах и богатстве; он страдал от мучительной тоски, которая вынуждает нас сожалеть о любой стране, где мы были счастливы, словно о второй родине.

Вот почему Аженор так горестно вспоминал о садах алька-сара и Бордо.

И, однако, подобно тому, как в небе остается след света, хотя солнце уже зашло, слова Мюзарона оставили след в душе Аженора.

«Разве смогу я стать богатым сеньором, грозным капитаном?! Нет, ничего этого не предвещает моя судьба. У меня

есть лишь страсть, силы, упорство, чтобы завоевать Аиссу – единственное мое счастье. Мне безразлично, что меня обходят при раздаче королевских милостей: все короли неблагодарны; мне безразлично, что коннетабль не пригласил меня на пир и не отличил среди других командиров: люди забывчивы и несправедливы. К тому же, как бы там ни было, если мне наскучит их забывчивость и несправедливость, я от них уйду».

– Тише! – послышался чей-то голос рядом с Аженором, который, вздрогнув, в испуге отпрянул назад. – Спокойно, молодой человек! Мы пришли за вами.

Аженор обернулся и увидел двух мужчин, закутанных в темные плащи; они появились из глубины садовой беседки, где, как он думал, никого нет; раздумья помешали ему услышать звуки шагов по песчаной аллее.

Тот, кто говорил, подошел к Молеону и взял его за руку. – Это вы, коннетабль! – прошептал молодой человек.

– Да, я пришел доказать вам, что не забыл о вас, – ответил Бертран.

– Вы не забыли, но ведь вы не король, – сказал Молеон.

– Верно, коннетабль не король, – перебил другой мужчина, – зато я король и, насколько мне помнится, получил свою корону не без вашей помощи.

Аженор узнал дона Энрике.

– Государь, простите меня, умоляю вас, – в полной растерянности бормотал он.

– Прощаю вас, мессир, – ответил король, – и, так как вы не присутствовали при раздаче наград, вам достанется кое-что Получше того, что получили другие.

– Мне ничего не надо, государь, ничего! – умоляюще сказал Молеон. – Я ничего не хочу, ибо люди станут говорить, будто я что-то у вас выпрашивал. Дон Энрике улыбнулся.

– Успокойтесь, шевалье, – ответил он, – никто этого не скажет, потому что вряд ли кто-нибудь будет выпрашивать то, что я хочу вам предложить. Это миссия, полная опасностей и в то же время настолько почетная, что заставит все христианские народы устремить взоры на вас. Сеньор де Молеон, вы будете королевским посланцем.

– О, ваша светлость, я не смел даже надеяться на подобную честь.

– Полно, не скромничайте, молодой человек, – сказал Бертран, – сперва король вместо вас намеревался послать меня, но счел, что я могу понадобиться здесь, чтобы стать во главе наемников, а с этими людьми, поверьте мне, нелегко справиться. Именно в те минуты, когда вы обвиняли нас в том, что мы о вас забыли, я напомнил его величеству о вас как о человеке красноречивом, твердом и хорошо говорящем по-испански. Будучи беарнцем, вы уже наполовину испанец. Но, как вам сказал король, это опасная миссия: надо отправиться на поиски дона Педро.

– Дона Педро! – в порыве радости вскричал Аженор.

– Ага, шевалье, – подхватил Энрике, – я вижу, вас это

устанавливает! Аженор почувствовал, что радость делает его бестактным, и сдержался.

– Да, сир, устанавливает, – сказал он, – ибо я усматриваю в этой миссии возможность послужить вашему величеству.

– Вы в самом деле окажете мне услугу, и немалую, – продолжал Энрике, – хотя, предупреждаю вас, мой благородный посланец, не без риска для жизни.

– Располагайте мной, государь.

– Надо будет, – пояснил король, – объехать всю Сеговийскую равнину, где-то там сейчас блуждает дон Педро. В качестве верительной грамоты я дам вам перстень, который принадлежит моему брату; дон Педро наверняка его узнает. Но прежде чем согласиться, шевалье, подумайте хорошенько над тем, что я вам скажу.

– Я слушаю вас, государь.

– Если по дороге на вас нападут, приказываю вам сдать-ся в плен; приказываю также под угрозой смерти не выдавать целей вашей миссии; вы повергли бы в уныние слишком многих наших сторонников, сообщив им, что я, достигнув вершины своего счастья, обратился к моему врагу с предложением заключить мир.

– Заключить мир! – изумился Аженор.

– Так хочет коннетабль, – сказал король.

– Я, сир, не могу ничего желать, я могу лишь просить, – возразил коннетабль. – Вот я и просил вашу светлость взвесить перед лицом Всевышнего всю опасность той войны, ко-

торуую вы ведете. В таком деле не самое главное – иметь на своей стороне земных царей, нужно, чтобы за тебя стоял и Царь небесный. Правда, склоняя вас к миру, я нарушаю данные мне указания. Но даже мудрый король Карл Пятый одобрит меня, когда я скажу ему: «Государь, жили-были два мальчика, рожденные от одного отца, два брата; подняв меч друг на друга, они когда-нибудь могут сойтись в поединке и погибнуть. Государь, чтобы Бог простил брата, поднявшего меч на брата, прежде всего необходимо, чтобы закон стоял на стороне того, кто жаждет Божьего прощения». Дон Педро предложил вам мир, но вы отказались; если бы вы приняли мир, то люди сочли бы, что вы испугались; теперь, когда вы победили, на вас возложена корона и вы стали королем, вы сами должны предложить дону Педро мир, и люди скажут, что вы государь великодушный, незлобивый, радеющий только о справедливости; и та часть земель, что вы сейчас потеряете, скоро вернется к вам благодаря свободному выбору ваших подданных. Если дон Педро не примет мира, ну что ж, мы выступим против него и вам больше не в чем будет себя упрекнуть, поскольку он сам обречет себя на гибель.

– Все это правильно, – со вздохом ответил Энрике, – но представится ли мне возможность его погубить?

– Государь, я сказал то, что сказал, а говорил я по совести, – ответил Бертран. – Тот, кто желает идти прямым путем, не должен себя убеждать, что может пройти тот же путь, сильно петляя.

– Да будет так! – воскликнул король, притворившись, будто во всем согласен с Дюгекленом.

– Значит, решение вашего величества твердо? – спросил Бертран.

– Да, окончательно.

– И вы не сожалеете о нем?

– О господин коннетабль, вы требуете от меня слишком многого! – возразил король. – Я даю вам свободу действий, чтобы вы принесли мне мир, но большего не просите.

– Тогда, государь, разрешите мне дать шевалье те инструкции, о которых мы с вами условились, – попросил Бертран.

– Не утруждайте себя этим, – живо ответил король. – Я сам все объясню графу, и, кстати, – прибавил он шепотом, – вы же знаете, что мне надо передать ему кое-что.

– Прекрасно, государь! – воскликнул Бертран, который не догадывался, почему король так торопится его удалить.

И Дюгеклен ушел, но, не дойдя до порога беседки, вернулся.

– Не забывайте, государь, что за добрый мир, если потребуется, можно отдать полкоролевства, условия его должны быть совсем мягкими, а манифест – очень осторожным, христианским, не задевающим ничьей гордыни.

– Да, разумеется, – сказал король, невольно покраснев, – будьте уверены, коннетабль, что мои намерения именно таковы...

Бертран не считал нужным настаивать на своем, хотя показалось, что на миг у него возникли какие-то подозрения; но король проводил Дюгеклена такой дружеской улыбкой, что подозрения коннетабля, кажется, рассеялись.

Король посмотрел вслед Берtrandу.

– Шевалье, – обратился он к Молеону, едва коннетабль скрылся среди деревьев, – вот перстень, что подтвердит дону Педро ваши полномочия. Но пусть слова, сказанные коннетаблем, сотрутся из вашей памяти, а мои – запечатлятся в ней навсегда.

Аженор кивнул в знак того, что внимательно слушает.

– Я обещаю дону Педро мир, – продолжал Энрике, – и отдам ему половину Испании от Мадрида до Кадикса, я останусь его братом и союзником, но при одном условии.

Аженор поднял голову, все больше удивляясь тону, нежели смыслу речи государя.

– Да, – подтвердил Энрике, – что бы ни говорил коннетабль, я настаиваю на этом условии. По-моему, Молеон, вы удивлены, что я кое-что скрываю от славного коннетабля. Слушайте меня: коннетабль – бретонец, человек, непоколебимый в своей честности, но он даже не догадывается, как дешевы клятвы в Испании, стране, где страсть жжет сердца нещаднее, чем солнце землю. Поэтому он не может понять, как сильно ненавидит меня дон Педро. Будучи законопослушным бретонцем, коннетабль забывает, что дон Педро предательски убил моего брата дона Фадрике и без суда за-

душил сестру его суверена. Коннетабль полагает, что у нас, как во Франции, война ведется на полях сражений. Король Карл, который повелел Дюгеклену уничтожить дону Педро, знает об этом лучше; это гений короля Карла продиктовал мне те приказы, которые я даю вам.

Аженор, до глубины души потрясенный признаниями короля, склонился в поклоне.

– Итак, вы отправитесь к дону Педро, – продолжал король, – и от моего имени пообещаете ему все, о чем я вам говорил, но за это потребуете, чтобы мавр Мотриль и двенадцать придворных вместе с семьями – на этом пергаменте их имена – стали моими заложниками.

Аженор вздрогнул. Король упомянул о двенадцати придворных с семьями; значит, с Мотрилем, если он окажется при дворе короля Энрике, будет и Аисса.

– Если это условие будет выполнено, – продолжал король, – вы доставите заложников ко мне.

От радости дрожь пробежала по жилам Аженора; дон Энрике это заметил, хотя и истолковал неверно.

– Вам страшно? – спросил он. – Но ничего не бойтесь и не думайте, что ваша жизнь будет подвергаться опасностям среди этих негодяев. Нет, опасность невелика, я, по крайней мере, так считаю; если вы быстро доберетесь до реки Дуэро, то на другом берегу вас будет ждать эскорт, который защитит вас от любого нападения, а мне обеспечит взятие заложников.

– Государь, вы заблуждаетесь, вовсе не страх заставил меня вздрогнуть, – возразил Молеон.

– Тогда что же? – спросил король.

– Нетерпение от желания начать служить вам: я готов ехать сию минуту.

– Отлично! Вы отважный рыцарь, благородное сердце! – воскликнул король. – Уверяю вас, молодой человек, вы далеко пойдете, если без колебаний пожелаете связать вашу судьбу с моей.

– О, ваша милость, – ответил Молеон, – вы уже наградили меня больше, чем я того заслуживаю.

– Когда вы намерены ехать?

– Немедленно.

– Поезжайте. Вот три бриллианта, которые называют «тремя волшебниками»; евреи оценивают каждый из них в сто тысяч золотых экю, а в Испании полно евреев. И вот еще тысяча флоринов, но для кошелька вашего оруженосца.

– Ваша светлость, вы осыпаете меня дарами, – смутился Молеон.

– Когда вы вернетесь, – продолжал дон Энрике, – я пожалую вас в командиры отряда из ста копьеносцев, которых вооружу на собственный счет, и личным знаменем.

– О, ваша милость, умоляю вас, не говорите больше ни слова.

– Но обещайте мне не рассказывать коннетаблю об условиях, которые я ставлю моему брату.

– О, не беспокойтесь, государь, хотя он будет возражать против этих условий, я, как и вы, не хочу, чтобы он этому противился.

– Благодарю вас, шевалье, – сказал Энрике, – вы не только храбры, но и умны.

«Я влюблен, – пробормотал про себя Молеон, – а любовь, говорят, наделяет нас всеми теми достоинствами, которых у нас нет».

Король отправился назад к Дюгеклену.

Аженор разбудил своего оруженосца, и спустя два часа светлой лунной ночью хозяин и слуга уже ехали рысью по дороге на Сеговию.

XI. Как дон Педро тоже обратил внимание на носилки и обо всем, что за этим последовало

Тем временем дон Педро достиг Сеговии, затаив в глубине души горькую боль.

Первые посягательства на его десятилетнее царствование оказались для него более ощутимыми, нежели последующие поражения в битвах и измены друзей. Ему, любителю ночных прогулок – обычно он, закутавшись в плащ, бродил по Севилье под охраной лишь собственного меча, – казалось позором красться по Испании, словно вор; он считал, что король погубит себя, если хоть однажды позволит посягнуть на неприкосновенность своей особы.

Но рядом с ним, подобный древнему демону, что вселял гнев в сердце Ахилла,¹⁴¹ находился Мотриль – он скакал галопом, если дон Педро спешил, замедлял ход, если король ехал шагом, – этот истинный демон ненависти и бешеных страстей, который беспрестанно терзал душу короля горьки-

---

¹⁴¹ Имеется в виду эпизод из древнегреческой мифологии и эпической поэмы легендарного поэта и певца Гомера «Илиада». Ахилл (Ахиллес), храбрейший из греческих героев, осаждавших Трою, обиженный при разделе добычи, разгневался на предводителя греков Агамемнона и отказался сражаться. Однако у Дюма здесь неточность: в источниках не упоминается о ком-либо, кто возбуждал гнев Ахилла, этим «демоном» могла служить лишь его гордость.

ми советами, подсовывая ему восхитительно-терпкие плоды мщения; Мотриль, всегда неистощимый на выдумки, когда надо было замыслить какое-либо злодейство или бежать от опасностей; Мотриль, чье неиссякаемое красноречие, черпаемое им из неведомых сокровищниц Востока, рисовало перед беглым королем такую захватывающую картину богатства, всемогущества, о которых дон Педро не мечтал даже в свои самые счастливые дни.

Благодаря Мотрилю, пыльная и долгая дорога сокращалась, свертывалась, словно лента под руками прядильщицы. Человек пустыни, Мотриль умел в жаркий полдень отыскать ледяной источник, прячущийся под дубами или платанами. Когда они проезжали через города, Мотрилю удавалось устроить несколько радостных встреч, несколько проявлений преданности – этих последних отблесков угасающей королевской власти.

– Значит, люди еще любят меня, – говорил король, – или уже перестали бояться, что, наверное, к лучшему.

– Когда вы снова станете настоящим королем, тогда и узнаете, обожают вас или трепещут перед вами, – с еле уловимой иронией возражал Мотриль.

Но Мотриль с радостью обратил внимание на то, что дон Педро, терзаемый страхами и надеждами, охваченный мучительными раздумьями, ни единым словом не обмолвился о Марии Падилье. Находясь рядом с королем, эта оболстительница влияла на него так сильно, что ее власть приписы-

вали волшебству; когда они были в разлуке, казалось, что дон Педро не только изгонял Марию из своего сердца, но и на-врочь о ней забывал. Мысли дона Педро, натуры с пылким воображением, капризного короля, южанина, то есть человека страстного в полном смысле этого слова, с первых минут его путешествия с Мотрилем занимало иное: носилки, шторы которых от Бордо до Витории ни разу не раскрылись; та женщина, которую Мотриль повсюду возил с собой и которая вместе с ними бежала через горы. Под капюшоном, когда его два-три раза развевал ветер, можно было мельком заметить восхитительную – бархатистые глаза, черные как смоль волосы, смуглое точеное личико – пери Востока; звуки гузлы, в сумерках издававшие нежные стоны любви, тогда как король томился тревогой, – все это постепенно отдаляло от дона Педро образ Марии Падила, и разлука наносила далекой любовнице гораздо меньше вреда, чем это незнакомое, таинственное создание, которое король в своей красочной и буйной фантазии, похоже, готов был считать неким духом, покорным Мотрилю, но более могущественным, чем мавр.

Так добрались они до Сеговии, не встретив в пути никакой серьезной помехи. В городе ничего не изменилось. Король все нашел в прежнем виде; во дворце находился трон, в славном городе стояли лучники, а подданные, видя их, были преисполнены почтительности.

Наутро после приезда короля сообщили о появлении большого войска; это пришел Каверлэ со своими отрядами,

что, не изменив клятве, принесенной ими своему суверену, и проявив преданность, всегда составлявшую силу Англии, присоединились к союзнику Черного принца, которого и ждал дон Педро.

Накануне, по пути в Сеговию, к англичанам примкнули части андалусцев, гренадцев и мавров, спешившие на помощь королю.

Вскоре прибыл тайный гонец принца Уэльского, этого вечного и неутомимого врага французов; с ним Иоанн и Карл V сталкивались всюду, где во времена их правления Франция терпела поражения. Гонец привез королю дону Педро отличные новости.

Черный принц набрал в Оше армию, и уже двенадцать дней она была в походе; из Наварры он послал эмиссара к дону Педро, чтобы сообщить ему о скором приходе.

Таким образом, трон дона Педро, пошатнувшийся было из-за коронования в Бургосе Энрике де Трастамаре, все больше укреплялся. И по мере того как он упрочивался, со всех сторон стекались те непоколебимые сторонники власти, добрые люди, которые уже было собрались идти в Бургос приветствовать дона Энрике, когда до них дошло, что еще не время трогаться в путь и они вполне могли бы, прибавив ходу, оставить незаконно свергнутого короля у себя в тылу.

К этим людям – их всегда немало – присоединилась не столь значительная, но более благородная группа преданных, чистых сердец, прозрачных и твердых как алмаз; для

них возведенный на престол король остается королем до смерти, потому что они стали рабами своей присяги в тот день, когда поклялись ему в верности. Такие люди могут страдать, бояться и даже ненавидеть в государе человека, но они терпеливо и преданно ждут, пока Бог освободит их от данной клятвы, призвав на небеса своего избранника.

Этих преданных людей легко узнать во все времена и эпохи. Они лицемерят гораздо меньше других, рассуждают менее высокопарно; смиренно и почтительно поклонившись королю, вновь возведенному на престол, они отходят в сторону и, стоя во главе своих вассалов, ждут часа, когда смогут сложить головы за короля – этого живого олицетворения принципа монархии.

Некая холодность приема, оказанного дону Педро его верными слугами, объяснялась лишь присутствием мавров, которые приобрели большее, чем прежде, влияние на короля.

Воинственная порода сарацин роилась вокруг Мотриля, словно пчелы вокруг улья с маткой. Они чувствовали, что этот хитрый и дерзкий мавр связывает их с христианским королем, смелым и коварным; поэтому сарацины создали грозный вооруженный отряд и, понимая, что гражданская война им очень выгодна, присоединились к королю с восторгом и энергией, которыми, завидуя маврам, в немом бездействии восхищались его подданные-христиане.

Вместе с казной к дону Педро снова вернулось богатство, и он сразу же окружил себя блистательной роскошью; вид

ее пленяет сердца, а выгода от нее смиряет честолюбие. Поскольку в Сеговию скоро должен был прибыть принц Уэльский, было решено, что состоятся великолепные – блеск их был призван затмить эфемерную пышность коронации дона Энрике – празднества, которые вернут доверие народа и заставят его признать, что настоящий король лишь тот, кто много имеет, но гораздо больше тратит.

Мотриль же продолжал осуществлять давно задуманный план, который заключался в том, чтобы покорить чувства дона Педро: ведь разум короля уже был под властью мавра. Каждую ночь слышалась гузла Аиссы, все песни которой, как у истинной дочери Востока, были песнями любви; звуки гузлы, доносимые легким ветерком, скрашивали одиночество короля и успокаивали его кровь, разгоряченную лихорадкой неистовых сладострастных видений, навевая короткий, как это свойственно неумолимым южным натурам, сон.

Каждый день Мотриль ждал, что дон Педро хоть словом выдаст ту тайную страсть, которая, как чувствовал мавр, сжигает короля, но этого единственного слова мавр ждал напрасно.

И вот однажды дон Педро резко, без всякого повода – казалось, ему пришлось сделать страшное усилие, чтобы разорвать узы, словно сковывавшие его уста, – сказал:

– Вот видишь, Мотриль, вестей из Севильи нет.

В этих словах раскрылись все тревоги дона Педро. Севилья означала память о Марии Падилье.

Мотриль вздрогнул: ведь утром он задержал на дороге из Толедо в Сеговию и бросил в тюрьму Адаю, раба-нубийца, который нес королю письмо от Марии Падилаи.

– Вестей нет, сир, – сказал мавр.

Дон Педро погрузился в мрачную задумчивость. Потом он, словно отвечая самому себе, тихо проговорил:

– Значит, душу этой женщины покинула всепоглощающая страсть, ради которой я принес в жертву брата, жену, честь и корону, ибо ее хочет сорвать у меня с головы не только бастард Энрике, но и коннетабль.

И он сделал угрожающий жест, не обещавший ничего хорошего ни Дюгеклену, ни Энрике, если злосчастная судьба отдаст их когда-нибудь в его руки.

Мотриль не придавал значения этой угрозе короля: его занимали совсем другие мысли.

– Донья Мария, – сказал он, – сильнее всего желала стать королевой, а в Севилье могли поверить, будто ваша светлость короны лишилась...

– Это ты мне уже говорил, Мотриль, но я тебе не верил.

– И снова повторяю, сир. Надеюсь, теперь поверите. Я вам говорил об этом тогда, когда вы приказали мне отправиться в Коимбру за несчастным доном Фадрике...

– Мотриль!

– Вам известно, что я без особой спешки, скажу даже, не без отвращения, исполнил ваш приказ.

– Замолчи, Мотриль! Молчи! – воскликнул дон Педро.

– Тем не менее, государь, ваша честь была сильно задета.

– Да, несомненно, хотя приписывать Марии Падилье эти преступления нельзя; во всем виноваты эти гнусные люди.

– Возможно. Но без Марии Падилье вы ничего не узнали бы, потому что я молчал, хотя и знал обо всем.

– Значит, она меня любила, раз ревновала!

– Вы король, а после смерти несчастной Бланки она рассчитывала стать королевой. Кстати, можно ревновать, не любя. Вы же ревновали донью Бланку, государь, но разве вы ее любили?

И вдруг, как будто сказанные Мотрилем слова оказались условным сигналом, послышались звуки гузлы; песня Аиссы звучала слишком далеко, чтобы можно было разобрать слова, но ласкала слух доня Педро, словно нежный шепот.

– Аисса? – пробормотал король. – Это поет Аисса?

– По-моему, сеньор, да, – ответил Мотриль.

– Это твоя дочь или любимая рабыня? – рассеянно спросил дон Педро. Мотриль с улыбкой отрицательно покачал головой.

– О нет, – сказал он. – Перед дочерью не встают на колени, сир, перед купленной за золото рабыней мудрый, старый человек не станет в мольбе заламывать руки.

– Кто же она такая? – вскричал дон Педро, чьи мысли, мгновенно устремившись к загадочной девушке, словно прорвали сдерживающие их плотины. – Ты что, смеешься надо мной, проклятый мавр, или просто прижигашь меня кале-

ным железом ради удовольствия видеть, как я корчусь, словно бык?

Мотриль отпрянул почти в испуге, таким грубым и резким был выкрик короля.

– Отвечай же! – вскричал дон Педро, охваченный одним из тех приступов ярости, что превращали человека в дикого зверя, а короля – в безумца.

– Сир, я не смею вам этого сказать.

– Тогда приведи ко мне эту женщину, – воскликнул дон Педро, – чтобы я сам ее спросил.

– Помилуйте, сеньор! – взмолился Мотриль, словно испугавшись подобного повеления.

– Здесь повелеваю я, и такова моя воля!

– Сеньор, будьте милосердны!

– Пусть она немедленно явится сюда, или я сам выволоку девушку из ее покоев.

– Сеньор, – обратился к королю Мотриль; он выпрямился, спокойный и торжественно-серьезный, – Аисса слишком благородной крови, чтобы люди смели прикасаться к ней грешными руками. Не оскорбляйте Аиссу, король дон Педро!

– Но чем же может оскорбить мавританку моя любовь? – спросил король дон Педро. – Мои жены были королевскими дочерьми, но мои любовницы часто были не ниже моих жен.

– Сеньор, – объяснил Мотриль, – будь Аисса моей дочерью, как считаешь ты, я сказал бы: «Король дон Педро, по-

щади мое дитя, не позорь своего слугу». И, наверное, вняв голосу столь многих и настойчивых просьб, ты пощадил бы мое дитя. Но в жилах Аиссы течет кровь более благородная, нежели кровь твоих жен и любовниц; Аисса знатнее любой принцессы, она дочь султана Мухаммеда, потомка великого пророка Магомета.¹⁴² Как видишь, Аисса больше чем принцесса, больше чем королева, и я велю тебе, король дон Педро, чтить Аиссу».

Дон Педро замолчал, подавленный гордой властностью мавра.

– Дочь Мухаммеда, султана Гранады! – прошептал он.

– Да, дочь Мухаммеда, султана Гранады, убитого тобой. Я служил этому великому государю, как тебе известно, девять лет назад; когда твои солдаты грабили его дворец, какой-то раб тащил ее, завернув в плащ, чтобы продать, я спас Аиссу. Тогда ей не было и семи лет; ты прослышал, что я был преданным советником, и призвал меня ко двору. Ты мой повелитель, величайший из великих, и я повиновался. Но ко двору нового повелителя вместе со мной последовала и дочь моего прежнего господина; она считает меня отцом; несчастное, воспитанное в гареме дитя так никогда и не видела величественный лик султана, которого больше нет на свете! Теперь ты знаешь мою тайну, ее вырвала у меня твоя

---

¹⁴² Имеется в виду Мухаммед V (1334–1391), король Гранады с 1354 г. Однако в данном случае у Дюма неточность: Мухаммед V не был убит доном Педро, а был его союзником против Энрике Трастамаре.

грубость. Но помни, король дон Педро, что я, раб, исполняющий твои малейшие прихоти, все вижу и брошусь на тебя, как змея, защищая единственное, что мне дороже всего на свете.

– Но я люблю Аиссу! – в бешенстве воскликнул дон Педро.

– Ты можешь ее любить, король дон Педро, у тебя есть на это право, потому что Аисса тоже королевской крови; ты можешь ее любить, но сам добейся любви Аиссы, – продолжал мавр, – я мешать тебе не буду. Ты молод, красив, могуществен. Почему бы этой юной девственнице не полюбить тебя и по любви не отдать тебе то, чего ты хочешь добиться силой?

Выпустив, словно парфянскую стрелу,¹⁴³ эти слова, которые пронзили сердце дона Педро, Мотриль попятился к двери и приподнял служивший портьерой гобелен.

– Но она будет меня ненавидеть, она должна меня возненавидеть, если узнает, что я убил ее отца.

– Я никогда не говорю дурного о господине, которому служу, – сказал Мотриль, придерживая поднятый гобелен. – Аиссе известно только, что ты добрый король и великий султан.

Мотриль опустил гобелен, а дон Педро несколько минут

---

¹⁴³ Парфяне – иранские племена, славившиеся своим коварством и воинской хитростью. Выражение «выпустить парфянскую стрелу» означает: уходя, больно уязвить кого-либо в самое сердце.

прислушивался, как гулко стучат по плитам пола размеренные и степенные шаги Мотриля, который шел к Аиссе.

ХII. Как Мотриль был назначен вождем маврских племен и министром короля дона Педро

Мы уже сказали, что, выйдя от короля, Мотриль направился в комнату Аиссы. Запертая в своих покоях, лишенная свободы, девушка – она находилась под охраной решеток, за ней следил отец – очень хотела вырваться на волю.

В отличие от женщин нашей эпохи, Аисса была лишена возможности узнавать новости, которые заменяли бы переписку; не видеть больше Аженора для нее означало просто не жить; не разговаривать больше с ним для нее означало не слышать звуков этого мира.

Но она была глубоко уверена, что внушила любовь, равную ее любви; она знала, что если Аженор жив, то он, трижды находивший способ пробраться к ней, отыщет возможность встретиться с ней в четвертый раз, и, по молодости доверяясь будущему, считала немислимым, что Аженор может погибнуть.

Поэтому Аиссе оставалось лишь ждать и надеяться.

Женщины Востока живут в вечных грезах; к решительным действиям они способны лишь тогда, когда пробуждаются от своих сладострастных снов. Конечно, если бы наша несчастная затворница могла что-то предпринять, чтобы

снова встретиться с Молеоном, она не стала бы сидеть сложа руки; однако, словно цветок Востока, который она напоминала своей благоуханной свежестью, неопытная в жизни, Аисса могла только тянуться к любви – солнцу ее жизни. Но ехать куда-то, доставать золото, расспрашивать людей, бежать от Мотриля – о подобных вещах она и помыслить не смела, считая их совершенно недопустимыми.

Кстати, где находился Аженор и находилась она сама, Аисса не знала. Вероятно, в Сеговии, хотя Сеговия для нее была лишь названием города, не больше. Где располагается этот город, в какой провинции Испании, она не знала; Аисса даже не могла бы перечислить провинции Испании; она, проделав пятьсот льё, так и не узнала, какие края она проезжала, запомнив лишь те три места, где встречалась с Аженором.

Три этих места были у нее перед глазами, подобно картинам в рамках! Словно наяву, Аисса видела реку Зезири, эту сестру Тахо, а на берегу – рощицу диких олив, где стояли ее носилки, видела обрывистые берега, темные, рокочущие и рыдающие волны, из глубин которых, казалось, все еще доносятся до нее первое признание Аженора в любви и последний вздох несчастного пажа. Как отчетливо она видела свою комнату в алькасае, решетчатое, увитое жимолостью окно, смотревшее на огромный цветник, в центре которого из мраморных чаш взлетали вверх сверкающие струи фонтанов! Как зримо, наконец, видела она сады в Бордо, тем-

но-зеленые купы высоких деревьев, что отделяли дом от моря света, которое пролила с небес луна!

Мысленным взором Аисса видела во всех этих разных пейзажах каждый оттенок, каждую мелочь, каждый листик.

Но ответить, где – на востоке или на западе, на юге или на севере – находились эти места, которые в ее однообразной жизни казались Аиссе столь яркими, не могла необразованная девушка, познавшая лишь то, что познается в гареме – наслаждения бани и томные грезы безделья.

Мотрилю прекрасно было об этом известно, иначе он не чувствовал бы себя таким уверенным.

Он вошел к девушке.

– Аисса, – сказал он, по своему обыкновению низко ей поклонившись, – смею ли я надеяться, что вы благосклонно выслушаете меня.

– Вам я обязана всем и дорожу вами, – ответила девушка, так пристально глядя на Мотриля, будто хотела, чтобы он прочел в ее глазах подтверждение этих слов.

– Довольны ли вы своей жизнью? – спросил Мотриль.

– Что вы имеете в виду? – сказала Аисса, пытаясь, по-видимому, понять, какую цель преследует этот вопрос.

– Я хочу знать, нравится ли вам уединенная жизнь?

– О нет, не нравится! – живо ответила Аисса.

– Вам хотелось бы жить иначе?

– Очень.

– И какой же образ жизни вы предпочитали бы вести?

Аисса молчала. У нее было лишь одно желание, но признать-ся в этом она не смела.

– Почему вы молчите? – спросил Мотриль.

– Я не знаю, что ответить.

– Неужели вам не хотелось бы, – продолжал мавр, – под звуки музыки мчаться на породистом испанском скакуне в окружении дам, рыцарей, собак?

– Это не самое сильное мое желание, – ответила девушка. – Но мне, наверное, понравилась бы охота, если бы...

– Если бы, что? – с любопытством перебил Мотриль. Она замолчала.

– Неважно, – ответила гордая девушка. – Это пустяки. Несмотря на ее сдержанность, Мотриль отлично понял, что означает это «если бы...».

– Пока вы живете вместе со мной, Аисса, – продолжал Мотриль, – пока я, кого считают вашим отцом, хотя мне и не выпало сей величайшей чести, несу ответственность за ваше счастье и ваш покой, ничего не изменится и ваше самое сильное желание не осуществится.

– Но когда же все изменится? – с наивным нетерпением спросила девушка.

– Когда вашим господином станет муж...

– Муж никогда не будет моим господином, – твердо возразила она.

– Вы перебиваете меня, сеньора, – строго заметил Мотриль, – хотя я сказал это ради вашего же счастья.

Аисса внимательно посмотрела на мавра.

– Я сказал, – продолжал он, – что муж может принести вам свободу.

– Свободу? – повторила Аисса.

– Должно быть, вам не слишком хорошо известно, что значит быть свободной, – сказал Мотриль. – Я вам расскажу, что это значит; свобода – это право ходить по улицам, не закрывая лица и не прячась за шторами носилок; это право, как у французов, принимать гостей, выезжать на охоту, праздники и вместе с рыцарями присутствовать на пышных пирах.

По мере того как Мотриль говорил, легкий румянец покрывал матовые щеки Аиссы.

– Но я, наоборот, слышала, – нерешительно ответила девушка, – что муж не дает этого права, а отнимает его.

– Когда он становится мужем, так иногда бывает. Но, будучи женихом, он, особенно если занимает видное положение, позволяет невесте вести ту жизнь, о которой я вам рассказал. В Испании и Франции, например, даже дочери христианских королей выслушивают любовные речи, и это не навлекает на них бесчестья. Тот, кому предстоит взять их в жены, перед женитьбой позволяет им предаваться той свободной и роскошной жизни, которая их ожидает. И приведу вам пример... Вы помните Марию Падилью?

– Помню, – ответила девушка.

– Да будет вам известно, что Мария Падилья, хотя и не была королевой, оставалась полновластной хозяйкой празд-

неств в алькасааре, в Севилье, в провинции и во всей Испании! Неужели вы забыли, как смотрели на нее сквозь решетчатые ставни окна, когда она целыми днями, изводя своего прекрасного арабского скакуна, гарцевала во дворах дворца, окруженная толпой всадников, которые ей нравились? А вы в одиночестве сидели взаперти, боясь выйти за порог вашей комнаты, видя лишь своих служанок и не смея ни с кем поделиться тем, что мучило вашу душу и ваше сердце.

– Но донья Мария Падилья любила дона Педро, – возразила Аисса, – а в этой стране, если человек любит, он, по моему, волен открыто признаться в любви своему избраннику. Он выбирает вас, а не покупает, как в Африке. Я уверена, что донья Мария любила дона Педро, а я не стану любить того, кто вздумает на мне жениться.

– Разве вам, сеньора, что-либо известно о нем?

– Ну и кто же он? – живо спросила девушка.

– Вы слишком торопитесь, – заметил Мотриль.

– А вы слишком медлите с ответом, – возразила Аисса.

– Да нет. Просто я хотел напомнить вам, что донья Мария была свободной.

– Нет, не свободной, она же любила.

– Можно быть свободным и в любви.

– Каким образом?

– Разлюбить, и все.

Аисса вздрогнула, как будто услышала нечто совершенно небывалое.

– Донья Мария снова свободна, повторяю я, потому что дон Педро больше ее не любит, а она разлюбила его.

Аисса изумленно посмотрела на него.

– Теперь вы сами понимаете, Аисса, – продолжал мавр, – что они не были в браке, но все-таки наслаждались своей знатностью и богатством, которое приносят высокое положение и связи со знатными особами.

– Так к чему же вы клоните? – вскричала Аисса, внезапно все поняв.

– К тому, что вы уже и без меня поняли, – сказал Мотриль.

– Нет, говорите.

– Один знатный сеньор...

– Уж не король ли?

– Сам король, сеньора, – поклонившись, ответил Мотриль.

– Думает предложить мне место, которое освободила Мария Падилаья?

– И свою корону.

– Как Марии Падилаье?

– Донья Мария добилась лишь того, что ей пообещали корону. Но более молодая и красивая, более умная женщина смогла бы эту корону получить.

– А что же будет с доньей Марией, которую король разлюбил? – задумчиво спросила девушка, перестав быстро перебирать тонкими пальцами оправленные в золото бусинки

четок из дерева сабур.¹⁴⁴

– Ничего, она нашла новое счастье, – ответил Мотриль, притворившись, будто это ему безразлично. – Одни говорят, что она испугалась войн, в которые ввязался король; другие утверждают, что более вероятно, будто, полюбив другого, она выйдет за него замуж.

– Кто этот человек? – спросила Аисса.

– Рыцарь с Запада, – сказал Мотриль.

Аиссу захватили мечты, потому что коварные слова Мотриля с какой-то волшебной силой показали ей то тихое будущее счастье, о котором она думала, но по незнанию или из робости не смела приподнять завесу, скрывавшую его.

– Ах, неужели люди так говорят? – с восторгом спросила Аисса.

– Конечно, – подтвердил Мотриль, – и даже прибавляют, что, став снова свободной, она воскликнула: «Как я рада, что отправилась на поиски короля и нашла свое счастье, ведь эти поиски заставили меня выйти из безмолвного дома на яркое солнце и увидеть мою любовь».

– Это хорошо, – рассеянно заметила девушка.

– Разумеется, не в гареме или монастыре Мария Падиля нашла бы ту радость, что выпала на ее долю.

– Вы правы, – вздохнула Аисса.

– Поэтому для вашего же счастья, Аисса, вы должны вы-

---

¹⁴⁴ Одно из названий алоэ. Собственно сабур – выпаренный сок листьев алоэ, употребляемых с лекарственными целями.

слушать короля.

– Но король даст мне время подумать, не правда ли?

– Он даст вам столько времени, сколько вы пожелаете и сколько его требуется столь знатной девушке, как вы. Правда, король сейчас огорчен и раздражен из-за своих бед. Ваши слова, Аисса, когда вы этого хотите, вносят кротость в сердца, поговорите же с королем. Дон Педро – великий король, чьи чувства необходимо щадить, а желания – разжигать.

– Я выслушаю короля, сеньор, – согласилась девушка. «Прекрасно! – подумал Мотриль. – Я был уверен, что честолюбие заговорит, если молчит любовь. Она так влюблена в своего французского рыцаря, что не упустит эту возможность вновь увидеть его; сейчас она ради возлюбленного жертвует монархом, потом мне, наверное, придется следить за тем, чтобы она ради монарха не принесла бы в жертву возлюбленного».

– Значит, вы не отказываетесь встретиться с королем, донья Аисса?

– Я буду почтительной служанкой его светлости, – ответила девушка.

– Этого не требуется, ибо прошу вас не забывать, что вы равны королю. Хотя ваше смирение не должно быть выше гордости. Прощайте, я иду передать королю, что вы изъявили согласие присутствовать на серенаде,¹⁴⁵ которую каждый

---

¹⁴⁵ То есть на вечернем концерте (от итал. serenata). У народов юга Европы серенады обычно устраивались на открытом воздухе под окнами человека, кото-

вечер дают в честь дона Педро. Там будет весь двор, много иностранцев. До свидания, донья Аисса.

«Может быть, среди этих знатных иностранцев я увижу Аженора», – прошептала про себя Аисса.

Дон Педро, мужчина сильных и бурных страстей, словно неискушенный юноша, покраснел от радости, когда вечером увидел, как в блестящей, расшитой золотом мантилье на балкон вышла прекрасная мавританка, с черными глазами и нежной кожей; с этой незнакомкой не могла соперничать ни одна из женщин, до сегодня считавшихся в Сеговии первыми красавицами.

Аисса казалась королевой, привыкшей принимать комплименты королей. Она не опускала глаз и часто, отыскав его взглядом среди гостей, пристально смотрела на него; на протяжении вечера король не раз оставлял своих мудрейших советников и придворных красавиц, чтобы подойти к Аиссе и тихо побеседовать с девушкой, которая говорила с ним, нисколько не волнуясь и не смущаясь, хотя и с едва уловимой рассеянностью, ибо ее мысли блуждали далеко отсюда.

Провожая Аиссу до носилок, дон Педро вел ее за руку, а потом, идя рядом с ними, продолжал беседовать с девушкой через шелковые шторы.

Всю ночь придворные судачили о новой фаворитке, которую король намеревался ввести ко двору; перед отходом ко сну дон Педро объявил, что поручает ведение переговоров и

выплату денег войскам своему первому министру Мотрилю, командиру маврских отрядов, находящихся на королевской службе.

ХІІІ. О чем беседовали Аженор и Мюзарон, проезжая в горах Арасены

Мы уже знаем, что, получив приказ нового короля Кастилии, Молеон и его оруженосец светлой лунной ночью отправились в дорогу.

Ничто на свете не могло порадовать сердце Мюзарона сильнее, чем неумолчный перезвон нескольких экю, что перекатывались в недрах его бездонного кожаного кармана; но в этот день сердце достойного оруженосца веселило не жалкое звяканье пары монеток, а радовал густой звук сотни полновесных флоринов, которые приплясывали в мешочке, стремясь потеснее прижаться друг к другу; посему радость Мюзарона была и полной и звонкой.

Уже в те времена из Бургоса в Сеговию была проложена прекрасная дорога, но именно из-за ее оживленности и красоты Молеон подумал, что было бы неосторожно следовать этим прямым путем. Поэтому, как истинный беарнец, он бросился в съерру, проезжая через живописные отроги – они заросли цветами и мхом – каменистого западного склона, что тянется от Коимбры до Туделы, словно складка, созданная самой природой.

В первые же часы поездки Мюзарон, который с помощью своих экю надеялся провести время в дороге в свое удовольствие, испытал сильное разочарование. Если люди в городах

и на равнине под двойным нажимом дона Педро и дона Энрике лишились своих богатств, то с горцев, которые никогда не были зажиточными, взять вообще было нечего. Поэтому наши путешественники – они были вынуждены обходиться козьим молоком, грубым простым вином, ячменным хлебом – очень скоро стали сожалеть об опасностях равнины, которые были связаны с жареным козленком, ольей-подридой¹⁴⁶ и добрым, выдержанным в бурдюках вином.

Вот почему Мюзарон и начал горько сетовать на то, что ему не попадается враг, с которым он мог бы сразиться.

Аженор мечтал совсем о другом и молчал, давая слуге изливаться в жалобах; потом, когда воинственное бахвальство оруженосца нарушило его глубокую задумчивость, он наконец-то, к несчастью для себя, улыбнулся.

Эта улыбка, в которой действительно проскользнуло недоверие к его воинственности, очень не понравилась Мюзарону.

– Я не считаю, сеньор, – сказал он, обидчиво скривив губы и скорчив недовольную гримасу (столь необычное выражение физиономии не вязалось с привычным добродушием его открытого лица), – и не думаю, чтобы ваша милость когда-либо сомневались в моей храбрости, доказательством которой мог бы послужить не один мой геройский поступок.

Аженор кивнул в знак согласия.

---

¹⁴⁶ Олья-подрида – испанское кушанье, похлебка из нескольких сортов мяса и приправ.

– Да, не один геройский поступок, – повторил Мюзарон. – Напомнить ли мне о мавре, которого я так славно продырявил во рвах Медины-Сидонии? Или о другом мавре, которого я собственными руками задушил прямо в комнате несчастной королевы Бланки? Ловкость и смелость, скромно замечу я, будут моим девизом, если когда-нибудь меня возведут в рыцарское достоинство.

– Все, что ты говоришь, – чистая правда, мой дорогой Мюзарон, – сказал Аженор, – но скажи, к чему ты клонишь, расточая свои пылкие речи и грозно хмуря брови?

– Значит, сеньор, вам со мной совсем не скучно? – спросил Мюзарон, ободренный сочувственным тоном, который он уловил в голосе хозяина.

– С тобой я скучаю редко, добрый мой Мюзарон, но наедине со своими мыслями не скучаю никогда.

– Благодарю вас, сударь! Но мне сразу становится скучно, едва я подумаю, что здесь мы не встретим ни одного подозрительного путника, у которого мы могли бы подцепить на острие копья добрый кусок холодного мяса или большой бурдюк славного винца, что делают на морском побережье.

– Ах, Мюзарон, я понимаю, что ты голоден и тебя зовет в бой пустое брюхо.

– Совершенно верно, сеньор, как говорят кастильцы. Посмотрите, какая прелестная дорожка вьется у нас под ногами! И представить только, что, вместо того чтобы блуждать в этих проклятых ущельях среди неприветливых берез, мы

смогли бы, спустившись вниз по этой тропе всего на одно лье, оказаться на равнине, вон там, где виднеется церковь. А рядом с ней – вы видите, сударь? – валит густой, жирный дым. Разве церковь не вызывает к вашему сердцу благочестивого рыцаря, доброго христианина? О, чудесный дым, даже отсюда чувствуешь, как вкусно он пахнет!

– Мюзарон, мне не меньше тебя хочется другой жизни, встречи с людьми, – ответил Аженор, – но я не имею права подвергать себя лишним опасностям. При исполнении моей миссии меня подстерегает немало серьезных, неизбежных испытаний. Пусть эти горы бесплодны и пустынные, зато они безопасны.

– Что вы, сеньор, храни вас Бог! – взмолился Мюзарон, который явно решил не уступать без борьбы. – Спуститесь со мной хотя бы на треть склона; там вы и будете меня ждать. А я, добравшись до этого дыма, сделаю кое-какие запасы, что помогут нам продержаться. Я обернусь за два часа. Следы мои сотрет ночь, а завтра мы будем далеко.

– Мой дорогой Мюзарон, – сказал Аженор, – слушайте меня внимательно. Кивнув головой, оруженосец насторожился, словно заранее предвидя, что все сказанное хозяином будет идти вразрез с его замыслом.

– Я не позволю вам ехать в объезд или сворачивать в сторону до тех пор, пока мы не доберемся до Сеговии. В Сеговии, сеньор сибарит,¹⁴⁷ у вас будет все, что пожелаете: изыс-

---

¹⁴⁷ Сибарит – изнеженный, праздный, избалованный роскошью человек; от на-

канный стол, приятное общество. Наконец, там с вами будут обходиться так, как полагается обходиться с оруженосцем посла. Кстати, разве не Сеговия тот город, что я вижу на равнине? Он окутан туманом, но в центре его я замечаю высокую красивую колокольню и сверкающий купол собора. Завтра вечером мы будем там; поэтому из-за пустяка не стоит сворачивать с дороги.

– Я вынужден повиноваться вашей милости, это мой долг, – жалобным голосом ответил Мюзарон, – и я не пренебрегаю своим долгом, но если мне будет позволено высказать одну мысль, которая ни в чем не противоречит интересам вашей милости...

Аженор взглянул на Мюзарона, который встретил его взгляд кивком головы, означающим: «Я настаиваю на том, что сказал».

– Ладно, говори, – согласился молодой человек.

– Дело в том, что в моей, а значит, и вашей стране, – затараторил Мюзарон, – есть пословица, которая советует звонарю сперва бить в маленькие колокола, а уж потом – в большие.

– Ну и в чем смысл этой пословицы?

– Смысл ее в том, ваша милость, что, перед тем как мы въедем в Сеговию, то есть в большой город, было бы лучше наведаться в этот маленький городок. Вполне вероятно,

---

звания древнегреческой колонии в Италии города Сибарис, где богачи славились роскошью жизни и праздностью.

что там мы услышим истинную правду о том, как обстоят дела. Ах, если бы ваша милость знали, какие добрые знамения несет мне дым из этого городка!

Аженор был человек здравомыслящий. Первые доводы Мюзарона его взволновали мало, но последний аргумент убедил; кроме того, он думал, что если Мюзарон вбил себе в голову, будто ему необходимо отправиться в ближайший городок, то не дать ему осуществить этот замысел означало полностью вывести его из себя, что предвещало Аженору по крайней мере целый день выносить самое гнусное, что только может быть на свете, – плохое настроение слуги; и угроза эта оказывалась гораздо хуже и мрачнее, чем любая непогода.

– Хорошо, будь по-твоему, Мюзарон, я уступаю твоим желаниям, поезжай и разузнай, что там творится вокруг этого дыма, и возвращайся рассказать мне.

Поскольку с первых минут спора Мюзарон был почти уверен, что закончится все в его пользу, то он воспринял разрешение хозяина, ничем не выдав своей великой радости, и, пустив лошадь рысью, стал спускаться по извилистой тропе, которую уже давно пожирал глазами.

Чтобы удобнее было ждать возвращения оруженосца, Аженор расположился в прелестном скалистом амфитеатре; арену его устилал тонкий, встречающийся только в горах мох, где росли редкие березы и было множество дивных цветов, что распускались лишь у края пропасти; прозрачный

источник, словно зеркало, сверкал в естественной чаше, потом, журча, сбегал вниз по камням. Аженор напился из него, затем, сняв шлем, присел у мягкого основания зазеленевшего дуба, под сенью трепещущей листвы.

Вскоре, словно истинный рыцарь из старинных фаблио¹⁴⁸ и героических песен, молодой человек отдался во власть сладостных мыслей о любви, которые так сильно его захватили, что он, сам того не заметив, перешел от грез к восторженным видениям, а от них – ко сну.

В возрасте Аженора не спят без сновидений, поэтому, едва молодой человек смежил глаза, ему приснилось, что он уже в Сеговии, что король дон Педро повелел заковать его в кандалы и бросить в темницу, сквозь решетки которой смотрела на него прекрасная Аисса; но, как только милое видение озарило мрак его узилища, прибежал Мотриль; тогда сей утешительный образ исчез, и мавр с Аженором сошлись в поединке; в разгар схватки, когда он почувствовал, что вот-вот рухнет без сил, послышался стук копыт, возвещающий о появлении нежданного помощника.

Топот копыт мчащегося галопом коня так неотвязно проникал в его сон, что поглощал все чувства Аженора, и он проснулся, услышав первые слова всадника, который прискакал к нему.

– Сеньор! Сеньор! – кричал чей-то голос. Аженор открыл

---

¹⁴⁸ Фаблио – короткая стихотворная комическая или сатирическая повесть во французской литературе XII – начала XIV вв.

глаза: перед ним был Мюзарон. Впрочем, презабавно выглядело это появление достойного оруженосца, восседавшего на лошади, которой он управлял лишь одними коленками, потому что обе его руки были вытянуты вперед так, словно он играл в прятки; на локте одной висел связанный за все четыре лапы бурдюк, на локте другой – завязанная за четыре угла простыня, где находился мешочек изюма и копченые языки, тогда как на ладонях он, словно пару пистолетов, держал жареного гуся и каравай хлеба – его хватило бы на ужин полдюжине человек.

– Сеньор, сеньор! – кричал Мюзарон. – Важная новость!

– Что там еще? – воскликнул рыцарь, надевая шлем и хватаясь за рукоять меча, как будто за Мюзароном гнался целый полк врагов.

– О, какая прекрасная мысль меня осенила! – продолжал Мюзарон. – Даже подумать страшно, что мы проехали бы мимо, если бы я не настоял на своем!

– Да говори же, в чем дело, чертов болтун! – нетерпеливо воскликнул Аженор.

– В чем дело?.. Да в том, что в эту деревню меня привел сам Господь Бог!

– И что же ты узнал, черт побери? Отвечай скорей!

– Узнал, что король дон Педро... я хотел сказать бывший король дон Педро...

– Ну дальше что?

– Дальше? Дона Педро в Сеговии больше нет.

– Это правда? – с досадой спросил Молеон.

– Истинная правда, сеньор... Вчера вернулся алькальд, что вместе с властями городка выезжал встречать дона Педро, который позавчера проехал стороной по равнине, направляясь из Сеговии...

– Куда?

– В Сорию.

– Вместе с двором? – Да.

– И Мотриль с ним? – помедлив, спросил Аженор.

– Конечно.

– А не было ли с Мотрилем... – пробормотал молодой человек.

– Носилок? Думаю, были. Мотриль с них глаз не спускает. Их, кстати, теперь крепко стерегут.

– Что ты хочешь сказать?

– Что король от них ни на шаг не отходит.

– От носилок?

– Разумеется... Он сопровождает их верхом. У этих носилок он даже принимал алькальда и властей городка.

– Ну что ж, дорогой мой Мюзарон, поедем в Сорию! – сказал Молеон с улыбкой, которая плохо скрывала охватившее его беспокойство.

– Поедем, ваша милость, но только не по этой дороге. Сейчас Сория позади нас. Я в городке разузнал все: мы едем налево, прямо через горы и попадаем в ущелье, которое тянется вдоль равнины. Оно избавит нас от переправы через две

реки и на одиннадцать льё сократит путь.

– Хорошо, беру тебя в проводники, но помни об ответственности, что ты на себя берешь, мой бедный Мюзарон.

– Помня о ней, я позволю себе заметить, сеньор, что вам следовало бы провести эту ночь в городке. Видите, уже вечер спускается, прохлада дает о себе знать; через час ночь застигнет нас в дороге.

– Потратим этот час с пользой, Мюзарон, а раз ты все разведаль, то показывай дорогу.

– А как же ваш ужин, сеньор? – воскликнул Мюзарон, в последний раз пытаюсь уговорить хозяина.

– Поужинаем, когда найдем подходящее место для ночлега. Вперед, Мюзарон, в путь!

Мюзарон не возражал. В голосе Аженора иногда слышалась определенная интонация, которую Мюзарон превосходно распознавал; когда подобной интонацией сопровождался какой-либо приказ, спорить было бесполезно. Ценой немислимых манипуляций оруженосец, не выпуская из рук ни одной из тяжестей, умудрился поддержать хозяину стремя и, благодаря какому-то чуду равновесия, взгромоздился со всей поклажей на лошадь; он поехал впереди и отважно углубился в горное ущелье, что должно было избавить их от переправы через две реки и на одиннадцать льё сократить дорогу.

XIV. Каким образом Мюзарон отыскал пещеру и что он в ней нашел

Как и предсказывал Мюзарон, в распоряжении путников оставался всего один светлый час, и они могли двигаться за последними лучами солнца; но, едва на самой высокой вершине сьерры померк отблеск тускнеющего светила, тьма стала надвигаться с пугающей быстротой; в этот последний дневной час Мюзарон и его хозяин смогли убедиться, насколько крутой, а следовательно, опасной, была дорога, по которой они ехали.

Спустя четверть часа езды в сплошной темноте Мюзарон остановился как вкопанный.

– Ох, сеньор Аженор, – сказал он. – Дорога все хуже и хуже, или, вернее, ее совсем нет. Мы неминуемо пропадем, сеньор, если вы потребуете ехать дальше.

– Черт подери! – выругался Аженор. – Я непривередлив, ты знаешь, но ночлег представляется мне совсем уж жалким. Давай посмотрим, нельзя ли проехать вперед.

– Невозможно! Мы находимся на каком-то выступе, со всех сторон пропасть. Давайте остановимся здесь или ненадолго задержимся, положитесь на мое знание гор, и я отыщу вам местечко, где можно заночевать.

– Ну что, теперь тебе мерещится какой-нибудь добрый, жирный дым? – спросил Аженор, смеясь.

– Нет, но я нюхом чую прелестную пещеру с занавесями из плюща и стенами, заросшими мхом.

– Откуда нам придется выгнать целое полчище сов, ящериц и змей.

– Право слово, ваша милость, это сущие пустяки! В такое время и в таком месте, где мы с вами находимся, меня не пугают все те, что летают, царапаются или ползают, я боюсь тех, кто ходит на двух ногах. Впрочем, вы не столь суеверны, чтобы бояться сов, и я не думаю, что ящерицы или змеи кусают ваши железные ноги.

– Ладно, давай остановимся здесь, – согласился Аженор. Мюзарон спешил и накинул поводья своей лошади на камень, а его хозяин, сидевший верхом, застыл в ожидании, похожий на конную статую хладнокровного и невозмутимого храбреца.

Оруженосец, ведомый инстинктом, силу которого удес-теряет добрая воля, отправился обшаривать окрестности.

Не прошло и четверти часа, как он вернулся с победоносным видом, держа в руке обнаженный меч.

– Сюда, сеньор, сюда, – кричал он, – идите осматривать наш дворец!

– Что с тобой еще стряслось, черт побери? – спросил рыцарь. – Похоже, ты насквозь промок.

– Стряслось, ваша милость, то, что я сражался против леса лиан, которые хотели взять меня в плен, но я, рубя их наот-машь, все-таки пробился. Вот тут-то ворох намокших от ро-

сы листьев дождем пролился мне на голову. Заодно вылетела дюжина летучих мышей, и крепость пала. Представьте себе великолепную галерею, пол которой устлан мелким песком.

– Неужели не врешь? – спросил Аженор, пустив лошадь шагом за своим оруженосцем, но слегка сомневаясь в его заманчивых обещаниях.

Аженор сомневался напрасно. Спустившись вниз по довольно крутому склону шагов на сто, в том месте, где дорожка, казалось, перегораживала скала, он почувствовал, что лошадь ступает по кучам свежих листьев и искромсанных веток – плодам рубки Мюзарона; то тут, то там невидимками проносились крупные летучие мыши, что нетерпеливо рвались назад в свое жилище; присутствие их обнаруживалось лишь по струям воздуха, овевавшим лицо рыцаря, когда они бесшумно взмахивали крыльями.

– Ого! – воскликнул Аженор. – Это же прямо пещера волшебника Можи!¹⁴⁹

– Это я первым открыл ее, ваша милость! Разрази меня бес, если когда-нибудь человеку приходила мысль забрести сюда! Эти лианы растут здесь от начала мира.

– Прекрасно, – с усмешкой сказал Аженор. – Но если в этой пещере не бывает людей...

– Конечно, не бывает, поверьте мне.

---

¹⁴⁹ Волшебник Можи д'Эгрмон – персонаж популярнейшей народной поэмы XII в. «Четыре сына Эмона», где рассказывается о борьбе Карла Великого с непокорными вассалами и его войнах с сарацинами.

– ...то можешь ли ты утверждать, что не бывают волки?

– Ой, сеньор!

– Или небольшие горные медведи, которые, как тебе известно, водятся в Пиренеях?

– Черт побери!

– Или дикие коты, что перегрызают горло спящим путникам и высасывают из них кровь?

– А знаете, сударь, как мы сделаем? Один будет бодрствовать, а другой спать.

– Так будет спокойнее.

– Теперь вы ничего не имеете против пещеры волшебника Можи?

– Совсем ничего, и даже нахожу ее очень приятной.

– Ну что ж, зайдем, – сказал Мюзарон.

– Зайдем, – согласился Аженор.

Оба, спешившись и с опаской – рыцарь выставил вперед копьё, а оруженосец обнажил меч – вошли в пещеру. Пройдя шагов двадцать, они наткнулись на прочную, непреодолимую стену, которую, казалось, образовала сама скала: она была гладкой, без каких-либо углублений.

Пещера делилась на два зала: сначала в нее проникаешь через своеобразную прихожую, потом уже, пройдя своего рода низкую дверь, попадаешь во второй, очень высокий зал.

Явно это была пещера, где в ранние времена христианства обитал один из тех благочестивых отшельников, кто выбирал путь уединения для того, чтобы Господь вознес их на небеса.

– Слава Господу! – воскликнул Мюзарон. – У нас надежная спальня.

– Тогда отведи лошадей в конюшню и накрывай на стол, – велел Аженор. – Я хочу есть.

Мюзарон отвел лошадей в то место, которое хозяин называл конюшней: в прихожую пещеры.

Исполнив это поручение, он перешел к более важному делу – приготовлению ужина.

– Что ты там бормочешь? – спросил Аженор, который слышал, как Мюзарон что-то ворчит, хлопоча над ужином.

– Я говорю, сударь, что я круглый дурак, поскольку забыл купить свечи, чтобы нам было светло. К счастью, можно разжечь костер.

– Ты что, Мюзарон? Разжечь костер!

– Огонь отгоняет хищных зверей – это истина, в справедливости которой я не раз убеждался.

– Да, но он привлекает людей, а сейчас, признаюсь тебе, я больше опасаясь нападения банды англичан или мавров, чем стаи волков.

– Черт возьми! – сказал Мюзарон. – Как это печально, сударь, наслаждаться столь вкусной едой в темноте.

– Да полно тебе, – ответил Аженор. – У голодного брюха нет слуха, это правда, зато оно все видит.

Мюзарон, неизменно послушный, если умели его убедить или поступали согласно его желаниям, на сей раз признал основательность доводов хозяина и стал накрывать ужин у

самого входа во вторую пещеру, чтобы воспользоваться последними отблесками света.

Они приступили к трапезе сразу же после того, как разрешили лошадям уткнуться мордами в мешок с овсом, который Мюзарон возил на крупе своего коня.

Аженор, молодой и сильный мужчина, набросился на припасы так рьяно, что влюбленный наших дней сгорел бы со стыда за него; между тем ему восторженно вторил Мюзарон, который под тем предлогом, что в темноте ничего не видно, заодно с мясом с хрустом разгрызал кости.

Вдруг хруст стал раздаваться лишь со стороны Аженора, а со стороны Мюзарона умолк.

– Эй, что с тобой? – спросил рыцарь.

– Сеньор, мне почудилось, будто я слышу голоса, – ответил Мюзарон, – хотя, вероятно, и ошибаюсь... Это неважно.

И он снова принялся за еду.

Но вскоре хруст еще раз прервался, а так как Мюзарон сидел спиной к входу, то Аженор мог заметить, что тот весь обратился в слух.

– Ага, понятно, – сказал Аженор. – Ты сходишь с ума.

– Вовсе нет, сеньор, и даже еще не оглох. Я слышу, уверяю вас, слышу голоса.

– Да брось! Ты бредишь, – возразил молодой человек. – Это какая-нибудь оставшаяся здесь летучая мышь шарит по стенам.

– Будь по-вашему! – сказал Мюзарон, понизив голос до

такой степени, что хозяин едва мог его расслышать. – Однако я не только слышу, но и вижу.

– Видишь!?

– Да. Соизвольте обернуться и сами увидите. Предложение было столь разумным, что Аженор живо обернулся.

В темной глубине пещеры действительно мерцала светлая полоска; свет, вызываемый неведомым пламенем, проникал через расщелину в скале.

– Если у нас света нет, – рассудил Мюзарон, – значит, у них есть.

– У кого у них?

– Как у кого? У наших соседей.

– Значит, ты думаешь, что в твоей пустой пещере есть люди?

– Я вам говорил, что людей нет только в нашей пещере, но не в соседней.

– Ладно, растолкуй-ка пояснее.

– Понимаете, ваша милость, мы находимся на гребне горы или рядом с ним, а у каждой горы два склона.

– Очень верно!

– Мысль моя заключается в том, что у этой пещеры два входа. Щель, которую мы видим, образовалась случайно. Мы проникли в пещеру через западный вход, а они – через восточный.

– Но кто они, в конце концов?

– Этого я не знаю. Сейчас, ваша милость, мы их увидим.

Вы были правы, запретив мне развести костер. Я полагаю, что ваша милость столь же осторожны, сколь и храбры, а это много значит. Но надо посмотреть.

– Надо! – согласился Аженор.

И они оба, не без трепета, двинулись вперед, в глубины подземелья. Мюзарон шел первым; он подошел раньше и первым припал глазом к щели в холодной стене скалы.

– Посмотрите! – еле слышно сказал он. – Не пожалеете.

Аженор взглянул и вздрогнул.

– Ну как? – спросил Мюзарон.

– Тсс! – прошептал Аженор.

XV. Цыгане

Картина, которую в изумлении созерцали наши путники, действительно, заслуживала напряженного внимания, с каким они в нее всматривались.

Сквозь трещину в скале можно было увидеть такое зрелище: в почти такой же пещере, как и та, где находились наши путешественники, в центре её, возле ларца, который стоял на широком камне, находились присевшие на корточки женщины; одна из них пыталась укрепить на краю камня горящую свечу, которая отбрасывала свет, привлёкший внимание Аженора и Мюзарона, и позволяла видеть всю сцену.

Обе женщины одеты были нищенски; головы у них были закутаны капюшонами из грубой блеклой ткани, какие носили цыганки той эпохи, поэтому Аженор и причислил этих женщин к сему бродячему племени; судя по их осанке и жестам, обе были немолоды.

В двух шагах от них в задумчивости стоял третий человек; так как дрожащее пламя свечи не освещало его лица, невозможно было определить, мужчина это или женщина.

Обе женщины были заняты тем, что устраивали себе сиденья из тюков тряпья.

Все выглядело бедно, жалко, убого; только ларец – он был из слоновой кости, инкрустированной золотом, – странно контрастировал с этим убожеством.

Вскоре из глубины пещеры, двигаясь из темноты на свет, появился еще кто-то, четвертый человек.

Склонившись к одной из сидящих женщин, он что-то сказал ей, но Аженор и Мюзарон не могли расслышать слов.

Сидящая цыганка внимательно слушала, потом жестом отослала пришедшего. Аженор обратил внимание, что ее жест был исполнен достоинства и властности.

Стоявший человек, поклонившись, последовал за тем, кто сказал несколько фраз, и оба скрылись во тьме пещеры.

После этого женщина, сделавшая повелительный жест, встала и поставила ногу на камень.

Движения всех этих людей были видны как на ладони, но их слов нельзя было расслышать, потому что в пещере голоса сливались в неразборчивый шепот.

Цыганки остались одни.

– Бьюсь об заклад, ваша милость, – тихо сказал Мюзарон, – что этим старым ведьмам на пару будет лет триста. Цыгане живут долго, как вороны.

– Молодыми их действительно не назовешь, – согласился Аженор.

В это время вторая женщина – в отличие от первой она не встала, а опустилась на колени – начала расшнуровывать замшевый сапожок, который обтягивал ногу чуть выше лодыжки.

– Фу ты, черт! – прошептал Аженор. – Смотри, если хочешь, а я ухожу. Ничего уродливее, чем нога старухи, быть

не может.

Мюзарон, более любопытный, чем его хозяин, остался, а рыцарь отошел назад.

– Право слово, сударь, – воскликнул он, – поверьте мне, что эта ножка не так уж уродлива, как мы думали! Даже совсем наоборот, она прелестна! Посмотрите же, сударь, посмотрите!

Аженор отважился взглянуть.

– Да, ножка изумительная, – подтвердил он, – а лодыжка – верх совершенства. Ничего не скажешь, эти цыгане – люди красивые.

Старуха намочила в прозрачной как кристалл воде, стекавшей алмазными каплями по скале, тончайшую ткань и обтерла ножку своей спутницы.

Потом, порывшись в украшенном золотом ларце, она вытащила оттуда духи и протерла ножку, которая восхищала, а главное – приводила в изумление обоих путников.

– Духи! Мази! Видите, сударь, видите? – вскричал Мюзарон.

– Что это все значит? – прошептал Аженор, который смотрел, как цыганка обнажила другую, столь же белую и нежную, ножку.

– Сударь, это королеву цыган готовят ко сну, – шепотом ответил Мюзарон, – сейчас вы увидите, как ее будут раздевать.

Цыганка, обмыв, вытерев и натерев мазями ножки, дей-

ствительно, взялась за капюшон, который сняла с бесконечной осторожностью, изобразив на лице выражение безграничного почтения.

Когда капюшон был снят, показалось не сморщенное лицо столетней старухи, как пророчил Мюзарон, а очаровательное – карие глаза, румяная кожа, носик с горбинкой – личико, чистейшей образец иберийской прелести,¹⁵⁰ и перед взорами наших путников предстала женщина лет двадцати шести-двадцати восьми, ослепляя блеском своей цветущей красоты.

Пока оба наших созерцателя стояли, онемев от восторга, старая цыганка расстелила на земле покрывало из верблюжьей шерсти, которое, хотя и было футов десять в длину, легко прошло бы сквозь девичье кольцо; оно было сделано из той ткани, секретом изготовления которой в те времена владели только арабы; ткали ее из шерсти родившегося мертвым верблюжонка. Молодая цыганка встала босыми ногами на это великолепное покрывало, а старая, уже снявшая с нее капюшон, приготовилась взяться за накидку, укрывавшую грудь.

До тех пор пока накидка оставалась на своем месте, Мюзарон стоял затаив дыхание, но когда она спала, он не смог сдержать возгласа восхищения.

Вероятно, женщины услышали этот возглас; свечу задули, и пещера погрузилась в кромешную тьму, скрыв в своих

---

¹⁵⁰ Иберия – древнее название Испании.

глубинах, что подобны безднам забвения, это таинственное видение.

Мюзарон угадал, что в темноте хозяин пытался отвесить ему крепкий пинок в зад, который благодаря ловкому, своевременному маневру слуги пришелся в стену, и услышал грубый оклик:

– Вот скотина!

Слуга понял или ему показалось, будто он понял, что этот оклик означает и приказ возвращаться на свое место, и наказание за любопытство.

Поэтому он ушел и, завернувшись в плащ, растянулся на ложе из листьев, приготовленном его стараниями. Минут через пять, убедившись, что свеча снова не зажжется, пришел Аженор и лег рядом.

Мюзарон решил, что настал момент загладить свою вину, прибегнув к помощи своей проницательности.

– Теперь все ясно, – начал он, как бы отвечая вслух на то, о чем Аженор, вероятно, думал в эту минуту. – Они, конечно, ехали по другой стороне горы, по тропе, параллельной нашей, и нашли на том склоне вход, противоположный входу в ту пещеру, где находимся мы с вами; посередине эту пещеру разделяет скала, которую, словно громадную перегородку, создали здесь либо причуда природы, либо людская фантазия.

– Скотина ты! – вместо ответа повторил Аженор.

Но поскольку это повторное оскорбление было сказано

более мягким тоном, оруженосец смекнул, что его положение меняется к лучшему.

– Теперь спрашивается, кто были эти женщины? – продолжал он, мысленно похвалив себя за безупречное чутье. – Конечно, цыганки. Ну а чем объяснить эти духи, мази, эти чистые обнаженные ножки, это красивое личико, эту, вероятно, столь же красивую грудь, которую мы увидели бы, не окажись я таким дураком?..

И Мюзарон влепил себе звонкую пощечину. Аженор не смог сдержать усмешки, которая не ускользнула от Мюзарона.

– Встретить королеву цыган! – разглагольствовал он, все более довольный собой. – Это просто невероятно, хотя я не понимаю, чем еще объяснить то поистине волшебное видение, которое по своей глупости я заставил исчезнуть. Эх, ну что я за скотина!

И он громко шлепнул себя по другой щеке. Аженор понял, что Мюзарон, который проявил не больше любопытства, чем он сам, охвачен истинным раскаянием, и вспомнил: в Евангелии сказано о покаянии, а не о казни грешника.¹⁵¹

Впрочем, Мюзарон полагал, что вполне искупил свою вину лишь тогда, когда по зрелому размышлению сам согласился с той оценкой, которую в порыве гнева дал ему хозяин.

---

¹⁵¹ Возможно, имеется в виду эпизод из главы 9 Евангелия от Луки. Когда Христа не приняли в одном селении, ученики предложили ему молить об истреблении его жителей небесным огнем. На это Иисус отвечал: «Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать».

– А вы, сударь, что вы думаете об этих женщинах? – осмелился, наконец, поинтересоваться Мюзарон.

– Я думаю, что жалкие тряпки, которые сбросила с себя молодая, – ответил Аженор, – никак не вяжутся с ее ослепительной красотой, к сожалению только промелькнувшей перед нами.

Мюзарон глубоко вздохнул.

– А мази и духи из ларца совсем не вяжутся с этим грязным тряпьем, – продолжал он. – Поэтому я и думаю, что...

Аженор замолчал.

– Так что же вы думаете, сударь? – спросил Мюзарон. – Я, признаться, был бы счастлив услышать на сей счет суждение столь просвещенного рыцаря.

– Поэтому я и думаю, – продолжал Аженор, поддаваясь, словно кум Ворон из басни,¹⁵² магии лести, – что эти путешественницы – одна из них богатая и знатная – направляются в какой-нибудь далекий город; богатая и знатная дама вырядилась цыганкой, прибегнув к этой хитрости для того, чтобы не возбуждать алчность разбойников или вожделения солдатни.

– Подождите, сударь, подождите-ка, – перебил Мюзарон, снова занимая в разговоре то место, какое он привык занимать. – Или же это одна из тех женщин, которыми торгуют цыгане; об их красоте они заботятся так же, как перекупищи-

---

¹⁵² Имеется в виду басня «Кум Ворон и лис» французского поэта Жана Лафонтена (1621–1695).

ки холят и наряжают дорогих коней, которых водят из города в город.

В этот вечер пальма первенства в сообразительности принадлежала Мюзарону. Поэтому Аженор сложил оружие, дав своим молчанием понять, что признает себя побежденным.

Дело в том, что Аженора, хотя в его сердце и жила любовь к Аиссе, пленил – иначе быть не могло с двадцатипятилетним мужчиной – вид изящной ножки и прелестного личика; он, в глубине души весьма собой недовольный, крепко задумался. Ибо суждение хитроумного Мюзарона могло быть верным, а прекрасная незнакомка оказаться просто-напросто авантюристкой, разъезжавшей вместе с цыганами, и чудесной плясуньей, чьи восхитительные белые, нежные ножки танцевали на ковре или на канате.

Этому противоречило то почтение, с каким относились к незнакомке мужчины и старуха; однако Мюзарон среди прочих доводов, чья убедительность выводила рыцаря из себя, приводил в пример комедиантов, которые благоговейно почитают обезьянку, любимицу труппы, или главного актера, зарабатывающего на пропитание всей компании.

Эти смутные подозрения мучительно терзали рыцаря до тех пор, пока сон, кроткий спутник усталости, не лишил его способности мыслить, которой он уже несколько часов злоупотреблял без меры.

Около четырех часов утра первые лучи рассвета окутали фиолетовым покрывалом стены пещеры, и при этом свете

Мюзарон проснулся.

Он разбудил хозяина.

Аженор открыл глаза, пришел в себя и бросился к щели в скале.

– Никого, – пробормотал он, – все ушли.

В соседней пещере, обращенной в сторону восходящего солнца, действительно было так светло, что можно было разглядеть все, но она была пуста.

Цыганка, поднявшись раньше рыцаря, удрала со всей своей свитой; ларец, мази, духи – все исчезло.

Мюзарон, вечно озабоченный делами практическими, предложил позавтракать; но, прежде чем он успел обосновать преимущества своего положения, Аженор уже взобрался на гребень горы, и с ее высоты перед ним открылись извивы гор и голубоватые просторы долины.

С ровной площадки, примерно в трех четвертях льё от вершины, где он стоял, Аженор зоркими глазами птицы, чье место он занял, легко разглядел осла, на котором верхом сидела женщина, и троих пеших.

Эти четверо – несмотря на расстояние, Аженор видел их совсем отчетливо – могли быть только цыганами, что выбрались на дорогу, по которой накануне ехали наши путники. Как сказали Мюзарону в городке, она вела в Сорию.

– В путь, Мюзарон, в путь! – вскричал он. – По коням и вперед! Это наши ночные пташки, давай-ка поглядим днем на их перышки!

Мюзарон, всем нутром чувствующавший, что ему необходимо солидно подкрепиться, тем не менее подвел к рыцарю уже оседланного коня, уселся верхом на свою лошадь и молча поскакал за Аженором, пустившим коня галопом.

Через полчаса оба приблизились шагов на триста к цыганам, которых на мгновение скрыла от них небольшая роща.

XVI. Королева цыган

Цыгане два-три раза обернулись; это доказывало, что они тоже заметили наших путников, и заставило Мюзарона высказать – правда, с несвойственной ему робостью – предположение, что, обогнув эту рощицу, они больше не увидят цыган, поскольку те ускользнут по какой-нибудь дороге, известной им одним.

На этот раз Мюзарон просчитался, потому что, объехав рощу, они увидели цыган, которые спокойно – так казалось внешне – продолжали двигаться своей дорогой.

Однако Аженор заметил кое-какую перемену: женщина, ехавшая верхом на осле, – он видел ее издалека и не сомневался, что она та самая цыганка с белыми ножками и красивым личиком, – теперь шла пешком рядом со своими спутниками, не отличаясь от них ни внешним видом, ни походкой.

– Эй, добрые люди! Пойдите! – крикнул Аженор. Мужчины обернулись, и рыцарь заметил, что они опустили правые руки на пояса, на которых висели длинные ножи.

– Вы видели, ваша милость? – спросил всегда осторожный Мюзарон.

– Отлично вижу, – ответил Аженор. Потом он снова обратился к цыганам.

– Эй вы, ничего не бойтесь! Намерения у меня самые дру-

жеские, и я очень рад сообщить вам об этом, храбрецы вы мои. Ваши ножи, будь все по-другому, в случае нападения не повредили бы моей кольчуги и моего щита, а вас не защитили бы от моего копья и моего меча. Теперь, когда вам это известно, скажите, господа хорошие, куда путь держите?

Один из мужчин нахмурился и открыл рот, собираясь сказать какую-нибудь грубость, но другой тут же его остановил и, наоборот, вежливо спросил:

– Вы хотите следовать за нами, сеньор, чтобы мы показывали вам дорогу?

– Разумеется, если не считать желания иметь честь оказаться в вашем обществе, – подтвердил Аженор.

Мюзарон соорудил одну из своих самых приветливых гримас.

– Хорошо, сеньор, мы идем в Сорию, – ответил вежливый цыган.

– Благодарю вас, нам просто повезло, ведь мы тоже едем в Сорию.

– К несчастью, господа, вы двигаетесь гораздо быстрее нас, бедных пешеходов.

– Я слышал, что люди вашего племени могут потягаться в быстроте с самыми резвыми конями.

– Возможно, – сказал цыган, – но не тогда, когда с ними две старые женщины.

Аженор переглянулся с Мюзароном, который в ответ ухмыльнулся.

– Это верно, для дороги вы экипированы плохо, – согласился Аженор. – И как только ваши женщины могут терпеть такие неудобства?

– Наши матери давно привыкли к ним, сеньор. Мы, цыгане, рождаемся для страданий.

– Да, несчастные женщины ваши матери, – сказал Аженор. Несколько минут рыцарь боялся, что прекрасная цыганка поедет другой дорогой; но он сразу же подумал, что именно она и есть та сидевшая верхом на осле женщина, которая спешила, едва его заметив. Осел был жалким, однако благодаря ему отдыхали эти нежные и натертые мазями ножки, которые Аженор рассматривал ночью.

Он приблизился к женщинам; они пошли быстрее.

– Пусть одна из вас едет на осле, – предложил он, – а другая сядет ко мне на лошадь.

– Осел тащит наши пожитки, – ответил цыган, – ему и так тяжело. Что же касается вашего коня, то господин рыцарь, вероятно, шутить изволит. Ведь для бедной старой цыганки это слишком породистый и нарядный конь.

Аженор пристально всматривался в обеих женщин, и на резвых ножках одной он заметил замшевые полусапожки, что видел ночью.

«Это она!» – прошептал он, уверенный, что на этот раз не ошибся.

– Послушайте, матушка в синей накидке, примите мое приглашение и садитесь ко мне на лошадь. А если вашему

ослу тяжело – не беда: ваша спутница сядет к моему оруже-носцу.

– Благодарю вас, сеньор, – ответила цыганка благозвучным голосом, который развеял последние сомнения, что еще могли оставаться в душе рыцаря.

– Просто чудо какое-то! – рассмеялся Аженор; его смех заставил вздрогнуть обеих женщин, а мужчин взяться за ножи. – Для старухи поистине ангельский голосок...

– Сеньор! – угрожающе воскликнул цыган, который до сих пор молчал.

– Ладно, не будем ссориться, – спокойно продолжал Аженор. – Если по голосу я угадываю, что ваша спутница молодая, и, хотя на ней плотная накидка, вижу, что она красива, то из-за этого не стоит хвататься за ножи.

Оба мужчины подались вперед, словно хотели прикрыть собой свою спутницу.

– Стойте! – властно крикнула молодая женщина. Мужчины остановились.

– Вы правы, сеньор, – сказала она. – Я молодая и, как знать, может быть, даже красива. Но я спрашиваю вас, какое вам до этого дело и почему вы не даете мне идти туда, куда я хочу, лишь потому, что я выгляжу не старухой?

Аженор замер, услышав звуки этого голоса, выдававшего благородную, привыкшую повелевать женщину. Значит, воспитание и характер незнакомки были в гармонии с ее красотой.

– Сеньора, я не хочу вам мешать, ведь я рыцарь, – про-
бормотал молодой человек.

– Это прекрасно, что вы рыцарь, но я не сеньора, а бед-
ная цыганка, пусть не такая уродливая, как другие женщины
моего племени.

Аженор недоверчиво пожал плечами.

– Вы видели когда-нибудь, чтобы жены сеньоров ходили
пешком? – спросила незнакомка.

– О, ваш довод неубедителен, – возразил он, – ведь всего
минуту назад вы ехали на осле.

– Согласна, – ответила молодая женщина, – но все-таки
вы должны признать, что одета я не как знатная дама.

– Знатные дамы иногда переодеваются, мадам, если им
необходимо, чтобы их принимали за простолюдинок.

– Неужели вы думаете, что знатная дама, привыкшая к
шелкам и бархату, согласится носить такую обувь? – спроси-
ла цыганка.

И выставила вперед ногу в замшевом полусапожке.

– Обувь вечером снимают, а нежная ножка, утомленная
дневной ходьбой, отдыхает, когда ее натирают мазями.

Если бы путешественница подняла капюшон, то Аженор
увидел бы, как кровь прилила к ее щекам, а глаза сверкнули
гневом.

– Что еще за мази? – тихо спросила она, с беспокойством
повернувшись к своей спутнице; в этот момент Мюзарон, не
упустивший ни одного слова из этого разговора, плутовато

улыбнулся.

Аженор решил больше не смущать незнакомку.

– Мадам, от вас исходит такой тонкий аромат, – сказал он. – Я хотел сказать лишь это, и ничего больше.

– Благодарю за комплимент, господин рыцарь. Если вы хотели сказать мне только это и ничего больше, то вам, наверное, этого вполне достаточно.

– Значит ли это, мадам, что вы приказываете мне удалиться?

– Это значит, сеньор, что по акценту и особенно по вашим комплиментам я узнаю в вас француза. Но опасно путешествовать вместе с французами, если ты всего лишь бедная молодая женщина, которая очень ценит учтивое обхождение.

– Так, значит, вы настаиваете, чтобы я покинул вас?

– Да, сеньор, к моему великому сожалению, настаиваю. Услышав ответ хозяйки, слуги, казалось, приготовились поддержать ее упорный отказ.

– Я послушаюсь вас, сеньора, – сказал Аженор, – но, поверьте мне, не из-за угрожающего вида ваших спутников, с кем я хотел бы встретиться в менее приятном обществе, чем ваше, чтобы отучить их по любому поводу хвататься за ножи, а по причине окутывающей вас тайны, что, вероятно, скрывает какой-то ваш план, мешать которому я не хочу.

– Уверяю вас, что у меня нет никакого плана, которому вы могли бы помешать, и нет никакой тайны, которую вы могли

бы раскрыть, – возразила путешественница.

– Прекратим спорить об этом, мадам, – сказал Аженор. – Кстати, вы идете слишком медленно, – прибавил он, уязвленный тем, что его бравый вид почти не произвел на нее впечатления, – а это помешало бы мне как можно быстрее, поскольку дело срочное, прибыть ко двору короля дона Педро.

– О, так, значит, вы едете к королю дону Педро? – живо спросила молодая женщина.

– Еду сейчас же, сеньора, и, прощаясь с вами, желаю вашей милости всяческого благополучия.

Молодая женщина, как показалось, внезапно решилась и откинула капюшон. Грубое обрамление капюшона еще больше, если это было бы возможно, подчеркивало тонкую красоту ее лица; глаза ее смотрели ласково, а губы улыбались.

Аженор остановил коня, который двинулся с места.

– Ладно, сеньор, – сказала она, – сразу видно, что вы учтивый и скромный рыцарь, ибо вы угадали, кто я такая, и все-таки не стали меня преследовать, как на вашем месте поступил бы другой.

– Я не разгадал, кто вы, мадам, я угадал, что вы не цыганка.

– Хорошо, господин рыцарь, – продолжала прекрасная путешественница, – поскольку вы вели себя столь учтиво, я расскажу вам всю правду.

Услышав эти слова, слуги с удивлением переглянулись, но

мнимая цыганка, не переставая улыбаться, начала свой рассказ:

– Я жена офицера короля дона Педро. Будучи почти год в разлуке с мужем, который отправился с ним во Францию, я пытаюсь нагнать его в Сирии. Но, как вам известно, эти места заняты солдатами враждующих сторон, и я стала бы ценной добычей для людей претендента на престол. Вот почему, чтобы не попасться им в руки, я переделалась цыганкой и буду носить этот наряд, пока не встречу своего мужа. А когда мы будем вместе, он сумеет постоять за меня.

– Слава Богу! – воскликнул Аженор, на сей раз уверовав в правдивость молодой женщины. – Ну что ж, сеньора, я предложил бы вам свои услуги, если бы моя миссия не требовала от меня ехать как можно быстрее.

– Послушайте, сударь, – предложила прекрасная незнакомка, – теперь, когда мы знаем друг друга, я не задержу вас, если вы позволите мне встать под вашу защиту и путешествовать под вашей охраной.

– Ха-ха, – рассмеялся Аженор, – значит, вы передумали, мадам?

– Да, сеньор. Я рассудила, что мне могут попасться в пути люди столь же проницательные, но менее учтивые.

– Тогда, мадам, как мы поступим? Вам придется принять мое первое предложение.

– О, не судите по внешнему виду о моем осле. Сколь бы смиренным он ни казался, мой осел не менее породистый, чем

ваша лошадь. Он из конюшен короля дона Педро и мог бы потягаться с самым быстрым скакуном.

– Но как быть с вашими людьми, мадам?

– Разве ваш оруженосец не может посадить к себе на лошадь мою мамку? А мои слуги пойдут пешком.

– Было бы лучше, мадам, если вы отдали бы осла слугам, которые могли бы по очереди ехать на нем, ваша мамка села бы к моему оруженосцу, а вы, как я уже предлагал, ко мне. Таким образом, у нас получится вполне приличный отряд.

– Отлично! Пусть будет по-вашему, – согласилась дама. И легко, словно птичка, прекрасная путешественница тут же вспорхнула на круп коня Аженора.

Слуги посадили мамку на лошадь к Мюзарону, которому теперь стало не до смеха.

Один слуга уселся на осла, другой схватил его за подхвостник,¹⁵³ и вся группа резвой рысью тронулась в путь.

---

¹⁵³ Подхвостник (устар.) – ремень для удержания седла на месте.

XVII. Как Аженор и незнакомка ехали вместе и о чем они беседовали в дороге

Двум молодым, красивым, остроумным существам, которые, прижавшись друг к другу, едут верхом на лошади по тряской, неровной дороге, просто нельзя не разговориться по душам.

Прекрасная незнакомка первой, по праву женщины, начала задавать вопросы.

– Значит, господин рыцарь, я верно угадала, что вы француз? – г спросила она.

– Верно, мадам.

– И что едете вы в Сорию?

– А вот этого вы не угадали, я сам вам сказал.

– Ладно... Вероятно, вы хотите предложить свои услуги королю дону Педро?

Прежде чем откровенно ответить на этот вопрос, Аженор подумал, что он сопровождает эту женщину только до Соррии, с королем он встретится раньше нее, и, следовательно, ему нечего бояться проболтаться; ведь ему есть что сказать, не говоря всей правды.

– Мадам, – ответил он, – на этот раз вы ошиблись. Я не еду предлагать свои услуги королю дону Педро, так как служу

королю Энрике де Трастамаре, точнее, коннетаблю Бертрану Дюгеклену, а везу побежденному королю предложения мира.

– Почему это побежденному? – надменным тоном спросила молодая женщина, тут же выразив на лице изумление.

– Конечно, побежденному, если на его соперника возложили корону, – ответил Аженор.

– Ах да! – небрежно заметила молодая женщина. – Значит, вы везете побежденному королю предложения мира?

– И он будет вынужден их принять, ибо дело его проиграно, – пояснил Аженор.

– Вы полагаете?

– Уверен.

– Почему?

– Потому что, имея дурное окружение, а главное – плохих советников, он уже бессилён продолжать борьбу.

– Разве у него дурное окружение?

– Разумеется... Все вокруг: его подданные, друзья, любовница – либо грабят его, либо толкают на зло.

– При чем тут подданные?

– Они бросили его.

– А друзья?

– Они его обирают.

– А что же любовница? – нерешительно осведомилась молодая женщина.

– Любовница толкает короля на зло, – ответил Аженор.

Молодая женщина нахмурилась, и по ее лбу словно пробежала легкая тень.

– Вы, вероятно, говорите о мавританке? – спросила она.

– Какой мавританке?

– Новой пассии короля.

– Как вы сказали? – вскричал Аженор, сверкнув глазами.

– Разве вы не слышали, что король дон Педро без ума влюблен в дочь мавра Мотриля? – удивилась молодая женщина.

– В Аиссу! – воскликнул молодой человек.

– Вы знакомы с ней?

– Конечно.

– Почему же тогда вам не известно, что этот гнусный басурман хочет уложить ее в постель к королю?

– Замолчите, пожалуйста! – вскричал рыцарь, повернув к спутнице свое мертвенно-бледное лицо. – Умоляю, не говорите так об Аиссе, если вы не желаете, чтобы наша дружба умерла, еще не родившись.

– Но почему вы требуете, сеньор, чтобы я говорила иначе, если это правда? Мавританка стала или станет признанной любовницей короля, ведь он появляется вместе с ней повсюду, не отходит от штор ее носилок, устраивает для нее серенады и праздники, приходит к ней вместе со свитой.

– Вам точно это известно? – спросил Аженор, весь дрожа, потому что он вспомнил о том, о чем алькальд рассказывал Мюзарону. – Значит, это правда, что дон Педро путешество-

вал вместе с Аиссой?

– Мне известно многое, господин рыцарь, – ответила прекрасная путешественница, – ибо мы, люди из королевского дома, быстро узнаем новости.

– О, мадам, мадам, вы пронзаете мне сердце! – с грустью произнес Аженор, чья молодость вступила в пору расцвета, который слагается из двух тончайших материй души: доверчивости к чужим словам и наивности в словах собственных.

– Я пронзаю вам сердце?! – с изумлением воскликнула незнакомка. – Вы, наверное, хорошо знаете эту женщину?

– Увы, мадам, я влюблен в нее без памяти! – прошептал рыцарь, охваченный отчаянием.

Молодая женщина сочувственно улыбнулась:

– Но, значит, она вас больше не любит?

– Она признавалась, что любит. О, наверное, коварный Мотриль силой или колдовством принудил ее к измене.

– Это великий злодей, – холодно заметила молодая женщина, – который уже принес королю много зла. Но, по-вашему, какую цель он преследует?

– Совсем простую – хочет устранить донью Марию Падилюю.

– Значит, вы тоже так думаете?

– Конечно, мадам.

– Но толкуют, будто донья Мария безумно влюблена в короля, – продолжала незнакомка. – Как вы полагаете, страдает ли она от того, что дон Педро столь недостойным образом

бросает ее?

– Она женщина, а значит, существо слабое, она погибнет, как погибла Бланка. Правда, смерть одной была убийством, а смерть другой станет искуплением.

– Искуплением!.. По-вашему, выходит, что Мария Падила должна искупить какую-то вину?

– Это не я говорю, мадам, так люди говорят.

– Следовательно, вы считаете, что Марию Падилию не будут оплакивать, как оплакивают Бланку Кастильскую?

– Конечно, не будут, хотя, когда их обеих не будет на свете, любовницу, вероятно, признают столь же несчастной, как и супругу дона Педро.

– А вам будет ее жалко?

– Да, но я должен жалеть ее меньше, чем кого-либо.

– Почему же? – спросила молодая женщина, в упор глядя на Аженора своими расширенными черными глазами.

– Потому что говорят, будто она посоветовала королю убить дона Фадрике, а дон Фадрике был моим другом.

– Вы случайно не тот франкский рыцарь, – спросила молодая женщина, – которому дон Фадрике назначал встречу?

– Да, и это мне пес принес голову своего хозяина.

– Шевалье! Шевалье! – вскричала молодая женщина, хватая Аженора за руку. – Выслушайте меня: клянусь душой своей, клянусь надеждой Марии Падила попасть в рай, что не она подала этот совет, а Мотриль!

– Но ведь она знала об убийстве и не помешала ему.

Незнакомка ничего не ответила.

– Довольно того, что ее накажет Бог или, вернее, сам дон Педро. Кто знает, не потому ли он сейчас меньше ее любит, что между ним и этой женщиной пролегла кровь его брата.

– Может быть, вы правы, – громко ответила незнакомка, – но потерпите, не спешите!

– Кажется, вы ненавидите Мотриля, мадам?

– Смертельно.

– Чем же он вам так досадил?

– Тем же, чем всем испанцам: он разлучил короля со своим народом.

– Из-за политических интриг женщины редко испытывают к мужчине такую ненависть, которую, мне кажется, вы питаете к Мотрилю.

– Потому что мне тоже есть на что пожаловаться: целый месяц он мешал мне найти моего мужа.

– Каким образом?

– Он окружил короля дона Педро такой слезкой, что до того не может дойти ни одно письмо, ни один гонец не может пробраться ни к королю, ни к его людям. Я сама посылала к моему мужу двух тайных курьеров, которые не вернулись назад. Мне и сейчас неизвестно, сумею ли я попасть в Сорию и попадете ли туда вы...

– Не беспокойтесь, я попаду, ибо еду в качестве посла. Молодая женщина иронически покачала головой.

– Вы попадете в город, если того пожелает Мотриль, – ска-

зала она приглушенным голосом, в котором чувствовалось сильное душевное волнение.

Аженор протянул руку и показал перстень, который дал ему Энрике де Трастамаре.

– Вот мой талисман, – пояснил он.

Изумруд этого перстня крепился двумя скрещенными буквами «Э».

– Ну тогда, – заметила молодая женщина, – вам, может быть, и удастся миновать охрану.

– Если я преодолею охрану, то и вы преодолеете ее вместе со мной, потому что вы в моей свите и к вам должны отнестись с уважением.

– Вы обещаете мне, что если вы проникните в город, то и я проникну вместе с вами?

– Клянусь словом рыцаря!

– Хорошо! В обмен на вашу клятву, заклинаю вас сказать мне, что вам сейчас доставило бы самое большое удовольствие?

– Увы! Вы не можете даровать мне самого желанного.

– Все равно скажите!

– Я хотел бы встретиться с Аиссой и поговорить с ней.

– Если я проникну в город, вы встретитесь с ней и поговорите.

– Благодарю вас! Поверьте, я буду навеки вам признателен!

– А я уверяю вас, что мне вы окажете еще большую услугу!

– Однако это вы дарите мне жизнь.

– А вы дарите мне нечто большее, чем жизнь, – загадочно улыбнувшись, возразила молодая женщина.

Обменявшись этими клятвами и заключив союз, они тем временем въехали в деревню, где должны были расположиться на ночлег; прекрасная незнакомка проворно соскочила с коня Аженора, поскольку жители сочли бы странной эту компанию христиан и цыган, и было решено утром встретиться на дороге, примерно в льё от деревни.

XVIII. Паж

Утром, поднявшись чуть свет, рыцарь уже нашел цыган в условленном накануне месте возле источника, где они завтракали. Как и вчера, все цыгане расположились на прежних местах, и маленький отряд в том же порядке отправился в дорогу.

День прошел за разговорами, самое живое участие в котором приняли Мюзарон и мамка. Но, невзирая на увлекательность и пестроту содержания тех бесед, что вели между собой оба этих столь важных персонажа, мы воздержимся от их пересказа. Мюзарон, хотя и пустил в ход всю свою дипломатичность, сумел выведать у старухи лишь то, о чем вчера уже рассказала молодая женщина.

Наконец они увидели Сорию.

Этот жалкий провинциальный городок, как водилось в те времена, был обнесен крепостными стенами.

– Вот мы и приехали, мадам, – сказал Аженор. – Если вы полагаете, что мавр за всем следит, как вы мне говорили, то не думайте, что он ограничивается проверкой городских ворот и бойниц; у него и за городом должны быть разведчики. Поэтому с этой минуты я прошу вас держать себя осмотрительнее.

– Я уже подумала об этом, – ответила молодая женщина, озираясь по сторонам так, словно хотела получше разглядеть

окружающую местность, – и если вы соблаговолите проехать чуть вперед, правда не отъезжая слишком далеко, то уже через четверть часа я буду готова ко всему.

Аженор согласился с ней. Молодая женщина спешила и увела свою мамку в густые кусты, тогда как мужчины остались наблюдать за дорогой.

– Ну что вы, господин оруженосец, не ломайте себе шею и подражайте в скромности вашему хозяину, – посоветовала мамка Мюзарону, который напоминал тех дантовских грешников,¹⁵⁴ чьи головы повернуты назад, хотя идут они вперед.

Но, несмотря на этот совет, глядеть в другую сторону было выше сил Мюзарона, захваченного приступом неодолимого любопытства.

Он же видел, что обе женщины скрылись в роще каштанов и каменных дубов.

– Я, сударь, – обратился он к Аженору, когда окончательно убедился, что его взгляд бессилен пронзить завесу зелени, скрывшую женщин, – в самом деле очень опасаясь, что наши спутницы окажутся простыми цыганками, а не знатными дамами, как мы с вами сперва предполагали.

К несчастью для Мюзарона, его господин теперь думал иначе.

– Вы болтун, обнаглевший от моей снисходительности, –

---

¹⁵⁴ Имеется в виду эпизод из двадцатой песни «Ада», первой части поэмы «Божественная комедия» итальянского поэта, создателя итальянского литературного языка Данте Алигьери (1265–1321); эпизод посвящен наказанию обманщиков, выдававших себя за прорицателей.

резко оборвал его Аженор. – Молчите!

Мюзарон умолк.

Через несколько минут езды таким тихим шагом, что они едва проехали метров триста, до них донеслись громкие и долгие крики: это их звала мамка.

Они обернулись и увидели, что к ним идет молодой человек, одетый по испанской моде; он был в коротком пажеском плаще, с застежкой на левом плече и махал шляпой, прося их подождать его.

Совсем скоро он подошел к ним.

– Вот и я, сеньор, – сказал он Аженору, который с немалым изумлением узнал свою попутчицу; ее черные волосы были забраны под белокурый парик, подложенные плечи делали ее похожей на молодого, крепкого парня; походка была размашистой, и даже цвет лица стал смуглее оттого, что изменился цвет волос.

– Как видите, я приняла свои меры предосторожности, – продолжал «молодой человек», – и, по-моему, ваш паж без труда сможет вместе с вами попасть в город.

И «паж» с легкостью, уже знакомой Аженору, вскочил на круп его лошади.

– А где же ваша мамка? – спросил он.

– Вместе с двумя моими конюшими она останется в соседней деревне до тех пор, пока я их не вызову.

– Тогда все в порядке... Вперед, в город!

И Аженор направился прямо к главным воротам Сории,

что были видны в конце аллеи, обсаженной старыми деревьями.

Но не успели они проехать и две трети аллеи, как их окружил отряд мавров, который выслали навстречу дозорные, заметившие их с крепостной стены.

Аженора расспросили о цели его приезда. Как только он заявил, что его целью являются переговоры с доном Педро, мавры взяли их под охрану и отвели к начальнику стражи городских ворот, офицеру, поставленному на этот пост самим Мотрилем.

– Я прибыл от коннетабля Бертрана Дюгеклена с поручением провести переговоры с доном Педро, – ответил Аженор, которого начальник стражи снова спросил о цели приезда.

Услышав это имя, уважать которое научилась вся Испания, офицер забеспокоился.

– Кто едет вместе с вами? – осведомился он.

– Как вы видите, мой оруженосец и мой паж.

– Хорошо, ждите здесь, я передам вашу просьбу сеньору Мотрилю.

– Поступайте как вам угодно, – возразил Аженор, – но учтите, что разговаривать я буду только с королем доном Педро, а не сеньором Мотрилем или с какой-либо другой особой. И прошу вас быть поучтивее и не затягивать этот допрос, который меня оскорбляет.

Офицер поклонился.

– Вы рыцарь, – ответил он, – вам должно быть известно, что приказ командира для меня закон, и поэтому я обязан исполнять все, что мне предписано.

Потом он обернулся и сказал солдатам:

– Ступайте и передайте его светлости первому министру, что иностранец от имени коннетабля Дюгеклена просит у короля аудиенции.

Аженор посмотрел на своего пажа, который показался ему сильно побледневшим и взволнованным. Мюзарон, привыкший к разным передрягам, не волновался из-за таких мелочей.

– Приятель, – обратился он к молодой женщине, – ваши меры предосторожности приведут к тому, что вас, несмотря на весь этот маскарад, опознают, а нас повесят как ваших соучастников. Но это пустяки, лишь бы мой хозяин остался доволен!

Незнакомка улыбнулась; всего мгновенье понадобилось пажу, чтобы снова воспрянуть духом: молодая женщина, видимо, не раз смотрела в лицо опасностям.

Она уселась в двух шагах от Аженора и прикинулась совершенно безразличной ко всему происходящему.

Наши путники, пройдя несколько комнат, набитых стражниками и солдатами, в эту минуту находились в кордегардии,¹⁵⁵ расположенной в башне, куда вел только один вход.

---

¹⁵⁵ Кордегардия – помещение для военного караула, а также для содержания под стражей.

Все глаза были устремлены на эту дверь, в которую, как ожидалось, вот-вот должен был войти Мотриль.

Аженор продолжал беседовать с офицером; Мюзарон завел разговор с несколькими испанцами, которые расспрашивали его о коннетабле и своих друзьях, служивших у дона Энрике де Трастамаре.

Пажа тут же окружили пажи начальника стражи городских ворот, сновавшие взад-вперед, и обошлись с ним как с безобидным ребенком.

По-настоящему охраняли только Молеона, хотя он своей учтивостью совершенно успокоил офицера. Впрочем, что мог сделать один против двухсот!

Испанский офицер предложил французскому рыцарю фрукты и вино; чтобы их принести, слугам начальника стражи надо было пробраться через шеренгу охранников.

– Мой господин привык все брать только из моих рук, – сказал юный паж Аженора и пошел вместе со слугами в жилые комнаты.

В этот момент все услышали, как часовой подал команду «Смирно!», и крики «Мотриль! Мотриль!» были слышны даже в кордегардии.

Все встали.

Аженор почувствовал дрожь, пробежавшую по жилам, опустил забрало и сквозь железную решетку поискал глазами юного пажа, чтобы его успокоить, но того не было.

– А где же наша попутчица? – шепотом спросил он у Мю-

зарона.

Тот с величайшим спокойствием ответил по-французски:

– Сеньор, она сердечно благодарит вас за ту услугу, которую вы ей оказали, проведя в город Сория, и просила меня передать вам, что она вам бесконечно признательна и совсем скоро вы убедитесь в этом.

– Что ты мелешь! – с удивлением воскликнул Аженор.

– То, что она велела мне сказать вам перед уходом.

– Уходом?!

– Ну да, клянусь честью! Угорь не так ловко выскальзывает из сети, как она проскользнула между часовыми. Я видел, как в тени промелькнуло белое перо ее берета, а поскольку с тех пор я его не видел, то пришел к выводу, что она сбежала.

– Слава Богу! – прошептал Аженор. – Но ты помалкивай! В соседних комнатах загремели шаги множества людей. Стремительно вошел Мотриль.

– Кто этот человек? – спросил мавр, бросив острый, пронизывающий взгляд на Молеона.

– Этот рыцарь, присланный мессиром Бертраном Дюгекленом, коннетаблем Франции, желает говорить с королем доном Педро.

Мотриль приблизился к Аженору, который, опустив забрало, являл собой такую железную статую.

– Вот, смотрите, – сказал Аженор, сняв железную перчатку и показывая изумрудный перстень, который дал ему король Энрике де Трастамаре в качестве опознавательного зна-

ка.

– Что это? – спросил Мотриль.

– Изумрудный перстень доньи Элеоноры, матери дона Педро.

Мотриль поклонился.

– И чего же вы хотите?

– Я скажу это королю.

– Вы желаете видеть его светлость?

– Да, желаю.

– Вы говорите дерзко, шевалье.

– Я говорю от имени моего властелина короля дона Энрике де Трастамаре.

– Тогда вам придется подождать здесь, в крепости.

– Подожду. Но предупреждаю вас, что долго ждать я не намерен.

Мотриль иронически улыбнулся.

– Хорошо, господин рыцарь, ждите, – сказал он. И вышел, поклонившись Аженору, чьи глаза сквозь железную решетку шлема казались раскаленными углями.

– Стерегите крепко, – шепнул Мотриль офицеру, – это важные пленники, за которых вы мне отвечаете головой.

– Как прикажете с ними поступать?

– Об этом я скажу вам завтра. До тех пор никого к нему не допускать, вы меня поняли?

Офицер отдал честь.

– Дело ясное, – с полнейшим спокойствием сказал Мюза-

рон, – по-моему, нам крышка, а эта каменная коробка станет нашим гробом.

– Я упустил великолепную возможность задушить этого нехрестя! – воскликнул Аженор. – О, если бы я не был послом... – прошептал он.

– Величие тоже имеет свои неудобства, – философически заметил Мюзарон.

XIX. Ветка апельсинного дерева

В этой тюрьме, куда их на время заперли, Аженор и его оруженосец провели весьма тревожную ночь; офицер, исполняя приказ Мотриля, больше не появлялся.

Утром Мотриль собирался навеститься в тюрьму; предупрежденный о приезде Аженора в последнюю минуту – он уже был готов отправиться с королем доном Педро на бой быков, – мавр имел в распоряжении ночь, чтобы поразмыслить, как ему следует действовать; он еще ничего не придумал, судьбу посла и его оруженосца должен был решить второй допрос.

Еще можно было рассчитывать, что Мотриль разрешит посланцу коннетабля предстать перед доном Педро, но лишь в том случае, если мавру каким-либо образом удалось бы разгадать цель миссии Аженора.

Великая тайна импровизаторов в политике всегда заключается в том, что им заранее известны те материи, по поводу которых приходится импровизировать.

Покинув пленников, Мотриль направился в амфитеатр, где король дон Педро устраивал для своего двора бой быков. Этот праздник, который короли обычно давали днем, на сей раз проходил ночью, что придавало ему больше великолепия; арену освещали три тысячи факелов из благовонного воска.

Сидящая в окружении придворных, которые с благоговением взирали на это новое светило, озаренное милостью короля, Аисса смотрела, ничего не замечая, и слушала, не вникая в слова.

Король, мрачный и озабоченный, пристально вглядывался в лицо девушки, пытаясь прочесть ту надежду, что беспрестанно внушали ему неизменная бледность ее такого чистого лобика и унылая пристальность ее задумчивых глаз.

Человек необузданного сердца и неукротимого темперамента, дон Педро напоминал удерживаемого на месте скакуна; его нетерпение выражалось в нервных подрагиваниях, причину которых тщетно пытались разгадать собравшиеся гости.

Неожиданно чело короля совсем помрачнело.

Глядя на холодную как лед девушку, король подумал о своей пылкой любовнице, оставшейся в Севилье, вспомнил Марию Падилю – Мотриль говорил ему, что она неверна и изменчива, как фортуна, – молчание которой подтверждало предположения мавра; он страдал вдвойне – от холодности присутствовавшей здесь Аиссы и от любви к далекой донье Марии.

И когда дон Педро вспоминал эту женщину – он обожал ее так безудержно, что его страсть приписывали колдовству, – из груди его вырывался горький вздох, который, словно порыв бури, заставлял всех придворных, не сводящих глаз с короля, пригибать головы.

В один из таких моментов в королевскую ложу зашел Мотриль и, окинув присутствующих острым взглядом, сразу понял, в каком подавленном настроении они находятся.

Он сообразил, что за буря бушует в сердце дона Педро, угадав, что ее причина кроется в холодности Аиссы, и бросил на девушку – та сидела невозмутимо-спокойно, хотя отлично все понимала, – взгляд, исполненный угрозы и ненависти.

– А, это ты, Мотриль, – сказал король. – Ты пришел не вовремя, я скучаю.

– У меня есть новости для вашей светлости, – сказал Мотриль.

– Важные?

– Разумеется. Разве я посмел бы беспокоить моего короля по пустякам?

– Ну ладно, говори.

Министр склонился к уху дона Педро и прошептал:

– Прибыло посольство, которое к вам прислали французы.

– Смотрите, Мотриль, – ответил король, не расслышав, казалось, того, что сказал ему мавр, – видите, как скучно Аиссе при дворе. Мне в самом деле кажется, что вам лучше бы отослать эту молодую женщину назад в Африку, по которой она так сильно тоскует.

– Ваша светлость ошибается, – возразил Мотриль. – Аисса родилась в Гранаде и, не зная своей родины, где никогда не

была, не может тосковать по ней.

– Может, она тоскует о чем-то ином? – спросил, побледнев, король.

– Я так не думаю.

– Но тогда, если нет причины для тоски, ведут себя совсем по-другому. В шестнадцать лет весело болтают, смеются, живут, а эта девушка – настоящая покойница.

– Вы же знаете, государь, что никто не может сравниться в серьезности, целомудрии и сдержанности с восточной девушкой, потому что, как я вам уже говорил, Аисса, хотя и родилась в Гранаде, по крови происходит от самого Пророка. Аисса носит на челе тяжелый венец, венец страдания, поэтому у нее и не может быть свободной улыбки и болтливой веселости испанских женщин; никогда не слышавшая ни болтовни, ни смеха, она не способна вести себя как испанки, то есть, словно эхо, откликаться на суету, что ей чужда.

Дон Педро закусил губы и влюбленно посмотрел на Аиссу.

– За один день женщина не переменится, – продолжал Мотриль, – а те из женщин, что долго сохраняют свою честь, долго хранят и свою любовь. Донья Мария сама почти навязалась вам, а поэтому и забыла о вас.

В эту минуту, когда Мотриль произносил эти слова, ветка апельсинового дерева, брошенная с верхних ярусов, опустилась на колени дона Педро с точностью пущенной в цель стрелы.

Придворных возмутила подобная дерзость; многие из них

повскакали с мест, чтобы посмотреть, откуда бросили ветку.

Дон Педро взял ветку, к которой была прикреплена записка. Мотриль подался вперед, чтобы взять ее, но дон Педро остановил его взмахом руки.

– Это послано мне, а не вам.

Увидев почерк, король радостно вскрикнул, а когда прочел первые строки, лицо его просветлело.

Мотриль с тревогой следил за тем, какое действие оказывает на короля содержание записки.

Вдруг дон Педро встал.

Поднялись и придворные, готовые следовать за ним.

– Оставайтесь, – сказал дон Педро, – праздник еще не кончился, я желаю, чтобы вы остались.

Мотриль, не зная, как оценить это неожиданное событие, тоже хотел последовать за королем.

– Оставайтесь! – приказал король. – Такова моя воля. Мотриль, вернувшись в ложу, вместе с придворными терялся в догадках насчет сего странного происшествия.

Он приказал повсюду искать виновника столь дерзкой выходки, но поиски оказались напрасны.

Сотни женщин держали в руках апельсиновые ветки и цветы, поэтому никто не смог сказать Мотрилю, кто послал записку.

Возвратившись во дворец, Мотриль расспросил юную мавританку, но Аисса ничего не видела, ничего не заметила.

Он попытался проникнуть к дону Педро; к королю никого

не допускали.

Мавр провел жуткую ночь: впервые столь важное событие ускользнуло от его бдительности; он не мог подтвердить свои опасения чем-либо конкретным, но предчувствия подсказывали, что его влиянию нанесен тяжелый удар.

Мотриль еще не ложился, когда его вызвал дон Педро; мавра провели в самые отдаленные покои дворца.

Дон Педро вышел из своей комнаты навстречу министру и, выходя, тщательно задернул портьеру.

Король выглядел бледнее обычного, но эту видимую усталость придавало ему отнюдь не горе; наоборот, на его губах блуждала довольная, умиротворенная улыбка, а его взгляд был мягче и радостнее, чем всегда.

Он сел, дружески кивнув Мотрилю, но мавру все-таки показалось, что он заметил на лице короля выражение твердости, которую тот не проявлял в отношениях с ним.

– Мотриль, – начал он, – вчера вы сказали мне о посольстве, присланном французами.

– Да, ваша милость, – ответил мавр, – но, так как вы мне не ответили, я не счел своим долгом продолжать.

– Кстати, вы не сочли нужным сообщить мне, – продолжал дон Педро, – что на ночь заперли их в башне у Нижних ворот!

Мотриль вздрогнул.

– Как вы об этом узнали, сеньор? – пробормотал он.

– Узнал, и все! Узнал нечто очень важное. Кто эти ино-

странцы?

– Полагаю, что французы.

– Но почему же вы их заперли, если они назвались послами?

– Именно «назвались», слово верное, – ответил Мотриль, которому хватило нескольких мгновений, чтобы вновь обрести хладнокровие.

– А вы утверждаете обратное, не так ли?

– Не совсем так, государь, ибо мне неизвестно, являются ли они...

– Если вы сомневались, то вам не следовало их арестовывать.

– Значит ли это, что ваша светлость приказывает?

– Сию же минуту доставить их ко мне. Мавр отпрянул и сказал:

– Но это невозможно...

– Черт возьми! Неужели с ними что-то случилось? – вскричал дон Педро.

– Ничего не случилось, сеньор.

– Тогда поспешите искупить вашу вину, потому что вы нарушаете обычай. Мотриль улыбнулся. Ему было хорошо известно, с каким пренебрежением, если он кого-либо ненавидел, король дон Педро относился к этому обычаю, на который теперь ссылался.

– Я не допущу, – сказал Мотриль, – чтобы мой король остался беззащитен перед угрожающей ему опасностью.

– За меня не беспокойтесь, Мотриль! – воскликнул дон Педро, топнув ногой. – Бойтесь за себя!

– Мне бояться нечего, ведь мне не в чем себя упрекнуть, – возразил мавр.

– Неужто вам не в чем себя упрекнуть, Мотриль? Поройтесь-ка хорошенько в своих воспоминаниях.

– На что вы намекаете, ваша светлость?

– Я хочу сказать, вы не очень жалуете послов, и тех, что приезжают с Запада, и тех, что прибывают с Востока.

Мотриля начала охватывать смутная тревога; постепенно этот допрос принимал угрожающий оборот, но поскольку Мотриль еще не понял, с какой стороны грянет гром, то он замолчал и выжидал.

– Мотриль, вы в первый раз арестовываете послов, которых посылают ко мне? – спросил король.

– Почему же в первый!?! – ответил мавр, ставя все на карту. – Их приезжало, наверное, не меньше сотни, но ни один никогда меня не миновал.

Король в ярости вскочил.

– Если я нарушал свой долг, – оправдывался мавр, – не допуская к дворцу моего короля убийц, нанятых Энрике де Трастамаре или коннетаблем Бертраном Дюгекленом, если я из множества людей преступных принес в жертву несколько невинных, я готов оплатить своей головой вину собственного сердца.

Король спохватился и, снова сев, продолжал:

– Хорошо Мотриль, принимая во внимание ваши оправдания, которые, наверное, правдивы, я прощаю вас, и пусть подобное больше не повторится – понятно вам? – пусть любой гонец, которого посылают ко мне, встречается со мной, неважно, из Бургоса он или из Севильи. Что касается французов, то они, как мне известно, настоящие послы, а посему я желаю, чтобы с ними обращались как с послами. Поэтому пусть их немедленно освободят из башни и с почестями, положенными их званию, препроводят в самый красивый дом города; завтра я приму их на торжественной аудиенции в большом зале дворца. Ступайте!

Мотриль, опустив голову, ушел, подавленный изумлением и ужасом.

XX. Аудиенция

Аженор и его верный оруженосец по-разному сетовали на свою судьбу.

Мюзарон искусно ввернул в разговоре с хозяином, что он предсказывал все, что с ними случилось.

Аженор возразил; даже зная о том, что произойдет, он все-таки обязан был попытаться счастья.

На это Мюзарон ответил, что некоторым послам приходилось болтаться в петле, и хотя их виселицы были выше обычных, но явно столь же неудобные.

Молеон не нашелся, что на это ответить.

Людам хорошо был известен скорый суд дона Педро: когда с полным пренебрежением относятся к человеческой жизни, расправа всегда коротка.

Оба узника предавались этим печальным раздумьям; Мюзарон уже внимательно осматривал кладку стены, чтобы выяснить, нельзя ли выломать хотя бы один камень, как на пороге кордегардии появился Мотриль; свиту офицеров он оставил у двери.

Сколь ни неожиданным было появление Мотриля, Аженор успел опустить забрало.

– Француз, отвечай мне и не лги, – сказал Мотриль, – если, конечно, ты способен говорить правду.

– Ты судишь о других по себе, Мотриль, – ответил Аже-

нор, искренне не желая осложнять свое положение порывом гнева, хотя он с трудом стерпел оскорбление человека, которого ненавидел больше всех.

– Что это значит, пес? – спросил Мотриль.

– Ты называешь меня псом, потому что я христианин, но в таком случае твой господин тоже пес, не правда ли?

Ответ задел мавра за живое.

– Разве с тобой говорят о моем господине и его вере? – возразил он. – Не путай его с собой и не думай, будто ты похож на него, раз он чтит того же Бога, что и ты.

Аженор сел, недоуменно пожав плечами.

– Неужели, Мотриль, ты пришел говорить со мной о таких пустяках? – спросил рыцарь.

– Нет, мне нужно задать тебе серьезные вопросы.

– Ладно, задавай.

– Сперва скажи, как тебе удалось вступить в переписку с королем.

– С каким королем? – спросил Аженор.

– Я признаю, посланец мятежников, только одного короля, моего повелителя.

– Доном Педро? Ты спрашиваешь, как я сумел послать письмо дону Педро?

– Да.

– Не понимаю тебя.

– Ты разве отрицаешь, что просил аудиенцию у короля?

– Нет, но с этой просьбой я обращался к тебе.

– Да, но я не передавал ее королю... а он все-таки...

– Все-таки? – переспросил Аженор.

– ...узнал о твоём приезде.

– Вот оно что! – с изумлением воскликнул Аженор; Мюзарон громким эхом повторил восклицание хозяина.

– Значит, ты не желаешь ни в чем признаваться? – спросил Мотриль.

– В чем именно я должен тебе признаться?

– Прежде всего в том, как ты послал записку королю?

Аженор опять недоуменно пожал плечами.

– Спроси у нашей стражи, – предложил он.

– Не думай, христианин, что ты чего-либо добьешься от короля без моего согласия.

– Ага, значит, я увижу короля? – спросил Аженор.

– Лицемер! – с яростью воскликнул Мотриль.

– Отлично! – вскричал Мюзарон. – Похоже, нам не придется ломать стену.

– Замолчи! – приказал Аженор. Потом, повернувшись к Мотрилю, сказал:

– Ну что ж! Раз я буду беседовать с королем, мы еще посмотрим, Мотриль, столь ли жалкими окажутся мои слова, как ты предполагаешь.

– Признайся, что ты сделал, чтобы король узнал о твоём приезде, назови мне условия мира – и тебе обеспечена моя поддержка.

– Зачем добиваться твоей поддержки, если твой гнев до-

казывает, что я могу без нее обойтись? – насмешливо ответил Аженор.

– Покажи мне хотя бы свое лицо! – вскричал Мотриль, обеспокоенный этим смехом и звуком этого голоса.

– Мое лицо ты увидишь на аудиенции у короля, – сказал Аженор. – С королем я буду говорить с открытым сердцем и поднятым забралом.

Вдруг Мотриль стукнул себя по лбу и окинул взглядом комнату.

– С тобой ведь был паж? – спросил он. – Да.

– Куда он делся?

– Ищи, спрашивай, пытайся, это твое право.

– Поэтому я и допрашиваю тебя.

– Но давай условимся: ты вправе распоряжаться своими офицерами, солдатами, рабами, но не мной.

Мотриль, повернувшись, крикнул свите:

– С французом был паж, узнайте, куда он делся.

Пока искали пажа, царило молчание; каждый из трех персонажей по-разному ожидал результата этих поисков. Взволнованный Мотриль расхаживал перед дверью, словно часовой на посту, или, вернее, как гиена в клетке. Аженор в ожидании сидел неподвижно и безмолвно, будто железная статуя. Мюзарон, от которого не ускользала ни одна мелочь, молчал, подобно своему господину, но не спускал глаз с мавра.

Вскоре донесли, что паж исчез еще вчера и с тех пор боль-

ше не объявлялся.

– Это правда? – спросил Мотриль Аженора.

– Черт возьми! – выругался рыцарь. – Ведь это утверждают люди твоей веры. Неужели неверные тоже врут?

– Но почему он сбежал? Аженору все стало ясно.

– Вероятно, чтобы сообщить королю, что его господин арестован, – объяснил он.

– К королю нельзя проникнуть, пока его охраняет Мотриль, – надменно ответил мавр.

Потом он, снова стукнув себя по лбу, воскликнул:

– Все понятно, эта ветка! Эта записка!

– Мавр явно сходит с ума, – заметил Мюзарон. Внезапно Мотриль успокоился. То, что он узнал, вероятно, было не столь страшно, чем то, чего он сначала опасался.

– Ну хорошо, – сказал он. – Поздравляю тебя с таким ловким пажом. Аудиенция, которой ты так жаждал добиться, назначена.

– На какой день?

– На завтра.

– Слава Богу, – вздохнул Мюзарон.

– Но учти, что твоя встреча с королем не приведет к счастливой развязке, на которую ты надеешься, – обращаясь к рыцарю, предупредил Мотриль.

– Я ни на что не надеюсь, – ответил Аженор, – я просто исполняю данное мне поручение.

– Хочешь, я дам тебе совет? – спросил Мотриль, придав

своему голосу почти ласковое выражение.

– Благодарю, – ответил Аженор, – от тебя мне ничего не надо.

– Почему?

– Потому что от врага я ничего не принимаю. Молодой человек произнес эти слова с такой ненавистью, что мавр вздрогнул.

– Ну что ж, прощай, француз, – сказал он.

– Прощай, неверный.

Мотриль ушел; он выведал почти все, что хотел узнать; королю сообщил о приезде французов ничуть не опасный для него паж. Не этого мавру следовало бояться больше всего.

Спустя два часа после ухода Мотриля торжественный эскорт встретил Аженора при выходе из башни и с великими почестями доставил в дом, расположенный на главной площади Сории.

Для приема посла приготовили просторные апартаменты, обставленные с неслыханной роскошью.

– Вы здесь у себя дома, господин посланник короля Франции, – сказал командир эскорта.

– Я не посланник короля Франции, – ответил Аженор, – и не заслуживаю столь пышного приема. Меня послал коннетабль Бертран Дюгеклен.

Однако вместо ответа офицер поклонился рыцарю и вышел.

Мюзарон обошел все комнаты, придирчиво осматривая

ковры, мебель, ощупывая ткани и всякий раз приговаривая:
– Совершенно очевидно, что здесь куда приятнее, чем в башне.

В то время как Мюзарон производил свой досмотр, вошел главный управляющий дворца и осведомился у рыцаря, не угодно ли будет ему заняться приготовлениями к аудиенции.

– Нет, благодарю вас, – ответил Аженор. – Со мной меч, шлем и кольчуга. Это наряд солдата, а я всего лишь солдат, который послан сюда своим командиром.

Управляющий вышел, приказав трубить сбор. Через несколько минут к дверям подвели роскошного коня, покрытого великолепной попоной.

– Чужого коня мне не надо, у меня есть свой, – ответил Аженор. – Его у меня отняли, так пусть вернут: вот мое единственное желание.

Через десять минут Аженору подвели его коня.

Огромные толпы людей стояли, окаймляя дорогу – кстати, очень короткую, – которая отделяла дом Аженора от дворца короля. Молодой человек попытался отыскать среди женщин, вышедших на балконы, свою хорошо знакомую попутчицу. Но это была напрасная затея, от которой он вскоре отказался.

Вся знать, верная дону Педро, составила конный отряд, выстроенный на парадном дворе дворца. Эти раззолоченные всадники ослепляли своим великолепием.

Спешившись, Аженор сразу почувствовал себя крайне

неловко. События сменяли друг друга так быстро, что он не успел поразмыслить над своей миссией; Аженор ведь был убежден, что исполнить ее не удастся.

Язык Аженора словно приклеился к небу, в голове царила полная сумятица. Смутные, неопределенные мысли плыли, сталкиваясь, как тучи в туманный осенний день.

В зале для приемов он стоял так, как слепой, которому яркое солнце, озарившее облако золота, пурпура и перьев на шлемах, внезапно вернуло зрение.

Вдруг послышался резкий голос, который Аженор узнал, потому что однажды слышал его ночью в Бордо, в саду, а другой раз днем, в палатке Каверлэ.

– Господин рыцарь, вы желали говорить с королем, король перед вами, – донеслось до него.

Эти слова заставили рыцаря взглянуть туда, куда он и должен был смотреть. Аженор увидел дона Педро. Справа от него сидела женщина под вуалью, слева стоял Мотриль.

Мавр был бледен как смерть: в рыцаре он узнал возлюбленного Аиссы.

Аженор в одну секунду разглядел все это.

– Монсеньер, – обратился он к королю, – я даже не мог помыслить, что меня арестовали по вашему приказу.

Дон Педро закусил губы.

– Шевалье, вы француз, – ответил он, – и, значит, должны знать, что, обращаясь к королю Испании, его надлежит именовать «государь» и «ваша светлость».

– Я был неправ, – поклонился рыцарь, – в Сории вы король.

– Да, в Сории король я, – подтвердил дон Педро, – и жду, когда тот, кто узурпировал королевский титул, лишится его.

– Государь, к счастью, я не уполномочен обсуждать с вами столь важные вопросы, – ответил Аженор. – Я прибыл по поручению вашего брата, дона Энрике де Трастамаре, предложить вам добрый и честный мир, в котором так сильно нуждаются ваши народы и которому возрадуются ваши братские сердца!

– Господин рыцарь, так как вы прибыли обсуждать со мной вопрос о мире, скажите, почему вы предлагаете мне сегодня то, в чем мне было отказано неделю назад? – спросил дон Педро.

Аженор поклонился.

– Ваша светлость, я не судья в ваших державных спорах, – ответил он. – Я лишь передаю вам те слова, что просили меня передать, и все. Я – путь, который ведет из Бургоса в Сорию, от сердца одного брата к сердцу другого.

– Надо же! Вам не известно, почему мне предлагают мир именно сегодня? – воскликнул дон Педро. – Хорошо! Сейчас я вам объясню.

Все умолкли в ожидании слов короля; Аженор воспользовался этой передышкой, чтобы еще раз взглянуть на женщину под вуалью и мавра. Она по-прежнему молчала, неподвижная как статуя. Мавр был бледен и так изменился в ли-

це, словно в одну ночь пережил все страдания, что выпадают человеку за целую жизнь.

– Вы предлагаете мне мир от имени моего брата потому, – начал король, – что мой брат хочет, чтобы я его принял, и он уверен, что я не соглашусь на те условия, которые вы предъявили.

– Государь, вашей светлости еще не известно, каковы эти условия, – возразил Аженор.

– Я знаю, что вы предложите мне половину Испании, и знаю, что потребуете заложников, в числе которых должны быть мой министр Мотриль и его семья.

Мотриль смертельно побледнел, и казалось, что его пылающий взор стремился проникнуть в самое сердце дона Педро, чтобы убедиться, будет ли король упорствовать в отказе от мира.

Аженор вздрогнул: ведь он не рассказывал об условиях мира никому, кроме цыганки, которой обмолвился о них.

– Я вижу, что ваша светлость полностью в курсе дела, хотя не знаю, каким образом и от кого ваша светлость могли получить эти сведения.

И тут женщина, сидящая по правую руку от короля, легко и непринужденно подняла и откинула на плечи вышитую золотом вуаль.

Аженор едва не вскрикнул от испуга: в этой женщине он узнал свою попутчицу.

Кровь прилила к щекам Аженора; он понял, от кого ко-

роль получил те сведения, которые избавили его от необходимости излагать условия мира.

– Господин рыцарь, – обратился к нему король, – выслушайте из моих уст и передайте мои слова тем, кто вас прислал: каковы бы ни были предлагаемые мне условия, одно из них абсолютно неприемлемо – я не соглашусь на раздел моего королевства, так как владею им по праву и желаю распоряжаться по своей воле; когда я одержу победу, то предложу свои условия мира.

– Означают ли эти слова, что ваша светлость желает войны? – спросил Аженор.

– Я не хочу войны, мне ее навязывают, – ответил дон Педро.

– Это окончательный ответ вашей светлости? – Да.

Аженор медленно отстегнул железную перчатку и бросил ее перед собой на пол.

– От имени Энрике де Трастамаре, короля Кастилии, я приношу вам войну, – сказал он.

Раздались громкие возгласы, забренчало оружие; король встал.

– Вы добросовестно выполнили свою миссию, господин рыцарь, – сказал он. – Нам лишь остается честно исполнить свой королевский долг. Мы приглашаем вас сутки быть гостем нашего города, и, если вас это устраивает, наш дворец будет вашим кровом, наш стол будет вашим столом.

Аженор молча отвесил низкий поклон и, подняв голову,

взглянул на женщину, сидевшую справа от короля.

Она смотрела на него, ласково улыбаясь. Аженору даже показалось, будто она прислонила к губам пальчик, словно хотела сказать: «Ждите! Надейтесь!»

XXI. Свидания

Несмотря на безмолвное обещание дамы – его смысл, кстати, был Аженору не до конца ясен, – он вышел с аудиенции охваченный тревогой, объяснить которую было совсем нетрудно. Без всякого сомнения, ясным для него оставалось одно: незнакомая цыганка, вместе с которой он непринужденно ехал на одной лошади, на самом деле оказалась знаменитой Марией Падильей.

Больше всего Аженора тревожило не внезапное решение дона Педро, который объявил войну, даже не выслушав его; в конце концов дону Педро уже вечером было известно все то, что он должен был бы узнать только сегодня утром; здесь думать было не о чем. Но Аженор не мог забыть, что выдал цыганке свою самую дорогую, свою сердечную тайну – любовь к Аиссе.

Если в душе этой страшной женщины пробудилась ревность к несчастной Аиссе, то никто не смог бы сказать, куда завела бы Марию неистовая ярость, жертвами которой уже пало много неповинных голов.

Эти мрачные мысли тут же возникли в уме Аженора, помешав ему заметить испепеляющие взгляды Мотриля и знатных мавров, гордыню и интересы которых оскорбило предложение мира, сделанное им от лица Энрике де Трастамаре.

Обрати он внимание на эти вызывающие взгляды, фран-

цузский рыцарь, хотя он был сильным и отважным, не сумел бы сохранить хладнокровие и полную невозмутимость, необходимые послу.

В ту минуту, когда он должен был заметить мавров и ответить им, Аженора отвлекло новое происшествие. Как только он вышел из дворца и оказался по ту сторону шеренги стражников, женщина, закутанная в длинную накидку, взяла его за локоть, сделав ему загадочный знак следовать за ней.

На миг Аженор заколебался; ему было известно, что дон Педро и его мстительная любовница подстраивали своим врагам множество ловушек, что они были неистощимы на выдумки, если дело касалось мести; но в эту минуту рыцарь, хотя и был истинным христианином, почувствовал, что начинает, подобно людям Востока, верить в неотвратимость судьбы, которая не оставляет человеку свободного выбора и отнимает у него способность – иногда это составляет его счастье, не правда ли? – предвидеть зло и сопротивляться ему.

Поэтому рыцарь подавил в себе всякий страх; он убеждал себя, что уже давно устал бороться со злом, что так или иначе будет благом покончить с этой борьбой и что, если судьбе угодно, чтобы сей час стал его последним часом, он безропотно встретит его.

И Аженор пошел за старухой, которая, пробравшись сквозь плотную толпу народа, – она, вероятно, была уверена, что в накидке никто ее не узнает, – прямым ходом направилась к дому, отведенному под резиденцию рыцаря.

На пороге их ожидал Мюзарон.

Когда они вошли в дом, Аженор повел старуху в самую отдаленную комнату. Теперь она следовала за ним, а Мюзарон, догадавшись, что его ждет нечто необычное, замыкал шествие.

Оказавшись в комнате, старуха сняла капюшон: Аженор и оруженосец узнали мамку цыганки.

После всего, что произошло во дворце, ее появление ничуть не удивило Аженора, но ничего не знавший Мюзарон сильно удивился.

– Сеньор, донья Мария Падилья хочет побеседовать с вами, – сказала старуха, – и поэтому желает, чтобы вечером вы пришли во дворец. Король проводит смотр вновь прибывшим войскам, и в это время донья Мария будет одна. Может ли она надеяться, что вы придете?

– Но почему донья Мария желает меня видеть? – спросил Аженор, отнюдь не питавший к ней добрых чувств.

– Неужели вы, господин рыцарь, считаете, что вас сильно огорчит тайное свидание с такой женщиной, как Мария Падилья? – спросила мамка с лукавой улыбкой, что присуща старым служанкам.

– Не огорчит, – ответил Аженор, – но, признаться, мне больше по душе свидания не в домах, а на открытых местах, куда я могу явиться верхом на коне и с копьём в руках.

– А я с арбалетом, – добавил Мюзарон. Старуха усмехнулась в ответ на эти опасения.

– Я вижу, мне придется выполнить поручение до конца, – сказала она и достала из своей сумы маленький мешочек с запиской.

Мюзарон – в таких обстоятельствах ему неизменно выпадала роль читателя – взял ее и прочел:

«Эта записка, шевалье, залог безопасности, который Вам дает Ваша попутчица. Приходите ко мне в то время и в то место, что укажет Вам моя мамка, чтобы мы с Вами могли поговорить об Аиссе».

При этих словах Аженор восторженно встрепенулся, а так как имя возлюбленной для влюбленного священо, то для него имя Аиссы прозвучало торжественной клятвой, и он сразу вскричал, что готов отправиться за мамкой в любое место, куда она его поведет.

– Тогда все проще, – сказала она, – я буду ждать вашу милость в дворцовой часовне. В нее могут заходить офицеры нашего короля, но в восемь вечера она закрывается. Вы должны быть там в половине восьмого и спрятаться за алтарем.

– За алтарем? – испуганно переспросил Аженор (он был не лишен предрассудков человека с севера). – Мне не по душе свидания, которые назначаются за алтарем.

– О, не волнуйтесь! – простодушно возразила старуха. – Бог в Испании совсем не обижается на эти мелкие грешки, он к ним привык. Кстати, долго ждать вам не придется; за алтарем есть дверь, через нее король и его домочадцы из сво-

их покоев могут пройти в часовню. Я открою вам дверь, вы пройдете этим скрытым путем, и никто вас не увидит.

– И никто вас не увидит, – повторил Мюзарон по-французски. – Ну и ну! Не кажется ли вам, сеньор Аженор, что вас заманивают в вертеп разбойников?

– Не бойся, – тоже по-французски ответил рыцарь. – У нас письмо этой женщины, правда, она подписала его лишь одним именем, тем, что получено при крещении, но в нем моя защита. Если попаду в ловушку, поезжай с этим письмом к коннетаблю и дону Энрике де Трастамаре, расскажи о моей любви, моих страданиях, о том, как вероломно они заманили меня в западню. И, я верю, злодеев постигнет кара, от которой содрогнется Испания.

– Все верно, – возразил Мюзарон, – но раньше вам пережут горло.

– Пусть так, но правда ли, что донья Мария просит меня к себе, чтобы поговорить со мной об Аиссе?

– Вы, сударь, влюблены, то есть с ума сошли, – заметил Мюзарон, – а уж если сумасшедшему что втемяшилось, его не переспоришь. Простите меня, сударь, но я правду говорю. Я не спорю, ступайте туда.

И, закончив этими словами свое рассуждение, честный Мюзарон тяжело вздохнул.

– А почему бы мне не пойти с вами? – неожиданно спросил он.

– Потому что надо передать ответ дону Педро королю Ка-

стилии, дону Энрике де Трастамаре, – ответил рыцарь, – и, если я погибну, только ты можешь рассказать ему об итогах моей миссии.

И Аженор четко, слово в слово, пересказал оруженосцу ответ дона Педро.

– Но я ведь могу караулить около дворца, – сказал Мюзарон, который упорно не хотел отпускать хозяина.

– Зачем?

– Чтобы защищать вас, клянусь плотью святого Иакова! – воскликнул оруженосец. – Чтобы защищать вас с помощью моего арбалета, из которого я уложу полдюжины этих смуглых рож, а вы с помощью вашего меча зарубите еще с полдюжины. Все-таки дюжиной неверных станет меньше, что никак не повредит спасению наших душ.

– Наоборот, мой дорогой Мюзарон, доставь мне удовольствие и не выходи из дома, – попросил Аженор. – Если меня убьют, знать об этом будут лишь стены дворца. Но послушай меня, я уверен, – сказал этот доверчивый чистосердечный человек, – что ничем не обидел донью Марию, поэтому она не может таить на меня зла. Я, может быть, даже оказал ей услугу.

– Правильно, но не вы ли оскорбляли мавра, сеньора Мотрил я, и здесь, и в других местах? Ведь он, если не ошибаюсь, комендант дворца, а чтобы вы поняли, как он к вам относится на самом деле, скажу, что это он дал приказ арестовать вас у городских ворот и бросить в тюрьму. По-моему, опасаться

надо не фаворитки, а фаворита.

Аженор был немного суеверен, он охотно соглашался с теми уступками, которые сознание всегда оказывает влюбленным; повернувшись к старухе, он сказал:

– Если она улыбнется, я пойду. Старуха улыбнулась.

– Передайте донье Марии, что я приду, – обратился Аженор к мамке. – В половине восьмого я буду в часовне.

– Хорошо... А я буду ждать вас с ключом от двери. Прощайте, сеньор Аженор, до свидания, любезный оруженосец.

Мюзарон кивнул в ответ; старуха ушла.

– Так вот, писем для коннетабля не будет, – обернувшись к Мюзарону, сказал Аженор, – ведь мавры могут схватить тебя и отобрать их. Ты передашь коннетаблю, что война объявлена и надо начинать военные действия. Деньги у тебя есть, не жалея их, чтобы добраться как можно скорее.

– А как же вы, сеньор? В конце концов, вполне возможно, что вас и не убьют.

– Мне ничего не нужно. Если меня обманут, я пожертвую своей жизнью, полной страданий и разочарований, которая мне наскучила. Если, наоборот, донья Мария поможет мне, то она найдет для меня лошадей и провожатых. Езжай, Мюзарон, езжай сию минуту, пока они следят за мной, а не за тобой; они знают, что я остаюсь, именно это им и нужно. По-езжай, конь у тебя добрый, храбрости тебе не занимать. Я же остаток дня посвящу молитвам. Ступай!

Этот план, сколь бы он ни казался рискованным, в их

положении был весьма разумным. Поэтому Мюзарон с ним согласился, правда, не столько из любви к своему хозяину, сколько из-за убедительности его доводов.

Спустя четверть часа после принятого решения Мюзарон отправился в путь и без труда выбрался из города. Аженор, как и обещал, помолился, а в половине восьмого пришел в часовню.

Старуха уже поджидала его, она жестом показала, что надо спешить, и, открыв небольшую дверь, увлекла за собой рыцаря.

Пройдя длинную анфиладу коридоров и галерей, Аженор вошел в низкую, полутемную залу, которую окружала увитая цветами терраса.

Под неким подобием балдахина сидела женщина с рабыней, которая была отослана прочь, едва появился рыцарь.

Введя рыцаря в залу, старуха из деликатности удалилась.

– Благодарю вас за точность, – сказала Молеону донья Мария. – Я знаю, что вы были великодушны и храбры. Мне захотелось отблагодарить вас после того, как, если судить поверхностно, поступила с вами вероломно.

Аженор ничего не ответил. Ведь он пришел потому, что его пригласили говорить об Аиссе.

– Подойдите ближе, – попросила донья Мария. – Я так сильно привязана к дону Педро, что, защищая его интересы, была вынуждена нанести вред вашим, но меня оправдывает любовь, вы сами любите и должны понять меня.

Мария была близка к цели их свидания. Однако Аженор ограничился поклоном и упрямо молчал.

– Теперь, господин рыцарь, когда мои дела улажены, мы будем говорить о ваших, – предложила Мария.

– Каких? – спросил Аженор.

– О тех, что волнуют вас сильнее всего.

Аженор, видя искреннюю улыбку и приветливость доньи Марии, слыша ее сердечные, убедительные слова, почувствовал себя обезоруженным.

– Ну, сядьте же вот сюда, – сказала чаровница, указывая ему место рядом с собой.

Рыцарь покорно подчинился.

– Вы думали, что я ваш враг, но ошиблись, – сказала молодая женщина, – и, чтобы это доказать, я готова оказать вам столь же важные услуги, что вы оказали мне.

Аженор с удивлением смотрел на нее. Но Мария Падилья продолжала:

– Конечно, важные... Разве не вы были моим славным защитником в дороге, моим добрым невольным советчиком?

– Совсем невольным, потому что я даже не знал, с кем говорю, – ответил Аженор.

– Зато я сумела принести пользу королю, передав ему сведения, которые вы мне сообщили, – с улыбкой прибавила Мария Падилья. – И не отрицайте, что вы мне очень помогли.

– Хорошо, мадам, я вам помог... Но вы...

– Уж не считаете ли вы, что я не могу быть вам полезной? О, шевалье, вы сомневаетесь в моей благодарности!

– Может быть, мадам, вы и хотели бы мне помочь, я не спорю.

– Я хочу и могу. Представьте себе, например, что вас не выпустят из Сории.

Аженор вздрогнул.

– А я помогу вам выбраться из города.

– Сделав это, мадам, вы принесли бы пользу не столько мне, сколько королю, так как избавили бы его от обвинений в измене и трусости.

– Я согласилась бы с вами, если вы были бы просто послом, которого здесь никто не знает, и приехали бы в Сорию с политической миссией. Ведь тогда вы могли бы вызывать ненависть или подозрения только у короля, – возразила молодая женщина. – Но подумайте сами, нет ли у вас в Сории другого врага, вашего личного врага?

Аженор явно смутился.

– Вы должны бы понимать, если это так, – продолжала донья Мария, – что ваш враг, одержимый злобой против вас, ничего не сказав королю, заманит вас в западню, чтобы отомстить вам, а король останется непричастным к этой мести. Это будет легко доказать вашим соотечественникам в том случае, если дело дойдет до объяснений. Поэтому, шевалье, помните, что здесь вы представляете не только ваши собственные интересы, но интересы донна Энрике де Трастамаре.

У Аженора вырвался тяжелый вздох.

– Ага! По-моему, вы меня поняли, – воскликнула Мария. – Ну хорошо, а если я избавлю вас от опасности, которая может вам угрожать при встрече с вашим врагом?

– Вы сохранили бы мне жизнь, мадам, что само по себе великое благо, но я даже не могу сказать, был бы я признателен вам за ваше великодушие.

– Почему же?

– Потому что мне не дорога моя жизнь.

– Вам не дорога ваша жизнь?

– Да, – сказал Аженор.

– Наверное, у вас большое горе, не так ли?

– Вы правы, мадам.

– А что если я знаю о вашем горе?

– Вы, знаете?

– А что если я покажу вам причину вашего горя?

– Вы? Неужели вы можете сказать мне... можете дать увидеть...

Мария Падиля подошла к террасе, которая была занавешена шелковыми шторами.

– Смотрите же! – сказала она, отдернув штору.

Внизу можно было увидеть другую террасу, которую от верхней отделял массив апельсиновых, гранатовых деревьев и олеандров. На этой террасе, среди цветов, качалась в пурпурном гамаке женщина, озаренная золотыми лучами заходящего солнца.

– Видите? – спросила донья Мария.

– Аисса! – восторженно вскричал Молеон, сложив на груди руки.

– Да, дочь Мотриля, – подтвердила донья Мария.

– О, вы правы, мадам, это она, счастье моей жизни! – снова вскричал Молеон, пожирая глазами пространство, отделявшее его от Аиссы.

– Да, совсем близко и очень далеко, – усмехнулась донья Мария.

– Неужели вы смеетесь надо мной, сеньора? – с тревогой спросил Аженор.

– Господь меня сохрани, господин рыцарь! Я только говорю, что в эту минуту Аисса являет собой образ счастья. Нам часто кажется, что стоит лишь протянуть руку, чтобы его коснуться, а оказывается, мы отделены от него какой-то незримой, но непреодолимой преградой.

– Увы, я знаю это: за ней следят, ее держат под стражей.

– И она заперта, сеньор француз, за крепкими решетками с прочными замками.

– Ну как мне привлечь ее внимание, сделать так, чтобы она меня увидела? – воскликнул Аженор.

– И для вас даже это стало бы великим счастьем?

– Высшим!

– Хорошо, я вам его подарю. Донья Аисса вас не видела, если бы она вас увидела, ей стало бы еще больнее, потому что протягивать друг другу руки и посылать воздушные по-

целуи – для влюбленных слабое утешение. Добейтесь большего, господин рыцарь.

– Но что же мне делать? Скажите, мадам, умоляю вас! Приказывайте мне или лучше дайте совет.

– Видите вон ту дверь? – спросила донья Мария, показывая на выход с террасы. – Вот ключ от нее, он самый большой из трех в этой связке. Вы спуститесь на этаж ниже, там длинный коридор – он похож на тот, которым вы шли сюда, – что выводит в соседний сад, где деревья достигают террасы доньи Аиссы. Ага, по-моему, вы уже догадываетесь...

– Да, да, – сказал Молеон, жадно впитывая каждое слово, слетающее с уст доньи Марии.

– Решетка сада заперта, но ключ от нее в связке, – продолжала она. – Проникнув в сад, вы окажетесь ближе к донье Аиссе, потому что сможете подойти к террасе, где она сейчас качается в гамаке, хотя влезть туда по отвесной стене нельзя. Но вы сможете окликнуть вашу возлюбленную и поговорить с ней.

– Благодарю, благодарю вас! – воскликнул Молеон.

– Я вижу, вы повеселели, это уже лучше! – сказала донья Мария. – Но тем не менее есть опасность, что вашу беседу на расстоянии могут подслушать. Я предупреждаю вас об этом, хотя Мотриля во дворце нет, он вместе с королем на смотре войск, что прибыли к нам из Африки, и вернется не раньше половины десятого – десяти, а сейчас только восемь.

– Целых полтора часа! О, мадам, прошу вас, умоляю, ско-

рее дайте мне этот ключ!

– О, для того, кто потерял голову, времени не существует. Дайте угаснуть последнему лучу солнца, который еще золотит небо, – это будет через нескольких минут. И, кстати, если хотите, я вам еще кое-что скажу, – улыбнулась она.

– Скажите.

– Я думаю, отдать ли вам и третий ключ – Мотриль сделал его для короля дона Педро, – который я раздобыла с большим трудом.

– Для короля дона Педро! – содрогнулся Аженор.

– Да, – ответила Мария. – Вы знаете, это ключ от двери, которая выходит на очень удобную лестницу, что ведет прямо на террасу, где в эти мгновения Аисса, вероятно, мечтает о вас.

Аженор даже вскрикнул от радости.

– И как только за вами захлопнется дверь, – продолжала донья Мария, – вы сможете полтора часа беседовать наедине с дочерью Мотриля, не боясь, что вас застигнут врасплох. А если придут король с Мотрилем – попасть на террасу можно только через дом, – у вас будет надежный и свободный путь к отступлению.

Аженор упал на колени и осыпал поцелуями руку благодетельницы.

– Мадам, потребуйте от меня мою жизнь в ту минуту, когда она вам понадобится, и я отдам ее вам! – воскликнул он.

– Благодарю вас, но приберегите ее для вашей возлюблен-

ной, сеньор Аженор. Солнце зашло, через несколько минут совсем стемнеет, у вас остается всего час. Ступайте и не выдавайте меня Мотрилю.

Аженор устремился на маленькую лестницу террасы и исчез.

– Сеньор француз, – закричала ему вслед донья Мария, – через час ваша заседланная лошадь будет стоять у дверей часовни, но Мотриль не должен ни о чем догадываться, а не то мы оба пропали!

– Я вернусь через час, обещаю вам, – послышался голос удалявшегося рыцаря.

XXII. Встреча

На нижней террасе дворца – она примыкала к покоям ее отца и комнатам девушки – в задумчивости сидела Аисса, томная и мечтательная, как истинная дочь Востока, она дышала вечерней прохладой, провожая взглядом последние отблески заката.

Когда солнце зашло, ее взгляд устремился на великолепные сады дворца, словно поверх стен и деревьев она хотела что-то отыскать за горизонтом, который когда-то еще открывался перед ней. Это было живое воспоминание, не подвластное ни пространству, ни времени, которое зовется любовью, иначе говоря, вечной надеждой.

Она мечтала о ярко-зеленых и обильных, благоуханных полях Франции, о роскошных садах Бордо, под спасительной сенью которых пережила самое сладостное событие в своей жизни; а так как во всем, над чем он задумывается, ум человеческий отыскивает печальное или радостное сходство, Аисса сразу же вспомнила сад в Севилье, где она впервые осталась наедине с Аженором, говорила с ним, сжимала его руку, которую сейчас ей страстно захотелось сжать снова.

Мысли влюбленных таят непостижимые загадки. Подобно тому как в голове безумцев крайности чередуются с бессвязной быстротой снов, так и улыбку любящей девушки сменя-

ют иногда, словно улыбку Офелии,¹⁵⁶ горькие слезы или мучительные рыдания.

Захваченная воспоминаниями, Аисса улыбнулась, вздохнула и заплакала. Она, наверное, разрыдалась бы, если бы на каменной лестнице не послышались торопливые шаги.

Аисса подумала, что это вернулся Мотриль, который спешит – он изредка так делал – застигнуть ее врасплох за самыми нежными мечтаниями; у этого человека, пронизательного до ясновидения, ум, подобный адскому факелу, пылал, освещая все окрест, и оставлял во мраке лишь его мысль, не постижимую, глубокую и всесильную.

И все-таки Аиссе показалось, что это не его походка, а шум доносится не с той стороны, откуда всегда появлялся Мотриль.

Тогда она, задрожав, вспомнила о короле, которого совсем перестала бояться, вернее, забыла после приезда доньи Марии. Ведь лестницу, откуда доносился шум, Мотриль устроил для своего суверена как потайной ход.

Поэтому Аисса поспешила – нет, не вытереть слезы: это было бы воспринято как пошлая скрытность, до которой не могла бы опуститься ее гордость, – но отогнать от себя слишком нежное воспоминание, чтобы его не заметил враг, что сейчас предстанет перед ней. Если это Мотриль, то ее ору-

---

¹⁵⁶ Офелия – героиня трагедии «Гамлет, принц датский» английского драматурга Уильяма Шекспира (1564–1616). Здесь имеются в виду сцены сумасшествия Офелии из IV акта трагедии.

жием станет воля, если король – то кинжал.

И она с притворным равнодушием повернулась спиной к двери, как будто в отсутствие Аженора ничто – ни радость, ни угрозы – не могло ее взволновать; она готовилась выслушать суровые слова и заодно прислушивалась к зловещим шагам, что вызывали в ней трепет.

Вдруг она почувствовала, как ее шею обняли две железные руки; она закричала от гнева и отвращения, но к ее губам уже припали чьи-то жаждущие уста. Тогда, больше по трепетной дрожи, пробежавшей по ее жилам, чем по взгляду, который она бросила на него, Аисса узнала Аженора, на мраморном полу стоявшего на коленях у ее ног.

Аисса с трудом смогла подавить крик радости, который опять сорвался с ее уст, облегчая девушке душу. Она встала, не выпуская из объятий возлюбленного, и, сильная, словно молодая пантера, которая несет свою добычу в густые заросли Атласских гор, повлекла за собой, прямо-таки вынесла Аженора на лестницу, чей таинственный мрак скрыл счастливых любовников.

Комната Аиссы, окна которой были занавешены длинными шторами, находилась у подножия лестницы; Аисса бросилась в объятия возлюбленного. Свет небес не проникал сквозь плотные шторы, ни один звук не достигал сюда сквозь обитые коврами стены, и несколько минут были слышны лишь жадные поцелуи и пылкие вздохи. Длинные черные косы Аиссы, рассыпавшись в порыве любви, словно кисеи

укрывали любовников.

Чуждая нашим европейским нравам, не ведающая искусства возбуждать желанья кокетливым сопротивлением, Аисса отдалась своему любовнику так же, как, наверное, отдавалась первая женщина под властью врожденного чувства, с непосредственностью и тем восторгом счастья, который сам по себе есть высшее счастье.

– Ты! Ты! – в упоении шептала она. – Ты во дворце короля дона Педро! Ты весь во власти моей любви! О, как длинны дни в разлуке, хотя у Бога две меры времени: минуты с тобой пробегают словно тени; дни без тебя кажутся веками.

Потом их голоса умолкли, слившись в нежном и долгом поцелуе.

– О, теперь ты принадлежишь мне! – воскликнул Аженор. – Мне не страшна ненависть Мотриля, не страшна любовь короля! Я могу умереть.

– Умереть! Погибнуть! – воскликнула Аисса; ее глаза были полны слез, губы дрожали. – О нет, ты не умрешь, мой любимый. Я спасла тебя в Бордо, и здесь я снова спасу тебя. Ты говоришь о любви короля, но пойми, как мало мое сердце, что вздымает мою грудь. Неужели ты думаешь, что в этом сердце, которое все заполнено тобой и бьется лишь для тебя, найдется место хотя бы для тени другой любви?

– О! Храни меня Бог даже на миг помыслить, что моя Аисса может забыть меня! – воскликнул Аженор. – Но там, где не убеждают слова, иногда убеждает всемогущая сила. Разве

ты не слышала о судьбе Леоноры де Хименес, которой грубое обхождение короля не оставило другого выхода, кроме монастыря.

– Леонора де Хименес, сеньор, не Аисса. И, клянусь, что я в монастырь не уйду.

– Ты сумеешь постоять за себя, я знаю, но, защищаясь, ты можешь погибнуть!

– Пускай! Разве ты не будешь любить меня сильнее, если я погибну, но не стану принадлежать другому.

– О да, буду! – вскричал молодой человек, прижимая Аиссу к сердцу. – Да, умри, если выхода не будет, но останься моей!

И он снова с таким неистовством обнял ее, что этот порыв любви внушал почти ужас.

Ночь, уже окрасившая в темный цвет стены дворца, все предметы в комнате превратила в бесформенные тени; в этой темноте, наполненной словами любви и горячим дыханием, нельзя было не обжечься тем огнем, что сжигает, не давая света, тем огнем, что подобен страшному пламени, что не гаснет даже под водой.

Довольно надолго тишина смерти, вернее молчание любви, воцарилась в комнате, где только что звучали два голоса и прижимались друг к другу бьющиеся в такт сердца.

Аженор первым очнулся от этого несказанного счастья; он перепоясал себя мечом, железные ножны которого со звоном ударились о мраморный пол.

– Что ты делаешь? – воскликнула девушка, хватая рыцаря за руку.

– Ты сказала, что у времени две меры – минуты для счастья и века для отчаяния, – ответил Аженор. – Я уйду.

– Ты уходишь, но ведь ты возьмешь меня с собой, правда? Мы ведь уедем вместе?

Молодой человек со вздохом разомкнул объятия возлюбленной.

– Это невозможно, – сказал он.

– Почему?

– Потому что я приехал сюда, пользуясь неприкосновенностью посла, которая меня защищает. Я не могу оскорбить своего звания.

– А как же я? – воскликнула Аисса. – Нет, я не пушу тебя.

– Аисса, – сказал молодой человек, – я приехал по поручению славного коннетабля и Энрике де Трастамаре; один из них доверил мне блюсти интересы славы Франции, другой – защищать интересы кастильского трона. Что они скажут, когда узнают, что вместо исполнения этой двойной миссии я был занят только своей любовью?

– Кто им об этом расскажет? И кто мешает тебе никому меня не показывать?

– Мне нужно вернуться в Бургос. От Сории до Бургоса три дня пути.

– Я сильная и привыкла к быстрым переходам.

– Я знаю, ведь арабские всадники скачут быстро, гораздо

быстрее нас. Но через час Мотриль заметит твоё исчезновение, Аисса, и бросится за нами в погоню. Я не могу вернуться в Бургос беглецом.

– О, Боже мой, Боже! Нам опять предстоит разлука, – вздохнула Аисса.

– На этот раз разлука будет совсем недолгой, клянусь тебе. Дай мне исполнить мою миссию, вернуться в лагерь донна Энрике, дай мне освободиться от должности посла и вновь стать Аженором, французским рыцарем, который любит тебя, одну тебя, живет лишь ради тебя, и тогда, клянусь тебе, Аисса, я, переодевшись в кого угодно, даже в неверного, вернусь и, если ты не пожелаешь ехать со мной, увезу тебя насильно.

– Я поеду с тобой, поеду! – воскликнула Аисса. – Моя жизнь началась только сейчас; до сегодняшнего дня я не жила, потому что не принадлежала тебе, а с нынешнего дня не смогу без тебя прожить. Я больше не буду, как в прошлые дни, вздыхать и плакать, поджидая тебя; нет, я буду стенать, терзаться своим горем: ведь сегодня я стала твоей женой! Хорошо, пусть погибнут все те, кто мешает жене последовать за своим супругом!

– Что ты говоришь! Аисса, неужели должна погибнуть даже наша благодетельница, даже эта великодушная женщина, что привела меня к тебе, несчастная Мария Падилья, которой отомстит Мотриль? Ведь ты знаешь, как страшно он мстит.

– О, моя душа отлетает, – побледнев, прошептала девушка, ибо она чувствовала, что высшая сила – сила разума – отнимает у нее возлюбленного. – Но позволь мне приехать к тебе, ведь у меня два быстроногих мула, которые обгонят самых резвых лошадей. Укажи мне место, где я смогу подождать тебя или встретиться с тобой. И не сомневайся, что я догоню тебя.

– Аисса, мы снова возвращается к тому, с чего начали... Это невозможно, невозможно!

Девушка опустилась на колени. Гордая мавританка распростерлась у ног Аженора, она упрашивала, умоляла.

В эту секунду над их головами пролетел в воздухе печальный и тоскливый стон гузлы, похожий на тревожный зов о помощи; оба они содрогнулись.

– Что это за звук? – спросила Аисса.

– Я догадываюсь, пошли скорее, – ответил Аженор. И они снова поднялись на террасу.

Аженор сразу же взглянул на террасу Марии.

Было совсем темно, но при тусклом свете звезд молодые люди все-таки смогли разглядеть женщину в белом платье, которая склонилась над перилами и смотрела в их сторону.

Наверное, при этом у них возникли сомнения, призрак это или женщина. Но тут до них снова донесся звон дрожащих струн.

– Она зовет меня, – прошептал Аженор, – ты слышишь, она зовет меня.

– Уходите! Уходите! – слышался откуда-то сверху приглушенный голос доньи Марии.

– Ты слышишь, Аисса? Слышишь? – спросил Аженор.

– Нет, я ничего не вижу, ничего не слышу, – пробормотала Аисса.

В это время затрубили фанфары, которыми обычно встречали приезд короля во дворец.

– Боже милостивый! – воскликнула Аисса, внезапно прервавшись в испуганную и слабую женщину. – Они едут... Беги, мой Аженор, беги!

– Простимся еще раз, – сказал он.

– Может быть, в последний, – прошептала Аисса, припав губами к губам возлюбленного.

И она вытолкнула Аженора на лестницу. Шаги рыцаря еще не смолкли, как послышались шаги Мотриля; и едва закрылась дверь, которая вела к Марии Падилье, как распахнулась дверь в комнату Аиссы.

XXIII. Приготовления к битве

Через три дня после событий, о которых мы уже рассказывали, Аженор, следуя той же дорогой, по которой он ехал в Сорию, догнал Мюзарона и сам доложил Энрике де Трастамаре об итогах своей миссии.

Все ясно понимали, каким опасностям подвергался Аженор при исполнении своего посольства. Поэтому коннетабль поблагодарил Аженора, похвалил его и повелел ему занять место среди самых храбрых бретонцев, под хоругвью, которую нес Сильвестр де Бюд.¹⁵⁷

Повсюду готовились к войне. Принц Уэльский добился права пройти через земли короля Наварры, соединился с доном Педро и привел отличную армию, которая слилась с его прекрасными африканскими войсками.

Английские наемники, которые окончательно перешли на сторону дона Педро, намеревались крепко ударить по своим заклятым врагам – бретонцам и гасконцам.

Разумеется, самые дерзкие, а стало быть, и алчные, замыслы зрели в голове нашего знакомого, мессира Гуго де Каверлэ.

Энрике де Трастамаре не отставал от этих воинственных приготовлений. К нему присоединились оба его брата, дон

---

¹⁵⁷ Сильвестр де Бюд, сеньор д'Юзель (ум. в 1379 г.) – французский военачальник, участник Столетней войны, соратник Дюгеклена.

Тельо и дон Санче, которым он доверил командование, а сам короткими переходами двигался навстречу своему брату до-ну Педро.

Чувствовалось, что всю Испанию охватило то лихорадочное возбуждение, которое, как говорится, витает в воздухе и предвещает великие события. Мюзарон, неизменно прозорливый и ко всему относящийся философски, заставлял своего господина есть самую изысканную дичь и пить лучшие вина, чтобы набраться сил для битв и добыть на поле брани больше славы.

Наконец Аженор, предоставленный самому себе и совершенно одержимый любовью, после этого мимолетного обладания возлюбленной перебирал все мыслимые и немыслимые способы, чтобы добраться до Аиссы, Похитить ее и не быть вынужденным ждать столь рискованного события, как битва: люди идут на нее гордыми и сильными, но иногда возвращаются с позором или получают смертельные раны.

Чтобы похитить Аиссу, Аженор, коего щедро одарил Бертран, купил пару арабских скакунов; Мюзарон каждый день объезжал их, заставляя делать большие перегоны, выносить голод и жажду.

Но тут стало известно, что принц Уэльский прошел через ущелья и вышел на равнину. С армией, приведенной им из Гиени, он подошел к городу Витория, расположенному рядом с Наваррете.¹⁵⁸

---

¹⁵⁸ Наваррете – по-французски означает «маленькая Наварра». По-видимому,

Он располагал тридцатью тысячами всадников и сорока тысячами пехоты. Его силы были почти равны тем, которыми командовал дон Педро.

Бертран, стоявший со своими бретонцами в арьергарде, не обращал внимания на испанцев: они всюду бахвалились и заранее трубили о победе, пока еще не одержанной ни одной из сторон.

Ведь у Бертрана были свои шпионы, которые ежедневно доносили ему обо всем, что делалось и в армии дона Педро, и в войсках дона Энрике; он даже узнавал обо всех замыслах самого Каверлэ в ту самую минуту, когда они еще только рождались в богатом воображении этого искателя приключений.

Бертрану, следовательно, было известно, что достойный капитан, искушаемый соблазном захватить в плен королей – он уже не раз это проделывал, – предложил свои услуги принцу Уэльскому, чтобы одним ударом закончить войну.

Каверлэ намеревался действовать так же просто, как хищная птица, которая, незримая, парит высоко в небе, потом стремительно бросается на добычу, и в ту секунду, когда та совсем не ждет опасности, уже сжимает ее в когтях.

План мессира Гуго де Каверлэ, вступившего в союз с Джоном Чандосом¹⁵⁹ и герцогом Ланкастерским, состоял в том,

имеется в виду поражение в Ронсевальском ущелье, которое находится в Наварре, и враждебные отношения этого королевства с Францией во время, описываемое в романе.

¹⁵⁹ Чандос, Джон (погиб в 1369 г.) – английский полководец, участник Столет-

чтобы часть английского авангарда внезапно атаковала лагерь дона Энрике, захватила в плен короля и его двор, сразу получая тем самым возможность запросить два десятка выкупов, одного из которых было бы достаточно, чтобы составить состояния полудюжине наемников.

Принц Уэльский согласился; в предложенной сделке терять ему было нечего, но выиграть он мог очень многое.

К несчастью для Каверлэ, мессир Бертран Дюгеклен имел шпионов, сообщавших ему обо всем, что происходило во вражеской армии.

И к еще большему несчастью, Дюгеклен вообще испытывал к англичанам извечную ненависть бретонца, а с недавних пор особенно возненавидел мессира Каверлэ.

Поэтому Дюгеклен советовал своим шпионам ни на секунду не смыкать глаз, а если и спать, то лишь вполглаза.

Итак, Бертран Дюгеклен знал о каждом шаге мессира Гуго де Каверлэ.

За час до того как сей достойный капитан покинул лагерь принца Уэльского, коннетабль отобрал шесть тысяч бретонских и испанских всадников и, поставив во главе их Аженора и Заику Виллана, отправил в другую сторону, чтобы они заняли позицию в лесу, разделявшем ущелье.

Энрике де Трастамаре, которому заранее сообщили об этом, привел свои войска в боевую готовность.

Поэтому Каверлэ сначала должен был натолкнуться на од-

ну железную стену, а потом, если бы он захотел отойти, оказался бы перед другой железной стеной.

Люди и лошади с наступлением темноты залегли в засаду. Каждый всадник, лежа на земле, держал поводья своего коня.

Около десяти вечера Каверлэ со своим отрядом вступил в ущелье. Англичане шли так уверенно, что даже не удосужились осмотреть лес; впрочем, ночь делала этот осмотр если не невозможным, то сильно затруднительным.

В тылу англичан бретонцы и испанцы соединились, словно связали два обрывка цепи.

Около полуночи послышался сильный шум: это были войска Каверлэ, бросившиеся в атаку на лагерь короля дона Энрике, который встретил их воинским кличем: «За дона Энрике и Кастилию!»

Тогда Бертран, имея справа от себя Аженора, а слева Заику Виллана, пустил свою конницу галопом, воскликнув: «За Богоматерь Гекленскую!»

В это время на флангах вспыхнули огромные костры и осветили поле боя, дав Каверлэ возможность увидеть, что пять или шесть тысяч его наемников попали в капкан.

Каверлэ вовсе не был тем человеком, который ищет славы, но никчемной смерти. Будь он на месте Эдуарда III в битве при Креси, он бежал бы; на месте принца Уэльского в битве при Пуатье – он сдался бы.¹⁶⁰

---

¹⁶⁰ Дюма имеет в виду некоторые подробности этих сражений, окончивших-

Но поскольку люди сдаются лишь тогда, когда вообще нет выхода – особенно если, сдавшись в плен, они рискуют быть повешенными, – Каверлэ пустил свою лошадь в галоп и ускользнул через проход на фланге, подобно злодею в театре, который исчезает сквозь щель в небрежно поставленных кулисах.

Весь багаж Каверлэ: много золота, шкатулка с драгоценными камнями и вещами – все награбленное им за те три года, когда почтенный капитан, стремясь избежать виселицы, проявлял больше изобретательности, чем Александр,¹⁶¹ Ганнибал,¹⁶² или Цезарь¹⁶³ попало в руки бастарда де Молеона.

Мюзарон подсчитывал добычу, пока солдаты обирали мертвецов и связывали пленных; и оказалось, что теперь он служит одному из богатейших рыцарей христианского мира.

ся блестящими победами англичан. Перед битвой при Креси английская армия была прижата французскими войсками к морю и, казалось, попала в безвыходное положение. Однако Эдуарду III удалось узнать у местных жителей тайный брод через реку Сомму и под покровом ночи и тумана ускользнуть из ловушки. В битве при Пуатье французские войска превосходили армию принца Уэльского более чем в три раза. Накануне сражения он даже сделал французам предложение о мире, который должен был обеспечить ему почетное отступление. Однако король Иоанн отверг это предложение, потребовав сдачи англичан, а затем начал атаку и был разбит.

¹⁶¹ Александр Македонский (356–323 до н. э.) – древнегреческий полководец и завоеватель.

¹⁶² Ганнибал (247/246 – 183 до н. э.) – великий карфагенский полководец, непримиримый враг Рима.

¹⁶³ Цезарь, Гай Юлий (102/100 – 44 до н. э.) – древнеримский государственный деятель, полководец и писатель.

И сия сказочная метаморфоза произошла всего за час.

Наемники были разбиты наголову; едва две-три сотни из них унесли ноги. Этот успех так воодушевил испанцев, что младший брат доня Энрике де Трастамаре, дон Тельо, пришпорив коня, хотел в ту же минуту и без всякой подготовки опять идти на врага.

– Не горячитесь, граф, – посоветовал Бертран, – я думаю, вам не следует в одиночку идти на врага и рисковать бесславно попасть в плен.

– Но я полагаю, что за мной пойдет вся армия, – возразил дон Тельо.

– Нет, сеньор, не пойдет, – сказал Бертран.

– Пусть бретонцы остаются, если хотят, – упорствовал дон Тельо, – я пойду с испанцами.

– Зачем?

– Чтобы разбить англичан.

– Простите, – заметил Бертран, – бретонцы уже разбили англичан, но испанцы никогда не смогли бы их разбить.

– Что вы сказали? – гневно воскликнул дон Тельо, надвигаясь на коннетабля. – Это почему же?

– Потому что бретонские солдаты лучше английских, а испанские хуже, – невозмутимо объяснил Бертран.

Молодой граф чувствовал, что краснеет от злости.

– Странное дело, у нас в Испании всем распоряжается француз, – сказал он. – Но мы сейчас узнаем, кто здесь будет подчиняться или командовать: вы или дон Тельо. Хорошо?

Кто пойдет со мной?

– Мои восемнадцать тысяч бретонцев пойдут лишь тогда, когда я дам приказ выступать, – ответил Бертран. – Что до ваших испанцев, то я командую ими лишь потому, что ваш и мой повелитель, дон Энрике де Трастамаре, приказал им подчиняться мне.

– Какие робкие эти французы! – раздраженно воскликнул дон Тельо. – Они сохраняют хладнокровие не только тоща, когда им грозит опасность, но и когда их оскорбляют. Примите мои поздравления, господин коннетабль!

– Вы правы, монсеньер, – отпарировал Бертран, – моя кровь холодна, пока течет в моих жилах, но горяча, когда льётся в бою.

И коннетабль, едва не потерявший самообладания, вцепился огромными ручищами в свою кольчугу.

– У вас холодная кровь, повторяю я! – вскричал дон Тельо. – И это потому, что вы старик. Ну а когда люди стареют, они начинают испытывать страх.

– Страх! – воскликнул Аженор, наезжая на дона Тельо. – Пусть кто-нибудь только заикнется, что коннетабль испытывает страх – ему не придется повторять это дважды!

– Спокойно, друг мой, – сказал коннетабль, – пусть безумцы творят свои глупости, мы будем терпеливы!

– Я требую уважения к королевской крови! – воскликнул дон Тельо. – Требую, слышите вы?

– Прежде уважайте самого себя, если хотите, чтобы вас

уважали другие, – неожиданно раздался чей-то голос, заставивший вздрогнуть молодого графа, потому что эти слова произнес его старший брат, которому сообщили об этой досадной перебранке, – и главное – не оскорбляйте нашего союзника, нашего героя.

– Благодарю вас, государь, – сказал Бертран. – Ваша великодушная речь избавляет меня от этой печальной работы – наказывать наглецов. Но я говорю это не о вас, дон Тельо, надеюсь, вы уже поняли, что ошиблись.

– Я? Ошибся? Разве я не прав, сказав, что мы хотим дать бой? Разве не правда, государь, что мы идем на врага? – спросил дон Тельо.

– Идти на врага! Сейчас? – воскликнул Дюгеклен. – Но это невозможно!

– Нет, мой дорогой коннетабль, возможно, – возразил дон Энрике, – даже ясно, что уже на рассвете мы вступим в бой.

– Государь, мы будем разбиты.

– Почему?

– Потому что у нас плохая позиция.

– Плохих позиций не бывает, бывают лишь храбрецы или трусы! – воскликнул дон Тельо.

– Господин коннетабль, – сказал король, – мои дворяне требуют сражения, и я не могу отказать им. Они знают, что принц Уэльский вышел на равнину, они лишь притворились, что отступают.

– Кстати, коннетабль волен просто смотреть, как мы будем

действовать, – заметил дон Тельо, – и отдыхать, когда мы будем сражаться.

– Сударь, я сделаю все то, что сделают испанцы, и даже, надеюсь, больше, – ответил Дюгеклен. – Но послушайте-ка меня: вы ведь идете в атаку через два часа, не так ли?

– Да.

– Хорошо! А через четыре часа вы побежите вот там, по равнине, от принца Уэльского, а я и мои бретонцы будем стоять здесь, где я стою сейчас, и ни один пехотинец не двинется с места, ни один всадник не попятится назад. Оставайтесь здесь и сами в этом убедитесь.

– Хорошо, господин коннетабль, – сказал Энрике, – умерьте ваш пыл.

– Я говорю правду, государь. Вы утверждаете, что хотите дать сражение.

– Да, коннетабль, хочу, потому что обязан его дать.

– Хорошо, пусть будет по-вашему.

Потом, обратившись к своим бретонцам, Дюгеклен сказал:

– Дети мои, мы идем на битву. С этой минуты все должны готовиться к ней... Государь, все эти храбрые люди, и я вместе с ними, все мы сегодня вечером погибнем или попадем в плен, но ваша воля должна свершиться. Однако помните, что в этой битве я потеряю либо жизнь, либо свободу, а вы потеряете трон.

Король опустил голову и, повернувшись к своим друзьям,

заметил:

– Сегодня утром славный коннетабль суров с нами. Тем не менее, господа, готовьтесь к бою.

– Значит, правда, что сегодня все мы погибнем? – спросил Мюзарон достаточно громко, чтобы его слышал коннетабль.

Бертран обернулся.

– Да, о Боже, мы погибнем, славный оруженосец, – с улыбкой ответил он, – это истинная правда.

– Какая досада, – сказал Мюзарон, хлопнув себя по набитым золотом карманам, – погибнуть именно тогда, когда мы разбогатели и можем наслаждаться жизнью!

XXIV. Битва

Спустя час после того как славный оруженосец – так Бертран назвал Мюзарона – высказал сию мрачную мысль, над Наварретской равниной взошло солнце, такое ясное, доброе и спокойное, словно не ему предстояло вскоре осветить одну из самых знаменитых битв, отмеченных кровавым пятном в летописях мира.

Когда солнце встало, армия короля Энрике, разделенная на три части, уже находилась на равнине.

Дон Тельо – с ним был брат Санче – занимал левый фланг, имея под командованием двадцать пять тысяч человек.

Дюгеклен с шестью тысячами всадников – при них было почти восемнадцать тысяч лошадей – составлял авангард.

Наконец, сам дон Энрике, расположившись почти на одной линии с братьями, занял правый фланг, имея двадцать одну тысячу кавалерии и тридцать тысяч пехоты.

Его армия образовывала три уступа.

В резерве находились отлично экипированные арагонцы, которыми командовали граф д'Эг и граф де Рокбертен.

Было 3 апреля 1368 года; накануне день был удручающе-жарким и пыльным. Король Энрике на прекрасном арагонском муле проехал между рядами своих эскадронов, подбадривая одних, восхваляя других; он настойчиво предостерегал их от опасности попасть в лапы жестокого дона Педро.

Подъехав к коннетаблю, который спокойно и решительно стоял на своем месте, он обнял его со словами:

– Эта длань навсегда вернет мне корону. О, почему это не корона мира? Я отдал бы ее вам, ибо только вы достойны этой короны.

В минуты опасности у королей всегда находятся подобные слова. Правда, когда опасность остается позади, то она, словно пыльная буря, уносит их с собой.

Потом дон Энрике, обнажив голову и встав на колени, вознес молитву Богу, и все последовали его примеру.

В это мгновение лучи восходящего солнца вспыхнули за горой, и солдаты заметили первые английские копья, которыми оцетинился склон; копьеносцы начали медленно сползать вниз, растекаясь по свободным площадкам.

Среди стягов, развевающихся в первой шеренге, Аженор разглядел стяг Каверлэ, более тугой и горделивый, чем он казался даже во время ночной атаки. Вместе с Каверлэ вели войска герцог Ланкастерский¹⁶⁴ и Чандос, которые тоже спаслись от ночного разгрома; они были преисполнены тем большей решимости, что им предстояло взять страшный реванш.

Все трое двигались занимать позицию против Дюгеклена.

Принц Уэльский и король дон Педро расположили свои

---

¹⁶⁴ Герцог Ланкастерский – Джон Гонт (1339–1399), третий сын английского короля Эдуарда III, брат Черного принца Эдуарда; был женат на Констансе, дочери Педро Жестокого и после его смерти притязал на престол, титулуя себя королем Кастилии.

войска перед доном Санче и доном Тельо.

Командир гасконцев Жан Грейи выдвинулся навстречу королю дону Энрике де Трастамаре.

Вместо обращения к своим войскам, Черный принц, разволновавшись при виде тысяч людей, которые шли истреблять друг друга, проронил слезу и обратился к Богу с мольбой не о победе, а о торжестве права, что составляет девиз английского королевства.

И вот протрубили фанфары.

Все сразу же почувствовали, как задрожала земля под копытами коней, и шум, подобный раскату столкнувшихся в небе громов, пророкотал в воздухе.

Однако оба авангарда, что состояли из людей решительных и опытных, ни на шаг не сдвинулись с места.

Вслед за стрелами, от которых потемнел воздух, рыцари бросились друг на друга и сошлись в безмолвной схватке; для части армии, что еще не вступила в бой, это было грозное и возбуждающее зрелище.

Черный принц увлекся им, как простой солдат. Он бросил против дона Тельо всю свою кавалерию.

Это было первое настоящее сражение, в котором принимал участие дон Тельо; когда он увидел, как прямо на него несутся люди, слывшие наряду с бретонцами лучшими в мире солдатами, он дрогнул и – отступил.

Его всадники, заметив, что он отходит, повернули назад, и все левое крыло армии мгновенно обратилось в бегство

под влиянием той паники, позору которой иногда внезапно поддаются даже отчаянные храбрцы.

Проезжая мимо бретонцев (они, хотя и стояли с правой стороны, в авангарде, теперь оказались в тылу из-за маневра, который совершил дон Тельо, выдвинувшись вперед), дон Тельо пришпоривал коня, отводя глаза в сторону.

Но дон Санче, встретив презрительный взгляд коннетабля и словно подгоняемый этим грозным осуждением, остановился как вкопанный, а затем снова кинулся на врага – и попал в плен.

Дон Педро (вместе с принцем Уэльским, страстно стремящимся развить первый успех: он преследовал беглецов), увидев разгром левого фланга, тут же устремился к своему брату Энрике, который отважно сражался против воинов предводителя гасконцев де Бюша.

Однако дон Энрике – его атаковали с фланга семь тысяч свежих и опьяненных успехом копьеносцев – тоже не устоял.

Среди скрежета железа, ржання коней и яростных воплей сражавшихся, перекрывая весь этот адский шум, слышался голос короля дона Педро, кричавшего: «Пощады мятежникам не давать! Не будет им пощады!» Дон Педро сражался позолоченным топором, залитым от лезвия до рукояти кровью.

В это время резерв дона Энрике, в тыл которого зашли Оливье де Клисон и сир де Ретц, был смят и обращен в бегство. Держался лишь Дюгеклен со своими бретонцами –

неприступный массив, казавшийся железной скалой, вокруг которой, словно длинные и жадные змеи, обвивались ряды победителей.

Но Дюгеклен, быстро оглядев равнину, понял, что битва проиграна. Он видел, как во все стороны разбегаются тридцать тысяч солдат, видел, что враг повсюду, даже там, где часом раньше были союзники и друзья. Дюгеклен понял, что ему не остается ничего другого, как погибнуть, но нанести при этом возможно больший урон врагу.

Он взглянул налево и заметил старую стену, оплот разрушенного города. Два отряда англичан отделяли его от этой опоры, которая, если к ней пробиться, оставляла противнику возможность атаковать только с фронта. Своим густым, зычным голосом он отдал приказ атаковать врага; два отряда англичан были сметены, а бретонцы оказались прижатыми к стене.

После этого Бертран перестроил свою переднюю линию и позволил себе передохнуть. Вместе с ним смогли перевести дух Виллан Заика и маршал д'Андрегэм.

Тем временем Аженор, чья лошадь была убита в бою, ждал, стоя за выступом стены, запасного коня, которого ему подвел Мюзарон.

В минуту этой короткой передышки коннетабль приподнял забрало шлема, вытер с лица пот и пыль, осмотрелся и, спокойно пересчитав, сколько у него осталось людей, спросил:

– А король? Где король? Погиб? Или бежал?

– Нет, мессир, – ответил Аженор, – он не погиб и не бежал.

Он отступил и едет к нам.

Сражающийся как лев, дон Энрике, залитый и собственной, и вражеской кровью – корона на его шлеме была разбита ударом топора, – приближался к коннетаблю. Теснимый со всех сторон, выбившийся из сил, отважный король, не желая бежать, пятился назад на своей лошади, медленно продвигаясь к бретонцам, навлекая тем самым на своих верных союзников лавину англичан, которые, словно воронье, жаждали заполнить эту богатую поживу.

Бертран приказал сотне рыцарей поддержать дона Энрике и освободить ему проход. Эта сотня кинулась на десять тысяч англичан, пробилась к дону Энрике и образовала вокруг него кольцо, чтобы он смог передохнуть.

Но, получив свободу действий, дон Энрике тут же пересел на коня своего оруженосца, отшвырнул разбитый шлем, взяв другой из рук пажа, проверил, по-прежнему ли крепка рукоять его меча, и, словно древний Антей,¹⁶⁵ которому достаточно было коснуться земли чтобы набраться сил, закричал:

– Друзья! Вы сделали меня королем! Смотрите, достоин ли я им быть!

И снова бросился в гущу боя.

---

¹⁶⁵ В греческой мифологии сын Посейдона и богини земли Геи; был неуязвим до тех пор, пока прикасался к матери-земле. Геракл одолел его, оторвав от земли и задушив в воздухе.

Все видели, как он четыре раза взмахнул мечом, каждым ударом наповал разя врага.

– За королем! За королем! – воскликнул коннетабль. – Спасем короля! Дюгеклен бросил этот клич вовремя: англичане захлестнули дона Энрике, словно волны пловца. Король был бы схвачен, если бы коннетабль не подоспел на помощь. Бертран схватил короля за руку и, прикрыв его от врага бретонцами, сказал:

– Вы уже достаточно показали вашу храбрость: дальше она будет безумием. Битва проиграна, бегите! А мы погибнем здесь, прикрывая ваш отход. Король не соглашался, но Бертран подал знак, и четверо бретонцев схватили Энрике де Трастамаре.

– За Богоматерь Гекленскую, на врага, на врага! – воскликнул коннетабль.

И, выставив вперед копье, Дюгеклен с горсткой оставшихся у него людей стал ждать удара тридцати тысяч всадников, удара страшного, который должен был отбросить бретонцев к стене, служившей опорой для их небольшого отряда.

– Самое время попрощаться, – заметил Мюзарон, выпуская по врагу из арбалета последнюю стрелу, что оставалась у него в сумке. – Видите, сеньор Аженор, вслед за англичанами идут эти гнусные мавры.

– Ну что ж, прощай, мой дорогой Мюзарон, – сказал Аженор, который, сменив коня, подъехал к коннетаблю.

С грохотом надвигалась людская туча, готовая разразить-

ся грозой: сквозь пыль лишь видно было, как движется вперед лес горизонтально опущенных пик.

И вдруг в еще свободное пространство, рискуя быть раздавленным двумя массами солдат, стремительно влетел рыцарь в черных доспехах, черном шлеме с черной короной, державший в руке жезл командующего.

– Стойте! – подняв руку, закричал он. – Кто сделает хоть один шаг, умрет!

Услышав этот мощный голос, всадники, подтянув удила, подняли лошадей на дыбы; несколько коней упало на землю, поджав колени.

Черный принц, оставшись один в еще не занятом пространстве, с какой-то странной печалью – потомки потом ее прославили – смотрел на бесстрашных бретонцев, готовых погибнуть под натиском множества врагов.

– Добрые люди, – обратился он к ним, – храбрые рыцари, я не хочу, чтобы вы погибли столь бесславно! Вы сами видите, что даже Бог вам не поможет.

Потом, повернувшись к Дюгеклену, он сделал шаг ему навстречу и приветствовал такими словами:

– Славный коннетабль, я принц Уэльский, и желаю, чтобы вы остались живы: ваша смерть создаст слишком большую пустоту в рядах храбрецов. Отдайте мне ваш меч, умоляю вас.

Дюгеклен был человеком, способным понять истинное великодушие: благородный порыв Черного принца растрогал

его.

– Это слова честного рыцаря, – сказал он, – поэтому я могу понять даже англичанина, если он говорит такое.

И он опустил меч.

Услышав слова принца, англичане, наклонив к земле копья, не спеша, без гнева подошли к Дюгеклену.

Коннетабль взял свой меч за лезвие и хотел вручить его принцу.

Однако неожиданно прискакал на взмыленном коне дон Педро, чьи сильно помятые доспехи были забрызганы кровью. Он отказался преследовать беглецов, решив атаковать тех, кто еще сопротивлялся.

– В чем дело? – вскричал он, бросаясь к коннетаблю. – Как! Вы даруете жизнь этим людям! Нам никогда не быть властелином Испании, пока они живы. Нет им пощады! Смерть им! Смерть!

– Вот что! Этот человек – дикий зверь, – воскликнул Дюгеклен, – и сдохнет, как дикий зверь!

И когда король кинулся на него, он за лезвие поднял свой меч и нанес железной рукояткой такой сильный удар по голове дона Педро, что тот, сникнув под ударом, который свалил бы и быка, оглушенный, полумертвый, рухнул на круп своего коня.

Дюгеклен снова замахнулся своим грозным оружием. Но, бросившись навстречу принцу, он оставил за собой свободное пространство; сюда проскользнули два англичанина, и,

когда Бертран поднял обе руки, один схватил его за шлем, а другой обхватил за пояс. Тот, кто схватил его за шлем, тянул Бертрана назад, а тот, кто обхватил его за пояс, пытался свалить с седла.

– Мессир коннетабль, – кричали они, – плен или смерть!

Бертран поднял голову и, сильный, как дикий бык, вышиб из седла англичанина, который обхватил его за шею; одновременно, проткнув острием шпаги нашейник англичанина, державшего его за пояс, он пронзил ему горло и кровью ответил на этот вызов.

Тогда добрая сотня англичан, каждый из которых был готов обрушить удар на гиганта, бросились к Дюгеклену.

– Посмотрим, – громовым голосом вскричал Черный принц, – посмотрим, какой смельчак посмеет тронуть его хоть одним пальцем!

Самые яростные сразу же отпрянули назад, и Дюгеклен оказался свободен.

– На сегодня хватит, дорогой принц, – сказал он, – я обязан дважды отдать вам мой меч. Вы самый великодушный победитель на свете.

И он отдал меч принцу.

Аженор хотел было протянуть и свой.

– Вы что, спятили? – шепнул ему Бертран. – Под вами добрый свежий конь. Бегите, пробирайтесь во Францию, передайте доброму королю Карлу, что я в плену. А если он не захочет ничего для меня сделать, отправляйтесь к моему

брата Оливье. Он все уладит...

– Но ваша милость... – возразил Аженор.

– Никто на вас не смотрит, бегите, это мой приказ.

– Скорей! Скорей! – сказал Мюзарон, который мечтал лишь о том, как бы выбраться на простор. – Воспользуемся тем, что мы люди малые, зато назад вернемся великими.

Пока англичане спорили, кто именно взял в плен Заику Виллана, маршала, главных командиров, Аженор проскользнул между ними, Мюзарон улизнул вслед за хозяином, и оба, пустив коней галопом, умчались под градом стрел, которыми их приветствовали – правда, слишком поздно – Каверлэ и Мотриль.

XXV. После битвы

В тот день было взято огромное количество пленных.

Победители считали и пересчитывали людей, словно мелкую монету.

Вместе с Каверлэ и Смелычаком несколько французских воинов усердствовали в сем похвальном деле, которое сводилось к тому, чтобы обобрать пленного после того, как писарь-монах запишет его фамилию, имена, титулы и воинское звание.

Поэтому каждый победитель получал свою долю пленных. Дюгеклен достался принцу Уэльскому. Охранять его принц поручил сеньору де Бюшу, командиру гасконцев.

Жан де Грейи подошел к Бертрану и, взяв его за руку, стал вежливо стягивать с него железную перчатку, тогда как оруженосцы Жана принялись срывать с коннетабля доспехи. Невозмутимый Бертран не сопротивлялся; никто не учинял над ним никакого насилия; сам он мысленно считал и пересчитывал своих друзей, тяжело вздыхая всякий раз, когда кого-либо из них не оказывалось на этой безмолвной переключке.

– Храбрый коннетабль, – сказал ему Грейи, – вы взяли меня в плен при Кошереле.¹⁶⁶ Видите, как переменчива форту-

---

¹⁶⁶ В бою у деревни Кошерель на северо-западе Франции в 1364 г. Дюгеклен нанес поражение войскам Сеньора де Бюша.

на: сегодня вы мой пленник.

– Ой ли! – воскликнул Бертран. – Вы ошибаетесь, сеньор. При Кошереле я сам взял вас в плен, а здесь, при Наваррете, вы лишь охраняете меня. В Кошереле вы были моим пленником, а здесь вы мой стражник.

Жан де Грейи покраснел, но предпочел промолчать, потому что в те времена люди с уважением относились к чужой беде.

Дюгеклен присел на насыпь рва и пригласил Виллана Заика, Андрегэма и других присоединиться к нему, так как принц Уэльский приказал трубить сбор своих солдат.

– Они будут молиться, – сказал коннетабль. – Его светлость – храбрый и очень набожный человек. Давайте помолимся и мы.

– Чтобы возблагодарить Бога за спасение? – спросил Виллан Заика.

– Чтобы вымолить у него возмездие! – возразил Бертран. После того как, опустившись на колени, принц Уэльский поблагодарил Господа за эту великую победу, он позвал дона Педро, который смотрел диким зверем и даже не преклонил колен, поскольку был обуреваем какой-то зловещей думой.

– Вы одержали победу, – сказал Черный принц, – и все-таки вы проиграли великую битву.

– Это почему же? – воскликнул дон Педро.

– Потому что проигрывает тот король, который добивается короны, проливая кровь своих подданных.

– Кровь мятежников! – вскричал дон Педро.

– Пусть так! Но ведь Бог уже наказал их за то, что они вас предали! Государь, бойтесь того, чтобы он не наказал и вас, если вы предадите тех, кого он вверил вашему попечению.

– Сеньор! – поклонившись, прошептал дон Педро. – Вам я обязан своей короной, но умоляю вас, – прибавил он, побледнев от гнева и стыда, – не будьте менее милосердным, чем Всевышний... не терзайте меня, я ведь вам так признателен.

И дон Педро преклонил колено. Принц Эдуард поднял его.

– Благодарите Бога, – сказал он. – Мне вы ничем не обязаны.

Сказав эти слова, принц повернулся и пошел в свою палатку обедать.

– Дети мои! – вскричал дон Педро, наконец-то давая волю своему жестокому желанию. – Грабьте мертвецов: сегодня вся добыча – ваша!

И он первый, пришпорив своего свежего коня, поехал по полю битвы, пристально вглядываясь в каждую гору трупов и стремясь скорее добраться до берега реки, туда, где дон Энрике де Трастамаре бился с командиром гасконцев.

Здесь дон Педро слез с коня, заткнул за пояс свой длинный, острый кинжал и, ступая по лужам крови, молча принялся что-то искать.

– Вы уверены, – спросил он Грейи, – что видели, как он

упал?

– Уверен, – ответил Грейи. – Лошадь его пала, сраженная топором, который мой оруженосец метнул с несравненной ловкостью.

– Но что стало с ним? Где он?

– Его закрыла туча стрел. Я видел, что его оружие в крови, а потом целая гора мертвых тел обрушилась на него и погребла под собой.

– Хорошо! Хорошо! Давайте искать, – с дикой радостью ответил дон Педро. – Ага, видите, вон там, золотой гребень шлема!

И с проворством тигра он вскочил на трупы, расшвыривая тела, которые закрывали рыцаря с золотым гребнем.

Вытаращив глаза, он дрожащей рукой поднял забрало шлема.

– Это его оруженосец! – воскликнул он. – Это не он!

– Но оружие принадлежит графу Энрике, – заметил Грейи, – хотя на шлеме и нет короны.

– Ну и хитрец! Хитрец! Этот трус отдал свое оружие оруженосцу, чтобы легче было бежать... Но я все предвидел и приказал оцепить поле битвы, через реку он перебраться не мог... А вот и мои верные мавры ведут сюда кого-то... Он наверняка среди них.

– Ищите среди других трупов, – приказал Грейи солдатам, которые удвоили свое рвение. – Пятьсот пиастров¹⁶⁷ тому,

---

¹⁶⁷ Пиастр (песо) – старинная испанская серебряная монета крупного достоин-

кто найдет его живым!

– И тысяча дукатов¹⁶⁸ тому, кто найдет его мертвым! – прибавил дон Педро. – Мы поедем навстречу людям, которых ведет Мотриль.

Дон Педро снова вскочил на коня и в сопровождении множества всадников – они жаждали быть свидетелями предстоящей сцены – поскакал к краю поля, где был виден отряд мавров в белых одеждах, который гнал перед собой пойманных беглецов.

– По-моему, это он! Я его вижу! – завопил дон Педро, подгоняя коня.

Эти слова он произнес, проезжая мимо пленных бретонцев. Дюгеклен услышал их, встал и острым взглядом окинул равнину.

– О, Боже мой! – вздохнул он. – Какое несчастье! Слова коннетабля показались дону Педро подтверждением той радости, которую он ожидал.

Чтобы лучше насладиться этим счастьем, он захотел уязвить им коннетабля, то есть одним махом унижить двух своих самых сильных врагов.

– Остановимся здесь, – сказал дон Педро. – Вы, сене-

ства.

¹⁶⁸ Дукат – старинная византийская золотая монета крупного достоинства; свое название получила от императорской династии Дука, чеканившей на монете свою фамилию. Здесь, однако, скорее всего имеется в виду венецианский цехин, чеканившийся с XIII в. по образцу дуката и имевший широкое хождение в других европейских странах.

шаль,¹⁶⁹ прикажите Мотрилю привести моих пленнх сюда... К этим господам бретонцам, верным друзьям разбитого узурпатора!.. Поборникам дела, которое их нисколько не касается и которое они не сумели отстоять.

Эти сарказмы, эту мстительную злобу, унижающую мужчину, бретонский герой не удостоил ответом; Бертран, казалось, даже не слышал дон Педро. Он снова сел и, не обращая ни на что внимания, продолжал беседовать с маршалом д'Андрегэмом.

Тем временем дон Педро спешил, оперся на длинный топор и, дергая рукоятку кинжала, с нетерпением притопывал ногой, словно хотел ускорить приход Мотриля с его пленными.

– Эй, мой отважный сарацин, – кричал король Мотрилю, – какую добычу, мой храбрый белый сокол, ты несешь мне?

– Добыча славная, ваша милость, – ответил мавр, – посмотрите на этот стяг.

На его руке, действительно, был намотан кусок золотой парчи с вышитым на ней гербом Энрике де Трастамаре.

– Значит, это он! – с радостным ликованием воскликнул дон Педро. – Попался!

И он угрожающим жестом ткнул в облаченного в доспехи рыцаря с короной на шлеме, но без меча и копья; тот был опутан шелковой веревкой, на концах которой висели тяже-

---

¹⁶⁹ Сенешаль – в средневековой Франции высший придворный чиновник, заведовавший распорядком двора, а также исполнявший судебные функции.

лые свинцовые гири.

– Он бежал, – рассказывал Мотриль, – хотя я послал в погоню за ним двадцать лучших всадников. Командир моих лучников настиг его, но получил смертельный удар. Другой всадник все-таки его заарканил; дон Энрике упал вместе с лошадью, и мы его связали. В руке он сжимал свой стяг. К сожалению, один из его друзей ушел от нас, пока дон Энрике отбивался в одиночку.

– Прочь корону! Прочь! – прокричал дон Педро, размахивая топором. Подошел лучник и, разрубив ремни латного воротника, грубо сорвал шлем с золотой короной.

Крик ужаса и ярости вырвался у короля; бретонцы взревели от радости.

– Это Молеон! – кричали они. – Ура Молеону! Ура!

– Проклятье! – пробормотал дон Педро. – Это же посол!

– Чертов француз! – с ненавистью прошептал Мотриль.

– Вот и я, – только и сказал Аженор, взглядом приветствуя Бертрана и своих друзей.

– Вот и мы! – подхватил Мюзарон; он был слегка бледен, но все же продолжал отпихиваться ногами от мавров.

– Так, значит, он спасся? – спросил дон Педро.

– Черт меня побери, сир, конечно, – ответил Аженор. – Спрятавшись за кустами, я взял шлем его величества, а ему отдал своего совсем свежего коня.

– Ты умрешь! – заорал дон Педро вне себя от гнева.

– Только посмейте его тронуть! – воскликнул Бертран, ко-

торый, совершив немыслимый прыжок, закрыл собой Аженора. – Убить безоружного пленника! Воистину лишь такой трус, как вы, может это сделать.

– Тогда умрешь ты, жалкий пленник! – вскричал дон Педро, весь трясаясь и брызгая слюной.

Выхватив из ножен кинжал, он бросился к Бертрану, который сжал кулаки, словно намеревался уложить на месте быка.

Но на плечо дона Педро опустилась рука, – она была подобна руке Афины, которая, как говорит Гомер, удержала Ахилла за волосы.¹⁷⁰

– Стойте! – сказал принц Уэльский. – Вы покроете себя позором, король Кастилии! Остановитесь и прошу вас, бросьте кинжал.

Его жилистая рука пригвоздила дона Педро к месту; кинжал выпал из рук убийцы.

– Тогда продайте его мне! – выкрикнул взбешенный король. – Я дам за него столько золота, сколько он весит!

– Вы оскорбляете меня, поберегитесь! – сказал Черный принц. – Я человек, который заплатил бы вам за Дюгеклена драгоценными камнями, если бы он принадлежал вам, и я уверен, что вы продали бы его. Но он мой пленник, помните это! Назад!

---

¹⁷⁰ Ахилл, герой поэмы Гомера «Илиада», захватил в плен прекрасную Брисенду, которую отнимает у него Агамемнон. Ахилла охватывает яростный гнев, но богиня Афина удерживает героя и предотвращает кровопролитие среди ахейских вождей.

– Берегись, король! – сказал Дюгеклен, которого с трудом сдерживали. – Ты злодей, ты убиваешь пленных. Но мы еще встретимся!

– Я тоже так думаю, – ответил дон Педро.

– А я уверен, – возразил Бертран.

– Немедленно проводите коннетабля Франции ко мне в палатку, – приказал Черный принц.

– Одну минуту, мой милостивый принц. Ведь король останется с Молеоном и прикончит его.

– О, тут я возражать не стану, – с жестокой улыбкой сказал дон Педро, – этот, я полагаю, уж точно принадлежит мне?

Дюгеклен вздрогнул и посмотрел на принца Уэльского.

– Государь, – обратился принц к дону Педро, – сегодня не должен быть убит ни один пленный.

– Сегодня, разумеется, не будет, – ответил дон Педро, бросив на Мотриля понимающий взгляд.

– Разве сегодня не самый прекрасный день, день победы? – продолжал принц Уэльский.

– Несомненно, принц.

– И вы ведь не откажете мне в сущем пустяке? Дон Педро поклонился.

– Я прошу вас отдать мне этого молодого человека, – сказал принц. Глубокое молчание встретило эту просьбу, на которую бледный от гнева дон Педро ответил не сразу.

– О, сеньор! – воскликнул он. – Я все больше чувствую, что здесь распоряжаетесь вы... Вы отнимаете у меня воз-

возможность отомстить!

– Если я здесь распоряжаюсь, – с возмущением воскликнул Черный принц, – то приказываю развязать этого рыцаря, вернуть ему оружие и коня!..

– Ура! Ура славному принцу Уэльскому! – закричали бретонские рыцари.

– А как же выкуп? – спросил мавр, пытаясь выиграть время.

Принц искоса взглянул на него.

– Сколько ты хочешь? – с презрением спросил он.

Мавр молчал.

Принц снял с груди осыпанный бриллиантами крест и протянул Мотрилю:

– Бери, неверный!

Мотриль опустил голову и шепотом произнес имя Пророка.

– Вы свободны, господин рыцарь, – обратился принц к Молеону. – Возвращайтесь во Францию и оповестите всех, что принц Уэльский, который счастлив иметь честь целое лето силой удерживать при себе самого грозного рыцаря в мире, после окончания кампании отпустит Бертрана Дюгеклена, отпустит без выкупа.

– Подачка этим французским оборванцам! – пробормотал дон Педро.

Бертран его услышал.

– Сеньор, не будьте со мной столь великодушны, иначе

ваши друзья вгонят меня в краску, – сказал он. – Я принадлежу государю, который выкупит меня десять раз, если я десять раз попаду в плен и каждый раз буду назначать за себя королевский выкуп.

– Тогда сами назначьте сумму, – любезно предложил принц.

Бертран ненадолго задумался.

– Принц, я стою семьдесят тысяч золотых флоринов, – сказал он.

– Хвала Господу! – воскликнул дон Педро. – Гордыня его погубит. У короля Карла Пятого во всей Франции не найдется и половины этой суммы.

– Возможно, – ответил Бертран. – Но поскольку шевалье де Молеон едет во Францию, он, надеюсь, не откажется вместе со своим оруженосцем объехать Бретань¹⁷¹ и в каждой деревне, на каждой дороге объявить: «Бертран Дюгеклен в плену у англичан!.. Прядите шерсть, женщины Бретани, он ждет от вас выкупа за себя!»

– Я сделаю это, клянусь Богом! – воскликнул Молеон.

– И привезете эти деньги его милости раньше, чем я здесь заскучаю, – сказал Бертран. – В это, кстати, я не верю, потому что, находясь в обществе столь великодушного принца, я мог бы просидеть в плену всю жизнь.

Принц Уэльский подал Берtrandу руку.

---

¹⁷¹ Бретань – метрическая провинция на западе Франции на побережье Атлантического океана; в описываемое в романе время была фактически независима.

– Шевалье, – обратился он к Молеону, который был свободен и радовался, что ему вернули меч, – сегодня вы проявили себя как честный солдат. Вы спасли Энрике де Трас-тамаре и отняли у нас главный выигрыш в этой битве, но мы не держим на вас зла, потому что тем самым вы развязали нам руки для новых битв. Примите вот эту золотую цепь и этот крест, который не пожелал взять неверный.

Аженор заметил, что дон Педро что-то шепнул Мотрилю, а тот ответил ему улыбкой, зловещей смысл которой, казалось, не ускользнул от Дюгеклена.

– Всем оставаться на местах! – скомандовал Черный принц. – Я покараю смертью любого, кто выйдет за ограду лагеря... будь он рыцарь или король!

– Шандос, – прибавил он, – вы коннетабль Англии и отважный рыцарь, вы будете сопровождать господина де Молеона до первого города и дадите ему охранную грамоту.

Мотриль, чьи гнусные интриги были в очередной раз разгаданы пронизательным и сильным умом, уныло посмотрел на своего повелителя.

Дон Педро рухнул с высот своей ликующей радости; теперь он уже не мог отомстить Молеону.

Аженор преклонил колено перед принцем Уэльским, поцеловал руку Дюгеклена, который, обняв его, шепнул:

– Передайте королю, что наши хищники нажрались до отвала, что теперь они ненадолго уснут, и, если он пришлет за меня выкуп, я заведу наемников туда, куда обещал. Пере-

дайте моей жене, чтобы она продала наш последний надел земли, мне придется выкупить немало бретонцев.

Растроганный Аженор сел на своего доброго коня, в последний раз попрощался с боевыми товарищами и отправился в дорогу.

– Ну кто бы мог подумать, – проворчал Мюзарон, – что англичанин понравится мне больше мавра?

XXVI. Союз

В то время как победа уже склонилась на сторону дона Педро, Дюгеклен попал в руки врага, а Молеон по приказу коннетабля покинул поле боя, куда его потом привели в шлеме и плаще короля Энрике, с места сражения выехал гонец и направился в селение Куэлью.

Там, расположившись в ста шагах друг от друга, две женщины – одна в носилках с эскортом арабов, другая верхом на андалусском муле со свитой кастильских рыцарей – ждали, охваченные страхом и надеждой.

Донья Мария опасалась, что разгром в битве разрушит все планы дона Педро и отнимет у него свободу.

Аисса желала, чтобы любая развязка событий – победа или поражение – вернула ей возлюбленного. Ей было безразлично и падение дона Педро, и возвышение дона Энрике; она хотела бы увидеть только Аженора – либо за гробом первого, либо за триумфальной колесницей второго.

Обе женщины, каждая со своим горем, встретились вечером. Мария была больше чем встревожена: она ревновала. Она знала, что Мотриль-победитель полностью посвятит себя заботам об удовольствиях короля. Мария Падилья разгадала все его хитрости, а неискушенная Аисса подтверждала ее подозрения.

Поэтому Мария следила за Аиссой, хотя девушку – мавр,

как обычно, держал ее в носилках – охраняли двадцать готовых на все рабов Мотриля.

Не желая подвергать свое бесценное сокровище опасностям битвы и грубого обхождения союзников-англичан, мавр оставил носилки в Куэльо, что находилась примерно в двух льё от поля сражения и состояла из двух десятков жалких лачуг.

Своим рабам он строго-настрого наказал: во-первых, ждать его, во-вторых, никого, кроме него, к закрытым носилкам не подпускать.

На случай если он не вернется или погибнет в бою, Мотриль отдал другие распоряжения, о которых мы еще узнаем.

Вот почему Аисса ждала исхода битвы в Куэльо.

Покидая Бургос, дон Педро оставил с доньей Марией сильную охрану. Известий от короля Мария Падилья должна была ждать в городе; дон Педро дал ей много денег и драгоценностей, потому что полностью доверял своей преданной любовнице, зная, что в несчастье Мария будет гораздо больше предана ему, чем в дни удачи.

Но Мария не желала терзаться ревностью – этой мукой пошлых женщин. Ее жизненным правилом был принцип: лучше пережить горе, но знать об измене. Она остерегалась слабостей дона Педро и знала, что Куэльо совсем недалеко от Наваррете.

Поэтому она, сев верхом на породистого арагонского мула и захватив с собой шесть оруженосцев и двадцать всадников

– это были не слуги, а ее друзья, – незаметно добралась до подножия холма, по ту сторону которого стояли лачуги Куэльо, и разбила здесь свой лагерь.

Поднявшись на холм, она видела, как сходятся ряды обеих армий; она могла бы наблюдать и за ходом битвы, но сердце ее дрогнуло, потому что слишком многое зависело от исхода этого события.

У подножия холма Мария Падила и встретила с Аиссой.

Донья Мария выслала на поле битвы толкового гонца и поджидала его, расположившись совсем рядом с носилками Аиссы, которые охраняли развалившиеся на траве рабы.

Гонец возвратился. Он привез известие о победе в битве. Этот гонец, дворянин и один из камергеров во дворце доня Педро, знал первых рыцарей вражеской армии. Молеона он видел в Сории, на торжественной аудиенции у короля. Кстати, Мария просила гонца особо разузнать о Молеоне; его было легко опознать по щиту, на котором был изображен рычащий лев, перечеркнутый полосой.¹⁷²

Гонец и сообщил Марии, что Энрике де Трастамаре разбит, Молеон бежал, а Дюгеклен пленен.

Эта новость, удовлетворив все желания честолюбивой и гордой Марии Падила, вместе с тем пробудила в ее душе все страхи ревности.

Заветной мечтой ее любви и гордыни было видеть доня

---

¹⁷² Полоса на гербе означала, что носитель его – незаконнорожденный.

Педро победителем, вновь занявшим престол; но, счастливый, окруженный завистью, беззащитный перед искушениями Мотриля, дон Педро становился лишь призраком ее верной любви, преисполненной тревог.

Мария приняла свое решение с присущей ее характеру смелостью.

Приказав эскорту следовать за собой, она стала спускаться вниз с холма, продолжая беседовать с гонцом.

– Так вы говорите, что Молеон бежал? – спросила она.

– Да, он бежал, мадам, как лев, под градом стрел. Гонец рассказал о первом побеге Молеона, потому что он уже покинул поле битвы, когда бастарда, облаченного в доспехи дона Энрике, привели связанным.

– А куда же он направляется?

– Во Францию, ведь птица, вырвавшись на волю, летит в родное гнездо. «Это верно», – подумала она.

– Сеньор, за сколько дней отсюда можно добраться до Франции?

– Женщине, мадам, за двенадцать.

– Ну а если бежать от погони, как, например, Молеон?

– О, мадам, за три дня можно уйти от самого быстрого врага! Впрочем, мы не стали гнаться за этим молодым человеком, ведь коннетабль в наших руках.

– А что Мотриль?

– Он получил приказ окружить поле битвы, чтобы не упустить беглецов, особенно Энрике де Трастамаре, если тот

еще жив.

«Значит, Мотрилю будет не до Молеона», – тут же подумала Мария.

– Не оставляйте меня, сеньор, – попросила она.

Она приблизилась к носилкам Аиссы; но, завидев ее отряд, стражники-мавры поднялись с травы, на которой они лежали в безмятежной полудреме.

– Эй! Кто тут командир? – крикнула Мария.

– Я, сеньора, – ответил один из мавров; командира в нем можно было узнать по его красному тюрбану и широкому поясу.

– Я хочу поговорить с молодой женщиной, что прячется в носилках.

– Никак нельзя, сеньора, – отрезал командир.

– Вы, наверное, меня не узнаете?

– Да нет, вы донья Мария Падилья, – усмехнулся в ответ мавр.

– Тогда вы должны знать, что всю власть король дон Педро передал мне.

– Власть над людьми короля дон Педро, но не над людьми сарацина Мотриля, – степенно ответил мавр.

Донью Марию обеспокоило, что ей не хотят уступать.

– Вы должны исполнять другие приказы? – кротко спросила она.

– Да, сеньора.

– Чьи же?

– Я, сеньора, никому бы этого не сказал, но вам, всесильной, скажу. Я должен передать Аиссу только сеньору Мотрилю, даже если битва будет проиграна и он явится нескоро; значит, у меня приказ отступить с моим отрядом.

– Битва выиграна, – сказала донья Мария.

– Значит, Мотриль скоро вернется.

– А если он погиб?

– Тогда я должен отвезти донью Аиссу к королю дону Педро, – невозмутимо продолжал мавр, – потому что тогда король дон Педро станет опекуном дочери человека, который погиб за него.

Мария содрогнулась.

– Но Мотриль жив, он сейчас приедет, а пока мне нужно кое-что сказать донье Аиссе. Вы слышите меня, сеньора? – спросила она.

– Не заставляйте сеньору говорить с вами, – грубо ответил мавр, отходя к самым носилкам, – потому что в этом случае я имею куда более страшный приказ.

– Что еще за приказ?

– Я должен собственноручно убить ее, если любой разговор между доньей Аиссой и чужестранцем осквернит честь моего господина и нарушит его запрет.

Донья Мария в ужасе отпрянула. Она знала мораль мавров, свирепые, безжалостные обычаи этих людей, которые со страстью и жестокостью тупо исполняли любую волю своего господина.

Она снова вернулась к своему спутнику, который, сжимая копьё, поджидал ее вместе с другими воинами, застывшими, словно железные статуи.

– Мне следовало бы захватить эти носилки, но их крепко охраняют, – сказала Мария Падилья, – а командир мавров грозит убить женщину, сидящую в них, если кто-либо приблизится к ним.

Рыцарь был кастилец, то есть мужчина галантный, с пылким воображением; благодаря отваге и силе, он был способен сделать все, что замышлял его изобретательный ум.

– Сеньора, мне смешон этот смуглорожий мерзавец, и я зол на него за то, что он напугал вашу милость, – сказал он. – Неужели он не сообразил, что если я прибью его копьём к оглоблям этих носилок, то убить сидящую в них даму он уже не сможет?

– Нет, нет! Нельзя убивать человека, который выполняет приказ!

– Смотрите, как он старается: велел своим солдатам взять оружие, – произнес рыцарь на чистом кастильском наречии.

Мавры смотрели на рыцарей, вытаращив от изумления глаза; они понимали арабский, на котором разговаривала с ними донья Мария, и угрожающие жесты рыцарей, но по-испански не знали ни слова, следуя косным обычаям магометанской веры, что считает превыше всего на земле Коран и арабский язык.

– Видите, мадам, если мы не отступим, они первыми напа-

дут на нас. Эти мавры – кровожадные псы, – сказал рыцарь; он испытывал сильное желание нанести ловкий удар копьём на глазах красивой и знатной дамы.

– Пойдите! Подождите-ка! – воскликнула Мария. – Вы думаете, что они не понимают по-кастильски.

– Я в этом уверен, сеньора, попробуйте обратиться к ним.

– У меня другая мысль, – возразила Мария Падила.

– Донья Аисса, вы слышите меня? – громко спросила она по-испански, делая вид, будто обращается к рыцарю. – Если слышите, пошевелите шторами.

Они сразу же заметили, как парчовые шторы носилок слегка вздрогнули.

Мавры стояли неподвижно, не спуская глаз с испанцев.

– Видите, никто из них даже не обернулся, – заметил рыцарь.

– Может быть, это хитрость, подождем еще немного, – сказала донья Мария.

Потом она снова обратилась к молодой женщине:

– За вами наблюдают только с нашей стороны; все мавры следят за нами, а ваша сторона свободна. Если дверь закрыта, разрежьте шторы своим ножом и выпрыгивайте на землю. Чуть поодаль, шагах в двухстах от вас, вы увидите толстое дерево, за которым можно спрятаться. Действуйте быстро, нужно встретиться с известным вам лицом, я вам все устроила.

Едва Мария Падила, которая внешне оставалась совер-

шенно спокойна, произнесла эти слова, как носилки еле заметно качнулись. Рыцари нарочно угрожающе зашевелились, будто хотели броситься на мавров, которые подались вперед, натягивая луки и отстегивая палицы.

Но кастильцы, стоявшие против мавров, видели, как прекрасная Аисса, словно голубка, перелетела расстояние, отделявшее носилки от дерева с могучими ветвями.

Когда Аисса скрылась за ним, донья Мария сказала маврам:

– Хорошо, не бойтесь, стерегите свое сокровище, которое мы не тронем... Только посторонитесь и дайте нам дорогу.

Командир, лицо которого сразу же стало приветливым, поклонился и отошел в сторону; так же поступили и его солдаты.

Поэтому эскорт доньи Марии быстро и беспрепятственно миновал мавров, заняв позицию между Аиссой и теми, кто еще минуту назад ее охранял.

Аисса все поняла, едва увидела, что перед ней выросла защитная стена из двадцати всадников в железных доспехах; она пылко обняла донью Марию, целуя ей руки.

Командир маврских лучников, заметив пустые носилки, догадался, что его обманули, и завопил от ярости; он понимал, что его перехитрили, что он пропал! Он было подумал броситься очертя голову на рыцарей Марии, но, испугавшись неравной борьбы, вскочил на коня, которого подвел ему оруженосец Мотриля, и вихрем умчался в сторону поля битвы.

– Нельзя терять ни секунды, – сказала рыцарю донья Мария. – Сеньор, я буду вам бесконечно благодарна, если вы увезете от Мотриля эту молодую женщину и проводите ее до дороги, по которой поехал бастард де Молеон.

– Сеньора, Мотриль – фаворит нашего короля, эта женщина – его дочь и поэтому принадлежит ему, – возразил рыцарь, – и выходит, будто я ее похищаю.

– Вы должны повиноваться мне, господин рыцарь.

– Даже больше чем повиноваться, сеньора... Если мне суждено погибнуть, свою жизнь я отдам вам... Но что я отвечу, если король дон Педро встретит меня не в том месте, куда он поставил меня, чтобы беречь вас? Моя вина будет гораздо серьезнее, ведь я нарушу приказ короля.

– Вы правы, сеньор, никто не должен говорить, что жизнь и честь столь храброго рыцаря, как вы, скомпрометировала своим капризом женщина! Укажите нам дорогу – донья Аисса поедет верхом, – проводите меня до дороги, по которой поехал бастард де Молеон, а там... Ну а там мы с ней расстанемся, и вы привезете меня назад.

Но не таково было истинное намерение доньи Марии, которая, щадя щепетильность рыцаря, лишь рассчитывала выиграть время. Она была женщина, привыкшая повелевать и добиваться успеха; она верила в свою счастливую судьбу.

Рыцарь пустил своего коня в такт иноходцу доньи Марии. Аиссе подвели белого, на редкость выносливого и красивого мула; эскорт перешел на галоп и, оставляя слева от себя

поле битвы, напрямик через равнину помчался во весь опор к дороге на Францию; вдали, на горизонте, ее обрисовывали высокие березы, дрожавшие на восточном ветру.

Все молчали, думая лишь о том, как заставить взмысленных лошадей бежать быстрее. Они проскакали два льё; поле битвы, пестревшее пятнами крови, с мертвецами, потоптанными хлебами и сваленными деревьями, издали уже стало казаться гигантским саваном, укрывающим горы трупов, как вдруг, обогнув живую изгородь, донья Мария увидела, что навстречу ей во весь дух несется всадник.

Она узнала гребень на шлеме и пояс с мечом.

– Дон Айялос! – закричала она осторожному вестнику, который уже разворачивал коня, пытаясь избежать опасной встречи. – Вы ли это?

– Это я, благородная госпожа, – узнав любовницу короля, ответил кастилец.

– Какие новости? – спросила Мария, на скаку остановив своего иноходца, у которого были твердые как сталь ноги.

– Одна очень странная... Мы считали, что взяли в плен короля Энрике де Трастамаре. Мотриль гнался за беглецами, но, подняв забрало незнакомца, на котором был шлем короля, мы увидели, что перед нами не кто иной, как шевалье де Молеон, французский посол; он сбежал от нас, но, спасая дону Энрике, дал схватить себя.

– Он схвачен? – вскрикнула Аисса.

– Схвачен, а когда я уезжал, разъяренный король грозился

покарать его. Аисса в отчаянии воздела глаза к небу.

– Неужели он убьет его? – спросила она. – Быть не может!

– Король чуть было не убил коннетабля.

– Но я не хочу, чтобы он умирал! – вскричала молодая женщина, направляя мула в сторону поля битвы.

– Аисса! Аисса! – кричала донья Мария. – Вы губите меня! И погубите себя!

– Я не хочу, чтобы он умирал! – иступленно повторяла девушка, изо всех сил погоняя мула.

Донья Мария – она была в растерянности и дышала с трудом – пыталась привести в порядок свои чувства и мысли, когда послышалось, как задрожала земля под тяжелыми копытами отряда стремительно скачущих всадников.

– Мы пропали, – сказал рыцарь, привстав на стременах. – Это мавры, они несутся быстрее ветра, а впереди – командир.

Не успела Аисса съехать с дороги, как бешеная кавалькада, разделившись надвое, словно волна, яростно разбившаяся об опору моста, обхватила со всех сторон, стиснула ее, окружила ее спутников и донью Марию (она, несмотря на всю свою решительность, побледнела и выглядела обессиленной), стоявшую слева от рыцаря, который даже не дрогнул.

От группы всадников отделился на арабском скакуне Мотриль; он схватил поводья мула Аиссы и сдавленным от бешеной злобы голосом спросил:

– И куда же вы спешите?

– Я спешу к дону Аженору, которого вы хотите убить, – ответила она.

И тут Мотриль заметил донью Марию.

– Вот оно что! Спешите вместе с доньей Марией, – вскричал он, угрожающе скрепя зубами. – Понятно! Понятно!

На лице его появилось такое страшное выражение, что рыцарь перехватил копьё наизготовку.

«Двадцать против ста двадцати, это конец», – подумал кастилец.

XXVII. Передышка

Но Мотриль вовсе не хотел вступать в схватку.

Он, медленно повернувшись в сторону равнины, бросил последний взгляд на поле битвы и, обращаясь к Марии Падилье, сказал:

– Я считал, сеньора, что король, наш повелитель, указал вам место, где вы должны были его ждать. Или он передумал, и вы исполняете новый приказ?

– Что еще за приказ! – возразила гордая дочь Кастилии. – Не забывай, сарацин, что ты говоришь с дамой, которая обычно не получает, а отдает приказы.

Мотриль поклонился.

– Но, сеньора, хотя вы и обладаете даром осуществлять все ваши желания, не думайте, что вы можете диктовать свою волю донье Аиссе... Донья Аисса – моя дочь.

Аисса намеревалась ответить что-то резкое, но Мария ее перебила.

– Сеньор Мотриль, упаси меня Бог вносить смуту в вашу семью! – воскликнула она. – Тот, кто хочет, чтобы его уважали, должен уважать других. Я видела, что донья Аисса осталась одна, плачет, умирая от волнения, и взяла ее с собой.

Аисса больше не могла сдержаться себя.

– Где Аженор? – закричала она. – Что вы сделали с моим рыцарем, доном Аженором де Молеоном?

– Вот в чем дело! – воскликнул Мотриль. – Не за него ли волновалась моя дочь?

И зловещая улыбка перекосила его физиономию. Мария ничего не ответила.

– И не к этому ли сеньору вы столь милостиво везли мою безутешную дочь? – спросил Мотриль, обращаясь к Марии. – Ответьте мне, сеньора.

– Да, я не сдамся и найду его. О отец, твои взгляды меня не пугают. Если Аисса хочет, она своего добьется. Я хочу найти дона Аженора де Молеона, веди же меня к нему.

– К неверному! – вскричал Мотриль, искаженное лицо которого мертвенно побледнело.

– Да, к неверному, потому что этот неверный... Мария не дала ей договорить.

– Вот и король едет к нам, – громко сказала она.

Мавр тут же сделал знак своим рабам, которые окружили Аиссу, разлучив ее с Марией Падильей.

– Вы его убили! – закричала девушка. – Ну что ж, я тоже умру!

Она выхватила из золотых ножен маленький, острый, как язык гадюки, кинжал, который ярко сверкнул на солнце.

Мотриль бросился к ней... Вся его злость покинула его, вся жестокость сменилась мучительным страхом.

– Нет! – закричал он. – Постой, он жив, жив!

– Кто мне это подтвердит? – возразила девушка, устремив на мавра пылающий взор.

– Сама спроси у короля. Неужели ты не поверишь королю?

– Хорошо! Спросите короля, и пусть он даст ответ. К ним подошел дон Педро.

Мария Падила бросилась в его объятия.

– Сеньор, – вдруг спросил Мотриль, чей разум готов был помутиться, – правда, ли, что этот француз, этот Молеон погиб?

– Нет, гори он в аду, – мрачно ответил король. – Я даже не смог ударить этого предателя, этого дьявола; нет, он бежал, несчастный, его отослал во Францию Черный принц. Теперь он свободен, счастлив, весел, как воробей, ускользнувший от ястреба.

– Он спасся! Спасся! – повторяла Аисса. – Это правда? И испытующе смотрела на всех.

Но, воспользовавшись паузой, Мария Падила, которая окончательно убедилась, что Молеон спасен, и поняла, как к этому следует относиться, подала девушке знак, что та может уезжать: возлюбленный ее жив и здоров.

Внезапно неистовое волнение юной мавританки улеглось, подобно тому, как с появлением солнца стихает гроза. Она позволила Мотрилю увести себя, шла за ним, опустив голову, и не замечала, что король дон Педро пожирает ее пылающим взглядом; Аисса была поглощена только одной мыслью, что Аженор жив, единственной надеждой, что она снова сможет увидеть его.

Мария Падилья перехватила взгляд короля и прекрасно поняла его смысл, но вместе с тем и прочла на лице юной мавританки глубокое отвращение, которое вызвали у нее жестокие слова дона Педро об Аженоре.

«Пустяжи, – успокаивала она себя, – Аисса при дворе не останется, она уедет, я соединю ее с Молеоном. Это надо сделать! Мотриль изо всех сил будет мешать мне, но от этого зависит все: в борьбе погибнет один из нас – либо Мотриль, либо я».

И тут, когда она еще не успела продумать свой план, Мария услышала, как король шепнул на ухо мавру:

– Она поистине прекрасна! Никогда я не видел ее такой красивой, как сегодня.

Мотриль улыбнулся.

– Разумеется! – побледнев от ревности, воскликнула Мария. – Из-за нее и разгорелась вся война!

Въезд дона Педро в Бургос сопровождался такой пышностью, какая придает королевской власти окончательная победа.

У мятежников не осталось больше никаких надежд, они покорились, а их чрезмерно восторженный отказ от своих прежних убеждений стал столь же надоедливым, как и увещания принца Уэльского сменить на милость привычную жестокость дона Педро.

Дон Педро удовольствовался тем, что повесил дюжину горюжан, дал солдатам обобрать сотню самых знаменитых мя-

тежников и взял с одного из богатейших городов Испании солидные подати в собственную казну.

Потом король, уставший от жестоких битв и уверовавший, что фортуна благосклонна к нему, желая отогреть душу и сердце под радостным солнцем празднеств, объявил Бургос столицей королевства. Балы и турниры устраивались каждый день; щедро раздавались титулы и награды, все забыли о войне и почти не вспоминали о ненависти.

Хоть Мотриль был настороже, он, вместо того чтобы, как положено дальновидному министру, следить за событиями и не забывать о возможном возобновлении войны, убаюкивал короля сказками о полном спокойствии в королевстве.

Поэтому король дон Педро поспешил расстаться с недовольными англичанами; наемники с трудом и далеко не полностью взыскали огромные военные расходы с нескольких крепостей, что оставались под их властью.

Принц Уэльский составил и предъявил союзнику собственный счет. Сумма была чудовищной. Дон Педро, понимая, что опасно повышать налоги в период восстановления престола, попросил отсрочить оплату. Но английский принц хорошо знал своего союзника и ждать не пожелал. Вот почему в королевстве дон Педро, несмотря на видимое благополучие, в действительности вызревали семена такой огромной беды, что самый несчастный из государей, самый нищий из всех побежденных не позавидовал бы ему.

Но Мотриль надеялся и, наверное, предугадал, что сло-

жится именно такое положение. Не показывая вида, будто его тревожат требования англичан, он смеялся над ними, внушая королю Кастилии, что сто тысяч сарацин стоят десяти тысяч англичан, обойдутся дешевле и откроют Испании путь к господству над Африкой, что плодом подобной политики станет вторая корона дона Педро.

В то же время Мотриль нашептывал королю, что единственный способ прочно соединить на одной голове две короны – это брак; что дочь арабских властителей древности, в которой течет кровь высокочтимых калифов, восседающая рядом с доном Педро на троне Кастилии, в один год сделает союзником его королевства всю Африку, даже весь Восток.

Как легко догадаться, этой дочерью калифов была Аисса.

Отныне для мавра все препятствия были устранены. Он приблизился к воплощению своих мечтаний. Молеон больше не мог ему помешать, потому что находился далеко. Кстати, разве он мог действительно помешать Мотрилю? Кто он такой, этот Молеон? Рыцарь, мечтательный, честный и доверчивый француз! Неужели зловещий и хитрый Мотриль мог опасаться такого противника?

Вот почему серьезное препятствие представляла только Аисса.

Но сила берет любые крепости. Надо было только доказать девушке, что Молеон ей неверен. Это было легко сделать. Ведь с незапамятных времен арабы шпионили, чтобы узнать правду, и лжесвидетельствовали, доказывая, что ложь – это

правда.

Другой, более серьезной помехой, что вызывала у Мотриля глубокую озабоченность, оставалась эта надменная красавица Мария; король, над которым властвовали сила привычки и жажда наслаждений, по-прежнему всецело находился в ее власти.

С тех пор как она разгадала планы Мотриля, Мария Падилья трудилась над тем, чтобы их разрушить, пустив в ход все свои уловки, вполне достойные этой редкой и сложной натуры.

Она угадывала каждое желание дона Педро, очаровывала его, гася в нем даже крохотную искру чувства, если та вспыхивала не от ее огня.

Покорная наедине с доном Педро, властная на людях, Мария Падилья, ничего не упуская из своих рук, поддерживала тайный сговор с Аиссой, которую сделала своей подругой.

Беспрестанно напоминая о Молеоне, Мария мешала Аиссе даже думать о доне Педро; кстати, пылкая и верная девушка не нуждалась в том, чтобы укрепляли ее любовь. Любовь Аиссы – все прекрасно понимали это – умрет лишь вместе с ней.

Мотриль больше не заставлял Аиссу за таинственными разговорами с Марией, недоверие его было усыплено; он видел лишь одну нить интриги, ту, что сам держал в руках; другая же от него ускользала.

При дворе Аисса больше не появлялась; она молчаливо

ждала, когда сбудется обещание, данное Марией, которая должна была передать ей верные сведения о возлюбленном.

Мария, действительно, послала во Францию гонца, поручив ему разыскать Молеона, рассказать ему о том, как обстоят дела, и привезти от него весточку несчастной мавританке, томившейся в ожидании скорой встречи.

Этот гонец – ловкий горец, на кого Мария могла полностью положиться, – был не кто иной, как сын ее старой мамки, которого Молеон встречал переодетым в цыгана.

Вот так обстояли дела в Испании и во Франции; налицо был конфликт разных интересов, и яростные враги, чтобы наброситься друг на друга, ждали лишь той минуты, когда они отдохнут и точно выяснят, полностью ли они восстановили свои силы.

Итак, мы можем вернуться к бастарду де Молеону; он, окрыленный, радостный и упоенный своей свободой, летел на родину, словно воробей, как его назвал король Кастилии; только любовь к Аиссе сильно тянула его назад, в Испанию.

XXVIII. Путь на родину

Аженор понимал всю сложность своего положения.

Свобода, полученная благодаря великодушному заступничеству принца Уэльского, была тем преимуществом, которое могло вызывать зависть у многих людей. Аженор изо всех сил погонял коня, побуждаемый настойчивыми призывами Мюзарона, который, не жалея красноречия, расписывал опасности погони и прелести возвращения на родину, смешно шевеля ушами, радуясь, что ему их пока не отрезали.

Но честный Мюзарон напрасно терял время; Аженор не слушал его. У рыцаря, разлученного с Аиссой, было живым лишь тело. Встревоженная, страдающая, потерянная душа Аженора оставалась в Испании!

Однако в ту эпоху чувство долга было столь сильным, что Молеон, сердце которого возмущалось при мысли, что ему пришлось расстаться с возлюбленной, и трепетало от радости при мысли, что он снова тайно встретится с ней, смело мчался вперед, рискуя из-за миссии, порученной ему коннетаблем, навеки потерять прекрасную мавританку.

Бедного коня совсем не щадили; благородное животное, которое вынесло тяготы войны и терпело прихоти своего влюбленного хозяина, выбилось из сил в Бордо, где его оставил Мюзарон с тем, чтобы забрать на обратном пути.

После Бордо наш путешественник стал менять лошадей и тем самым придумал задолго до изобретательного Людовика XI систему езды на перекладных;¹⁷³ и очень скоро наш путешественник, обессиленный, измученный, как с небес упал к ногам доброго короля Карла, который подвязывал персиковые деревья в чудесном саду дворца Сен-Поль.

– О, Боже мой, господин де Молеон, что все это значит и что за новости вы привезли мне? – спросил король Карл, которого природа наделила даром навсегда запоминать человека, даже если он встречал его лишь единожды.

– Сир, – ответил Аженор, опустившись на одно колено, – я привез вам печальное известие: ваша армия в Испании разбита.

– Свершилась воля Божья! – побледнев, воскликнул король. – Значит, армия вернется.

– Армии больше не существует, государь!

– Боже милостивый, – еле слышно прошептал король. – Как поживает коннетабль?

– Коннетабль в плену у англичан, сир.

Король тяжело вздохнул, но ни слова не сказал, хотя чело его сразу посветлело.

– Расскажи мне о битве, – попросил он, недолго помолчав. – Прежде всего, где она развернулась?

---

¹⁷³ Людовик XI (1423–1483), король Франции с 1461 г.; подчинил королевской власти крупных феодалов, присоединив Бургундию и ряд других земель, способствовал развитию торговли и промышленности, учредил почту, обезопасил от разбойников дороги и укрепил дисциплину в войсках.

– При Наваррете, сир.

– Слушаю тебя.

Аженор рассказал о катастрофе, гибели армии и захвате в плен коннетабля, о том, как он сам спасся почти чудом благодаря Черному принцу.

– Мне необходимо выкупить Бертрана, – сказал Карл V, – если они пожелают назначить за него выкуп.

– Сир, выкуп уже назначен.

– Каков же он?

– Семьдесят тысяч золотых флоринов.

– И кто же назначил этот выкуп? – спросил король, испугавшись размера суммы.

– Сам коннетабль.

– Коннетабль?! По-моему, он слишком щедр.

– Вы полагаете, сир, что он переоценил себя?

– Если бы он оценил себя по достоинству, за все сокровища христианского мира мы не смогли бы вернуть его.

Но, отдав должное Бертрану, король погрузился в мрачные раздумья, смысл которых Аженор отлично понимал.

– Сир, – сразу же сказал он, – ваше величество может не затруднять себя выкупом коннетабля. Господин Бертран послал меня к своей жене, мадам Тифании Рагенэль,¹⁷⁴ у которой хранится сто тысяч эю коннетабля и которая внесет их за своего мужа.

– Как я рад, мой дорогой шевалье, – просияв, заметил

---

¹⁷⁴ Рагенэль, Тифания (ум. в 1371 г.) – первая жена Дюгеклена.

Карл, – что он не только славный воин, но и мудрый казначей. Я бы в это не поверил. Сто тысяч экю!.. Ну и ну, да он богаче меня. Так пусть он ссудит мне эти семьдесят тысяч флоринов. Я ему быстро их верну... Но ты-то веришь, что у него есть эти деньги? А если у него их не осталось?

– Почему же, сир?

– Потому, что госпожа Тифания Рагенэль очень ревниво относится к славе своего мужа и ведет себя в родных краях как щедрая и богатая дама.

– Но сир, на тот случай, если у нее больше не осталось денег, добрый коннетабль дал мне другое поручение.

– Какое именно?

– Объехать всю Бретань, возглашая: «Коннетабль – пленник Черного принца, соберите за него выкуп, мужчины Бретани! А вы, женщины Бретани, прядите!»

– Ну что ж, – оживился король, – я дам тебе один из моих стягов и троих рыцарей, чтобы ты провозглашал этот клич по всей Франции! Но, – прибавил Карл V, – делай это лишь в самом крайнем случае. Возможно, что мы и здесь сможем поправить беду под Наваррете. Какое гнусное название. Это слово «Наварра» всегда приносит горе каждому французу.

– Это невозможно, сир, вскоре вы, вероятно, увидите здесь беглеца, короля Энрике де Трастамаре. Англичане станут трубить о победе во все гасконские трубы, а потом, наконец, эти несчастные, израненные, нищие бретонцы вернутся на родину, всем рассказывая о горькой своей участи.

– Да, это верно! Поезжай же, Молеон, и если ты увидишь коннетабля...

– Я увижу его.

– Передай, что ничего не потеряно, если он снова вернется ко мне.

– Сир, он мне велел сказать вам еще кое-что.

– Что же именно?

– Передай королю, шепнул он мне, что наш план осуществляется, что много французских крыс сдохло на испанской жаре, не сумев к ней привыкнуть.

– Храбрец Бертран; значит, он еще шутил в эту жуткую минуту?

– Он по-прежнему тверд, сир, и столь же прекрасен в поражении, сколь велик в победе.

Аженор простился с королем Карлом V, пожаловавшим ему триста ливров, – роскошный дар, который Аженор потратил на покупку двух добрых боевых коней, заплатив за каждого по пятьдесят ливров. Он дал десять ливров Мюзарону, который, придя в полный восторг и спрятав их в кожаный пояс, обновил свой гардероб на Суконной улице. На улице Оружейников Аженор также купил шлем новой конструкции – забрало в нем защелкивалось на пружину – и подарил его оруженосцу, голове которого не раз доставалось от сарацин.

Этот полезный и приятный подарок придал Мюзарону еще более бравый вид и вызвал у оруженосца умиленную

гордость тем, что он служит настоящему дворянину.

Они двинулись в дорогу. Как прекрасна была Франция! Было так приятно чувствовать себя молодым, сильным, храбрым, любить, быть любимым, иметь в ленчике¹⁷⁵ седла сто пятьдесят ливров и носить новенький шлем, и поэтому Молеон полной грудью вдыхал свежий воздух, а Мюзарон подпрыгивал в седле, выпячивая грудь, словно жандарм; Молеон как будто хотел сказать: «Посмотрите на меня, я люблю самую красивую девушку Испании», а Мюзарон как бы говорил: «Я видел мавров, битву при Наваррете, и на голове у меня шлем за восемь ливров, купленный у Пуането, на улице Оружейников».

В таком радостном настроении прекрасно одетый Аженор подъехал к границе Бретани, где он попросил у владетельного сеньора Жана де Монфора разрешения нанести в его землях визит госпоже Рагенэль и провести сбор денег, необходимых для выкупа коннетабля.

Задача Мюзарона, всегдашнего посредника Аженора, была весьма деликатна. Граф де Монфор, сын старого графа де Монфора, который вместе с герцогом Ланкастерским вел войну против Франции, затаил злобу на Бертрана, главного виновника снятия осады Динана;¹⁷⁶ но, узнав о несчастье

---

¹⁷⁵ Ленчик – деревянный остов седла.

¹⁷⁶ До 1350 г. Дюгеклен служил командиром в войсках герцога Бретонского Карла де Блуа (1319–1364), который вел борьбу за Бретань с Иоанном IV, графом де Монфором, герцогом Бретонским (ум. в 1345 г.). Дюгеклен вынудил Иоанна IV снять осаду города Динан.

Бертрана, молодой граф де Монфор забыл о своей вражде (мы уже отмечали, что та эпоха была временем доблестных поступков и благородных сердец).

– Разрешу ли я сбор денег? – воскликнул он. – Напротив, я требую этого. Пусть на моих землях собирают ту подать, какая потребуется. Я не только желаю видеть коннетабля свободным, но и хочу, чтобы он, вернувшись в Бретань, стал моим другом. Наша земля горда тем, что именно здесь он появился на свет.

Произнеся эту речь, граф с почестями принял Аженора в своем доме, преподнес ему подарок, полагающийся каждому посланцу короля, и, дав ему почетный эскорт, велел препроводить к госпоже Тифании Рагенэль, которая жила в Ла-Рош-Деръен, в одном из владений семьи Дюгекленов.

XXIX. Госпожа Тифания Рагенэль

Дочь виконта Робера Рагенэля, сеньора Ля Белльер, человека редких достоинств, Тифания Рагенэль была одной из тех образцовых супругов, которых судьба посылает героям лишь тогда, когда либо Бог ниспосылает на одну семью все свои бесценные дары, либо когда заслуги одного супруга обычно полностью затмевают заслуги другого.

Молодую Тифанию Рагенэль бретонцы прозвали волшебницей. Она разбиралась в медицине и астрологии; это она, к великому изумлению встревоженных бретонцев, предсказала Бертрану победу в двух прославленных сражениях; именно она, когда Бертран уставал от войны и желал отдохнуть в своих владениях, снова подвигала его своими советами и предсказаниями на героическую жизнь, благодаря которой он добывал богатство и немеркнущую славу. Ведь вплоть до войны, которую вел Карл де Блуа против Жана де Монфора – во время этой войны Бертран и был призван командовать армией, – бретонский герой имел возможность проявить свои силы, умение и несгибаемое мужество лишь в качестве непобедимого бойца на турнирах и главного сборщика налогов.

Так что Тифания Рагенэль оказывала и на мужа, и на всю Бретань влияние, равное влиянию истинной королевы.

Она была красива, происходила из знатного рода. Своим просвещенным умом она превосходила многих членов

совета, который обсуждал налоговые споры, и эти ее драгоценные качества подкрепляло беспримерное бескорыстие супруга.

Узнав, что прибыл гонец от Бертрана, она со свитой фрейлин и пажей вышла встречать Аженора.

Лицо Тифании Рагенэль выражало тревогу; она, словно заранее обо всем зная, облачилась в траурные одежды, что при тогдашних обстоятельствах, когда люди вообще еще не слышали о катастрофе при Наваррете, вселило суеверный ужас в обитателей замка Ла-Рош-Дерьен.

Тифания вышла к Молеону и встретила его на подъемном мосту.

Молеон, мгновенно забыв о своей радости, принял торжественный вид вестника печали.

Сначала он поклонился, потом опустился на одно колено, подавленный величественной внешностью благородной дамы, а еще больше – значительностью привезенных им новостей.

– Рассказывайте, господин рыцарь, – сказала Тифания, – я знаю, что вы принесли мне очень плохие вести о моем супруге, рассказывайте!

Вокруг рыцаря воцарилось гробовое молчание, а на грубых лицах бретонцев появилось выражение самого мучительного страха. Однако все обратили внимание на то, что на знамени и на рукояти меча рыцаря не было траурной ленты, которую полагалось привязывать в случае смерти.

Аженор собрался с мыслями и начал грустную повесть, которую госпожа Рагенэль восприняла, ничуть не удивившись. Только тень печали еще сильнее и горестнее исказила черты ее благородного лица. Госпожа Тифания Рагенэль терпеливо выслушала эту тягостную историю.

– Хорошо, господин рыцарь, – сказала она (подавленные горем бретонцы стенали и громко молились), – значит, вы приехали по поручению моего супруга?

– Да, госпожа, – ответил Молеон.

– И за него, плененного в Кастилии, будет назначен выкуп?

– Он сам его назначил.

– Во сколько же?

– В семьдесят тысяч золотых флоринов.

– Это совсем немного за столь великого полководца... Но где он намерен достать так много денег?

– Он ждет их от вас, госпожа.

– От меня?

– Да. Разве не у вас те сто тысяч золотых экю, что коннетабль привез из последнего похода и положил на хранение в монастырь Мон-Сен-Мишель?¹⁷⁷

– Верно, господин гонец, именно столько денег он привез, но они истрачены.

---

¹⁷⁷ Этот монастырь, основанный в середине X в. в честь архангела Михаила (русский перевод его названия: «Гора святого Михаила»), представлял собой неприступную крепость на скале среди песков, заливаемых морем во время прилива.

– Как истрачены! – невольно вырвалось у Молеона, вспомнившего слова короля. – На что?

– На что, я полагаю, они и предназначались, – продолжала Тифания Рагенэль. – Я взяла у монахов деньги, чтобы вооружить сто двадцать воинов, оказать помощь двенадцати рыцарям нашей земли, воспитать девять сирот, а поскольку у меня ничего не осталось, чтобы выдать замуж двух дочерей одного нашего друга и соседа, то я заложила мою посуду и мои драгоценности. В доме осталось лишь самое необходимое. Но, несмотря на нашу бедность, я надеюсь, что не нарушила воли мессира Бертрана, и думаю, он одобрил и поблагодарил бы меня, будь он с нами.

Эти слова – «будь он с нами», которые благородные уста Тифания Рагенэль произнесли с нежностью и достоинством, исторгли слезы у всех собравшихся.

– Коннетаблю, сударыня, остается лишь поблагодарить вас, чего вы поистине заслуживаете, и надеяться на помощь Бога, – сказал Молеон.

– И его друзей, – послышалось сразу несколько голосов.

– Так как я имею честь быть верным слугой мессира коннетабля, – объявил Молеон, – я приступаю к выполнению задачи, которую мессир Дюгеклен возложил на меня, предвидя то, что и случилось. В моем распоряжении королевские фанфары, знамя с гербом Франции, и я отправляюсь в поездку по Бретани, чтобы провозглашать сбор выкупа. Все, кто жаждет увидеть мессира коннетабля свободным и здоро-

вым, встанут как один и внесут деньги.

– Я это сделала бы сама, – сказала Тифания Рагенэль, – но будет лучше, если это сделаете вы, получив сперва разрешение у его милости герцога Бретонского.

– Я уже получил разрешение, мадам.

– Тогда, милостивые государи, – сказала Тифания Рагенэль, окидывая уверенным взглядом увеличивающуюся толпу, – как вы слышали, все, кто хочет проявить к этому шевалье интерес, который они проявляют к имени Дюгеклена, должны считать гонца от Бертрана своим другом.

– И первым буду я, – послышался голос всадника, только что подъехавшего. – Робер, граф де Лаваль, я даю сорок тысяч экию на выкуп моего друга Бертрана. Деньги я привез, их несут мои пажи.

– Пусть дворяне Бретани в меру своих возможностей последуют вашему примеру, великодушный друг, и коннетабль сегодня вечером будет на свободе, – сказала Тифания Рагенэль, умиленная подобной щедростью.

– Поедемте со мной, господин рыцарь, – обратился граф де Лаваль к Молеону. – Я предлагаю вам гостеприимство в моем доме... Сегодня же вы начнете сбор денег, и – даю вам слово! – их будет немало. Пусть госпожа Тифания побудет наедине со своим горем.

Молеон почтительно поцеловал руку благородной даме и, сопровождаемый благословениями народа, – люди сбегались сюда, узнав о его приезде, – последовал за графом.

Мюзарон был вне себя от радости. Он едва не задохнулся в объятиях бретонцев, которые хватали его за ноги и целовали его стремена, словно он был сеньором-знаменосцем.

Гостеприимство графа де Лавалья обещало слишком скупому и бдительному оруженосцу несколько славных дней, и к тому же Мюзарону – надо это признать – очень хотелось бы увидеть хотя бы отблески огромной кучи золота.

От общины к общине сборы быстро увеличивали массу денег. Скромная хижина отдавала дневной заработок; замок вносил сто ливров – стоимость пары быков; не менее великодушный и не менее патриотически настроенный горожанин отрывал от себя фамильное блюдо или кружева с жениных юбок. За неделю Аженор собрал в Ренне сто шестьдесят тысяч ливров и, вычерпав все деньги в округе, решил начать разработку другой золотой жилы.

Кроме того, как гласит легенда, достоверно известно, что женщины Бретани ради свободы Дюгеклена стали прясть усерднее, чем они это делали раньше, стремясь прокормить своих детей и одеть своих мужей.

XXX. Курьер

Уже неделю Молеон жил неподалеку от Ренна, у графа де Лавалья, и однажды вечером, когда он возвращался домой, везя мешок с деньгами, что были надлежащим образом зарегистрированы писцом герцога и представителем госпожи Тифании Рагенэль, славный рыцарь, ехавший из города в замок глубоким, окаймленном живыми изгородями оврагом, заметил двух мужчин, которые выглядели странно и доверия не внушали.

– Что за люди? – спросил Аженор Мюзарона-оруженосца.

– Сдается мне, это кастильцы! – воскликнул Мюзарон, бросая косые взгляды на всадника и его пажа, которые сидели на андалусских низкорослых конях и, надев шлемы и прижимая к груди щиты, повернулись спиной к изгороди, чтобы видеть французов и обратиться к ним, когда те будут проезжать мимо.

– В самом деле, доспехи испанские, а длинные тонкие и плоские мечи выдают кастильцев.

– Вам это ничего не напоминает, мессир? – спросил Мюзарон.

– Конечно, напоминает... Но, по-моему, всадник хочет с нами поговорить.

– Или отнять у вас мешок с деньгами, сеньор. К счастью, при мне арбалет.

– Оставь в покое свой арбалет. Ты же видишь, они не взяли за оружие.

– Сеньор! – крикнул чужеземец.

– Вы ко мне обращаетесь? – по-испански ответил Аженор.

– Да.

– Что вам угодно?

– Скажите мне, пожалуйста, как проехать к замку де Лавалья, – попросил всадник, проявляя учтивость, которая повсюду отличает порядочного человека, будь он даже и простым кастильцем.

– Я еду в замок, сеньор, – сказал Аженор, – и могу проводить вас, но я должен предупредить, что хозяина нет дома: сегодня утром он уехал к соседу.

– Значит, в замке никого нет? – с видимым разочарованием спросил чужеземец. – Ну что ж! – пробормотал он. – Придется опять искать!

– Но, сеньор, я же не сказал, что в замке никого нет.

– Вы, наверное, не доверяете нам, – сказал чужеземец, – подняв забрало шлема; оно, как и у Молеона, было опущено: этой благоразумной привычке следовали тогда все путники, которые в те беспокойные и разбойные времена всегда боялись нападения или коварства.

– О, Господи Иисусе! – воскликнул Мюзарон, едва кастилец открыл свое лицо.

– Что с тобой? – удивился Аженор.

Чужеземец смотрел на них, тоже удивленный этим вос-

клицанием.

– Это Жильдаз! – прошептал Мюзарон на ухо хозяину.

– Какой еще Жильдаз? – тем же тоном спросил Молеон.

– Тот человек, кого мы встретили в дороге, он сопровождал донью Марию! Сын той доброй старухи-цыганки, которая приходила договариваться с вами о встрече в часовне.

– Боже мой! – с тревогой прошептал Аженор. – А зачем они явились сюда?

– Нас, наверно, преследуют.

– Смотри в оба!

– О, вы же знаете, что мне не нужно об этом напоминать.

Во время их разговора кастилец с опаской наблюдал за собеседниками, потихоньку пятясь назад.

– Ерунда! – воскликнул Аженор, немного подумав и успокоившись. – Ну что может сделать с нами Испания в самом центре Франции?

– Ничего, разве расскажут что-нибудь новенькое, – ответил Мюзарон.

– Вот это меня и пугает. Я больше боюсь событий, чем людей. Ладно! Давай спросим их.

– Наоборот, помолчим. А если это посланцы Мотриля?

– Но ты же помнишь, что видел этого человека вместе с Марией Падильей.

– А разве вы не видели Мотриля вместе с доном Фадрике?

– Это верно.

– Поэтому будем начеку, – сказал Мюзарон, перекинув на

грудь арбалет, который висел у него за спиной.

Кастилец заметил это.

– Чего вы боитесь? – спросил он. – Может быть, мы неучтиво вам представились? Или вам не понравился мой вид?

– Нет, – проворчал Аженор, – но... зачем вы едете в замок господина де Лавалья?

– Я отвечу вам, сеньор. Мне необходимо встретиться с рыцарем, который гостит у графа.

Мюзарон сквозь глазницы забрала понимающе взглянул на своего господина.

– С рыцарем? И как его зовут?

– О сеньор, не требуйте от меня нескромности в обмен на услугу, которую вы мне оказываете. Я лучше подожду, пока по этой дороге проедет другой, менее любопытный путник.

– Правильно, сеньор, правильно. Я больше не стану задавать вам вопросов.

– У меня появилась большая надежда, когда я услышал, что вы говорите со мной на языке моей страны.

– Надежда на что?

– На близкий успех моей миссии.

– У этого рыцаря?

– Да, сеньор.

– Какой вам вред оттого, что вы его назовете, если я все равно узнаю его имя, когда мы приедем в замок?

– Там, сеньор, я буду под кровом господина, который не

допустит, чтобы со мной обходились дурно.

Мюзарона осенила счастливая мысль. Он всегда был храбр, когда его господину угрожала опасность.

Он решительно поднял забрало и подъехал к кастильцу.

– *Vala me Dios!*¹⁷⁸ – воскликнул тот.

– Ну, Жильдаз, здравствуй, – сказал Мюзарон.

– Вы тот, кого я ищу! – закричал Жильдаз.

– А я тут как тут, – сказал Мюзарон, вынимая из ножен тяжелый нож.

– Именно вас я и искал, – сказал Жильдаз. – Значит, сеньор – ваш хозяин?

– Какой сеньор, что за хозяин?

– Значит, рыцарь – это дон Аженор де Молеон?

– Да, это я, – ответил Аженор. – Ладно! Пусть свершится моя судьба: я хочу скорее знать, что меня ждет, добро или зло.

Жильдаз сразу же бросил на него недоверчивый взгляд.

– А если вы меня обманываете? – спросил он.

– Ты же знаешь моего оруженосца, дурень!

– Да, но не знаю господина.

– Ты что, негодяй, не доверяешь мне? – вскричал разозленный Мюзарон.

– Я не доверяю никому на свете, если нужно хорошо выполнить мое дело.

– Смотри, смуглорожий, как бы я тебе не всыпал! Нож у

---

¹⁷⁸ Храни меня Бог! (исп.)

меня острый.

– Эка невидаль! – усмехнулся кастилец. – Шпага у меня тоже острая... Вы не слишком благоразумны... Если я погибну, кто исполнит мое поручение? А если погибнете вы, кто вообще о нем узнает? Пожалуйста, поедemте мирно в усадьбу де Лавалья, пусть там кто-нибудь посторонний покажет мне сеньора де Молеона, и я сразу же исполню приказ моей госпожи.

При слове «госпожа» сердце Аженора учащенно забилось.

– Добрый человек, ты прав, а мы нет! – воскликнул он. – Ты, наверное, послан ко мне Марией Падильей?

– Вы скоро это узнаете, если вы на самом деле дон Аженор де Молеон, – ответил упрямый кастилец.

– Поехали! – вскричал молодой человек, сторя от нетерпения. – Вон там, видишь, башни замка, поехали скорей! Ты будешь доволен, добрый человек... Вперед, Мюзарон, вперед!

– Пожалуйста, позвольте мне ехать впереди, – попросил Жильдаз.

– Изволь, только тони, гони быстрей.

И четверо всадников пришпорили коней.

XXXI. Два письма

Когда Аженор въезжал в усадьбу де Лавалья, кастилец, который не упускал из виду ни одного его жеста и слова, услышал, как привратник крикнул:

– Добро пожаловать, господин де Молеон!

Эти слова и укоризненные взгляды, которые изредка бросал на него Мюзарон, вполне убедили гонца.

– Могу ли я поговорить наедине с вашей милостью? – обратился он к молодому человеку.

– Вам подойдет этот засаженный деревьями двор? – спросил Аженор.

– Вполне, сеньор.

– Вы знаете, – продолжал Аженор, – я Мюзарону доверяю, для меня он больше друг, чем слуга, ну а ваш спутник...

– Взгляните на него, сеньор. Этого юного мавра месяца два тому назад я подобрал на дороге, что ведет из Бургоса в Сорию. Он умирал от голода, до крови был избит людьми Мотриля и самим Мотрилем, который грозился прирезать его лишь потому, что сердце этого несчастного ребенка тянулось к вере Христовой. Вот почему я нашел его бледным и залитым кровью. Я привез его к моей матери, которую, наверное, знает ваша милость, – с улыбкой продолжал кастилец, – мы перевязали его раны, накормили. С тех пор он как пес предан мне до смерти. Поэтому, когда две недели тому

назад моя знаменитая госпожа, донья Мария...

Кастилец понизил голос.

– Донья Мария! – прошептал Молеон.

– Да, сеньор... Когда моя знаменитая госпожа донья Мария призвала меня, чтобы доверить важную и опасную миссию, она сказала: «Жильдаз, седлай коня и поезжай во Францию, возьми с собой много золота и добрый меч. Ты отыщешь на парижской дороге одного господина – моя госпожа описала мне вашу внешность, – который наверняка направляется ко двору великого короля Карла Мудрого. Возьми с собой верного спутника, ибо миссия твоя, повторяю, будет полна опасностей».

Я тут же подумал о Хафизе и сказал ему: «Хафиз, седлай коня и бери свой кинжал». – «Слушаюсь, господин, – ответил он, – позвольте только мне сходить в мечеть». Ведь у нас, испанцев, вам это хорошо известно, сеньор, – вздохнув, продолжал Жильдаз, – сегодня есть храмы для христиан и мечети для неверных, как будто у Бога два дома. Я позволил мальчику сбегать в мечеть, сам заседлал коней, шелковой веревкой, как вы видите, привязал к седлу кинжал, и мы отправились в дорогу. Донья Мария написала вам письмо, которое со мной.

Жильдаз приподнял кольчугу, расстегнул куртку и приказал Хафизу:

– Дай кинжал!

Во время рассказа Жильдаза смуглолицый, ясноглазый

Хафиз, который держал себя с невозмутимым спокойствием, хранил молчание, застыл как статуя.

Он и глазом не моргнул, когда славный Жильдаз перечислял его достоинства, хвалил за преданность и скромность; но когда Жильдаз упомянул о его получасовой отлучке в мечеть, краска стыда залила его щеки тусклым и мрачным румянцем, который словно зажег в его глазах отблески тревоги и раскаяния.

Когда Жильдаз попросил у него кинжал, он медленно протянул руку, вынул оружие из ножен и подал своему господину.

Жильдаз разрезал подкладку куртки и достал шелковый мешочек с письмом.

Молеон призвал на помощь Мюзарона.

Тот был готов к тому, чтобы стать главной фигурой в развязке этой сцены. Он взял мешочек, вскрыл его и принялся читать Молеону послание, тогда как Жильдаз с Хафизом почтительно держались в стороне.

«Сеньор дон Аженор, – писала Мария Падилья, – меня крепко стерегут, за мной шпионят, мне угрожают; но известной Вам особе гораздо хуже, чем мне. Я Вам очень признательна, но особа, ради которой я Вам пишу, любит Вас сильнее, чем я. Мы подумали, что Вам, когда теперь Вы находитесь на земле Франции, будет приятно обладать тем, о чем Вы так сожалеете.

Через месяц после получения сего сообщения Вы должны

быть на границе, в Риансересе. Точную дату Вашего приезда в Риансерес я, конечно, узнаю от верного гонца, которого посылаю к Вам. Ждите там, ждите терпеливо, никому не говорите ни слова; в один из вечеров Вы увидите, как к Вам приближается быстрый мул, который и доставит Вам предмет всех Ваших желаний.

Но, сеньор Молеон, Вы должны бежать, должны отказаться от военного ремесла, чтобы никогда больше не появляться в Кастилии; в этом Вы должны поклясться честью христианина и рыцаря. И тогда, получив богатое приданое, которое принесет Вам Ваша жена, наслаждаясь ее любовью и красотой, берегите, как неусыпный страж, Ваше сокровище и благословляйте иногда донью Марию Падалью, бедную, очень несчастную женщину, которая этим письмом прощается с Вами».

Молеона захватили чувства умиления, радости, восторга. Он бросился к Мюзарону и, выхватив у него из рук письмо, пылко прижал его к губам.

– Подойди ко мне, – сказал он Жильдазу, – дай мне обнять тебя, ведь ты, наверное, касался одежд той, кто стала моим ангелом-хранителем.

И он порывисто обнял Жильдаза.

Хафиз стоял как вкопанный, не упуская ни одной подробности этой сцены.

– Передай донье Марии!.. – воскликнул Молеон.

– Тише, сеньор! – перебил его Жильдаз. – Не произносите

ее имя так громко.

– Ты прав, – понизив голос, сказал Аженор, – передай до-
нье Марии, что через две недели...

– Нет, сеньор, меня не касаются тайны моей госпожи, –
возразил он. – Я курьер, а не доверенное лицо.

– Ты образец верности, благородной преданности, Жиль-
даз, и, как бы я ни был беден, ты получишь от меня горсть
флоринов.

– Нет, сеньор, мне ничего не надо... моя госпожа платит
мне очень хорошо.

– Тогда я дам их твоему пажу, твоему верному мавру...
Глаза Хафиза расширились, и, предвкушая золото, он весь
затрясся.

– Я запрещаю тебе брать что-либо, Хафиз, – приказал
Жильдаз.

От пронизательного Мюзарона не ускользнуло, что Ха-
физ еле сдерживает ярость.

– Известно, что мавры очень жадные, – сказал Мюзарон
Аженору, – а этот жаднее мавра и еврея, вместе взятых, по-
этому он и бросил на своего приятеля Жильдаза такой алч-
ный взгляд.

– Полноте, все мавры уродливы, Мюзарон, и только черт
может что-либо разобрать в их гримасах, – со смехом воз-
разил Жильдаз и вернул Хафизу кинжал, который тот судо-
рожно схватил.

По знаку своего господина Мюзарон приготовился писать

ответ донье Марии.

Но тут во дворе появился писец графа де Лавалья.

Его остановили, Мюзарон позаимствовал у писца пергамент, перо и написал следующее послание:

«Благородная госпожа, Вы подарили мне счастье. Через месяц, то есть на седьмой день будущего месяца, я приеду в Риансерес и буду ждать бесценный предмет, который Вы мне посылаете. Я не отрекусь от военного ремесла, потому что хочу стать знаменитым воином, чтобы прославить мою возлюбленную. Но Испания больше меня не увидит, – клянусь вам Христом! – пока меня не призовете Вы или же беда помешает Аиссе встретиться со мной, в случае чего я, чтобы ее найти, спущусь даже в ад. Прощайте, благородная госпожа, молитесь за меня».

Рыцарь поставил крестик внизу пергамента, а Мюзарон вывел его подпись:

«Сеньор Аженор де Молеон».

Пока Жильдаз прятал под кольчугу письмо Молеона, сидящий верхом на лошади Хафиз следил – он был больше похож на тигра, чем на верного пса, – за каждым его движением. Он заметил, куда Жильдаз спрятал письмо, и после того, казалось, перестал интересоваться происходящим, словно он устал смотреть на свет Божий и глаза ему стали не нужны.

– Что вы намерены делать теперь, славный Жильдаз? – спросил Аженор.

– Я еду обратно на своем неутомимом коне, сеньор... Через две недели я должен вернуться к моей госпоже: таков ее приказ, и потому мне надо спешить. Правда, я заехал не слишком далеко, говорят, есть короткая дорога через Пуатье.

– До свидания, Жильдаз, прощай, добрый Хафиз! Но, видит Бог, если ты отказываешься от награды сеньора, то приносишь подарок от друга.

И Аженор снял свою золотую цепь, которая стоила сто ливров, и надел ее на шею Жильдазу.

Хафиз улыбнулся, и эта дьявольская улыбка как-то загадочно озарила его лицо.

Жильдаз с восторгом принял дар, поцеловал Аженору руку и двинулся в путь.

Хафиз ехал позади, словно притягиваемый блеском золотой цепи, подрагивающей на широких плечах его господина.

XXXII. Возвращение

Молеон немедленно собрался в дорогу.

Он был вне себя от радости. Отныне ничто не разлучит его с возлюбленной, и любовь их будет безмятежной... Богатая, красивая, любящая Аисса являлась ему как сон, который Бог ночью посылает людям, чтобы они не забывали, что существует не только земная жизнь.

Мюзарон разделял восторг своего господина. Построить, например, большой дом в Гаскони, где земля так плодородна, что кормит даже лодыря, обогащает труженика и становится раем для богача; распорядиться прислугой и крестьянами, выращивать скот, объезжать лошадей, устраивать охоты – таковы были безмятежные видения, которые толпились в слишком пылком воображении славного оруженосца.

Молеону уже грезилось, что он целый год сможет отдыхать от войны, ибо всего себя он отдаст Аиссе, потому что он должен посвятить ей, да и себе, хотя бы год безмятежного счастья в награду за великое множество горестных часов.

Молеон с нетерпением ждал возвращения графа де Лавалля.

Этот сеньор тоже собрал у многих знатных бретонцев крупные суммы, предназначенные для выкупа коннетабля. Когда писцы короля и герцога Бретонского проверили свои счета, оказалось, что половина из семидесяти тысяч золотых

флоринов уже собрана.

Молеону казалось, что этих денег достаточно, он надеялся, что остальные внесет король Франции; довольно хорошо зная принца Уэльского, он был уверен, что англичане отпустят коннетабля, получив лишь половину выкупа, если только их политические интересы не заставят держать Дюгеклена в плену, даже если будет доставлена вся сумма.

Но для очистки своей щепетильной совести Молеон с королевским знаменем объехал всю остальную Бретань, взывая к ее народу.

Всякий раз, въезжая в какой-нибудь городок, он издавал горестный клич:

– Славный коннетабль в плену у англичан. Люди Бретани, неужели вы оставите его в неволе?

И всякий раз, повторяем мы, когда по этому печальному поводу он встречался с такими набожными, отважными и замкнутыми бретонцами, до него доносились те же вздохи, то же возмущение, а бедняки говорили друг другу: «Скорее за работу, придется нам меньше есть черного хлеба, будем копить монету на выкуп мессира Дюгеклена».

Таким способом Аженор собрал еще шесть тысяч флоринов, вручил их людям графа де Лавалья и вассалам госпожи Тифании Рагенэль, к которой заехал попрощаться перед отъездом.

Но тут его охватило одно сомнение. Теперь Молеон мог уехать, ведь ему предстояло забрать свою возлюбленную; но

его миссия посла была исполнена не до конца.

Ведь Аженор, пообещавший донье Марии никогда не возвращаться в Испанию, должен был привезти Бертрану Дюгеклену деньги, его стараниями собранные в Бретани, эти драгоценные деньги, прибытия которых, вероятно, с тоской ждал пленник принца Уэльского.

Аженор, раздираемый между этими двумя обязанностями, долго колебался. Клятва, которую он дал донье Марии, была свята; привязанность и уважение к коннетаблю тоже были для него святы.

Он признался в своих тревогах Мюзарону.

– Все очень просто, – сказал находчивый оруженосец. – Попросите для охраны денег у госпожи Тифании конвой из дюжины вооруженных вассалов, граф де Лаваль добавит четверых копьеносцев, король Франции, если только ему ничего не придется платить, даст еще дюжину солдат. С таким отрядом, во главе которого будете вы, деньги в полной сохранности можно довести до границы.

Прибыв в Риансерес, вы отправите письмо принцу Уэльскому, который пришлет вам охранную грамоту. Таким образом деньги наверняка дойдут до коннетабля.

– Но чем объяснить... мое отсутствие?

– Тем, что вы дали клятву.

– Солгать!

– Это не ложь, потому что вы в самом деле дали клятву донье Марии... И потом, пусть ложь, но ради счастья можно

и согрешить.

– Мюзарон!

– Полноте, сударь, не стройте из себя монаха, ведь вы женитесь на сарацинке... По-моему, это куда более тяжкий грех!

– Это верно, – вздохнул Молеон.

– К тому же, господин коннетабль потребовал бы слишком многого, желая вместе с деньгами видеть и вас... Но, поверьте мне, я знаю людей: как только заблестят флорины, все сразу забудут того, кто их собрал... Кстати, когда коннетабль вернется во Францию, он встретится с вами, если пожелает вас увидеть, ибо я надеюсь, что вы не намерены себя похоронить?

Аженор сделал как всегда – он уступил. Кстати, Мюзарон оказался совершенно прав. Граф де Лаваль поставил людей, госпожа Тифания Рагенэль вооружила двадцать вассалов, сенешаль из Мена дал от имени короля дюжину солдат, и Аженор, взяв с собой одного из младших братьев Дюгеклена, быстрыми переходами направился к границе, спеша прибыть на два-три дня раньше срока, назначенного ему доньей Марией Падильей.

Эти тридцать шесть тысяч золотых флоринов, предназначенных для выкупа коннетабля, проделали триумфальный путь по Франции. Те горстки наемников, что оставались во Франции после ухода больших отрядов, были бандитами слишком невысокого полета и не смогли бы заглотнуть

эту добычу, слишком для них крупную. Поэтому они, видя, как она ускользает прямо у них из-под носа, приветствовали отряд Молеона рыцарскими возгласами, благословляли имя прославленного пленника и почтительно кланялись, будучи не в силах проявить неуважение из-за боязни погибнуть в схватке с рыцарями Аженора.

Молеон так умело руководил доставкой денег, что в четвертый день месяца прибыл в Риансерес, маленький, давно разрушенный городок, который в те времена пользовался определенной известностью, потому что через него обычно проезжали из Франции в Испанию.

Часть третья

I. Риансерес

В городке, раскинувшемся на склоне холма, Аженор выбрал дом, откуда мог легко следить за белой от пыли извилистой дорогой, которая поднималась в горы между отвесными стенами скал.

Отряд расположился на отдых, в котором нуждались солдаты.

Мюзарон в самом изысканном стиле составил послания коннетаблю и принцу Уэльскому, извещая их, что золотые флорины доставлены.

Из вассалов госпожи Тифании выбрали рыцаря, которого вместе с оруженосцем-бретонцем послали в Бургос, где, как говорили, находился тогда принц Уэльский по причине вновь возникших в Испании слухов о войне.

Каждый день Молеон, отлично знавший здешние места, прикидывал, где могут сейчас проезжать Жильдаз и Хафиз.

По его расчетам, оба гонца должны были пересечь границу недели две назад.

Двух недель достаточно, чтобы они встретились с доньей Марией, и та успела подготовить отъезд Аиссы. Добрый мул делает в день двадцать льё: значит, прекрасная мавританка

доберется до Риансереса за пять-шесть дней.

Молеон незаметно пытался разузнать, не проезжал ли здесь оруженосец Жильдаз. Ведь вполне возможно, что оба гонца миновали ущелье Риансерес, место доступное, надежное и хорошо им знакомое.

Но горцы уверяли, что в то время, о котором спрашивал Молеон, они видели, как через ущелье проезжал лишь один мавританский всадник, молодой на вид, очень хмурый.

– Мавр? Молодой?

– Не старше двадцати, – ответил деревенский житель.

– Не в красном ли плаще?

– Да, сеньор, и в сарацинском шлеме.

– Вооружен?

– К луке седла был привязан шелковым шнуром широкий кинжал.

– Так вы говорите, он проехал через Риансерес один?

– Совсем один.

– Он что-нибудь говорил?

– С трудом подыскав несколько слов по-испански, он быстро спросил, пройдут ли в горах лошади и есть ли брод через речку у подножия гор... Потом, получив от нас ответ, стегнул своего резвого черного коня и ускакал.

– Один? Странно, – сказал Молеон.

– М-да, – промычал Мюзарон. – Очень странно.

– Как ты думаешь, Мюзарон, не решил ли Жильдаз перейти границу в другом месте, чтобы не вызывать подозрений?

– Я думаю о том, что у этого Хафиза очень страшная физиономия.

– Впрочем, кто нам сказал, – задумчиво заметил Молеон, – что через Риансерес проезжал Хафиз?

– Верно, лучше будем считать, что это не он.

– К тому же, я часто замечал, – прибавил Молеон, – что человек, достигший почти верха блаженства, становится недоверчивым и во всем видит преграды.

– Ах, сударь, вы, вправду, почти достигли счастья, ведь, если мы не ошиблись, сегодня приезжает донья Аисса. Нам надо всю ночь быть поблизости от реки и держаться настороже.

– Ты прав, мне не хотелось бы, чтобы наши спутники видели Аиссу. Боюсь, ее побег поразит их слабые головы. Ведь увидеть христианина, влюбленного в мавританку, достаточно, чтобы лишить мужества самых храбрых; во всех несчастьях, что могут случиться, они станут винить меня, видя в них кару Господню. Но у меня из головы не идет этот одинокий мавр в красном плаще, с кинжалом на луке седла, меня тревожит его сходство с Хафизом.

– Пройдет несколько минут, часов, самое большее – дней, и мы узнаем, что нам надо делать, – ответил Мюзарон, относившийся ко всему философски. – А пока, сударь, раз у нас нет повода для печали, давайте радоваться жизни.

Это, действительно, было самое лучшее, что оставалось Аженору. Он радовался и ждал.

Но прошел день, седьмой день месяца, а на дороге не появлялся никто, если не считать торговцев шерстью, раненых солдат и бежавших из Наваррете побитых рыцарей, которые, прячась днем в лесах, делая большие обходы через горы, пешком пробирались на родину и испытывали множество тревог и лишений.

Аженор узнал от этих несчастных, что во многих местах уже снова вспыхивает война, что тирания дона Педро, усугубляемая тиранством Мотриля, давит невыносимым гнетом на обе Кастилии, что посланцы претендента на престол, разбитого при Наваррете, разъезжают по городам, призывая послушных людей сопротивляться злоупотреблениям власти.

Беглецы уверяли, что уже видели немало военных отрядов, собравшихся в надежде на скорое возвращение Энрике де Трастамаре. Они прибавляли, что немало из их боевых товарищей читали письма дона Энрике, обещавшего скоро вернуться в Испанию с армией, набранной во Франции.

Слухи о войне подогревали воинственный пыл Аженора, но, поскольку Аисса не приезжала, любовь была бессильна успокоить в его душе возбуждение, которое охватывает молодых людей, едва раздастся звон оружия.

Начинал терять надежду и Мюзарон; он чаще обычного хмурился и очень резко отзывался о Хафизе, которому, словно злому демону, упрямо приписывал промедление Аиссы, если чего-нибудь не хуже, прибавлял он, когда окончательно впадал в дурное настроение.

Что касается Молеона, то он, подобно телу, ищущему свою душу, беспрестанно бродил по дороге, на которой его глаза, привыкшие ко всем ее изгибам, узнавали каждый куст, каждый камень, каждую тень, а уши издали, за два льё, угадывали топот мула.

Аисса не появлялась; из Испании никто не приезжал.

Наоборот, из Франции через отмеренные, словно по часам, промежутки прибывали отряды солдат, которые занимали позиции вокруг городка и, казалось, ждали лишь сигнала, чтобы ринуться в Испанию. После прихода каждого нового отряда собирались их командиры, сообщая друг другу пароль и отдавая распоряжения; ведь прочие предосторожности были излишними, ибо воины из разных стран и различного рода оружия знали друг друга и жили в полном согласии.

В тот день, когда Молеон не был поглощен мыслями об Аиссе, он, желая побольше узнать о людях и конях, прибывающих на границу, выяснил, что отряды ждут главнокомандующего и новых подкреплений, чтобы вступить в Испанию.

– А кто же главнокомандующий? – спросил он.

– Пока не знаем, он сам нам представится.

– Значит, все отправятся в Испанию, кроме меня! – в отчаянии воскликнул Аженор. – О, зачем я дал клятву, зачем?

– Полно, сударь, – успокаивал его Мюзарон. – Вы теряете голову от горя. Клятва больше не действительна, ведь донья Аисса не приехала. Если она появится, мы пойдем вперед...

– Подождем еще, Мюзарон. Надежда не покинула меня, я еще надеюсь! Никогда я не потеряю надежды, ибо я буду любить Аиссу вечно!

– Очень бы мне хотелось полчасика потолковать с этим смуглорожим Хафизом, – проворчал Мюзарон. – Хотел бы я просто посмотреть ему прямо в глаза...

– Зачем? Что может сделать Хафиз против воли всесильной доньи Марии? Ее надо винить во всем, Мюзарон, да, ее или несчастную судьбу мою!

Так прошла еще неделя, но из Испании никто не приехал. Аженор едва с ума не сошел от нетерпения, а Мюзарон – от ярости.

За неделю на границе уже скопилось пять тысяч солдат.

Повозки с провиантом – поговаривали, что отдельные из них гружены золотом, – охранялись значительными силами.

Люди сира де Лавалья, бретонцы госпожи Тифании Рагенэль с нетерпением поджидали возвращения посланного в Бургос рыцаря, чтобы узнать, дал ли принц Уэльский согласие освободить коннетабля.

Наконец гонец вернулся, и Аженор охотно выехал, чтобы встретить его на берег реки.

Гонец видел коннетабля и обнял его; английский принц устроил в честь него пир, а принцесса Уэльская преподнесла великолепный подарок. На пиру она соизволила сказать, что ждала отважного рыцаря де Молеона, желая вознаградить его за преданность коннетаблю, и добавила, что доб-

лесть украшает всех людей, к какому бы народу они ни принадлежали.

Гонец же рассказал, что принц Уэльский согласился принять тридцать шесть тысяч флоринов, а принцесса, видя, что принц надолго задумался, сказала:

– Сир, супруг мой, я желаю, чтобы коннетабль получил свободу из моих рук, ибо я восхищаюсь им так же, как и его соотечественники, ибо мы, великобританцы, тоже немного бретонцы,¹⁷⁹ и я внесу за мессира Бертрана выкуп в тридцать шесть тысяч золотых флоринов.

Из слов гонца явствовало, что коннетабль будет освобожден, если уже не отпущен даже до выплаты денег.

Добрые вести привели в восторг бретонцев, охранявших выкуп, и, поскольку радость заразительнее горя, собравшиеся вокруг Риансереса войска, узнав о результате миссии гонца, грянули такое громкое «ура», что древние горы содрогнулись до самых своих гранитных основ.

– Вперед, в Испанию! – кричали бретонцы. – И пусть ведет нас наш коннетабль!

– Давно пора, – шепнул Мюзарон Аженору. – Нет Аиссы, нет и клятвы ... Время уходит, сударь, мы должны выступать в поход!

---

¹⁷⁹ Остров Великобритания в древности был населен кельтскими племенами. Часть великобританских кельтов после завоевания острова в V–VI вв. германскими племенами англов и саксов переселилась на полуостров Бретань во Францию, где они образовали народность бретонцев, сохранившую некоторую самобытность и частично язык.

И Молеон, уступив своей тревоге, воскликнул:

– Вперед!

Маленький отряд, провожаемый пожеланиями удачи и благословениями, прошел ущелье спустя девять дней после даты, что назначила Мария Падилья.

– Может быть, мы встретим Аиссу в пути, – сказал Мюзарон, чтобы окончательно успокоить своего господина.

Ну а мы, кто раньше наших героев оказался при дворе короля дона Педро, наверное, выясним и сообщим читателю причину сей зловещей задержки доньи Аиссы.

II. Жильдаз

Донья Мария неотлучно находилась на своей террасе, считая дни и часы, ибо она угадывала, вернее, чувствовала, что в невозмутимом спокойствии мавра таится какая-то угроза для нее и Аиссы.

Мотриль был не тот человек, чтобы вести себя столь сдержанно; прежде он никогда не скрывал свою жажду мести столь искусно, что целых две недели враги ни в чем не могли его заподозрить.

Весь поглощенный устройством празднеств для короля и доставкой золота в казну дона Педро, готовый в любую минуту призвать в Испанию сарацин и, наконец, увенчать чело своего повелителя обещанными двумя коронами, Мотриль, казалось, только и занимался государственными делами. Он меньше заботился об Аиссе, заходил к ней лишь вечером и почти всегда вместе с доном Педро, который посылал девушке самые редкостные и роскошные подарки.

Аисса, узнавшая о любви короля от Мотриля, затем от своей подруги доньи Марии, принимала его подарки, а получив их, равнодушно откладывала; относясь к королю с тем же равнодушием, хотя и не сомневаясь, что распаляет тем самым его страстное желание, она жадно искала во взгляде Марии, когда встречалась с ней, признательности за свое благородное поведение.

Донья Мария отвечала взглядом, который словно говорил Аиссе: «Надейся! План, задуманный нами, каждый день зревает в тайне; скоро вернется мой гонец, он принесет тебе любовь твоего прекрасного рыцаря и свободу, без которой нет настоящей любви».

И вот день, которого так нетерпеливо ждала донья Мария, настал.

Он начался светлым утром, какое под чудесным небом Испании бывает только летом, когда на каждом листочке увитой цветами террасы сверкала роса. В комнату доньи Марии вошла уже знакомая нам старуха.

– Сеньора! – тяжело вздохнула она. – О сеньора!

– А, это ты. Что случилось?

– Сеньора, Хафиз приехал.

– Хафиз, какой Хафиз?

– Товарищ Жильдаза, сеньора.

– Как, Хафиз? А где Жильдаз?

– Приехал Хафиз, сеньора, а Жильдаза с ним нет, вот что!

– О Боже! Пусть войдет. Тебе что-нибудь еще известно?

– Нет, Хафиз не захотел говорить со мной, а я, как видите, сеньора, плачу, ведь молчание Хафиза ужаснее, чем все страшные слова любого другого человека.

– Ладно, успокойся, – сказала донья Мария, вся дрожа, – успокойся, ничего страшного, Жильдаз, вероятно, задержался, и все тут.

– Ну, а почему Хафиз не задержался?

– Не волнуйся, пойми, меня успокаивает возвращение Хафиза. Ясное дело, Жильдаз не стал удерживать его, зная, что я волнуясь, он выслал Хафиза вперед, значит, вести у него добрые.

Мамку успокоить было нелегко; впрочем слишком поспешные утешения госпожи звучали малоубедительно.

Вошел Хафиз.

Как обычно, он был спокоен и скромен. Глаза его выражали почтение; так у кошек или у тигров глаза расширяются, если они видят кого-нибудь, кто их боится, и сужаются, почти закрываются, когда кто-нибудь смотрит на них гневно или властно.

– В чем дело? Ты один? – спросила Мария Падиля.

– Да, госпожа, один, – робко ответил Хафиз.

– А где Жильдаз?

– Жильдаз, госпожа, – озираясь, прошептал сарацин, – умер.

– Умер? – воскликнула донья Мария, в испуге скрестив на груди руки. – Значит, он умер, бедняга? Как это случилось?

– В дороге, госпожа, он заболел лихорадкой.

– Он же такой крепкий!

– Верно, крепкий, но воля Аллаха сильнее человека, – наставительно заметил Хафиз.

– Заболел лихорадкой, о Господи! Но почему он не сообщил мне?

– Госпожа, мы ехали вдвоем, – сказал Хафиз. – В Гаско-

ни, в ущелье, на нас напали горцы, их привлек звон золотых монет.

– Звон золотых монет? Какие вы неосторожные!

– Французский сеньор, он был такой радостный, дал нам золота. Жильдаз подумал, что в горах он один, только со мной, и ему взбрело в голову пересчитать наше сокровище, но вдруг в него попала стрела, а мы увидели, что нас окружила толпа вооруженных людей. Жильдаз вел себя храбро, мы отбивались.

– О Боже мой!

– Когда мы совсем лишились сил: ведь Жильдаза ранили, он истекал кровью...

– Бедный Жильдаз! Ну, а ты?

– Я тоже истекал кровью, госпожа, – ответил Хафиз, медленно засучивая рукав и обнажая покрытую шрамами руку. – Ранив нас, воры забрали наше золото и убежали.

– Ну, а дальше, Господи Боже, что дальше?

– Дальше, госпожа, у Жильдаза начался жар, он почувствовал, что умирает...

– Он ничего тебе не сказал?

– Сказал, госпожа, когда глаза его почти закрылись. Слушай, сказал он, ты должен жить! Будь таким же преданным, как и я, скажи к нашей госпоже и передай ей в собственные руки письмо, что доверил мне французский сеньор. Вот оно.

Хафиз вытащил из-за пазухи шелковый мешочек, продырявленный ударами кинжала и выпачканный кровью.

Вздрогнув, донья Мария с ужасом взяла его и стала внимательно рассматривать.

– Письмо вскрыто! – воскликнула она.

– Вскрыто? – спросил сарацин, глядя на нее большими удивленными глазами.

– Да, печать сломана.

– Не знаю, – пробормотал Хафиз.

– Ты вскрыл письмо?

– Я? Да я, госпожа, читать не умею.

– Значит, кто-то другой?

– Нет, госпожа, посмотри внимательно, видишь на месте печати дырку? Это стрела горца пробила воск и пергамент.

– Да, вижу! – воскликнула донья Мария, по-прежнему исполненная недоверия.

– А вокруг дырки кровь Жильдаза, госпожа.

– Вижу. О, бедный Жильдаз!

И молодая женщина, пристально посмотрев в последний раз на сарацина, сочла его ребячью физиономию такой спокойной, глупой, совершенно невыразительной, что уже не смогла его подозревать.

– Расскажи мне, Хафиз, чем все кончилось.

– Кончилось, госпожа, тем, что Жильдаз, едва отдав мне письмо, испустил дух. Я сразу поехал дальше, как он велел мне, и бедный, голодный, но, скача без передышки, привез тебе письмо.

– О, ты будешь достойно вознагражден, сын мой! – вос-

кликнула взволнованная до слез донья Мария. – Да, ты останешься при мне и, если будешь верен, сметлив...

Лицо мавра на мгновение словно осветилось, но столь же быстро потускнело вновь.

После этого Мария прочла письмо, нам уже известное, сопоставила даты и с присущей ей стремительностью приняла решение. «Ну что ж! – подумала она. – Надо браться за дело!»

Она дала сарацину горсть золотых монет и сказала:

– Отдыхай, добрый Хафиз, но будь готов через несколько дней. Ты мне понадобишься.

Молодой человек ушел, ликуя в душе, унося свое золото и свою радость. Он уже вступил на порог, когда послышались громкие вопли мамки.

Она узнала роковую весть.

III. О том, какое поручение было дано Хафизу, и о том, как он его исполнил

Накануне того дня, когда Хафиз привез донье Марии письмо из Франции, в городские ворота постучался пастух, прося допустить его к сеньору Мотрилю.

Мотриль, совершавший в мечети намаз, прервал молитву, чтобы последовать за этим странным гонцом, который, однако, не предвещал встречи с каким-либо знатным и могущественным посланцем.

Едва выйдя со своим провожатым из города, Мотриль сразу приметил в ландах низкую андалусскую лошадку, что паслась в вереске, а на камнях, поросших чахлой травой, лежащего сарацина Хафиза, который выпуклыми глазами внимательно наблюдал за всеми, кто выходил из ворот.

Пастух, которому Мотриль дал денег, радостно убежал к своим тощим козам на холме. Мотриль, забыв, что он первый министр, и презрев всякий этикет, сел на траву рядом с угрюмым, невозмутимым юношей.

– Да пребудет с тобой Аллах, Хафиз. Значит, ты вернулся?

– Да, сеньор, вернулся.

– А своего попутчика оставил далеко, чтобы он ничего не знал...

– Очень далеко, сеньор, и он, наверняка, ничего не знает... Мотриль хорошо знал своего гонца... Ему была известна потребность в смягченных иносказаниях, присущая всем арабам, для которых самое главное – как можно дольше избегать произносить слово «смерть».

– Письмо у тебя? – спросил он.

– Да, сеньор.

– Как ты его раздобыл?

– Если бы я попросил у Жильдаза письмо, он не отдал бы его. Если бы я захотел силой отнять его, он избил бы меня, а вероятнее, убил бы, ведь он сильнее.

– Ты прибегнул к хитрости?

– Я подождал, пока мы не оказались в сердце гор, на границе Испании и Франции. Лошади совсем выдохлись, Жильдаз дал им отдохнуть, а сам улегся во мху под большой скалой и заснул.

В эту минуту я подполз к Жильдазу и вонзил ему в грудь кинжал. Он раскинул руки, захрипев, руки его были залиты кровью. Но он не умер, я это хорошо чувствовал. Он сумел вытащить из ножен кинжал и нанес мне ответный удар по левой руке. Тогда я пронзил его сердце острием моего кинжала, и он затих.

Письмо было зашито в куртке, я ее распорол. Всю ночь я шел по ветру с моей лошадкой, труп и лошадь Жильдаза я бросил на растерзание волкам и воронью. Я перешел границу и без хлопот добрался сюда. Вот письмо, что я обещал

тебе достать.

Мотриль взял пергаментный свиток, печать на котором уцелела, хотя и была пробита насквозь кинжалом Хафиза, пронзившим сердце Жильдаза.

Взяв из колчана часового стрелу, Мотриль перерезал шелковую нить печати и с жадностью прочел письмо.

– Хорошо, – сказал он, – мы все придем на это свидание. Хафиз ждал.

– Что теперь мне делать, господин? – спросил он.

– Сядешь на коня и возьмешь с собой письмо. Утром постучишься в ворота дома доньи Марии. Скажешь ей, что на Жильдаза напали горцы, изрешетив его стрелами и ударами кинжалов, что, умирая, он отдал письмо тебе. Вот и все.

– Слушаюсь, господин.

– Ступай, скачи всю ночь. Пусть твоя одежда вымокнет от утренней росы, а конь будет в мыле, словно ты только что прискакал. А дальше жди моих приказаний и целую неделю не подходи к моему дому.

– Пророк доволен мной?

– Доволен, Хафиз.

– Благодарю вас, сеньор.

Вот каким образом было вскрыто письмо; вот какая страшная гроза нависла над доньей Марией.

Но Мотриль этим не ограничился. Он дождался утра и, облачившись в роскошные одежды, явился к королю дону Педро и застал его сидящим в большом бархатном кресле и

рассеянно поглаживающим уши волчонка, которого он приручал.

Слева от него, в таком же кресле, сидела донья Мария, бледная и слегка раздраженная. С тех пор, как она находилась в комнате рядом с доном Педро, король, занятый, вероятно, своими мыслями, не обмолвился с ней ни единым словом.

Донья Мария, гордая, как все испанки, еле сдерживаясь, терпела подобное оскорбление. Она тоже молчала и, поскольку домашний волк ее не интересовал, вынуждена была довольствоваться тем, что переживала в душе приступы недоверчивости, порывы гнева и терялась в догадках, как поведет себя мавр.

Вошел Мотриль, и его появление дало Марии Падилье повод демонстративно уйти.

– Вы уходите, сеньора? – спросил дон Педро, невольно встревоженный ее выходкой, которую сам вызвал равнодушием к любовнице.

– Да, ухожу, – ответила она, – я не желаю злоупотреблять вашей учтивостью, которую вы, вероятно, приберегаете для сарацина Мотриля.

Мотриль это слышал, но остался невозмутим. Если бы донья Мария не была столь рассержена, то поняла бы, что спокойствие мавра рождено его тайной уверенностью в своем близком торжестве.

Но гнев думать не умеет; он всегда доволен самим собой.

Гнев – поистине страсть: каждый, кто дает ему выход, находит в этом наслаждение.

– Я вижу, государь, что король мой невесел, – сказал Мотриль, напуская на себя печальный вид.

– Да, – вздохнул дон Педро.

– У нас теперь много золота, – прибавил Мотриль. – Кордова внесла подать.

– Тем лучше, – небрежно ответил король.

– Севилья вооружает двенадцать тысяч человек, – продолжал Мотриль, – на нашу сторону перешли две провинции.

– Вот как! – тем же тоном отозвался король.

– Бели узурпатор вернется в Испанию, я думаю через неделю схватить его и заточить в крепость.

В прошлом упоминание об узурпаторе непременно приводило короля в иступленную ярость, но на сей раз дон Педро лишь спокойно заметил:

– Пусть возвращается, у тебя есть золото и солдаты, мы схватим его, будем судить и отрубим ему голову.

Тут Мотриль приблизился к королю.

– Да, – сказал мавр, – мой король очень несчастен.

– Почему же, друг?

– Потому что золото больше не веселит тебя, власть тебе противна, никакой улады в мести ты не видишь, потому, наконец, что ты больше не находишь для любовницы нежного взгляда.

– Ясно, что я ее разлюбил, Мотриль, и из-за пустоты в

моем сердце уже ничего не кажется мне желанным.

– Если твое сердце, король, кажется тебе совсем пустым, значит, его переполняют желания, ведь они, как тебе известно, – это воздух, запертый в бурдюке.

– Да, я знаю, что сердце мое полно желаний.

– Значит, ты любишь?

– Да, по-моему, я влюблен...

– Ты любишь Аиссу, дочь могущественного султана... О мой повелитель, я и жалею тебя, и завидую тебе, ибо ты еще можешь быть очень счастливым или достойным жалости.

– Ты верно говоришь, Мотриль, я достоин жалости.

– Ты хочешь сказать, она не любит тебя?

– Да, не любит.

– Неужели, повелитель, ты думаешь, что ее кровь, чистую, как у богини, могут волновать страсти, которым уступит любая другая женщина? Аисса – ничто в гареме сладострастного властителя; Аисса – королева, улыбаться она будет только на троне. Понимаешь ли, мой король, есть цветы, что распускаются лишь на горных вершинах.

– Причем здесь трон? Я ... мне взять в жены Аиссу?! Но что на это скажут христиане, Мотриль?

– Кто говорит тебе, повелитель, что донья Аисса, любя тебя, когда ты будешь ее супругом, не принесет в жертву своего Бога, отдав тебе и душу?

Из груди короля вырвался почти сладострастный стон.

– Неужели она полюбит меня?

– Она будет тебя любить.

– Нет, Мотриль.

– Ну что ж, повелитель, тогда пребывай в горести, ибо ты недостоин счастья, раз отчаиваешься добиться своего.

– Аисса избегает меня.

– Я считал, что христиане умнее в понимании женского сердца. Внешне кажется, что у нас страсти возникают и исчезают за плотной завесой рабства, но наши женщины, которые вольны говорить обо всем, а значит, все скрывать, позволяют нам яснее читать в их сердцах. Каким образом, спрошу я тебя, гордая Аисса может, не таясь, любить человека, который шага не ступит без женщины, ревнующей всех, кого мог бы полюбить дон Педро?

– Значит, Аисса ревнует?

Мавр усмехнулся в ответ, потом прибавил:

– У нас горлица ревнует к своей подруге, а благородную пантеру зубами и когтями рвет другая пантера в присутствии тигра, что должен выбрать одну из них.

– Ах, Мотриль! Я люблю Аиссу.

– Возьми ее в жены.

– А как же донья Мария?

– Человек, приказавший убить жену, чтобы не сердить любовницу, не решается бросить любовницу, которую разлюбил, чтобы завоевать себе пять миллионов новых подданных и любовь, что дороже всего мира.

– Ты прав, но донья Мария умрет.

– Неужели она так сильно тебя любит? – снова усмехнулся мавр.

– Разве ты не веришь в ее любовь ко мне?

– Не верю, мой повелитель. Дон Педро побледнел.

«Он еще любит ее! – думал Мотриль. – Не будем пробуждать его ревность, ибо донье Марии он отдаст предпочтение перед всеми женщинами».

– Я сомневаюсь в ее любви не потому, что она неверна тебе, я так не думаю, – продолжал мавр, – а потому, что она, видя, что ты любишь ее меньше, упрямо хочет быть рядом с тобой.

– Это я и называю любовью, Мотриль.

– А я называю это честолюбием.

– Ты прогнал бы Марию?

– Чтобы добиться Аиссы, да.

– О нет! Нет...

– Тогда страдай.

– Я верил, – ответил дон Педро, сверля Мотриля пламенным взглядом, – что, если бы ты видел, как страдает твой король, у тебя не хватило бы дерзости сказать ему: «Страдай»... Я верил, что ты непременно воскликнул бы: «Я облегчу твои страдания, мой повелитель!»

– В ущерб для чести великого короля моей страны я этого не скажу. Уж лучше смерть.

Дон Педро мрачно задумался.

– Значит, я умру, ибо я люблю эту девушку, – сказал он. –

Но нет! – со зловещей пылкостью воскликнул он. – Нет, не умру!

Мотриль довольно хорошо знал своего короля и ясно понимал, что никакая преграда не в силах сдержать порыв страстей этого неукротимого человека.

«Он прибегнет к насилию – подумал он, – надо помешать этому».

– Ваша светлость, Аисса – чистая душа, она поверит клятвам, – уверял Мотриль. – Если вы поклянетесь, что женитесь на ней после того, как торжественно расстанетесь с доньей Марией, Аисса, я думаю, вверит свою судьбу вашей любви.

– Ты ручаешься мне за это?

– Ручаюсь.

– Прекрасно! – вскричал дон Педро. – Клянусь, я порву с доньей Марией.

– Это другое дело, мой король, назовите ваши условия.

– Я порву с доньей Марией и оставлю ей миллион эку. В стране, где она пожелает жить, не будет более богатой и уважаемой принцессы.

– Хорошо, это жест великодушного короля, но страной этой не должна быть Испания!

– Разве это необходимо?

– Аисса успокоится лишь тогда, когда море, непреодолимое море, отделит вашу старую любовь от новой.

– Мотриль, мы отделим морем Аиссу от доньи Марии.

– Хорошо, мой повелитель.

– Но я король, и ты знаешь, что никто не может ставить мне никаких условий.

– Это справедливо, государь.

– Поэтому нам необходимо заключить сделку, подобно той, что заключают между собой евреи, и ты первым обязан выполнить одно условие.

– Какое?

– Донья Аисса должна остаться моей заложницей.

– Только и всего? – насмешливо спросил Мотриль.

– Безумец! Разве ты не видишь, что меня сжигает, пожирает любовь, что сейчас я играю в нежности, которые мне смешны? Разве льва терзают сомнения, когда он голоден? Неужели ты не понимаешь, что, если ты будешь торговаться со мной из-за Аиссы, я возьму ее силой, что, если ты будешь метать на меня свои гневные взоры, я прикажу тебя схватить и повесить, а все христианские рыцари съедутся поглядеть, как ты будешь болтаться на перекладине, и станут обхаживать мою новую любовницу?

«Это верно», – подумал Мотриль.

– Ну, а как же донья Мария, мой повелитель?

– Меня, повторяю я, терзает голод любви, поэтому донью Марию постигнет участь доньи Бланки Бурбонской.

– Да, гнев ваш страшен, ваше величество, – смиренно ответил Мотриль, – и, поистине, безумен тот, кто не склонит пред вами колени.

– Ты отдашь мне Аиссу?

– Если вы приказываете, ваше величество, отдам. Но если вы не последуете моим советам, если не избавитесь от доньи Марии, если не уничтожите ее друзей – ваших врагов, если не рассеете всех сомнений Аиссы, то помните, что эта девушка не будет вашей: она убьет себя!

Теперь настал черед короля затрепетать от страха и задуматься.

– Чего же ты хочешь? – спросил дон Педро.

– Я хочу, чтобы вы подождали неделю. И, не перебивайте меня, пусть донья Мария сердится на вас... Аисса уедет в королевский замок, никто не узнает об ее отъезде и месте, куда она отправится; вы убедите девушку, она станет вашей и будет любить вас.

– А как же донья Мария? Отвечай!

– Сначала она смягчится, потом поймет, что побеждена. Не обращайтесь внимания на ее рыдания и раздражение; вы меняете любовницу на возлюбленную, Мария никогда не простит вам измены, и сама избавит вас от своего присутствия.

– Да, верно, она гордая... Но ты веришь, что Аисса придет?

– Не верю, а знаю.

– В этот день, Мотриль, можешь просить у меня половину моего королевства, и она будет принадлежать тебе.

– Никогда вы не сможете более справедливо вознаградить за честную службу.

– Ну что ж, значит, через неделю?

– Да, в последний светлый час, ваше величество, Аисса выедет из города в сопровождении мавра: это я привезу ее тебе.

– Ступай, Мотриль.

– Но до тех пор не пробуждай сомнений доньи Марии.

– Не беспокойся. Я хорошо скрывал свою любовь и свое горе. Неужели ты думаешь, что я не сумею утаить мою радость.

– Поэтому, ваше величество, объявите, что вы желаете ехать в загородный замок.

– Так я и сделаю, – согласился король.

IV. Почему заблудились попутчицы Хафиза

После возвращения Хафиза донья Мария снова стала поддерживать отношения с Аиссой.

Читать Аисса не умела, но вид пергамента, которого касалась рука возлюбленного, особенно креста, олицетворявшего его добрую волю, переполнял радостью сердце девушки. Опынев от любви, она много раз целовала письмо.

– Дорогая Аисса, скоро ты уедешь, – сказала Мария. – Через неделю ты будешь далеко отсюда, но зато рядом с тем, кого любишь, и я не думаю, что ты будешь жалеть об Испании.

– О да, да! Для меня жизнь – дышать одним воздухом с ним.

– Значит, вы скоро встретитесь. Хафиз – осторожный, очень преданный и неглупый юноша. Он знает дорогу, к тому же ты не будешь бояться этого мальчика, как стала бы бояться мужчину, и я уверена, что с ним ехать тебе будет спокойнее. Он твой земляк, вы будете говорить на языке, который тебе дорог.

В этом ларце все твои сокровища: помни, что во Франции даже очень богатый сеньор не владеет и половиной того, что ты везешь возлюбленному. Кстати, я не оставлю своими благоденствиями молодого человека, даже если он отправится с

тобой на край света. Во Франции тебе больше нечего будет бояться. Я замышляю многое здесь изменить. Необходимо, чтобы король изгнал из Испании мавров, врагов нашей веры, ведь этим предлогом пользуются завистники, стремясь бросить тень на дона Педро. Когда ты уедешь, я без колебаний возьмусь за дело.

– Когда я увижу Молеона? – спросила Аисса, которая слышала только имя возлюбленного...

– Ты будешь в его объятьях через пять дней после отъезда из города.

– Мне понадобится вдвое меньше времени, чем самому быстрому всаднику, сеньора.

После этого разговора донья Мария вызвала Хафиза и спросила, не хочет ли он снова поехать во Францию вместе с сестрой несчастного Жильдаза.

– Бедное дитя безутешно после гибели брата, – прибавила она, – и хотела бы по-христиански похоронить его бранные останки.

– Очень хочу, – ответил Хафиз. – Скажите, когда выезжать, госпожа.

– Завтра ты сядешь на мула, которого я тебе дам. Сестра Жильдаза тоже поедет на муле, а еще один мул повезет мою мамку, ее мать, и кое-какие вещи, необходимые для похорон.

– Слушаюсь, сеньора. Я выеду завтра. В какой час?

– Вечером, когда закроются ворота и погаснут огни. Хафиз, едва получив приказ, тут же сообщил о нем Мотрилю.

Мавр поспешил к дону Педро.

– Государь, неделя прошла, – сказал он. – Ты можешь от-
правляться в увеселительный замок.

– Я ждал этого, – ответил король.

– Поезжай, мой король, пора.

– К отъезду все готово, – прибавил дон Педро. – Я поеду с
тем большей охотой, что принц Уэльский завтра присылает
ко мне вооруженного герольда требовать уплаты долга.

– Но казна сегодня пуста, мой повелитель, потому что, как
тебе известно, мы держим наготове сумму, предназначенную
умилостивить гнев доньи Марии.

– Хорошо, хватит об этом.

Дон Педро приказал выезжать. Прошел слух, будто он
пригласил в поездку много придворных дам, но не упомянул
донью Марию.

Мотриль зорко следил за тем, как воспримет это оскорб-
ление гордая испанка, но донья Мария не обратила на это
никакого внимания.

День она провела с прислугой, играя на лютне¹⁸⁰ и насла-
ждаясь пением птиц.

С наступлением темноты, когда весь двор разъехался, до-
нья Мария, жалуясь на смертельную скуку, приказала засед-
лать себе мула.

По сигналу Аиссы, оставшейся хозяйкой в своем доме, так

---

¹⁸⁰ Лютня – струнный щипковый музыкальный инструмент восточного проис-
хождения; известен с X в.

как Мотриль уехал вместе с королем, донья Мария, закутавшись в длинный плащ – такие носили тогда дуэньи, – вышла во двор и села верхом на мула.

В этом наряде она отправилась к Аиссе потаенной дорогой и, как и ожидала, нашла Хафиза, который уже час сидел в седле, вглядываясь в темноту зоркими глазами.

Донья Мария показала стражникам свою охранную грамоту и назвала пароль. Ворота открылись. Спустя четверть часа мулы резво бежали по равнине.

Хафиз ехал впереди. Донья Мария обратила внимание на то, что он забирает влево, вместо того чтобы двигаться прямо.

– Я не могу говорить с ним, потому что он узнает мой голос, – шепнула она попутчице. – Но тебя он не узнает, спроси у него, почему он выбрал другую дорогу.

Аисса по-арабски обратилась к Хафизу, который с удивлением ответил:

– Ведь левая дорога короче, сеньора.

– Хорошо, – сказала Аисса, – но, смотри не заблудись.

– Да нет, что вы! – воскликнул сарацин. – Я знаю, куда еду.

– Он верный человек, не волнуйся, – успокоила ее Мария. – Кстати, я с тобой, а ведь я провожаю тебя лишь с одной целью – выручить тебя, если тебя задержит здесь какая-нибудь банда. К утру ты проедешь пятнадцать льё и сможешь больше не бояться солдатни. Мотриль не дремлет, но слежка его ограничена, ограничивают ее апатия и лень дона Педро.

Утром я с тобой расстанусь, дальше ты поедешь одна, а я, проехав всю страну, вернусь и постучусь в ворота королевского дворца. Я знаю дона Педро, он оплакивает мой отъезд и распахнет мне свои объятия.

– Значит, замок недалеко, – сказала Аисса.

– В семи льё от города, откуда мы выехали, но чуть влево. Он стоит на горе, которую мы увидели бы вон там, на горизонте, если бы показалась луна.

Вдруг луна, словно подслушав донью Марию, выскользнула из-за темной тучи, посеребрив ее края. И мягкий, чистый свет полился на поля и леса, озарив путников.

Хафиз обернулся к своим попутчицам, потом огляделся вокруг; дорога сменилась большой песчаной равниной, ограниченной высокой горой, на которой высились голубоватые, круглые башни замка.

– Замок! – воскликнула донья Мария. – Мы сбились с дороги.

Хафиз вздрогнул; ему показался знакомым этот голос.

– Ты заблудился? – спросила Аисса. – Отвечай!

– Увы! Это правда, – простодушно ответил Хафиз. Едва он произнес эти слова, как из глубокого оврага, окаймленного молодыми дубами и оливами, выскочили четыре всадника; их вынесли на равнину горячие кони с раздутыми ноздрями и развевающимися гривами.

– Что все это значит? – тихо прошептала Мария. – Нас узнали?

И она, не прибавив ни слова, завернулась в широкий плащ.

Хафиз громко, словно он испугался, закричал, но один из всадников заткнул ему рот платком и потащил за собой его мула.

Два других похитителя так больно стегнули мулов обеих женщин, что животные бешеным галопом понеслись к замку.

Аисса хотела было кричать, отбиваться.

– Молчи! – приказала донья Мария. – Со мной тебе не страшен ни дон Педро, ни Мотриль. Молчи!

Четыре всадника, словно стадо в хлев, гнали вперед, к замку, свою добычу. «Похоже, они нас ждали, – подумала донья Мария. – Ворота распахнуты, хотя рог не трубит».

Четыре коня и три мула с шумом въехали во двор замка...

У одного окна, ярко освещенного, стоял человек.

Он радостно вскрикнул, увидев во дворе мулов.

«Это дон Педро, который ждал нас! – пробормотала донья Мария, узнавшая голос короля. – Что все это значит?»

Всадники велели женщинам спешиться и провели их в зал замка.

Донья Мария поддерживала дрожавшую от страха Аиссу.

В зал вошел дон Педро, опираясь на руку Мотриля, глаза которого горели от радости.

– Дорогая Аисса, – сказал король, бросаясь к девушке, которая, дрожа от негодования, с пылающими глазами и дро-

жащими губами смотрела на свою попутчицу и, казалось, обвиняла ее в измене.

– Дорогая Аисса, – повторил король, – простите меня, что я так сильно напугал вас и эту добрую женщину. Позвольте мне поздравить вас с благополучным приездом.

– А меня, сеньор, вы не хотите поздравить? – спросила донья Мария, откидывая капюшон плаща.

Дон Педро громко вскрикнул, в испуге отпрянув назад.

Мотриль, бледный и перепуганный, чувствовал, как его оставляют последние силы под убийственным взглядом противницы.

– Ну что ж, хозяин, предоставьте нам комнаты, – сказала донья Мария. – Ведь вы же, дон Педро, здесь хозяин.

Король, поникший, ошеломленный, опустил голову и ушел на галерею.

Мотриль убежал; страх у него уже сменился яростью.

Обе женщины прижались друг к другу и замерли в ожидании. Через несколько минут они услышали, как закрылись ворота.

Дворецкий, до пола согнувшись в поклоне, попросил донью Марию соизволить подняться в ее покои.

– Не покидайте меня! – воскликнула Аисса.

– Ничего не бойся, дитя, ты сама все видишь! Я назвала себя, и моего взгляда хватило, чтобы укротить этих диких зверей ... Ладно, иди со мной... я не оставлю тебя... успокойся.

– А как же вы? О, вам также должно быть страшно!

– Мне? Страшно? – надменно улыбнувшись, спросила Мария Падиля. – И кто же посмеет меня оскорбить? В этом замке не мне надлежит испытывать страх.

V. Патио¹⁸¹ летнего дворца

Комната, куда провели Марию, была ей хорошо знакома. В ней она жила во времена своей власти и своего благоденствия. Тогда весь двор знал дорогу на эти галереи с расписными и позолоченными деревянными колоннами; они окружали патио – садик с апельсиновыми деревьями и мраморным фонтаном. Тогда на ярко освещенных галереях, у богатых парчовых портьер, можно было видеть множество пажей и угодливо суетившуюся прислугу.

В патио, укрытом густыми ветвями цветущих деревьев, тогда слышались мавританские мелодии, такие нежные и сладостно-печальные, словно густые, струящиеся в небо ароматы.

Сегодня здесь царила тишина. Отделенная от других помещений дворца, галерея выглядела мрачной и заброшенной. Деревья по-прежнему покрывала листва, но была она темной и зловещей; из мраморного фонтана извергались пенные потоки, но шум воды был подобен рокоту рассерженного моря.

В конце самой длинной стороны этого параллелограмма маленькая со стрельчатой аркой дверь вела из галереи Марии на галерею короля.

Этот длинный узкий проход напоминал каменный желоб.

---

¹⁸¹ Патио – внутренний дворик испанского дома.

В былые времена дон Педро пожелал, чтобы его обтянули драгоценными тканями, а каменный пол всегда усыпали цветами. Но за долгое отсутствие короля обивка выцвела и порвалась, высохшие цветы шуршали под ногами.

Все, что способствует любви, увядает, когда любовь мертва. Так, сладострастные лианы, цветущие и пышные, обвиваются вокруг дерева, в которое они влюблены, но сохнут и безжизненно никнут, когда перестают впитывать соки и вбирать жизненные силы от своего возлюбленного.

Едва войдя в комнату, донья Мария сразу же потребовала прислугу.

– Сеньора, король остановился в замке ждать начала охоты, – ответил дворецкий. – Он не привез прислуги.

– Хорошо. Однако королевское гостеприимство не допускает, чтобы у гостей отсутствовало самое необходимое.

– Сеньора, я к вашим услугам, и все, что пожелает ваша светлость...

– Тогда принесите напитки и пергамент для письма. Дворецкий поклонился и ушел.

Наступила ночь; в небе замигали звезды. В самом отдаленном уголке патио жалобно ухала сова, заглушая соловья, который пел на ветке под окнами доньи Марии.

Аисса, испуганная зловещими событиями и молчаливой яростью своей попутчицы, трепеща от страха, забилась в глубину темной комнаты.

Она смотрела, как перед ней, словно призрачная тень,

расхаживает взад-вперед донья Мария, обхватив рукой подбородок и устремив глаза в пустоту; но по их блеску было видно, что она что-то замышляет.

Аисса не смела заговорить, боясь вызвать гнев доньи Марии и помешать ей предаваться горю.

Снова появился дворецкий, который принес восковые факелы и положил их на стол.

За ним шел раб с позолоченным подносом, на котором лежали цукаты и стояли два чеканных серебряных кубка и пузатая бутылка хереса.

– Сеньора, желание вашей светлости исполнено, – сказал дворецкий.

– Я не вижу чернил и пергамента, которые просила, – возразила донья Мария.

– Сеньора, мы долго искали, – ответил смущенный дворецкий, – но королевского канцлера в замке нет, а пергаменты хранятся в ларце у короля.

Донья Мария нахмурилась.

– Я понимаю, – ответила она. – Хорошо, благодарю вас, ступайте. Дворецкий ушел.

– Меня терзает жажда, – сказала донья Мария. – Дорогое дитя, налейте мне, пожалуйста, вина.

Аисса быстро наполнила вином один из кубков и подала своей попутчице, которая жадно его выпила.

– Он не дал мне воды, – заметила Мария. – Вино лишь усиливает жажду, но не утоляет ее.

Аисса осмотрелась и увидела большой, разрисованный цветами глиняный кувшин, в которых на Востоке вода сохраняется холодной даже на солнце.

Она зачерпнула своим кубком чистой воды, в которую донья Мария вылила остатки вина из своего кубка.

Но ее ум больше не занимали потребности тела; мысль доньи Марии полностью поглощенная другим, уже блуждала в каких-то зловещих далях.

«Что я здесь делаю? – спрашивала она себя. – Почему теряю время? Должна ли я уличить предателя в измене или мне следует попытаться снова приблизить его?»

Она резко повернулась к Аиссе, с тревогой следившей за каждым ее движением.

– Ну, девушка, ты, у кого такой чистый взгляд, что кажется, будто в твоих зрачках светится душа, ответь другой женщине, несчастнейшей из смертных, есть ли у тебя гордость? Завидовала ли ты иногда блеску моего благополучия? В жуткие часы ночи не был ли твоим советчиком злой ангел, который, отвращая тебя от любви, подталкивал к честолюбию? О Боже, отвечай же! И помни, что вся моя судьба зависит от того, что ты скажешь. Ответь мне, как на исповеди, знала ли ты хоть что-нибудь о похищении, подозревала ли о нем, надеялась ли на это?

– Неужели это вы, госпожа, добрая моя покровительница, – ответила Аисса с печальным и кротким видом, – вы, видевшая, как я лечу на встречу с моим возлюбленным с такой

пылкой радостью, спрашиваете меня, надеялась ли я ехать к другому?

– Ты права, – нетерпеливо перебила донья Мария, – но твой ответ, который, наверное, говорит о непорочности твоей души, все-таки кажется мне уловкой. Видишь ли, моя душа не так чиста, как твоя, ее смущают и потрясают все страсти на свете. Поэтому я и повторяю мой вопрос: честолюбива ли ты? Сможешь ли ты, потеряв свою любовь, утешиться надеждой получить взамен богатство... трон?

– Госпожа, я не красноречива и не знаю, сумею ли я успокоить ваше горе, – с дрожью в голосе ответила Аисса, – но Богом вечно живым, будь он моим или вашим, я клянусь, что если я окажусь во власти доня Педро, а он захочет навязать мне свою любовь, – клянусь вам, у меня будет либо кинжал, чтобы пронзить себе сердце, либо перстень, как у вас, чтобы принять смертельный яд.

– Перстень, как у меня? – воскликнула донья Мария, живо отпрянув назад и пряча под плащом руку. – Значит, тебе известно...

– Да, ведь во дворце все шепчутся о том, что вы, преданная королю дону Педро, боитесь попасть в руки его врагов, когда он проиграет войну, и всегда носите с собой в перстне смертельный яд, чтобы в случае надобности избавиться от врагов... Кстати, таков и обычай моего народа, ради моего Аженора я буду столь же храброй и такой же преданной ему, как вы преданы дону Педро. Я умру, если увижу, что с ним

что-то случилось.

Донья Мария с неистовой нежностью сжала руки Аиссы и даже поцеловала ее в лоб.

– Ты великодушное дитя! – воскликнула она. – И твои слова подскажут мне мой долг, если только мне не придется защищать в этом мире нечто более святое, чем моя любовь...

Да, я должна буду умереть, потеряв мое будущее и мою славу, но кто тогда защитит этого неблагодарного труса, которого я по-прежнему люблю? Кто спасет его от позорной смерти, от еще более позорного краха? У него нет друга, у него есть тысячи жестоких врагов. Ты не любишь его, ты не уступишь ничьим уговорам. Вот все, чего я желаю, ибо всего остального я боюсь. Вот я и успокоилась. Теперь я точно знаю, что мне следует делать. Еще до завтрашнего утра в Испании произойдут перемены, о которых заговорит весь мир.

– Сеньора, не уступайте гневным порывам своей отважной души, – попросила Аисса. – Не забывайте, что я совсем одна, что вся моя надежда, все мое счастье зависят лишь от вас и вашей помощи.

– Я помню об этом, – ответила донья Мария, – горе очистило мою душу, во мне не осталось себялюбия, ведь во мне больше нет прошлой любви. Послушай, Аисса, для себя я все решила и иду к дону Педро. Поищи в украшенном золотом ларце, что стоит в соседней комнате, там должен быть ключ. Это ключ от потайной двери, ведущей в покои дона Педро.

Аисса сбегала в соседнюю комнату и принесла ключ, ко-

торый взяла Мария.

– Значит, сеньора, я останусь одна в этом печальном жилище? – спросила девушка.

– Я нашла для тебя неприступное убежище. Здесь они смогут до тебя добраться, но в самом конце той комнаты, откуда ты принесла ключ, есть еще комнатка, она без окон, с одним входом. Я запрю тебя там, и ты будешь вне опасности.

– Запрете меня? О нет! Одной мне будет страшно.

– Дитя, ты же не можешь пойти со мной, ведь ты боишься, что именно король причинит тебе зло. Поэтому, не бойся! Я же буду с ним.

– Вы правы, – согласилась Аисса. – Да, сеньора, будь по-вашему, я подчиняюсь и буду ждать... Но не в этой темной и отдаленной комнате, – о нет! – а здесь, на подушках, на которых вы отдыхали, здесь, где все будет напоминать мне о вас и вашем покровительстве.

– Да, тебе надо отдохнуть.

– Я не нуждаюсь в отдыхе, сеньора.

– Поступай как знаешь, Аисса, но в мое отсутствие все время моли Аллаха, чтобы он принес мне победу, ибо в этом случае ты открыто и без боязни отправишься в путь, который приведет тебя в Риансерес, и завтра, покидая меня, ты сможешь сказать себе: «Я еду к своему супругу, и нет на земле сил, что разлучат меня с ним».

– Благодарю вас, сеньора, благодарю! – воскликнула девушка, осыпая поцелуями руки своей великодушной подру-

ги. – О, обещаю вам, я буду молиться! Я уверена, что Аллах услышит меня.

В те минуты, когда молодые женщины нежно прощались друг с другом, из внутреннего дворика можно было заметить, что из-под веток апельсиновых деревьев осторожно высунулась голова соглядатая, который в непроницаемой темноте расположился прямо напротив галереи.

Голова, скрытая густой листвой, была неподвижна.

Донья Мария покинула девушку и легкими шагами направилась к потайной двери.

Соглядатая, не шелохнувшись, повернул большие, казавшиеся белыми глаза в сторону доньи Марии, увидел, как она проникла в таинственный коридор, и прислушался.

Действительно, звук открываемой двери, заскрипевшей на проржавевших петлях, был слышен и на другом конце галереи, и голова тут же скрылась в листве, словно змея, которая юрко сползает по дереву.

Это был сарацин Хафиз, который скользнул по гладкому стволу лимонного дерева. Внизу его поджидала какая-то темная фигура.

– Что случилось, Хафиз? Почему ты уже слез? – слышался голос.

– Да, господин, ведь в комнате мне больше нечего было высматривать, донья Мария вышла.

– Куда она пошла?

– Направо, в другой конец галереи, и там исчезла.

– Исчезла! О, клянусь священным именем Пророка, она открыла потайную дверь и отправилась к королю. Мы пропали.

– Вы же знаете, сеньор Мотриль, что я лишь исполняю ваши приказы, – побледнев, сказал Хафиз.

– Хорошо, иди со мной в королевские покои: в этот час там все спят, и стража и придворные. Из патио короля ты заберешься по дереву к его окну, как сделал здесь, и будешь подслушивать там, как подслушивал здесь.

– Есть более простой способ, сеньор Мотриль... вы сами сможете все услышать.

– Какой же... Говори скорей, о великий Аллах!

– Тогда идите за мной... Из патио я по колонне заберусь на галерею, к окну, влезу в него и сумею проскользнуть к задней двери, которую открою вам. Таким образом, вы сможете свободно слышать все, о чем дон Педро и Мария Падилья будут говорить или уже говорят.

– Ты прав, Хафиз, это Пророк осенил тебя. Я сделаю по твоему. Веди меня.

VI. Объяснение

Донья Мария не строила иллюзий: ее положение было чрезвычайно опасно. Утомленный многолетней любовью верной испанки, пресыщенный успехами и озлобленный неудачами, которые очищают только добрые заблудшие души, дон Педро нуждался в возбуждающих средствах, чтобы творить зло, но вовсе не нуждался в советах, чтобы творить добро.

Необходимо было изменить склонности этой души, и здесь для любви не было бы ничего невозможного, но возникла опасность, что дон Педро уже разлюбил донью Марию.

Поэтому она вслепую шла по тому пути, который ее врагу Мотрилю было хорошо известен. Нет сомнений, что, если бы донья Мария встретила сейчас Мотриля, имея в руках кинжал, она безжалостно сразила бы врага, ибо чувствовала, что проклятое влияние мавра уже целый год тяготеет над ее жизнью, победа склоняется на его сторону.

Обо всем этом думала Мария, открывая потайную дверь и проникая в покои короля.

Испуганный и растерянный, дон Педро как тень расхаживал по галерее. Молчание доньи Марии, ее сдержанная ярость внушали дону Педро самые глубокие тревоги и самый грозный гнев.

— При дворе со мной не считаются, — вслух рассуждал он, —

показывают мне, что я тут не хозяин, и я действительно не хозяин, раз приезд женщины нарушает все мои планы и разрушает все мои надежды на наслаждения. Я должен сбросить это иго... если я недостаточно силен, чтобы сделать это сам, мавры помогут мне.

Он произнес эти слова, когда Мария, словно фея, проскользнувшая по гладким фаянсовым плитам пола, взяла его за руку и спросила:

– Так кто же вам поможет, сеньор?

– Донья Мария! – изумился король, как будто узрел перед собой привидение.

– Да, донья Мария, я пришла спросить у вас, король, неужели совет, если вам угодно, иго благородной испанки, женщины, любящей вас, более постыдно и тягостно, чем иго, навязанное христианскому королю дону Педро мавром Мотрилем?

Дон Педро в бешенстве сжал кулаки.

– Успокойтесь, не гневайтесь, – сказала донья Мария, – сейчас не время и не место для этого. Вы здесь господин, а я, ваша подданная, не стану, как вы понимаете, навязывать вам свою волю. Поэтому, раз уж вы здесь хозяин, сеньор, не утруждайте себя и не сердитесь. Лев не ругает муравья.

Дон Педро не привык к столь робким возражениям своей любовницы. Он в растерянности остановился.

– Так чего же вы хотите, сеньора? – спросил он.

– Совсем немногого, сеньор. Вы, кажется, влюблены в

другую женщину, это ваше право. Я не буду обсуждать, хорошо или дурно ваше поведение, это ваше дело. Я вам не жена, и если бы даже была ею, то помнила бы о том, сколько горя и мук вы принесли тем женщинам, что были вашими супругами.

– Вы обвиняете меня в этом? – гордо спросил дон Педро, который искал повода дать волю своему гневу.

Донья Мария твердо выдержала его взгляд.

– Я не Господь Бог, чтобы обвинять королей в преступлениях! – воскликнула она. – Я женщина: сегодня жива, завтра умру; я былинка, ничто; но у меня есть голос, и я пользуюсь им, чтобы высказать вам то, что вы можете услышать только от меня одной. Вы влюблены, король дон Педро, и каждый раз, когда с вами это случается, облако проходит у вас перед глазами, застилая от вас весь мир... Но почему вы отворачиваетесь? Вы что-то слышите? Что вас занимает?

– Мне показалось, будто я слышу шаги в соседней комнате, – ответил дон Педро. – Нет это невозможно...

– Почему невозможно? Здесь все возможно... Убедитесь в этом сами, прошу вас... Неужели нас подслушивают?

– Нет, двери в эту комнату нет... Я здесь без слуг. Это ночной ветер раздувает портьеры и стучит ставней.

– Я уже сказала вам, – продолжала донья Мария, – что я решила уехать, поскольку вы разлюбили меня.

Дон Педро вздрогнул.

– Мой отъезд вернет вам веселое настроение, чему я весь-

ма рада, – холодно сказала донья Мария, – я делаю это ради вас. Вот почему я уеду, и вы больше никогда обо мне не услышите. С этой минуты, сеньор, у вас больше нет любовницы доньи Марии Падила, а есть скромная служанка, которая сейчас выскажет вам правду о вашем положении.

Вы выиграли сражение, но каждый вам скажет, что эту победу одержали не вы, а другие; в таком случае ваш союзник становится вашим господином, и вы рано или поздно в этом убедитесь. Даже принц Уэльский требует значительные суммы, которые вы ему задолжали, а этих денег у вас нет; двенадцать тысяч английских копеечников, которые сражались за вас, повернут свое оружие против вас.

Тем временем ваш брат граф Энрике заручился поддержкой во Франции, а коннетабль, горячо любимый каждым французом, вернется, испытывая жажду отмщения. Вам предстоит воевать с двумя армиями... Что вы сможете выставить против них? Армию сарацин. О, христианский король, у вас есть единственная возможность вернуться в союз христианских государей, но вы лишаете себя этой возможности. Вы хотите навлечь на себя, помимо оружия земного, гнев папы и отлучение от церкви! Не забывайте, что испанцы – народ набожный, они отвернутся от вас; соседство с маврами уже пугает их и внушает им отвращение.

Но это не все... Человеку, который толкает вас на погибель, мало того, что вас ждет нищета и падение, то есть изгнание и лишение королевской власти, он еще хочет связать

вас узами постыдного брака, сделать вас вероотступником. Бог свидетель, я не питаю ненависти к Аиссе, я люблю, обещаю, защищаю ее как сестру, ибо знаю ее сердце и знаю ее жизнь. Аисса, если даже она дочь сарацинского султана (это неправда, сеньор, что я вам докажу), достойна стать вашей женой не больше меня, дочери древних рыцарей Кастилии, благородной наследницы двадцати поколений предков, которые служили христианским королям. Но скажите, разве я когда-нибудь требовала от вас освятить браком нашу любовь, хотя я могла этого добиться? Ведь вы, король дон Педро, любили меня!

Дон Педро вздохнул.

– Но и это еще не все, Мотриль говорит вам о любви Аиссы, да нет, он, наверное, обещает вам ее любовь.

Дон Педро с тревогой и с таким страстным вниманием смотрел на нее, как будто хотел услышать слова доньи Марии прежде, чем та их произнесет.

– Он уверяет, что она вас полюбит, не правда ли?

– Когда еще это будет, сеньора!

– Это может быть, государь, хотя вы заслуживаете большего, чем эта любовь. По-моему, в вашем королевстве найдутся особы (и особы эти – ровня Аиссе), которые вас просто обожают.

Чело доня Педро посветлело; донья Мария умела ловко играть на чувствительных струнках его души.

– Но все-таки донья Аисса не полюбит вас, – продолжала

молодая женщина, – потому что она любит другого.

– Неужели это правда? – в ярости вскричал дон Педро. – Неужели не клевета?

– Вовсе не клевета, сеньор, и если вы сами сию минуту спросите об этом Аиссу, то она слово в слово повторит вам все, о чем я вам сейчас расскажу.

– Расскажите, сеньора, расскажите. Сделав это, вы окажете мне поистине огромную услугу. Аисса любит другого... И кто же он?

– Рыцарь из Франции, по имени Аженор де Молеон.

– Тот посол, что приезжал ко мне в Сорию? И Мотриль знает об этом?

– Знает.

– Вы уверены?

– Клянусь вам!

– Значит, сердце Аиссы полностью занято другим, и обещать мне ее любовь было со стороны Мотриля наглой ложью, гнусным предательством?

– Наглой ложью и гнусным предательством.

– Вы сможете это доказать, сеньора?

– Как только вы мне прикажете, сир.

– Повторите мне слова Аиссы, чтобы я сам в этом убедился. Донья Мария смерила короля надменным взглядом. Она держала дона Педро в руках, зная такие его качества, как гордость и ревность.

– «Клянусь Богом, – сказала мне недавно Аисса, – и ее

слова еще звучат в моих ушах, – если я окажусь во власти дона Педро и он захочет навязать мне свою любовь, клянусь Аллахом, что при мне будет либо кинжал, чтобы пронзить себе сердце, либо такой же перстень, как у вас, чтобы принять смертельный яд». И она показала на перстень, что я ношу на пальце, сеньор.

– На этот перстень... – с ужасом повторил дон Педро. – И что же в этом перстне, сеньора?

– В нем, действительно, сильный яд, сеньор. Я ношу его уже два года, чтобы остаться свободной телом и душой в тот день, когда в превратностях вашей судьбы, которые я так преданно делила с вами, меня постигнет неудача, что выдаст меня вашим врагам.

Дон Педро почувствовал легкое раскаяние, видя бесхитрое и трогательное мужество женщины.

– У вас благородное сердце, Мария, – сказал он, – и ни одну женщину я никогда не любил так сильно, как любил вас... Но неудачи нам не грозят, и вы можете жить спокойно!

«Так сильно, как любил вас! – повторила про себя Мария, бледнея, но ничем не выдавая своего волнения. – Он уже не говорит, как сильно он меня любит!»

– Значит, вот как думает Аисса? – помолчав, спросил дон Педро.

– Именно так, сеньор.

– Она боготворит этого французского рыцаря?

– Это любовь, равная той любви, которую я испытывала к

вам, – ответила донья Мария.

– Вы сказали, «испытывали»? – спросил дон Педро, обладавший более слабым характером, чем его любовница, и при первом уколе проявлявший свою боль.

– Да, сеньор.

Дон Педро нахмурился.

– Я могу расспросить Аиссу...

– Когда вам будет угодно.

– Она будет говорить в присутствии Мотриля?

– В присутствии Мотриля, сеньор.

– И расскажет во всех подробностях о своей любви?

– Она даже признается в том, чего стыдится женщина.

– Мария! – вскричал дон Педро, внезапно охваченный страшным гневом. – Что вы сказали, Мария?!

– Правду, как всегда, – спокойно ответила она.

– Аисса обещана?

– Аисса, которую хотят посадить к вам на трон и уложить в вашу постель, обручена с сеньором де Молеоном теми узлами, которые теперь может разорвать только Бог, ибо это узлы свершившегося брака...

– Мария! Мария! – кричал король, пьяный от ярости.

– Я должна была сделать вам это последнее признание...

Это я по просьбе Аиссы провела француза в комнату, где Мотриль держал ее взаперти, это я, защищая их любовь, должна была соединить их на земле Франции.

– Ну, берегись, Мотриль! Все наказания слишком малы,

все попытки слишком слабы, чтобы заставить тебя расплатиться за это подлое преступление! Приведите ко мне Аиссу, сеньора, прошу вас.

– Государь, я немедленно иду к ней... Но, умоляю вас, подумайте о том, что я выдала тайну девушки, служа интересам и чести моего короля... Не лучше ли будет, если вы удовлетворитесь моим рассказом, неужели вы не можете поверить мне без этого доказательства, которое отнимает честь у несчастного ребенка?

– Ага! Вы боитесь, вы обманываете меня!

– Я не боюсь, государь, я хочу лишь заслужить немного вашего доверия. Ведь точно так же мы получим через несколько дней доказательство без шума, без скандала, который погубит девушку.

– Я хочу получить это доказательство сию же минуту и требую его от вас, иначе я не поверю вашим обвинениям.

– Я повинуюсь, господин мой, – мучительно страдая, ответила Мария.

– Я жду вас с большим нетерпением, сеньора.

– Ваша воля будет исполнена, государь.

– Если вы сказали правду, донья Мария, то завтра в Испании не останется ни одного мавра: они все станут изгнанниками и беглецами.

– Значит, завтра, сеньор, вы станете великим королем, а я, несчастная беглянка, бедная покинутая женщина, буду благодарить Бога за высочайшее счастье, которое он даровал

мне в этом мире, – за уверенность в вашем благополучии.

– Сеньора, вы побледнели, вы еле держитесь на ногах, не желаете ли, чтобы я позвал...

– Не надо никого звать, государь, прошу вас... Я пойду к себе... Я попросила принести вина, приготовила прохладительное питье, которое ждет меня на столе... У меня жар, но когда я утолю жажду, мне станет лучше, поэтому не беспокойтесь обо мне, прошу вас. Но я клянусь вам, – вдруг воскликнула Мария, быстро идя в сторону соседней комнаты, – клянусь, что там кто-то есть! На этот раз я слышала чьи-то шаги, я не ошиблась...

Дон Педро и Мария, схватив факелы, бросились в комнату: она была пуста, ничто не обнаруживало, что в ней кто-то был.

Только портьера перед наружной дверью, которую Хафиз показал Мотрилю, дрожала.

– Никого! – удивилась Мария. – Но я ясно слышала.

– Я вам говорил, что здесь никого быть не может... О Мотриль, Мотриль! Как страшно я отомщу тебе за предательство. Так значит, сеньора, вы вернетесь?

– Я только предупрежу Аиссу и вернусь через потайной ход.

Донья Мария попрощалась с королем; охваченный лихорадочным нетерпением, он почти не чувствовал в душе признательности к той, которую он в прошлом любил.

А ведь донья Мария была женщиной красивой и страст-

ной, такой женщиной, которую, увидев однажды, забыть нельзя было.

Гордая и смелая, она внушала уважение, когда боролась за свою любовь. Не раз этот король-деспот дрожал, видя ее в гневе, но гораздо чаще его пресыщенное сердце трепетало в ожидании прихода любовницы. Поэтому, когда она ушла, объяснившись с ним, у него возникло желание побежать следом за ней с мольбой:

– Мне не нужна Аисса, мне ни к чему мелкие подлости, что творятся под покровом ночи. Вы единственная, кого я люблю, только вы можете утолить мою страстную жажду любви.

Но донья Мария закрыла за собой железную дверь, и король лишь мог услышать, как, задевая стены, прошелестело ее платье, а под ногами захрустели сухие ветки.

VII. Перстень Марии и кинжал Аиссы

Когда донье Марии почудилось, будто в соседней комнате кто-то ходит, Мотриль всего лишь едва коснулся ногой пола. Он снимал сандалии, чтобы поближе подойти к ковровой портъере и услышать, что замышляется против него. Раскрытие тайны Аиссы внушило ему опасения и страх. Он не сомневался, что донья Мария его ненавидит; он был уверен, что она попытается погубить его, хуля его политику и раскрывая его честолюбивые планы; но ему была невыносима мысль, что дон Педро может оказаться равнодушным к Аиссе.

Аисса, обрученная с Молеоном, Аисса, потерявшая девственность, лишалась для дона Педро прелести и привлекательности; перестать держать в руках дона Педро обещанием любви Аиссы означало для Мотриля потерять узду, на которой он старался удерживать этого необузданного скакуна.

Пройдет несколько мгновений, и вся эта постройка, возведенная тяжким трудом, рухнет. Аисса, уверенная в том, что она под защитой Марии Падилаи, вместе с подругой явится к дону Педро и до конца раскроет ему свою тайну... Тогда донья Мария снова вернет себе все свои права, а Аисса их потеряет; тогда Мотриль, пристыженный, опозоренный, презираемый всеми, словно жалкий фальшивомонетчик, отправится вместе с соотечественниками в мрачный путь из-

гнания, если, конечно, прежде его не унесет в могилу ураган королевского гнева. Вот что вставало перед мысленным взором мавра, когда Мария объяснялась с доном Педро, и вот почему ее слова, словно капли расплавленного свинца, падали на свежую рану честолюбца Мотриля.

Охваченный ужасом, прерывисто дыша, то холодный, как мрамор, то пышащий жаром, как кипящая сера, Мотриль, сжав рукоятку своего надежного кинжала, спрашивал себя, почему он не убьет одним махом своего повелителя, который слушает, и разоблачительницу, которая рассказывает, почему не спасает свою жизнь и свое дело.

Если рядом с доном Педро находился бы другой ангел-хранитель, а не Мария, этот ангел обязательно предупредил бы короля, какой страшной опасности он подвергается в эти мгновенья.

Неожиданно чело Мотриля разгладилось, пот, который струился по нему, стал менее обильным и не столь холодным. Два слова Марии, открывшей ему путь к спасению, одновременно заронили мысль о преступлении.

Поэтому он дал ей спокойно договорить; она могла высказать дону Педро все, что думает; и, лишь услышав ее последние слова, мавр, уже не надеясь что-то еще узнать, покинул свое укрытие, и ковровая портьера задрожала после его ухода, на что обратили внимание дон Педро и донья Мария.

Выйдя из комнаты, Мотриль на секунду остановился и подумал: «Я в три раза быстрее попаду в ее комнату через па-

тио, чем она – через потайной ход».

– Хафиз, беги на переход в галерею, – сказал он, ударив по плечу этого молодого тигра, который на лету ловил каждое его приказание, – удержи донью Марию, когда она появится, проси у нее прощения так, словно тебя привело к ней раскаяние, обвиняй меня, если хочешь, признавайся во всем, выдавай все тайны... Делай все что угодно, только удержи ее на пять минут, пока она не вошла на галерею.

– Слушаюсь, господин, – ответил Хафиз и, вскарабкавшись, словно ящерица, по деревянной колонне, оказался на переходе в галерею, где уже слышались шаги Марии Падильи.

Тем временем Мотриль обогнул сад, по лестнице взобрался на галерею и проник в комнату доньи Марии. В одной руке он сжимал кинжал, в другой держал маленький золотой пузырек, который достал из-за широкого пояса.

Когда он вошел в комнату, древко факела уже залил наполовину створевший воск. Аисса безмятежно спала на подушках. Из ее приоткрытых уст вместе с ароматом дыхания иногда слетало дорогое имя.

– Сначала ее, – зловеще глядя на Аиссу, прошептал мавр. – Мертвая, она не признается в том, в чем хочет заставить ее признаться донья Мария... «О, Аллах! убить мое дитя, – бормотал он, – спящее дитя... ту, кому, если бы я не испугался, Аллах Всемогущий, наверное, предназначает корону... Нет, подождем... Пусть она умрет последней, а я сохраню еще хоть миг надежды».

Он подошел к столу, взял серебряный кубок, наполненный тем питьем, что приготовила для себя Мария, и вылил туда содержимое золотого пузырька.

– Мария, – жутко усмехнувшись, еле слышно пробормотал он, – я вылил в твой кубок яд, он, наверное, слабее того, что ты прячешь в своем перстне, но ведь мы бедные мавры, варвары; прости меня: если тебе не понравится мой напиток я предложу тебе свой кинжал.

Едва он высыпал яд, как до его слуха донесся умоляющий голос Хафиза, прерываемый более громким голосом доньи Марии, которую юноша задержал в потайном коридоре.

– Сжальтесь, – умоляло это юное чудовище, – простите моей молодости, я не знал, на что толкнул меня мой господин.

– Я решу потом, как с тобой быть, пропусти меня! – ответила донья Мария. – Я все разузнаю и сумею выяснить в рассказах свидетелей ту правду, что ты от меня скрываешь.

Мотриль сразу же спрятался за ковром, которым было завешено окно. Стоя здесь, он мог все видеть и слышать, мог броситься на Марию, если бы она захотела выйти из комнаты.

Хафиз, которого она прогнала, не спеша скрылся под темными сводами галереи.

После этого можно было видеть, как Мария вошла в свои покои и с каким-то совершенно необъяснимым волнением стала смотреть на спящую Аиссу.

– Я осквернила в глазах мужчины нежную тайну твоей любви, – шептала она, – очернила твою голубиную красоту, но вред, который я тебе причинила, вознагражден, несчастное дитя, твой сон под моей защитой... Спи! Я дарю твоим милым снам еще несколько минут!

Она подошла к Аиссе. Мотриль сжал свой длинный кинжал.

Но сделанное ею движение приблизило донью Марию к столу, где она увидела свой серебряный кубок с золотистой жидкостью, которая манила ее пересохшие губы.

Она взяла кубок и стала пить жадными глотками.

Нёбом она еще чувствовала вкус последнего глотка, когда всепронизывающий холод смерти уже коснулся сердца.

Она пошатнулась, глаза ее потускнели, она положила обе руки на грудь и, угадывая в этой необъяснимой боли новое горе, а может быть, и новую измену, она со страхом и ужасом огляделась вокруг, словно вопрошая одиночество и сон – двух безмолвных свидетелей ее страданий.

Боль вспыхнула в ее груди пожаром, Мария побагровела, пальцы ее сжались; ей казалось, что сердце готово выскочить у нее из груди, и она открыла рот, пытаясь закричать.

Быстрый как молния, Мотриль приглушил этот крик смертельным объятием. Тщетно Мария пыталась вырваться из его рук, напрасно кусала пальцы сарацина, зажимавшие ей рот.

Мотриль, не отпуская ее рук и не давая несчастной кри-

чать, задул свечу, и Мария, погрузившись во тьму, погрузилась и в небытие.

Несколько секунд ее ноги судорожно бились об пол, и этот шум разбудил юную мавританку.

Аисса встала и, двигаясь вперед в темноте, споткнулась о труп. Она упала в объятия Мотриля, который, заломив ей руки, полоснул ее по плечу кинжалом и швырнул на тело Марии.

Обливаясь кровью, Аисса потеряла сознание. После этого Мотриль сорвал с пальца Марии перстень с ядом.

Он высыпал яд в серебряный кубок и снова надел кольцо на палец жертвы. Потом, испачкав в крови кинжал, висевший на поясе юной мавританки, положил его рядом с Марией таким образом, чтобы ее пальцы касались оружия. Эта жуткая мистерия заняла меньше времени, чем требуется индийской змее, чтобы задушить пару резвящихся на солнце газелей, которых она подстерегает в травах саванны.

Мотрилю, чтобы окончательно завершить свое преступление, оставалось лишь отвести от себя любые подозрения.

Это было совсем просто. Он вошел в соседний внутренний дворик, как будто возвращался из ночного дозора и спросил у прислуги, спит ли король. Ему ответили, что короля видели нетерпеливо расхаживающим по своей галерее.

Мотриль велел принести себе подушки, приказал слуге прочесть ему несколько стихов Корана и, казалось, погрузился в глубокий сон.

Хафиз, который не мог спросить совета у своего господина, все понял благодаря своему чутью. Невозмутимый, как всегда, он смешался с охраной короля. Так прошло полчаса. Глубочайшая тишина воцарилась во дворе.

Вдруг душераздирающий, жуткий вопль послышался из глубины королевской галереи; это был голос короля, кричавшего: «На помощь! На помощь!»

Все кинулись на галерею; стражники бежали с обнаженными мечами, слуги – с первым попавшимся под руку оружием.

Мотриль, протирая глаза и присев на подушках, словно еще был отягощен сном, спросил:

– Что случилось?

– На помощь королю! На помощь королю! – кричали бегущие.

Мотриль поднялся и пошел за ними. Он заметил, что в ту же сторону идет Хафиз, который тоже тер глаза и притворялся, будто сильно удивлен.

Тут все увидели дона Педро, который с факелом в руке стоял на пороге покоев доньи Марии. Он громко кричал, был бледен, изредка оглядывался назад, на комнату, и начинал еще громче стенать, выкрикивать проклятия.

Мотриль прошел сквозь молчаливую, дрожавшую от страха толпу, что окружала полуобезумевшего короля.

Десятки факелов заливали галерею кровавыми отблесками.

– Смотрите! Смотрите! – кричал дон Педро. – Мертвы!

Обе мертвы!

– Мертвы! – глухо повторяли в толпе.

– Мертвы? Кто мертв, мой господин? – спросил Мотриль.

– Посмотри, бесстыдный сарацин! – вскричал король, у которого от ужаса волосы стояли дыбом.

Мавр взял из рук солдата факел, неторопливо вошел в комнату и испуганно (или прикинувшись испуганным) отпрянул назад при виде двух трупов и пятен крови на полу.

– Донья Мария! – прошептал он. – Донья Аисса! – вскричал он. – О, Аллах!

– Донья Мария! Донья Аисса! Мертвы! – дрожа от ужаса, повторяла толпа. Мотриль опустился на колени и с горестным вниманием стал разглядывать обе жертвы.

– Господин, – обратился он к дону Педро, который еле держался на ногах, обхватив голову вспотевшими руками, – налицо преступление, прикажите всех удалить отсюда.

Король молчал... Мотриль взмахнул рукой, и все медленно разошлись.

– Мой господин, здесь совершено преступление, – с ласковой настойчивостью повторил мавр.

– Негодяй! – придя в себя, воскликнул дон Педро. – Ты еще здесь, предатель!

– Мой повелитель тяжело страдает, раз он грубо оскорбляет своих лучших друзей, – с невозмутимой кротостью ответил Мотриль.

– Мария... Аисса... Обе мертвы! – словно в бреду твердил дон Педро.

– Мой господин, заметьте, я ведь не жалуясь, – сказал Мотриль.

– Тебе ли жаловаться, гнусный изменник! Да и на что ты стал бы жаловаться?

– На то, что в руке доньи Марии я вижу кинжал, которым она пролила священную кровь моих султанов, убив дочь моего досточтимого властелина, великого халифа.

– Верно, в руке доньи Марии кинжал, – пробормотал дон Педро. – Но кто же тогда убил донью Марию? Лицо ее выглядит чудовищно, в глазах застыла угроза, на губах выступила пена...

– Как я могу знать это, мой господин? Ведь я спал и пришел сюда после вас.

И сарацин, взглядевшись в мертвенно-бледное лицо Марии, молча покачал головой, с интересом рассматривая еще наполовину наполненный кубок.

– Яд! – прошептал он.

Король склонился над трупом и с мрачным испугом схватил окоченевшую руку.

– Да яд! – вскричал дон Педро. – Перстень пустой!

– Перстень? – повторил Мотриль, разыгрывая изумление. – Какой перстень?

– Перстень со смертельным ядом, – вскричал король. – О, смотрите же! Мария отравилась. Мария, которую я ждал,

Мария, что еще могла надеяться на мою любовь...

– Нет, господин, я думаю, вы ошибаетесь, донья Мария ревновала и давно знала, что ваше сердце занято другой женщиной. Донья Мария, не забывайте об этом, ваша светлость, наверное, ужаснулась и была смертельно уязвлена в своей гордости, увидев, что к вам приехала Аисса, которую вы призывали сюда. Когда ее гнев прошел, она предпочла смерть разлуке с вами... Кстати, она умерла, отомстив, а мстить за себя для испанки – наслаждение, которое ей дороже жизни.

Эти слова, проникнутые изощренным коварством, их наивный доверительный тон на мгновение успокоили дону Педро. Но вдруг его снова охватили горе и злоба, и он, сжав мавра за горло, вскричал:

– Ты лжешь, Мотриль! Ты играешь со мной! Ты объясняешь смерть доньи Марии тем, что я покинул ее. Неужели ты не знаешь или притворяешься, будто не знаешь, что донья Мария, моя благородная подруга, была мне дороже всего.

– Мой господин, вы мне говорили совсем другое в тот день, когда упрекали донью Марию в том, что она вам надоела.

– Не говори об этом, проклятый, над ее трупом!

– Господин, лучше я отрежу свой язык, лишу себя жизни, чем навлеку гнев моего короля, хотя я хотел утешить его боль и теперь пытаюсь делать это как верный друг.

– Мария! Аисса! – как потерянный повторял дон Педро. – Я отдам мое королевство за то, чтобы хоть на час вернуть

вас к жизни!

– Аллах делает так, как ему угодно, – зловеще прогна-вил мавр. – Он отнял радость моих стариковских дней, цвет-ток моей жизни, жемчужину невинности, что украшала мой дом.

– Нечестивец! – вскричал дон Педро, в котором эти с тай-ным умыслом сказанные слова пробудили себялюбие, а сле-довательно, и гнев, – и ты еще смеешь говорить о чистоте и невинности Аиссы, ты, кому известно о ее любви к француз-скому рыцарю, ты, знающий о ее позоре...

– Я? – сдавленным голосом спросил мавр. – Я знаю о по-зоре доньи Аиссы, обещеченной Аиссы? И кто же это ска-зал? – издал он яростное мычание, которое, хотя и было при-творным, не было от этого менее страшным.

– Та, кому твоя ненависть больше не причинит вреда, та, кто не лгала, та, кого отняла у меня смерть.

– У доньи Марии был свой интерес это говорить, – с пре-зрением возразил сарацин. – Она могла это сказать из-за любви, потому что она умерла от любви, но оклеветать она могла из мести, потому что Аиссу она убила из мести.

Дон Педро замолчал, задумавшись над этим обвинением, столь убедительным и столь дерзким.

– Если бы донью Аиссу не сразил удар кинжала, – приба-вил Мотриль, – люди, наверное, стали бы нам говорить, что это она хотела убить донью Марию.

Последний довод превосходил все границы наглости. Дон

Педро воспользовался им, чтобы истолковать его по-своему.

– Почему бы нет... – сказал он. – Донья Мария выдала мне тайну твоей мавританки, разве та не могла отомстить доносчице?

– Не забывай, что перстень доньи Марии пуст, – возразил Мотриль. – Гак, кто же высыпал из него яд, если не она сама... Король, ты совсем слеп, ибо за смертью обеих женщин не видишь, что Мария тебя обманула.

– Каким же образом? Она должна была предоставить доказательства, привести Аиссу, чтобы та подтвердила мне слова Марии.

– И она пришла?

– Она мертва.

– Чтобы вернуться, ей необходимо было иметь доказательства, а ничего доказать она не могла.

И дон Педро снова опустил голову, теряясь в страшной неизвестности.

– Правду, кто скажет мне правду? – бормотал он.

– Я говорю тебе правду.

– Ты? – вскричал король с удвоенной ненавистью. – Ты чудовище, это ты преследовал донью Марию, это ты настаивал, чтобы я бросил ее, это ты виновник ее смерти... Ну что ж! Ты исчезнешь из моих провинций, отправишься в изгнание, вот единственная милость, которую я могу тебе оказать.

– Тише, мой господин! Свершилось чудо, – сказал Мотриль, не отвечая на яростную угрозу дона Педро. – Сердце

донья Аиссы бьется у меня под рукой, она жива, жива!

– Жива, ты уверен? – спросил дон Педро.

– Я чувствую биение сердца.

– Рана не смертельная, может быть, позвать врача...

– Никто из христиан не прикоснется к благородной дочери моего султана, – с суровой властностью возразил Мотриль. – Может быть, Аисса и не выживет, но если она будет спасена, то спасу ее только я.

– Спаси ее, Мотриль! Спаси... Чтобы она все рассказала... Мотриль пристально посмотрел на короля.

– Когда она заговорит, мой повелитель, то и расскажет все, – сказал он.

– Понимаешь, Мотриль, тогда мы все узнаем.

– Да, господин, мы узнаем, клеветник ли я и обесчещена ли Аисса.

Тогда дон Педро, который стоял на коленях перед двумя телами, посмотрел на зловещее лицо Марии, уродливо искаженное смертью; потом перевел взгляд на спокойное и нежное лицо Аиссы, которая спала обморочным сном.

«Донья Мария, действительно, была очень ревнивой, – думал он, – и я всегда помнил, что она не защитила Бланку Бурбонскую, которую я казнил из-за нее».

Он встал, желая теперь смотреть только на девушку.

– Спаси ее, Мотриль, – попросил он сарацина.

– Не беспокойтесь, господин, я хочу, чтобы она жила, и она будет жить. Дон Педро, охваченный каким-то суеверным

страхом, удалился, и ему казалось, что призрак доньи Марии поднялся с пола и идет вслед за ним по галерее.

– Если девушка будет в состоянии говорить, – сказал он Мотрилю, – приведи ее ко мне или сообщи мне, я желаю ее расспросить.

Таковы были его последние слова. Он вернулся к себе без сожалений, без любви, без надежды.

Мотриль приказал закрыть все двери, послал Хафиза нарвать лечебных трав, соком которых умастил рану Аиссы, ту рану, которую он нанес кинжалом так же умело, как хирург делает надрез скальпелем.

Аисса сразу же пришла в себя, когда Мотриль дал ей подышать какими-то пахучими благовониями. Она была совсем слаба, но вместе с силами к ней вернулась память; первым признаком жизни у нее был вырвавшийся крик ужаса. Она увидела бездыханное тело Марии Падильи, распростертое у ее ног; в глазах покойной еще можно было уловить угрозу и отчаяние.

VIII. Тюрьма славного коннетабля

Тем временем Дюгеклена перевезли в Бордо, резиденцию принца Уэльского, и он убедился, что обходятся с ним с величайшим почтением, хотя и как с пленником, за которым не отступно следят. В замке, куда его заточили, распоряжались управляющий и смотритель. Сотня солдат несла охрану, никого не пропуская к коннетаблю.

И все-таки самые высокопоставленные офицеры английской армии считали за честь нанести визит пленнику Джон Чандос, сир д'Альбре и важные сеньоры Гиени добились разрешения обедать, а часто и ужинать вместе с Дюгекленом который, будучи славным сотрапезником и весельчаком, чудесно их принимал; чтобы хорошо их угостить, он занимал деньги у ростовщиков Бордо под свои поместья в Бретани.

Постепенно коннетабль усыпил недоверчивость гарнизона замка. Казалось, ему нравится находиться в тюрьме, и он не обнаруживает ни малейшего желания оказаться на свободе.

Когда его навещал принц Уэльский то Дюгеклен, смеясь, заговаривал с ним о выкупе.

– Выкуп собирают, ваша светлость, потерпите немного, – шутил он.

Принц в ответ делился с ним своими заботами. Дюгеклен с присущей ему откровенностью упрекал принца за то, что

тот поставил свой гений и свою силу на службу такому вредному делу, как поддержка дона Педро.

– Каким образом рыцарь с вашим положением и вашими заслугами мог опуститься до того, чтобы защищать этого вора, убийцу, этого коронованного вероотступника? – спрашивал Дюгеклен.

– Из-за государственных интересов, – отвечал принц.

– И желания не давать покоя Франции, так ведь? – допытывался коннетабль.

– Ах, мессир Бертран, не заставляйте меня говорить о политике, – просил принц.

И оба смеялись.

Иногда герцогиня, жена принца Уэльского,¹⁸² посылала Бертрану напитки, подарки, сделанные своими руками, и эти трогательные знаки внимания скрашивали пленнику пребывание в крепости.

Однако рядом с ним не было никого, кому он мог бы доверить свои горести, а они были велики. Он видел, что время уходит, чувствовал, что его собранная с огромными трудностями армия с каждым днем рдеет, и поэтому гораздо сложнее будет ее собрать, когда это потребуется.

Почти на его глазах разворачивалась картина пленения его боевых товарищей – тысячи двухсот офицеров и солдат, взятых при Наваррете, – этого ядра непобедимого войска; они,

---

¹⁸² Джоан, графиня Кентская (1328–1385), – жена принца Уэльского с 1361 г. Дюма называет ее герцогиней, так как принц Эдуард имел также титул герцога.

получив свободу, станут с упорством собирать остатки той великой мощи, что в один день была раздавлена неожиданным поражением.

Часто он думал о короле Франции, которому в это время, вероятно, приходилось очень нелегко. Из глубины своей мрачной тюрьмы он видел, как его дорогой и почитаемый король, опустив голову, прохаживается под шпалерами сада дворца Сен-Поль, то впадая в отчаяние, то надеясь, и шепчет, подобно Августу:¹⁸³ «Бертран! Верни мне мои легионы!»

А в это время, прибавлял Дюгеклен в своих внутренних монологах, Францию захлестывает лавина наемных отрядов, всех этих Каверлэ, смельчаков, которые, подобно саранче, пожирают остатки скудной жатвы.

Потом Дюгеклен мысленно обращался к Испании и раздумывал о подлых обманах дона Педро, о жалком положении Энрике, навсегда свергнутого с трона, к которому только лишь прикоснулся. И тогда коннетаблю трудно было сдержаться, и он обвинял в трусливой лени этого графа, который, вместо того чтобы упорно продолжать свое дело, посвятив ему свою судьбу, свою жизнь, и поднять половину христианского мира против неверных испанцев, связанных с доном

---

¹⁸³ Август (63 до н. э. – 14 н. э.) – первый римский император с 27 г. до н. э. Здесь Дюма перефразирует ставший пословицей горестный возглас Августа, когда он узнал о разгроме германцами войск римского полководца Публия Квентилия Вара в 9 г. н. э. в битве в Тевтобургском лесу. Согласно историку Светонию (ок. 70 – 160 н. э.), император в отчаянии воскликнул: «Квентилий Вар, верни легионы!»

Педро, вероятно, недостойно выпрашивал себе кусок хлеба у какого-нибудь безродного сеньора.

Когда этот поток мыслей переполнял душу славного коннетабля, тюрьма представлялась ему невыносимой; он смотрел на железные решетки, словно Самсон¹⁸⁴ на петли ворот в Газе, и чувствовал в себе силу унести на своих плечах целую стену.

Но осторожность быстро подсказала ему, что не следует выдавать своих чувств, и, поскольку бретонская честность соединялась у Бертрана с нормандской хитростью, поскольку он был одновременно умным и сильным, коннетабль никогда не был столь безудержно веселым, никогда не жил так шумно, как в часы отчаяния и тоски.

Вот почему он обманул даже самых хитрых из англичан.

Однако верховные правители Англии вели за коннетаблем строжайшее наблюдение. Будучи слишком гордым, чтобы пожаловаться, коннетабль терялся в догадках, кому или чему он обязан строгостям, доходившим до того, что перехватывались письма, которые присылались ему из Франции.

Английский двор считал взятие в плен Дюгеклена одним из важнейших последствий победы при Наваррете.

Коннетабль, действительно, был единственной серьезной

---

¹⁸⁴ Самсон – герой ветхозаветных преданий, наделенный редкостной силой. Когда жители города Газы, узнав о том, что Самсон проведет ночь в доме блудницы, заперли городские ворота, Самсон, встав в полночь, вырвал ворота из земли, взвалил на плечи и, пройдя с ними половину Ханаана, водрузил их на вершине горы близ Хеврона.

помехой, которую англичане, ведомые таким героем, как принц Уэльский, могли встретить в Испании.

Король Эдуард, которому настойчиво это внушали, хотел постепенно распространить свою власть на эту страну, опустошенную гражданской войной. Он прекрасно понимал, что дона Педро, союзника мавров, рано или поздно свергнут, что побежденного дона Энрике убьют и больше не останется претендентов на трон обеих Кастилии, и те станут легкой добычей победоносной армии принца Уэльского.

Но, окажись Бертран на свободе, все сложилось бы иначе: он мог бы вернуться в Испанию, отвоевать потерянное в битве при Наваррете, изгнать англичан и дона Педро, навсегда посадить на трон Энрике де Трастамаре, и с планом покорения Испании, который уже пять лет заботил королевский совет Англии, было бы покончено.

Эдуард оценивал людей не столь по-рыцарски, как его сын. Он предполагал, что коннетабль может бежать, а если ему не удастся сбежать, то его могут похитить; даже плененный, закованный в цепи, бессильный, он, находясь в четырех стенах, мог дать умный совет, предложить удачный план вторжения, вдохнуть надежду в поверженных противников.

Поэтому Эдуард приставил к Дюгеклену двух неподкупных стражей – управляющего замком и тюремщика, которые подчинялись только власти королевского совета Англии.

Эдуард не сообщил принцу Уэльскому, в высшей степени благородному и честному человеку, о тайных замыслах

своих советников. Он боялся, что великодушный принц им воспротивится.

Дело в том, что английский монарх вовсе не намеревался отдавать пленника за выкуп и надеялся, выиграв время, вырвать его из рук принца Уэльского, привезти в Лондон, где тюремная башня, как казалось монарху, будет более надежным хранилищем подобного сокровища, чем замок в Бордо.

Разумеется, принц Уэльский, если бы он знал о таком решении, отпустил бы Дюгеклена на свободу, не дожидаясь на то официального приказа. Поэтому в Лондоне выжидали, когда дела Испании поправятся и дон Педро, хотя бы внешне, укрепитя на троне – Франции при этом нельзя было дать оправиться, – чтобы внезапным государственным решением, приказом большого совета, вызвать в Лондон принца вместе с его пленником.

Итак, английский монарх ждал благоприятного момента.

Дюгеклен же не чувствовал грозы. Он доверчиво жил под дланью, которую считал всесильной, своего победителя при Наваррете.

Но вот, свет, которого так страстно жаждал прославленный пленник, озарил решетки его комнаты. Сир де Лаваль привез в Бордо выкуп. Этот благородный бретонец уведомил о своих намерениях и своей миссии принца Уэльского.

Был полдень. Косые лучи солнца проникали в комнату коннетабля, который сидел в одиночестве и с грустью смотрел, как они все меньше и меньше освещают голую стену.

Зазвучали фанфары, забили барабаны, и коннетабль понял, что к нему явилась знатная особа.

В комнату с непокрытой головой вошел улыбающийся принц Уэльский.

– В чем дело, сир коннетабль? – спросил он, пока Дюгеклен приветствовал его, преклонив колено. – Вы не желаете выйти на солнце? Оно такое прекрасное сегодня.

– Видите ли, ваша светлость, мне больше нравится пение соловьев в родном краю, нежели писк мышей в Бордо, – возразил Дюгеклен. – Но человек не может роптать на то, что делает Бог.

– Совсем наоборот, сир коннетабль, иногда Бог предполагает, а человек располагает. Вам известны новости из Бретани?

– Нет, ваша светлость, – ответил Бертран взволнованным голосом, потому что милое имя родины всколыхнуло в его сердце и тревогу и радость.

– Так вот, сир коннетабль, скоро вы будете свободны, деньги привезли. Сообщив эту новость, принц пожал изумленному Бертрану руку, и, улыбаясь, вышел.

– Господин управляющий, – за дверь обратился он к офицеру, которому была поручена охрана пленника, – извольте пропустить к коннетаблю друга, который привез ему из Франции деньги.

Отдав этот приказ, принц уехал из замка.

Мрачный и озабоченный управляющий остался один на

один с коннетаблем. Неожиданный приезд де Лавалья разрушил все замыслы королевского совета Англии, и, несмотря ни на что, Дюгеклен должен был быть освобожден.

Без специального приказа короля Эдуарда управляющий не мог нарушить волю принца Уэльского, а этот приказ не поступал.

Однако управляющий знал о тайных намерениях королевского совета Англии, понимал, что освобождение коннетабля станет источником несчастий для его родины и огорчит короля Эдуарда. Поэтому он решил попытаться самостоятельно сделать то, чего еще не успело сделать английское правительство, потому что Молеон быстро исполнил свою миссию, а бретонцы с таким же воодушевлением спешили освободить своего героя.

Вот почему управляющий, вместо того чтобы отдать смотрителю приказ пропустить де Лавалья, как ему повелел принц Уэльский, пришел побеседовать с коннетаблем.

– Теперь вы свободны, господин коннетабль, – сказал он, – а потерять вас будет для нас истинным горем.

Дюгеклен улыбнулся.

– Почему же? – спросил он, насмешливо глядя на управляющего.

– Потому что, мессир Бертран, для простого рыцаря, вроде меня, величайшая честь – охранять столь могучего воина, как вы.

– Полно! – воскликнул коннетабль с присущей ему жиз-

нерадостностью. – Я из тех людей, что в итоге сражений вечно попадают в плен. Я непременно снова стану пленником принца, и тогда вы опять будете сторожить меня, ибо, клянусь вам, охраняете вы надежно.

– Мне остается одно утешение, – вздохнул управляющий.

– Какое?

– У меня под стражей тысяча двести ваших товарищей, пленных бретонцев... С ними я и буду вспоминать вас.

Дюгеклен почувствовал, что радость покидает его при мысли об остающихся в плену друзьях, тогда как он, избавившись от рабства, вновь увидит солнце родины.

– Эти достойные воины будут огорчены вашим отъездом, – прибавил управляющий, – но я, благодаря моей доброй службе, скрашу им тоску плена.

Бертран снова вздохнул и на сей раз принялся молчаливо расхаживать взад-вперед по каменным плитам пола.

– Вот оно – прекрасное преимущество гениальности и достоинства! – продолжал управляющий. – Благодаря своим заслугам один человек стоит тысячи двухсот.

– Как это понимать? – спросил Бертран.

– Я хочу сказать мессир, что суммы, привезенной сиром де Лавалем за ваше освобождение, хватит на то, чтобы выкупить тысячу двести ваших товарищей.

– Истинная правда! – пробормотал коннетабль, еще глубже задумавшись и помрачнев.

– Впервые я воочию вижу человека, который может сто-

ить целой армии, – разглагольствовал англичанин. – Ведь ваши тысяча двести бретонцев, сеньор коннетабль, настоящая армия, и они самостоятельно могут вести кампанию. Клянусь святым Георгием, мессир, будь я на вашем месте и имей столько денег, я вышел бы отсюда только как прославленный полководец во главе своих тысячи двухсот солдат.

«Этот славный человек указывает, в чем мой долг, – думал Дюгеклен. – В самом деле, несправедливо, чтобы один человек, созданный, подобно другим людям, из плоти и костей, обходился своей стране столь же дорого, как тысяча двести храбрых и честных христиан».

Комендант внимательно наблюдал, как действуют на коннетабля его намеки.

– Так! – вдруг воскликнул Бертран. – Вы полагаете, что выкуп за бретонцев не превысит семидесяти тысяч флоринов?

– Я уверен в этом, сеньор коннетабль.

– И что принц, получив эти деньги, освободит их?

– Не торгуясь...

– Вы ручаетесь?

– Ручаюсь моей честью и моей жизнью, – ответил управляющий, дрожа от радости.

– Прекрасно, я прошу вас впустить сюда сира де Л авалля, моего соотечественника и друга. Прикажите также моему писцу подняться сюда со всем необходимым, чтобы по форме составить расписку.

Управляющий не терял времени; он был так рад, что забыл о полученном приказе – допускать к пленнику только англичан и наваррцев, его смертельных врагов.

Он передал удивленному тюремщику приказ Бертрана и побежал сообщить обо всем принцу Уэльскому.

IX. Выкуп

Бордо шумел и волновался из-за приезда сира де Лавалья с четырьмя груженными золотом мулами и пятью десятками вооруженных всадников, несущих знамена Франции и Бретани. Значительная толпа следовала за внушительным отрядом, и на лицах можно было прочесть то тревогу и досаду, если это был англичанин, то радость и ликование, если это был гасконец или француз.

Сир де Лаваль на ходу принимал поздравления одних и глухие проклятия других. Но держался он спокойно и невозмутимо; с открытым забралом ехал во главе отряда, вслед за трубачами, положив левую руку на рукоятку кинжала, а в правой держа поводья крепкого черного коня; рассекая волны любопытствующей толпы, не ускорял и не замедлял, несмотря на все препятствия, ход своего коня.

Он подъехал к замку, где содержался Дюгеклен, спешился, отдал коня оруженосцам и приказал погонщикам снять четыре сундука с деньгами.

Пока погонщики сгружали эти четыре тяжелые ноши, а зеваки алчно глазели на отряд, какой-то рыцарь с закрытым забралом – цвета его были неизвестны, девиза у него не было – подошел к сир де Лавалю и обратился к нему на чистом французском языке.

– Мессир, сейчас вы будете иметь счастье увидеть знаме-

нитого пленника и еще большее счастье освободить его, ибо вы уведете его в окружении ваших храбрых солдат, а мне, одному из добрых друзей коннетабля, наверное, не представится возможность сказать ему несколько слов. Не соблаговолите ли вы взять меня с собой в замок?

– Господин рыцарь, ваш голос приятно ласкает мой слух, вы же говорите на языке моей родины, – ответил сир де Лаваль, – но я не знаю вас, и если меня спросят, как вас зовут, мне предстоит солгать...

– Вы ответите, что я бастард де Молеон, – сказал незнакомец.

– Но вы не бастард де Молеон, – возразил де Лаваль. – Сир де Молеон покинул нас, спеша в Испанию.

– Я пришел от него, мессир, не отказывайте мне, я должен сказать коннетаблю одно слово, всего одно...

– Тогда скажите это слово мне, я передам его коннетаблю.

– Я могу сказать его только коннетаблю, и он поймет меня лишь тогда, когда я открою свое лицо. Умоляю вас, сир де Лаваль, не отказывайте мне во имя чести Франции, одним из самых ревностных защитников которой – клянусь вам Богом! – я являюсь.

– Я верю вам, мессир, – сказал де Лаваль, – хотя вы оказываете мне не слишком много доверия... А ведь вам известно, кто я такой, – прибавил он с чувством уязвленной гордости.

– Когда вы узнаете, кто я такой, сир де Лаваль, вы будете говорить со мной другим тоном... Вот уже три дня, как я

нахожусь в Бордо и пытаюсь проникнуть к коннетаблю, но ни золото, ни хитрость не принесли мне удачи.

– Вы не внушаете мне доверия, – возразил сир де Лаваль, – и ради вас я не стану обременять ложью мою совесть. Кстати, зачем вам проникать в замок к коннетаблю, который через десять минут выйдет сюда? Через десять минут он будет здесь, на том месте, где вы стоите, и вы скажете ему ваше столь важное слово...

Незнакомец явно заволновался.

– Прежде всего я не разделяю вашей уверенности, – сказал он, – и не считаю коннетабля свободным. Что-то подсказывает мне, что его освобождение столкнется с большими, чем вы предполагаете, трудностями, и, кстати, вполне допуская, что он выйдет через десять минут, я, сир де Лаваль, хотел бы провести эти минуты в дороге. Тем самым я избежал бы задержек, что связаны с церемонией освобождения: визита к принцу Уэльскому, выражения благодарности управляющему, прощального пира. Я снова прошу вас взять меня с собой... я могу быть вам полезен.

В эту секунду незнакомца прервал начальник тюрьмы, который появился на пороге и пригласил сира де Лавалья подняться в башню замка.

Де Лаваль с неожиданной резкостью простился со своим просителем. Неизвестный рыцарь – казалось, что под доспехами он вздрогнул – встал у столба, позади солдат, и ждал, словно еще на что-то надеясь, до тех пор, пока последний

сундук не исчез в воротах замка.

В то время как сир де Лаваль поднимался по лестнице, можно было видеть, что по открытой галерее, соединявшей два крыла замка, прошел принц Уэльский; впереди него шел начальник тюрьмы, а позади – Чандос и несколько офицеров.

Победитель в битве при Наваррете направлялся с последним визитом к Дюгеклену.

Простолюдины приветствовали принца Уэльского криками «Ура!» и «Да здравствует святой Георгий!»¹⁸⁵

Французские трубачи заиграли в честь героя, который учтиво им поклонился.

Потом ворота закрыли, и вся толпа, сгрудившись у лестницы, с громким ропотом стала ждать выхода коннетабля.

Бретонским солдатам, скоро предстояло увидеть своего великого командира, и сердца их сильно бились; все они отдали бы жизнь, чтобы завоевать ему свободу.

Однако прошло полчаса: нетерпение собравшихся бретонцев перерастало в тревогу.

Неизвестный рыцарь правой рукой разорвал перчатку на левой руке.

Тут на открытой галерее появился Чандос, оживленно беседующий с офицерами, которые, казалось, были чем-то удивлены, даже ошеломлены.

Когда дверь в башню снова открылась, то все увидели не

---

¹⁸⁵ «Да здравствует святой Георгий!» – боевой клич англичан. Святой Георгий считается покровителем Англии.

героя, оказавшегося на свободе, а бледного, растерянного, дрожавшего от волнения сира де Лавалья, который кого-то высматривал в толпе.

К нему подбежали несколько офицеров-бретонцев.

– Ну что там? – с тревогой спросили они.

– О, великое бедствие, странное дело, – ответил де Лаваль. – Но где же незнакомец, этот пророк несчастья?

– Я здесь, – ответил таинственный рыцарь. – Я ждал вас.

– Вы по-прежнему желаете видеть коннетабля?

– Больше, чем раньше!

– Хорошо! Торопитесь, ведь через десять минут будет слишком поздно. Пойдемте! Коннетабль уже не освободится из плена.

– Это мы еще посмотрим, – возразил незнакомец, легко поднимаясь по ступеням за де Лавалем, который тянул его за руку.

Начальник тюрьмы с улыбкой распахнул перед ними дверь, а вся собравшаяся толпа на тысячу разных ладов принялась обсуждать событие, которое задержало освобождение коннетабля.

– Спокойно! – тихо приказал командир бретонцев своим солдатам. – Держать мечи наготове и смотреть в оба!

Х. Каким образом управляющий замка, вместо того чтобы отпустить одного пленника, освободил целую армию

Англичанин не ошибся, он хорошо изучил своего пленника. Едва сир де Лавалью разрешили войти в замок и он обнял коннетабля, едва прошли эти первые мгновения взаимной радости, как коннетабль, рассматривая сундуки, которые погонщики мулов внесли на площадку перед комнатой, воскликнул:

– О, мой дорогой друг, сколько же здесь денег!

– Никогда нам не удавалось так легко собрать подать, – ответил сир де Лаваль, который, гордясь своим соотечественником, не знал, как еще засвидетельствовать ему свое уважение и свою дружбу.

– Значит, пришлось обобрать моих славных бретонцев, и вас в первую очередь, – заметил коннетабль.

– Надо было видеть, как монеты дождем сыпались в мешки сборщиков! – воскликнул сир де Лаваль, довольный тем, что его восторг не нравится англичанину – управляющему замка, который вернулся от принца Уэльского и невозмутимо слушал их разговор.

– Семьдесят тысяч флоринов золотом, огромная сумма! –

снова изумился коннетабль.

– Сумма огромная, когда ее собираешь, и маленькая, когда она собрана и ее надо отдать...

– Друг мой, – перебил его Дюгеклен, – садитесь, прошу вас. Вы знаете, что здесь, в плену, находится вместе со мной тысяча двести наших соотечественников.

– Увы, да, знаю.

– Так вот! Я нашел способ вернуть им свободу. Ведь они попали в плен по моей вине, и сегодня я ее искуплю.

– Каким образом? – с удивлением спросил сир де Лаваль.

– Мессир управляющий, не окажете ли вы мне одолжение вызвать сюда писца?

– Он ждет у дверей ваших приказаний, сир коннетабль, – ответил англичанин.

– Пусть войдет.

Комендант три раза топнул ногой; начальник тюрьмы ввел писца, который, несомненно предупрежденный заранее, приготовил пергамент, перо, чернила, и держал свободной правую руку.

– Запишите то, что я сейчас вам скажу, друг мой, – обратился к нему коннетабль.

– Я жду, ваша светлость.

– Пишите:

«Мы, Бертран Дюгеклен, коннетабль Франции и Кастилии, граф дорийский, настоящим извещаем о великом нашем раскаянии в том, что в приступе безрассудной горды-

ни мы приравняли выкуп за себя к цене тысячи двухсот добрых христиан и храбрых рыцарей, которые, разумеется, стоят больше нас».

Здесь славный коннетабль прервал себя, не обращая внимания на то, как отразилось на лицах присутствующих это вступление.

Писец точно записал его слова.

«Мы смиренно просим прощения у Бога и наших братьев, – продолжал диктовать Дюгеклен, – и во искупление нашего безрассудства внесем семьдесят тысяч флоринов как выкуп за тысячу двести пленных, взятых его светлостью, принцем Уэльским в недоброй памяти битве при Наваррете».

– Вы же рискуете вашим состоянием! – воскликнул сир де Лаваль. – Подобное злоупотребление великодушием, сеньор коннетабль, недопустимо.

– Нет, мой друг, мое состояние уже растрчено, и я не могу обречь госпожу Тифанию на нищету. Она и без этого слишком от меня натерпелась.

– Так что же вы делаете?

– Принадлежат ли мне деньги, которые вы привезли?

– Разумеется, но...

– Молчите... Если они мои, то я вправе ими распоряжаться. Господин писец, диктую:

«Я отдаю в качестве выкупа семьдесят тысяч флоринов, которые мне доставил сир де Лаваль».

– Но, значит, сеньор коннетабль, вы остаетесь пленником! – испуганно вскричал де Лаваль.

– Но пленником, увенчанным бессмертной славой! – воскликнул управляющий замка.

– Это невозможно, рассудите сами, – продолжал де Лаваль.

– Все? – обратился коннетабль к писцу.

– Да, ваша светлость.

– Дайте я подпишу.

Коннетабль взял перо и быстро поставил свое имя на бумаге.

В эту минуту звуки фанфар возвестили о приходе принца Уэльского.

Управляющий замка уже выхватил из рук писца пергамент.

Увидев английского принца, сир де Лаваль подбежал к нему и преклонил колено.

– Ваша светлость, я привез выкуп за господина коннетабля, – сказал он. – Согласны ли вы принять деньги?

– Согласно данному мной слову и от чистого сердца, – ответил принц.

– Эти деньги, ваша светлость, принадлежат вам, – настаивал де Лаваль, – примите их.

– Погодите, – возразил управляющий замка. – Его светлость не знает о том, что здесь произошло... Пусть он сам прочтет документ.

– И отменит его! – воскликнул Лаваль.

– И прикажет его исполнить, – возразил коннетабль.

Принц пробежал глазами пергамент и с восхищением воскликнул:

– Вот истинно благородный поступок! Как бы мне хотелось совершить подобное!

– Вам это ни к чему, ваша светлость, – ответил Дюгеклен. – Ведь вы победитель.

– Значит, ваша светлость не будет удерживать коннетабля? – спросил де Лаваль.

– Нет, разумеется, если он желает ехать, – ответил принц.

– Но я хочу остаться, Лаваль, должен остаться... Спросите у этих господ, что они думают на сей счет.

Чандос, Альбре и другие рыцари громко выражали свое восхищение.

– Ну что ж! – сказал принц. – Пусть пересчитают деньги, а вы, господа, отпустите на свободу пленных бретонцев.

Именно в эту минуту, когда английские командиры вышли из комнаты, де Лаваль, полуобезумев от горя, вспомнил зловещее пророчество неизвестного рыцаря и выбежал из замка, чтобы призвать его на помощь.

Когда де Лаваль вернулся вместе с незнакомцем, английский офицер уже проводил в замке перекличку пленных, сундуки стояли пустыми, а золотые монеты были сложены стопками.

– Теперь скажите коннетаблю то, что вы хотели ему ска-

зять, – шепнул он на ухо рыцарю (принц тем временем дружески беседовал с Дюгекленом), – и, поскольку вы обладаете такой силой, магической или природной, убедите его отдать деньги в качестве выкупа за себя, а не за других.

Незнакомец вздрогнул. Он прошел несколько шагов вперед, и его золотые шпоры зазвенели на каменном полу.

Принц обернулся на звук.

– Кто этот рыцарь? – спросил управляющий замка.

– Мой спутник, – ответил де Лаваль.

– Тогда пусть он откроет забрало и пожалует с миром, – сказал принц.

– Ваша светлость, – обратился к нему незнакомец (услышав его голос, Дюгеклен тоже вздрогнул), – я дал обет не открывать моего лица, позвольте мне его не нарушать.

– Будь по-вашему, господин рыцарь, но ведь вы не скроете свое имя от коннетабля.

– Для него, как и для всех, ваша светлость.

– В таком случае вы должны покинуть замок, потому что у меня приказ пропускать только людей мне известных, – сказал управляющий.

Рыцарь поклонился, словно желая показать, что он не намерен нарушать приказ.

– Пленные свободны, – войдя в зал, объявил Чандос.

– Прощай, Лаваль, прощай! – с замиранием сердца воскликнул коннетабль; это не ускользнуло от де Лавалья, потому что он, сжав руки Бертрана, умолял:

– Ради Бога, еще не поздно, отмените ваше решение.

– Нет, клянусь жизнью, нет! – упорствовал коннетабль.

– Почему вы покушаетесь на славу коннетабля? – спросил де Лавалья управляющий замка. – Сегодня он в плену, а через месяц может оказаться на свободе. Деньги найдутся, а второй возможности приобрести подобную славу не представится.

Принцу и его офицерам явно понравились эти слова. Незвестный рыцарь степенно подошел к управляющему и величественным голосом сказал:

– Это вы, сир управляющий, хотите умалить славу вашего господина, раз вы позволяете ему поступать так, как он сейчас делает.

– Как вы смеете так говорить, мессир? – побледнев, вскричал управляющий. – Вы оскорбляете меня! Обвинять меня в том, что я посягаю на славу его светлости! Подобную ложь искупают смертью!

– Не бросайте мне вызов, не зная, удостою ли я вас, мессир, принять его. Я говорю открыто и правдиво: его светлость посягает на собственную славу, удерживая Дюгеклена в этом замке.

– Ты лжешь! Лжешь! – раздались раздраженные голоса, и одновременно зазвенели мечи.

Принц тоже побледнел, настолько жестоким и несправедливым показалось ему это обвинение.

– Кто вы такой, чтобы диктовать мне здесь свою волю? –

спросил он. – Уж не король ли вы, раз смеете подобным образом разговаривать с сыном короля? Коннетабль может внести свой выкуп и уехать. Если он не платит, то остается в плену, вот и все... К чему эти враждебные выпады?

Неизвестный рыцарь ничуть не смутился.

– Выслушайте, ваша светлость, – продолжал он, – какие разговоры я слышал, пока ехал сюда: за коннетабля внесут выкуп, говорят люди, но англичане слишком боятся его и не отпустят.

– Боже праведный! Неужели люди так говорят? – прошептал принц.

– Повсюду говорят, ваша светлость.

– Вы видите, что они ошибаются, потому что никто не мешает коннетаблю уехать... Не правда ли, коннетабль?

– Правда, ваша светлость, – ответил Бертран; с той минуты, как он услышал голос неизвестного рыцаря, его терзала странная, необъяснимая тревога.

– Дело в том, что сир коннетабль располагал суммой своего выкупа, – объяснил управляющий замка, – и теперь ему придется ждать, пока доставят такую же сумму...

Принц на мгновение задумался.

– Нет, – сказал он, – коннетабль ждать не будет. Я назначаю за него выкуп в сто ливров.

Восхищенный вздох вырвался у присутствующих. Бертран хотел что-то крикнуть, но неизвестный рыцарь встал между ним и принцем.

– Слава Богу, – сказал он, удерживая его, – что Франция способна дважды заплатить за своего коннетабля. Дюгеклен не должен быть ничьим должником! Вот свиток счетов на предъявителя от ломбардца¹⁸⁶ Агости в Бордо на восемьдесят тысяч флоринов. Я сам пересчитаю деньги, которые будут здесь через два часа.

– А я говорю вам, – гневно прервал его принц, – что из этого замка коннетабль выйдет, заплатив сто ливров, или не выйдет совсем! Если мессир Бертран считает для себя оскорбительным быть моим другом, то пусть прямо об этом скажет! Однако, помнится мне, что однажды он назвал меня славным рыцарем.

– Конечно, ваша светлость! – воскликнул коннетабль, преклонив колено перед принцем Уэльским. – Я с великой признательностью принимаю ваши условия и, чтобы внести выкуп, займу сто ливров у ваших командиров.

Шандос и другие офицеры с готовностью протянули ему свои кошельки, из которых он набрал сто ливров и подал их принцу, который, обняв коннетабля, сказал:

– Вы свободны, мессир Бертран! Откройте ворота, и пусть больше никто не говорит, будто принц Уэльский кого-то боится в этом мире.

Удрученному управляющему замка пришлось дважды по-

---

¹⁸⁶ Выходцы из Ломбардии, области в Северной Италии, играли значительную роль в экономике средневековой Франции в качестве ростовщиков, банкиров и купцов.

вторить приказ; несчастный рассчитал свою игру так плохо, что вместо одного пленника потерял целую армию пленных во главе с ее полководцем.

Пока принц расспрашивал своих офицеров и де Лавалья о таинственном творце этого неожиданного события, незнакомец приблизился к Дюгеклену и тихо сказал:

– Ложное великодушие держало вас в тюрьме, и ложное великодушие вас освобождает. Вы теперь свободны. До свидания, встретимся через две недели под Толедо!

И, отдав глубокий поклон принцу Уэльскому, незнакомец исчез, оставив Бертрана в полном недоумении.

Спустя час даже самые тщательные поиски не обнаружили бы неизвестного рыцаря в городе, по которому с триумфом проезжал свободный и радостный коннетабль в окружении своих бретонцев, чьи торжествующие крики возносились до небес.

Наверное, лишь один человек не присоединился к ликующей толпе, следовавшей за Дюгекленом.

Это был офицер принца Уэльского, один из командиров – их называли капитанами – наемных отрядов, что имели голос в совете, хотя мнение их в расчет не принималось.

Одним словом это был уже известный нам персонаж – он тоже всегда ходил с закрытым забралом, – который, войдя вместе с Шандосом в комнату Бертрана, был поражен, углы – шав голос неизвестного рыцаря, и больше ни на секунду не спускал с него глаз.

Поэтому, как только неизвестный рыцарь исчез, он собрал несколько своих людей, приказал им седлать коней, отыскать следы беглеца, и, получив точные сведения, бросился за ним в погоню по испанской дороге.

XI. Политика Мюзарона

Тем временем Аженор, подгоняемый неусыпной тревогой влюбленного, который лишен известий о любимой, быстро приближался к провинциям дона Педро.

По пути к нему – поездка во Францию принесла ему определенную известность – присоединились бретонцы, которые, узнав, что выкуп внесен, пробирались к Дюгеклену, чтобы сражаться под его началом.

Он встретил также немало испанских рыцарей, ехавших к месту сбора, назначенному Энрике де Трастамаре, который, как они утверждали, должен был возвратиться в Испанию и начать устанавливать связи с принцем Уэльским, недовольным доном Педро.

Каждый раз, когда ему приходилось ночевать в городе или каком-либо крупном селении, Аженор справлялся о Хафизе, Жильдазе и донье Марии, спрашивая, не проезжал ли здесь гонец, разыскивающий француза, или красивая молодая мавританка с двумя слугами, направляющаяся к французской границе.

И каждый раз, когда его раздражал отрицательный ответ, молодой человек с еще большей силой вонзал шпоры в бока своего коня.

В этом случае Мюзарон надменным тоном философа поучал:

– Сударь, вы должны будете очень любить эту молодую женщину, ибо она стоила нам больших трудов.

Благодаря быстрой езде, Аженор продвигался вперед; благодаря настойчивым расспросам, получал нужные сведения.

Всего двадцать льё отделяло Аженора от Бургоса, где располагался королевский двор.

Молеон знал, что преданнейшая, закаленная в боях, отдохнувшая, а следовательно, опасная для дона Педро армия ждет лишь сигнала, чтобы выступить и явить победителю при Наваррете вновь отросшую голову гидры, более злобную и ядовитую, чем раньше.

Аженор спрашивал и себя и Мюзарона, будет ли приличным до продолжения каких-либо политических переговоров начать частные переговоры с Марией Падильей.

Мюзарон признавал, что дипломатия – дело хорошее, но утверждал, что когда захватят дона Педро, Марию, Мотриля и Испанию, то возьмут и Бургос, в котором непременно будет взята и Аисса, если она еще находится в городе.

Рассуждения Мюзарона очень утешили Аженора, и он без остановки проскакал еще несколько льё.

Вот так, постепенно, затягивалась петля, что должна была задушить дона Педро, которого усыпляло благополучие, отвлекали по пустякам интриги фаворитов, хотя речь шла о судьбе короны.

Мюзарон – он стал самым упрямым из людей, особенно с тех пор, как почувствовал себя богатым, – не допускал, что-

бы его хозяин хоть раз рискнул добратся до Бургоса, проникнуть в город и держать совет с доньей Марией.

Наоборот, он пользовался унынием и рассеянностью влюбленного, чтобы удерживать его среди бретонцев и приверженцев Энрике де Трастамаре; таким образом молодой рыцарь – благодаря блестящему успеху своей миссии во Франции и упорству в поддержании воинственного пыла – вскоре стал главой значительной партии своих сторонников.

Он встречал вновь приезжающих рыцарей, держал открытый стол, переписывался с коннетаблем и его братом Оливье, который готовился перейти границу с пятью тысячами бретонцев, чтобы оказать помощь Бертрану и помочь ему выиграть первое сражение.

Мюзарон стал стратегом: целыми днями он вычерчивал боевые планы и подсчитывал, сколько же экю наградил Каверлэ, чтобы не продешевить, требуя с него выкуп после первого боя, когда наемник будет разбит.

В разгаре этих воинственных приготовлений до Аженора дошла важная новость: несмотря на бдительность Мюзарона, пронырливый вестник сообщил ему об отъезде дона Педро в летний замок, об исчезновении Аиссы и Марии, совпавшем с этой поездкой короля.

Этот гонец знал, что Жильдаз умер в дороге, а Хафиз в одиночку предстал перед доньей Марией.

Аженору, узнавшему так много столь важного, оставалось лишь дать тридцать экю местному жителю, который все вы-

ведал у мамки доньи Марии, матери несчастного Жильдаза.

Поэтому, когда Аженор понял, что ему делать, он, несмотря на уговоры Мюзарона и своих боевых товарищей, вскочил на своего лучшего коня, которого погнал по дороге к замку, избранному доном Педро летней резиденцией.

Мюзарон ворчал и клял все на свете, но тоже отправился в замок.

ХII. Каким образом злодеяние Мотриля обернулось счастливой удачей

Когда рассвет озарил покои доньи Марии, скорбь, охватившая замок дона Педро, стала еще более гнетущей.

Дон Педро спать не ложился; слуги утверждали, будто слышали, как он плачет.

Мотриль провел ночь с большой пользой для себя. Он занимался тем, что уничтожал следы своего злодеяния.

Оставшись наедине с Аиссой и заботливо ухаживая за ней с умением самого искусного лекаря, он с первых же слов, сказанных девушкой, лепил ее еще толком не очнувшуюся память, словно расплавленный воск.

Поэтому, когда Аисса закричала, увидев тело доньи Марии, Мотриль, притворившись, будто испытывает неподдельный ужас, набросил плащ на останки любовницы короля.

Потом, когда Аисса в испуге уставилась на него, пробормотал:

- Бедное дитя, благодари Аллаха, который спас тебя.
- Спас? – переспросила девушка.
- Да, милое дитя, спас от жуткой смерти.
- Кто же меня ранил?

– Та, чья рука еще сжимает твой кинжал.

– Донья Мария?! Такая добрая, такая великодушная!

Быть этого не может! Мотриль усмехнулся с той презрительной жалостью, которая всегда производит впечатление на умы, поглощенные какой-либо одной большой целью:

– Любовница короля великодушна и добра к Аиссе, которую король обожает?.. Вы не верите в это, дочь моя?

– Но ведь она хотела увезти меня, – возразила Аисса.

– Чтобы соединить вас, как она говорила, с французским рыцарем, не так ли? – спросил Мотриль спокойным и неизменно доброжелательным тоном.

Аисса, страшно побледнела и присела, поняв, что тайна ее любви в руках человека, больше всех заинтересованного в том, чтобы уничтожить эту любовь.

– Не бойся ничего, – продолжал мавр. – То, что из-за ревности и любви короля не смогла сделать Мария, я сделаю ради тебя. Аисса, ты говоришь, что влюблена. Прекрасно! Я разрешаю тебе любить Молеона и помогу твоей любви. Мне ничего не надо на этой земле, только бы дочь моих султанов жила и была счастлива.

Аисса, оцепенев, слушала эти уверения Мотриля и была не в силах отвести от него взгляд своих глаз, еще утомленных сном, подобным смерти.

«Он обманывает меня», – подумала она, вспомнив о трупке доньи Марии.

– Донья Мария мертва, – в смятении прошептала она.

– Сейчас, дорогая моя дочь, я раскрою вам причину этой смерти... Король страстно влюблен в вас и вчера объявил об этом донье Марии... Она вернулась к себе, опьянев от гнева и ревности. Дон Педро объявил о намерении сочетаться с вами узами брака, что всегда было предметом честолюбивых стремлений доньи Марии... Тогда она решила уйти из жизни и высыпала яд из перстня в серебряный кубок, а чтобы не дать вам восторжествовать и стать королевой и заодно отомстить дону Педро и мне – ведь мы оба, хотя и по-разному обожаем вас, – она взяла ваш кинжал и нанесла вам удар.

– Значит, она ударила меня во сне, потому что я ничего не помню, – сказала Аисса. – В глазах у меня стоял какой-то туман, я слышала глухие удары и приглушенные стоны... По-моему, я встала, почувствовала, как кто-то схватил меня за руки, а потом ощутила острый холод стали.

– Это было последнее усилие вашей врагини, она упала рядом с вами, ибо яд подействовал на нее сильнее, чем на вас удар кинжалом... Я заметил в вас искру жизни, раздул ее, я имел счастье спасти вас.

– О, Мария! Мария! – вздохнула девушка. – И все-таки ты была доброй...

– Вы так говорите, дочь моя, потому что она покровительствовала вашей любви к Аженору де Молеону, – совсем тихо сказал Мотриль с той слишком наигранной доброжелательностью, которая не могла скрыть его глухой злобы, – потому что в Сории она дала ему возможность проникнуть к вам в

комнату.

– Вам и это известно?

– Мне все известно... И король об этом знает... Мария опозорила вас в глазах дона Педро, прежде чем вас убить. Но она испугалась, что клевета не заденет душу короля и он простит вас за то, что вы принадлежали другому – ведь мы так снисходительны, когда любим... – Поэтому она воспользовалась кинжалом, чтобы убрать вас из мира живых.

– Королю известно, что Аженор?..

– Он обезумел от ярости и любви... Это он подкупил Хафиза, чтобы заманить вас в замок, ведь я об этом ничего не знал. Король, повторяю, будет ждать вашего выздоровления, чтобы снова завлечь вас... Это простительно, дочь моя, он же любит вас...

– Тогда я умру, – ответила Аисса, – ибо рука моя не дрогнет, не скользнет по моей груди, как скользнула рука Марии Падилаи.

– Ты умрешь? Ты мой кумир, мое обожаемое дитя! – вскричал Мотриль, упав перед ней на колени – Нет, ты будешь жить, как я уже сказал тебе, жить счастливой и вечно благословляющей меня.

– Без Аженора я жить не буду.

– Он принадлежит другой, не нашей вере, дочь моя.

– Я приму его веру.

– Он ненавидит меня.

– Он простит вас, когда вы больше не будете стоять между

нами. Впрочем, мне это безразлично... Я люблю, и в мире для меня существует только предмет моей любви.

– И даже не существует тот, кто спас вас для вашего любовника? – робко спросил Мотриль с притворной печалью, которая глубоко тронула сердце девушки. – Вы приносите меня в жертву, хотя из-за вас я мог погибнуть?

– Почему же?

– Да, погибнуть... Аисса, вы желаете жить с доном Аженором, я помогу вам в этом.

– Вы?!

– Да, я.

– Вы обманываете меня...

– Почему?

– Докажите мне, что вы искренни.

– Это легко... Вы боитесь короля... Хорошо, я воспрепятствую королю видеть вас. Этому вам довольноно?

– Не совсем.

– Я понимаю... Вы хотите вновь увидеть француза.

– Больше всего на свете.

– Подождем, пока вы будете в состоянии вынести поездку, и я отвезу вас к нему, отдам ему мою жизнь.

– Но Мария тоже везла меня к нему...

– Конечно, у нее был свой интерес избавиться от вас, и она предпочла бы не прибегать к убийству... Когда мы предстанем перед судом Божиим, убийство будет тяжким грехом.

Когда Мотриль произносил эти страшные слова, на его

бледном лице промелькнула страдальческая гримаса окаянных грешников, которые в адских муках не ведают ни покоя, ни надежды.

– Ну хорошо! И что же вы сделаете? – спросила донья Аисса.

– Буду прятать вас до тех пор, пока вы не поднимитесь на ноги... Потом, как я уже сказал, отдам вас сеньору де Молеону.

– Только этого я и прошу... Сделав это, вы, действительно, станете для меня святым... Хотя король...

– Ну да! Если он разоблачит наш план, он всеми силами будет стремиться его разрушить... Лучшим средством для этого станет моя смерть... Когда я буду убит, вы, Аисса, окажетесь в его власти.

– Или буду вынуждена умереть.

– Неужели вы предпочитаете умереть, а не жить ради этого француза?

– О да! Я хочу жить! Говорите, говорите, что мне делать!

– Надо, дорогое дитя, если король случайно навестит вас, будет говорить с вами, расспрашивать об Аженоре де Молеоне, надо, повторяю, чтобы вы смело настаивали, что донья Мария лгала, утверждая, будто вы любили этого француза, а главное – отрицайте, что вы отдали себя этой любви... Таким образом, король перестанет опасаться француза, прекратит следить за нами, и мы будем свободны и счастливы... Надо также – это, дитя мое, важнее всего, – чтобы вы обо

всем вспомнили, а особенно о том, что говорила донья Мария перед тем, как поразить вас кинжалом... Она, вероятно, вынуждала вас признаться королю в вашем бесчестье, но вы отказались, и тогда она нанесла удар...

– Я ничего не помню! – вскричала Аисса, охваченная страхом (любая честная и наивная душа тоже испугалась бы, услышав адскую выдумку мавра). – Я не хочу ни о чем вспоминать. Я не желаю также отрицать, что люблю Молеона. Его любовь – это мой свет и моя вера! Это звезда, которая освещает мне путь в жизни... Я не только не желаю таить мою любовь, но хотела бы объявить о ней всем королям на свете, поэтому не рассчитывайте, что я буду лгать. Если дон Педро спросит меня, я скажу правду.

Мотриль побледнел. Это последнее препятствие, казалось бы слабое, уничтожало все плоды убийства: простое упрямство ребенка связывает по рукам и ногам здорового мужчину, который, идя вперед, способен увлечь за собой целый мир.

Он понял, что настаивать дальше не имеет смысла. Он и так предавался сизифову труду:¹⁸⁷ вкатывал камень на вершину горы, но тот снова скатывался вниз. У Мотриля больше не было ни времени, ни сил, чтобы начать все сначала.

– Дочь моя, вы будете поступать как вам угодно, – ска-

---

¹⁸⁷ Сизиф – герой древнегреческой мифологии, известный хитрец и обманщик. За свои грехи был обречен в подземном царстве мертвых вечно втаскивать на гору огромный камень, который в последний момент срывался вниз. Выражение «сизифов труд» вошло в поговорку как обозначение бесполезной работы.

зал он. – Единственный закон для меня – это ваша польза, как ее истолковываете вы, ваше сердце и ваш каприз. Если вы этого желаете, то и я хочу того же... Я прекрасно понимаю, что ваше признание лишит меня головы, ибо мне всегда приходилось утверждать, что вы невинны и чисты, я никогда не допускал, чтобы возникали какие-либо подозрения насчет вас... Так что вашу вину, то есть ваше счастье, я оплачу своей головой... Так велит Аллах, да исполнится его воля!

– Но я же не способна лгать, – сказала Аисса. – Кстати, почему вы должны позволять королю говорить со мной? Удалите его... Это легко, ведь вы можете перевезти меня в укромное место, одним словом, спрятать меня... Мое здоровье, моя рана – это веская причина. В этом вам хорошо поможет само мое состояние... Но лгать! О нет, ни за что! И никогда я не отрекусь от Аженора!

Мотриль тщетно пытался скрыть радость, которую породили в его душе слова Аиссы. Уехать вместе с Аиссой, на время избавить ее от вопросов дона Педро, тем самым ослабив его гнев и ненависть, его горе и память о Марии... Выиграть месяц означало добиться всего, и этот шанс на спасение предлагала ему сама Аисса. Мотриль горячо за него ухватился.

– Если вы желаете, дочь моя, то мы уедем, – сказал он. – Надеюсь, вы не питаете отвращения к замку Монтель, комендантом которого король меня назначил.

– Для меня отвратительно лишь присутствие дона Педро. Я поеду туда, куда вам будет угодно.

Мотриль поцеловал руку и подол платья Аиссы; потом, нежно взяв ее на руки, перенес в соседнюю комнату. Он распорядился убрать тело доньи Марии и, призвав двух мавританок, в преданности которых не сомневался, приставил их ухаживать за раненой девушкой, заставив поклясться жизнью, что они не будут разговаривать с Аиссой и никого к ней не допустят.

Уладив таким образом все дела, он, приведя в порядок свои мысли и напустив на себя озабоченность, отправился к королю.

Дону Педро пришло из города много писем. В них сообщалось, что в окрестностях появились посланцы из Бретани и Англии, что ходят слухи о готовящейся войне, что принц Уэльский окружил новую столицу железным кольцом, чтобы, грозя наступлением своей непобедимой армии, заставить дона Педро выплатить военные расходы и превратить его признательность в звонкую монету.

Эти новости опечалили дона Педро, но не обескуражили. Он велел послать за Мотрилем, который вошел в королевский покой в ту самую минуту, когда король отдал этот приказ.

– Ну как Аисса? – с тревогой осведомился дон Педро.

– Мой господин, рана ее опасна и глубока... Мы не спасем эту жертву.

– Еще одно несчастье! – воскликнул дон Педро. – О, это уж слишком... Потерять донью Марию, которая страстно меня любила, лишиться Аиссы, которую я люблю до безумия, возобновить жестокую, беспощадную войну – это слишком много, Мотриль, этого не вынесет сердце одного человека.

И дон Педро показал своему министру донесения, пришедшие от градоначальника Бургоса и из соседних городов.

– Мой король, необходимо на время забыть о любви, – сказал Мотриль, – надо готовиться к войне.

– Казна пуста.

– Подати наполнят ее... Подпишите указ о подати, которую я у вас просил.

– Надо будет сделать это... Могу ли я увидеть Аиссу?

– Аисса слаба, как цветок над пропастью. Даже легкий ветерок может унести ее в бездну смерти.

– Она заговорила?

– Да, господин.

– И что сказала?

– Несколько слов, которые все объясняют. Видимо, донья Мария хотела заставить Аиссу опозорить себя ложным признанием, чтобы погубить ее репутацию в ваших глазах. Отважное дитя отказалось, и ревнивая донья Мария ударила ее кинжалом.

– Аисса рассказала это?

– Она это повторит, как только окрепнет... хотя я очень боюсь, что в этом мире мы больше не услышим ее голос.

– О Боже! – простонал король.

– Ее может спасти лишь одно средство... Есть такое предание в моей стране: раненому обещана жизнь, если он в туманную ночь новолуния приложит к ране волшебную траву.

– Надо достать эту траву, – прошептал король с испуганным суеверного влюбленного.

– Эта трава в здешних краях не растет, ваша светлость... Я встречал ее только в Монтеле...

– В Монтеле? Пошли человека в Монтель, Мотриль.

– Я не сказал, господин, что эту траву надо прикладывать к ране, пока она на корню... Уверяю вас, это превосходное средство! Я увез бы Аиссу в Монтель, но не знаю, выдержит ли она дорогу.

– Ее понесут так же осторожно, как несет себя птица, когда парит в воздухе, расправив оба крыла, – сказал дон Педро. – Пусть она уезжает, Мотриль, пусть уезжает, а ты останешься со мной.

– Только я, господин, могу произнести волшебное заклинание во время обряда.

– Значит, я останусь один.

– Нет, господин, ведь как только Аисса поправится, вы приедете в Монтель и останетесь с нею.

– Да, Мотриль, верно, ты прав... Я больше не расстанусь с ней и буду счастлив... Ну, а как быть с телом доньи Марии? Надеюсь, ей воздадут королевские почести.

– Я слышал, господин, – сказал Мотриль, – что ваша вера

запрещает хоронить самоубийцу на кладбище. Посему необходимо, чтобы церковь не узнала о самоубийстве доньи Марии.

– Об этом не должен знать никто, Мотриль.

– А как же слуги...

– Я объявлю при дворе, что донья Мария умерла от лихорадки, и, если я скажу так, никто и возражать не посмеет...

«Слепец, слепец! Безумец!» – подумал Мотриль.

– Решено, Мотриль, ты едешь с Аиссой, – сказал дон Педро.

– Сегодня же, мой господин.

– А я позабочусь о похоронах доньи Марии, подпишу указ о подати, обращусь с манифестом к моей армии, к моему дворянству... я предотвращу грозу.

«А я укроюсь в надежном месте!» – подумал Мотриль.

XIII. Каким образом Аженор узнал о том, что приехал слишком поздно

Оставив солдат и офицеров, этих влюбленных в войну, погруженными в обсуждение различных замыслов, планов боевых действий, тонкостей воинского искусства, Аженор продолжал стремиться к цели, которая заключалась в том, чтобы найти Аиссу, свое бесценное сокровище.

Любовь у Аженора стала одерживать верх над честолюбием, даже над воинским долгом, потому что молодой человек, спеша попасть в Испанию, чтобы получить известия об Аиссе, страдал оттого, что выкуп, который в минуту героической гордыни коннетабль назначил за себя, повезли в Бордо посланцы короля Франции и люди графа де Лавалья.

И поскольку страницы об этом не будет хватать в нашем рассказе – ведь ее недостает в жизни Аженора, – мы заполним ее историческими фактами; и посему вынуждены в нескольких словах сообщить, что Гиень ужаснулась в тот день, когда неизменно великодушный принц Уэльский отпустил из Бордо пленника, выкупленного за золото всей Франции.

Первым делом Бертран быстро примчался в Париж благодарить короля. Остальное мы с вами увидим, если еще об этом не знаем. Что касается коннетабля, то отныне мы выступаем как его подлинные и беспристрастные историки.

Итак, Аженор и его верный Мюзарон, делая большие переходы, направлялись в замок, где дон Педро надеялся овладеть Аиссой.

Аженор понимал, что надо торопиться. Он слишком хорошо знал дона Педро и Мотриля, чтобы тешить себя иллюзиями.

«Как знать, не пошла ли донья Мария из слабости или из страха на сделку с совестью, – спрашивал себя Аженор, – не показался ли ей более выгодным союз с мавром Мотрилем, чем угроза разрыва с доном Педро; что если фаворитка, разыгрывая из себя снисходительную супругу, закрывает глаза на прихоть своего царственного любовника?»

От этих мыслей закипала горячая кровь Аженора. Теперь он рассуждал только как влюбленный, то есть нес вздор, казалось не лишенный здравого смысла.

В пути он размахивал копьем, удары которого частью доставались мулу Мюзарона, частью спине славного оруженосца; результат оказывался неизменным: разбуженный ударом, Мюзарон начинал погонять лошадь. В дороге также произносились речи, из которых мы извлечем самую суть и воспроизведем в назидание читателям.

– Понимаешь, Мюзарон, если я хоть час поговорю с доньей Марией, – рассуждал Аженор, – то мне станет известно все, что происходит сейчас, и я узнаю, как мне поступать в будущем.

– Нет, сударь, вы равным счетом ничего не узнаете и в

конце концов попадете в лапы негодяя-мавра, который подкарауливает вас, как паук муху.

– Вечно ты твердишь одно и то же, Мюзарон. Неужели сарацин стоит христианина?

– Сарацин, когда он что-то задумал, стоит трех христиан. Это все равно, что вы спросили бы: стоит ли женщина мужчины? А ведь мы каждый день видим мужчин, которых покоряют и побеждают женщины. И знаете почему, сударь? Потому что женщины всегда думают о том, что они хотят сделать, тоща как мужчины почти никогда не делают того, над чем им следовало бы подумать.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что какая-то интрига сарацина помешала донье Марии прислать к вам Аиссу.

– И что дальше?

– Дальше? Мотриль, который помешал донье Марии привезти вам вашу возлюбленную, ждет, вооружив душу и тело, что он поймает вас в ловушку, как ловят жаворонков в зеленющих хлебах, убьет вас, и Аисса вам не достанется.

Аженор ответил ему гневным криком и пришпорил коня. Он подъехал к замку, который поразил его своим печальным видом. Камни красноречивы, они говорят на языке, внятном избранным душам.

Аженор пристально вглядывался в озаренное светом молодой луны здание, где находилась вся его любовь, вся его жизнь. Пока он предавался созерцанию, в таинственных и

неприступных боковых пристройках замка свершилось чудовищное убийство, триумф Мотриля.

Измученный долгой дорогой и почти полным неведением, уверенный в том, что перед ним именно то место, какое он искал, Аженор, проведя долгие часы за осмотром стен замка, добрался вместе с Мюзароном до деревушки, расположенной по другую сторону горы.

В ней, как нам уже известно, жили пастухи. Аженор попросился к ним на ночлег и щедро заплатил им. Ему даже удалось раздобыть пергамент и чернила; руками Мюзарона он написал письмо донье Марии; оно было заполнено нежными сожалениями и изъявлениями признательности, а также тревогами и сомнениями, которые были выражены со всем французским изяществом.

Для большей уверенности в том, что его послание придет по назначению, Аженору очень хотелось послать в замок Мюзарона; но оруженосец обратил внимание хозяина на то, что он, будучи известен Мотрилю, подвергается гораздо большим опасностям, нежели обыкновенный гонец, какой-нибудь пастух-горец.

Аженор согласился с этим доводом и послал пастуха отнести письмо.

После этого он улегся рядом с Мюзароном на козьи шкуры и стал ждать.

Но сон влюбленных подобен сну безумцев, честолюбцев и воров: он очень неспокоен.

Уже через два часа Аженор был на ногах и, стоя на склоне горы – отсюда, несмотря на большое расстояние, можно было ясно видеть ворота замка, – поджидал возвращение гонца.

В письме было сказано:

«Благородная госпожа, добрейшая и преданнейшая интересам двух бедных влюбленных, я вернулся в Испанию, словно пес, которого тащат на цепи. Ни от Вас, ни от Аиссы нет известий, умоляю Вас, дайте мне знать о себе. Я в деревне Куэбра, куда доставят Ваш ответ, что несет мне жизнь или смерть. Что случилось? На что мне надеяться, чего опасаться?»

Пастух не возвращался. Вдруг ворота замка раскрылись, и Аженор почувствовал, как сильно забилося его сердце; однако из ворот вышел не ожидаемый гонец.

Длинная вереница неизвестно откуда взявшихся солдат, женщин и придворных (хотя король приехал в летнюю резиденцию с горсткой людей) – одним словом, целая процессия следовала за носилками, везущими покойника, что можно было установить по черным коврам, украшавшим носилки.

Аженор счел это дурным предзнаменованием. Но едва он успел об этом подумать, как ворота снова закрылись.

– Очень странная задержка – обратился он к Мюзарону, который с недовольным видом кивнул в ответ. – Пойди узнай, в чем дело, – прибавил Молеон.

И Аженор уселся на пригорочек, поросший запыленным вереском.

Не прошло и четверти часа, как Мюзарон вернулся, ведя с собой солдата, которого явно пришлось долго упрашивать прийти сюда.

– Я повторяю вам, – кричал Мюзарон, – что вам заплатит мой хозяин, и заплатит от души.

– Кому и что надо заплатить? – спросил Аженор.

– Сеньор, важная новость...

– Что за новость?

– Сеньор, это солдат из эскорта, который везет тело в Бургос.

– Черт побери, говори, чье тело?

– Беда, сеньор! Ох, беда, дорогой мой господин! Мне вы не поверили бы, а вот ему, наверное, поверите... Ведь тело, что везут в Бургос, – это донья Мария де Падилья!

У Аженора вырвался крик отчаяния и недоверия.

– Это правда, – подтвердил солдат. – И мне надо спешить занять место в эскорте.

– О, горе, горе! – воскликнул Молеон. – Ну, а Мотриль в замке?

– Да нет, сеньор, – ответил солдат. – Мотриль уехал в Монтель.

– Уехал?! И носилки с ним?

– Да, сеньор, в них увезли умирающую девушку. Девушку? Мюзарон, Аисса умирает! Я тоже умираю, – вздохнул несчастный рыцарь, навзничь рухнув на землю, словно его действительно хватил удар; это сильно испугало славного

оруженосца, совсем не привыкшего к обморокам своего господина.

– Вот все, сеньор рыцарь, что мне известно, – сказал солдат, – да и узнал-то я об этом случайно. Сегодня ночью мне пришлось нести девушку, сраженную кинжалом, и отравленную сеньору Марию.

– Будь проклята эта ночь! О, горе, горе! – стenal полуобезумевший молодой человек. – Вот, друг мой, возьмите эти десять флоринов, как будто вы и не принесли мне весть о беде моей жизни.

– Спасибо, сеньор рыцарь, и прощайте, – крикнул солдат, бросившись бежать через вересковую пустошь.

Мюзарон, приложив ко лбу ладонь, смотрел вдаль.

– Посмотрите-ка вон туда, – воскликнул он. – Вы видите, ваша милость, там, вдалеке, за холмом, людей и носилки, что движутся по равнине. Вон, видите, верхом на лошади наш враг, сарацин в белом плаще.

– Мюзарон, давай оседлаем коней и растопчем этого негодяя! – вскричал рыцарь, которому придали сил жестокие страдания. – Если Аиссе суждено умереть, то я хотя бы приму ее последний вздох.

Мюзарон позволил себе положить руку на плечо господина.

– Ваша милость, никогда нельзя верно оценить только что случившееся, – заметил он. – Нас двое, а их дюжина. Мы устали, а они полны сил. Кстати, нам известно, что они едут

в Монтель, там мы их и настигнем. Видите ли, ваша милость, мы должны полностью выяснить все, чего нам не смог рассказать солдат. Надо узнать, почему донью Марию отравили, а донье Аиссе нанесли удар кинжалом.

– Ты прав, мой верный друг, – согласился Аженор. – Делай со мной что хочешь.

– Я сделаю вас победителем и счастливецем, господин мой. Аженор в отчаянии отрицательно покачал головой. Мюзарон знал, что от отчаяния есть лишь одно лекарство – занять делом тело и ум.

Он повез хозяина обратно в лагерь, где бретонцы и преданные Энрике де Трастамаре испанцы уже почти не таились и все громче объявляли о своих намерениях с тех пор, как до них дошла еще непроверенная новость об освобождении Дюгеклена, а особенно после того, как они убедились, что их силы возрастают с каждым днем.

XIV. Паломники

Поздним вечером, в нескольких льё от Толедо, Аженор и его верный Мюзарон уныло тащились по песчаной, окаймленной хилыми сосенками дороге, отыскивая пристанище, где они, разбитые усталостью, могли бы дать себе недолгий отдых и велеть зажарить зайца, которого стрела оруженосца настигла прямо на лежке. Вдруг они услышали за спиной приглушаемый песком топот копыт резвого мула, который нес на мощной спине паломника; на голове всадника была большая шляпа, с широких полей которой свисало некое подобие вуали.

Этот паломник пришпоривал мула и, судя по всему, умел превосходно ездить верхом.

Великолепный, породистый мул скорее летел, чем бежал, и промчался мимо наших путников так быстро, что они едва смогли расслышать брошенную паломником на ходу фразу «*Baya ustedes con Dios*». ¹⁸⁸

Не прошло и десяти минут, как Мюзарон снова услышал топот копыт. Обернувшись, он успел лишь развернуть коня Аженора и свою лошадь, как к ним вихрем подлетели четверо всадников.

Их главарь, что скакал впереди, тоже был в одеянии паломника, которое напоминало костюм того, кто промчался

---

¹⁸⁸ «Ступайте с Богом» (исп.)

раньше.

Правда, у второго паломника, более осмотрительного, под мантией можно было заметить латы, а его лицо скрывало опущенное забрало; даже в темноте это было забавным зрелищем – голова рыцаря в шлеме, на котором красовалась широкополая шляпа.

Незнакомец подъехал так близко, будто хотел, словно ищейка, обнюхать наших путников; но Аженор предусмотрительно опустил забрало и взялся за рукоять меча.

Мюзарон тоже держался начеку.

– Сеньор, не ехал ли здесь верхом на черном муле, быстрым как ветер, паломник, вроде меня? – спросил незнакомец на ломаном испанском языке; голос его звучал глухо, как будто доносился со дна пропасти.

Голос этот неприятно поразил Аженора: ему смутно почудилось, что он его где-то слышал. Но долг рыцаря обязывал его дать учтивый ответ.

– Сеньор паломник или сеньор рыцарь, человек, о котором вы спрашиваете, примерно десять минут назад проехал здесь, – сказал он по-испански. – Он, действительно, ехал на муле, таком резвом, что мало найдется коней, способных его догнать.

Мюзарону казалось, что паломник, услышав голос Аженора, тоже несколько удивился, ибо он подъехал еще ближе и нагло сказал:

– Эта услуга, рыцарь, для меня гораздо дороже, чем вы

думаете. Кстати, она была высказана столь учтиво, что я был бы рад познакомиться с человеком, который ее мне оказал... По вашему акценту я понял, что мы оба с севера, это повод, чтобы мы получше узнали друг друга. Поднимите, пожалуйста, забрало, чтобы я имел честь поблагодарить вас, глядя вам в лицо...

– И вы тоже откройте забрало, сеньор рыцарь, – ответил Молеон, которого все больше раздражали и этот голос, и эта настойчивая просьба.

Паломник смутился. В конце концов он очень грубо отказался открыть забрало, что подтвердило, насколько его просьба была коварной и корыстной.

Не прибавив больше ни слова, он подал знак своим спутникам и галопом поскакал по дороге, по которой раньше проехал первый паломник.

– Ну и наглец! – воскликнул Мюзарон, когда он исчез в темноте.

– Мне кажется, Мюзарон, что этот гнусный голос я уже слышал, когда попал к наемникам.

– Мне тоже так кажется, ваша милость, и, будь наши лошади не столь усталыми, мы могли бы поскакать за этими мошенниками, от которых можно ждать любого подвоха.

– Какое нам до них дело, Мюзарон, – ответил Молеон, во всем разочаровавшийся. – Мы едем в Толедо, где должны собраться наши друзья. А Толедо недалеко от Монтея. Это все, что я знаю и хочу знать.

– В Толедо мы получим известия от сеньора коннетабля, – продолжал Мюзарон.

– И возможно, от дона Энрике де Трастамаре, – откликнулся Аженор. – Мы будем получать приказы, станем послушным орудием... Это единственный выход, единственное утешение для людей, которые, потеряв свою душу, уже не знают, о чем им говорить и что делать в жизни.

– О-ля-ля! – воскликнул Мюзарон. – Впасть в отчаяние мы всегда успеем... Как гласит французская поговорка, последней приходит победа...

– Или смерть... Так ведь? Вот что ты боишься прибавить.

– Полно, сеньор, ведь умираем только раз.

– Ты думаешь, я боюсь смерти?

– Помилуй Бог, ваша милость, мне досадно, что вы совсем ее не боитесь. Коротая время в подобных разговорах, они дотащились до вожденной венты.¹⁸⁹ Это был уединенный дом – таковы в Испании эти приюты, благословенные прибежища, где путники днем находят спасение от солнца, а ночью от холода; он словно оазис в пустыне, чьих границ страстно желают достичь, но часто не могут пересечь, ибо, прежде чем оазис отыщется, погибают от голода, жажды и усталости.

Когда рыцарь и его верный Мюзарон поставили лошадей в конюшню – вернее, заботу эту взял на себя достойный оруженосец, – Аженор, войдя в низкую комнату венты в ярком

---

¹⁸⁹ Вента – здесь: корчма, постоялый двор.

свете очага, среди спящих беспробудным сном погонщиков мулов увидел двух паломников, которые, вместо того чтобы беседовать, сидели, повернувшись друг к другу спиной.

«Вот оно что! Я-то думал, они друзья», – удивился Аженор.

Когда в залу вошли два новых постояльца, паломник с вуалью на шляпе отодвинулся поглубже в тень.

Паломник с закрытым забралом не сводил глаз с другого паломника, как будто подкарауливал, когда приоткроется хоть краешек его вуали.

Этого не случилось. Безмолвный, неподвижный, явно чем-то раздосадованный, таинственный паломник, чтобы не разговаривать с назойливым соседом, притворился, будто крепко спит.

Постепенно погонщики мулов ушли на двор и, завернувшись в накидки, улеглись спать рядом со своими животными; у очага остались Молеон, отужинавший вместе с оруженосцем, и оба паломника – один из них бодрствовал, другой спал.

Человек с закрытым забралом обратился к Аженору с избитыми извинениями за то, что так грубо расстался с ним на дороге, потом спросил, не намерен ли он вскоре отправиться к себе в комнату, где ему, вероятно, будет спать удобнее, чем на этой скамье.

Аженор, так и не открывший забрало, упрямо намеревался оставаться в зале, хотя бы для того, чтобы досадить незна-

комцу, но неожиданно его осенила мысль, что, сидя здесь, он ничего не узнает. Ему было совершенно ясно, что паломник с вуалью не спит. Следовательно, этих людей, которые очень хотели остаться наедине, должно что-то связывать.

Аженор жил в такое время и в такой стране, когда любопытство часто спасало человеку жизнь.

Он сделал вид, будто собирается пойти в комнату, предоставленную ему хозяином венты, но встал за дверью; крепкая и массивная, она неплотно сидела на петлях, и щели позволяли видеть, что происходит в зале.

Аженор рассудил верно, ибо его ожидало зрелище, достойное внимания. Когда Аженор вышел, паломник с закрытым забралом, оставшись наедине с тем, кого считал спящим, встал и прошелся по комнате, чтобы убедиться, крепко ли сон соседа.

Спящий паломник не шелохнулся.

Тогда человек с закрытым забралом на цыпочках подкрался к нему и протянул руку, чтобы приподнять вуаль, скрывавшую лицо паломника.

Но он не успел к ней прикоснуться: паломник вскочил и разгневанно спросил:

– Что вам угодно? Почему вы нарушаете мой сон?

– Он был не слишком крепок, господин завуалированный паломник, – насмешливо ответил человек с закрытым забралом.

– Но это не значит, что его надо нарушать, господин про-

ныра с железным лицом.

– Вероятно, господин паломник, у вас есть веские причины, чтобы никто не узнал, какое у вас лицо – железное или как у простых смертных?

– Это никого не касается, и, если я ношу вуаль мшит, я не желаю, чтобы видели мое лицо, по-моему, это ясно.

– Сеньор, я ведь очень любопытный и ваше лицо все равно увижу, – усмехнулся человек с закрытым забралом.

Паломник быстро задрал подол мантии и выхватил длинный кинжал.

– Сперва вы увидите вот это, – пригрозил он. Человек с закрытым забралом на мгновение задумался, потом задвинул тяжелые засовы двери, за которой подслушивал Аженор. И сразу же распахнул выходившее на дорогу окно, через которое в залу ворвались четверо вооруженных до зубов людей в доспехах.

– Вы сами видите, сеньор, – обратился он к паломнику, – что защищаться бесполезно и даже невозможно. Поэтому, чтобы сохранить свою драгоценную жизнь, извольте ответить мне всего на один вопрос.

Паломник, сжимавший в руке кинжал, дрожал от ярости и страха.

– Вы дон Энрике де Трастамаре? – спросил бандит.

– На подобный вопрос, заданный в такой форме, да еще в таких условиях, – сказал паломник, – можно отвечать, лишь готовясь к смерти, если я тот, о ком вы говорите Поэтому я

буду защищать свою жизнь, ведь я и есть тот граф, чье имя вы произнесли.

И он величественным жестом поднял вуаль, открыв свое благородное лицо.

– Граф! – вскричал Молеон из-за двери, которую хотел высадить.

– Это он! – с дикой радостью заорал человек с закрытым забралом. – Я был уверен в этом, друзья мои! Мы долго за ним гнались. От самого Бордо, а это не близко! Хватит, убери кинжал, граф, мы не собираемся вас убивать, мы хотим взять за вас выкуп. Бес меня задери, мы ребята покладистые, спрячьте кинжал, спрячьте!

Аженор с удвоенной силой молотил по двери, которую хотел разнести в щепки, но дуб не поддавался.

– Выйдите и успокойте малого, что колотит в дверь, – обратился к своим дружкам человек с закрытым забралом, – а я останусь уговаривать графа.

– Бандит! – с презрением сказал Энрике. – Ты хочешь выдать меня моему брату.

– Если он заплатит больше, то выдам.

– Я же говорил, что лучше уж погибнуть здесь, – воскликнул граф. – На помощь! Ко мне!

– Не кричите, сеньор, а не то мы будем вынуждены вас прикончить, – сказал бандит. – За вашу голову дон Педро, наверно, заплатит меньше, чем за вашу живую и невредимую персону. Впрочем, нам и придется удовольствоваться только

головой.

– Это мы еще посмотрим, – вскричал Аженор, который каким-то сверхчеловеческим усилием высадил дверь и яростно набросился на четырех спутников разбойника.

– Из этого следует, что придется вас убить, – изрек бандит, выхватив из ножен меч, чтобы атаковать Энрике. – У вас, сеньор, очень неумный друг, прикажите ему не вмешиваться.

Но едва он успел произнести эти слова, как с улицы вошел третий паломник, которого, разумеется, никто не ждал.

На нем не было ни шлема с опущенным забралом, ни шляпы с вуалью. Он считал, что ему вполне достаточно мантии паломника. Весь его облик: широкие плечи и огромные руки, круглая голова и умное лицо – предвещал, что на подмогу явился сильный и смелый защитник.

Он стоял на пороге и, не обнаруживая ни гнева, ни страха, удивленно смотрел на переполох в зале венты.

– Здесь что, драка? – спросил он. – Эй, христиане, кто тут прав, кто виноват?

Его уверенный и властный голос перекрывал шум подобно тому, как рык льва заглушает вой бури в ущельях Атласских гор.

Услышав этот голос, сражающиеся повели себя странно.

Граф издал изумленный, радостный крик; человек с закрытым забралом в ужасе отпрянул к стене; Мюзарон закричал:

– Клянусь жизнью, это же сеньор коннетабль!

– Ко мне, коннетабль, на помощь, они хотят меня убить! – кричал граф.

– Это вы, мой граф! – взревел Дюгеклен, разорвав мантию, чтобы она не стесняла его движений. – А это кто, скажите-ка на милость?

– Друзья, – обратился бандит к пособникам. – Мы должны или убить этих людей, или погибнуть. Мы с оружием, они безоружны. Нам подарил их дьявол. Ведь вместо ста тысяч флоринов нас ждут двести тысяч! В бой!

Едва бандит успел произнести эти слова, как коннетабль с бесподобным хладнокровием вытянул руку, легко, словно барана, схватил его за горло и, швырнув себе под ноги, прижал к полу. Потом вырвал у него меч.

– Вот я и с оружием, – сказал он. – Трое против троих, ну, начинайте, пташки мои ночные.

– Мы пропали! – вскричали сообщники бандита и выскочили на улицу через незакрытое окно.

Аженор бросился к лежавшему на полу бандиту, поднял его забрало и воскликнул:

– Это же Каверлэ! Так я и знал!

– Эту гадину надо раздавить немедленно! – воскликнул коннетабль.

– Это я беру на себя, – ответил Мюзарон, приготовившись ножом добить бандита.

– Пощадите, – прохрипел разбойник, – сжальтесь! Не по-

зорьте свою победу.

– Да, пощадим его! – воскликнул граф, в горячем порыве радости обнимая Дюгеклена. – Слишком много милосердных деяний должны мы свершить, чтобы возблагодарить Господа, который свел нас вместе... У нас нет времени на этого мерзавца: подарим ему жизнь, он сам найдет место, где его повесят.

Каверлэ в порыве благодарности поцеловал ноги великодушного принца.

– Пусть убирается на все четыре стороны, – согласился Дюгеклен.

– Убирайся, разбойник, – недовольно проворчал Мюзарон, распахивая перед Каверлэ дверь.

Каверлэ не заставил себя упрашивать: он выбежал из зала с такой прытью, что его нельзя было бы догнать даже на лошади, если бы граф передумал.

Поздравив себя со счастливой удачей, граф, коннетабль и Аженор завели разговор о будущей войне.

– Как видите, я не опаздываю на встречи, – заметил коннетабль. – Я ехал в Толедо, о чем мы с вами договорились в Бордо. Значит, вы рассчитываете на Толедо?

– Я очень надеюсь, что Толедо распахнет передо мной ворота, – сказал граф.

– Но уверенности в этом нет, – ответил коннетабль. – С тех пор как я разъезжаю в этом одеянии, то есть за четыре дня, я узнал о положении в Испании больше, чем за два года.

Толедцы стоят на стороне дона Педро.

Это означало, что придется осаждать город.

– Дорогой коннетабль, ради меня вы подвергались множеству опасностей.

– Дорогой государь, я даю слово лишь однажды. Я обещал, что вы будете королем Кастилии – так будет, или я умру, – и к тому же мне надо взять реванш. Поэтому, как только я получил свободу в Бордо благодаря вашему хладнокровию, я за десять дней побывал у короля Карла и вернулся на испанскую границу. Уже неделю я разыскиваю вас в Испании, ведь мой брат Оливье и Виллан Заика получили сообщение, что вы ненадолго заезжали в Бургос, направляясь в Толедо.

– Верно, я заезжал в Бургос... Я жду под Толедо высших командиров моей армии и переоделся паломником только в Бургосе...

– И бандиты тоже, ваша светлость, приняли такой вид и этим подали мне одну мысль. Переодевшись паломниками, командиры могут пробираться незамеченными, чтобы готовить места расположения войск. Теперь все щеголяют в такой одежде, сегодня каждый хочет совершить путешествие в Испанию. И даже негодяй Каверлэ оделся так же, как и мы. Главное, что мы встретились. Вы выберете резиденцию и призовете к себе всех испанцев, ваших сторонников. А я призову рыцарей и солдат из всех стран. Нельзя терять ни минуты. Дон Педро еще не утвердился на троне, он потерял своего лучшего советника, донью Марию, – единственное су-

щество, которое было дорого ему в этом мире. Мы должны воспользоваться его нерешительностью и начать войну, пока он не успел опомниться.

– Донья Мария мертва! – воскликнул Энрике. – Это верно?

– Я точно знаю это, – печально сказал Аженор. – Я видел, как везли ее тело.

– Ну, а где дон Педро?

– Неизвестно. Он похоронил свою несчастную жертву в Бургосе и после этого исчез, – ответил коннетабль.

– Как исчез? Разве это возможно? Но вы сказали, что донья Мария его жертва. Расскажите мне об этом подробнее, коннетабль, я целую неделю не решался говорить ни с одной живой душой.

– Как донесли мне мои лазутчики, произошло вот что, – начал свой рассказ коннетабль. – Дон Педро влюбился в мавританку, дочь этого проклятого Мотриля... Донья Мария заподозрила неладное, она даже узнала о сговоре короля с мавританкой. Оскорбленная до бешенства, она вонзила кинжал в сердце соперницы, а потом отравилась.

– Нет, сеньоры, нет! – вскричал Аженор. – Это невозможно... Это было бы таким гнусным злодеянием, таким черным предательством, что солнце померкло бы от ужаса...

Король и коннетабль с удивлением посмотрели на молодого человека, который столь пылко выражал свои чувства, но не могли получить от него никаких вразумительных объ-

яснений.

– Простите меня, господа, – смиренно сказал Аженор, – у меня есть дорогая для меня и горькая тайна, одну половину которой донья Мария унесла с собой могилу, а другую я хочу благоговейно хранить.

– Ты влюбился, бедный мальчик? – спросил коннетабль. Вместо ответа на этот вопрос Аженор сказал:

– Я в полном вашем распоряжении, сеньоры, и готов умереть, служа вам.

– Я знаю, что ты верный человек, – ответил Энрике, – честный, умный, неутомимый слуга. Поэтому рассчитывай на мою благодарность, но скажи нам, что тебе известно о любви дона Педро?

– Мне известно все, государь, и если вы приказываете говорить...

– Где сейчас может находиться дон Педро – вот все, что нам хотелось бы узнать.

– Господа, соблаговолите дать мне неделю, и я отвечу вам, где он находится, – сказал Аженор.

– Дать неделю? – спросил король. – Что вы на это скажете, коннетабль?

– Я скажу, государь, что неделя уйдет у нас на подготовку нашей армии, на ожидание подкреплений и денег из Франции. Мы абсолютно ничем не рискуем.

– Тем более, ваша светлость, – подхватил Молеон, – что, если мой план удастся, вы будете располагать знанием насто-

ящих причин войны, а ее истинного виновника, дона Педро, я с большой радостью выдам вам.

– Он прав, – согласился король. – Если один из нас будет схвачен, кончится война в Испании.

– О нет, государь! – воскликнул коннетабль. – Я клянусь вам, что если вы попадете в плен и вас разрубят на куски – этого, я надеюсь, Бог не допустит, – то я приложу все силы, чтобы наказать нечестивца дона Педро, который хладнокровно убивает своих пленных и водит дружбу с неверными.

– Я тоже так думаю, Бертран, – живо ответил король. – Не заботьтесь обо мне... Если я буду взят в плен и убит, то отбейте у врага мое тело и бездыханным положите на трон Кастилии: я заявляю, что считал бы себя счастливым победителем, если бы к подножию этого трона швырнули труп дона Педро – этого бастарда, предателя, убийцы.

– Государь, это я вам обещаю, – прибавил коннетабль. – Ну а теперь предоставим свободу этому молодому человеку.

– Где мы встретимся? – спросил Молеон. – Под стенами Толедо, который будем осаждать?

– Через неделю?

– Через неделю, – ответил Аженор.

Энрике нежно обнял молодого человека, который совсем сконфузился от подобной чести.

– Не смущайтесь, – сказал король, – я хочу доказать вам, что вы, деливший со мной трудные минуты моей судьбы, будете делить со мной и ее счастливые мгновения.

– А я тоже обязан ему свободой, которой наслаждаюсь, – заметил коннетабль, – обещаю помочь ему всеми своими силами в тот день, когда он потребует моей помощи в чем угодно, где угодно и против кого угодно.

– О господа, господа, вы переполняете меня радостью и гордостью! – воскликнул Молеон. – Вы, столь знатные люди, относитесь ко мне с таким вниманием... Ведь вы на этой земле олицетворяете для меня самого Бога, вы открываете мне Небо.

– Ты этого достоин, Молеон, – сказал коннетабль. – Скажи, нужны ли тебе деньги?

– Нет, ваша милость, нет.

– Но задуманный план потребует от тебя многих хлопот, и богатые подарки не помешают...

– Сеньоры, вы помните, что однажды я захватил шкатулку с драгоценностями этого бандита Каверлэ, в которой было сказочное богатство, но для меня это было чересчур много, и я без сожалений с ним расстался, – ответил Молеон. – Во Франции я получил от короля сто ливров, это для меня целое состояние, ведь мне на все хватает...

– О, как прекрасно сказано, – со слезами на глазах проворчал Мюзарон из своего угла.

Король услышал его.

– Это твой оруженосец? – спросил он.

– Верный, храбрый слуга, – ответил Молеон, – он облегчает мне жизнь и не раз спасал меня.

– Он тоже получит награду. Подойди ко мне, оруженосец, – сказал граф, сняв брошь в виде выложенной жемчужинами раковины, – возьми это, и в тот день, когда ты или кто-нибудь из твоих потомков будет испытывать нужду, эта вещь, переданная в мои руки или в руки моего наследника, составит целое состояние... Бери, оруженосец, бери.

Мюзарон опустился на колени; сердце его готово было выскочить из груди.

– А теперь, мой король, – сказал коннетабль, – воспользуемся темной, чтобы добраться до места, где вас ждут ваши офицеры, ведь мы напрасно отпустили этого Каверлэ. Он, утроив свои силы, может снова напасть на нас и на этот раз действительно взять в плен хотя бы для того, чтобы доказать нам, что он далеко не дурак.

Они вооружились и, веря в свою неустрашимость и свои силы, добрались до леса, где было трудно на них напасть и невозможно их догнать.

Тут Аженор спешил и простился со своими могучими покровителями, которые пожелали ему удачи и счастливой дороги.

Мюзарон ждал приказов хозяина, готовый погнать лошадей в любую сторону.

– Куда мы едем? – спросил он.

– В Монтель... Ненависть подсказывает мне, что рано или поздно мы отыщем там дона Педро.

– Кстати, ревность – чувство полезное, – заметил Мюза-

рон, – она позволяет видеть даже то, чего нет. Ладно, едем в Монтель.

XV. Монтельская пещера

И они тотчас отправились в путь. В два дня Аженор достиг цели своей поездки – места, где находилась его любовь.

С помощью Мюзарона он так незаметно пробрался к замку, что в округе никто не мог похвастать тем, будто видел их.

Однако из-за всех этих предосторожностей они не сумели что-либо разведать. Кто молчит, тот ничего не узнает.

Когда Мюзарон увидел Монтель (замок, словно каменный великан, чью голову задевали облака, а ноги омывали воды Тахо, сидел на скалистом основании) и при свете луны разглядел окаймленную колючим кустарником дорогу, которая обвивалась вокруг скалы (ограда дороги была высечена острыми углами таким образом, чтобы поднимающийся в замок путник видел не дальше, чем на двадцать шагов, тогда как дозорный с высоких стен просматривал дорогу насквозь), – он сказал Молеону:

– Это настоящее гнездо стервятника, дорогой мой сеньор. Если голубка заперта там, нам ни за что до нее не добратся.

Неприступный Монтель, действительно, мог одолеть только голод; но два человека не могли осадить крепость.

– Нам важно знать, находятся ли Мотриль с Аиссой в этом логове, – ответил Аженор, – какое положение занимает Аисса среди наших врагов, – одним словом, как ведет себя во всем этом деле дон Педро.

– Мы узнаем это со временем, – возразил Мюзарон, – хотя у нас осталось всего четыре дня, не забывайте об этом, сеньор.

– Я буду ждать до тех пор, пока не увижу Аиссу или любого человека, кто мне расскажет о ней.

– Надо его поймать, но, сами подумайте, мой господин, пока мы будем охотиться в этом замке, либо Мотриль, либо какой-нибудь Хафиз подстрелит нас из лука или набросит на нас сеть, в которую мы попадемся, словно жабы на камне. Позиция для этого у нас очень удобна, как видите.

– Верно.

– Поэтому нам надо придумать что-то похитрее, чем привычные средства. Я, например, верю, что донья Аисса находится в этом логове; зная Мотриля, я скорее не поверил бы, что он заточил ее в другом месте. А узнать, находится ли в замке дон Педро, мы, по-моему, сможем дня через два.

– Почему?

– Потому что замок маленький, припасов там немного, гарнизона в нем быть не может, и, чтобы возобновлять запасы, необходимые такому расточительному королю, из него часто должны выезжать люди.

– Но мы-то где расположимся?

– Неподалеку. Я отсюда вижу, где...

– В этой пещере...

– Эта расщелина в скале, из нее бьет источник, там сыро, но зато надежно. Если кто туда и заглянет, то лишь напиток-

ся или набрать воды. Мы спрячемся в глубине, схватим первого попавшегося и заставим его разговориться: или пообещаем денег, или пригрозим ему. А пока побудем на свежем воздухе.

– Ты храбрый и умный друг, мой Мюзарон.

– О да, верьте мне, что у короля дона Педро немного найдется таких умных советников, как я. Значит, насчет пещеры вы согласны?

– Ты забыл о двух вещах: о еде, которую мы не найдем в пещере, и о лошадях, которые в ней не поместятся.

– Верно... всего не предусмотритишь. Я отыскал вход, а вы ищите выход.

– Мы убьем лошадей и сбросим их в Тахо, что течет вниз.

– Хорошо, ну а есть мы что будем?

– Мы пропустим того, кто поедет за припасами, а на обратном пути остановим его и отберем продукты.

– Замечательно! – воскликнул Мюзарон. – Только вот люди в замке, не дождавшись своего поставщика, заподозрят неладное.

– Ерунда, зато мы добудем необходимые сведения. Было решено осуществить оба замысла. И все-таки в тот момент, когда он хотел ударом палицы свалить своего коня, у Аженора дрогнуло сердце.

– Бедное животное, ты так преданно служило мне, – сказал он.

– И могло бы еще послужить в том случае, если нам при-

дется увозить отсюда донью Аиссу, – заметил Мюзарон.

– Твоими устами глаголет судьба. Я не убью моего несчастного коня, Мюзарон, ну-ка, разнуздай его, спрячь сбрую и седло в пещере. Он будет бродить здесь и сам отыщет себе пропитание, в этом он искуснее человека. Самое хорошее, что с ним (и с нами заодно) может случиться, – это если его заметят и уведут в замок. Но мы всегда сможем постоять за него, так ведь?

– Так, ваша милость.

Мюзарон расседлал коня, а седло и сбрую спрятал в глубине пещеры; голый каменный пол славный оруженосец для большего комфорта присыпал песком, который натаскал в своем плаще с берега Тахо, и устлал вереском.

Конец ночи прошел в этих трудах. Рассвет застал наших искателей приключений в глубине их уединенного пристанища.

Их слух поразило чудесное явление.

Благодаря этой своеобразной витой лестнице, которая от подножия скалы вела на вершину, можно было слышать голоса людей, что прохаживались на открытой площадке замка.

Звуки эти, вместо того чтобы просто подниматься вверх, отражались от ограды дороги, затягивались в эту воронку, потом снова выплескивались, как брызги в водовороте.

В результате оказывалось, что из глубины пещеры Аженор мог слышать людей, разговаривающих в трехстах футах

у него над головой.

Первый ряд укреплений замка был расположен над водосбором; сюда можно было свободно пройти, но здешний край был таким пустым и разграбленным, что, кроме людей из замка, никто не осмеливался забредать в этот лабиринт.

Первую половину дня Аженор и Мюзарон провели в унынии. Они напились воды, потому что их мучила жажда, но есть им было нечего, а они сильно проголодались.

На исходе дня из замка спустились два мавра. Они вели осла, чтобы нагрузить его припасами, которыми рассчитывали разжиться в соседнем городке, лежавшем от замка в одном льё.

В то же время из городка пришли четыре раба с кувшинами, чтобы набрать воды из источника.

Между маврами из замка и рабами завязался разговор. Но говорили они на каком-то непонятном наречии, и наши герои не поняли ни слова.

Вместе с рабами мавры ушли в городок и вернулись через два часа.

Голод – дурной советчик. Мюзарон хотел безжалостно убить этих несчастных мавров и, сбросив их в реку, захватить припасы.

– Это будет подлым убийством, которое Бог осудит и поэтому расстроит наш план, – ответил Аженор. – Надо, Мюзарон, прибегнуть к хитрости... Сам видишь, дорога здесь узкая, а ночи темные. Ослу, груженному корзинами, будет

трудно взбираться вверх по дороге. Когда он будет проходить мимо, мы его толкнем, и он скатится к подножию скалы. Ну а ночью подберем все, что останется на земле от продуктов.

– Правильно, сеньор, в вас говорит добрый христианин, – заметил Мюзарон. – Но я так проголодался, что не чувствую в себе никакой жалости.

Сказано – сделано. Наши путники в четыре руки нанесли маленькому ослу, когда тот проходил мимо, задевая корзинами скалу, такой сильный удар, что он не устоял на ногах и скатился по крутому склону.

Мавры гневно закричали и избили бедного осла, но они, хотя и не дали ему упасть в пропасть, не смогли вновь заполнить пустые корзины. Совсем приуныв, один мавр, ведя побитого осла, снова отправился в городок, а другой, причитая от огорчения, направился в замок.

Тем временем наши голодающие отважно ринулись в заросли колючек и в скопище острых камней, подбирая хлеб, мешочки с изюмом и бурдюки с вином и сразу же запаслись едой на целую неделю.

Плотно перекусив, они вновь обрели надежду на лучшее и воспряли духом. И согласимся, что это было им крайне необходимо.

В течение двух смертельно скучных дней наши неусыпные стражи, действительно, не увидели и не услышали ничего, кроме новых голосов: Хафиз, расхаживая по площадке, громко жаловался на свое рабское положение; Мотриль

отдавал приказания; солдаты кричали. Ничто не возвещало, что король находится в замке.

Мюзарон набрался храбрости и отправился вечером в соседний городок что-нибудь разузнать, но никто не мог ему ничего сказать. Со своей стороны Аженор тоже пытался что-нибудь выяснить, но ничего не узнал.

Когда они опять начали терять всякую надежду, время, казалось, вдвое ускорило свой бег.

Положение двух наших соглядатаев было критическое: днем они не смели показываться на свет, ночью боялись выходить, потому что в их отсутствие кто-нибудь мог проникнуть в пещеру, и пришельцем этим мог оказаться король.

Миновало два с половиной дня, и первым потерял мужество Аженор.

На второй день ночью Молеон вернулся из городка, где напрасно опустошил свой кошелек, так ничего и не разузнав. Он нашел в пещере Мюзарона, охваченного отчаянием и рвущего на себе и без того редкие волосы.

Расспросив честного слугу, Молеон узнал, что Мюзарон, заскучав в пещере в одиночестве, заснул; пока он спал, какой-то всадник поднялся в замок, но разглядеть его Мюзарон не успел. Он слышал только цокот копыт лошади или мула.

– Как же мне не повезло! – стонал оруженосец.

– Не отчаивайся, может быть, это не король. Люди в городке говорят, что он в Толедо. Кстати, один он не поедет,

а слух о его бегстве еще не утих. Нет, это не король, он не приедет в Монтель. Вместо того чтобы терять здесь время, поедем прямо в Толедо.

– Вы правы, сеньор мой, здесь мы можем надеяться лишь на одну удачу – услышать голос доньи Аиссы. Это будет очень хорошо, но пенье птички – еще не сама птичка, как говорят в Беарне.

– Не будем мешкать. Мюзарон, забери сбрую лошадей, выберемся отсюда – ив путь-дорогу.

– Я мигом, господин рыцарь, вы и представить себе не можете, как мне здесь надоело.

– Ступай, – приказал Аженор.

– Тсс! – прошептал Мюзарон в то мгновение, когда рыцарь поднялся с земли.

– В чем дело?

– Тише, прошу вас, я слышу шаги.

Аженор вернулся в пещеру, а Мюзарона так встревожил этот шум, что он посмел даже потянуть хозяина за руку.

С дороги, ведущей в замок, явственно доносились торопливые шаги.

Ночь была темная; оба француза укрылись в пещере. Вскоре они разглядели троих мужчин; они шли быстро и прятались, пригнувшись, под деревьями, чтобы их не увидели из цитадели.

У источника они остановились.

Они были в крестьянских одеждах, но все с топорами и

ножами.

– Он, наверно, проехал этой дорогой, – сказал один из них, – вот на песке следы подков его коня.

– Значит, мы его упустили, – со вздохом заметил другой. – Черт побери, в последнее время нам что-то не везет.

– Вы охотитесь за слишком крупной дичью, – ответил первый.

– Лэсби, ты рассуждаешь, как мужлан, капитан это тебе подтвердит.

– Но...

– Молчи... Убитый крупный зверь кормит охотника две недели. Десятка жаворонков или зайца едва хватает на скудный обед.

– Согласен, нам все попадаются зайцы или жаворонки, но редко – олень или кабан.

– Дело в том, что в тот день мы едва его не взяли, верно, капитан?

Тот, кому адресовалось это обращение, вместо ответа тяжело вздохнул.

– И зачем каждую секунду идти по другому следу и гнаться за другой добычей? – не сдавался упрямый Лэсби. – Мы должны преследовать одного и взять его.

– А удалось тебе это ночью, на венте? А ведь мы гнались за ним от самого Бордо.

«Слышали?» – прошептал Мюзарон на ухо хозяину. «Тсс!» – ответил Молеон, припав к земле. Человек, которого

его спутники называли капитаном, выпрямился и властным голосом сказал:

– Замолчите оба, нечего обсуждать мои приказы. Что я вам обещал? По десять тысяч флоринов каждому. Когда вы их получите, что вы еще потребуете?

– Ничего, капитан, ни флорина.

– Для дона Педро Энрике де Трастамаре стоит сто тысяч флоринов, для Энрике де Трастамаре дон Педро стоит столько же. Я думал, что смогу взять Энрике, но просчитался; я чуть было не оставил свою шкуру в логове льва, как вы сами видели. Ну что ж, раз лев пощадил меня, я должен в знак благодарности захватить его врага. И я захвачу его. Правда, Энрике де Трастамаре я его задаром не отдам... Я ему продам дону Педро, лишь бы он не отказался его купить. И таким образом всем нам будет хорошо.

Оба сообщника капитана ответили довольным ворчанием.

«Но, Господь меня прости, это же Каверлэ, вот он – только руку протянуть», – прошептал Мюзарон на ухо господину.

«Молчи», – повторил Молеон.

Каверлэ – это был он, собственной персоной, – закончил свою речь такими словами:

– Дон Педро покинул Толедо, он здесь, в замке. Он очень смелый, но осторожный: весь путь проделал без свиты. Одиного человека, в самом деле, трудно заметить...

– Да, – ответил Лэсби, – и нелегко поймать.

– Верно черт побери, всего не предусмотреть! – возразил Каверлэ. – Теперь надо осуществить наш план: ты, Лэсби, пойдешь к Филипсу, который сторожит лошадей, а ты, Беккер, останешься со мной. Король выедет из замка завтра, потому что его ждут в Толедо, мы знаем это точно.

– И что дальше? – спросил Беккер.

– Когда он будет проезжать мимо, мы устроим засаду. Надо опасаться лишь одного.

– Чего?

– Того, чтобы он не отдал приказ толедским всадникам выехать ему навстречу... Поэтому все задуманное мы должны совершить здесь... Эй, Лэсби, ты у нас ловкий охотник на лис, подыщи-ка нам в этих скалах хорошую нору, чтобы мы могли там укрыться.

– Капитан, я слышу, как журчит вода... Здесь источник... Обычно там, где источник, есть расселины в скале, в этой стороне вы обязательно найдете пещеру.

«Ах, как жаль, но мы пропали! Сейчас они войдут сюда», – прошептал Мюзарон, которому Аженор, словно кляпом, зажал рукой рот.

– Что я говорил! – вскричал Лэсби. – Вот она, пещера!

– Прекрасно, это очень кстати, – ответил Каверлэ. – Оставь нас, Лэсби, ступай к Филипсу, и пусть на рассвете лошади будут под седлом.

Лэсби ушел. Каверлэ с Беккером остались.

– Видишь, что значит ум, – сказал Каверлэ своему това-

рищу. – Пусть я выгляжу как пират на суше, но зато я единственный политик, кто понимает сложившееся положение. Два человека оспаривают трон; стоит убрать одного – и конец войне. Поэтому все, что я делаю, – поступки христианина-мудреца: берегу людскую кровь. Я человек добродетельный, Беккер, добродетельный!

И бандит рассмеялся, стараясь, чтобы голос его не звучал слишком громко.

– Ладно, заберем-ка в эту дыру, – наконец сказал он. – В засаду, Беккер, в засаду!

XVI. Каким образом Аженор потерял меч, а Каверлэ – кошелек

Со скалистого свода стекает прозрачный как хрусталь источник, который проложил русло среди камней.

Преодолев две естественные ступени, оказываешься в глубине извилистой пещеры. Даже днем в ней темно; надо обладать зоркостью лиса, чтобы отыскать ее ночью.

Каверлэ, чтобы не попасть под струи источника, прошел боком и, осторожно ступая, поднялся по ступеням.

Беккер, более находчивый и больший любитель удобств, прошел вперед, в самую глубь пещеры, чтобы отыскать уголок потеплее.

Аженор и Мюзарон слышали и почти видели их.

Наконец Беккер нашел то, что искал, и предложил Каверлэ последовать его примеру, заметив:

– Идите сюда, капитан, места хватит на двоих. Каверлэ дал себя уговорить и пошел вперед.

Но, с трудом двигаясь в темноте, он недовольно ворчал:

– Место для двоих! Легко сказать...

И он вытянул руки, чтобы не удариться о каменный свод или скалистые стены. Но, к несчастью, он наткнулся на ногу Мюзарона, и, схватившись за нее, закричал:

– Беккер, здесь труп!

– Нет, черт возьми! – вскричал отважный Мюзарон, сжи-

мая ему горло. – Здесь вполне живой человек, который сейчас придушит вас, мой храбрец...

Каверлэ, получив сильный удар, упал, не успев сказать ни слова, а Мюзарон уже заломил ему руки и связал их подпругой от седла.

Аженору лишь оставалось протянуть руку, чтобы проделать то же самое с Беккером, полумертвым от суеверного страха.

– Вот теперь, дорогой мой капитан, мы с вами и поговорим о выкупе, – сказал Мюзарон. – Заметьте хорошенько, что нас больше, что любой ваш жест или крик будет вам стоить нескольких добрых ударов кинжалом под ребра.

– Я не шелохнусь, рта не раскрою, – пробормотал Каверлэ, – только пощадите меня.

– Сначала мы должны себя обезопасить, – заметил Мюзарон, отнимая у Каверлэ все его вооружение с проворством обезьяны, чистящей орех.

Покончив с этой работой, он проделал то же самое с Беккером.

Отобрав оружие, Мюзарон занялся кошельками. В этой операции вежливо вели себя только его пальцы. Совесть его не испытывала никаких неудобств. Наполненные деньгами пояса и плотно набитые кошельки перешли в его руки.

– И ты тоже грабишь, – сказал ему Аженор.

– Нет, сударь, я отнимаю у них возможность творить зло. Когда миновали первые минуты испуга, Каверлэ попросил

разрешения высказать кое-какие соображения.

– Вы можете это сделать, – сказал Аженор, – если будете говорить тихо.

– Кто вы? – спросил Каверлэ.

– Ну нет, это уже вопрос, мой дорогой! – воскликнул Мюзарон. – Мы на него отвечать не станем.

– Вы ведь слышали весь мой разговор с моими людьми.

– До последнего слова.

– Черт побери! Значит, вам известен мой план.

– Да.

– Прекрасно! И что же вы намерены сделать со мной и моим товарищем Беккером?

– Ничего особенного, мы на службе у дона Педро и выдадим вас ему, рассказав все, что нам известно о ваших намерениях в отношении его.

– Это невеликодушно, – возразил Каверлэ, который, наверно, побледнел в темноте. – Дон Педро жесток, он подвергнет меня пыткам, лучше сразу прикончите меня добрым ударом в сердце.

– Мы не убийцы, – ответил Молеон.

– Пусть так, но дон Педро меня убьет.

По долгому молчанию своих победителей Каверлэ сообщил, что он убедил их, так как они ничего не отвечали.

Аженор размышлял про себя.

Внезапное появление Каверлэ раскрыло Молеону, что дон Педро находится в Монтеле. Каверлэ был охотничьим псом с

безупречным нюхом и умел выслеживать свою добычу. Молеон посчитал, что Каверлэ оказал ему большую услугу, и это склонило его пощадить бандита. Кстати, враг его был безоружен, ограблен, лишен возможности навредить.

Такие же раздумья одолевали и Мюзарона. Он так привык угадывать мысли своего господина, что одинаковые озарения приходили к ним одновременно.

Будучи человеком храбрым и ловким, Каверлэ воспользовался их молчанием. Он сообразил, что с самого начала неприятного разговора с незнакомцами слышал всего два голоса, но, пошевелив ногами и перевалившись на бок, он убедился, что пещера узкая, и больше четырех человек вместить не может.

Значит, силы были равны, хотя он и остался без оружия. Но, чтобы отобрать свое оружие, надо было иметь свободные руки, а они были связаны.

Однако таинственный гений, который покровительствует злодеям, – это не что иное, как слабость честных людей, – таинственный гений, повторяем мы, пришел на помощь Каверлэ.

«Этот человек будет меня сильно стеснять, – размышлял Аженор. – На моем месте он избавился бы от помехи с помощью кинжала и швырнул бы мое тело в Тахо, но я не хочу прибегать к подобным приемам. Он будет мешать мне, когда я захочу выбраться отсюда, а убраться отсюда мне захочется сразу же, как я получу достоверные сведения об Аиссе и

доне Педро».

Подумав об этом, Молеон, который был скор в решениях, схватил Каверлэ за руки и стал его развязывать.

– Господин Каверлэ, сами того не зная, вы оказали мне услугу, – сказал он. – Дон Педро, разумеется, убил бы вас, но я не хочу, чтобы вы погибли от его руки, когда есть такие крепкие виселицы в Англии и во Франции...

С каждым словом опрометчивый Аженор развязывал одну петлю.

– Поэтому я возвращаю вам свободу, – продолжал он, – воспользуйтесь ею, чтобы бежать, и постарайтесь измениться к лучшему.

Сказав это, он полностью развязал подпружный ремень. Едва Каверлэ почувствовал, что его руки свободны, он бросился на Аженора, пытаясь вырвать у него меч, с криком:

– Заодно со свободой верните мне и мой кошелек!

Каверлэ уже держал меч, нащупав рукоятку, чтобы нанести удар, когда Молеон, ударив его кулаком в лицо, свалил бандита в лужу перед входом в пещеру.

Каверлэ, подобно рыбе, которая, выскочив в воду из корзины рыбака, вновь оживает, почувствовав родную стихию, с наслаждением вдохнул свежий воздух, и со всех ног бросился бежать по дороге в сторону городка.

– Клянусь святым Иаковом, мой господин, вы нанесли отличный удар, – с раздражением воскликнул Мюзарон, – а теперь дайте-ка мне его догнать.

– Полно! Ни к чему, раз уж я пожелал дать ему удрать, – ответил Аженор.

– Безумие! Величайшая глупость! Негодяй сыграет с нами злую шутку, он вернется, он всем расскажет о нас...

– Замолчи, простофиля, – сказал Аженор, локтем толкая в бок Мюзарона, чтобы тот в приступе гнева не наговорил лишнего в присутствии Беккера. – Если он вернется, мы выдадим его дону Педро, которому сейчас же сообщим обо всем.

– Это другое дело, – проворчал Мюзарон, понявший хитрость хозяина.

– Гак что, друг, развяжи-ка руки этому честному господину Беккеру и напхни-ка ему, что если Каверлэ, Филипс, Лэсби и Беккер, эти четыре прославленных рыцаря, завтра еще будут находиться в окрестностях, то их всех повесят на стенах замка Монтель, ибо в этом отношении порядок здесь строже, чем во Франции.

– О, я не забуду об этом, сеньоры, – ответил Беккер, ошалев от радости и благодарности. Он и не думал нападать на своих благодетелей, и поцеловав им руки, упорхнул, словно бабочка.

– Ох, сударь мой! – вздохнул Мюзарон. – Сколько приключений!

– Ох, сир оруженосец, – ответил Аженор, – сколь многому вам еще предстоит научиться, прежде чем вы все поймете. Неужто вы не видите, что этот Каверлэ нашел нам дона

Педро, что, не зная, кто мы такие, он считает, будто мы из стражи дона Педро, что, следовательно, он уберется отсюда как можно быстрее. Наконец, чего вам не хватает, ведь у вас есть деньги и оружие!

– Я не прав, сеньор.

– Ясное дело.

– Но будем начеку, сударь, настороже. Дьявол и Каверлэ – ребята тертые!

– Сотня солдат не одолеет нас в этой пещере! Спать мы можем по очереди, – ответил Молеон, – и тем самым ждать вестей от моей дорогой возлюбленной, поскольку Небо уже послало нам весть о доне Педро.

– Сударь, теперь меня больше ничто не удивит, и, скажи мне кто-нибудь, что сеньора Аисса спустится навестить вас в этом логове ужей, я поверю ему и отвечу: «Благодарю за приятную новость, добрый человек».

Но тут до изощренного слуха Мюзарона донесся слабый, отдаленный шум – шум размеренный, ритмичный.

– Право слово, вы не ошиблись, – сказал он. – Это Каверлэ улепетывает галопом... Я слышу топот четырех коней, клянусь вам... Он присоединился к своим англичанам, и они убегают от виселицы, которую вы им от души пообещали... Если только они не едут сюда... Но нет, шум удаляется, стихает... Скатертью дорога, до скорого свидания, капитан-дьявол!

– Эй, Мюзарон! – неожиданно крикнул Аженор. – А где

мой меч?

– Этот негодяй украл его у вас, – ответил Мюзарон. – Жаль, такая была прекрасная сталь!

– А на рукоятке выбита моя фамилия. Эх, Мюзарон, бандит узнает, кто я.

– Не раньше вечера, господин рыцарь, а вечером, поверьте мне, он уже будет далеко отсюда! Чертов Каверлэ, всегда он что-нибудь украдет.

На следующий день, на рассвете, они услышали, как из замка вышли двое мужчин, оживленно беседовавшие. Это были Мотриль и король дон Педро, который вел под уздцы своего коня.

Когда Аженор их увидел, кровь закипела у него в жилах. Он собрался наброситься на своих врагов, заколоть их кинжалом и покончить со всем сразу, но Мюзарон удержал его.

– Вы что, сударь, совсем рассудка лишились? – спросил он. – Вы убьете Мотриля, не освободив Аиссу... Вы ведь не знаете, получили или нет те люди, кто охраняют Аиссу, как было при Наваррете, приказ убить ее, если Мотриль погибнет или попадет к вам в плен.

Аженор вздрогнул.

– О, ты по-настоящему любишь меня! – воскликнул он. – Да, любишь!

– Я тоже так думаю... Черт возьми, вы считаете, что мне не доставит удовольствия прикончить этого гнусного мавра, который принес столько зла... Я, конечно, убью его, когда

представится счастливая возможность!

Они видели, как на расстоянии вытянутой руки мимо проходят оба их врага, от которых они не рискнули избавиться.

– Судьба играет нами! – воскликнул Аженор.

– Вам ли жаловаться, сударь? – сказал Мюзарон. – Без Каверлэ вы бы уехали вчера, не узнав, где находится дон Педро, не получив известий от доньи Аиссы. Но, тише! Послушаем их.

– Благодарю тебя, я полагаю, она выздоровеет и будет любить меня, – сказал дон Педро своему министру.

– Не беспокойтесь об этом, ваша светлость. Она вылечится, потому что мы с Хафизом нарвем, как велит обычай, трав, о которых вам известно. Поправившись, она будет любить вас, ведь ее больше ничего не раздражает при вашем дворе... Но давайте обсудим серьезные вещи. Проверьте, надежна ли эта новость. Десять тысяч моих соотечественников должны высадиться в Лиссабоне и подняться вверх по Тахо до Толедо. Отправляйтесь в Толедо, где вас любят. Поддержите своих преданных защитников. В тот день, когда Энрике объявится в Испании, вы сразу же захватите его и его армию, зажатую между городом, который он будет осаждать, и войском ваших союзников-сарацин, которое поведу я, когда оно подойдет к Толедо. Ключ к истинному, верному успеху находится в Толедо.

– Мотриль, ты толковый министр. Что бы ни случилось, ты всегда был мне предан.

«Посмотрите, какую гнусную рожу скорчил мавр, чтобы выглядеть приветливо», – шепнул Мюзарон на ухо господину.

– Перед тем, как я расстанусь с вами и вернусь в замок, позвольте дать вам последний совет, – сказал Мотриль. – Отказывайте принцу Уэльскому в выплате денег до тех пор, пока он не примет вашу сторону. Эти англичане – люди вероломные.

– Ты прав, и к тому же денег нет.

– Еще один довод. Прощайте, ваша светлость, отныне вы станете одерживать победы и будете счастливы.

– Прощай, Мотриль.

– Прощайте, государь.

Наши искатели приключений снова должны были испытать невыносимые муки, видя, как Мотриль, зловеще улыбаясь, медленно поднимается обратно в замок, куда так страстно жаждал попасть Аженор.

– Давай схватим его, – предложил Молеон, – пройдем с ним в замок, скажем, что, если он не выдаст нам Аиссу, мы его прикончим.

– Верно, но когда мы будем спускаться вниз по дороге, он завалит нас камнями. И чего мы добьемся? Терпение, говорю я вам, Бог милостив.

– Хорошо! Раз ты не хочешь брать Мотриля, то хотя бы не отказывайся от случая, который дарит нам дона Педро. Он едет один, а нас двое, захватим его и, если он будет со-

противляться, убьем, или же, если он не будет защищаться, отвезем его к дону Энрике де Трастамаре, чтобы показать, что мы нашли его врага.

– Превосходная мысль! Я принимаю ее и следую за вами, – ответил Мюзарон.

Они подождали, пока Мотриль поднялся на площадку замка, и лишь тогда осмелились выбраться из своей норы.

Но, устремив свои взгляды на равнину, они увидели дона Педро во главе отряда из нескольких десятков вооруженных всадников. Он спокойно ехал в сторону Толедо.

– Эх, черт возьми, какими же мы оказались глупыми! Простите, сударь, доверчивыми, – сказал Мюзарон. – Ведь Мотриль не позволил королю ехать одному, навстречу ему из городка выслали охрану.

– Кто им сообщил?

– Как кто? Вчерашние мавры, или же подали сигнал из замка.

– Верно, теперь мы должны думать лишь о том, как увидеть Аиссу, если это возможно, или возвратиться к дону Энрике!

XVII. Хафиз

За целый день не представилось возможности узнать, что происходит в замке.

Из него, кроме поставщиков припасов, никто не выходил.

Правда, прибыл гонец. О его приезде возвестил рог, в который протрубил комендант замка. Аженор и Мюзарон не сочли благоразумным задерживать гонца.

Ближе к вечеру, когда все смолкло, когда даже доносившийся с реки плеск волн стал мягче, приглушеннее, когда небо на горизонте побледнело, а в горах потемнело, наши друзья слышали оживленный разговор, который велся двумя знакомыми им голосами.

Спускаясь с площадки замка по дорожке, ведущей к воротам, спорили Мотриль и Хафиз.

– Хозяин, ты запер меня, когда король был здесь, а обещал представить меня королю, – говорил Хафиз. – Ты также обещал мне много денег. Мне скучно с этой девушкой, которую ты заставляешь меня охранять, я хочу воевать вместе с моими земляками, что приехали с родины, и сейчас плывут вверх по Тахо на кораблях под белыми парусами. Поэтому, заплати мне скорее, мой господин, и я поеду воевать к королю.

– Ты хочешь покинуть меня, сын мой? – спросил Мотриль. – Разве для тебя я плохой господин?

– Нет, но я больше не хочу подчиняться никакому господину.

– Я могу не отпустить тебя, ведь я тебя люблю, – сказал Мотриль.

– А я не люблю тебя. Ты заставил меня совершать черные дела, которые терзают меня по ночам жуткими видениями. Я слишком молод, чтобы решиться вести такую жизнь. Заплати мне и отпусти меня, а не то я найду того, кому расскажу обо всем.

– Что ж, ты прав, – ответил Мотриль. – Поднимайся в замок, я немедленно расплачусь с тобой.

Когда они спускались вниз, Хафиз шел сзади, а Мотриль – впереди. Дорожка была такой узкой, что, поднимаясь вверх, Хафиз теперь должен был идти впереди.

В каменной впадине заухала сова, алые отблески вечерней зари на скалах сменились темно-фиолетовыми.

Вдруг страшный крик и какое-то жуткое проклятие послышались в воздухе, а затем что-то тяжелое, бесформенное, окровавленное распласталось перед входом в пещеру, где Аженор и его верный Мюзарон внимательно прислушивались к горячему спору тех двоих.

На смертельный крик они ответили воплем ужаса.

Ночные птицы в испуге вспорхнули из расселин; даже насекомые растеряно разбежались из своих щелей.

Вскоре кровь окрасила воду в водосборе.

Бледный и дрожащий Аженор высунул голову из укрытия;

рядом появилось белое как мел лицо Мюзарона.

– Хафиз! – вскричали они, увидев в трех шагах от себя неподвижное, изуродованное тело спутника Жильдаза.

– Бедное дитя! – пробормотал Мюзарон, который выбрался из пещеры, чтобы оказать ему помощь, если таковая еще требовалась.

Но тени смерти уже распростерлись над этим смуглым лицом; вытаращенные глаза тускнели, хриплое, смешанное с кровью дыхание с трудом вырывалось из разбитой груди юного мавра.

Он признал и Мюзарона, и Аженора, на лице его отразился суеверный ужас.

Несчастному, видимо, почудилось, что перед ним предстали тени мстителей. Мюзарон приподнял Хафизу голову, Аженор принес воды, чтобы освежить ему лоб и промыть раны.

– Француз! Француз! – повторял Хафиз жадно глотая воду. – О Аллах! Прости меня...

– Мы возьмем тебя с собой, бедный малыш, и вылечим, – сказал Аженор.

– Нет, я умираю, гибну, как Жильдаз, – прошептал сарацин. – Я заслужил такую смерть, меня убили. Мотриль сбросил меня со стены замка.

Умиравший заметил, что Молеон вздрогнул от ужаса.

– Француз, – шептал он, – я ненавижу тебя, но сейчас перестал ненавидеть, потому что ты можешь отомстить за

меня... Донья Аисса по-прежнему любит тебя... Донья Мария тоже защищала тебя. Это Мотриль отравил Марию, это он воспользовался обмороком Аиссы, чтобы ранить ее кинжалом. Расскажи об этом королю дону Педро, сообщи ему скорее... но спасай Аиссу, если ты ее любишь. Ведь через две недели, когда дон Педро вернется в замок, Мотриль должен отдать ему Аиссу, усыпленную волшебным напитком... Я принес тебе зло, но хочу сделать добро, прости меня и отомсти за меня... Аллах...

Он в изнеможении уронил голову, в мучительном напряжении повернул глаза в сторону замка, как бы проклиная его, и испустил дух.

Почти полчаса друзьям никак не удавалось собраться с мыслями и вновь обрести хладнокровие.

Это гнусное убийство, разоблачения Хафиза, будущие опасности сковали их невыразимым страхом.

Аженор поднялся первым.

– Две недели мы можем не волноваться, – сказал он. – А через две недели кто-то из нас, дон Педро, Мотриль или я, погибнет. Вставай, Мюзарон, поедem в лагерь Энрике, чтобы отчитаться перед ним в задании, которое я получил. Но давай поторапливаться... Поищи лошадей на равнине.

Мюзарону, пораженному случившимся, действительно удалось найти лошадей, которые, впрочем, сами пришли на его голос.

Он заседлал их, нагрузил поклажей и, легко вскочив в сед-

ло, двинулся следом за хозяином, который поехал по дороге на Толедо.

Когда они выбрались на равнину, черный силуэт зловещего замка четко вырисовывался на серо-голубом небе.

– Держись, Мотриль! – звонким голосом прокричал Аженор, грозя кулаком окнам замка. – Мы еще встретимся, Мотриль! До скорого свидания, Аисса, любовь моя!

XVIII. Военные приготовления

Порох не загорается с такой быстротой, с какой в провинциях дон Педро вспыхнул мятеж.

Не боясь вторжения со стороны соседних королевств, наибольшая часть жителей городов выступила в защиту Энрике сразу же, как только выпущенный им манифест возвестил Испании, что он вернулся с армией, которой командует коннетабль Бертран Дюгеклен.

Через несколько дней дороги оказались забиты наемниками, преданными Энрике гражданами, монахами всех орденов и бретонцами, что направлялись в Толедо.

Но город, сохранивший, как и предсказывал Бертран, верность дону Педро, закрыл ворота, укрепил свои стены и стал ждать осады.

Энрике времени даром не терял. Окружив город, он начал осаду. Это объявление военных действий было ему очень выгодно, ибо давало время союзникам собраться под его знаменами.

Дон Педро тоже действовал активно. Он слал гонца за гонцом своим старым друзьям – королям Гранады,¹⁹⁰ Португалии, Арагона и Наварры.

Он вел переговоры с больным принцем Уэльским; тот ле-

---

¹⁹⁰ Король Гранады – Мухаммед V. Король Португалии – Фердинанд; царствовал в 1367–1383 гг.

жал в Бордо и, казалось, несколько утратил свой воинственный пыл и, отдыхая, словно готовился к той жестокой смерти, которая молодым отняла его у славного будущего.

Сарацины, как обещал Мотриль, высадились в Португалии. Передохнув несколько дней, они, погрузившись на суда, предоставленные им королем Португалии, поплыли вверх по Тахо; впереди по берегу гнали три тысячи лошадей, посланных дону Педро его португальским союзником.

На стороне Энрике были города Галисии и Леона; он располагал армией, чье крепкое ядро составляли пять тысяч бретонцев под командованием Оливье Дюгеклена.

Энрике лишь ждал надежных вестей от Молеона, когда тот появился в лагере вместе с оруженосцем и рассказал обо всем, что делал и видел.

Король и Бертран выслушали его в глубоком молчании.

– Как! – воскликнул коннетабль. – Разве Мотриль не уехал с доном Педро?

– Мотриль ждал, когда подойдут сарацины, чтобы встать во главе их.

– Можно послать сотню солдат, чтобы прежде всего захватить в Монтель мавра, – посоветовал Бертран. – Отряд поведет Аженор, а поскольку, как я предполагаю, у него нет особых причин любить этого Мотриля, то он построит на берегу Тахо высокую виселицу и повесит на ней сарацина, этого убийцу и предателя...

– О сеньор, вы были так добры, обещая мне вашу дружбу и

поддержку, – сказал Аженор. – Не отказывайте мне в них сегодня, умоляю вас, разрешите, чтобы сарацин Мотриль спокойно, ничего не подозревая, жил в замке Монтель.

– Почему же? Это гнездо надо разрушить.

– Сеньор коннетабль, я знаю это логово, которое в будущем будет нам полезно. Вам известно, что, если хотят взять лиса, то делают вид, будто не замечают его норы, и проходят мимо, не глядя в ее сторону. Иначе он покинет ее и больше туда не вернется.

– Ну и что же дальше, шевалье?

– Сеньоры, пусть Мотриль и дон Педро думают, что о них никто не знает и что они неприступны в замке Монтель, где позднее – как знать? – мы можем поймать их обоих в одну сеть.

– Аженор, я надеюсь, что это не единственный твой довод? – спросил король.

– Да, сир, – я ведь никогда на лгал, – да, это не единственный мой довод. Истинная причина в том, что в этом замке заточен мой друг, которого Мотриль убьет, если мы окружим крепость.

– Так прямо и говори, – воскликнул Бертран, – и никогда не думай, что мы решимся отказать тебе в твоей просьбе!

После этой беседы, которая успокоила Молеона насчет судьбы Аиссы, командиры армии еще больше ужесточили осаду Толедо.

Жители оборонялись так упорно, что город стал ареной

множества боевых схваток, и немало знаменитых осаждающих, причем самых опытных воинов, было убито или ранено в стычках и вылазках.

Но эти бои были лишь прологом к большому сражению, подобно тому, как молнии и гром в облаках являются предвестием бури.

Дон Педро приехал в Толедо – город был хорошо укреплен и имел солидные запасы съестного, – чтобы уладить свои дела с подданными и союзниками.

В бесконечной череде гражданских войн толедцы склонялись то на одну, то на другую сторону; надо было вдохнуть в них боевой дух, который навеки связал бы горожан с делом победителя при Наваррете.

Этой победой дон Педро гордился больше всего. Если толедцы не поддержали бы на этот раз своего государя и он не выиграл бы первого сражения, как победил при Наваррете, то с Толедо было бы покончено навсегда: дон Педро не простил бы этого городу.

Ему, человеку коварному, хорошо было известно, что на самом деле воздействовать на жителей большого города могут лишь голод и алчность.

Мотриль твердил ему об этом каждый день. Поэтому надлежало кормить толедцев и внушать им надежду на богатые трофеи.

Дону Педро не удалось достичь этих двух целей. Он многое обещал в будущем, но ничего не давал в настоящем.

Увидев, что на рынке не хватает съестного, а закрома пусты, толедцы начали роптать.

Группа из двадцати богатых горожан, преданных графу де Трастамаре или движимых только несогласием с доном Педро, подстрекала недовольных и создавала в городе смуту.

Дон Педро посоветовался с Мотрилем.

– Эти люди сыграют с вами злую шутку, открыв, пока вы спите, городские ворота вашему сопернику, – сказал мавр. – В крепость войдут десять тысяч солдат, возьмут вас в плен, и война на этом закончится.

– Что же надо сделать?

– Одну очень простую вещь. В Испании вас называют доном Педро Жестоким.

– Мне это известно... Но заслужил я это звание всего лишь чуть более решительным исполнением приговоров.

– Я не спорю... Но если вы заслужили это имя, не надо бояться заслужить его еще раз. Если вы не заслужили его, то поспешите оправдать свое имя какой-нибудь славной расправой, которая убедит толедцев, что рука у вас тяжелая.

– Да будет так, – сказал король. – Я начну действовать сегодня ночью. Дон Педро, действительно, приказал назвать ему имена недовольных, о которых мы уже упоминали; узнал, где они живут и каковы их привычки.

Потом, ночью, взяв сотню солдат, которыми командовал сам, врвался в дома к мятежникам и приканчивал их.

Тела их сбросили в Тахо. Немного ночного шума и много

старательно смытой крови – вот и все, что поведало толедцам, каким образом король намеревался вершить правосудие и управлять городом.

Поэтому горожане перестали роптать и принялись прежде всего с большим восторгом поедать своих лошадей, с чем король их и поздравил.

– Лошади в городе вам не нужны, – объяснил им дон Педро. – Ездить далеко здесь некуда, ну а вылазки на осаждающих мы сможем делать и пешком.

Прикончив лошадей, толедцы были вынуждены поедать своих мулов. Для испанца это жестокая необходимость. Мул – животное национальное, каждый испанец считает его почти своим другом. Конечно, лошадей убивают и во время корриды; но именно на мулах вывозят с арены убитых лошадей и быков.

Итак, толедцы, горестно вздыхая, съели и своих мулов.

Энрике де Трастамаре не мешал им в этом.

Это заклятие мулов придало решимости осажденным, которые вышли из крепости на поиски съестного; но Виллан Заика и Оливье де Мони, которые не съели своих бретонских лошадей, жестоко их побили, вновь загнав в крепость.

Дон Педро подал горожанам новую мысль. Он предложил им кормиться фуражом, который остался после съеденных лошадей и мулов.

Фураж был изничтожен за неделю, после чего горожанам пришлось искать другое пропитание.

Однако обстоятельства складывались никак не в пользу Толедо.

Принц Уэльский, раздосадованный тем, что не получает денег, которые ему был должен дон Педро, прислал в Толедо трех послов, чтобы предъявить счет за военные расходы.

Дон Педро спросил Мотриля, как быть с эти новым затруднением.

– Христиане очень любят пышные церемонии и праздники, – ответил Мотриль. – Если бы у нас были быки, я посоветовал бы устроить великолепные бои, но, поскольку их больше не осталось, надо придумать что-нибудь другое.

– Что именно? Говорите.

– Эти послы едут требовать от вас денег. Все Толедо ждет вашего ответа. Если вы откажетесь платить – это значит, что казна ваша пуста и вы больше не сможете рассчитывать на толедцев.

– Но я не могу расплатиться, у нас не осталось ни флорина.

– Мне прекрасно это известно, ваша светлость, ибо я ведаю финансами. Однако недостаток денег можно возместить, если пораскинуть умом.

Вы пригласите послов торжественно явиться в собор. Там, в присутствии всего народа, который будет зачарован, увидев ваши царственные одежды, золото и драгоценные камни церковного убранства, богатые доспехи, а также полторы сотни лошадей, что в городе покажутся невиданными живот-

ными вымершей породы, вы спросите их:

«Господа послы, располагаете ли вы всеми полномочиями, чтобы вести со мной переговоры?»

«Да, – ответят они, – мы представляем его светлость принца Уэльского, милостивого нашего повелителя».

«Превосходно! – скажете вы. – Значит, его светлость требует ту сумму, которую, как мы условились, я должен буду ему выплатить?»

«Да», – ответят они.

«Я признаю долг, – скажете вы, мой государь. – Но мы с его светлостью договорились, что взамен суммы, каковую я должен, я получу покровительство, союз и сотрудничество англичан».

– Но я же получил их! – вскричал дон Педро.

– Да, но вы больше не располагаете ими и рискуете получить совсем обратное... Поэтому прежде всего от англичан надлежит добиться нейтралитета: ведь если вам, наряду с армией Энрике де Трастамаре и бретонцами под водительством коннетабля, придется еще сражаться с вашим кузеном, принцем Уэльским, то вы, государь мой, пропали, и англичане сами заплатят себе, содрав с вас три шкуры.

– Они откажутся помогать мне, Мотриль, потому что я не смогу заплатить.

– Если бы они хотели отказаться, то уже отказались бы. Но христиане слишком самолюбивы, чтобы признаваться друг другу в своих ошибках. Принц Уэльский предпочел бы по-

терять все деньги, которые вы ему должны, но делать вид, что с ним расплатились, нежели получить долг тайком от всех... Позвольте мне договорить... Поэтому, когда послы будут требовать от вас долг, вы ответите им:

«Мне грозят военными действиями со стороны принца Уэльского... Если это произойдет, я лучше предпочту потерять все мое королевство, чем сохранять хотя бы намек на союз с таким вероломным государем. Поклянитесь же мне, что его светлость принц Уэльский, начиная с этого дня, два месяца держит свое слово (до того как он обещал оказывать мне помощь, принц собирался сохранять нейтралитет), и через два месяца, клянусь вам на Евангелии, я расплачусь с вами, деньги для этого уже собраны».

Послы заплатят вам, чтобы получить разрешение быстрее вернуться к себе; и народ ваш будет рад, вздохнет с облегчением, убедившись, что ему больше не угрожают новые враги, а съев своих лошадей и мулов, он сожрет всех крыс и ящериц Толедо, благо их предостаточно из-за близости гор и реки.

– Ну а что будет через два месяца, Мотриль?

– Вы расплатиться не сможете, это верно, но вы выиграете или проиграете сражение, которое мы хотим дать. Через два месяца вам, победителю или побежденному, больше не нужно будет расплачиваться с вашими долгами: если вы победите – вам дадут сколько угодно кредитов, если проиграете – то с вас вообще нечего будет взять.

– А как же моя клятва на Евангелии?

– Вы часто говорили о том, что хотите перейти в магометанство, это будет, мой государь, хорошая возможность. Раз вы предались Магомету, вам больше нечего будет делить с Иисусом Христом, чужим пророком.

– Мерзкий язычник! – пробормотал дон Педро. – Как ты смеешь давать подобные советы!

– Смею, потому что ваши преданные христиане вообще не дают вам советов, – возразил Мотриль. – И посему мои советы ценны вдвойне.

Дон Педро, все хорошо обдумав, в точности выполнил план Мотриля. Церемония была грандиозной; толедцы забыли о голоде, узрев великолепие двора и роскошь военных доспехов.

Дон Педро проявлял такое великодушие, произносил такие прекрасные речи и клялся так торжественно, что послы, заверив его в невмешательстве англичан, выглядели такими радостными, словно с ними расплатились наличными.

«Для меня все это неважно, – убеждал себя дон Педро. – Этот долг умрет вместе со мной».

Ему повезло больше, чем он надеялся, ибо, как обещал Мотриль, по реке Тахо прибыли крупные подкрепления африканцев и прорвали враждебное окружение, что позволило накормить город; таким образом, дон Педро, собрав свои силы, оказался во главе восьмидесятитысячной армии, куда входили как евреи, так и сарацины, португальцы, кастильцы.

Во время всех этих приготовлений к войне он держался

обособленно, тщательно оберегая свою персону и ни в чем не полагаясь на волю судьбы, которая могла одной случайностью разрушить задуманный и подготовленный им сильный удар по врагу.

Дон Энрике, напротив, уже организовывал управление, словно законно выбранный, утвердившийся на престоле король. Он желал, чтобы на другой день после битвы, принесшей ему корону, его королевство было таким же прочным и благополучным, словно долго жило в мире.

Аженор, пока дон Энрике и дон Педро предавались своим маневрам, не спускал глаз с Монтеля и, благодаря щедро оплачиваемым соглядатаям, знал, что Мотриль, расположивший кордон войск между замком и Толедо, почти каждый день отправлялся на быстром как ветер берберийском скакуне проведать Аиссу, окончательно залечившую свою.

Он всеми способами пытался проникнуть в замок или дать знать о себе Аиссе, но безуспешно.

Беспрестанно думая об этом, Мюзарон тоже пребывал в лихорадочном возбуждении.

В конце концов Аженор стал видеть спасение лишь в скором генеральном сражении, которое позволило бы ему собственноручно убить дона Педро и живьем взять Мотриля, чтобы в качестве выкупа за жизнь гнусного мавра он мог получить свободную и невредимую Аиссу.

Страстная навязчивость этой сладостной мысли, этой неотступной мечты утомляла мозг молодого человека. Он

испытывал глубокое отвращение ко всему, что не имело отношения к наступательным решительным военным действиям; он входил в совет командиров, на котором неизменно предлагал снять осаду и навязать дону Педро генеральное сражение.

В совете он сталкивался с серьезными противниками, ибо армия дона Энрике не превышала двадцати тысяч человек и многие офицеры полагали, что было бы безумием рисковать и потерять свое несомненное преимущество.

Однако Аженор доказывал, что если дон Энрике, собравший после выпуска своего манифеста всего лишь двадцать тысяч солдат, не проявит себя каким-нибудь громким поступком, то силы его не увеличатся, а уменьшатся, тогда как к дону Педро каждый день по Тахо прибывают на помощь сарацины и португалыцы.

– Города охвачены тревогой, – говорил Аженор, – они колеблются между двумя станами, вы сами видите, как ловко дон Педро принудил нас к бездействию, что для всех служит доказательством нашего бессилия. Оставьте Толедо, которого вы не возьмете. Вспомните, что если вы выиграете сражение, то город будет вынужден сдаться. Сейчас ничто не побуждает толедцев к сдаче; наоборот, осуществляется план Мотриля. Вы окажетесь зажатыми между стенами каменными и железными. У вас за спиной на берегу Тахо восемьдесят тысяч солдат. Нам придется сражаться лишь за то, чтобы достойно погибнуть. А сегодня вы можете атаковать и побе-

дить.

Суть этой речи была своекорыстной, но ведь ни один добрый совет не лишен толики корысти.

Коннетабль был слишком умным и опытным воином, чтобы не поддержать Молеона. Оставалось преодолеть нерешительность короля, который сильно рисковал, не приняв всех мер предосторожности, потерпеть неудачу.

Но то, чего не делают люди, творит по своей воле Бог.

XIX. Аисса

Как и Аженор, дон Педро тоже пылал нетерпением обладать сокровищем, которое после короны было ему дороже всего на свете.

Каждый раз, когда, завершив свои дела, король мог ночью, по дороге, охраняемой рядами преданных ему солдат, примчаться в замок и хоть четверть часа видеть прекрасную Аиссу, бледную и печальную, он был счастлив.

Но Мотриль редко баловал короля подобным счастьем. Замысел сарацина удался, и добыча уже трепыхалась в его крепко натянутой сети; теперь следовало удержать ее, ибо оказавшийся в ловушке король был подобен льву в западне: когда лев пойман, никогда нельзя быть уверенным, что он не вырвется.

Дон Педро настойчиво требовал от Мотриля отдать ему Аиссу; он обещал взять ее в жены и посадить на трон.

– Нет, – отвечал Мотриль, – не следует королю во время битвы справлять свадьбу, он не должен предаваться любви, когда храбрые воины гибнут за него. Нет. Дождитесь победы, и тогда все вам будет дозволено.

Так он сдерживал трепещущего от нетерпения короля, и мысль его была ясна; дон Педро разгадал бы ее, если бы не был ослеплен страстью.

Мотриль хотел сделать Аиссу королевой Кастилии, ибо

знал, что этот брак христианина с магометанкой возмутит весь христианский мир и все отвернутся от дона Педро, а сарацины, множество раз побежденные, вновь завоюют Испанию и воцарятся в ней навсегда.

В этом случае Мотриль стал бы королем Испании. Ведь это Мотриль, известный всем маврам, уже десять лет вел их шаг за шагом на эту землю обетованную, делая успехи, которые видели все, кроме опьяненного страстью полубезумного короля.

Но поскольку, отдавая Аиссу, готовясь обрушить на голову дона Педро множество несчастий, все-таки надо было действовать неторопливо, наверняка, Мотриль ждал решающей победы, что уничтожила бы самых яростных врагов, с которыми мавры могли столкнуться в Испании. Маврам нужно было под знаменем дона Педро выиграть крупное сражение, чтобы убить Энрике де Трастамаре, Бертрана Дюгеклена и всех бретонцев, чтобы наконец дать понять христианскому миру, что Испания – земля податливая, когда в ней роют могилы для завоевателей.

Следовало также убрать самого главного противника планов мавра – Аженора де Молеона, чтобы его юную возлюбленную (сперва ее убаюкивали обещаниями, уверяя в скорой встрече с любимым, а потом сразили бы вестью о не вызывающей сомнений гибели Аженора на поле брани) горе вынудило служить Мотрилю, который перестал бы вызывать у нее недоверие.

Мавр стал относиться к Аиссе еще нежнее и заботливее; он уже обвинял Хафиза, будто тот вступил в сговор с доньей Марией, чтобы обмануть или погубить Аженора. Хафиз был мертв и не мог оправдаться.

Он доставлял Аиссе истинные или ложные известия от Аженора.

– Он думает о вас, – говорил Мотриль, – он любит вас, он состоит сейчас при господине коннетабле и не упускает ни одной возможности сноситься с гонцами, которых & досылаю, чтобы получать от него известия.

Аисса, успокоенная этими словами, терпеливо ждала. Она даже находила некую прелесть в этой разлуке, которая служила порукой в том, что Молеон думает о встрече с ней.

Дни ее проходили в самом отдаленном покое замка. Там, в окружении служанок, она в праздной мечтательности смотрела на равнину из окна, расположенного высоко на отвесной скале, прямо над глубокой пропастью. Когда ее посещал дон Педро, она встречала его с той холодной и чопорной снисходительностью, которая у женщин, не способных к двуличию, служит как бы высшим проявлением лицемерия. Эта холодность тем более непонятна потому, что самонадеянные люди иногда принимают ее за робкое выражение зарождающейся любви.

Король никогда не встречал сопротивления со стороны женщин. Мария Падилья, самая гордая из них, любила его, презрев всех других мужчин. И разве он мог не поверить

в любовь Аиссы, особенно после смерти Марии и советов Мотриля, убедивших короля в том, что в чистом сердце девушки еще не возникала мысль полюбить кого-то.

Мотриль неотступно следил за королем, когда тот приезжал в замок. Каждое слово короля имело для Мотриля значение, и мавр не допустил бы, чтобы Аисса ответила дону Педро хоть одним словом. Болезнь Аиссы повелительно требует молчания, утверждал мавр. К тому же он постоянно боялся, что дон Педро сговорится с людьми в замке, и они выдадут Аиссу королю, как раньше выдавали ему многих других женщин.

Поэтому Мотриль, полновластный хозяин в замке Монтель, принимал собственные меры предосторожности. Лучшая из них состояла в том, чтобы убедить Аиссу, будто он одобряет ее любовь к Аженору. И девушка этому поверила.

И следствием всего этого было то, что в день, когда Мотриль покидал замок Монтель, чтобы отправиться командовать подоспевшими к началу битвы африканскими войсками, ему оставалось лишь сделать два распоряжения: одно своему помощнику, а другое лично Аиссе.

Этим помощником был тот самый мавр, который перед началом битвы при Наваррете не сумел защитить носилки Аиссы, но теперь горел желанием исправить свою ошибку.

Он был не столько слугой, сколько солдатом. Неспособный унизиться до рабской услужливости Хафиза, он понимал лишь одно: он обязан повиноваться своему господину и

исполнять предписания веры.

У Аиссы на уме тоже было лишь одно – сочетаться вечными узами с Аженором.

– Я ухожу на битву, – сказал ей Мотриль. – Я заключил с господином де Молеоном договор о том, что в бою мы будем щадить друг друга. Если он будет победителем, то приедет за вами в этот замок, ворота которого я сам открою перед ним, и вы убежите отсюда с ним... и со мной, если вы еще любите своего отца. Если рыцарь будет побежден, то придет ко мне, а я приведу его к вам, и мне он будет обязан и своей жизнью, и вашей любовью... Будете ли вы, Аисса, любить меня за верность вам?

Вы понимаете, что если король дон Педро узнает хоть одно слово, заподозрит хоть одну мысль из этого плана, то через час моя срубленная голова скатится к его ногам, а человек, которого вы любите, потеряет вас навеки.

Аисса рассыпалась в изъявлениях благодарности, приветствуя этот день кровавой скорби как зарю своей свободы и счастья.

Поговорив с девушкой, Мотриль отдал распоряжения своему помощнику.

– Хассан, скоро Пророк соблаговолит решить, будет ли жить дон Педро и какова будет его участь. Мы идем на битву. Разобьют нас или мы одержим победу, но, если я вечером в день сражения не вернусь в замок, это будет означать, что я ранен, погиб или в плену. Тогда ты откроешь дверь в

покои доньи Аиссы – на, возьми ключ – и прикончишь ее кинжалом вместе с двумя служанками, сбросишь их тела со скалы в пропасть, ибо нельзя, чтобы правоверных мусульман осквернял христианин, как бы его ни называли – дон Педро или Энрике де Трастамаре! Сторожи не так, как при Наваррете, тогда твою бдительность обманули, но я простил тебя и оставил тебе жизнь. На сей раз тебя накажет Пророк. Поэтому поклянись, что исполнишь мои повеления.

– Клянусь! – хладнокровно ответил Хассан. – Клянусь, что, заколов трех женщин, я убью себя, чтобы дух мой не спускал глаз с их душ!

– Благодарю тебя, – сказал Мотриль, надевая ему на шею свое золотое ожерелье. – Ты верный слуга, и, если мы победим, ты станешь управителем этого замка. Пусть донья Аисса до последнего мгновения не знает, какая участь ей уготована; она слабая женщина и должна умереть сразу, без страданий! Но я не верю, что победа может ускользнуть от нас, – поспешил прибавить он. – Вот почему мой приказ – простая мера предосторожности, исполнять которую нам не придется.

Отдав эти распоряжения, Мотриль взял свое оружие и лучшего коня, отобрал десяток преданных ему людей и, оставив Хассана распоряжаться в замке Монтель, отправился ночью к дону Педро, который с нетерпением ожидал его.

Мотриль рассчитывал на победу, и он не ошибался. Шансы победить сводились к следующему: войска доня Педро

превосходили силы противника вчетверо; беспрестанно прибывали свежие подкрепления; с тайной и непоколебимой волей к победе все золото Африки было переброшено в Испанию. Надежд на победу, хотя они часто рушатся, никто не оставляет никогда. В то же время рыцари Европы сражались в Испании из корысти или религиозного долга, но без воодушевления, и при неудаче война сразу становилась им противна.

И если когда-нибудь происходило событие, столь хорошо продуманное, то им была битва, которую история поэтично и возвышенно нарекла сражением при Монтеле.

XX. Сражение при Монтеле

Дон Педро, горя желанием ринуться в бой, сосредоточил все свои войска между Монтелем и Толедо. Они растянулись по равнине на два льё, до самых гор; кавалерия и пехота были выстроены в безупречном порядке.

Дону Энрике больше колебаться уже нельзя было. Принимать битву по принуждению было постыдно для претендента, который избрал себе в Кастилии девиз: «Быть здесь королем или погибнуть!»

Поэтому он пришел к коннетаблю и сказал:

– И на сей раз, сир Бертран, я вверяю в ваши руки судьбу моего королевства. Ведь вам предстоит командовать армией. Вы можете быть более удачливы, чем при Наваррете, но отважнее и искуснее быть невозможно. Но, как христианин, вы знаете, что то, чему Бог не дал осуществиться в первый раз, он может пожелать дать осуществиться во второй.

– Значит, сир, всем команду я? – живо вскричал коннетабль.

– Да, по-королевски. Я ваш первый или ваш последний помощник, сир коннетабль, – ответил король.

– И вы скажете мне то же, что король Карл Пятый, мой мудрый и славный господин, сказал мне в Париже, вручая меч коннетабля?

– И что же он вам сказал, отважный Бертран?

– Он сказал мне, сир, что в его армиях плохо соблюдается дисциплина и они терпят поражения из-за отсутствия подчинения и строгости. Есть вельможи, которые стыдятся исполнять приказы простого рыцаря, хотя никогда победа в сражении не доставалась без общего согласия и воли одного человека. А посему, сказал он, вы, Бертран, будете командовать, и любая непокорная голова, будь то даже голова моего брата, склонится перед вами или падет, если склониться не пожелает.

В этих словах, сказанных в присутствии всего военного совета, коннетабль тактично изложил причину неудачи при Наваррете, когда необдуманные действия дона Теньо и дона Санче, братьев короля, погубили большую часть армии.

Присутствовавшие на совете принцы услышали эти слова Дюгеклена и устыдились.

– Сир коннетабль, – отвечал король, – я сказал, что командуете вы, значит, здесь господин вы. Всякого, будь он моим союзником, моим родственником, моим братом, кто будет действовать здесь против вашего желания или вашего приказа, я сам зарублю вот этим топором. Воистину тот, кто любит меня, должен желать моей победы, а победить я могу благодаря подчинению всех мудрейшему полководцу христианского мира.

– Да свершится ваша воля! – сказал Дюгеклен. – Я принимаю командование, завтра мы даем сражение.

Всю ночь коннетабль выслушивал донесения своих лазут-

чиков и гонцов.

Одни сообщали, что в Кадисе высаживаются новые сарацинские отряды. Другие жаловались на бедствия деревни, которую целый месяц восемьдесят тысяч солдат опустошали словно тучи саранчи.

– Пора с этим покончить, – объявил коннетабль королю, – ибо эта солдатня сожрет ваше королевство, и после победы вам не останется ни крошки.

Аженор радовался, хотя сердце у него сжималось от страха, как бывает накануне страстно ожидаемого события, которое должно разрешить какую-то важную проблему, и обманывал свои душевные скорби и свою тревогу, развив невиданную деятельность.

Не слезая с коня, он развозил приказы, разведывал местность, собирал и формировал отряды, определял каждому из них позицию на завтрашний день.

Дюгеклен разделил свою армию на пять частей. Четыре с половиной тысячи конников, которыми командовали Оливье Дюгеклен и Виллан Заика, образовывали авангард. Шесть тысяч лучших французских и испанских рыцарей, которых вел дон Энрике де Трастамаре, составляли главную ударную силу. Арагонцы и другие союзники стояли в арьергарде. Резерв в четыреста всадников под командованием Оливье де Мони должен был обеспечивать отход.

Коннетабль оставил при себе три тысячи бретонцев, командирами которых были младший де Мони, Карлонне, Лау-

эссе и Аженор. Этот отряд, который состоял из непобедимых рыцарей на прекрасных конях, должен был, словно мощная длань, наносить удары всюду, где главнокомандующий сочтет нужным для победного исхода битвы.

Бертран поднял своих солдат до восхода солнца, и каждый не спеша занял свое место, так что уже перед рассветом армия без лишней усталости и ненужного шума расположилась на позициях.

Дюгеклен не счел нужным произносить долгие торжественные речи.

– Думайте лишь о том, что каждому из вас придется сразить четырех врагов, хотя каждый из вас стоит десятерых, – сказал он. – Этот сброд мавров, евреев и португальцев не устоит против воинов Франции и Испании. Разите беспощадно, убивайте каждого, кто не христианин. Я никогда не проливал кровь без надобности, но сегодня необходимость повелевает нам пролить ее.

Ничто не связывает мавров с испанцами. Они ненавидят друг друга. Их объединяет только выгода; но едва мавры убедятся, что их приносят в жертву ради испанцев, как только они увидят, что в схватке вы щадите христианина, но убиваете магометанина, подозрительность проникнет в ряды мавров, а когда минует первый порыв отчаяния, они быстро бросятся спасать свои шкуры. Поэтому бейте их, и бейте без пощады!

Это обращение оказало привычное действие: необычно-

венный восторг охватил ряды воинов.

Тем временем и дон Педро принялся за дело; можно было наблюдать, что он с трудом управляет огромными недисциплинированными войсками африканцев, оружие и роскошные одеяния которых сверкали под лучами восходящего солнца.

Когда Дюгеклен с высоты холма, который он избрал наблюдательным пунктом, увидел это бесчисленное множество солдат, у него возникло опасение, как бы малое число его воинов не придало противникам слишком большой уверенности. Поэтому он увеличил вдвое задние ряды, подкрепив стоящих в первом ряду таким образом, чтобы силы их казались равны.

Кроме того, он приказал поднять за холмами множество стягов, чтобы сарацины подумали, что под этими знаменами стоят воины.

Дон Педро видел все это; опасность пробуждала в нем боевой дух.

К своим верным испанцам он обратился с пылкой речью, а к сарацинам – с заманчивыми обещаниями. Но сколь бы ни были заманчивы эти обязательства, они не стоили тех надежд, которые его союзники-мавры возлагали на трофеи, что намеревались добыть сами.

Со стороны дона Педро зазвенели фанфары, им тут же ответили фанфары Дюгеклена, и от громкого гула, подобного грохоту двух столкнувшихся миров, содрогнулась земля и

даже затрепетали деревья на холмах.

Результат советов Дюгеклена стал очевиден после первых же схваток. Бретонцы, которые отказывались брать в плен магометан, убивая всех подряд, но щадили христиан, посеяли глубокое недоверие в душах неверных, и оно, словно дрожь, пробежало по рядам сарацин, охлаждая их боевой пыл.

Они сочли, что христиане двух враждующих сторон сговорились и что, победит Энрике или будет побежден, единственными жертвами окажутся сарацины.

Именно по этим сарацинам ударили брат Дюгеклена и Виллан Заика; бесстрашные бретонцы устроили кровавое побоище, и, когда были перебиты все командиры мавров, включая самого султана Беннемарина, мавры испугались и обратились в бегство; первый отряд сарацин был разбит наголову.

Колебался и второй сарацинский отряд, хотя еще довольно смело продвигался вперед; Дюгеклен бросил в бой три тысячи своих бретонцев и так яростно атаковал мавров, что половина из них повернула назад.

Это было второе побоище; перебиты были все: командиры, знать, солдаты, не спасся ни один.

Взбудораженный Дюгеклен, утирая пот с лица, вернулся на наблюдательный пункт и увидел короля Энрике, который, тоже прекратив преследование противника, возвращался, исполняя приказ занять свое место в рядах воинов.

– Слава Богу, господа, что все складывается хорошо и почти без нашего участия, – сказал Бертран. – Мы потеряли лишь около тысячи солдат, а землю усеивают двадцать пять тысяч сарацин, видите, какая прекрасная жатва. Все идет хорошо.

– Лишь бы так шло и дальше! – прошептал Энрике.

– Во всяком случае мы приложим к этому все усилия, – ответил коннетабль. – Вон, смотрите, Молеон пошел в атаку на третий отряд сарацин, которым командует Мотриль. Мавр это заметил и приказал окружить Молеона, бросил вперед кавалерию. Молеон может погибнуть. Играйте отбой, трубы.

Десять трубачей сыграли сигнал к отступлению; Аженор прислушался и, словно выполнив упражнение в манеже, послушно вернулся назад на позицию, осыпaeмый стрелами, которые градом стучали по его крепким латам.

– Теперь мой авангард атакует испанцев, – сказал коннетабль. – Это хорошие войска, господа, и легко мы не отделаемся. Надо сейчас разбиться на три части и атаковать их с трех сторон. Король займет левый фланг, – продолжал он, – Оливье правый, я встану в центре.

Было ясно, что Дюгеклен не пускал в бой ни свой резерв, ни свою легкую кавалерию.

Испанцы приняли удар, решив либо погибнуть, либо победить.

Атакуя войска дона Педро, Энрике встретил ожесточен-

ное и умело организованное сопротивление.

Оба короля издали внимательно наблюдали друг за другом, но не могли сойтись в поединке. Вокруг них возвышались горы трупов и звенело оружие, и земля впитывала потоки крови.

Неожиданно отряд дона Энрике дрогнул: дон Педро, сражаясь, как лев, одерживал верх. Был убит один из его оруженосцев, и он дважды менял коня, но не получил ни одной царапины и так умело, расчетливо размахивал боевым топором, что каждым ударом разил соперников.

Энрике окружили мавры Мотриля; если дон Педро в бою был львом, то Мотриль – тигром. Много французских рыцарей было скошено ятаганами и кривыми саблями мавров; ряды французов поредели, и отдельные стрелы уже долетали до короля; какой-то смельчак-мавр даже смог коснуться его своим копьём.

– Пора! – вскричал коннетабль. – Вперед, друзья мои, победа будет за нашей Богородицею Гекленской!

Три тысячи бретонцев с невероятным грохотом тронулись с места и, перестроившись клином, вонзились, словно стальное острие, в корпус дона Педро, насчитывающий двадцать тысяч солдат.

Аженор, наконец, получил столь желанный приказ пойти в бой и взять в плен Мотриля.

Через четверть часа испанцы были смяты и раздавлены. Мавританская кавалерия не выдержала удара тяжело воору-

женных рыцарей, не устояв перед натиском страшного стального клина.

Мотриль хотел бежать, но натолкнулся на арагонцев и людей Виллана Заики, ведомых Молеоном. Мавру, оказавшемуся под угрозой окружения непробиваемой железной стеной, надо было прорваться любой ценой. Аженор уже мог считать, что жизнь и свобода Мотриля в его руках, но мавр со своими тремя сотнями воинов атаковал бретонцев, и, оставив на поле брани двести пятьдесят из них, пробился; на ходу он одним ударом снес голову коню Аженора, который уже настигал его.

Аженор покатился по пыльной земле, Мюзарон вдогонку мавру пустил стрелу, но та пролетела мимо, и Мотриль, словно убегающий волк, скрылся за горами трупов и поскакал в сторону Монтея.

В эти минуты дон Педро видел, как падают один за другим его воины. Он, как говорится, ощущал на лице дыхание своих самых ожесточенных преследователей. Один из них срубил ему гребень на шлеме и убил его знаменосца; но то, что опозорило государя, спасло ему жизнь.

Дона Педро невозможно было узнать. Вокруг него бушевала бессмысленная бойня. И тут какой-то английский рыцарь в черных доспехах, с плотно закрытым забралом, схватил под уздцы его коня и вырвал его с поля боя. Лишь четыреста всадников, поставленных его осторожным другом за небольшим холмиком, сопровождали короля-беглеца. Это

все, что осталось у дона Педро от восьмидесяти тысяч солдат, которые еще в начале утра были живы.

По равнине во все стороны разбежались люди, и Бертран не сумел отличить короля от других воинов; никто даже точно не знал, жив ли дон Педро. Поэтому коннетабль наудачу послал преследовать беглецов свой резерв и полторы тысячи всадников Оливье де Мони; и все же дону Педро удалось уйти благодаря своим превосходным коням. Никто и не подумал гнаться за ним; впрочем, никто его не опознал. Он ничем не выделялся среди прочих беглецов.

Но Аженор, знающий дорогу на Монтель и причину того, почему дон Педро стремится укрыться в замке, зорко следил за всем. Он видел, как в ту же сторону умчался Мотриль, разгадал, кто англичанин, столь кстати пришедший на помощь дону Педро; видел отряд всадников, сопровождавший человека, который намного его опережал на своем резвом великоколенном коне. Аженор узнал короля по его разбитому шлему и окровавленным золотым шпорам, по той страстности, с какой король издали вглядывался в башни замка Монтель. Аженор озирался по сторонам и искал поблизости глазами какой-нибудь отряд, который мог бы помочь ему преследовать короля и отрезать путь к отступлению его четверемстам всадникам.

Он заметил только Виллана Заику с его тысячью ста конниками, которые спешили, чтобы перевести дух, дать отдохнуть лошадям, а затем вновь продолжать погоню.

Бертран Дюгеклен вовсе не намеревался преследовать беглецов и добивать их повсюду.

– Мессир, – крикнул Аженор Заике, – скорее помогите мне, если хотите захватить короля дона Педро, который убегает в замок.

– Вы в этом уверены? – вскричал Виллан Заика.

– Как в себе самом, мессир! – ответил Молеон. – Я знаю командира этих всадников, это Каверлэ. Вероятно, он так тщательно охраняет короля лишь с одной целью: хочет взять его голыми руками и продать за выкуп, ведь Каверлэ – наемник...

– Понятно! – сказал Виллан Заика. – Но нельзя допустить, чтобы такая удача выпала англичанину, когда здесь мы, славные французские копейщики. – И, повернувшись к своим всадникам, крикнул: – Все – по коням! А десять всадников пусть известят сеньора коннетабля, что мы поехали в Монтель брать побежденного короля.

Бретонцы с такой яростью бросились в погоню, что почти нагнали королевскую свиту.

Командир англичан сразу же разбил свой отряд на две группы; одна последовала за тем, кого считали королем; другая решительно преградила бретонцам путь.

– Вперед! Вперед! – кричал Аженор. – Они лишь хотят выиграть время и позволить королю укрыться в замке.

К несчастью для бретонцев, перед ними открывалось ущелье; чтобы нагнать убежавших англичан, необходимо было

перестроиться по шесть всадников в ряд.

– Мы упустим их! Они уходят! – кричал Молеон. – Смелей, бретонцы! Смелей!

– Нет, это мы тебя упустим, чертов беарнец! – кричал англичанин – командир эскорта. – Кстати, если хочешь взять нас, иди сюда!

Он говорил с такой уверенностью потому, что Аженор, увлеченный атакой и подгоняемый ревностью, обогнал своих товарищей и появился перед двумя сотнями английских всадников почти в одиночестве. Грозная опасность не останавливала отважного молодого человека: он все глубже вонзал шпоры в бока своего коня, побелевшего от пены.

Каверлэ был не из робкого десятка, и его природная жестокость, кстати, отлично гармонировала с надеждой на верную победу. Окруженный своими солдатами, он ждал Аженора, крепко сидя в седле.

Тогда все увидели необычную картину: одинокий рыцарь, пригнув голову, неся на двести вытянутых копий.

– Эй, трусливый англичанин! – кричал издали Виллан Заика... – О, трус, трус! Стойте, Молеон, хватит рыцарства! Трусливый, подлый англичанин!

Каверлэ охватил стыд: он все-таки был рыцарем и обязан был обмениваться ударами копья один на один, чтобы не опозорить свои золотые шпоры и Англию.

Он выехал вперед и занял боевую позицию.

– Твой меч уже у меня, – крикнул он Молеону, который

надвигался на него как ураган. – Здесь тебе не монтельская пещера, и сейчас у меня будет все твое оружие.

– Поэтому сперва возьми-ка копьё, – ответил молодой человек и с такой нечеловеческой силой выбросил вперед копьё, что вышиб англичанина из седла, сбив его вместе с лошастью на землю.

– Ура! – заорали бретонцы, опьянев от радости и кидаясь вперед.

Видя это, англичане развернули коней и пустились догонять своих, что разбежались по равнине; бросив короля, которого конь уносил к замку Монтель, Каверлэ приподнялся с трудом: у него был перебит позвоночник; конь, пытаясь скинуть всадника, ударил его копытом в грудь и снова припечатал к земле, где расплзалась лужа черной крови.

– Ах, черт! – прошептал он. – Это конец, больше я никого не возьму... я умираю...

И замолк...

В это мгновенье надвинулась бретонская кавалерия, и тысяча сто коней, отягощенных всадниками в доспехах, вихрем пронеслись над растоптанным трупом этого знаменитого торговца королями.

Но эта задержка спасла дону Педро. Напрасно Виллан Заика, предпринимая героические усилия, пытался придать третье дыхание людям и коням, бретонцы бешено мчались вперед, рискуя загнать коней, но в тот момент, когда они почти настигли дону Педро, тот успел въехать в первый пояс

укреплений замка и оказался в безопасности; ворота за ним захлопнулись.

Он благодарил Бога, что и на сей раз избежал плена.

Мотриль же приехал в замок на четверть часа раньше.

Виллан Заика с досады рвал на себе волосы.

– Терпенье, мессир, – успокаивал его Аженор, – не будем терять времени и окружим замок. То, что нам не удалось сегодня, удастся завтра.

Виллан Заика последовал этому совету; он расставил своих всадников вокруг замка, и сумерки опустились в тот миг, когда последний выход был закрыт для всякого, кто попытался бы вырваться из Монтеля.

Тем временем подошел и Дюгеклен со своими тремя тысячами солдат; он узнал от Аженора важную новость о короле доне Педро.

– Какая досада, – сказал он, – ведь крепость неприступна.

– Сеньор, это мы еще посмотрим, – ответил Молеон. – Бели в замок нельзя войти, то следует признать, что из него нельзя и выйти.

XXI. Аисса

Коннетабль не был наивным человеком. Он был далек от того, чтобы недооценивать способности дона Педро, хотя признавал, что характер у короля отвратительный.

Когда он обошел вокруг замка Монтель и оценил его местоположение, когда убедился, что, благодаря хорошей, надежной охране, можно не выпустить из замка даже мышь, Дюгеклен сказал:

– Нет, мессир де Молеон, нам не выпало того счастья, которое вы нам обещали. Нет, король дон Педро не заперся в замке Монтель, ибо ему отлично известно, что его отсюда не выпустят и уморят голодом.

– Уверяю вас, ваша милость, что Мотриль в замке и с ним король дон Педро, – возразил Молеон.

– Я поверю в это, когда сам его увижу, – ответил коннетабль и спросил: – Сколько в замке солдат?

– Триста человек, сеньор.

– Эти триста человек, если только захотят, забросают нас камнями и уложат тысяч пять наших солдат, а мы не сможем выпустить по ним ни одной стрелы. Завтра сюда придет дон Энрике; сейчас он занят тем, что вынуждает Толедо сдаться. С ним мы и решим, не лучше ли нам уйти отсюда, чем терять здесь целый месяц.

Аженор пытался спорить, но коннетабль, упрямый, как

всякий бретонец, не терпел возражений, вернее, не давал себя убедить.

На следующий день действительно прибыл дон Энрике, сияющий радостью победы.

Он привел с собой ликующую армию. Когда военный совет выяснял вопрос, находится ли дон Педро в замке, дон Энрике сказал:

– Я согласен с коннетаблем. Дон Педро слишком хитер, чтобы на виду у всех заточить себя в неприступную крепость, откуда ему не выбраться. И посему надо оставить здесь небольшой отряд, чтобы он не давал покоя Монтелю, заставил замок сдаться и не оставил у нас в тылу крепость. Ну, а мы пойдем дальше, нам, слава Богу, есть чем заняться, раз дона Педро здесь нет.

Аженор присутствовал на этом обсуждении.

– Ваша светлость, – обратился он к дону Энрике, – я слишком молод и неопытен, чтобы подавать свой голос среди доблестных полководцев, но ничто не сможет поколебать моего убеждения. Я опознал Каверлэ, следующего за королем, и Каверлэ был убит! Я видел, как дон Педро въехал в замок, я узнал его помятый шлем, разбитый щит и окровавленные золотые шпоры.

– А разве сам Каверлэ не мог ошибиться? В битве при Наваррете я тоже сменил доспехи, и разве с помощью преданного рыцаря дон Педро не мог сделать то же самое? – спросил дон Энрике.

Ответ короля встретил всеобщее одобрение. Аженору опять ничего не удалось добиться.

– Надеюсь, я убедил вас? – любезно спросил король.

– Нет, сир, не убедили – робко возразил Аженор, – хотя мне нечего ответить на мудрые замечания вашего величества.

– Надо уметь убеждать, сир де Молеон, да, надо.

– Я постараюсь научиться, – ответил молодой человек с плохо скрываемой горечью.

Наш нежный любовник оказался в отчаянном положении. Дон Педро, доведенный до крайности – он теперь не остановился бы ни перед чем, – находился в замке, рядом с Аиссой. Разве бесчестный король, предвидя скорую гибель, не попытался бы перед агонией вкусить последнее наслаждение, разве он оставил бы невинной девушку, верную другому, а не овладел бы ею силой?

И разве Мотриль, творец гнусных интриг, не был способен на все, чтобы вынудить короля сделать еще один шаг в своей кровавой и честолюбивой политике?

Поэтому Аженор был вне себя от гнева и горя. Он понял, что, храня и дальше свою тайну, рискует тем, что дон Энрике, коннетабль, армия уйдут, и тогда дону Педро, намного, кстати превосходящему умом и воинскими талантами привередливых офицеров, которым поручат охранять Монтель, удастся бежать из замка после того, как он принесет Аиссу в жертву прихоти своей царственной скуки.

Аженор мгновенно принял решение и попросил у короля аудиенции с глазу на глаз.

– Ваша светлость, я хочу сообщить вам, почему дон Педро, вопреки всякой очевидности, укрылся в замке Монтель. Я хранил эту личную тайну, но теперь обязан ее раскрыть во имя вашей славы. Дон Педро страстно любит Аиссу, дочь Мотриля. Он хочет взять ее в жены. Именно поэтому он допустил, чтобы Мотриль убил донью Марию де Падиля, так же как раньше он ради Марии приказал убить госпожу Бланку Бурбонскую.

– Вот как?! – удивился король. – Значит Аисса в Монтеле?

– Она в замке, – ответил Аженор.

– И в этом вы уверены не больше, чем в том, что в замке дон Педро, мой друг?

– Я уверен, что Аисса в замке, ваша светлость, ведь влюбленный всегда знает, где находится его обожаемая возлюбленная.

– Вы любите Аиссу, мавританку?

– Я также страстно люблю ее, ваша светлость, как и дон Педро, с той лишь разницей, что ради меня Аисса станет христианкой, но убьет себя, если дон Педро захочет овладеть ею.

Аженор побледнел, произнося эти слова; хотя несчастный рыцарь не верил в это, но сия мысль приводила его в отчаяние. Впрочем, даже если бы Аисса покончила с собой, не желая быть обесчещенной, она все равно была бы навсегда

потеряна для него.

Признание Молеона повергло дона Энрике в глубокое недоумение.

– Это веская причина, – тихо сказал он. – Но расскажите мне, как вы узнали, что Аисса в Монтеле.

Аженор рассказал во всех подробностях о смерти Хафиза и ранении Аиссы.

– Ну и что вы намерены предпринять? – спросил король.

– У меня есть план, ваша светлость, и, если ваше величество пожелает оказать мне помощь, я через неделю доставлю вам дона Педро, и это так же верно, как только что доставленные вам надежные сведения.

Король призвал коннетабля, которому Аженор слово в слово повторил свой рассказ.

– Я не слишком верю, что столь коварный, столь жестокий монарх даст поймать себя на любви к женщине, – возразил коннетабль, – но я дал сиру де Молеону слово помочь ему в случае необходимости, и я сдержу его.

– Тогда не снимайте с крепости осаду, – попросил Аженор, – прикажите обнести ее рвом, из выкопанной земли возвести укрепление, которое будет служить укрытием не солдатам, а бдительным, опытным командирам.

Я с моим оруженосцем укроюсь в одном известном нам месте, откуда можно слышать каждый шорох в крепости. Дон Педро, увидев сильную армию осаждающих, поверит, что нам известно о его приезде в Монтель, и будет держаться

настороже: ведь недоверчивость – это спасение для такого искушенного и опасного человека. Отведите все ваши войска в Толедо, оставив у насыпного вала лишь две тысячи солдат, их вполне достаточно, чтобы держать замок в осаде и отражать вылазки.

Когда дон Педро поверит, что мы несем стражу кое-как, он предпримет попытку выбраться из замка, о чем я дам вам знать.

Едва Аженор успел изложить свой план, сумев привлечь внимание короля, как слуги доложили, что от управителя замка Монтель к коннетаблю прибыл парламентар.

– Приведите его сюда, и пусть он выскажется здесь, – сказал коннетабль. Парламентаром был испанский рыцарь по имени Родриго де Санатриас. Он сообщил коннетаблю, что гарнизон Монтеля с тревогой наблюдает, как у стен замка развертываются крупные воинские силы, и сказал, что триста солдат и один офицер, осажденные в крепости, не желают дальше продолжать борьбу, ибо у них не осталось больше надежды после отъезда и поражения дона Педро...

Услышав эти слова, коннетабль и король посмотрели на Аженора, как бы говоря ему: «Вот видите, в замке его нет».

– Значит, вы намерены сдать? – спросил коннетабль.

– Да, мессир, но мы, будучи людьми честными, намерены это сделать спустя некоторое время, ибо не хотим, чтобы дон Педро, когда он вернется, обвинил нас, будто мы его предали без сопротивления.

– Но говорят, что король в замке, – заметил дон Энрике. Испанец улыбнулся.

– Король очень далеко, – ответил он, – и зачем ему приезжать сюда, где людям, вроде нас, обложенным вами со всех сторон, остается лишь один выбор – погибнуть от голода или просить пощады.

Коннетабль и король снова посмотрели на Аженора.

– Чего именно вы просите? – спросил Дюгеклен. – Изложите ваши условия.

– Мы просим десятидневной передышки, чтобы дать дону Педро время придти нам на помощь, – ответил офицер. – По истечении этого срока мы сдадимся.

– Послушайте, вы положительно утверждаете, что дон Педро нет в крепости? – спросил король.

– Я утверждаю это, ваше величество, иначе мы не просили бы у вас разрешения покинуть замок. Ведь если мы выйдем из крепости, вы увидите всех нас, а значит, опознаете короля. Если мы солжем, вы накажете нас. И если вы возьмете в плен короля, то вы, вероятно, не пощадите его?

Последняя фраза была вопросом, на который коннетабль не дал ответа. Энрике де Трастамаре хватило самообладания погасить кровожадный блеск, который зажгло в его глазах предположение о захвате дон Педро.

– Мы предоставляем вам передышку, но никто не должен покидать замок, – сказал коннетабль.

– Но как быть с продовольствием, сеньор? – спросил офи-

цер.

– Мы будем снабжать вас припасами и заходить к вам, но никто из вас не должен покидать замок.

– Но это не совсем обычное перемирие, – смущенно возразил офицер.

– Зачем вам выходить из крепости? Чтобы бежать? – спросил коннетабль. – Но ведь через десять дней мы вам всем даруем жизнь.

– Я согласен и принимаю ваши условия, – ответил офицер. – Ручаетесь ли вы вашим словом, мессир?

– Позвольте ли вы, ваша светлость, дать слово? – спросил Бертран у короля Энрике.

– Позволяю, коннетабль.

– Я даю слово, что предоставляю вам десять дней перемирия и гарантирую жизнь всему гарнизону, – объявил Дюгеклен.

– Всему? – спросил офицер.

– Разумеется! – воскликнул Молеон. – Исключений быть не может, поскольку вы сами утверждаете, что дона Педро в крепости нет.

Это восклицание вырвалось у молодого человека вопреки почтению, которое он обязан был оказывать обоим главнокомандующим, но он радовался тому, что напомнил о доне Педро, ибо явная бледность, словно облако, покрыла лицо дона Родриго де Санатриаса.

Парламентер откланялся и удалился.

– Теперь вы убеждены, мой юный упрямец и несчастный любовник? – спросил король, когда дон Родриго ушел.

– Да, сир, я убежден, что дон Педро в Монтеле и что через неделю он будет в ваших руках! – ответил Аженор.

– Ну и ну! – воскликнул король. – Какое упрямецтво!

– А ведь он не бретонец, – усмехнулся Бертран.

– Господа, дон Педро играет ту же игру, которую хотели разыграть мы, – продолжал Аженор. – Он уверен, что не сможет пробиться силой и пытается прибегнуть к хитрости. Ему удалось убедить вас, что его нет в замке, вы предоставляете перемирие, вы небрежно несете охрану. Так вот, он вырвется! Да, он вырвется, повторяю я, и убежит, но я надеюсь, что мы будем на страже. То, что вам доказывает, будто его нет в Монтеле, мне доказывает, что дон Педро в замке.

Аженор покинул шатер короля и коннетабля с понятным раздражением.

– Мюзарон, найди самую высокую палатку в лагере и водрузи над ней мой флаг, чтобы он был прекрасно виден из замка. Аиссе известен мой флаг, она, видя его, будет знать, что я рядом, и сохранит все свое мужество. А наши враги, видя мой стяг на насыпном валу, пусть думают, что я здесь, и не подозревают, что мы с тобой снова заберемся в пещеру у источника. Пошли, мой brave Мюзарон, вперед!

XXII. Хитрость побежденного

Король Энрике и коннетабль увели войска от Монтея. Насыпной вал вокруг замка остались охранять всего две тысячи бретонцев под командованием Виллана Заики.

Молеона вдохновляла любовь, и каждое его суждение было совершенно правильным. Он в самом деле говорил так, словно слышал все, что происходило в замке.

Примчавшись в замок после битвы, запыхавшийся, растерянный, взбешенный дон Педро рухнул в комнате Мотриля на ковер и замер неподвижно, безмолвный и недоступный, пытаясь сверхчеловеческим усилием воли удержать в самой глубине сердца гнев и отчаяние, которые клокотали в его душе.

Все его друзья погибли! Его прекрасная армия разбита! Все надежды отомстить и добиться славы уничтожены в один день!

Теперь его ждет бегство, изгнание, нищета? Мелкие, постыдные и бесплодные схватки с врагом? И недостойная смерть на каком-нибудь бесславном поле боя?

Друзей у него больше не осталось! Этот король, который никогда никого не любил, испытывал жесточайшие муки, сомневаясь в любви к нему других людей. Почти все короли путают уважение, которое люди обязаны им оказывать, с любовью, которую они должны были бы внушать людям. Имея

первое, они обходятся без второй.

Дон Педро увидел, что в комнату вошел Мотриль, покрытый какими-то бурыми пятнами. Доспехи его были изрешечены, из пробоин текла кровь.

Мавр был мертвенно-бледным. Глаза его горели дикой решительностью. Он уже не был покорным, раболепным сарацином; перед королем стоял гордый и несговорчивый человек, который обратился к дону Педро как к равному.

– Значит, король дон Педро, ты побежден? – спросил он.

Дон Педро поднял голову и по холодным глазам мавра понял, что поведение Мотриля полностью изменилось.

– Да, – ответил дон Педро, – и больше уже не встану на ноги.

– Ты пал духом, – сказал Мотриль. – Значит, твой Бог слабее нашего Бога. Я ведь тоже побежден и изранен, но не впадаю в отчаяние... Я молился и вот снова полон сил.

Дон Педро покорно опустил голову.

– Ты правду говоришь, – согласился он, – я забыл о Боге.

– Несчастный король! Ты не знаешь, в чем твое величайшее горе. Вместе с короной ты потеряешь жизнь.

Дон Педро вздрогнул, грозно взглянув на Мотриля.

– Ты убьешь меня? – спросил он.

– Убью тебя? Я твой друг, а ты, король дон Педро, сходишь с ума. У тебя и без меня вполне хватает врагов, и мне, если бы я хотел твоей смерти, не пришлось бы омыwać свои руки в твоей крови. Встань и посмотри вместе со мной на

равнину.

Равнину, действительно, заполняли копья и латы, которые, сверкая в лучах заходящего солнца, медленно охватывали Монтель огненным, все более плотным кольцом.

– Нас окружают! Ты сам видишь, дон Педро, что мы погибли! – воскликнул Мотриль. – Ибо этот неприступный замок, если бы мы даже имели запасы продовольствия, не может прокормить ни гарнизон, ни тебя самого... Они тебя видели и обкладывают со всех сторон. Ты обречен.

– Видели?! Кто видел? – помолчав, спросил дон Педро.

– Неужели ты думаешь, что Виллан Заика поднял здесь свое знамя, чтобы взять Монтель, эту жалкую лачугу? Постой, видишь вдали стяги, это подходят отряды коннетабля... А к чему коннетаблю Монтель? Им замок не нужен, они ищут тебя, да, они хотят взять тебя в плен.

– Живым я им не дамся, – ответил дон Педро. Теперь промолчал Мотриль.

– Ты преданный друг, человек, исполненный надежды, и у тебя не хватает сил сказать своему королю: «Живите и действуйте».

– Я ищу способ вытащить тебя отсюда, – возразил Мотриль.

– Ты изгоняешь меня?

– Я хочу спасти свою жизнь, не желаю быть вынужденным убить донью Аиссу из страха, что она окажется во власти христиан.

При имени Аиссы краска залила лоб дона Педро.

– Из-за нее я и попал в ловушку, – прошептал он. – Если бы я не желал снова ее увидеть, я бежал бы в Толедо. Этот город способен выдержать осаду, там не умрешь от голода. Толедцы меня любят и готовы отдать за меня жизнь. Под Толедо я мог бы дать последнее сражение, погибнуть со славой и, как знать, убить Энрике де Трастамаре, этого бастарда Альфонса. Но женщина сгубила меня.

– Я тоже предпочел бы видеть тебя в Толедо, – холодно согласился мавр, – потому что, не будь тебя здесь, я уладил бы и твои и мои дела...

– А здесь ты ничего не сделаешь для меня! – воскликнул дон Педро, который снова дал волю своей ярости. – Ну что ж, презренный, пусть я кончу свои дни здесь, но я накажу тебя за твои преступления и твое вероломство, я вкушу последнее счастье. Аисса, которую ты предложил мне в качестве приманки, сегодня же ночью будет моей.

– Ты ошибаешься, Аисса не будет принадлежать тебе, – спокойно возразил мавр.

– Не забывай, что у меня здесь три сотни солдат.

– А ты помни, что не выйдешь из этой комнаты без моего разрешения, что ты будешь лежать мертвым у моих ног, если двинешься с места, и я брошу твой труп солдатам коннетабля, которые примут мой подарок с криками радости.

– Предатель! – пробормотал дон Педро.

– Безумец! Слепец! Неблагодарный! – вскричал Мот-

риль. – Скажи лучше, спаситель! Ты можешь бежать, вместе со свободой ты можешь отвоевать все – богатство, корону, славу. Беги же немедленно, не сердя Бога своей похотью и злодейством, не оскорбляй единственного друга, который у тебя остался.

– И этот друг смеет так разговаривать со мной!

– А ты предпочел бы, чтобы он, угождая тебе, выдал тебя врагам?

– Я покоряюсь... Что ты намерен делать?

– Я пошлю к бретонцам, которые за тобой охотятся, герольда. Они думают, что ты здесь, нам надо обмануть их. Убедившись, что они потеряли надежду на столь славную добычу, мы используем эти мгновенья, и ты бежишь при первой возможности, которую предоставит тебе их беспечность. Давай поищем, есть ли у тебя в замке преданный, умный человек, кого ты мог бы послать к бретонцам.

– У меня есть офицер Родриго де Санатриас, он всем мне обязан.

– Этого мало. Надеется ли он получить от тебя еще что-нибудь?

– Ты прав, – с горечью усмехнулся дон Педро, – наш друг лишь тот, кто надеется что-то получить. Ну ладно, я внушу ему надежду.

– Хорошо, пусть он придет!

Пока король вызывал Санатриаса, Мотриль призвал нескольких мавров, которых поставил на часах у двери в

комнату Аиссы.

Часть ночи дон Педро провел за обсуждением с испанцем способов вступить в переговоры с врагом. Родриго был столь же умен, сколь и предан; он, кстати, понимал, что от дона Педро зависит спасение всех в замке и что победители, пытаясь захватить поверженного короля, принесут в жертву десять тысяч солдат, сроят скалу, истребят всех железом или уморят голодом, но своей цели добьются.

На рассвете дон Педро в отчаянии увидел знамена дона Энрике де Трастамаре и уверился, что возьмут в Монтеле не только гарнизон, раз король не пошел на Толедо, а коннетабль изменил свои планы.

Дон Педро сразу же послал парламентаром Родриго де Санатриаса, который, как мы уже знаем, умело и с успехом исполнил его поручение.

Он принес в замок вести, которые обрадовали осажденных.

Дон Педро долго расспрашивал Родриго обо всех подробностях, каждая из которых приводила его к благоприятным выводам; уход войск короля и коннетабля окончательно доказал дону Педро, насколько осмотрительным и полезным был совет мавра.

– Теперь перед нами просто обычный враг, – сказал Мотриль. – Наступит темная ночь, и мы будем спасены.

Дон Педро был вне себя от радости; он стал разговорчив и ласков с Мотрилем.

– Послушай, я понимаю, что обращался с тобой плохо, – сказал он Мотрилю. – Ты заслуживаешь большего, чем быть министром низложенного короля. Я женюсь на Аиссе, и нас с тобой свяжут нерасторжимые узы. Бог покинул меня, и я оставлю Бога. Я стану поклонником Магомета, ибо это он твоими устами спасает меня. Сарацины видели меня в деле, им известно, что я хороший полководец и храбрый солдат; я помогу им отвоевать Испанию и, если они сочтут меня достойным управлять ими, сяду на трон обеих Кастилии как магометанский султан, чтобы посрамить христианский мир, который погряз в междоусобицах, вместо того чтобы принимать всерьез интересы веры.

Мотриль с мрачным недоверием выслушивал обещания, подсказанные страхом или воодушевлением.

– Сперва беги, а там видно будет, – заметил он.

– Я хочу, чтобы у моих обещаний была более надежная гарантия, чем простое слово, – возразил дон Педро. – Призови сюда Аиссу, я дам слово жениться на ней, ты запишешь мои клятвы, и я скреплю их подписью, и все трое мы заключим союз вместо обычного соглашения.

Связывая себя этой клятвой, дон Педро вновь обретал всю свою хитрость, всю свою былую силу. Он прекрасно чувствовал, что, давая Мотрилю надежду на будущее, он тем самым мешает ему полностью бросить дело короля: не имея этой надежды, он выдаст его врагам.

Мотриль тоже думал об этом и надеялся спасти дону Пед-

ро, то есть снова разжечь войну, все плоды которой послужат делу мусульман; если же дон Педро будет взят в плен или убит, то у сарацин больше не останется повода продолжать разорительную войну с непобедимым отныне врагом.

Дон Педро был искусным полководцем, о чем хорошо знал Мотриль; ему были известны все возможности мавров, и, примирившись с христианами, он мог принести мусульманам непоправимый вред.

Кстати, преступление и честолюбие связывали Мотриля и дона Педро теми загадочными, крепкими узами, продолжительность и прочность которых нельзя измерить.

Поэтому мавр благосклонно выслушал дона Педро и ответил:

– Я с благодарностью принимаю ваши предложения, мой король, и помогу вам их осуществить. Вы желаете видеть Аиссу, я позволю вам увидеть ее. Только не волнуйте ее скромность своими слишком пылкими речами, не забываяте, что она едва оправилась от жестокой болезни...

– Я буду помнить об этом, – ответил дон Педро. Мотриль послал за Аиссой, которую тревожило отсутствие вестей от Молеона. Звон оружия, топот слуг и солдат возвещали о неотвратимо надвигающейся опасности, прежде всего о том, что ее пугало, – о приезде дона Педро; но она не знала, что он уже в замке.

Мотриль, надававший ей множество обещаний, опять был вынужден солгать Аиссе. Он очень боялся, что она расска-

жет королю о смерти Марии Падильи. Эта встреча была опасной, но отказать в ней королю Мотриль не мог. До сего дня Мотрилю удавалось избегать всяческих объяснений, но на этот раз ему станут задавать вопросы, а Аисса отвечать на них...

– Аисса, я пришел сообщить вам, что дон Педро разбит и укрылся в замке, – сказал мавр.

Аисса побледнела.

– Он желает видеть вас и говорить с вами, не отказывайте ему, ибо здесь приказывает он... Кстати, сегодня ночью он уезжает... и лучше с ним не ссориться.

Казалось, Аисса поверила словам мавра. Но мучительное беспокойство предупреждало Аиссу, что ее ждет новое испытание.

– Я не хочу ни говорить с королем, ни встречаться с ним до тех пор, пока не увижу сира де Молеона, которого вы обещали привезти в замок победителем или побежденным, – заявила она.

– Но дон Педро ждет...

– А мне какое дело!

– Здесь повелевает он, повторяю вам.

– У меня есть способ избавиться от его власти, как вам прекрасно известно... Вы помните, что обещали мне?

– Я сдержу свои обещания, Аисса, но помогите мне.

– Я никому не буду помогать обманывать.

– Хорошо... Тогда выдайте королю мою голову, я готов к

смерти.

Эта угроза всегда действовала на Аиссу. Привыкшая к спорому на расправу арабскому правосудию, она знала, что голову сносят по одному мановению руки господина, и могла верить, что голова Мотриля под сильной угрозой.

– Что скажет мне король? – спросила она. – И где он будет говорить со мной?

– В моем присутствии.

– Этого мало. Я хочу, чтобы при беседе присутствовали и другие люди.

– Я обещаю вам это.

– Я желаю быть в этом уверена.

– Каким образом?

– Комната, где мы находимся, выходит на площадку замка. Заполните людьми эту площадку, пусть меня сопровождают мои служанки. Мои носилки вынесут туда, и я выслушаю все, что мне скажет король.

– Все ваши желания будут исполнены, донья Аисса.

– Ну и что скажет мне дон Педро?

– Он предложит вам стать его женой.

Аисса отчаянно всплеснула руками в знак протеста.

– Я прекрасно знаю, что вы против этого, – перебил ее Мотриль, – но дайте королю высказать его желание... Не забывайте, что сегодня ночью он уезжает...

– Я все равно не отвечу ему.

– Наоборот, Аисса, вы дадите учтивый ответ. Вы сами ви-

дите, что замок окружают испанские и бретонские солдаты; эти люди грубо схватят нас и казнят, если вместе с нами возьмут короля. Чтобы нам спастись, надо дать дону Педро уехать.

– А как же сир де Молеон?

– Он не сможет нас спасти, если дон Педро останется в замке.

– Вы лжете, – возразила Аисса, – вы даже не можете обещать мне привести его ко мне. Где он? Что с ним? Жив ли он?

В это мгновенье Мюзарон по приказу своего господина высоко поднял его знамя, хорошо знакомое Аиссе. Девушка увидела этот дорогой сердцу знак. В экстазе сложив на груди руки, она воскликнула:

– Он видит меня! Он меня слышит! Простите меня, Мотриль, я напрасно подозревала вас... Ступайте и передайте королю, что я сейчас выйду.

Мотриль взглянул на равнину, увидел знамя, узнал его и, побледнев, пробормотал:

– Иду, – потом, когда Аисса уже не могла его слышать, злобно прошептал: – Проклятый христианин! Неужели ты будешь вечно меня преследовать? Ну нет, я избавлюсь от тебя!

XXIII. Побег

Дон Педро принял Аиссу на площадке замка, окруженный свидетелями, присутствия которых она пожелала.

Свою любовь король изъявил без пафоса: заботы о предстоящем побеге сильно охладили его желания. Поэтому в данном случае Аисса ни в чем не могла упрекнуть Мотриля; впрочем, во время беседы она не сводила глаз с появившегося под стенами замка знамени Молеона, которое реяло над валом, сверкая на солнце.

Под знаменем Аисса видела воина, которого издалека могла принять за Аженора, на что и рассчитывал наш рыцарь. Таким образом он нашел способ успокоить Аиссу, дав знать о себе, и устранить подозрения Мотриля, будто он втайне что-то замышляет против него.

Дон Педро решил, что трое самых верных ему друзей должны будут отправиться ночью разведать уязвимые места в укреплениях осаждающих. На валу под скалой, отвесно спускающейся в глубокий овраг, действительно был один пост, который охраняли не так зорко, как все остальные. Многие советовали королю выбраться из замка по веревке, привязанной к решетке окна Аиссы, но у короля, спустившегося на землю, тогда не оказалось бы коня, чтобы быстро умчаться прочь.

Вот почему было решено отыскать в земляных укрепле-

ниях самое незащищенное место и, сняв или убив часовых, пробиваться здесь, чтобы король мог бежать на добром коне.

Но днем солнце обещало светлую ночь, что могло помешать осуществить этот план. Неожиданно, как будто судьба решила благоприятствовать любому желанию дона Педро, западный ветер закружил по равнине вихри обжигающего песка и медно-красные облака, распластавшись подобно огромным стягам, всплыли из-за горизонта, словно авангард некоего грозного войска. По мере того как солнце опускалось все ниже за высокие башни Толедо, эти плотные облака чернели и, казалось, закрывали небо темным плащом. В девять часов вечера разразился ливень.

Сразу после захода солнца Аженор и Мюзарон отправились к скале, чтобы спрятаться в своем тайнике у источника.

Часовые, которых назначил Виллан Заика под наружной стеной вала, в земле, иссушенной дневным солнцем, рыли себе укрытия, так что Монтель был окружен сплошным кольцом этих подземных стражей.

На поверхности, согласно приказу Аженора, руководившего осадой после отъезда коннетабля, были расставлены редкие часовые, которые охраняли или делали вид, что охраняют насыпной вал.

Ливень заставил часовых закутаться в плащи; отдельные стражи улеглись прямо на землю.

В десять часов вечера Аженор и Мюзарон слышали, как скала слегка задрожала под ногами людей. Они прислуша-

лись внимательнее и наконец увидели, что мимо прошли три офицера дона Педро, которые с безграничной осторожностью, почти крадучись, осматривали насыпной вал в заранее выбранном месте.

С этого поста часового намеренно убрали. Рядом находился лишь офицер, который прятался от дождя в укрытии, вырытом в земле.

Офицеры убедились, что с этой стороны вал не охраняется. Они радостно поделились друг с другом этим открытием, и Аженор слышал, как они, поднимаясь в замок по крутой лестнице, поздравляли себя с успехом.

– Здесь скользко, – вполголоса сказал кто-то из них, – и при спуске лошадям будет трудно держаться на ногах.

– Верно, зато им будет легко бежать по равнине, – ответил другой офицер.

Эти слова наполнили ликованием сердце Аженора.

Он послал Мюзарона на земляные укрепления сообщить ближайшему офицеру-бретонцу, что скоро здесь произойдет кое-что неожиданное. Прячущийся в укрытии офицер передал эту новость соседу, тот – дальше, и сообщение Аженора побежало по всему валу, окружавшему замок Монтель.

Не прошло и получаса, как Аженор услышал, что на площадке замка стукнуло о скалу конское копыто.

Аженору показалось, что этот звук пронзил его сердце, таким он был острым и грустным.

Шум приближался; слышался легкий цокот других лоша-

дей; его могли уловить только Аженор и Мюзарон. Король ведь велел обернуть паклей копыта, чтобы они звучали приглушеннее.

Король шел последним; его выдал короткий сухой кашель, которого он не смог сдержать. Он шел с большим трудом, ведя за уздцы коня, задние ноги которого скользили на крутом спуске.

Когда беглецы проходили мимо пещеры, Мюзарон и Аженор отчетливо их видели. Когда появился дон Педро, они отлично разглядели его бледное, но спокойное лицо.

Подойдя к валу, два первых беглеца сели на коней и перебрались через бруствер, но тут же, не проехав десяти шагов, свалились в яму-ловушку, где два десятка солдат связали их и бесшумно оттащили в сторону.

Дон Педро, который ничего не подозревал, тоже вскочил в седло; но тут Аженор обхватил его своими сильными руками, а Мюзарон своим поясом зажал ему рот.

После этого Мюзарон вонзил кинжал в бок коню, который перескочил через вал и стремительным галопом, громко стуча копытами, понесся по каменистой равнине.

Дон Педро отбивался с отчаянной силой.

– Берегитесь, – шепнул ему на ухо Аженор, – если вы будете шуметь, я буду вынужден убить вас.

Дону Педро удалось едва слышно прохрипеть:

– Я король, обходитесь со мной по-рыцарски.

– Мне отлично известно, что вы король, – ответил Аже-

нор, – поэтому я и ждал вас здесь. Даю слово рыцаря, что с вами будут обходиться достойно.

Он взвалил короля на свои мощные плечи и, перебравшись с этой ношей через линию укреплений, попал в окружение ликующих офицеров.

– Тихо! Тихо! – попросил Аженор. – Не надо шума, господа, не кричите! Я выполнил приказ коннетабля, не мешайте мне заняться своими делами.

Он принес своего пленника в палатку Виллана Заики, который обнял и нежно расцеловал Аженора.

– Скорее! Живо послать гонцов к королю, который стоит под Толедо! – распорядился Виллан Заика. – Выслать гонцов к коннетаблю, который ведет бои, и сообщить ему, что войне пришел конец.

XXIV. Затруднение

Лагерь бретонцев всю ночь упивался победой; дон Педро терзался страшными предчувствиями; гонцы, взяв самых быстрых коней армии, отправились к дону Энрике и коннетаблю.

Аженор провел ночь рядом с пленником, который угрюмо молчал, отвергая любые слова утешения, не принимая никаких знаков внимания.

Держать связанным короля или полководца считалось непозволительным: поэтому пленника, заставив дать слово дворянина, что он не попытается бежать, развязали.

– Но мы-то знаем, чего стоит слово короля дона Педро, – сказал Виллан Заика своим офицерам. – Усильте охрану, окружите палатку солдатами, чтобы он даже не помышлял о бегстве.

Коннетабля отыскиали в трех льё от Монтеля; он, словно стада, гнал перед собой остатки разбитой накануне вражеской армии и, беря пленных, за которых можно было получить богатый выкуп, закреплял победу, одержанную в тот памятный день.

Толедцы отказались впустить в город даже своих побежденных союзников; горожане очень боялись обмана, к которому прибегали все в те варварские времена, когда хитростью брали столько же крепостей, сколько и силой.

Как только коннетаблю сообщили новость, он вскричал:
– Этот Молеон оказался умнее нас всех.

И с неопишуемой радостью погнал коня в сторону Монте-ля.

Рассвет уже посеребрил вершины гор, когда коннетабль прибыл в лагерь и заключил в свои объятия Молеона, которого его триумф не лишил скромности.

– Благодарю, мессир, за ваше доблестное упорство и вашу проникательность, – сказал коннетабль. – Где пленник?

– В палатке Виллана Заики, – ответил Молеон, – но он спит или прикидывается спящим.

– Я не желаю его видеть, – сказал Бертран. – Необходимо, чтобы первым человеком, с кем будет говорить дон Педро, был Энрике, его победитель и повелитель. Охрану поставили надежную? Некоторым злодеям, чтобы оказаться на свободе, стоит лишь обратиться истовую молитву дьяволу.

– Палатку окружают тридцать рыцарей, мессир, – ответил Аженор. – Дон Педро не вырвется, разве что бес поднимет его за волосы, как поднял в древности пророка Аввакума,¹⁹¹ да и то мы увидим его...

– А я пошлю вдогонку стрелу из арбалета, которая доставит его в ад быстрее, чем ангел тьмы, – закончил Мюзарон.

---

¹⁹¹ Аввакум (Хавакум) – древнееврейский пророк; автор одной из книг Библии. Мадрониос (точнее мадрона) – земляничное дерево, род вечнозеленых растений из семейства вересковых; небольшие деревья или кустарники с мучнистыми ягодами, похожими на землянику; произрастают в Южной Европе и Северной Африке.

– Пусть мне поставят походную кровать перед палаткой, – приказал коннетабль. – Я вместе с другими хочу охранять пленника, чтобы лично представить его дону Энрике.

Приказ коннетабля был исполнен: его походная кровать, из досок и сухого вереска, была поставлена у самого входа в палатку.

– Кстати, он ведь почти басурман и может покончить с собой, – заметил Бертран. – Оружие у него отобрали?

– Мы не посмели, сеньор, он ведь особа неприкосновенная и был провозглашен королем перед алтарем Господним.

– Это справедливо. Кстати, до первых приказов дона Энрике мы обязаны относиться к нему со всем почтением и благорасположением.

– Вы убедились, ваша милость, – спросил Аженор, – как нагло лгал тот испанец, когда уверял вас, что дона Педро нет в Монтеле.

– Поэтому мы повесим этого испанца, а заодно и весь гарнизон, – спокойно заметил Виллан Заика. – Солгав, он освободил нашего коннетабля от данного им слова.

– Ваша милость, солдаты ни в чем не виноваты, когда исполняют приказы командира, – живо возразил Аженор. – Кстати, если они сдадутся в плен, то вы совершите убийство, а если не сдадутся, то нам их не взять.

– Мы их уморим голодом, – заметил коннетабль. Мысль о том, что Аисса погибнет от голода, вывела Молеона за рамки его природной скромности.

– Нет, господа! – воскликнул он. – Вы не совершите такой жестокости!

– Мы накажем ложь и вероломство. Разве нас не должно радовать, что эта ложь дает возможность покарать сарацина Мотриля. Я отправлю парламентаря к этому негодяю с известием, что дон Педро пойман; если он был взят в плен, значит, он находился в Монтеле. Следовательно, мне солгали, но, в назидание всем обманщикам, гарнизон, если он сдастся, будет казнен, а если не сдастся, то будет обречен на голодную смерть.

– И донья Аисса?! – воскликнул Молеон, бледный от беспокойства за возлюбленную.

– Женщин, разумеется, мы пощадим, – ответил Дюгеклен, – ибо проклят тот воин, кто не щадит стариков, младенцев и женщин!

– Но Мотриль не пощадит Аиссу, ваша милость, ведь это значит отдать ее другому... Вы его не знаете, он убьет Аиссу... Мессир, вы обещали дать мне все, что я у вас попрошу, и я молю вас сохранить жизнь Аиссе.

– И я дарю ее вам, мой друг. Но каким образом вы намерены ее спасти?

– Я буду умолять вашу милость послать меня к Мотрилю парламентарем, разрешить мне обо всем с ним договориться... И я ручаюсь за быструю сдачу мавра и гарнизона... Но пощадите, ваша милость, жизнь несчастных солдат! Они не сделали зла.

– Я вижу, что должен соглашаться. Вы сослужили мне слишком добрую службу, чтобы я мог вам в чем-либо отказать. Король тоже обязан вам не меньше меня, потому что вы захватили дона Педро, без которого наша вчерашняя победа была бы неполной. Поэтому я могу и от имени короля, и от своего имени разрешить вам поступать так, как вы хотите. Аисса принадлежит вам; солдатам, даже офицерам гарнизона сохраняют жизнь, их избавят от тюрьмы, но Мотриль будет повешен.

– Сеньор...

– Не спорьте! И не просите большего... вы этого не добьетесь. Я оскорбил бы Бога, если бы пощадил этого преступника.

– Ваша милость, ведь прежде всего он спросит меня, сохраняют ли ему жизнь. Что я отвечу?

– Отвечайте что хотите, мессир де Молеон.

– Но вы даровали ему жизнь согласно условиям перемирия, заключенного с Родриго де Санатриасом.

– Мотрилю? Никогда! Я говорил о гарнизоне... Мотриль – сарацин, и я не причисляю его к защитникам замка. Кстати, повторяю, это наше с Богом дело. Как только вы получите донью Аиссу, мой друг, все остальное больше не должно вас волновать. Предоставьте это мне.

– Позвольте мне снова умолять вас, мессир. Да, Мотриль – негодяй, если бы его постигла кара, это было бы угодно Богу... Но Мотриль безоружен, приносить вред он больше

не может...

– С таким же успехом вы могли бы обращаться к статуе, сир де Молеон, – ответил коннетабль. – Прошу вас, дайте мне отдохнуть. Я разрешаю вам обещать гарнизону все что угодно. Ступайте!

Спорить было бесполезно. Аженор прекрасно знал, что Дюгеклен, если он принял решение, непреклонен и на попятный не идет.

Аженор также понимал, что Мотриль, зная о захвате дона Педро бретонцами, теперь пойдет на все, так как понимал, что пощады ему не будет.

Мотриль, действительно, принадлежал к тем людям, что умеют переносить груз вызываемой ими ненависти. Безжалостный к другим, он примирялся с тем, что сам пощады не получит.

С другой стороны, Мотриль никогда не согласился бы отдать Аиссу. Аженор находился в труднейшем положении.

«Если я солгу, то опозорю себя, – размышлял он. – Если я пообещаю Мотрилю жизнь, но не сдержу слова, то буду недостоин любви женщины и уважения людей».

Он глубоко задумался над этими, казалось, непреодолимыми затруднениями, когда фанфары возвестили, что к палатке приближается король Энрике.

Уже совсем рассвело; из лагеря можно было разглядеть площадку замка, по которой прохаживались о чем-то оживленно беседующие Мотриль и дон Родриго.

– То, чего вам не разрешил коннетабль, вам позволит сделать король Энрике, – успокаивал Мюзарон совсем загрустившего хозяина. – Просите, и вы добьетесь своего. Какая разница, чьи уста скажут «да», лишь бы они сказали такое «да», которое вы сможете, ни в чем не солгав, передать Мотрилю.

– Попробую, – согласился Аженор.

И он преклонил колени у ног короля Энрике. Оруженосец помогал королю слезть с коня.

– Говорят, у вас добрая новость, – сказал король.

– Да, ваша светлость.

– Я хочу наградить вас, Молеон, можете просить у меня графство.

– Я прошу у вас жизнь Мотриля.

– Это больше чем графство, – ответил король, – но вам я ее дарю.

– Уезжайте скорее, сударь, – шепнул своему господину Мюзарон, – потому что сюда идет коннетабль, и, если он услышит, будет слишком поздно.

Аженор поцеловал руку королю, который уже спешил и громко приветствовал Дюгеклена:

– Здравствуйте, дорогой коннетабль. Предатель, кажется, в наших руках.

– Да, ваша милость, – ответил Бертран, притворившись, будто не видел, как Аженор беседовал с королем.

Молодой человек удалился так поспешно, будто уносил с

собой сокровище. Аженор имел право, так как его назначили парламентаром, взять с собой двух трубачей; приказав им идти впереди, он вместе с неразлучным Мюзароном поднялся по тропе к нижним воротам замка.

XXV. Дипломатия любви

Перед ним сразу распахнули ворота, и он, направившись вверх по дорожке, мог сам судить о том, как трудно проникнуть в замок.

Кое-где тропа была в ширину не больше фута. Скала, по мере того как она вилась ввысь, становились все круче; бретонцы совсем не привыкшие к горам, чувствовали, что у них начинает кружиться голова.

– Любовь делает вас очень неосторожным, сударь, – заметил Мюзарон. – Ну да ладно! Все под Богом ходим.

– Ты забываешь что наши особы неприкосновенны.

– Полноте, сударь, проклятый мавр не пощадит никого. И неужто вы думаете, что для него есть на земле что-то неприкосновенное?

Аженор, приказав своему оруженосцу замолчать, продолжал подниматься вверх по тропе и добрался до площадки, где поджидал его Мотриль.

«Опять этот француз! – прошептал он. – Зачем он явился в замок?»

Зазвучали фанфары; Мотриль кивком головы дал знать, что слушает Молеона.

– Я пришел сюда, – сказал Аженор, – от имени коннетабля передать тебе следующее: «Я заключил перемирие с моими врагами при условии, что никто не выйдет из замка... и да-

ровал всем жизнь лишь на этом условии. Сегодня я вынужден изменить свое решение, потому что вы нарушили данное вами слово».

– В чем же? – спросил Мотриль, побледнев.

– Этой ночью три всадника преодолели насыпной вал, обманув наших часовых, – ответил Аженор.

– Вот оно что! – сказал Мотриль, пытаюсь ничем не выдать волнения. – Надо наказать их смертью... ведь они преступили клятву.

– Это было бы легко, если бы мы их поймали, – возразил Аженор. – Но они бежали...

– Почему вы не сумели их задержать? – вскричал Мотриль, не способный до конца скрыть свою радость после того, как пережил столь сильную тревогу.

– Потому, что наша стража доверилась вашему слову и менее строго, чем обычно, несла караул, и потому, что, по мысли сеньора Родриго, который стоит здесь, никому из вас не было смысла бежать, раз всем вам даровали жизнь...

– И что из этого следует? – спросил мавр.

– То, что надо кое-что изменить в условиях перемирия.

– Ах! Я так и думал, – с горечью сказал Мотриль. – Милосердие христиан хрупко, словно стеклянный кубок; вкушая вино, надо остерегаться, как бы не разбить кубок. Ты нам сказал, что несколько солдат бежали из Монтеля, и поэтому ты будешь вынужден казнить всех нас.

– Но прежде, сарацин, – возразил Аженор, уязвленный

этим упреком и этим предположением, – прежде ты должен узнать, кто эти беглецы.

– Как я узнаю это?

– Пересчитай своих солдат.

– Здесь я не распоряжаюсь.

– Значит, ты неходишь в гарнизон замка, – живо возразил Аженор, – и условия перемирия тебя не касаются.

– Для молодого человека ты слишком хитер.

– Я стал хитрым из недоверчивости, наблюдая за сарацинами... Ну, отвечай.

– Я, действительно, начальник в замке, – ответил Мотриль, который боялся потерять преимущества капитуляции, если последняя окажется возможной.

– Сам видишь, что у меня были причины хитрить, поскольку ты лгал. Но сейчас дело не в этом. Ты признаешь, что условия перемирия были нарушены?

– Это ты признаешь, христианин.

– И тебе придется мне поверить, – надменно сказал Молеон. – А посему слушай приказ коннетабля. Крепость должна сдаться сегодня же, или начнется жестокая осада.

– И это все? – спросил Мотриль.

– Все.

– Нас будут морить голодом? – Да.

– А если мы захотим умереть?

– Вам мешать не будут.

Мотриль бросил на Аженора выразительный взгляд, кото-

рый тот превосходно понял.

– Никому? – многозначительно спросил он.

– Никому, – ответил Молеон. – Но если вы умрете, то по своей воле... Поверь мне, дон Педро вам не поможет.

– Ты так думаешь?

– Я в этом уверен.

– Почему?

– Потому что мы выставим против него армию, а у него больше войск не осталось, и, пока он наберет новую, вы все погибнете от голода.

– Ты рассуждаешь здраво, христианин.

– Поэтому лучше спасайте свою жизнь, раз она в вашей власти.

– Ага! Ты даруешь нам жизнь.

– Я дарую ее вам.

– С гарантией кого? Коннетабля?

– С гарантией короля, который только что прибыл.

– Он вправду приехал? Но я его не вижу, – с беспокойством сказал Мотриль.

– Посмотри на его шатер... точнее, на палатку Виллана Заики.

– Да, вижу... Ты уверен, что нам даруют жизнь?

– Я даю тебе гарантию.

– И мне тоже?

– Да, тебе, Мотриль, король дал мне слово.

– И мы сможем уйти, куда захотим?

– Куда угодно.

– Вместе со слугами, скарбом и деньгами?

– Да, сарацин.

– Это слишком хорошо...

– Ты же веришь нам... Безумец, зачем мы стали просить тебя прийти сегодня к нам, когда мы взяли бы тебя живым или мертвым через месяц осады?

– Ну нет! Вы можете опасаться дона Педро.

– Уверяю тебя, что он нам не страшен.

– Христианин, я должен подумать.

– Если через два часа ты не сдашься, считай себя мертвецом, – нетерпеливо объявил молодой человек. – Железное кольцо уже не разомкнётся.

– Хорошо! Хорошо! Два часа не слишком большая щедрость, – ответил Мотриль, с тревогой вглядываясь вдаль, словно на краю равнины должен был явиться спаситель.

– И это весь твой ответ? – спросил Аженор.

– Я дам ответ через два часа, – рассеянно пробормотал Мотриль.

– Да, сударь, он сдаст крепость, вы его убедили, – шепнул Мюзарон своему господину.

Внезапно Мотриль с пристальным вниманием посмотрел в сторону лагеря бретонцев.

– Ну и ну! Смотри, – прошептал он, показывая Родриго на палатку Виллана Заики.

Чтобы лучше видеть, испанец облокотился на каменные

перила.

– Твои христиане, кажется, дерутся между собой, – сказал Мотриль, – смотри, они бегут со всех сторон.

Толпа солдат и офицеров в самом деле валила к палатке, проявляя признаки самого живого волнения.

Палатка шаталась, как будто изнутри ее сотрясали сражающиеся. Аженор увидел, как коннетабль, сделав гневный жест, бросился к ней.

– В палатке, где находится дон Педро, происходит что-то странное и ужасное, – сказал Аженор. – Пошли, Мюзарон.

Внимание мавра было поглощено этой непонятной суматохой. Родриго неотрывно смотрел на лагерь. Аженор, воспользовавшись тем, что они отвлеклись, спустился со своими бретонцами вниз по крутому склону. На полдороге он услышал жуткий крик, который взмыл с равнины до самого неба.

Аженор вовремя добрался до внешнего кольца замковых укреплений; едва за ним захлопнулись последние ворота, как Мотриль закричал громовым голосом:

– О Аллах! Аллах! Предатель обманул меня! О Аллах, король дон Педро взят в плен! Задержите француза, чтобы он был у нас заложником. Закрывайте ворота! Скорее!

Но Аженор уже перебрался через насыпной вал и был в безопасности; он даже мог видеть во всей красе страшное зрелище, которое с высоты замковой площадки наблюдал мавр.

– Боже мой! – воскликнул Аженор, дрожа и воздевая к небу руки. – Еще минута, и мы были бы схвачены и погибли; то, что вижу я в этой палатке, извинило бы Мотриля и его самые кровавые злодеяния.

XXVI. О том, что происходило в палатке Виллана Заики

Король дон Энрике расстался с Аженором, даровав ему право помиловать Мотриля, утер лицо и сказал коннетаблю:

– Друг мой, сердце готово вырваться у меня из груди. Скоро я увижу в унижении того, кого смертельно ненавижу; к моей радости примешана горечь, но в этот миг я не могу объяснить это мое чувство.

– Это доказывает, государь, что у вашей светлости сердце благородное и великое, в противном случае в нем нашлось бы место лишь для радости победы, – ответил коннетабль.

– Странно, что я вхожу в эту палатку только с чувством недоверия и, повторяю еще раз, с подавленным сердцем, – прибавил король. – Как он?

– Государь, он сидит на табурете, обхватив голову руками. Он выглядит удрученным.

Энрике взмахнул рукой, чтобы все удалились.

– Коннетабль, дайте мне, пожалуйста, последний совет, – еле слышно сказал он. – Я хочу сохранить ему жизнь, но как мне быть – изгнать его или заточить в крепость?

– Не просите у меня совета, государь, ибо я не смогу дать его вам, – ответил коннетабль. – Вы мудрее меня, и перед вами ваш брат. Бог вдохновит вас.

– Ваши слова окончательно укрепили меня в моих наме-

рениях, коннетабль, благодарю вас.

Король приподнял холстину, что занавешивала вход в палатку, и вошел в нее.

Дон Педро не изменил позы, которую Дюгеклен изобразил королю, только его отчаяние перестало быть молчаливым: оно вырывалось наружу то приглушенными, то громкими восклицаниями. Можно было сказать, что дон Педро начинал впадать в безумие.

Звук шагов Энрике заставил его поднять голову.

Как только он узнал своего победителя по его величественному виду и золотому льву на гребне шлема, его охватила ярость.

– Ты пришел, ты посмел прийти! – вскричал он. Энрике не ответил и молчал, держась настороженно.

– Я напрасно вызывал тебя в бою на поединок, – продолжал дон Педро, все больше оживляясь. – Ведь у тебя хватает храбрости лишь на то, чтобы оскорблять поверженного врага, и даже сейчас ты скрываешь свое лицо, чтобы я не увидел, как ты бледен.

Энрике неторопливо расстегнул застёжки шлема, снял его и поставил на стол. Лицо у него, действительно, было бледным, но глаза сохраняли кроткую и человеческую ясность.

Это спокойствие вывело из себя дона Педро. Он вскочил и сказал:

– Да, я узнаю бастарда моего отца, того, кто именует себя королем Кастилии, забывая о том, что, пока я жив, в Касти-

лии не будет другого короля!

Жестоким оскорблениям своего врага Энрике пытался противопоставить терпение, но краска гнева постепенно залила его чело, по лицу потекли капли холодного пота.

– Поберегитесь, – дрожащим голосом сказал он. – Здесь вы у меня, не забывайте об этом. Я не оскорбляю вас, а вы бесчестите свое старшинство словами, которые недостойны нас обоих.

– Бастард! – кричал дон Педро. – Бастард! Безродный!

– Негодяй! Неужели ты хочешь вызвать мой гнев?

– О нет! Я совершенно спокоен, – ответил дон Педро (глаза его горели, губы мертвенно побледнели), приблизившись к Энрике. – Ты не даешь воли своему гневу, потому что слишком заботишься о своей жизни. Ты боишься...

– Ты лжешь! – крикнул дон Энрике, утратив самообладание.

Вместо ответа дон Педро схватил Энрике за горло, а дон Энрике двумя руками крепко обхватил дона Педро.

– Ну что ж, нам не хватало этой схватки, – сказал побежденный. – Ты увидишь, что она будет решающей.

Они боролись с таким ожесточением, что палатка зашаталась, холщевые стенки вздыбились, а на шум прибежали коннетабль, Заика и несколько офицеров. Чтобы проникнуть внутрь, они были вынуждены разрубить мечами ее. Оба врага, крепко обхватившие друг друга, сплелись, словно змеи, зацепившись шпорами за рассеченные стенки.

И тут все могли воочию увидеть, какая смертельная схватка здесь разыгралась.

Коннетабль громко вскрикнул.

Множество солдат тут же кинулось к месту схватки.

Тогда Мотриль и смог все наблюдать с высокой площадки замка; тоща и Молеон тоже стал следить за этой сценой с высоты насыпного вала.

Оба противника катались по земле и корчились, пытаясь всякий раз, когда у них оказывалась свободной одна рука, достать оружие.

Дон Педро был более удачлив; он подмял под себя Энрике де Трастамаре и, прижав его коленом к земле, вытащил из-за пояса маленький кинжал, чтобы нанести удар.

Но опасность придала Энрике сил; он еще раз сбросил на землю брата и удерживал его на боку. Лежа рядом, они обдавали лица друг друга обжигающим дыханием своей бессильной ненависти.

– Надо с этим покончить! – вскричал дон Педро, видя, что никто не осмеливается их разнять, поскольку королевское величие и ужас происходящего подавляли присутствующих. – Сегодня в Кастилии больше нет короля, но не будет и узурпатора. Я потеряю власть, но буду отомщен. Меня убьют, но я напьюсь твоей крови.

И он с неожиданной силой подмял под себя брата, измученного этой борьбой, схватил его за горло и занес руку, чтобы вонзить кинжал.

Тут Дюгеклен, видя, что дон Педро ищет кинжалом щель в латах и кольчуге, схватил своей крепкой рукой дона Педро за ногу и вывел его из равновесия. Теперь несчастный упал на землю рядом с Энрике.

– Я не спасаю и не гублю королей, я помогаю моему сеньору, – сказал коннетабль хриплым, дрожащим голосом.

Энрике смог перевести дух, собраться с силами и достать нож.

Все произошло в одно мгновение. Нож по рукоятку вошел в горло дона Педро, кровь брызнула в глаза победителю, крик, сорвавшийся с уст дона Педро приглушился.

Ладонь зарезанного разжалась, его зловеще наморщенный лоб откинулся назад. Послышалось, как его голова глухо ударилась о землю.

– О Боже! Что вы сделали! – вскричал Аженор, который вбежал в палатку и, охваченный ужасом, увидел залитый кровью труп и стоящего на коленях Энрике: в правой руке он сжимал нож, а левой опирался о землю.

Воцарилась жуткая тишина. Король-убийца выронил окровавленный нож. И тут все заметили, как из-под трупа показалась алая струйка, которая медленно потекла по каменной ложбинке. Все отпрянули от этой крови; она еще дымила, словно дыша пламенем гнева и ненависти.

Дон Энрике поднялся, сел в углу палатки и спрятал в ладонях свое мрачное лицо. Он не мог вынести солнечного света и взглядов присутствующих.

Коннетабль, столь же мрачный, как и дон Энрике, но более деятельный, нежно поднял его и удалил зрителей этой жуткой сцены.

– Конечно, было бы лучше, если бы кровь эта пролилась на поле брани, – сказал он. – Но все, что Бог ни делает, к лучшему, и то, что Бог задумал, свершилось. Пойдемте, государь, и будьте мужественны.

– Он сам искал смерти, – бормотал король. – Я бы простил его... Проследите за тем, чтобы его останки укрыли от посторонних взоров, пусть его похоронят с почестями...

– Сир, не думайте больше ни о чем, забудьте об этом... Позвольте нам заняться нашим делом.

Король ушел, пройдя мимо шеренги молчаливых, подавленных солдат, и укрылся в другой палатке.

Дюгеклен вызвал начальника полевой стражи бретонцев.

– Ты отрежешь эту голову, – сказал он, показывая на тело дона Педро, – а вы, Виллан Заика, доставите ее в Толедо. Таков обычай этой страны: узурпаторы славы мертвых тем самым теряют право нарушать мир в королевстве и смущать покой живых.

Едва он успел договорить, как из крепости явился испанец и от имени управителя замка сообщил, что гарнизон сложит оружие в восемь часов вечера, согласно условиям, поставленным парламентом коннетабля.

XXVII. Решение Мавра

Палатка была разрублена, и всю эту столь жуткую и так стремительно разыгравшуюся сцену могли наблюдать из замка Монтель, видеть неистовство ее главных действующих лиц.

Мы уже знаем, что во время переговоров, выслушивая предложения парламентаря, Мотриль часто поглядывал в сторону равнины, где что-то привлекало его внимание.

Аженор пытался убедить мавра, что бретонцы не знают имен скрывшихся ночных беглецов, и преуспел в этом. Эта новость успокоила Мотриля, ибо ночная тьма не позволила людям в замке видеть исход побега; бретонцы, устраивая засаду, старались ничем не нарушать тишину.

Поэтому Мотриль должен был поверить, что дон Педро в безопасности.

Вот почему он сначала отверг предложения Молеона. Но, глядя на равнину, мавр – глаз у него был очень острый – заметил трех лошадей, блуждавших в зарослях вереска, и без всякого сомнения узнал среди них быстрого белого коня дон Педро; это благородное животное вынесло хозяина с поля битвы при Монтеле, а теперь должно было его умчать от преследования врагов.

Бретонцы, опьяненные успехом, схватили всадников, но забыли про коней; те, почувствовав себя свободными и

испугавшись внезапного нападения, преодолели земляные укрепления и убежали в поле. Остаток ночи они, пощипывая траву и резвясь, провели в полях; однако на рассвете чутье, а может быть, преданность людям, снова привели их ближе к замку, туда, где их увидел Мотриль.

Кони вернулись не той окольной дорогой, по которой умчались ночью; теперь от замка их отделял глубокий обрывистый овраг, через который они не могли перебраться. Прячась за скалистыми выступами, они изредка смотрели на замок Монтель, потом снова принимались объедать в углублениях скал мох и душистые кусты мадрониоса, чьи ягоды цветом и запахом напоминают землянику.

Заметив коней, Мотриль побледнел и засомневался в правдивости Аженора. Тогда-то он принялся спорить об условиях сдачи замка и добиваться того, чтобы Аженор обещал ему жизнь.

Потом перед Мотрилем во всем ее ужасе предстала сцена в палатке. Он узнал золотого льва на шлеме Энрике де Трастамаре, разглядел огненно-рыжие волосы дона Педро, его сильные, энергичные жесты, слышал его голос, когда, последний, смертельный крик, громкий и горестный, вырвался из его пронзенного кинжалом горла.

Тогда он и решил задержать Аженора, чтобы взять его в заложники или растерзать на куски; тогда он и впал в отчаяние. И, увидев, как приканчивают дона Педро, не зная ни причин, ни последствий ссоры братьев, он понял, что и ему,

подстрекателю убитого короля, приходит конец.

С этой минуты мавру стала ясна вся тактика Аженора. Молеон обещал ему жизнь для того, чтобы убить его при выходе из Монтея, и беспрепятственно, навсегда завладеть Аиссой.

«Возможно, я погибну, – рассуждал мавр, – хотя я постараюсь выжить, но ты, проклятый христианин, не получишь девушки, либо она вместе со мной достанется тебе мертвой».

Он условился с Родриго умолчать о смерти дона Педро, о которой в замке знали они одни, и велел собрать офицеров Монтея.

Все согласились с тем, что надо сдаваться. Мотриль тщетно пытался убедить этих людей, что лучше погибнуть, чем рассчитывать на милость победителей. Но даже Родриго был против этого.

– Они ненавидят дона Педро, может быть, и других грандов, – пояснил он, – но нас, кого пощадили в бою, таких же испанцев, как и дон Энрике, зачем им убивать, когда слово коннетабля гарантирует нам жизнь. Мы ведь не сарацины, не мавры, и взываем к милосердию того же Бога, что и наши победители.

Мотриль прекрасно понял, что все кончено. С покорностью, свойственной его соотечественникам, он опустил голову и отгородился ото всех принятым им незыблемым, страшным решением.

Родриго объявил, что гарнизон сдастся немедленно. Мот-

риль добился, чтобы сдача крепости произошла вечером. Люди в последний раз подчинились его воле.

После этого к Дюгеклену прибыл парламентар с предложением сдать крепость в восемь часов вечера.

Мотриль, как он сказал Родриго, заперся в покоях управителя замка, чтобы предаться молитве.

– Выведите гарнизон в назначенный час, то есть вечером, – сказал он, – сперва солдат, затем младших офицеров, далее офицеров и выходите сами. Я пойду последним вместе с доньей Аиссой.

Оставшись один, Мотриль открыл дверь в комнату Аиссы.

– Вы видите, дитя мое, что все идет согласно нашим желаниям, – обратился он к ней. – Дон Педро не только уехал, он убит.

– Убит?! – воскликнула девушка, охваченная ужасом, в котором все-таки оставалось некое сомнение.

– Хорошо, убедитесь сами, – невозмутимо сказал Мотриль.

– О нет! – прошептала Аисса, разрываясь между страхом и желанием узнать правду.

– Не бойтесь, Аисса, и не медлите, я хочу, чтобы вы сами увидели, как обожаемые вами христиане обходятся со своими побежденными врагами и пленными!

Он увлек девушку из комнаты на площадку замка и показал ей палатку Виллана Заики, в которой еще валялся труп короля.

В ту минуту когда безмолвная и бледная Аисса созерцала это жуткое зрелище, перед телом на колени опустился мужчина и, взмахнув бретонским резаком, отсек дону Педро голову.

Аисса громко вскрикнула и почти без чувств упала на руки Мотриля.

Тот отнес Аиссу назад в комнату и, стоя на коленях у ее кровати, говорил:

– Дитя, ты видела, ты знаешь, меня ждет та же участь, что выпала дону Педро. Христиане предложили мне сдать крепость и гарантировали жизнь, но ведь они обещали сохранить жизнь и дону Педро. Вот как они держат свое слово! Ты молода и неопытна; хотя сердце у тебя чистое, а ум ясный, дай мне совет, как быть, прошу тебя.

– Я? Давать вам советы...

– Ты же знаешь христианина...

– Да, христианина, который не нарушит своего слова и спасет вас, потому что он любит меня! – воскликнула Аисса.

– Ты в это веришь? – спросил Мотриль, мрачно покачав головой.

– Уверена, – ответила девушка в восторге любви.

– Дитя! – возразил Мотриль. – Разве он пользуется какой-либо властью среди своих? Он простой рыцарь, и над ним стоят офицеры, маршалы, коннетабль, король! Я согласен, что он хочет простить, но другие безжалостны, они не пощадят нас!

– И меня тоже? – воскликнула девушка в порыве эгоизма, которого она не смогла сдержать; возглас Аиссы раскрыл перед мавром душу девушки, опасную для него глубину этой души, и доказал необходимость быстрого решения.

– Вас не убьют, вы красивая и привлекательная девушка, – ответил Мотриль. – Эти офицеры, маршалы, коннетабль, король простят вас, надеясь заслужить вашу улыбку или какую-нибудь еще более приятную награду! О, они мужчины галантные, эти французы и испанцы! – с грустной улыбкой прибавил он. – Я им не нужен! Я ведь для них опасный человек, они пожертвуют мной...

– А я повторяю, что с нами Аженор, который защитит мою честь ценой своей жизни.

– А если он погибнет, что будет с вами?

– Моим спасением станет смерть...

– Ну нет! Я смотрю на смерть с меньшей покорностью, чем вы, Аисса, потому что я ближе к ней.

– Клянусь, я спасу вас.

– Чем вы клянетесь?

– Своей жизнью... Кстати, вы ошибаетесь, я повторяю вам это, Мотриль, насчет того влияния, которым может пользоваться Аженор. Король его любит, он хороший слуга коннетабля, ему доверили важную миссию в Сории, вы знаете...

– Да, и вам тоже, по-моему, это известно, – сказал мавр, бросив на нее взгляд, исполненный угрюмой ревности.

Аисса покраснела от стыда и страха, вспомнив, что для

нее Сория была именем ее любви и несказанных наслаждений. И продолжала:

– Поэтому мой рыцарь спасет нас. Если потребуется, я поставлю перед ним это условие.

– Послушайте же меня, дитя! – вскричал Мотриль, раздраженный этим упрямством влюбленной, которое мешало ему осуществить все то, что он задумал. – Аженор несколько не способен спасти нас с вами, хотя он и приходил сюда только что...

– Приходил! – воскликнула Аисса. – И вы не сказали мне об этом...

– Я не хотел, чтобы все видели вашу любовь... Вы забываете о своем достоинстве, девушка! Он приходил, говорю я, умолять меня найти способ избавить вас от бесчинств христиан. Такой ценой он обещал защитить меня.

– Каких бесчинств? Они хотят опозорить меня, которая станет христианкой?!

Мотриль хотел закричать на нее, но повелительная необходимость заставила его приглушить яростный окрик.

– Как же мне быть? – спросил Мотриль. – Посоветуйте мне, время не ждет. Сегодня вечером крепость будет сдана христианам, сегодня вечером я буду мертв, а вы станете принадлежать командирам неверных как часть добычи.

– Но что на самом деле сказал Аженор?

– Он предложил ужасный способ, который подтвердит вам, насколько велика опасность.

– Способ спастись?

– Да, бежать.

– Каким образом?

– Посмотрите в окно. Вы видите, что монтельская скала с этой стороны очень крутая, неприступная и ведет на дно глубокого оврага, так что ставить охрану в этом месте ни к чему, ибо только птицы, летая, и ужи, ползая, могут спуститься или подняться по этим скалам. Впрочем, с тех пор как французы перестали охотиться за доном Педро, они совсем сняли здесь часовых.

Аисса с испугом устремила взгляд в эту пропасть, которая зияла в надвигающихся сумерках как черная дыра.

– Что же делать?

– Как что? Француз посоветовал мне привязать веревку к решетке окна, сбросив ее конец в овраг... Так мы хотели сделать это для дона Педро, и он выбрался бы отсюда, если бы смог найти внизу коня... Француз посоветовал мне, взяв вас на руки, обвязаться веревкой и спуститься в овраг в тот момент, когда армия христиан будет занята у ворот замка, принимая гарнизон, который выйдет к ним без оружия в восемь часов вечера.

Аисса – глаза у нее горели, губы дрожали – выслушала мавра и снова подошла к окну взглянуть в зияющую бездну.

– Неужели Аженор дал вам такой совет? – спросила она.

– Когда мы спустимся, прибавил он, он будет ждать нас и облегчит наше бегство, – ответил Мотриль.

– Как? Он покинет нас... оставит меня наедине с вами!

Мотриль побледнел.

– Вовсе нет, – сказал он. – Видите, на той стороне оврага пасутся в поле лошади.

– Да, да, вижу.

– Француз наполовину уже сдержал свое обещание. Он прислал нам лошадей... Сколько их, Аисса?

– Три.

– Ну а сколько же тогда будет беглецов?

– О да! Поняла! – воскликнула Аисса. – Вы, я и он! Благодарю вас, Мотриль! Вы знаете, я готова броситься в огненную пропасть, лишь бы бежать вместе с ним... Мы уедем.

– А вы не побоитесь?

– Нет, ведь меня ждет он!

– Поэтому будьте наготове, как только барабаны и трубы возвестят о начале вывода гарнизона...

– А где веревка?

– У меня. Она выдержит груз в три раза больший, чем мы с вами, а ее длину я промерил, опустив в овраг бечевку со свинцовым грузилом. Вы будете храброй и сильной, Аисса?

– Для меня это будет поездкой на свадебный пир с моим рыцарем, – ответила охваченная радостью девушка.

XXVIII. Голова и рука

На замок Монтель опустился темный и холодный вечер, который, словно мокрый саван, окутал все вокруг, смазал все краски.

В половине девятого трубачи сыграли сигнал, и можно было видеть, как вереница горящих факелов медленно потянулась по крутой каменистой дорожке, выводящей к главным воротам.

Солдаты и офицеры гарнизона появлялись один за другим, сдавая оружие; перед насыпным валом их благожелательно встречали коннетабль и командиры христиан, следившие, как люди выходили из крепости и выносили поклажу.

Вдруг Мюзарона осенила одна мысль; подойдя к своему господину, он зашептал:

– У проклятого мавра есть казна, он способен выбросить сокровища в пропасть, чтобы они нам не достались. Я обойду вокруг замка, ведь я все вижу в темноте, как кошка, хотя для меня не слишком большое удовольствие смотреть, как сдаются в плен эти трусливые испанцы.

– Ступай, – согласился Аженор. – Есть сокровище, которое Мотриль в пропасть не бросит, и оно мне дороже всего на земле! Его-то я и поджидаю у этих ворот и захвачу тотчас, как оно появится.

– Ну что ж! Поглядим! – недоверчиво проворчал Мюза-

рон, который спустился в заросший вереском ров и исчез.

Из замка продолжали выходить солдаты; за ними пошла кавалерия: две сотни лошадей было трудно свести вниз по обрывистым тропам Монтеля.

Сердце Молеона сгорало от нетерпения. Роковое предчувствие, словно острое копья, пронзило его мозг.

«Я с ума схожу, – думал он. – Я дал Мотрилю слово, он знает, что жизнь ему обеспечена, знает, что, если с девушкой случится несчастье, он подвергается самым страшным пыткам. К тому, же Аисса, видевшая мое знамя, должна принять меры предосторожности... Скоро она появится, я увижу ее... Я с ума сошел...»

Вдруг на плечо Аженора опустилась рука Мюзарона.

– Сударь, пойдёмте скорее, – шепнул он.

– Что случилось? На тебе лица нет.

– Пойдёмте, сударь, во имя Неба. Случилось то, что я и предполагал. Мавр выбирается из замка через окно.

– Ну и хорошо! Мне-то какое дело?

– Боюсь, что для вас дело очень важное... Мне показалось, что из окна спускают не сундуки, а что-то живое...

– Надо поднять тревогу.

– Сохрани вас Бог. Мавр, если это он, будет защищаться, прикончит кого-нибудь... Солдаты – народ грубый, они ведь не влюблены и не пощадят никого. Давайте сами займёмся нашими делами.

– Ты совсем рехнулся, Мюзарон, из-за каких-то жалких

сундуков ты хочешь заставить меня упустить первый взгляд Аиссы.

– Я пойду один, – нетерпеливо возразил Мюзарон, – и, если меня убьют, вина ляжет на вас.

Аженор промолчал. Он незаметно выбрался из группы офицеров и приблизился к земляному валу.

– Скорей, скорей! – закричал тогда оруженосец. – Постараемся успеть! Аженор пошел быстрее. Но бежать в этих зарослях лиан, колючек и кустов было невозможно.

– Видите? – спросил Мюзарон, показывая своему господину на белую фигуру, которая медленно спускалась вдоль черной скалы на дно оврага.

Аженор вскрикнул.

– Это ты, Аженор? – спросил нежный голос.

– Ну-с, сударь, что вы теперь скажете? – прошептал Мюзарон.

– Молчи! – вскричал Молеон. – Бежим быстрее к оврагу, захватим их врасплох...

– Где ты, Аженор? – повторила Аисса, которую Мотриль пытался заставить замолчать, еле слышно высказывая какие-то твердые приказы.

– Давайте, сударь, ляжем на краю оврага, не будем отвечать и показываться им.

– Но они уйдут через овраг!

– Пустяки! Мы всегда легко догоним девушку, ведь она сама лишь того и хочет, чтобы ее догнали. Давайте ляжем,

дорогой мой сеньор.

Но Мотриль вслушивался в темноту; так, выходя из пещеры, настороженно прислушивается тигр, несущий в зубах добычу. Мотриль больше ничего не услышал, осмелел и быстро стал взбираться по склону глубокого рва. Одной рукой он держал Аиссу, увлекая ее за собой, другой – цеплялся за деревья и корни. Выбравшись наверх, он остановился перевести дух.

Тут Аженор вскочил и закричал:

– Аисса! Аисса!

– Я была уверена, что это он! – воскликнула девушка.

– Христианин! – злобно вскричал Мотриль.

– Но там же Аженор, пойдете туда, – сказала Аисса, пытаясь вырваться из рук Мотриля и бежать к возлюбленному.

Вместо ответа Мотриль еще крепче прижал ее к себе и потащил в ту сторону, где он видел коня дона Педро.

Аженор бежал следом, но спотыкался на каждом шагу, и Мотриль опередил его, первым подбежав к одной из лошадей.

– Сюда! Сюда! – кричала Аисса. – Ко мне, Молеон, скорее!

– Если ты скажешь еще хоть одно слово, ты погибла, – шепнул ей на ухо Мотриль. – Неужели ты хочешь своими глупыми криками привлечь всех сюда? Ты хочешь, чтобы твой возлюбленный не смог встретиться с нами?

Аисса замолчала. Мотриль нашел коня, схватил его за

гриву, вскочил в седло и, бросив перед собой девушку, поскакал галопом. Это был конь одного из офицеров, захваченных вместе с доном Педро.

Молеон услышал топот копыт и взревел от ярости.

– Он убегает! Убегает! Аисса! Аисса! Ты слышишь меня?

– Сюда! Я здесь! – ответила девушка, но ее голос приглушила плотная вуаль, которой Мотриль, рискуя задушить Аиссу, зажал ей рот.

Нечеловеческим усилием Аженор пытался догнать коня, но, обессиленный, почти бездыханный, упал на колени.

– О Боже, ты несправедлив, – прошептал он.

– Сударь! Сударь! Вот лошадь! – крикнул Мюзарон. – Смелее, идите ко мне, я ее держу.

Аженор подскочил от радости, вновь обретя свои силы, вставил ногу в стремя, которое держал Мюзарон, и вихрем помчался вдогонку за Мотрилем.

Его конь оказался тем великолепным скакуном в огненно-рыжих пятнах, которому не было равных во всей Андалусии; так что, пожирая пространство, Аженор нагонял Мотриля и кричал Аиссе:

– Мужайся, я с тобой!

Мотриль царапал кинжалом бока своего коня, который ржал от боли.

– Отдай мне Аиссу! Я ничего тебе не сделаю, – кричал Аженор мавру. – Отдай ее мне. Клянусь Богом всемогущим, я отпущу тебя.

Мавр ответил презрительным смехом.

– Аисса! Вырвись из его объятий, Аисса!

Девушка задыхалась и испускала отчаянные вопли под сильной рукой, зажавшей ей рот.

Наконец Мотриль почувствовал за спиной обжигающее дыхание коня дона Педро; Аженор сумел ухватиться за платье возлюбленной и резко потянул ее к себе.

– Отдай ее мне, или я убью тебя, – крикнул он сарацину.

– Отпусти ее, христианин, или ты погиб.

Аженор правой рукой крепко держал белое шерстяное платье, а левой занес меч над головой Мотриля; мавр боковым ударом кинжала отсек Аженору кисть правой руки.

Эта ладонь так и не выпустила платья, а Аженор издал такой душераздирающий крик, что его вдалеке услышал Мюзарон, тоже закричавший от ярости.

Мотриль подумал, что он сможет уйти от погони, но его теперь преследовал не Аженор, а конь, разгоряченный скачкой; впрочем, гнев удвоил силы молодого человека, его меч снова взлетел в воздух, и, если бы Мотриль не бросил коня в сторону, ему пришел бы конец.

– Отдай ее мне, сарацин, – ослабевшим голосом прохрипел Аженор. – Ты же знаешь, что я убью тебя. Отдай мне Аиссу, я люблю ее!

– Я тоже люблю ее! – ответил Мотриль, снова пришпоривая коня.

Из тьмы донесся голос Мюзарона.

Славный оруженосец нашел третьего коня и напрямик, по колючим кустам и камням, мчался на помощь своему господину.

– Я здесь, мужайтесь, сеньор! – кричал он. Мотриль обернулся и понял, что ему конец.

– Ты хочешь эту девушку. – прошипел он.

– Да, я хочу ее, и она будет моей!

– Ну что ж! На, возьми...

Имя «Аженор», сопровождаемое приглушенным хрипом, вырвалось из-под вуали, и что-то тяжелое, за которым длинными волнистыми складками тянулся белый шарф, упало под копыта коня Аженора.

Молеон спрыгнул на землю, чтобы подхватить то, что бросил ему Мотриль. Он опустился на колени, чтобы поцеловать вуаль, скрывавшую лицо его возлюбленной.

Но, взглянув на нее, Аженор, потеряв сознание, рухнул на землю.

Когда в мертвенном свете зари открылась эта жуткая картина, можно было увидеть бледного, как призрак, рыцаря, припавшего губами к холодным, посиневшим устам отрубленной головы Аиссы, которую швырнул ему мавр.

В трех шагах от Аженора плакал Мюзарон. Преданный слуга ухитрился перевязать рану своего господина, который долго лежал без чувств; вопреки его желанию, Мюзарон спас рыцаря.

Шагах в тридцати валялся Мотриль (войдя в висок, его

голову насквозь пронзила меткая, смертельная стрела храброго оруженосца), так и не выпустивший из рук изуродованный труп Аиссы.

Даже мертвый, он улыбался своему торжеству.

В густой траве бродили две лошади.

Эпилог

Славный рыцарь с железной рукой ошибся, определив в неделю продолжительность рассказа о своих подвигах и страданиях. Он принадлежал к тем людям, что рассказывают быстро, ибо владеют метким, ярким словом, и к тому же во-круг увлеченного рассказчика никогда не собирались столь понимающие и восприимчивые слушатели.

Надо было видеть, как каждый из них, словно разыгрывая пантомиму, вторящую повествованию рыцаря, переживал все чувства, которые тот выражал сильными, хотя и наивными, словами.

Глаза Жана Фруассара, пожиравшего каждое слово, то сияли радостью, то увлажнялись слезами, и казалось, будто он воочию видит пейзажи, небеса, события; все сказанное отражалось в его умном взгляде.

А мессир Эспэн, когда рыцарь рассказывал о битвах, вздрагивал, словно ему слышались фанфары испанцев или трубы мавров.

Лишь оруженосец словоохотливого рыцаря неподвижно застыл в самом темном углу комнаты и хранил молчание.

Когда и перед ним всплывало множество воспоминаний, приукрашенных живописной речью его господина, он сидел, склонив голову на грудь, но изредка оживлялся, если рассказывалось о каком-нибудь геройском его поступке или если

рыцарь так возбуждался, что слушатели начинали опасаться, как бы ему не стало плохо.

Одиннадцать часов, долгих ночных часов прошли или, вернее, промелькнули, словно искры от сухой виноградной лозы, горевшей в камине, развеялись как дым от масляных ламп и свечей, клубы которого висели под потолком.

Ближе к концу рассказа сердца слушателей сжались, а глаза стали влажными от слез.

Заметно дрожавший голос шеваље де Молеона отчеканивал каждую фразу и, как это делает кисть вдохновенного художника, выразительными мазками передавал каждое чувство.

Мюзарон смотрел на него любящим, печальным взглядом и с непринужденностью, гораздо более позволительной другу, нежели слуге, опустил руку ему на плечо.

– Довольно, сударь! – сказал он. – Полно вам, успокойтесь.

– Ты прав! – прошептал рыцарь. – Этот пепел еще не остыл. Он обжигает, когда его ворошишь!

По щекам летописца скатились две слезы, вызванные состраданием и, вероятно, небескорыстным интересом, хотя какой-то недоброжелатель – из тех, кто всегда старается опорочить благороднейшие намерения историков и романистов, – эти слезы приписал бы радости Жана Фруассара от того, что ему довелось услышать столь прекрасный рассказ из уст главного его героя.

Когда история была рассказана, солнце уже освещало ост-

роверхую крышу постоялого двора и покрытые молодой зеленью деревья.

При солнечном свете Жан Фруассар смог разглядеть лицо рыцаря: оно вполне заслуживало внимания человека, посвятившего себя познанию людей.

Думы, а скорее всего, страдания избороздили умный и благородный лоб Молеона глубокими складками. В уголках глаз уже наметились сеточки тонких морщинок, похожих на ниточки, за которые потянет смерть, чтобы закрыть ему веки. Судя по его взгляду, бастард не требовал от своих гостей ни одобрений, ни утешений.

– Какая трогательная история! – воскликнул Фруассар. – Как живо она изображена! Какой пример великой доблести!

– Все это в могиле, метр, – ответил рыцарь, – все давно мертво. Донья Аисса, этот бесконечно дорогой мне человек, не единственная, кого я должен оплакивать: могилы всех, кого я любил, всех, с кем дружил, разбросаны в разных местах. Когда он, – прибавил рыцарь, нежно посмотрев на своего оруженосца, сидевшего опершись на спинку стула, – когда он, который, увы, старше меня, смежит глаза, у меня никого не останется на земле, и, клянусь Богом, теперь я больше никого не смогу полюбить, ибо, сир Жан Фруассар, сердце мое мертво, потому что за несколько лет я пережил слишком многое...

– Но, слава Богу, – перебил его Мюзарон, стараясь говорить непринужденным, веселым голосом, хотя его душило

волнение, – слава Богу, я чувствую себя прекрасно, рука моя тверда, а глаз меток, стрелу я посылаю так же далеко, как и раньше, и лошадь меня ничуть не утомляет.

– Господин рыцарь, надеюсь, вы позволите моему недостойному перу запечатлеть те доблестные подвиги и сердечные горести, о коих я услышал из ваших уст? – осведомился Фруассар. – Ведь вы окажете мне великую честь, для меня это и сладостная, и горькая радость.

Молеон поклонился.

– Но, заклинаю вас любовью Иисуса, не отчаивайтесь, славный рыцарь, – продолжал Фруассар. – Вы еще молоды, красивы и, должно быть, не лишены тех благ мирских, которые полагается иметь благородному человеку и великодушному сердцу. У добрых людей всегда есть друзья.

Рыцарь печально покачал головой. А Мюзарон повел плечами с таким недоумением, что ему позавидовали бы и стоик Эпиктет,¹⁹² и скептик Пиррон.¹⁹³

– Если человек выделяется в армии доблестью, а на совете сильных мира сего мудростью, если рука его разит твердо, а ум мыслит здраво, то человеком таким дорожат, – продолжал Фруассар. – Если человека приближают ко двору, то его не обходят милостями, а вам, сеньор де Молеон, благоволят два двора, оспаривая друг у друга удовольствие сделать вас

---

¹⁹² Эпиктет (ок. 50 – ок. 140) – греческий философ-стоик.

¹⁹³ Пиррон (из Элиды; IV в. – нач. III в. до н. э.) – древнегреческий философ, основатель школы скептиков.

богатым и знатным... Если бы Испания добилась преимущества над Францией, у вас было бы графство по ту сторону Пиренеев, а не поместье барона на родине.

– Сир Фруассар, дело в том, что в тринадцатый день июля тысяча триста восьмидесятого года величайшее горе постигло Францию, – глубоко вздохнув, с большим спокойствием возразил Молеон. – В тот день отлетела к Господу одна душа, которая несомненно была самой благородной и самой доброй из всех, посещавших когда-либо сей мир... Увы, сир Жан Фруассар, отлетая, она коснулась моей груди, ибо я, стоя на коленях, держал в руках голову доблестного коннетабля и голова эта похолодела на моей груди.

– Какое горе! – вздохнул Фруассар.

– Какое горе! – повторил, благоговейно перекрестившись, Эспэн, а Мюзарон насупил брови, чтобы слишком явно не расчувствоваться при этом воспоминании.

– Да, мессир! Когда коннетабль Бертран Дюгеклен умер в Шатонёф-де-Рандон, – он, кто казался богом битв, умер! – когда армия осталась без полководца и вождя, я почувствовал, что меня покидают последние силы: слишком многим моя жизнь была обязана ему, а мое сердце всеми своими фибрами было связано с его сердцем.

– У вас же, господин рыцарь, оставался добрый король Карл Мудрый...

– Мне пришлось оплакивать его смерть в то время, когда я еще скорбел о кончине коннетабля... И от этих двух ударов

я не оправился.

Я повесил меч и щит на стене в доме, который мне завещал мой дядя, и схоронил там на четыре года свою боль и свои воспоминания.

Тем временем при новом царствовании Франция помолодела, иногда я видел, как мимо проезжают веселые рыцари, и слышал, как они распевают новые песни менестрелей...¹⁹⁴ О, мессир, как жестоко ранили мое сердце эти труверы, что, переезжая через Пиренеи, пели по-испански на грустный мотив романса строки из баллады о Бланке Бурбонской и великом магистре доне Фадрике:

Девственницей умираю. Хоть стояла под венцом. О Кастилия, скажи мне, В чем я виновата? В чем?

– Как, сеньор! – воскликнул Фруассар. – И все пережитое не сблизило вас с испанским двором, с королем Энрике, который царствует со славой и так сильно вас любит!

– Сеньор летописец, пришло время, когда моей бедной горячей голове не могло сниться ничего другого, кроме Испании. О всех моих прошлых подвигах я сохранял довольно туманные, весьма печальные воспоминания, чтобы я мог приписывать их последствиям сна. Мне, действительно, казалось, что мою жизнь рассек надвое долгий сон, и не будь Мюзарона, который иногда говорил: «Да, сеньор, это правда,

---

¹⁹⁴ Менестрель – профессиональный певец и музыкант в средневековой Франции и других странах, обычно состоящий при дворе феодального сеньора. Часто синонимами слова «менестрель» выступают слова «трувер», «трубадур».

что мы видели все то, о чем поют эти люди», – без Мюзарона, повторяю, я поверил бы в волшебство...

Каждую ночь мне снилась Испания; я снова видел Толедо и Монтель, пещеру, из которой мы увидели умирающего Хафиза, куда зашел укрыться Каверлэ. Я видел Бургос, пышное великолепие двора и Сорию! Мне чудилась Сория, сеньор, и восторги любви... Моя жизнь сгорала в страстных желаниях и жутких видениях. Это было наваждение, это была какая-то лихорадка.

Однажды рядом раздался громкий сигнал фанфар. Это шли отряды его светлости Людовика Бурбонского,¹⁹⁵ направлявшегося в Испанию ко двору короля Энрике, который попросил помощи у Франции, опасаясь потерпеть поражение в войне с Португалией.¹⁹⁶

Герцог Бурбонский слышал разговоры о рыцаре, который воевал в Испании и знал много тайн о походе туда наемных отрядов. Я увидел, как мой маленький двор заполнили пажи и рыцари, что сильно удивило моих слуг.

Сам я стоял у окна и едва успел сбежать во двор, чтобы поддержать стремя герцогу. После этого его светлость с изысканной учтивостью расспросил меня о моем ранении и моих приключениях; он пожелал услышать рассказ о смерти

---

¹⁹⁵ Людовик Бурбонский (ум. в 1408 г.) – брат королевы Кастилии Бланки Бурбонской, супруги короля Педро I Жестокого.

¹⁹⁶ Война короля Энрике с Португалией велась в середине 70-х гг. XIV в., была недолгой и в целом успешной для Кастилии.

дона Педро, о моей схватке с мавром; но все, что касалось доньи Аиссы, я от него скрыл.

Восхищенный рассказом, герцог просил, даже умолял меня ехать вместе с ним. Я был тоща в состоянии какого-то помрачения, когда жизнь казалась мне сном, и мне захотелось понять себя, я сгорал от желания снова увидеть Испанию. Кстати, звук фанфар кружил мне голову, а Мюзарон пожирал меня глазами и уже сжимал в руке свой арбалет.

– Соглашайтесь, Молеон, соглашайтесь! – сказал герцог.

– Я еду, ваша светлость, – ответил я. – К тому же король Испании будет рад вновь увидеть меня.

Мы отправились, скажу я вам, почти с радостью... Ведь я ехал поклониться этой земле, которую оросила кровь моя и моей возлюбленной... О, господи, как прекрасна память! Многие люди умеют переживать событие лишь один раз, да и то с большим трудом, для других вечно повторяются дни, которые они уже утратили.

Спустя две недели после отъезда мы были в Бургосе, а еще через две недели приехали в Сеговию, где располагался двор...

Я вновь увидел короля Энрике, сильно постаревшего, но по-прежнему стройного и величественного. Не знаю, чем объяснить тайную неприязнь, что отталкивала меня от него, человека, которого я горячо любил в те времена, когда молодость с ее золотыми мечтами заставляла меня считать его благородным и несчастным, иначе говоря, безупречным...

При новой встрече я прочел на его лице жестокость и скрытность.

«Жаль, – думал я, – что корона так сильно изменяет лицо и душу».

Но Энрике изменила не корона, просто мой взгляд сумел разглядеть тени, отбрасываемые этой короной!

Первое, что король показал герцогу в Сеговии, была башня, а в ней – железная клетка, где он держал сыновей дона Педро и Марии Падильи. Несчастные росли бледными и голодными в узком, окруженном железными прутьями загоне; им вечно угрожало копье часового, их всегда оскорбляла жестокая ухмылка надзирателя или посетителя.

Один из этих мальчиков, господа, был как две капли воды похож на своего несчастного отца. Он бросал на меня такие терзающие сердце взгляды, как будто в его теле укрылась душа дона Педро и, зная обо всем, молчаливо обвиняла меня в своей смерти и горестях королевского потомства.

Однако этот мальчик, вернее юноша, ни о чем не ведал и не знал, кто я, он смотрел на меня отрешенно, в его взгляде не было мольбы, но во мне заговорила совесть, тогда как совесть короля дона Энрике молчала.

Король, державший герцога Бурбонского за руку, подвел его к клетке и сказал:

– Вы видите детей того, кто казнил вашу сестру. Если вы хотите их убить, я отдам их вам.

– Государь, дети не виноваты в преступлениях их отца, –

ответил ему герцог.

Я заметил, что король нахмурился и приказал снова запечатать клетку.

Я с удовольствием расцеловал бы герцога – честного сеньора. Вот почему, когда его светлость после осмотра клетки хотел представить меня королю – он очень пристально смотрел на меня – я ответил:

– Нет! Нет! Я не смогу с ним говорить!

Но король меня узнал. В присутствии всего двора он подошел ко мне, назвав меня по имени, что при любых других обстоятельствах заставило бы меня расплакаться от радости и гордости.

– Господин рыцарь, я должен исполнить данное вам обещание, – сказал король. – Напомните мне какое.

– Нет, нет, государь, – пролепетал я, – вы ничего не обещали.

– Хорошо, завтра я вам скажу об этом, – ответил король с приветливой улыбкой, но я не мог забыть о том, каким жестоким взглядом смотрел он на заточенных в клетку детей.

– В таком случае, государь, позвольте мне сразу же попросить вас, – сказал я. – Ваша светлость, вы ведь когда-то обещали оказать мне милость?

– И я сдержу свое обещание, господин рыцарь.

– Окажите мне милость, государь, и даруйте свободу этим несчастным детям.

Король Энрике метнул на меня горящий гневом взгляд и

ответил:

– Нет, господин рыцарь, просите что угодно, только не это.

– Это мое единственное желание, ваше величество.

– Оно неосуществимо, господин де Молеон. Я обещал оказать вам милость, которая обогатит вас, а не разорит меня.

– Тогда, ваше величество, мне ничего не надо, – ответил я.

– Подождем все-таки до завтра, – сказал король, пытаясь удержать меня при дворе.

Но я не стал ждать до завтра. Испросив разрешение у герцога, я тотчас же уехал во Францию и задержался в Испании всего лишь на четверть часа, чтобы неподалеку от замка Монтель помолиться на могиле доньи Аиссы.

Мы, мой отважный Мюзарон и я, бедняками отправились в путь. Мы и вернулись к себе бедняками, тогда как другим удалось изрядно разбогатеть. Таков конец моей истории, господин летописец. Прибавьте к сему, что я терпеливо ожидаю смерти, она должна соединить меня с моими друзьями.

Я совершил мое ежегодное паломничество на могилу дяди и теперь возвращаюсь домой. Если вам доведется проезжать мимо моего дома, господа, вы будете желанными гостями и окажете мне большую честь... У меня небольшой замок, выстроенный из кирпича и камня, с двумя башнями, за ним висится роща дубов. В здешних местах его знает каждый. Сказав это, Аженор де Молеон учтиво простился с Жаном Фруассаром и Эспэном, потребовал своего коня и нето-

ропливо, спокойно двинулся по дороге, ведущей к его дому; за ним ехал Мюзарон, который заплатил за ночлег и ужин.

– Эх! – вздохнул Эспэн, глядя вслед Аженору. – Какие прекрасные возможности были в давние дни у людей! Славное было время! И какие благородные сердца!

«Мне понадобится неделя, чтобы записать все это, славный рыцарь был прав, – думал Фруассар. – Но сумею ли я написать так же хорошо, как он рассказывал?»

Вскоре после рассказанных событий оба сына дона Педро и Марии Падильи – красивые в мать и гордые в отца – умерли в Сеговии в железной клетке. А Генрих II Трастамаре царствовал счастливо и основал династию.¹⁹⁷

---

¹⁹⁷ Король Генрих II царствовал в 1368–1379 гг. Основанная им династия Трастамаре находилась на престоле королевства Кастилии и Леона до конца XV в. Однако полное признание власти потомков Энрике произошло лишь в 1388 г., когда его внук, тогда наследник кастильского престола, будущий король Генрих III, женился на законной наследнице Педро, его внучке Констансе.